

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Ю. М. Антонян**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков**,
доктор юридических наук, профессор
- Е. Н. Бегалиев**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)
- А. Р. Белкин**,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- Е. В. Богданов**,
доктор юридических наук, профессор
- Г. А. Василевич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)
- А. А. Власов**,
доктор юридических наук, профессор
- К. К. Гасанов**,
доктор юридических наук, профессор
- В. И. Елинский**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ
- А. Е. Епифанов**,
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАЕН
- О. В. Зиборов**,
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов**,
доктор юридических наук, профессор
- О. Ю. Ильина**,
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников**,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян**,
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- Н. Н. Карпов**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ
- О. Г. Карпович**,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
- А. И. Клименко**,
доктор юридических наук, профессор
- Н. А. Колоколов**,
доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- Yu. M. Antonyan**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- E. N. Begaliev**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)
- A. R. Belkin**,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- G. A. Vasilevich**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- K. K. Gasanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. I. Elinskiy**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia
- A. E. Epifanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS
- O. V. Ziborov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. Yu. Il'ina**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- N. N. Karpov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia,
Honored Worker of Prosecutor of Russia
- O. G. Karpovich**,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
- A. I. Klimenko**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. A. Kolokolov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

М. В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiyev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

M. V. Saudahanov,
Candidate of Legal Sciences

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАЕН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАЕН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

М. М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

M. M. Maksimtsov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

А. А. Ласкин,
доктор педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

A. A. Laskin,
Doctor of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 3 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

Аливердиева М. А. Нормативное правовое регулирование права человека на благоприятную окружающую среду: национальное законодательство и международные стандарты	11
Алпатова С. Ю., Павлухин А. Н., Эришвили Н. Д. Уголовная ответственность несовершеннолетних за нарушения антиалкогольного законодательства за рубежом	19
Арзуманян Д. А. Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках удостоверения медиативных соглашений	25
Ахмедов Р. М. Особенности рецепирования греческих богословско-юридических актов древнерусской юридической мыслью	30
Батыров А. Х., Картоев И. М., Гандалоев Р. Б. История развития условий отбывания лишения свободы в российском законодательстве	34
Беляев М. В. Возможности портативных триангуляционных 3Д сканеров в трасологических исследованиях	41
Волынская О. В., Семенкова Е. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в трудах профессора Л. М. Карнеевой и его современные тенденции	46
Григорьева Н. В., Прохорова Е. А., Угольникова Н. В. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: фактическое подозрение или формальные основания?	50
Грошев С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в Древней Руси через призму памятников древнерусского права	55
Груднин Н. С. Совершенствование норм Уголовного кодекса Российской Федерации как драйвер развития уголовно-правовой политики государства	58
Давитадзе М. Д., Иваньшина О. В. Проблемы реализации прав ребенка (детей) в условиях пандемии	62
Дёмин К. Е., Коглина В. А. О необходимости повышения доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз	69
Долгий М. О. Сущность, принципы и цели правового государства: историко-правовой аспект	73
Елесина И. Г., Воронов А. С., Елесина Е. А. Основания наследования в российском наследственном праве	78
Есина А. С., Жамкова О. Е. Карнеева Л. М. о процессуальном статусе подозреваемого: взгляд на проблему через 60 лет	84
Жигарев Е. С. Еще раз о сущности преступности и ее соотношении с преступлением	87
Журавлев В. В. Дисциплинарное принуждение в административной деятельности полиции	95
Злобин С. Г. Криминалистическая характеристика сбыта псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием Интернет-ресурсов	99
Зубова М. В. О новых угрозах внутренней безопасности Российской Федерации	104

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-62944 от 31 августа 2015 г.

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
Н. Д. Эришвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Врио главного редактора
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко, А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГКОУ ВО
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvд.official>

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 80

Подписано в печать
 19.09.2022 г.
 Цена свободная

Казанцев С. Я., Сафин Н. М. Особенности предупреждения молодежного экстремизма.....	111
Качан В. Н. К вопросу об исследовании гильз для релоадинга патронов нарезного огнестрельного оружия	115
Ковтун Н. Н. Привлечение к уголовной ответственности: генезис и развитие научной концепции профессора Л. М. Карнеевой	120
Ковшевацкий В. И. Анализ зарубежного опыта осуществления полицией контрольно-надзорной деятельности по допуску к обращению с ограниченными в обороте предметами и веществами	125
Колоколов Н. А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику	128
Кудряшов Д. А. Об организационных аспектах при назначении ситуалогических судебных экспертиз	142
Мельник С. В., Коломиец С. Р. Проблемы реализации права наследования по закону отдельными категориями граждан	147
Михайленко Н. В., Вихляев А. А. К вопросу о совершенствовании деятельности подразделений по охране общественного порядка при осуществлении коммуникаций с маломобильными группами населения и лицами, не обладающими полной дееспособностью	152
Мичурин О. В. Осмысление сущности и социальной обусловленности принуждения в уголовном судопроизводстве.....	159
Молотков М. Б., Маричева К. Д. Роль пресс-служб управлений на транспорте МВД России в формировании общественного мнения по отдельным проблемам авиационной безопасности	163
Несмиянова И. О. Использование современных информационных технологий в производстве трасологических экспертиз и исследований	169
Олишнев А. Ю. О проблемах регулирования административного судопроизводства в Российской Федерации.....	173
Панкратьев А. Н., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Особенности противодействия налоговым преступлениям, совершаемым путем применения схем «дробление бизнеса».....	177
Петров А. Ю., Елинский В. И. История развития правового регулирования дел о несостоятельности (банкротстве).....	185
Попов Д. А. Криминальное банкротство по законодательству стран Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) на примере Республики Армения	189
Прудников А. С. Некоторые направления по совершенствованию правового регулирования в сфере внешней трудовой миграции	192
Самитова А. А. Проблемы образовательной миграции и пути ее решения	196
Самолаева Е. Ю., Бородкина Т. Н. Проблемы качества и полноты собранных доказательств при расследовании хищения предметов, имеющих особую ценность	201
Саморока В. А. Цель процесса доказывания в уголовном судопроизводстве.....	207
Сарбаев Г. М. К вопросу об источниках римского права	211
Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу о правовом регулировании изъятия вещей и документов как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях	216
Султанов К. А. Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в субъектах Российской Федерации.....	221
Сумин А. А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому.....	228
Титор С. Е. «Простой» или «вынужденный прогул»: анализ причин приостановки производств в связи с экономическими санкциями	231

Тутынин И. Б. Некоторые проблемы уголовно-процессуального доказывания и мер пресечения в работах Л. М. Карнеевой	236
Усанов Д. О., Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л. Конституционно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в законодательстве Швеции	240
Фалилеев О. О. Проблема изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств в российском гражданском праве	246
Харламов С. О., Дурнев В. С. Некоторые аспекты международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран в сфере миграции	249
Чукреев В. А. Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве	254
Шаров Д. В. Сущность уголовного преследования в свете идей профессора Л. М. Карнеевой	259
Шелегов Ю. В., Волженин В. В., Усов Е. Г. Закрепление конституционно-правовой ответственности в нормативно-правовых актах	264

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Гольцев Д. С. Использование современных информационных систем в рамках проведения судебных экономических экспертиз	267
Дианов Д. В., Долбилов А. В. Статистическое моделирование миграционных процессов в Российской Федерации	270
Егорова Е. В., Евраев Л. О. Внутренний контроль и экономическая безопасность	277
Литвиненко А. Н., Лозина Ю. А., Грачев А. В. Инструменты оборонительной контрпропаганды как элемент учебно-воспитательного процесса с обучающимися по специальности «экономическая безопасность»	280
Минаков А. В., Иванова Л. Н. Анализ финансовой устойчивости домашних хозяйств в регионах России	286
Тюрин Ю. Г. Подходы к классификации межбюджетных трансфертов в мировой практике	294
Царахов Я. М. Инфляция доллара США и взгляд на нее с монетаристской точки зрения	298
Яковлев А. А. Ключевые закономерности формирования и последующей динамики цен при анализе рыночной конъюнктуры	302

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Общая педагогика, история педагогики и образования
Методология и технология профессионального образования*

Бибиев А. Ш. К вопросу о подготовке сотрудников полиции приемам и правилам оперативного приведения табельного оружия в боевую готовность	307
Варнаева А. Е. Язык, речь, языковая способность	312
Жевлакович С. С. К вопросу о новых аккредитационных показателях по образовательным программам высшего образования	318
Каибов А.-Н. М. Критерии оценки эффективности системы материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии	326
Чехранов Ю. В. О системе физической подготовки сотрудников полиции в системе МВД России	330
Щукин А. В. Организационно-управленческие мероприятия, направленные на реализацию педагогической технологии физической подготовки в развитии компонентов физического состояния обучающихся в образовательных организациях МВД России	334

Журнал был учрежден в 2007 году с названием «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.) и вот уже более восьми лет является одним из авторитетных и узнаваемых в научном сообществе изданий в области экономики, юриспруденции, педагогики и психологии.

На основании Заключения Президиума ВАК Минобрнауки России «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» был неоднократно включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

В соответствии с Приказом МВД России № 716 от 24 июня 2011 г. Академия экономической безопасности МВД России с 1 сентября 2011 г. была реорганизована путем присоединения к Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя. В результате реорганизации все права на журнал «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» перешли к Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя в порядке правопреемства.

В 2015 году журнал «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» был перерегистрирован с новым названием – «Вестник экономической безопасности».

В настоящее время редакция обновленного журнала продолжает лучшие традиции этого периодического печатного издания.

Подписной индекс Агенства «Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a Science and Technics,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor*

N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Acting Editor-in-Chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2
Tel. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 3 • 2022

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences

Public Law (State Law) Sciences

Private Law (Civil) Sciences

Criminal Law Sciences

International Law Sciences

Aliverdieva M. A. Regulatory legal regulation of the human right to a favourable environment: national legislation and international standards	11
Alpatova S. Yu., Pavlukhin A. N., Eriashvili N. D. Criminal liability of minors for violations of anti-alcohol legislation abroad	19
Arzumanian D. A. Interaction of a lawyer and a notary within the framework of certification of mediation agreements	25
Akhmedov R. M. Features of the reception of Greek theological and legal acts by the Old Russian legal thought	30
Batyrov A. H., Kartoev I. M., Gandaloev R. B. The history of the development of conditions for serving deprivation of liberty in the Russian legislation	34
Belyaev M. V. The possibilities of portable 3D triangulation scanners in tracological research	41
Volynskaya O. V., Semenkova E. V. The institute of involvement of a person as an accused in the works of Professor L. M. Karneeva and its current trends	46
Grigoryeva N. V., Prokhorova E. A., Ugolnikova N. V. A suspect in criminal proceedings in the Russian Federation: factual suspicion or formal grounds?	50
Groshev S. N. Marital and family status of men in Ancient Russia through the prism of monuments of Ancient Russian law	55
Grudin N. S. Enhancement of the legislative norms of the Criminal Code of the Russian Federation as a driver of the development of the criminal law policy of the state	58
Davitadze M. D., Ivanshina O. V. Problems of implementing the rights of the child (children) in the conditions of the pandemic	62
Demin K. E., Koglina V. A. On the need to increase the evidence significance of the results of tracological examinations	69
Dolgiy M. O. The essence, principles and objectives of the rule of law: historical and legal aspect	73
Elesina I. G., Voronov A. S., Elesina E. A. Grounds of inheritance in Russian inheritance law	78
Esina A. S., Zhamkova O. E. Karneeva L. M. on the procedural status of the suspect: a look at the problem in 60 years	84
Zhigarev E. S. Once again about the essence of crime and its relation to crime	87
Zhuravlev V. V. Disciplinary coercion in the administrative activities of the police	95
Zlobin S. G. Criminalistic characteristics of the sale illegal of pseudo-deactivated firearms using Internet-resources	99
Zubova M. V. On new threats to the internal security of the Russian Federation	104

Kazantsev S. Ya., Safin N. M. Features of preventing youth extremism.....	111
Kachan V. N. On the issue of the study of cartridges for reloading cartridges of rifled firearms.....	115
Kovtun N. N. Criminal prosecution: genesis and development of the scientific concept of Professor L. M. Karneeva.....	120
Kovshevatsky V. I. Analysis of foreign experience in the implementation by the police of control and supervisory activities for admission to the handling of restricted items and substances.....	125
Kolokolov N. A. Abuse of criminal procedural law: analyzing investigative and judicial practice	128
Kudryashov D. A. On organizational aspects in the appointment and production of situational forensic examinations	142
Melnik S. V., Kolomiets S. R. Problems of realization of the right of inheritance by law by certain categories of citizens.....	147
Mikhailenko N. V., Vikhlyaev A. A. On the issue of improving the activities of units for the protection of public order in the implementation of communications with people with limited mobility and persons who do not have full legal capacity	152
Michurina O. V. Understanding the essence and social conditionality of coercion in criminal proceedings.....	159
Molotkov M. B., Maricheva K. D. The role of the press services of the transport departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in shaping public opinion on certain problems of aviation security	163
Nesmiyanova I. O. The use of modern information technologies in the production of tracological examinations and research.....	169
Olimpiev A. Yu. On the problems of regulation of administrative proceedings in the Russian Federation.....	173
Pankratiev A. N., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Features of countering tax crimes committed by applications of «business fragmentation» schemes.....	177
Petrov A. Yu., Elinsky V. I. The history of the development of legal regulation of arbitration courts in the case of insolvency (bankruptcy)	185
Popov D. A. Criminal bankruptcy under the legislation of the Eurasian Economic Union (EAEU) on the example of the Republic of Armenia	189
Prudnikov A. S. Some directions for improving legal regulation in the field of external labor migration	192
Samitova A. A. Problems of educational migration and ways of its solution.....	196
Samolaeva E. U., Borodkina T. N. Problems of quality and completeness of the collected evidence in the investigation of theft of items of special value.....	201
Samoroka V. A. The purpose of the evidentiary process in criminal proceedings.....	207
Sarbayev G. M. On the question of the sources of the Roman law.....	211
Sosnovskaya Ju. N., Markina E. V. On the issue of legal regulation of the seizure of things and documents as a measure to ensure the proceedings in cases of administrative offenses.....	216
Sultanov K. A. Administrative and legal aspects of ensuring environmental safety in the subjects of the Russian Federation.....	221
Sumin A. A. Some question of extending the detention of the suspected.....	228
Titor S. E. «Simple» or «forced absenteeism»: analysis of the reasons for the suspension of production in connection with economic sanctions.....	231

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release – 300)
Moscow University of Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 80

Issued
19.09.2022
The price is not fixed

The journal was established in 2007 with the name «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (registration certificate PI № FS77-27627 dated March 16, 2007) and for more than eight years is one of the most reputable and recognizable in the scientific community edition in the field of economics, law, pedagogy and psychology.

Based on the opinion of the Presidium of the HAC Ministry of education and science of Russia «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» has been repeatedly included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences.

According to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 716 of June 24, 2011 since September 1, 2011 the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia has been reorganized by joining to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. As a result of reorganization all rights to the journal «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» were transferred to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot in succession.

In 2015 the journal «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» was re-registered with a new name – «Bulletin of economic security».

Currently, the editorial staff of the updated journal continues the best traditions of this printed edition.

Zip Code at the List of the Agency «Ural Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

Tutyin I. B. Some problems of criminal procedural evidence and precautionary measures in the works of L. M. Karneeva	236
Usanov D. O., Nuradinov Sh. M., Nechay S. L. Constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of man and citizen in the legislation of Sweden	240
Falileev O. O. The problem of changing and terminating the contract due to a significant change of circumstances in the Russian civil law	246
Kharlamov S. O., Durnev V. S. Some aspects of international cooperation of the internal affairs bodies of the Russian Federation with law enforcement agencies of border countries in the field of migration	249
Chukreev V. A. Illegal organ transplantation in international criminal law	254
Sharov D. V. The essence of criminal prosecution in the light of the ideas of Professor L. M. Karneeva	259
Shelegov Yu. V., Volzhenin V. V., Usov E. G. Consolidation of constitutional and legal responsibility in normative legal acts	264

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Goltsev D. S. The use of modern information systems in the framework of forensic economic examinations	267
Dianov D. V., Dolbilov A. V. Statistical modeling of migration processes in the Russian Federation	270
Egorova E. V., Evraev L. O. Internal control and economic security	277
Litvinenko A. N., Lozina Yu. A., Grachev A. V. Tools of defensive counter-propaganda as an element of the educational process with students in the specialty «economic security»	280
Minakov A. V., Ivanova L. N. Analysis of financial stability of households in the regions of Russia	286
Tyurina Yu. G. Approaches to the classification of inter-budget transfers in world practice	294
Tsarakhov Ya. M. Inflation of the US dollar and looking at it from a monetarist point of view	298
Yakovlev A. A. Key patterns of formation and subsequent price dynamics in the analysis of market conditions	302

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education Methodology and technology of vocational education

Bibiev A. Sh. On the issue of training police officers in techniques and rules for the operational bringing of service weapons into combat readiness	307
Varnayeva A. E. Language, speech, language ability	312
Zhevlakovich S. S. On the issue of new accreditation indicators for educational programs of higher education	318
Kaibov A.-N. M. Criteria for evaluating the effectiveness of the system of material and moral incentives for expert officers of the Rosgvardiya construction complex	326
Chehranov Yu. V. About the system of physical training of police officers in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia	330
Shchukin A. V. Organizational and managerial measures aimed at the implementation of pedagogical technology of physical training in the development of components of physical condition of students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	334

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-11-18>

НИОН: 2015-0066-3/22-322

MOSURED: 77/27-011-2022-03-521

Нормативное правовое регулирование права человека на благоприятную окружающую среду: национальное законодательство и международные стандарты

Муслимат Айдабековна Аливердиева

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Рассматриваются важнейшие международные акты в сфере охраны окружающей среды, устанавливающие международные стандарты обеспечения права на благоприятную окружающую среду, а также нормативные правовые акты национального законодательства, имплементирующие данные международные стандарты. Анализируется отсутствие единообразия в понятии права на благоприятную окружающую среду и его толковании на международном уровне и на уровне главных законодательных актов отдельных государств (РФ, Франция, Бельгия, ФРГ).

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, международное сотрудничество, международные стандарты, национальное законодательство, экологический аудит

Для цитирования: Аливердиева М. А. Нормативное правовое регулирование права человека на благоприятную окружающую среду: национальное законодательство и международные стандарты // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 11–18. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-11-18>.

Original article

Regulatory legal regulation of the human right to a favourable environment: national legislation and international standards

Muslimat A. Aliverdieva

Dagestan State University, Makhachkala, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. The most important international acts in the field of environmental protection, establishing international standards for ensuring the right to a favourable environment, as well as regulatory legal acts of national legislation implementing these international standards are considered. The lack of uniformity in the concept of the right to a favourable environment and its interpretation at the international level and at the level of the main legislative acts of individual states (Russia, France, Belgium, Germany) is analyzed.

Keywords: right to a favourable environment, international cooperation, international standards, national legislation, environmental audit

For citation: Aliverdieva M. A. Regulatory legal regulation of the human right to a favourable environment: national legislation and international standards. Bulletin of economic security. 2022;(3):11–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-11-18>.

«Экологическое право» человека закреплено в статье 42 Конституции Российской Федерации и декларирует защиту трех сфер прав в области окружающей среды: право на благоприятную окружающую среду, право на достоверную и полную информацию о состоянии окружающей среды и право на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением здоровью или имуществу гражданина [1].

Данное положение Конституции РФ развивается в различных нормативных правовых актах национального законодательства.

Вопросы состояния окружающей среды в последнее время набирают все большую популярность и, к сожалению, их возникновение в общественности связано с постепенным ухудшением экологической обстановки. На территории государств появляются новые про-

изводства, создается все больше условий для удовлетворения запросов потребителей, а вместе с тем, только некоторые государства становятся ориентированным на сохранения благоприятной окружающей среды.

Вместе с тем, среди исследователей распространено мнение о невозможности обеспечения благоприятной окружающей среды в рамках каждого отдельного государства без обеспечения экологической безопасности на международном уровне [14]. Реализация права на благоприятную окружающую среду отдельного индивида на ограниченной территории представляется невозможной. Данное право – пример коллективных прав, обеспечиваемых в условиях международного сотрудничества. Кроме того, особенностью реализации прав на благоприятную окружающую среду является зависимость от факторов, наступление которых не может быть урегулировано на государственном и на международном уровне (например, стихийные бедствия).

В то же время эффективность международного регулирования осуществляется посредством создания устойчивой международной системы, состоящей из целого комплекса элементов. Основным таким элементом следует считать именно четкое нормативное правовое регулирование защиты благоприятной окружающей среды для населения, которое затем берется за основу выстраивания национального законодательства.

В 2015 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций была принята Резолюция – 70/1, устанавливающая основные положения на перспективу до 2030, которым необходимо следовать для преобразования и развития. Данный документ регламентировал 17 различных целей и 169 задач развития мира на ближайшие 15 лет, среди них в области охраны окружающей среды следующие: принятие мер в борьбе с изменением климата (цель 13), рациональное использование морских биологических ресурсов с целью их сохранения (цель 14), а также защита и восстановление экосистем нашей планеты (цель 15). Несмотря на то, что цели носят рекомендательный характер, страны взяли на себя обязательство преследовать эти цели и выполнять поставленные в соответствии с целями задачи на региональном и глобальном уровне.

Во исполнение данной Резолюции в Российской Федерации был утвержден документ о проведении в экологической сфере государственной политики на перспективу до 2030 г, одним из принципов которого является проведение политики увеличения доли распространения международного сотрудничества в применении международных стандартов в области охраны окружающей среды и в решении глобальных экологических проблем в национальном законодательстве [10].

В прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 г. поднимается вопрос о ежегодном возрастающем уровне объема отхо-

дов, значительно превосходящем по статистическим показателям Европейский Союз. Предполагается, что угрозы окружающей среде к 2036 будут уменьшены и в некоторых областях преодолены, в том числе, путем изменения правового регулирования с широким внедрением международных стандартов экологической ответственности и энергоэффективности [12].

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 81) территория Российской Федерации признается национальным достоянием, сохранение и охрана которого необходимы, в том числе, для реализации права на благоприятную окружающую среду [9].

Кроме того, на основании п. 2 ст. 29 Федерального закона «Об охране окружающей среды» с учетом требования международных правил и стандартов должны разрабатываться федеральные нормативные акты, устанавливающие правила в сфере охраны окружающей среды [7].

Таким образом, представляется актуальным рассмотреть нормативное правовое регулирование обеспечения благоприятной окружающей среды со стороны национального законодательства во взаимосвязи с международными стандартами.

Международные стандарты в области обеспечения прав населения на благоприятную окружающую среду представляются нормативным минимумом, который должны обеспечить государства. Уменьшение положений и показателей международных стандартов со стороны отдельных государств признаются нарушением международного права. Кроме того, международные нормы и стандарты устанавливают общую тенденцию направлений деятельности стран, независимо от их политического режима и социального развития [19].

В целом до настоящего периода Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) в сфере охраны окружающей среды были выпущены 3 Декларации (в 1972, 1992 и 2002) и 50 Конвенций и Соглашений.

В отличие от личных прав человека, которые имеют давнюю историю своего возникновения, начальной вехой в закреплении права на благоприятную окружающую среду и формировании международных стандартов в регулировании данного права является одна из выпущенных ООН деклараций – Стокгольмская декларация по охране окружающей среды 1972 г. [4, с. 682–687].

В этот же период создается программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), которая функционирует до сих пор и направлена на содействие в реализации природоохранной составляющей в рамках системы ООН. Именно тогда начинается тесное международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, и зарождается отдельная отрасль правового регулирования – международное экологическое право.

Интересен тот факт, что в 2003 году по делу Хаттон (Hatton) и другие против Соединенного Королевства судьи Ж.-П. Коста, Г. Ресса, Р. Тюрмена, Б. Цупанчича и Э. Штейнер в своем особом мнении по делу выразили, ссылаясь на Стокгольмскую декларацию, точку зрения о том, что вопрос загрязнения окружающей среды не может быть решен на национальном уровне. Такие вопросы носят международно-правовой характер и находятся под международной юрисдикцией [17].

Следует отметить, что формулировка «право на благоприятную окружающую среду», встречающаяся в отечественной конституции, не декларируется в международных актах, но это не означает полное отсутствие в международных документах данного права. Авторы таких документов устанавливают обсуждаемое право в немного разнящихся понятиях, что делает отличным состав данного права граждан.

Например, вторая глава Стокгольмской Декларации – Декларация принципов, в составе 1 принципа провозглашает право человека на благоприятные условия жизни, которые позволили бы вести процветающую жизнь, и устанавливают ответственность человека за охрану окружающей среды для нынешнего и последующих поколений. Хотя, необходимо заметить, что в проекте данного документа предлагалось сформулировать это право, как право на безопасную и здоровую окружающую среду. 8 принцип второй главы декларирует, что для обеспечения благоприятных условий жизни человека имеет значение, в том числе, экономическое и социальное развитие. Тем самым авторы Стокгольмской декларации выразили право на

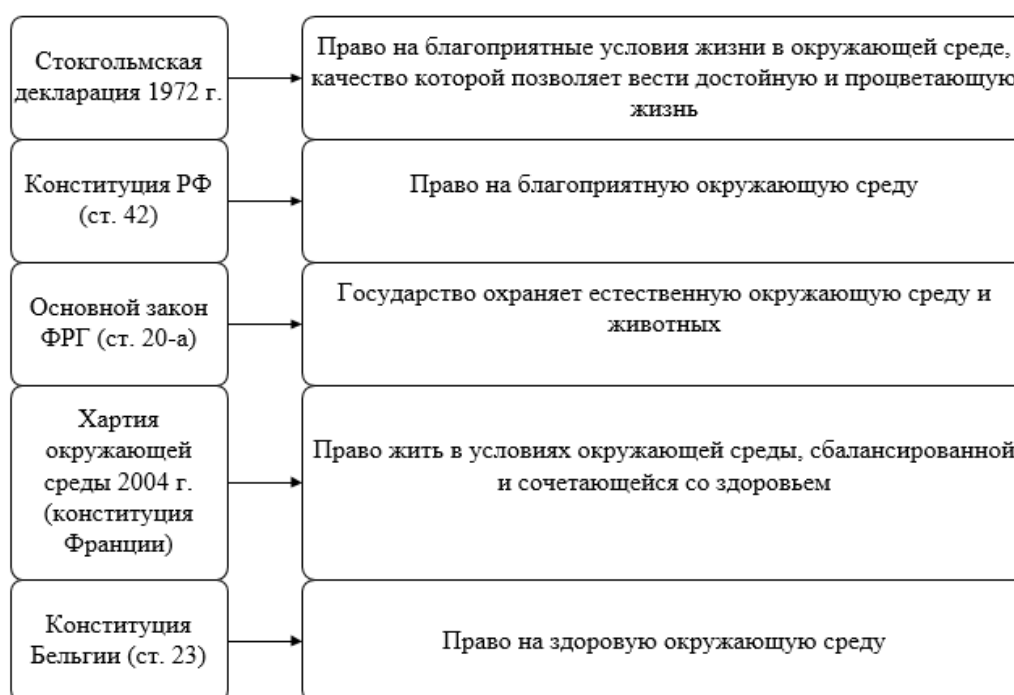
благоприятную окружающую среду косвенно, через право на благоприятные условия жизни. Анализируя состав права «на благоприятные условия жизни», можно отметить необходимость включения в их число не только природных аспектов, но и природно-антропогенных, так как условия жизни – это не только состояние природы в среде обитания человека. Схожий состав факторов, благодаря которым обеспечивается функционирование благоприятной окружающей среды, имеет право граждан, закрепленное в Российской Федерации, которое будет рассмотрено позднее.

Авторы нормативных правовых актов конкретных государств также не имеют единого мнения о понятии права на благоприятную окружающую среду. Так положения основных документов разных стран (положение конституций) не отражают единого подхода к определению данного права. Кроме того, не во всех странах в конституции указанное право прямо регламентировано. Например, в Конституции Франции в преамбуле устанавливается приверженность народа Франции Хартии окружающей среды 2004 г. (конституционный закон Франции) [6, с. 121–122], а уже в положении Хартии окружающей среды содержится понятие и раскрывается содержание права на благоприятную окружающую среду.

Для анализа прав в сфере окружающей среды в качестве примера рассмотрены Стокгольмская декларация 1972, Конституция РФ, Основной закон Федеративной республики Германии, Конституция и Хартия окружающей среды Франции, Конституция Бельгии. В целях удобства восприятия результат анализа представлен на схеме 1.

Схема 1

Конституционные права в сфере охраны окружающей среды

Можно сделать вывод, что в международном сообществе нет единого мнения о понятии благоприятной окружающей среды, а, следовательно, и о составе прав на благоприятную окружающую среду. Каждая из вышеперечисленных формулировок так или иначе подвергается критике. Например, право на здоровую окружающую среду представляется узким, так как в значении своей формулировки не включает в себя возможный ущерб, причиненный не здоровью, а имуществу. Естественная окружающая среда (из Основного закона ФРГ) не включает эстетические потребности человека. Кроме того, законом Германии не декларируется конкретное право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду, а лишь указывается на обязанность государства охранять естественную среду.

В Российской Федерации данное право декларируется в Конституции РФ и раскрывается в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» путем определения понятия благоприятной окружающей среды и закрепления содержания права на обеспечение такой среды.

Согласно данному определению, качество благоприятной окружающей среды обеспечивается функционированием трех факторов: природных, естественных экологических и природно-антропогенных. Тем самым, указанное понятие закреплено в Российской Федерации в широком смысле и включает в себя не только состояние почвы, атмосферного воздуха, воды, но и состояние созданного человеком на природных объектах. Например, по одному из дел Конституционным Судом РФ было определено, что регламентация градостроительной деятельности – деятельность, в том числе направленная на обеспечение комфортной среды обитания для благоприятных условий проживания гражданина [13].

Отсутствие в международном сообществе единого подхода к раскрытию содержания права на благоприятную окружающую среду затрудняет процесс разносторонней защиты права человека в данной сфере. Кроме того, различное содержание прав в сфере охраны окружающей среды для граждан отдельных стран могут отказаться неравными, что нарушит международный принцип обеспечения для человечества благоприятных условий жизни и впоследствии может усилить экологические проблемы международного уровня.

Из неопределенности содержания в международных стандартах и в национальном законодательстве различных стран права на благоприятную окружающую среду представляется возможным два выхода.

Раскрыть состав права на благоприятную окружающую среду отдельными узкими формулировками.

Ограничиться абстрактным понятием благоприятной окружающей среды и оставить полномочия его толкования за судами и иными правоприменительными органами.

Другой документ, устанавливающий международные стандарты в сфере обеспечения благоприятной окружающей среды – Всемирная хартия природы 1982 года (далее – Хартия) [3, с. 132–135]. Хартия наряду с другими международными документами также устанавливает общие положения, которым необходимо следовать различным государствам для обеспечения общей экологической безопасности и благоприятных условий жизни как для гражданина отдельного государства, так и на уровне мирового сообщества. Хартией определено, что закрепленные в ее положениях принципы и функции должны быть отражены в законодательствах и в практической деятельности не только на международном уровне, но и на уровне каждого отдельного государства.

Кроме того, положения Хартии декларируют, что для обеспечения международного сотрудничества в процессе реализации международных стандартов, помимо сотрудничества и проведения совместных мероприятий, обеспечения безопасной для экосистемы деятельности предприятий, находящейся в их юрисдикции, охраны природы за пределами национальной юрисдикции, государства должны применять нормы международного права в сфере сохранения окружающей среды, а также установить нормы использования материалов, оказывающих негативное воздействие на природу и разработать методы оценки такого воздействия.

В Российской Федерации для данных целей разрабатываются санитарные правила и нормы, государственные стандарты и иные документы [16]. Пример реализации на уровне национального законодательства положений Хартии отражен в перечне нормативов качества окружающей среды, закрепленного в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». Данные о существующих нормативов во исполнение положений Хартии представлены на схеме 2.

Тем самым положение Хартии о необходимости государствам установить нормы допустимого негативного воздействия реализуется посредством установления в ФЗ «Об охране окружающей среды» нормативов в области охраны окружающей среды: нормативы качества, нормативы сбросов, выбросов и другие.

В качестве примера конкретных актов можно привести нормативные правовые акты в области охраны благоприятного состояния атмосферного воздуха: приказ Минприроды России от 11.08.2020 г. № 581 «Об утверждении методики разработки (расчета) и установления нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух» [20], приказ Минприроды России от 22.11.2019 г. № 794 «Об утверждении методических указаний по определению фоновому уровню загрязнения атмосферного воздуха» [21].

Представляется необходимым наличие в национальном законодательстве федеральных нормативных правовых актов, определяющих методы расчета

Реализация Всемирной Хартии природы 1982 в ФЗ «Об охране окружающей среды»

размера вреда, причиненного окружающей среде загрязнением конкретных природных ресурсов. Принятие таких нормативных правовых актов на настоящее время находится в компетенции Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание на то, что в современных реалиях деятельность каждой организации на международном рынке во многом зависит от проводимой государством экологической политики и от следования международным стандартам в сфере экологии. В целях проверки исполнения юридическими лицами законодательства в сфере охраны окружающей среды (например, нормативов качества, допустимых сбросов или выбросов) специальными организациями проводится независимая оценка соблюдения национальных норм и правил, а также требований международных стандартов в области охраны окружающей среды – экологический аудит.

Однако в Российской Федерации в данной сфере также существует законодательный пробел. Связано это с тем, что ФЗ «Об аудиторской деятельности» регулирует общественные отношения, связанные с порядком проведения проверок финансовой деятельности юридического лица. Применение его норм к процедуре экологических проверок представляется не вполне приемлемым, так как помимо финансовых показателей для экологического аудита необходима оценка и производственных процессов [15].

В 2011 году уже предпринимались попытки регулирования данного вопроса. На рассмотрение Госу-

дарственной Думы РФ был внесен законопроект, регулирующий процедуру экологического аудита, однако впоследствии он был отклонен [22]. Для ликвидации данного нормативного правового пробела представляется целесообразным в настоящее время внести изменения в Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» [8], разделив его положения на базовую часть, регулиющую общий порядок аудиторской деятельности, и специальные части, устанавливающие особенности финансового и экологического аудита.

Кроме того, для упорядочения правового регулирования аудита в сфере охраны окружающей среды актуально переместить имеющееся понятие «экологического аудита» из ФЗ «Об охране окружающей среды» (ст. 1) в ФЗ «Об аудиторской деятельности». Такое расположение специального понятия в федеральном законе, регулирующем, в том числе деятельность, отраженную в данном понятии, вполне логично.

Также необходимо законодательно регламентировать перечень видов деятельности, при которых проведение экологического аудита является обязательным (например, в случае выполнения мероприятий, установленных экологическими программами). Для тех лиц, чья деятельность не войдет в перечень, представляется возможным установление стимулирующих мер в виде льгот при добровольном проведении экологического аудита. В качестве таких льгот могли бы выступить: отсрочка проведения органами экологического надзора плановой проверки [18] или льготы по налогу на имущество организаций.

Интересно отметить тот факт, что в правоприменительной практике Российской Федерации сложилось единое мнение о порядке возмещения вреда, который был причинен экологическим нарушением, независимо от наличия вины, то есть возмещение правомерно причиненного экологического вреда. В постановлении Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 г. № 49 [23] указано, что в качестве реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду, вред, который был причинен окружающей среде в результате осуществления правомерных действий, также должен быть возмещен, как и неправомерный вред.

В случае причинения вреда природными катастрофами, не зависящими от антропогенной деятельности человека, обязанность возмещения вреда, связанного с нарушением права на благоприятную окружающую среду, в Российской Федерации берет на себя государство. Следует отметить, что до 2021 года в России не существовало общего нормативного правового акта, который бы устанавливал случаи, формы и размеры возмещения государством такого вреда. При каждом конкретном природном катаклизме принимался отдельный акт, носящий индивидуальный характер. В качестве примера можно привести постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2019 г. № 1392-р, устанавливающее категории граждан и размер соответствующих выплат, предназначенных для пострадавших (ущерб здоровью или имуществу) в результате паводка в Иркутской области летом 2019 г. [24] На оказание помощи в указанном случае из резервного фонда Правительства РФ было выделено 662 млн рублей.

Изменениями, внесенными 2 июня 2021 года в распоряжение Правительства РФ, которое устанавливает перечень типовых государственных и муниципальных, путем закрепления в указанном перечне нескольких дополнительных услуг, таких как назначение выплат гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, за государством закрепились на законодательном уровне обязанность возмещения такого вреда гражданам [25]. Еще одна Декларация ООН в сфере охраны окружающей среды, принятая, в том числе, подтверждающая Стокгольмскую декларацию 1972 года, – Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 года [2]. Данной Декларацией установлено 27 принципов, провозглашающих необходимость международного сотрудничества отдельных государств для защиты окружающей среды.

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод о том, что рецепция некоторых международных правовых норм в законодательство Российской Федерации может сделать правовое регулирование и правоприменение в сфере реализации права человека на благоприятную окружающую среду более эффективным.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 26.04.2022).
3. Всемирная хартия природы (принята 28.10.1982 г. Резолюцией 37/7 на 48-ом пленарном заседании 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М. : БЕК, 1996.
4. Стокгольмская декларация (принята в г. Стокгольме 16.06.1972 г. на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды) // Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997.
5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1650626967> (дата обращения: 22.04.2022).
6. Хартия окружающей среды 2004 г. (Конституция Франции) // Конституции зарубежных государств : Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособие. 8-е изд., исправл. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2012.
7. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета, № 6, 12.01.2002.
8. Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Российская газета, № 267, 31.12.2008.
9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
10. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Утверждены Президентом РФ 30.04.2012 г. // СПС КонсультантПлюс.
11. ГОСТ Р 56167-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу. Метод расчета ущерба от промышленного предприятия объектам окружающей среды, утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.10.2014 № 1325-ст. М. : Стандартинформ, 2014.

12. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года (разработан Минэкономразвития России) // СПС Консультант Плюс.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 г. № 931-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ, № 2, 2011.

14. Абанина Е. Н., Сухова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации : состояние и перспективы развития: монография. М. : Юстицинформ, 2022. 222 с.

15. Валентик М. С., Юсипова И. В. Актуальные проблемы правового регулирования экологического аудита // Экологическое право. 2021. № 2. С. 18–21.

16. Кравцова Е. А. Социальная составляющая конституционного права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 50–52.

17. Совместное особое мнение судей Ж.-П. Коста, Г. Ресса, Р. Тюрмена, Б. Цупанчича и Э. Штейнер в Постановлении ЕСПЧ от 08.07.2003 г. «Дело «Хаттон (Hatton) и другие против Соединенного Королевства» (жалоба № 36022/97) [рус., англ.] // СПС Консультант Плюс.

18. Чхутиашвили Л. В. Экологический аудит в системе государственного экологического надзора // Учет. Анализ. Аудит. 2015. № 6. С. 58–63.

19. Слепцов А. В., Бураков В. Н. Международные стандарты права на благоприятную окружающую среду как фактор устойчивого развития // Проблемы устойчивого развития регионов республики Беларусь и сопредельных стран (сборник материалов X Международной научно-практической конференции). Могилев, 2021. С. 191–195.

20. Приказ Минприроды России от 11.08.2020 г. № 581 «Об утверждении методики разработки (расчета) и установления нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух» // URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2020.

21. Приказ Минприроды России от 22.11.2019 г. № 794 «Об утверждении методических указаний по определению фоновому уровню загрязнения атмосферного воздуха» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.12.2019.

22. Проект федерального закона «Об экологическом аудите, экологической аудиторской деятельности и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (текст по состоянию на 17 декабря 2014 г.) // СПС КонсультантПлюс.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2018.

24. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2019 г. № 1392-р «Об оказании разовой финансовой помощи гражданам, пострадавшим в результате паводка, вызванного сильными дождями, прошедшими в июне 2019 г. на территории Иркутской области» // Собрание законодательства РФ, 08.07.2019, № 27, ст. 3611.

25. Распоряжение Правительства РФ от 18.09.2019 г. № 2113-р «О Перечне типовых государственных и муниципальных услуг, предоставляемых исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, государственными учреждениями субъектов Российской Федерации и муниципальными учреждениями, а также органами местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ, 30.09.2019, № 39, ст. 5457.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.

2. Rio Declaration on Environment and Development (adopted by the UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3–14, 1992 year) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (accessed: 26.04.2022).

3. The World Charter of Nature (adopted on 28.10.1982 Resolution 37/7 at the 48th plenary session of the 37th session of the UN General Assembly) // Public International Law. Collection of documents. Vol. 2. М. : BECK, 1996.

4. Stockholm Declaration (adopted in Stockholm on 16.06.1972 at the UN Conference on the Human Environment) // Current International Law. Vol. 3. М. : Moscow Independent Institute of International Law, 1997.

5. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 [without reference to the Main Committees (A/70/L.1)] 70/1. Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1650626967> (accessed: 22.04.2022).

6. Charter of the Environment 2004 (Constitution of France) // Constitutions of foreign countries : Great Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan : studies. stipend. 8th ed., corrected. and additional М. : Infotropik Media, 2012.

7. Federal Law № 7-FZ of 10.01.2002 «On Environmental Protection» // Rossiyskaya Gazeta, № 6, 12.01.2002.

8. Federal Law № 307-FZ of 30.12.2008 «On Auditing Activities» // Rossiyskaya Gazeta, № 267, 31.12.2008.

9. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.07.2021, № 27 (Part II), Article 5351.

10. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 // Approved by the President of the Russian Federation on 30.04.2012 // SPS ConsultantPlus.

11. GOST R 56167-2014. National Standard of the Russian Federation. Emissions of pollutants into the atmosphere. The method of calculating damage from an industrial enterprise to environmental objects, approved and put into effect by Rosstandart Order № 1325 dated 14.10.2014-st. M. : Standartinform, 2014.

12. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2036 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia) // SPS Consultant Plus.

13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.07.2010 № 931-O-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, № 2, 2011.

14. Abanina E. N., Sukhova E. A. Legal provision of environmental safety of the Russian Federation : state and prospects of development: monograph. M. : Justicinform, 2022. 222 p.

15. Valentik M. S., Yusipova I. V. Actual problems of legal regulation of environmental audit // Environmental law. 2021. № 2. P. 18–21.

16. Kravtsova E. A. The social component of the constitutional right to a favorable environment in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2022. № 2. P. 50–52.

17. Joint dissenting opinion of Judges J.-P. Costa, G. Ressa, R. Tyurmen, B. Tsupanchich and E. Steiner in the ECHR Ruling of 08.07.2003. «The case of Hatton and Others v. the United Kingdom» (Complaint № 36022/97) [rus., Eng.] // SPS Consultant Plus.

18. Chkhutiashvili L. V. Ecological audit in the system of state ecological supervision // Accounting. Analysis. Audit. 2015. № 6. P. 58–63.

19. Sleptsov A.V., Burakov V. N. International standards of the right to a favorable environment as a factor of sustainable development // Problems of sustainable development of the regions of the Republic of Belarus and neighboring countries (collection of materials of the X International Scientific and Practical Conference). Mogilev, 2021. P. 191–195.

20. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 581 dated 11.08.2020 «On approval of the methodology for the development (calculation) and establishment of standards for permissible emissions of pollutants into the atmospheric air» // URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2020.

21. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 794 dated 22.11.2019 «On approval of methodological guidelines for determining the background level of atmospheric air pollution» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.12.2019.

22. Draft Federal Law «On Environmental Audit, Environmental Auditing Activities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (text as of 17 December 2014) // SPS ConsultantPlus.

23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 № 49 «On some issues of the application of legislation on compensation for damage caused to the environment» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, № 2, February, 2018.

24. Order of the Government of the Russian Federation dated 29.06.2019 № 1392-r «On the provision of one-time financial assistance to citizens, victims of the flood caused by heavy rains that took place in June 2019 on the territory of the Irkutsk region» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 08.07.2019, № 27, Art. 3611.

25. Decree of the Government of the Russian Federation № 2113-r dated 18.09.2019 «On the List of standard state and municipal services provided by the Executive bodies of State power of the Subjects of the Russian Federation, state institutions of the Subjects of the Russian Federation and municipal institutions, as well as local self-government bodies» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 30.09.2019, № 39, Art. 5457.

Информация об авторе

М. А. Аливердиева – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета.

Information about the author

M. A. Aliverdieva – Senior Lecturer of the Department of Civil Process of the Law Institute of the Dagestan State University.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was received on 12.05.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Научная статья

УДК 343.137.5

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-19-24>

NPON: 2015-0066-3/22-323

MOSURED: 77/27-011-2022-03-522

Уголовная ответственность несовершеннолетних за нарушения антиалкогольного законодательства за рубежом

Светлана Юрьевна Алпатова¹, Анатолий Николаевич Павлухин², Нодари Дарчоевич Эриашвили³

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия, soakademia@mail.ru

³ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

³ Государственный университет управления, Москва, Россия

Рецензент: начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент **О. А. Шуранова**

Аннотация. Рассматривается уголовная ответственность несовершеннолетних за нарушения антиалкогольного законодательства за рубежом. Изучено законодательство стран, в которых продажа алкогольной продукции запрещена полностью, законодательство стран, в которых установлен возрастной ценз при продаже алкогольных напитков, при нарушении которого наступает уголовная ответственность, законодательство стран, в которых запрещена продажа алкогольных напитков лицам определенного возраста, но не установлена уголовная ответственность за нарушение этого запрета, законодательство стран, где не запрещено употребление алкогольных напитков несовершеннолетними.

Ключевые слова: уголовное законодательство, несовершеннолетние, розничная продажа, возраст уголовной ответственности, алкогольная продукция, наказание

Для цитирования: Алпатова С. Ю., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Уголовная ответственность несовершеннолетних за нарушения антиалкогольного законодательства за рубежом // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 19–24. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-19-24>.

Original article

Criminal liability of minors for violations of anti-alcohol legislation abroad

Svetlana Yu. Alpatova¹, Anatoly N. Pavlukhin², Nodari D. Eriashvili³

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, soakademia@mail.ru

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', professor60@mail.ru

³ State University of Management, Moscow, Russia

Reviewer: Head of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **O. A. Shuranova**

Abstract. The criminal liability of minors for violations of anti-alcohol legislation abroad is considered. The legislation has been studied: of countries in which the sale of alcoholic beverages is completely prohibited, the legislation of countries in which an age limit is set for the sale of alcoholic beverages, in violation of which criminal liability occurs, the legislation of countries in which the sale of alcoholic beverages to persons of a certain age is prohibited, but criminal liability for violation of this prohibition is not established, the legislation of countries where the use of alcoholic beverages by minors is not prohibited.

Keywords: criminal law, minors, retail sale, age of criminal responsibility, alcoholic beverages, punishment

For citation: Alpatova S. Yu., Pavlukhin A. N., Eriashvili N. D. Criminal liability of minors for violations of anti-alcohol legislation abroad. Bulletin of economic security. 2022;(3):19–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-19-24>.

© Алпатова С. Ю., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д., 2022

Интересы ребенка в нормальном, полноценном воспитании и развитии защищены практически всеми без исключения уголовными кодексами зарубежных стран. Однако в мировой практике существуют существенные различия в регулировании возраста, по достижении которого допустимо употреблять алкоголь. Причем прослеживаются они по разным направлениям. Существуют страны, в которых алкоголь вообще запрещен. Это, например, государства Бруней, Гамбия; в Пакистане употребление алкоголя запрещено до 21 года, а для мусульман – полностью [1].

С другой стороны, есть государства, где вообще нет возрастных ограничений на покупку и потребление алкоголя. К их числу относятся Албания, Гана, Габон, Гвинея-Бисау, Камбоджа, Коморские острова, Кыргызстан, Того, Экваториальная Гвинея [1].

В ряде стран ограничения определяются местом и способом покупки и потребления – непосредственно в торговой точке (кафе, рестораны) или за ее пределами (покупки в магазине, еда на вынос). Например, в Греции и Тонга для второй ситуации никаких ограничений нет, а для первой возраст установлен в 18 лет, в Свазиленде же – наоборот. В Дании, соответственно, 16 и 18 лет; в Камеруне – 21 и 18; в Люксембурге – без ограничений и 16 лет, а в Марокко – наоборот; в Соломоновых островах – без ограничений и 21 год; в Ямайке – 16 и без ограничений.

Существует также группа стран, где возраст продажи алкоголя градуируется в зависимости от его вида или крепости. В Бельгии, Голландии и Германии пиво и вино можно покупать с 16-ти, а все что крепче – с 18-ти лет. В Норвегии и Финляндии с 18 лет можно употреблять спиртные напитки крепостью до 22 градусов, остальные, которые крепче – с 20-ти лет. В Японии порог обязательной трезвости – 20 лет, в США 21 год. В Америке до достижения этого возраста нельзя покупать любое спиртное. Конкретные штаты могут устанавливать свои правила. Но только в сторону ужесточения. В некоторых штатах до 1966 года вообще действовал сухой закон [2].

В некоторых государствах продажа алкоголя допускается с 16 лет (Италия, Мальта, Грузия, Португалия), в отдельных – с 17 лет (Кипр), с 19 лет – (Южная Корея, Никарагуа), с 20 лет – (Исландия, Япония, Парагвай). Есть страны, где этот возраст установлен в 21 год (Фиджи, Индонезия, США, Микронезия).

Самую большую группу составляют государства, в которых минимальный возраст для продажи алкоголя установлен на уровне 18 лет – без каких-либо дополнительных условий. Сюда входят, например, Эстония, Азербайджан, Болгария, Израиль, Испания, Мексика, Намибия, Турция, Франция, Южная Африка, и другие страны.

В Уголовном кодексе Германии предусмотрена ответственность за преднамеренное или небрежное опьянение алкогольными напитками или другими одурманивающими веществами (§ 323а.), которое наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом. Предоставление или передача алкогольных напитков или других одурманивающих веществ или наркотиков лицу, которое на основании официального приказа или без его согласия помещено в специальное учреждение для лечения от алкоголизма или наркомании (§ 323б.), наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом [3].

Уголовный кодекс Австрии не содержит уголовной ответственности за розничную продажу алкоголя несовершеннолетним, учитывает немецкоязычную доктрину и опыт реформирования уголовного законодательства Германии [4, с. 260].

УК Дании в § 138 (глава 15 «Преступления против общественного спокойствия и порядка») предусматривает ответственность лица за умышленное или по грубой небрежности доведение себя до состояния алкогольного опьянения, но если при этом указанное лицо подвергает опасности других лиц или ценное имущество. Кроме того в § 252, который входит в главу 25 «Насильственные преступления против личности» установлена уголовная ответственность лица, которое в целях получения выгоды или которое произвольным или любым подобным дерзким образом подвергает жизнь или физические возможности других лиц надвигающейся опасности, подлежит заключению под стражу или тюремному заключению на любой срок, не превышающий 4 лет [5, с. 126].

В Уголовном кодексе Испании отсутствует самостоятельный состав преступления, предусматривающий ответственность за продажу алкоголя несовершеннолетнему, однако в качестве отягчающего обстоятельства это предусмотрено статьей 233 Уголовного кодекса Испании: «Лица, тайно использовавшие или предоставившие малолетних или недееспособных для занятия попрошайничеством наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до года. Если эти деяния сопровождалась торговлей малолетними или недееспособными лицами, жестоким с ними обращением или запугиванием, а также снабжением их вредными для здоровья веществами, то предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от года до четырех лет» [6].

Анализ антиалкогольной политики и законодательства зарубежных стран показывает, что для многих из них ответственность за продажу алкоголя несовершеннолетним является, как и в России, довольно традиционным институтом. Так, в соответствии с шотландским (1959 г.) и английским (1965 г.) зако-

нами о выдаче лицензий доступ лиц младше 14 лет в питейные заведения и магазины, торгующие алкогольными напитками, как правило, запрещался. За нарушение этого запрета налагался штраф в размере до 20 фунтов стерлингов [7, с. 25].

Во Франции указом от 7 января 1959 года было запрещено продавать алкоголь лицам младше 16 лет. За нарушение этого правила, владелец магазина или предприятия общественного питания, торгующего алкогольными напитками, нес ответственность: в первый раз – предупреждение, при повторении – штраф или арест на срок до 10 суток [8, с. 11].

Специфика «алкогольных» проблем молодежи во многом определяется спецификой отношения к алкогольным напиткам во французском обществе в целом, поскольку во Франции алкоголь – это напиток («тотем») [9, с. 616]. Тем не менее, действующее законодательство довольно жестко наказывает за вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольных напитков и за продажу им алкоголя.

В соответствии со статьей 227–19 Уголовного кодекса Франции (принят в 1992 г.; вступил в силу с 1 марта 1994 г.), прямое подстрекательство несовершеннолетнего к систематическому и чрезмерному употреблению алкогольных напитков наказывается тюремным заключением на срок 2 года и штрафом в размере 45 000 евро. Если же действия направлены на несовершеннолетнего в возрасте до пятнадцати лет или если такие действия совершены в учреждениях образования или воспитания или на их административной территории, равно как у входа или выхода обучающихся или публики, либо во время, близкое к этому, на подступах к таким учреждениям или их территориям, деяние, предусмотренное настоящей статьей, наказывается тюремным заключением на срок 3 года и штрафом в размере 75 000 евро [10, с. 611]. Эта статья расположена в отделе V «О поставлении в опасность несовершеннолетних лиц» главы VII «О посягательствах на несовершеннолетних лиц и на семью» раздела II «О посягательствах на человеческую личность» книги второй «О преступлениях и проступках против личности» УК Франции.

Уголовный кодекс Республики Болгария 1968 года содержит статью 193, которая находится в разделе II «Преступления против молодежи» главы IV «Преступления против брака, семьи и молодежи» Особенной части Кодекса: «Ст. 193. (1) Спаивание спиртными напитками лицо, не достигшее 16-летнего возраста, или невменяемого, наказывается лишением свободы до шести месяцев или штрафом до пяти левов. (2) Продажа для личного употребления спиртные напитки лицу, не достигшему 16-летнего возраста, или невменяемому, наказывается штрафом до пяти левов и общественным порицанием, а при систематическом

совершении подобных действий – лишением свободы до шести месяцев и общественным порицанием» [10].

Статья 48 «Защита ребенка от влияния курения и алкогольных напитков» Закона Латвийской Республики «О защите прав детей» от 19 июня 1998 г. определяет:

«(1) Ребенку не разрешается курить и принимать алкогольные напитки. Ребенок должен быть защищен от влияния курения и алкогольных напитков.

(2) Ребенку следует прививать отрицательное отношение к курению и употреблению алкогольных напитков. Детям не разрешается работать на работах, которые связаны с производством, а также торговлей и рекламой алкогольных напитков или табачных изделий.

(3) Согласно Закону об обороте алкогольных напитков и закону «Об ограничении реализации рекламы табачных изделий» ребенку нельзя продавать алкогольные напитки и табачные изделия.

(4) За вовлечение ребенка в употребление алкогольных напитков и курение виновные лица привлекаются к предусмотренной законом ответственности. Вовлечением ребенка в употребление алкогольных напитков или курение считается также передача в распоряжение ребенка алкогольных напитков или табачных изделий» [11, с. 199].

В то же время вовлечение несовершеннолетнего в пьянство по Уголовному кодексу Латвии декриминализовано, однако существует статья 173 УК «Доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, вовлечение в немедицинское употребление лечебных и иных средств, вызывающих одурманивание». Она предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или ареста, либо денежного штрафа в размере до шестидесяти минимальных месячных заработных плат [12, с. 28, с. 181–182].

В Швейцарском УК 1937 года есть статья 136, названная «Выдача несовершеннолетним предметов, угрожающих их здоровью». Она буквально гласит: «Кто дает ребенку, не достигшему 16 лет, алкогольные напитки или другие вещества в количестве, которое может угрожать его здоровью, или наркотические вещества или предоставляет их в распоряжение для потребления, наказывается тюремным заключением или штрафом» [13, с. 169].

В соответствии со статьей 36 «Лишение свободы» Уголовного кодекса Швейцарии: «Минимальный срок наказания в виде тюремного заключения составляет три дня. Там, где закон однозначно не устанавливает иное, максимальный срок данного вида наказания составляет три года».

В то же время, согласно абзацу 2 части 1 статьи 39 Кодекса, если закон наряду с лишением свободы в качестве альтернативы предусматривает штраф, то судья может назначить арест вместо лишения свободы.

Максимальный же размер штрафа по швейцарскому законодательству, если в самом законе четко не определено иное, составляет 40 000 франков. Однако судья вообще не связан этим максимальным размером, если виновное лицо действовало из корыстных побуждений (часть 1 статьи 48 Кодекса).

В соответствии со статьей 208 Уголовного кодекса Польши 1997 года: «Кто спаивает малолетнего, доставляя ему алкогольные напитки, содействуя ему в их потреблении или склоняя к употреблению таких напитков, подлежит штрафу, или наказанию ограничением свободы либо лишением свободы на срок до 2 лет» [14, с. 153–154]. Эта статья находится в главе XXVI Кодекса «Преступления против семьи и опеки».

В некоторых странах нормы правового регулирования алкогольного рынка содержатся в уголовном праве. Статья 182.1 «Продажа и покупка алкоголя несовершеннолетним» Уголовного кодекса Эстонии от 6 июня 2001 года представляет значительный интерес. Эта статья устанавливает:

«(1) Систематическая продажа или покупка алкоголя совершеннолетним лицом алкоголю лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста, – наказываются денежным взысканием или тюремным заключением сроком до одного года.

(2) Те же деяния, совершенные юридическим лицом, – наказываются денежным взысканием».

Общей чертой зарубежного уголовного законодательства является наличие наказуемости нарушений ограничений на продажу алкоголя несовершеннолетним: санкции представлены штрафом или краткосрочным (не более одного года) лишением свободы, а также применением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве одного из основных видов уголовного наказания. В то же время законодательство последних десятилетий характеризуется тенденцией некоторого усиления ответственности, что не приводит к переводу этих правонарушений в разряд тяжких.

Кроме того, практически для всех развитых стран характерны запреты на продажу алкоголя несовершеннолетним и ответственность за их нарушение.

По нашему мнению, повышение эффективности борьбы с алкоголизацией несовершеннолетних в России, в том числе и уголовно-правовыми средствами является весьма актуальной проблемой.

В связи с этим представляется возможным сформулировать некоторые рекомендации российскому законодателю.

Во-первых, целесообразно повышать возраст разрешенной покупки алкоголя до 20 лет при продаже алкоголя с содержанием спирта выше 16,5 %. В более раннем возрасте существуют определенные риски

привыкания, дети просто губят свое здоровье. Но есть международный опыт по борьбе с алкоголем. Ведь не случайно многие страны, в том числе и наши соседи из СНГ, принимают решение продавать алкоголь не с 18 лет, а с 21 года.

Во-вторых, необходимо признать положительный опыт стран, в законах которых рассматриваемый состав преступления сконструирован без учета административной преюдиции.

В-третьих, установление уголовной ответственности за продажу алкоголя с учетом его количества и места продажи требует особого внимания и осмысления для дальнейшего учета российским законодателем.

Список источников

1. Во сколько лет можно покупать алкоголь в разных странах [Электронный ресурс]. URL: <http://alcofan.com/so-skolko-let-mozhno-pokupat-alkogol-v-raznyx-stranax.html> (дата обращения: 23.02.2022).

2. Ограничения на алкоголь «по возрасту» и «по градусу» [Электронный ресурс]. URL: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2199770/> (дата обращения: 23.02.2022).

3. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс]. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

4. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Основные положения уголовного права Австрии // Общество и право. 2007. № 4 (18).

5. Уголовный кодекс Дании. [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-anii_5f17f45608f.html?page=13 (дата обращения: 23.02.2022).

6. Уголовный кодекс Испании. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1646295914&tld=ru&lang=ru&name=ispanii_uk.doc/ (дата обращения: 23.02.2022).

7. Лапин Е. С. Проблемы расследования уголовных дел о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции : монография [Текст] / Е. С. Лапин. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.

8. Ткачевский Ю. М. Право и алкоголизм. [Текст] / Ю. М. Ткачевский. Изд-во Моск. ун-та, 1987. 160 с.

9. Берзин В. А. Зарубежный опыт профилактики употребления алкогольных напитков школьниками и студентами [Текст] / В. А. Берзин // Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности : сборник / отв. ред. : Кузнецов М. Н., Понкин И. В. М. : Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2009. С. 610–616.

10. Уголовный кодекс Республики Болгария. [Электронный ресурс]. URL: <https://mybiblioteka.su/4-83225.html> (дата обращения: 23.02.2022).

11. Понкин И. В. Зарубежные законы и документы о формировании и защите общественной нравственности и нравственности несовершеннолетних // Приложение к проекту Концепции государственной политики формирования и защиты нравственности детей в Российской Федерации. М. : Общественный совет Центрального федерального округа; Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://moral-law.ru/files/morall1.pdf> (дата обращения: 23.02.2022).

12. Уголовный кодекс Латвийской Республики [Текст] / науч. ред. и вступ. статья А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой; пер. с латыш. А. И. Лукашова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 311 с.

13. Уголовный кодекс Швейцарии [Текст] / пер. с нем. А. В. Серебренниковой. М. : Диалог-МГУ, 2000. 126 с.

14. Уголовный кодекс Республики Польша [Текст] / науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова; вступ. ст. А. И. Лукашова, Э. А. Саркисовой; пер. с польск. Д. А. Барилевич. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 234 с.

References

1. How old is it possible to buy alcohol in different countries [Electronic resource]. URL: <http://alcofan.com/so-skolko-let-mozhno-pokupat-alkogol-v-raznyx-stranax.html> (accessed: 23.02.2022).

2. Restrictions on alcohol «by age» and «by degree» [Electronic resource]. URL: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2199770/> (accessed: 23.02.2022).

3. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. [Electronic resource]. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (accessed: 23.02.2022).

4. Kibalnik A. G., Solomonenko I. G. The main provisions of the criminal law of Austria // Society and law. 2007. № 4 (18).

5. The Danish Criminal Code. [Electronic resource]. URL: <https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy->

[kodeks-anii_5f17f45608f.html?page=13](https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-anii_5f17f45608f.html?page=13) (accessed: 23.02.2022).

6. The Criminal Code of Spain. [Electronic resource]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1646295914&tld=ru&lang=ru&name=ispanii_uk.doc/ (accessed: 23.02.2022).

7. Lapin E. S. Problems of investigation of criminal cases on the retail sale of alcoholic beverages to minors : monograph [Text] / E. S. Lapin. M. : Yurlitinform, 2013. 184 p.

8. Tkachevsky Yu. M. Law and alcoholism. [Text] / Yu. M. Tkachevsky. Moscow Publishing House. un-ta, 1987. 160 p.

9. Berzin V. A. Foreign experience in preventing the use of alcoholic beverages by schoolchildren and students [Text] / V. A. Berzin // Civil law, constitutional law and criminal law protection of morality : collection / ed. : Kuznetsov M. N., Ponkin I. V. M. : Institute of State-Confessional Relations and Law, 2009. P. 610–616.

10. Criminal Code of the Republic of Bulgaria. [Electronic resource]. URL: <https://mybiblioteka.su/4-83225.html> (accessed: 23.02.2022).

11. Ponkin I. V. Foreign laws and documents on the formation and protection of public morality and the morality of minors // Appendix to the draft Concept of state policy for the formation and protection of children's morality in the Russian Federation. Moscow : Public Council of the Central Federal District; Institute of State-Confessional Relations and Law, 2008. [Electronic resource]. URL: <http://moral-law.ru/files/morall1.pdf> (accessed: 23.02.2022).

12. Criminal Code of the Republic of Latvia [Text] / scientific ed. and intro. article by A. I. Lukashov and E. A. Sarkisova; translated from Latvian by A. I. Lukashov. St. Petersburg : Legal Center Press, 2001. 311 p.

13. The Criminal Code of Switzerland [Text] / translated from German by A. V. Serebrennikova. M. : Dialog-MSU, 2000. 126 p.

14. The Criminal Code of the Republic of Poland [Text] / scientific ed. by A. I. Lukashov, N. F. Kuznetsova; introduction by A. I. Lukashova, E. A. Sarkisova; translated from Polish by D. A. Barilovich. St. Petersburg : Legal Center Press, 2001. 234 p.

Информация об авторах

С. Ю. Алпатова – доцент кафедры уголовного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук;

А. Н. Павлухин – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

Information about the authors

S. Yu. Alpatova – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences;

A. N. Pavlukhin – Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

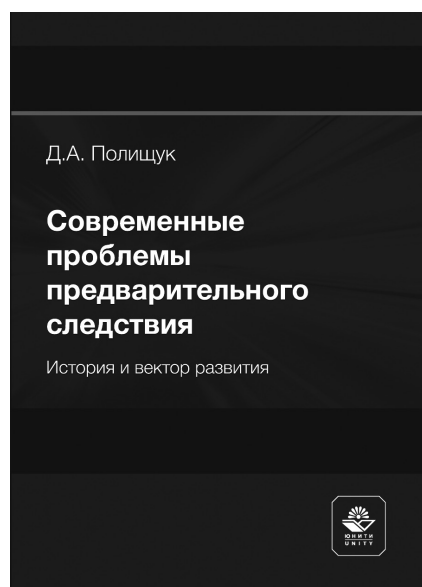
N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Полищук Д. А. 327 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются «за кадром» исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-25-29>

НИОН: 2015-0066-3/22-324

MOSURED: 77/27-011-2022-03-523

Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках удостоверения медиативных соглашений

Диана Альбертовна Арзуманян

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
arzumanyandiana01@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимодействия адвоката, действующего в качестве медиатора, и нотариуса в рамках удостоверения медиативных соглашений. Окончив обучение и получив диплом и сертификат, позволяющий осуществлять медиативные функции, адвокат вправе обратиться к нотариусу за совершением нотариального действия с целью наиболее полной реализации прав и законных интересов сторон соглашения. Осуществление адвокатской (медиативной) и нотариальной деятельности в условиях взаимодействия позволит сократить количество споров, которые могут возникнуть в будущем.

Ключевые слова: адвокатура, нотариат, медиатор, медиативное соглашение, правозащитная деятельность, взаимодействие, сотрудничество

Для цитирования: Арзуманян Д. А. Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках удостоверения медиативных соглашений // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 25–29. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-25-29>.

Original article

Interaction of a lawyer and a notary within the framework of certification of mediation agreements

Diana A. Arzumanian

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
arzumanyandiana01@mail.ru

Abstract. The issues of interaction between a lawyer acting as a mediator and a notary within the framework of certification of mediation agreements are considered. Having graduated and received a diploma and a certificate allowing to perform mediatory functions, a lawyer is entitled to apply to a notary for a notarial act in order to fully exercise the rights and legitimate interests of the parties to an agreement. Interaction between lawyers (mediators) and notaries will reduce the number of disputes that may arise in the future.

Keywords: advocacy, notary, mediator, mediation agreement, human rights activities, interaction, cooperation

For citation: Arzumanian D. A. Interaction of a lawyer and a notary within the framework of certification of mediation agreements. Bulletin of economic security. 2022;(3):25–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-25-29>.

Институт медиации существует в России уже более десяти лет и постепенно внедряется в разные сферы жизни, регулируя экономические, административные и иные общественные споры. Медиация представляет собой переговоры сторон с участием третьего лица, который должен быть заинтересован в том, чтобы стороны максимально выгодно для них урегулировали спор. По сути, медиатор становится переводчиком с языка конфликта и эмоций на язык

юридических фактов и результата, к которому должны прийти участники спора.

Соединение нотариата и медиации – одной и старейших юридических профессий и сравнительно нового для нашей страны способа урегулирования конфликтных отношений – имеет давнюю историю и имеет довольно обширную историографию.

Медиация имеет ключевое значение в урегулировании разногласий участников гражданских правоот-

© Арзуманян Д. А., 2022

ношений, способствует достижению согласия сторон спора без обращения за судебной защитой.

В процедуре медиации медиатор находится в непосредственном контакте со сторонами спора, что имеет важное значение для урегулирования спора. Роль медиатора может осуществлять адвокат.

Необходимо отметить, что все характерные для медиации и медиатора черты, как соблюдение нейтралитета и беспристрастности, независимость от других лиц, повышенная ответственность за свои действия, являются ключевыми и в деятельности нотариуса. Беспристрастность нотариуса заключается в том, что он обязан учитывать интересы всех сторон сделки. В отличие от представителей других юридических профессий нотариус не может в силу существа своей профессии «работать» только на одну сторону, он обязан учитывать интересы лиц, вовлеченных в совершение конкретного нотариального действия. Он предупреждает о последствиях совершаемых юридических действий, что позволяет сторонам, в том числе и процесса медиации, принять верное решение. Также необходимо подчеркнуть особенность нотариальной деятельности – нотариальную тайну, то есть конфиденциальность медиации заложена в самой сути профессии нотариуса, для которого сохранение тайны является юридической обязанностью.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ были внесены изменения в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и ряд иных федеральных законов. Основная идея поправок заключается в развитии функций судебного примирения и примирительных процедур в рамках гражданского и административного судопроизводства.

Наряду с изменениями процессуального было обновлено и нотариальное законодательство. В Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) была введена ст. 59.1 «Удостоверение медиативного соглашения». Одновременно статья 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» была дополнена указанием на новый вид исполнительных документов «Нотариально удостоверенные медиативные соглашения или их нотариально засвидетельствованные копии».

Нотариус обязан разъяснить сторонам и медиатору смысл и значение представленного ими проекта сделки и проверить, соответствует ли его содержание действительным намерениям сторон и не противоречит ли требованиям закона (ст. 54 Основ). Он также проверяет соблюдение соответствующих условий, предусмотренных Основами для сделок, но и иным законодательством, в частности гражданским, если речь идет об урегулировании конфликта в сфере гражданского оборота и т. д. Например, в п. 1 ст. 163 ГК РФ подчеркнуто, что нотариальное удостоверение

сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение. Нотариус не может удостоверить медиативное соглашение, выходящее за пределы осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ), содержащее в себе признаки ничтожной сделки. Проведение медиации означает для нотариуса одновременно оказание участникам соглашения квалифицированной юридической помощи.

Может ли сам нотариус принять меры к согласованию позиций сторон и урегулированию конфликта между ними или он в этих случаях всегда связан только рамками статьи 59.1 Основ? Согласно ст. 16 Основ нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред. Нотариус вправе придать нотариальную форму любому договору. Полагаем, что нотариус вправе удостоверить любое соглашение сторон, которое будет, в том числе, результатом переговоров по урегулированию конфликта, проходивших в рамках согласительных процедур вне процедур медиации, предусмотренных Законом о медиации.

В таком случае нотариус имеет выбор, который зависит от воли сторон. Первый, направить стороны к медиатору для использования процедуры Закона о медиации и ст. 59.1 Основ. Или, второй, удостоверить такое соглашение как обычную сделку, с правом совершения по ней затем исполнительной надписи. Последнее полномочие вытекает из п. 1 ст. 90 Основ, согласно которой нотариус вправе совершить исполнительную надпись по любой нотариально удостоверенной сделке, устанавливающей денежные обязательства или обязательства по передаче имущества [1, с. 24].

Процесс медиации состоит из трех соглашений: соглашение о применении процедуры медиации (медиативной оговорке), соглашение о проведении процедуры медиации и медиативное соглашение.

Соглашение о применении процедуры медиации (медиативная оговорка) – предварительное соглашение, которое заключают спорящие стороны в письменной форме до момента появления спора или после его появления, об урегулировании спора по поводу конкретного спорного правоотношения посредством процедуры медиации. Данное соглашение может существовать в виде самостоятельного соглашения, так и в виде отдельного документа или оговорки в конкретном виде договора.

Соглашение о проведении процедуры медиации представляет собой соглашение сторон в письменной форме с указанием непосредственно самой

процедуры медиации. Именно с заключения данного соглашения считается, что процедура медиации в отношении конкретного спора начата. В таком соглашении должно быть отражено пять основных сведений: о предмете спора (один или несколько вопросов); о медиаторе, медиаторах или об организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации; о порядке проведения процедуры медиации; об условиях участия сторон в расходах, связанных с ее проведением; о сроках ее проведения.

Проведенная в соответствии с законом процедура медиации заканчивается заключением и подписанием медиативного соглашения или отказом сторон от дальнейшего примирения. При этом спор может быть как передан, так и еще не передан на рассмотрение в суд. В медиативном соглашении стороны разрешают споры, конфликты, вопросы, прежде всего, правового характера.

Заключение медиативного соглашения в простой письменной форме актуально, если стороны будут его исполнять добровольно. Для того чтобы оно могло быть исполнено принудительно и имело силу исполнительного документа, необходимо продолжить его оформление путем нотариального удостоверения или путем обращения в суд. В частности, если стороны достигли медиативного соглашения в результате надлежащим образом проведенной процедуры медиации после передачи спора на рассмотрение суда, то такое соглашение может быть утверждено судом или третейским судом как мировое соглашение по статье 153.7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Если медиативное соглашение возникает из спора в рамках гражданских правоотношений и достигается спорящими сторонами в результате процедуры медиации без передачи спора на рассмотрение суда, то оно является гражданско-правовой сделкой. Соглашение предполагает не только разрешение спора, но и достижение определенных целей, встречные уступки и обязательства. Поэтому к медиативным соглашениям могут применяться и нормы об обязательствах и договорах [2, с. 9]. В частности, согласно статье 12 Закона о медиации к ним могут применяться такие правила гражданского законодательства, в частности о способах прекращения обязательств, как новация, отступное, прощение долга, зачет встречного требования, возмещение вреда.

Нотариальное удостоверение медиативного соглашения не является обязательным, вместе с тем только в случае нотариального удостоверения оно будет иметь силу исполнительного документа, как и его нотариально засвидетельствованная копия, согласно статье 12 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Ме-

диативное соглашение удостоверяется нотариусом по правилам удостоверения сделок, поэтому нотариус разъясняет смысл и значение совершаемой сделки сторонам и проверяет законность сделки, в том числе наличие у каждой из сторон права на ее совершение. Это означает установление нотариусом личностей сторон, проверку дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, проверку соответствия воли и волеизъявления, взаимности свободного волеизъявления сторон. Медиативное соглашение, удостоверенное нотариусом, вступает в силу с момента его нотариального удостоверения. До момента его исполнения оно может быть в любое время расторгнуто по взаимному согласию сторон.

Учитывая крайнюю неудачность попытки законодателя сформулировать понятие и перечислить обязательные условия медиативного соглашения в ст. 12 Закона о медиации, вряд ли следует рассматривать соответствие медиативного соглашения этой статье закона в качестве обязательного условия его нотариального удостоверения и, как следствие, придания ему свойства исполнимости.

Вместе с тем требования к медиативному соглашению как к исполнительному документу в законодательстве содержатся все же должны. Общих положений ст. 13 Закона об исполнительном производстве в отношении рассматриваемого вида исполнительных документов явно недостаточно. Как показывает практика, многие соглашения об урегулировании разногласий, которые достигаются сторонами в результате удачно проведенной процедуры медиации, являясь желательными, позитивным и абсолютно законным результатом данной процедуры, содержат такие условия, которые при содействии органов принудительного исполнения исполнены быть не могут. Например, обещание не обращаться в суд апелляционной инстанции; отказаться от иска; отказаться от исполнения другого исполнительного документа, по которому уже возбуждено исполнительное производство; поручительство за действия третьих лиц и т. п.

Причем наиболее целесообразным требованием к медиативному соглашению как к исполнительному документу представляется перечислить не в Законе о медиации, равно как и не в Законе об исполнительном производстве, а в Основах законодательства о нотариате. Например, в ст. 59.1 Основ, посвященной условиям утверждения нотариусами медиативных соглашений. В частности, ее возможно дополнить указанием на то, что в данных соглашениях должны содержаться сведения о том, какие действия обязаны совершить каждая из сторон или от каких действий она должна воздержаться; а также указанием на то, что совершение данных действий не должно ставить-

ся в зависимость от действий или решений третьих лиц; от наступления или не наступления тех или иных фактических обстоятельств, так как установление таких обстоятельств не относится и не должно относиться к полномочиям органов принудительного исполнения и т. п.

Это лишь отдельные и наиболее очевидные требования к медиативным соглашениям, претендующим на то, чтобы после их нотариального удостоверения стать исполнительными документами. Помимо них, по мере накопления практического опыта возможно включение в законодательство и иных требований, которые гарантировали бы их исполнимость с применением принудительной силы государства. Например, положением, аналогичным по содержанию ст. 205 ГПК РФ о том, что в случае, если одна из сторон обязуется передать имущество в пользу другой стороны, в медиативном соглашении обязательно указывать его стоимость на тот случай, если ко дню исполнения этого имущества не окажется в натуре.

Включение данной нормы в Основы законодательства РФ о нотариате означало бы то, что она является специальной по отношению к тем, которые содержатся в Законе о медиации и распространяет свое действие только на те медиативные соглашения, которые стороны желают удостоверить нотариально с целью придания им свойства исполнимости. И, соответственно, не ограничивала бы свободу договора для тех сторон, которые нотариально удостоверяют медиативные соглашения не планируют. Точно так же указанная норма была специальной по отношению к ст. 13 Закона об исполнительном производстве, предусматривая дополнительные требования, соблюдение которых необходимо проверять при решении вопроса о возбуждении исполнительного производства.

И, наконец, не вполне понятным остается то, почему законодатель счел целесообразным придавать исполнимость именно нотариально удостоверенным медиативным соглашениям. Почему точно такие же по содержанию соглашения, но достигнутые сторонами самостоятельно в результате переговоров или иных примирительных процедур, не могут иметь такие же правовые последствия? Вряд ли этому есть объяснение, которое устроило бы стороны. Данная ситуация таит в себе опасность того, что медиатор может превратиться в номинального участника процедуры, к которому обращаются только из-за его статуса и ради придания свойства исполнимости соглашениям, достигнутым без его содействия и вообще какого бы то ни было участия.

Перечисленные сомнения, однако, не означают того, что законодательное решение о включении медиативных соглашений в перечень исполнительных

документов было бы ошибочным, это означает лишь то, что еще предстоит большая совместная работа ученых и практиков (нотариусов, судей, судебных приставов, адвокатов и др.), учитывающая теоретические наработки и практический опыт достижения, утверждения и исполнения медиативных соглашений, направленная на разработку критериев (требований), которым должны будут отвечать медиативные соглашения как исполнительные документы.

Вряд ли проанализированные дополнения действующего законодательства сразу же найдут широкое применение. Более верным, видимо, будет предположение о том, что они в ближайшее время будут с осторожностью восприниматься субъектами, которым они адресованы. И в первую очередь нотариусами и службой принудительного исполнения.

Вместе с тем появление рассмотренной возможности принудительного исполнения нотариально удостоверенных медиативных соглашений может послужить серьезным поводом для систематизации, анализа и эффективного решения проблем, с которыми может столкнуться правоприменительная практика в данной сфере. А в более отдаленной перспективе, возможно, и для разработки критериев, при наличии которых нотариально удостоверенные соглашения сторон, достигнутые по результатам и иных примирительных процедур, например, обычных переговоров, могли бы выступать в качестве исполнительных документов.

Список источников

1. Аболонин В. О. Медиативное соглашение : содержание и принудительное исполнение в праве России и Германии // Нотариальный вестник. 2020. № 9.
2. Загайнова С. К. Актуальные вопросы применения нотариусом законодательства при удостоверении медиативных соглашений // Нотариальный вестник. 2020.

References

1. Abolonin V. O. Mediative agreement : content and compulsory execution in the law of Russia and Germany // Notarial messenger. 2020. № 9.
2. Zagainova S. K. Topical issues of application of law by notaries when certifying mediative agreements // Notarial messenger. 2020.

Библиографический список

1. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования (утв. Приказом Минюста России от 30.08.2017 г. № 156).

2. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // под ред. С. К. Загайновой, В. В. Яркова. М. : Иняотропик Медиа, 2011. С. 7–41 (автор комментария к ст. 2 – С. К. Загайнова).

for a notary to perform notarial actions, and the way of recording it (approved by Order of the Ministry of Justice of Russia of 30.08.2017 № 156).

2. Commentary to the Federal Law «On the alternative procedure for the settlement of disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)» / edited by S. K. Zagainova, V. V. Yarkov. M. Inyaotropic Media, 2011. P. 7–41 (author of the commentary to article 2 – S. K. Zagainova).

Bibliographic list

1. Regulation of notarial actions by notaries, establishing the amount of information necessary

Информация об авторе

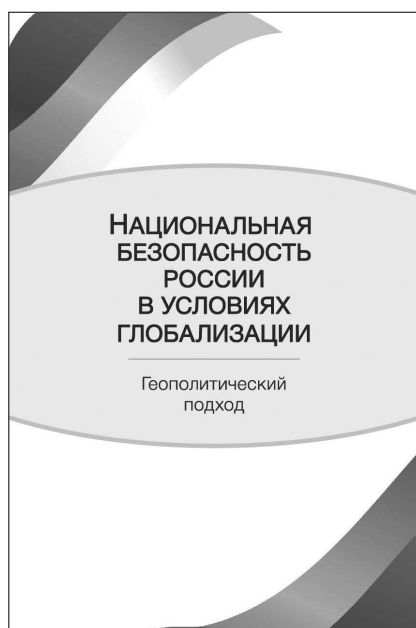
Д. А. Арзуманян – соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. A. Arzumanian – Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was received on 22.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-30-33>

НИОН: 2015-0066-3/22-325

MOSURED: 77/27-011-2022-03-524

Особенности рецепирования греческих богословско-юридических актов древнерусской юридической мыслью

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы первоначального усвоения отечественной юридической мыслью рецепированных греческих церковно-правовых новелл в построении христианской государственности на Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, государственность, богословско-юридические акты, обычное право, православие

Для цитирования: Ахмедов Р. М. Особенности рецепирования греческих богословско-юридических актов древнерусской юридической мыслью // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 30–33. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-30-33>.

Original article

Features of the reception of Greek theological and legal acts by the Old Russian legal thought

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. Some problematic issues of the initial assimilation of the received Greek church-legal novels by the Russian legal thought in the construction of Christian statehood in Russia have been considered.

Keywords: Ancient Rus, statehood, theological and legal acts, customary law, Orthodoxy

For citation: Akhmedov R. M. Features of the reception of Greek theological and legal acts by the Old Russian legal thought. Bulletin of economic security. 2022;(3):30–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-30-33>.

Общеизвестным фактом является то, что древнерусская правовая система после крещения Руси активно рецепировала греческие богословско-юридические новеллы. В то же время, отечественные исследователи отмечают, что первые митрополиты-греки Русской церкви не испытывали «рвения» в обучении имперским церковно-правовым наукам ни государя, ни нарождавшееся местное православное духовенство. Греки-иерархи не переводили книг на древнерусский язык, да и местные обычаи и традиции им были неведомы.

В этой связи, в отечественной истории существует множество различных мнений, теорий относительно того как происходил осмысленный процесс становления древнерусской христианской государственности, как совершенствовалась юридическая мысль и

воспринимались в народе богословско-юридические новации. Попытаемся разобраться в некоторых аспектах рассматриваемой проблематики.

Существует научное предположение, что на Русь церковные книги, написанные на старославянском языке, стали поступать в X веке из Болгарии. В качестве основного способа их проникновения называют торговые миссии, военные кампании (особенно во времена правления князя Святослава), а также собственно миссионерскую деятельность, благодаря чему на Руси оказалось достаточное количество произведений канонического характера. Но существенным фактором в притоке книжных изданий на Русь стало все же ее официальное крещение в качестве государственно-религиозного акта в 988 г.

© Ахмедов Р. М., 2022

Поэтому в дальнейшем церковно-просветительская миссия по отношению к Руси лишь усиливалась. Как отмечал Н. Тальберг, во времена правления Ярослава Мудрого на Русь из Болгарии и Византии поступили в большом количестве переведенные богослужебные книги, определявшие порядок церковного богослужения. Среди которых: начертания православной веры пр. Иоанна Дамаскина, Шестоднев Иоанна пресвитера и экзарха Болгарского, Жития Святых, сочинения Мефодия Патарского, Стословец Геннадия Константинопольского, Лествицу Иоанна Лествичника, произведения Григория Богослова, Иоанна Златоуста, собрание 106 слов Ефрема Сирина, т.н. Паренезис, собрание 124 слов Феодора Студита, под именем Малаго катихизиса, Златоструй и Пчела (сборник кратких изречений, выбранных из Св. Писания, из отцов и учителей церкви, из светских греческих писателей, относительно христианской нравственности и всего житейско-общественного добродетельного поведения) [2, с. 22].

Эти богослужебные книги способствовали организации проведения обрядов богослужения по греческому образцу древнерусскими церквами, доступности усвоения богословско-юридических терминов в бытовом русском языке. И, как следствие, народному пониманию религиозно-культурной и обрядовой стороны восточного (византийского) христианства.

В этой связи, возможно предположить, что в XI веке на Руси сформировался штат местных профессиональных переводчиков богословско-юридических актов Византии из числа священнослужителей, способствовавших адаптации и выражению оригинальной древнерусской юридической мысли в церковно-содержательном изложении. Существенным образцом подобного изложения богословско-юридической мысли стало первое каноническое произведение митрополита-русича Илариона «Слово о Законе и Благодати».

Наряду с указанным выше рецептированными каноническими произведениями, исследователи указывают и на заимствованное для мирской жизни правотворчество солунских братьев в виде памятника «Закон судный людям». Этот церковно-юридический акт разработан Мефодием в Великой Моравии, основное назначение которого – укрепление правовых позиций христианского вероучения в языческом обществе Великой Моравии [5, с. 129]. Нормы памятника соответствовали духу церковно-светского нормотворчества Восточно-римской империй, поэтому он содержал заимствования из Эклоги, Свода законов, датированных VIII веком. Отмеченные акты позволили упорядочить следующие общегражданские вопросы в духе догмат христианской государственности: церковные и светские наказания, в зависимости от рода преступления; юридически обосновывали права-при-

вилегии церковной организации; пропагандировали придание правового содержания действиям церковных учреждений, выступавших в качестве убежищ от гонителей; усиливали юридическую ответственность в отношении преступлений имущественного характера, где ущерб причинялся интересам церковной организации. Особые права предоставлялись княжеской власти при разборе дел и назначении наказаний.

Однако на Руси в правоприменительной практике «Закон судный людям» столкнулся с его противодействием со стороны светских феодалов, которые, «приняв христианство, чтобы добиться паритета в сношениях с христианскими государствами и получить новое идеологическое обоснование своего классового господства... вовсе не желали перестраивать свою жизнь в соответствии с требованиями христианской морали и находили в этом отношении сочувствие и поддержку правителя» [5, с. 131]. Поэтому этот церковно-правовой акт, резко диссонировавший с обычными нормами древнерусского общества, в правоприменении у местного населения не получил распространения.

Свою версию объяснения причины игнорирования древнерусским обществом норм «Закона судного людям» дал В. А. Томсинов. По его мнению, «перелагая византийские юридические тексты с греческого на церковно-славянский язык, русские переводчики часто не находили в своем родном языке юридического термина, адекватно передававшего смысл того или иного переведившегося ими иностранного термина» [3, с. 57]. Это и стало, прежде всего, существенной проблемой.

Отмеченная проблема связывалась также с особенностями правосознания, национальными культурными традициями страны и уровнем общественно-политической жизни. Поэтому непонятные термины «подгоняли» в универсальной фразеологии. Так, например, как указывал М. А. Дьяконов, переводчик «Законных книг» подменил понятие «государственной казны» описательным выражением «казна обчая», «казна господская», «казна господская обчая», «казна обчая, еже ко князю». Понятие «жалование чиновникам» выражено в формуле «честь и власти, яже от князя» [1, с. 34].

Поэтому необходимость подбора наиболее схожих по смыслу словесных выражений со стороны переводчика, вероятно, связана также с тем, что для него еще не понятны новые формы государственного устройства общественно-политической жизни более зрелого по развитию государства. Соответственно, юридико-технические новации переводимого документа вынуждали переписчика адаптировать смысловую нагрузку текстовой части богословско-правового акта с учетом существовавшего в местном обществе текущего уровня правосознания и правопонимания за

счет смысловых выражений родного языка. Как правило, в случае отсутствия четкого понимания в переводимом термине, переводчик умозаключительно осуществлял поиск схожего по примерному значению слова из национального языка и путем смыслового сочетания адаптировал его для уяснения.

Отрицательным свойством подобного перевода являлось то, что содержательно-смысловая часть переводного материала зависела от уровня образовательной компетенции переводчика, который, в свою очередь, не обладал соответствующими познаниями об особенностях культурно-идеологического, правового развития разработчика книжного труда. Следовательно, переводчику трудно было погрузиться в осмысленный образ того лица, который готовил ранее переводимый им письменный труд. Все это, к сожалению, вело к подмене архетипа понятия либо смысловой нагрузки переводимого текста, что значительно искажало смысл и содержание текста.

Так, термин «закон» в дохристианской Руси в обыденном правосознании воспринимался как обычай предков, то есть действовать по старине. Лишь затем, благодаря православным догматам, его значение юридически модернизировано путем гармонизации с существовавшим богословско-юридическим понятием в Византийской империи. Поэтому, как отмечал И. С. Улуханов, количество древнерусских (народно-разговорных) речевых оборотов возникших на Руси, в богословско-юридических актах, переведенных с церковнославянского языка, зависело от индивидуальных склонностей не только их авторов, но и писцов [4, с. 32].

Соответственно, необходимо было осуществить процесс гармонизации смыслового назначения церковнославянского слова, терминологического понятия с древнерусскими условиями с целью усвоения ключевых смысловых категорий, содержащихся в тексте документа. В качестве первоначальных средств языковой адаптации богословско-юридических новелл, переписчиками в основном использовались узнаваемые русичами сакрально-юридические метафоры. Например, бог, князь, царь – кормчий; ум, сердце, душа – земля; благие мысли, добродетели – проросшее семя, плоды; учитель, глава церкви – сеятель или пастырь; верующие – стадо.

Применялись также метафорические выражения: житийское море; море страстей; струя православия; зной неверия; семя благочестия; щит веры; броня правды; меч духовный; огонь духовный. Использовалась паронимазия в виде риторического приема, заключавшегося в повторении этимологически родственных слов (премолитися – молитися; кесарево кесарю) [4, с. 42–47]. Это позволило начать процесс по формированию образного мышления, расширявшего и развивавшего духовное правосознание, правовую

культуру путем привития терминологических новелл богословско-юридического характера. Благодаря этому, переносные значения слов, выражений закрепились за многими церковнославянскими понятиями, ассимилировавшись с местными языками, которые стали усваиваться, при этом обогащая терминологией отечественную юриспруденцию.

Таким образом, можно сделать вывод, что Русь, рецепируя греческие церковно-правовые эталоны построения христианской государственности, адаптировала новации путем их сочетания с местными обычаями, традициями. Благодаря этому процесс христианизации древнерусского населения происходил относительно спокойно, за исключением Великого Новгорода, который испытал крещение «огнем и мечом». Отечественная юриспруденция ввела в социально-правовую жизнь духовно-нравственные установки православия, прежде всего, в семейно-брачные, наследственные, уголовные правоотношения. Это позволило преодолеть юридический дуализм обычного права и церковно-правовых новелл, дало начало формированию уникальной правовой системы, в сущностном значении которой сочетались самобытные традиции, нормы «княжьего права», богословско-юридическая мысль, формально-юридически воплотившись в первом кодифицированном правовом древнерусском акте – Русской Правде.

Список источников

1. Дьяконов М. А. Закон и власть в Древней Руси. Очерки общественного и государственного строя. М. : Вече, 2018.
2. Тальберг Н. История русской церкви. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 1997.
3. Томсинов В. А. История русской юриспруденции. X–XVII века : учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М. : ИКД «Зерцало-М», 2018.
4. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М. : Наука, 1972.
5. Флоря Б. Н. Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. : Наука, 1988.

References

1. Diakonov M. A. Law and power in Ancient Russia. Essays of the social and state system. M. : Veche, 2018.
2. Talberg N. Russian Church History. M. : Sretensky Monastery Publishing House, 1997.
3. Tomsinov V. A. History of Russian jurisprudence. X–XVII centuries : textbook. 2nd ed. reprint. and additional M. : ICD «Zertsalo-M», 2018.
4. Ulukhanov I. S. About the language of Ancient Russia. M. : Nauka, 1972.

5. Florya B. N. Adoption of Christianity in Great Moravia, the Czech Republic and Poland // Adoption of Christianity by the peoples of Central and Southeastern Europe and the Baptism of Russia. М. : Nauka, 1988.

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М. Становление национально-религиозного самосознания у восточных славян Древней Руси (VII–X вв.) // Государство, право, общество (вопросы теории, истории и практики). Сборник научных статей. Уфа : УЮИ МВД РФ, 2009. С. 202–207.

2. Ахмедов Р. М. К вопросу о генезисе взаимоотношений институтов государства и религиозных объединений в российском обществе : современный взгляд к специфике периодизации // История государства и права. 2018. № 7. С. 75–80.

3. Ахмедов Р. М. Проблемы становления и развития конфессиональных отношений на Руси (X–XV вв.). Историко-правовое исследование : моно-

графия / Р. М. Ахмедов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 431 с.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M. The formation of national-religious self-consciousness among the Eastern Slavs of Ancient Russia (VII-X centuries) // State, law, society (questions of theory, history and practice). Collection of scientific articles. Ufa : UYUI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2009. P. 202–207.

2. Akhmedov R. M. On the genesis of the relationship between state institutions and religious associations in Russian society: a modern look at the specifics of periodization // History of State and Law. 2018. № 7. P. 75–80.

3. Akhmedov R. M. Problems of formation and development of confessional relations in Russia (X–XV centuries). Historical and legal research : monograph / R. M. Akhmedov. М. : UNITY-DANA, 2020. 431 p.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов – заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov – Head of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence of the Moscow Financial and Industrial University «Synergia», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-34-40>

НИОН: 2015-0066-3/22-326

MOSURED: 77/27-011-2022-03-525

История развития условий отбывания лишения свободы в российском законодательстве

Ахмед Хусенович Батыров¹, Ибрагим Мовлиевич Картоев², Руслан Баширович Гандалоев³

¹ Уголовно-исполнительная инспекция ОФСИН России по Республике Ингушетия, Назрань, Республика Ингушетия, Россия, batyrov.93.93@mail.ru

^{2,3} Ингушский государственный университет, Магас, Республика Ингушетия, Россия

² kartoibrag@mail.ru

³ RusSud@bk.ru

Аннотация. Историческим началом возникновения вида вменяемого преступнику наказания, заключающегося в лишении его свободы, является древнерусское законодательство. Так, в положениях Судебника Ивана Грозного обозначенное наказание выделяется как самостоятельный вид. Отметим, что в данном документе оно упоминается вскользь, без определения конкретных форм, дифференциации типов исправительных учреждений, установления конкретной продолжительности такого заключения.

Ключевые слова: отечественная тюремная система, история, судебник, наказание, учреждение, содержание, лишение свободы, Соборное Уложение, реформирование, дифференциация мест лишения свободы

Для цитирования: Батыров А. Х., Картоев И. М., Гандалоев Р. Б. История развития условий отбывания лишения свободы в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 34–40. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-34-40>.

Original article

The history of the development of conditions for serving deprivation of liberty in the Russian legislation

Ahmed H. Batyrov¹, Ibragim M. Kartoev², Ruslan B. Gandaloiev³

¹ Penal Enforcement Inspectorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Ingushetia, Nazran, Republic of Ingushetia, Russia, batyrov.93.93@mail.ru

^{2,3} Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia, Russia

² kartoibrag@mail.ru

³ RusSud@bk.ru

Abstract. The historical beginning of the emergence of the type of punishment imputed to the criminal which consists in depriving him of his freedom, is the ancient Russian legislation. So, in the provisions of the Code of Laws of Ivan the Terrible, the designated punishment is singled out as an independent species. It should be noted that in this document it is mentioned in passing, without defining specific forms, differentiating the types of correctional institutions, establishing the specific duration of such detention.

Keywords: domestic prison system, history, judicial code, punishment, institution, content, deprivation of liberty, Cathedral Code, reforms, differentiation of places of deprivation of liberty

For citation: Batyrov A. H., Kartoev I. M., Gandaloiev R. B. The history of the development of conditions for serving deprivation of liberty in the Russian legislation. Bulletin of economic security. 2022;(3):34–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-34-40>.

Как отмечают А. А. Иванов, Н. Д. Эриашвили, подразделение мест заключения на самостоятельные виды оформилось в середине XVI в [1]. Классифи-

кация указанного периода включала в себя четыре категории: первая объединяла частные тюрьмы, организуемые отдельными князьями, а также крупными

© Батыров А. Х., Картоев И. М., Гандалоев Р. Б., 2022

феодалами; следующая категория охватывала государственные тюрьмы; третья включала монастырские тюрьмы; последняя – тюрьмы местного самоуправления. Контроль за всеми выделенными видами входил в государственную компетенцию [2, с. 155].

Непосредственная цель назначаемого преступникам наказания была впервые сформулирована положениями Соборного Уложения царя Алексея Михайловича. Ее направленностью выступало воздействие на намерения потенциальных правонарушителей посредством страха последующей расплаты. Появление идей воспитательного влияния на характер и поведение преступников оформилось позднее [3].

Вышеприведенный правовой документ полностью игнорировал правовое положение лиц, подвергнувшихся осуждению, а также условия их раздельного содержания. Норм, устанавливающих обозначенные моменты, в нем не было, что свидетельствует о неразвитости отечественной тюремной системы на период XVII в. Среди положительных моментов рассматриваемого Уложения выделяется определение четкой продолжительности лишения свободы, а также попытки применения пожизненного срока [4].

Определенным шагом в направлении развития рассматриваемых в настоящей работе условий стал принятый при правлении Петра Великого документ, нормами которого была введена определенная регламентация лишения свободы (в частности, речь идет об Артикуле воинском 1795 г.). Положениями представленного устава формировались условия для дифференцированного содержания преступников, относившихся к отдельным сословиям. Результатом практической работы выступила организация гауптвахт для содержания военнослужащих лиц [5, с. 121].

Кроме того, изменением рассматриваемого исторического периода явилось установление дополнительной цели назначаемого наказания, заключающегося в принудительной работе осужденных субъектов. В 1699 г. нормативно предусматривается отдельное наказание, преследующее данную цель – каторга. При его назначении, лицо подлежало ссылке и помещению в особую тюрьму, где в обязанности осужденных входила принудительная эксплуатация. Следует подчеркнуть, что первоначально информация о создании таких каторжных тюрем отсутствовала [6].

В период правления Екатерины Великой вводится еще одна цель назначаемого наказания, ориентированная на сохранение социального правопорядка. Кроме того, разрабатывается проект наказа «Об устройстве тюрем», положения которого предусматривали дифференциацию содержания преступников, определяя критерием такого разделения их непосредственный возраст, а также степень опасности совершенного

деяния. Иными словами, наблюдаются попытки развития условий отбывания субъектом вмененного ему лишения свободы [7].

Таким образом, в нашей стране к концу XVIII в. имело место становление направленной уголовно-правовой политики. Об этом свидетельствует смещение преимущественного акцента с исключительно устрашающей цели назначаемого наказания к включению в его характера также исправительное воздействие на осужденных субъектов.

Отечественная тюремная система XIX в. характеризовалась периодом преобразований. Результатом решения императора Александр I выступила организация Попечительского общества о тюрьмах, сформированного в 1819 г. Компетенция нового учреждения включала в себя трудовое воспитание субъектов, а также религиозно-нравственное.

В период правления Николая I был разработан первый отечественный УК 1845 г. Положения данного документа закрепляли классификацию лишения свободы. Так, выделялись следующие виды: арест, ссылка, содержание в арестантских ротах, а также заключение в различных учреждениях тюремной системы (крепости, тюрьме и пр.) [8, с. 113].

Текущее функционирование отечественного общества в середине XIX в. столкнулось со значительными социально-политическими трансформациями, затронувшими всех сферы жизнедеятельности отдельных индивидов и в целом страны. Со стороны правительства были сформированы конкретные меры в отношении тюремной системы, изменившие ее функционал [9].

В рассматриваемый период были сформированы особые учреждения, ориентированные на применение к несовершеннолетним правонарушителям воздействия нравственного характера в целях их перевоспитания. Это стало значительным шагом в аспекте развития условий отбывания субъектами лишения свободы [10].

Началом обширного реформирования отечественной тюремной системы стала организация в 1872 г. специальной комиссии для разработки соответствующего проекта. Итоговый документ состоял из пяти разделов и входивших в их состав 176 статей. Ключевой идеей задуманного реформирования выступала дифференциация мест лишения свободы (далее – МЛС), исходя из вида учреждения и вмененного лицу наказания [11].

Во времена СССР изменилось социальное устройство, что обусловилось трансформацией самой структуры народонаселения.

Серьезным шагом в развитии условий отбывания субъектом вмененного ему лишения свободы выступило принятие в 1918 г. документа, устанавливающего классификацию МЛС. В частности, речь идет

о Временной инструкции «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового». Определялось пять категорий МЛС:

- первая категория включала тюрьмы;
- следующая объединяла земледельческие колонии, а также реформатории;
- в третью входили заведения, относящиеся к карательно-лечебной категории, в которых содержались субъекты, имеющие хронические психические заболевания;
- четвертая категория включала испытательные заведения, предназначенные для осужденных, получивших право на снижение первоначального режима или УДО;
- последняя категория объединяла тюремные больницы.

Положения представленного документа определили все последующее развитие отечественной системы МЛС.

В 1922 г. появился первый УК СССР. Данный кодекс предусматривал ограниченную продолжительность лишения свободы (минимальный срок – полгода, максимально возможный – десять лет). Вариативность назначения рассматриваемого вида наказания включала в себя возможность строгой изоляции. Установленный обозначенным правовым документом список МЛС включал в себя следующие виды:

- к первому виду относились колонии (ремесленной направленности, а также трудовой сельскохозяйственной);
- следующим видом выделялся исправительно-трудовой дом;
- к последнему виду относился исправительно-трудовой дом, относящийся к категории переходного.

Критерием предпочтения конкретного учреждения выступала требуемая для перевоспитания субъекта направленность целевого воздействия.

В соответствии с положениями Исправительно-трудового кодекса (далее – ИТК) РСФСР 1924 г., действующие МЛС дифференцировались в зависимости от применяемых к осужденным мер. Выделялись следующие группы таких учреждений [12, с. 15–16]:

- первая группа объединяла учреждения, ориентированные на исправительные меры;
- следующая группа объединяла учреждения, ориентированные на медико-педагогические меры;
- последняя группа объединяла учреждения, ориентированные на медицинские меры.

Положительным моментам рассматриваемого кодекса выступила возможность предоставления отдельным осужденным полусвободного режима в случае наличия у них хороших характеристик. Такие субъекты подлежали переводу в исправительно-трудовые дома, относящиеся к категории переходных.

Новый ИТК РСФСР 1933 г. определил преимущественное значение многовариативных трудовых колоний, занявших центральное место среди МЛС. Основная направленность таких заведений ориентировалась на проведение с субъектами целевой работы (как культурно-просветительного характера, так и политико-воспитательного).

Очередная классификация МЛС нашла утверждение в УК РСФСР 1960 г. Данным правовым документам выделялись три категории учреждений: тюрьмы, а также колонии, дифференцируемые в зависимости от направленности на исправительно-трудовые, а также воспитательно-трудовые.

Согласно положениям ИТК РСФСР 1970 г. ввело разделение условий содержания осужденных субъектов, предопределяемое конкретным МЛС, а также уровнем социальной опасности совершенного лицом преступного деяния. Причиной такого нововведения являлось внедрение в отечественную уголовно-правовую политику принципов гуманизации, а также стремление к усилению действенного и результативности усилий по исправлению осужденных лиц.

Современный УК РФ перенял в свои положения нормы УК РСФСР 1960 г. относительно классификации исправительных учреждений, а также ИТК 1970 г. [13, с. 23–28].

При всей продолжительности функционирования отечественной тюремной системы, непосредственное развитие условий отбывания субъектом вмененного ему лишения свободы не может продемонстрировать аналогичную историческую длительность. Фактическое формирование рассматриваемых условий является причиной практического вменения прогрессивных принципов в контексте советской системы отбывания субъектами наказания, что произошло в первой половине XX в. одновременно с организацией учреждений, относящихся к категории исправительно-трудовых.

Сказанное не означает полное отсутствие попыток развития таких условий в более ранние исторические этапы, однако имевшиеся в то время идеи не нашли четкой и оптимальной практической реализации. Основная проблема этапа царской России заключалась в несоответствии теоретических прогрессивных разработок текущему экономическому положению страны, что приводило к «замиранию» идеи уже на стадии проекта. Тюремные учреждения того периода испытывали серьезные затруднения с финансированием, нуждаясь, прежде всего, в организации хотя бы минимальных условий для соответствующего содержания заключенных и предоставления возможности надлежаще реализовать имеющиеся виды назначаемого им наказания. Несмотря на предпринятые Екатериной II попытки включения прогрессивных компонентов в существовавшую систему реализации

приговоров, отсутствовали организационные ресурсы для их практического внедрения.

Период начала XX в. характеризовался существенными трансформациями политического и социального функционирования нашей страны, что предопределило несоответствие отечественной пенитенциарной системы более развитым американской и европейским [7].

Для преодоления такого расхождения, были внедрены практические мероприятия, ориентированные на либерализацию текущего режима содержания заключенных. В частности, принято решение об отказе от унижающих достоинство осужденных компонентов отбывания наказания (обязательное молчание, заключение в кандалы и пр.). Пересмотру подверглись и задачи, поставленные перед наказанием. Теперь оно нацеливалось на перевоспитание осужденного субъекта. Обозначенные меры стали существенным прорывом в деле гуманизации условий содержания заключенных и их правового положения.

Советское правительство сфокусировало внимание на актуальности реформ существующей тюремной системы, поскольку она находилась в поистине разрушенном состоянии. Кроме того, в рассматриваемый период обозначилась направленность на ее трансформацию в пользу превалирования учреждений именно воспитательного характера. Несмотря на принятие новой властью за основу принципов прогрессивной системы, при их реализации акцент ставился на новую политическую идеологию, базировавшуюся на классовом подходе формулирования и вменения соответствующих аспектов политики (а именно, уголовного, а также уголовно-исполнительного), что обусловило определенную специфику становления компонентов избранной системы. Фактическим началом кардинального реформирования отечественной пенитенциарной системы стал 1918 г. Результативным показателем завершения начального этапа выступило принятие ИТК РСФСР 1924 г. [14].

Поскольку тюремная система на тот момент находилась в чрезвычайно бедственном положении, ключевые усилия концентрировались на формировании единой системы пенитенциарных учреждений с элементарными условиями для исполнения наказаний. Положительным моментом проводимых реформ представляется выявление и принятие во внимание конкретных идей, выдвинутых администрациями мест заключения. Среди них имелись прогрессивные предложения (например, необходимость включения в компетенцию публично-властного субъекта задачи, направленной на воспитательное воздействие на заключенных в целях исправления таковых) [15, с. 797].

В 1918 г. НКЮ РСФСР издал Постановление «О лишении свободы, как о мере наказания, и о по-

рядке отбывания такового (временная Инструкция)». Представленный правовой документ официально подтвердил разрушение прежней пенитенциарной системы и ввел в действие прогрессивный подход, предусматривающий направленность назначения субъектам лишения свободы и его последующего исполнения на непосредственное перевоспитание таких лиц для дальнейшего их исправления. Следующим элементом прогрессивного подхода стало разделение содержания осужденных лиц. Так, после нахождения во временном отделении, организованном в общей тюрьме, осужденные подлежали последующему перемещению в учреждения согласно соответствующему разряду. Отдельным компонентом внедряемой прогрессивной системы выступило установление оплаты осуществляемого заключенными производительного труда. Размер такой оплаты обуславливался ставками соответствующих профсоюзов [14].

Значимым шагом становления института развития рассматриваемых в настоящей работе условий явилась разработка ИТК РСФСР 1924 г., положения которого предусматривали возможность изменения изначальных условий отбывания субъектом наказания в пределах отдельного учреждения, либо при помощи перевода такого лица в другое учреждение. Данный правовой документ закрепил новую советскую прогрессивную уголовно-исполнительную политику. Отдельно следует подчеркнуть, что ИТК РСФСР 1924 г. не оперирует термином «наказание», заменяя его на «меры социальной защиты» [16].

Следующим нововведением выступило нормативное установление возможности предоставления осужденным субъектам более комфортных условий содержания в случае правомерного поведения, и напротив, усиления режима при соответствующих нарушениях.

Исходным источником последующего развития условий отбывания субъектами вмененного лишения свободы являлись соответствующие превалирующие в отечественном социуме политические тенденции.

Так, формирование в 1928 г. строгой политики, направленной на применение к классовым врагам более жестких условий непосредственного исполнения назначенного наказания, стало следствием соответствующего Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения». Практически одновременно последовал отказ от практического использования прогрессивной системы. В 1930 г. СЕК РСФСР выпустил Постановление «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях». Содержащиеся в указанном документе положения ознаменовали прекращение внедрения и применения компонентов прогрессивной системы, названной враждебной существующему

строю ввиду исходной буржуазной направленности. Принятие данного постановления дало ход значительным отступлениям от ранее утвержденных принципов законности [17].

Новый ИТК РСФСР 1933 г. разительно отличался с положениями ранее действовавшего кодекса. Преобразование в социальном сознании большевистской идеологии и специфика текущего политического режима привели к критическому восприятию принципов прогрессивной системы в контексте отбывания осужденными наказания как отечественным обществом, так и исследователями-правоведами [18].

В середине XX века в отечественной пенитенциарной системе произошел переход от системы лагерей, на смену которым пришли исправительно-трудовые колонии как основные учреждения МЛС, а также тюрьмы. В данных колониях существовала дифференциация режима содержания, включающая в себя следующие виды: первый – облегченный режим, второй – общий, третий – строгий. Смена изначально определенного для осужденного режима обуславливалась направленностью его текущего поведения. Так, при правомерности предполагались послабления, в случае нарушений – усиление режима.

В 1961 г. вышеописанные колонии подверглись разделению по критерию действующего в них режима на общие колонии, усиленные, а также особые и строгие. Впоследствии были организованы отдельные колонии-поселения, в которых содержались субъекты, продемонстрировавшие при содержании в исправительно-трудовых колониях четырех представленных режимов изменение поведения в пользу исправления.

Новый ИТК РСФСР 1970 г. постановил в качестве центральной задачи, выполняемое соответствующими исправительно-трудовыми учреждениями, способствование перевоспитанию осужденных субъектов в целях их последующего исправления. Также данный документ закрепил конкретные правила изменения изначально определенных условий содержания таких лиц в рамках отдельного учреждения, а равно их перевода в иное учреждение [19].

После распада СССР и становления российского государства, сопутствующее данному процессу реформирование затронуло и пенитенциарную систему. В соответствующее законодательство были внесены кардинальные изменения, направленные на приближение его положений к сформированным международным сообществом стандартам текущего обращения с осужденными субъектами, а также на практическое вменение в его нормы прогрессивных элементов отбывания назначенного им наказания [20].

Проведенный анализ свидетельствует об историческом начале практической реализации ключевых компонентов рассматриваемой прогрессивной систе-

мы в отечественной тюремной системе (включая изменение изначально определенных условий содержания лиц) лишь с прошлого столетия.

Список источников

1. Иванов, А. А. Начала дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в России в середине XVI–второй половине XVII в. / А. А. Иванов, Н. Д. Эриашвили // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 104–106.
2. Сундуров, Ф. Р., Талан, М. В. Наказание в уголовном праве : учебное пособие. М. : Статут, 2015.
3. Ефимова, А. С. История развития наказания в виде лишения свободы в России // Научный журнал. 2017. № 8 (21). С. 30–32.
4. Печников, А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.) : историческая хроника. М. : Изд-во «Щит-М», 2004. 325 с.
5. Бочарова, О. В. Уголовно-исполнительное право : учебное пособие / Юж.-Рос. Ун-т. Новочеркасск : ЮРГТУ, 2009. 140 с.
6. Детков, М. Г. и др. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. М. : Юриспруденция, 2009. 301 с.
7. Упоров, И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. : историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 610 с.
8. Вильгельм, А. В. История становления общих начал назначения наказания // Молодой ученый. 2018. № 49.
9. Беляева, Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция) : взгляд сквозь столетие. Человек : преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 3. С. 310–323.
10. Тараканов, Ю. В. К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918–1922 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2008. № 1. С. 1–6.
11. Рогова, О. В. Становление института лишения свободы в русском праве // Вектор науки, 2009. № 2 (5). С. 1–3.
12. Каданева, Е. А. Лишение свободы как уголовно-правовой институт и перспективы его развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 25 с.
13. Сафронов, М. Г. Назначение наказания в виде лишения свободы : магистерская диссертация. Барнаул, 2017.
14. Детков, М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Вердикт-ИМ, 1999. 448 с.
15. Дьяконова, А. А. Система уголовных наказаний России (IX – начало XX вв.) : история, осо-

бенности развития // Сборник статей победителей международной научно-практической конференции : в 2 ч. Пенза : Наука и Просвещение, 2017.

16. Старчекова, Е. А. История развития институтов наказаний, связанных с изоляцией от общества в дореволюционной России / Е. А. Старчекова // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 420–423.

17. Смыкалин, А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.

18. Удодов, А. Г. Уголовная и исправительно-трудовая политика советского государства и её реализация в 1928–1941 гг. / А. Г. Удодов // Право и образование. 2006. № 3. С. 194–206.

19. Круглов, В. Г. Генезис правового статуса осужденных к лишению свободы в российском государстве (1917–1997 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 218 с

20. Трофимова, Ю. В. Концептуальные основы регулирования правового статуса осужденных к лишению свободы в исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1970 г. / Ю. В. Трофимова // Вестник Кузбасского института. С. 121–128.

References

1. Ivanov, A. A. The beginning of differentiation and individualization of the execution of punishment in the form of imprisonment in Russia in the middle of the XVI–second half of the XVII century / A. A. Ivanov, N. D. Eriashvili // Criminal proceedings : problems of theory and practice. 2016. № 1. P. 104–106.

2. Sundurov, F. R., Talan, M. V. Punishment in criminal law : textbook. M. : Statute, 2015.

3. Efimova, A. S. The history of the development of punishment in the form of imprisonment in Russia // Scientific Journal. 2017. № 8 (21). P. 30–32.

4. Pechnikov, A. P. Prison institutions of the Russian state (1649 – October 1917) : historical chronicle. M. : Publishing house «Shield-M», 2004. 325 p.

5. Bocharova, O. V. Penal enforcement law : textbook / South-Russian. Un-T. Novocherkassk : YURSTU, 2009. 140 p.

6. Detkov, M. G. et al. The penal enforcement system. 130 years old. M. : Jurisprudence, 2009. 301 p.

7. Uporov, I. V. Penitentiary policy of Russia in the XVIII–XX centuries: historical and legal analysis of development trends. St. Petersburg : Legal Center Press, 2004. 610 p.

8. Wilhelm, A. V. The history of the formation of the general principles of sentencing // Young scientist. 2018. № 49.

9. Belyaeva, L. I. On deprivation of liberty as a measure of punishment, and on the order of serving such (Temporary Instruction) : a look through the century. Man: crime and punishment. 2019. t. 27 (1–4). № 3. P. 310–323.

10. Tarakanov, Yu. V. On the question of the formation of the Soviet penitentiary system (1918–1922) // Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. № 1. P. 1–6.

11. Rogova, O. V. The formation of the institution of deprivation of liberty in Russian law // Vector of Science, 2009. № 2 (5). P. 1–3.

12. Kadaneva, E. A. Deprivation of liberty as a criminal law institution and prospects for its development : abstract of a dissertation for the degree of Candidate of jurid. sciences. Ryazan, 2012. 25 p.

13. Safronov, M. G. Sentencing in the form of imprisonment : master's thesis. Barnaul, 2017.

14. Detkov, M. G. Prisons, camps and colonies of Russia. M. : Verdict-IM, 1999. 448 p.

15. Dyakonova, A. A. The system of criminal penalties in Russia (IX – early XX centuries): history, features of development // Collection of articles of the winners of the international scientific and practical conference : in 2 parts. Penza : Nauka i Prosveshchenie, 2017.

16. Starchekova, E. A. The history of the development of the institute of punishments associated with isolation from society in pre-revolutionary Russia / E. A. Starchekova // Young Scientist. 2019. № 49 (287). P. 420–423.

17. Smykalin, A. S. Colonies and prisons in Soviet Russia. Yekaterinburg, 1997.

18. Udodov, A. G. Criminal and correctional labor policy of the Soviet state and its implementation in 1928–1941 / A. G. Udodov // Law and Education. 2006. № 3. P. 194–206.

19. Kruglov, V. G. Genesis of the legal status of persons sentenced to imprisonment in the Russian state (1917–1997): dis. ... cand. jurid. sciences. Vladimir, 2004. 218 p.

20. Trofimova, Yu. V. Conceptual foundations for regulating the legal status of persons sentenced to imprisonment in the Correctional Labor Code of the RSFSR in 1970 / Yu. V. Trofimova // Bulletin of the Kuzbass Institute. P. 121–128.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для юрид. вузов и ф-тов / под ред. А. И. Зубкова. М. : Изд. группа ИНФРА-М. : НОРМА, 2007. 651 с.

2. Уголовно-исполнительное право. Учебник в 2 т. Т. 1 Общая часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2006. 512 с.

3. Уголовно-исполнительное право : учеб. для юрид. вузов / под ред. В. И. Селиверстова. 6-е изд., испр. и доп. М. : ИД «Юриспруденция», 2007. 513 с.

Bibliographic list

1. Penal enforcement law of Russia : textbook. for jurid. universities and universities / ed. by A. I. Zubkov. M. : Publishing house of the INFRA–M group : NORMA, 2007. 651 p.

2. Penal enforcement law. Textbook in 2 t. t. 1 General part / under the general editorship

of Yu. I. Kalinin. Ryazan : Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2006. 512 p.

3. Penal enforcement law : studies. for jurid. universities / edited by V. I. Seliverstov. 6th ed., ispr. and add. M. : Publishing house «Jurisprudence», 2007. 513 p.

Информация об авторах

А. Х. Батыров – инспектор ОИН Уголовно-исполнительная инспекция ОФСИН России по Республике Ингушетия;

И. М. Картоев – заместитель декана юридического факультета, доцент Ингушского государственного университета, Председатель Общественной палаты Республики Ингушетия, кандидат юридических наук;

Р. Б. Гандалоев – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ингушского государственного университета, научный сотрудник Центра мониторинга законодательства и правоприменения Института законотворчества Саратовской государственной юридической академии, кандидат политических наук.

Information about the authors

A. H. Batyrov – Inspector of SEI of the Penal Enforcement Inspectorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Ingushetia;

I. M. Kartoev – Deputy Dean of the Faculty of Law, Associate Professor of Ingush State University, Chairman of the Public Chamber of Ingushetia, Candidate of Legal Sciences;

R. B. Gandaloev – Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Ingush State University, Researcher of the Center for Monitoring Legislation and the Law of Application of the Lawmaking Institute of the Saratov State Law Academy, Candidate of Political Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья
УДК 343.983.25
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-41-45>
НИОН: 2015-0066-3/22-327
MOSURED: 77/27-011-2022-03-526

Возможности портативных триангуляционных 3Д сканеров в трасологических исследованиях

Михаил Вячеславович Беляев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, belyaev1975@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена современному способу анализа трасологических объектов исследования, а именно 3Д сканирование. Проведен анализ конструктивных характеристик сканеров и их классификация. Проведена серия экспериментов по фиксации следов обуви и орудий взлома тремя портативными сканерами зарубежного и российского производства с различными параметрами разрешения от 0,25 мм до 0,05 мм. Проанализированы результаты экспериментальной работы по различным основаниям, в том числе по возможности программного обеспечения, рекомендованного производителями. Изложены рекомендации по практическому использованию технологии 3Д сканирования.

Ключевые слова: технология 3Д сканирования, триангуляционные портативные сканеры, сканер «Scanform HR12L5» с разрешением 0,25 мм, сканер «Calibry Mini» с разрешением 0,1 мм, сканер «Scantech AXE-B17» с разрешением 0,05 м, универсальное программное обеспечение «Geomagic Design X», оригинальное программное обеспечение «Calibry Nest»

Для цитирования: Беляев М. В. Возможности портативных триангуляционных 3Д сканеров в трасологических исследованиях // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 41–45. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-41-45>.

Original article

The possibilities of portable 3D triangulation scanners in tracological research

Mikhail V. Belyaev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, belyaev1975@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the modern method of analyzing the tracological objects of research, namely 3D scanning. The analysis of the design characteristics of scanners is carried out. A series of experiments was carried out to fix traces of shoes and burglary tools with three portable scanners of foreign and domestic production with different resolution parameters from 0.25 mm to 0.05 mm. The results of experimental work on various grounds, including the capabilities of software recommended by manufacturers, are analyzed. Recommendations on the practical use of 3D scanning technology are presented.

Keywords: 3D scanning technology, triangulation portable scanners, scanners «Scanform HR12L5» with a resolution of 0.25 mm, scanners «Calibry Mini» with a resolution of 0.1 mm, scanner «Scantech AXE-B17» with a resolution of 0.05 m, universal software «Geomagic Design X», original software «Calibry Nest»

For citation: Belyaev M. V. The possibilities of portable 3D triangulation scanners in tracological research. Bulletin of economic security. 2022;(3):41–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-41-45>.

На сегодняшний день 3Д технологии получили достаточно широкое распространение во многих отраслях промышленности. Использование данных технологий является одним из наиболее перспективных направлений совершенствования процесса работы

отечественных предприятий, а также способов достижения научных целей.

Указанные технологии уже активно применяются в таких сферах как медицина, культура, строительство и легкая промышленность, так как обеспе-

чивают переход на качественно новый уровень при решении поставленных задач. Среди приведенного списка сфер деятельности на данный момент почти отсутствует судебная экспертная деятельность, однако, по нашему мнению, ситуацию возможно изменить.

Применение новых информационных технологий – основное направление развития последних лет в любой сфере исследовательской деятельности. В частности, использование технологий трехмерного сканирования – один из ярчайших примеров того, как современные разработки и оборудование могут существенно улучшать рабочий процесс в экспертной деятельности. В данной работе мы хотели бы уделить внимание возможностям современного 3Д сканирования, в целях их применения на месте происшествия для фиксации объектов и следов, а также их последующего применения в лабораторных условиях.

Непрерывно развивающийся научно-технический прогресс сопровождается постепенной компьютеризацией, подразумевает накопление информации об объектах судебной экспертизы преимущественно в цифровом формате. В связи с чем возникает необходимость ее быстрой обработки, с последующим решением все более сложных экспертных задач. При постоянном росте количества экспертиз это ведет к необходимости внедрения в экспертную практику новых технологий.

По нашему мнению, на сегодняшний день важным направлением является обнаружение фиксации, изъятие и исследование объемных следов, таких как следы подошвы обуви, следы орудий взлома, а также следы ходовой части транспортных средств (следы протектора шин). Применение 3Д технологий сканирования в данном виде экспертной деятельности (трасологии) является важным решением, так как, во-первых, это хорошая альтернатива традиционно применяемым методам фиксации (фотографирование), во-вторых, возможность оптимизировать процесс ведения трасологических учетов вышеуказанных следов, сделать их более информативными и систематизированными.

Объемные следы несут в себе значительную информацию об обстоятельствах совершенного преступления, однако традиционные методы фиксации, изъятия и исследования, применяемые специалистами-криминалистами на местах происшествия и экспертами в лабораторных условиях, не всегда позволяют произвести необходимые действия без потери и видоизменения криминалистически значимых сведений (признаков).

Необходимо отметить, что технологии 3Д сканирования получили развитие в двух основных направлениях: создание крупногабаритных стационарных сканеров и портативных устройств. В связи с чем, не-

обходимо обозначить такую категорию в классификации 3Д сканеров:

1. Стационарные
2. Портативные (ручные)

Необходимо констатировать, что портативные триангуляционные 3Д сканеры, использующие лазер и текстурированный свет, в полной мере по своим функциональным возможностям подходят для фиксации всех трасологических следов на месте происшествия (как аналог узловой и детальной съемки).

Портативные триангуляционные 3Д сканеры являются приборами метрологического контроля, поэтому обладают высокой точностью измерений. Однако перед началом использования подлежат процессу калибровки.

Ручным 3Д-сканером проще манипулировать в сравнении со стационарным сканером, так как сканер удерживается в руке. Возможно легко сканировать отверстия или углубления, которые потребуют существенно больших усилий, чтобы попасть со всех сторон с помощью стационарного 3Д-сканера.

Для проверки предположения о целесообразности применения портативных 3Д сканеров нами выполнено экспериментальное сканирование трасологических следов. За основу были взяты следы обуви (на двух видах грунта), статические следы орудия взлома на древесине (с естественной и темной окрашенной текстурой), динамические следы орудия взлома (на металлической и полимерной темной пластине), маркировочные обозначения на фрагменте металла. Изучением технических характеристик 3Д сканеров, предлагаемых в настоящее время на рынке, позволило нам определиться с конкретными моделями. Таковыми моделями по нашему мнению являются:

- сканер «Scanform HR12L5» – разрешение до 0,25 мм;
- сканер «Calibry Mini» – разрешение до 0,1 мм;
- сканер «Scantech AXE-B17» до 0,05 мм.

Стоит обратить внимание, что первые две модели являются разработкой Российских производителей от компаний «Scanform» и «Thor3D». Последний вышеуказанный сканер китайского производителя.

Следует отметить, что согласно требованиям в Российской Федерации все измерительные технические средства (оборудование) и программное обеспечение для него, должно содержаться в «госреестре» средств измерений. Это возможно проверить на сайте «Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии» (Росстандарт)¹. Данное требование согласно ФЗ № 102 от 26.06.2008 года «Об обеспечении единства измерений» в полной мере касается 3Д сканеров.

¹ <https://fgis.gost.ru/fundmetrology/registry/4>.

Анализ полученных экспериментальных моделей следов позволил определить ряд достоинств и недостатков. Стоит обратить внимание, что анализу подверглось и программное обеспечение сканеров. «Scanform HR12L5» – не имеет своего собственного программного обеспечения (далее – ПО), в связи с чем производителем рекомендовано пользоваться общедоступным ПО в этой области – «Geomagic Design X». В сканерах «Calibry Mini» и «Scantech AXE-B17» имеется ПО собственной разработки¹.

Прежде всего, стоит обратить внимание на *качество признаков* в следах. Модель «Scanform HR12L5» с разрешением 0,25 мм не позволила четко проработать индивидуальные признаки следообразующего объекта. Модели, полученные при использовании сканера «Calibry Mini» и ПО «Calibry Nest», а также «Scantech AXE-B17» признаки более детализированы, рельеф поверхности более четкий, изображение визуально воспринимается как более качественное. Аналогичная ситуация со статическими следами орудий взлома.

Что касается динамических следов, то, с задачей детализированной, информативной фиксации, достаточной для трасологического анализа – не справился ни один из представленных сканеров. В связи с этим в отношении следов данной категории следует применять традиционные средства фиксации – фотофиксация, с использованием колец для макросъемки на месте происшествия или микроскопа в лабораторных условиях.

ПО «Calibry Nest» и «Geomagic Design X» позволяют сделать *сечение профиля* любого выбранного пользователем участка модели. Сечение профиля модели (метод создания профилограммы) – одна из важнейших функций, дающая значительное преимущество 3Д сканеров над традиционными методами фиксации и изъятия трасологических следов.

Точность измерения один из важнейших показателей возможности применения оборудования при проведении следственных действий. Для проверки точности измерений, проводимых при помощи программных средств, нами была проведена серия измерений с использованием линейки (ГОСТ 17435-72) с точностью измерений 0,5 мм и штангенциркуля точность измерения 0,05 мм (ГОСТ 166-89). Проводились следующие измерения следа подошвы обуви: общая длина; наибольшая ширина подметочной части; наибольшая ширина каблучной части; крайний правый элемент с левой стороны, его ширина, длина и высота, треугольное углубление. Полученные результаты измерений инструментальными метода-

ми соответствуют результатам, полученными при измерении с помощью программных средств для 3Д сканеров.

Возможности ПО «Geomagic Design X» позволяют проводить измерения трех видов: 1. Измерение *линейных величин*. Измерения проводятся параллельно измеряемой плоскости. Параллельность измерений можно проверить, повернув скан боковой поверхностью к окну просмотра 2. Измерение *радиуса*. Осуществляется методом измерения по трем точкам 3. Измерение *углов* осуществляется пятью методами: вектор – две точки; плоскость – вектор; три точки; две плоскости. Все перечисленные методы могут быть применены к моделям трасологических объектов, но наиболее удобным и приближенным к традиционному методу измерения углов при помощи измерительного инструмента – транспортира, является метод измерения по трем точкам. Функции ПО «Calibry Nest» ограничены возможностью измерения только линейных величин. Измерение проводилось при перпендикулярном расположении лицевой поверхности скана к окну просмотра.

Оптимальность разрешения в данной ситуации рассматривается с точки зрения *визуального восприятия* эксперта, модели следа. По результатам проведенного исследования мы пришли к выводу, что оптимальным разрешением для исследования большей части типовых трасологических объектов, таких как следы подошвы обуви, следы ТС, следы орудий взлома и соответствующих им следообразующих объектов, является 0,1 мм, полученное при использовании сканеров «Calibry Mini» и «Scantech AXE-B17». Данного разрешения достаточно, чтобы получить необходимую информацию об исследуемом объекте, при этом не происходит чрезмерной детализации рельефа объекта, приводящей к «забиванию, потере» индивидуальных признаков. Разрешение 0,25 мм, полученное при использовании сканера компании «Scanform» недостаточно для детального изучения особенностей строения трасологических объектов. Для сканирования динамических следов и восприятия их микрорельефа необходимо использовать сканеры с разрешением от 0,05 мм до 0,02 мм.

Понятность и адаптированность интерфейса ПО. Пользовательский интерфейс обоих ПО интуитивно понятен и прост в использовании. Стоит отметить, что ПО «Geomagic Design X» включает в себя большое количество функций, которые не находят применения в экспертной деятельности. К примеру, мы считаем недопустимыми использование функции автоматического заполнения отверстий, возникающих при использовании маркеров или некачественном сканировании в связи с внесением изменений в исследуемый объект. ПО в первую очередь предназначено для 3Д проектирования с целью контроля геометрии

¹ В «Mini Calibry» – ПО «Calibry Nest», в «Scantech AXE-B17» – ПО «Scan viewer» (для анализа представлено не было).

объектов и реверс-инжиниринга, что осложняет исследовательскую работу. Пользовательский интерфейс ПО «Calibry Nest» более понятен и доступен для обычного пользователя.

Форматы файлов (импорт/экспорт). ПО «Geomagic Design X» может экспортировать файлы в трех форматах: PLY, STL, TXT. ПО «Calibry Nest» может экспортировать файлы в четырех стандартных форматах: OBJ, STL, PLY, WRML. Данные форматы файлов позволяют полноценно работать с полученными моделями следов.

Сохранение истории изменений файла имеет большое значение с точки зрения процессуального законодательства и использования результатов исследования в доказательственных целях. В ПО «Geomagic Design X» имеется функция сохранения истории изменений производимых при работе с моделью. ПО «Calibry Nest» не обладает функцией сохранения истории изменений. Однако, в настоящее время, разработчики данной программы заявляют об устранении выявленного недостатка в ближайшее время.

Инверсия изображения. В ПО «Geomagic Design X» нет функции «инверсия». Однако нами найдено решение проблемы – произведя несколько движений мышью, пользователь может перевернуть модель тыльной стороной к окну просмотра. В результате этого действия мы получили инвертированное изображение, которое является сопоставимым со следообразующим объектом и может быть использовано для сравнения в данном случае с подошвой ботинка. Стороны модели отличаются по цветовой гамме, что позволяет производить контроль стороны и не допустить ошибок при сравнении.

Для подтверждения правильности полученного инвертированного изображения следа нами был получен модель подошвы ботинка, которым образован след.

По общим признакам, направлению оси следа, конфигурации и расположению элементов рельефа мы видим, что нами получено сопоставимое инвертированное изображение, пригодное для сравнения. Таким образом, не создавая дополнительный файл и без каких-либо сложных операций пользователь может получить инвертированное изображение модели. В ПО «Calibry Nest» возможно получение инвертированного изображения на программном уровне.

Время выполнения операции зависит от технических возможностей используемого компьютера. По нашему мнению, более рационально сделать переворот следа как в ПО «Geomagic Design X» и таким образом получить инвертированное изображение. Полученный результат по рельефу и оси следа соответствует следообразующему объекту и может быть использован для сравнения.

Способы вывода данных. Для вывода 3Д-моделей могут использоваться различные технические средства: 3Д-монитор, 3Д-принтер или фрезерный станок с поддержкой G-кода. Для оформления иллюстрационного материала по результатам фиксации или проведения сравнительного исследования специалистом могут быть сделаны снимки с экрана монитора или конкретной области модели следа.

Проанализировав основные параметры тестируемых сканеров и сравнив технические характеристики всех трех моделей вышеизложенных сканеров, мы пришли к следующим выводам:

Модель китайского 3Д сканера «Scantech AXE B17» обладает высокими показателями качества моделей, полученных с разрешением до 0,05 мм, функции программного обеспечения соответствуют задачам, стоящим на этапе предварительного исследования, но высокая стоимость устройства и ПО¹ затрудняет внедрять данное оборудование в экспертно-криминалистические подразделения системы МВД России.

Результаты, полученные при использовании сканера «Scanform HR12L5» при максимальном разрешении 0,25 мм недостаточны для фиксации большинства трасологических объектов, а недостатки, выявленные при исследовании универсального ПО делают его применение ограниченным в криминалистических целях².

На основе проведенного исследования считаем наиболее приемлемой для правоохранительных органов модель 3Д сканера «Calibry Mini» в целях применения в следственных действиях, так как устройство обладает достаточными техническими характеристиками для решения поставленных задач. Использование 3Д сканера вместе с оригинальным программным обеспечением может существенно повысить качество и увеличить количество получаемой криминалистически значимой информации. Сканер «Calibry Mini» с разрешением 0,1 мм допустимо применять для фиксации большей части типовых трасологических объектов.

Необходимо отметить, что у компании «Thor3D» имеется полностью мобильная и беспроводная модель 3D сканера – «DRAKE» (ДРЕЙК). На данный момент модель снята с производства по причине отсутствия спроса потребителей. Однако в криминалистических целях могла бы очевидным образом использоваться. В комплекте имеется 3 съемных объектива, при помощи которых возможно, сканировать предметы разного

¹ Стоимость сканера «Scantech AXE B17» составляет ≈ 15000\$; сканер «Calibry Mini» ≈ 6200\$; сканер «Scanform HR12L5» ≈ 3900\$.

² Однако следует отметить, что разработчики компании «Scanform» в настоящее время разрабатывают концепт оборудования с разрешением 0,1 мм.

размера. Используются съемные объективы «Mini», «Midi», «Maxi» позволяющие добиться разрешения сканирования до 0,15 мм. Размеры сканируемых объектов составляют от 5 см до 5 м. Беспроводной 3D сканер Drake, позволяет провести работу комфортно, не путаясь в шнурах. Батареи хватает на 1–1,25 часа непрерывной работы. Вес сканера – 2,3 килограмма. Сенсорный дисплей на основной части сканера (туловище) в реальном времени показывает процесс сканирования – возможность сразу контролировать работу.

В завершении статьи необходимо отметить, что важным является анализ результатов экспериментального сканирования следов и объектов трасологического исследования. Нами установлена возможность применения портативных триангуляционных лазерных 3D сканеров и сканеров структурированного света для экспертных и криминалистических целей. Каждый из представленных сканеров обладает своими достоинствами и недостатками. Многое зависит от конкретных целей их применения – фиксация обстановки места происшествия, фиксация макроследов, фиксация микроследов, сохранение цвета объекта и пр. Применение исследуемых технологий в данной сфере способно привести к повышению эффективности экспертиз и показателей трасологических учетов по следам обуви, транспортных средств и орудий взлома.

Информация об авторе

М. В. Беляев – доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. V. Belyaev – Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022; одобрена после рецензирования 27.07.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 27.07.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Библиографический список

1. Бондарев Я. Ю. Информация о типах ручных сканеров и подробный разбор их применения в литейном производстве [Электронный ресурс]. URL: <https://i3d.ru/blog/brend-3d-printery-materialy/%20scantech/primenenie-ruchnykh-3d-skanerov-v-liteynom-proizvodstve> (дата обращения: 30.09.2021).

2. Беляев М. В. Возможности трехмерного сканирования трасологических объектов // Судебная экспертиза: прошлое настоящее и взгляд в будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2018. С. 34–39.

Bibliographic list

1. Bondarev Ya. Yu. Information about the types of manual scanners and a detailed analysis of their use in foundry production [Electronic resource]. URL: <https://i3d.ru/blog/brend-3d-printery-materialy/%20scantech/primenenie-ruchnykh-3d-skanerov-v-liteynom-proizvodstve> (accessed: 30.09.2021).

2. Belyaev M. V. Possibilities of three-dimensional scanning of tracological objects // Forensic examination: past present and a look into the future. Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. P. 34–39.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-46-49>

НИОН: 2015-0066-3/22-328

MOSURED: 77/27-011-2022-03-527

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в трудах профессора Л. М. Карнеевой и его современные тенденции

Ольга Владимировна Волынская¹, Евгения Викторовна Семенкова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ovolinskaya@mail.ru

² sevg22@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам института привлечения лица в качестве обвиняемого, их разрешению в трудах профессора Л. М. Карнеевой и современных авторов, кроме того обозначены отдельные аспекты его совершенствования.

Ключевые слова: досудебное производство по уголовному делу, институт привлечения лица в качестве обвиняемого, предварительное следствие, уголовный процесс

Для цитирования: Волынская О. В., Семенкова Е. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в трудах профессора Л. М. Карнеевой и его современные тенденции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 46–49. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-46-49>.

Original article

The institute of involvement of a person as an accused in the works of Professor L. M. Karneeva and its current trends

Olga V. Volynskaya¹, Evgeniya V. Semenkova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ovolinskaya@mail.ru

² sevg22@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of the institution of attracting a person as an accused, their resolution in the works of Professor L. M. Karneeva and modern authors, in addition, certain aspects of its improvement are outlined.

Keywords: pre-trial proceedings in a criminal case, institution of bringing a person as an accused, preliminary investigation, criminal process

For citation: Volynskaya O. V., Semenkova E. V. The institute of involvement of a person as an accused in the works of Professor L. M. Karneeva and its current trends. Bulletin of economic security. 2022;(3):46–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-46-49>.

Научное осознание института обвинения отличается от тех понятий и критериев, которые регламентируют весьма значимый для него этап предварительного следствия, связанный с привлечением лица в качестве обвиняемого. Следует согласиться, что под обвинением понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, формулирование, обоснование и защита которого осуществляется должностными лица-

ми со стороны обвинения в порядке, установленном действующим уголовно-процессуальным законом [1, с. 219].

Соотношение понятий «институт обвинения» и «привлечение в качестве обвиняемого» можно рассматривать как общее и частное. Институт обвинения включает не только самостоятельный этап предварительного следствия, но и разновидности окончания расследования в форме дознания. Кроме того, это

касается и специфики предварительного следствия в отношении специальных субъектов уголовного судопроизводства.

Значимое количество работ исследованию рассматриваемого института посвятила профессор Л. М. Карнеева. К счастью, нам удалось лично ознакомиться с теми из них, которые относятся к данной проблематике [5; 6; 7; 8]. Их анализ позволил высказать некоторые суждения по поводу того, насколько они переключаются с современными реалиями реформирования ныне действующего уголовно-процессуального закона и правоприменительной практикой. Значение оставленного научного наследия трудно переоценить.

Современный этап развития института обвинения в науке уголовного процесса весьма противоречив. Он характеризуется большим объемом различных предложений ученых-процессуалистов, которые касаются как совершенствования существующей процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого, так и ее возможной полной ликвидации.

За отмену существующей сегодня процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого выступает группа ученых-процессуалистов, одним из представителей, наиболее активно отстаивающим данную позицию, можно упомянуть профессора Б. Я. Гаврилова. В качестве аргументов позиции о ликвидации института, предусмотренного главой 23 УПК РФ, приводится ряд доводов: статистические данные количества осужденных по уголовным делам, направленным без предъявления обвинения (с формой окончания расследования в виде обвинительного акта); существование и сохранение данного института как основания для допуска защитника к производству по уголовному делу; необходимость разрешения проблемы, связанной с возвращением уголовного дела прокурору в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ; значительные временные и затраты экономического порядка; объединение процедур предъявления обвинения и ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия [3; 4].

Считаем, что вышеупомянутая позиция может иметь право на существование, однако не можем согласиться с ней в полном объеме. На наш взгляд, процедура привлечения лица в качестве обвиняемого лежит, прежде всего, в основе существующей сегодня формы предварительного расследования – предварительного следствия и является одним из ключевых элементов, отличающих данную форму от разновидностей дознания. На сегодняшний день формы предварительного расследования, предусмотренные уголовно-процессуальным законом и без того, в определенной степени обезличены и, зачастую, в отдельных элементах «сливаются воедино». Думается, что отмена вышеуказанного элемента предварительного

следствия, т. е. привлечения лица в качестве обвиняемого, приведет к вопросу о необходимости реформирования предварительного следствия как особой формы расследования, который уже сегодня ставится отдельными учеными. Полагаем, такая дифференциация уголовно-процессуальной формы необходима, хотя бы потому что, те составы преступлений, по которым предусмотрено производство предварительного следствия являются более тяжкими по сравнению с преступлениями, подследственными органам дознания. Отсюда же, необходимо сформулировать и законодательно закрепить положения относительно необходимости усиления правовой защищенности и, в ее рамках, гарантий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по обозначенным составам преступлений. Данной категории лиц необходимо гарантировать право на защиту, которое, в том числе, должно обеспечиваться возможностью защищаться по предъявленному обвинению. Отметим, что авторы, придерживающиеся данной позиции, предлагают заменить процедуру привлечения лица в качестве обвиняемого на аналогичную структуре уведомления лица о подозрении в совершении преступления. Очевидно, что отказаться от промежуточного акта, закрепляющего и конкретизирующего позицию стороны обвинения, относительно лица, подвергаемого уголовному преследованию, невозможно, так как такой отказ приведет к нарушению прав привлекаемого лица. Но тогда возникает вопрос: зачем отказываться от существующей сегодня и уже апробированной в течение десятилетий процедуры, заменяя ее на, отчасти схожую, с различиями не только в процессуальных статусах лица, но и возможностях продолжения доказательственной деятельности. В таком случае лицо, подвергаемое уголовному преследованию будет продолжать находиться в статусе подозреваемого до окончания расследования, то есть до вынесения обвинительного заключения, однако оправданно ли это с учетом тяжести совершенных преступлений и санкций, предусмотренных уголовным законом за их совершение? На наш взгляд, процессуальный статус таких лиц необходимо, напротив, усиливать путем внесения законодательных правил, гарантирующих правовую защищенность личности, подвергаемой уголовному преследованию на этапе предъявления обвинения, поскольку ликвидация этой процедуры может привести к существенным следственным и судебным ошибкам. По поводу вышеупомянутой процедуры так называемого «слияния» предъявления обвинения и ознакомления с материалами уголовного дела, отметим, что речь идет о повторном предъявлении обвинения, которое, как правило, является более детальным и обстоятельным по сравнению с первоначальным, т. е. на момент повторного обвинения лицо уже находится в статусе обвиняемого и пользуется всеми правами этого участ-

ника процесса. Однако, необходимо согласиться, что такая проблема действительно имеет место быть на практике и нуждается в разрешении. Таковое нам видится не в упразднении процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого, а в ее совершенствовании. К примеру, путем установления минимального срока с момента предъявления обвинения до момента ознакомления с материалами уголовного дела, чтобы дать стороне защиты возможность представить дополнительные материалы, обосновывающие эту позицию или заявить ходатайства до начала этапа окончания предварительного следствия.

В рамках настоящей статьи, хотелось упомянуть и мнение другой группы ученых, которые выступают не за ликвидацию процедуры привлечения в качестве обвиняемого, а за ее совершенствование [1; 2]. Авторы исходят прежде всего из необходимости придерживаться соблюдения правил обоснованности и мотивированности при формулировке содержания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, подчеркивая, что оно должно подтверждаться собранными по делу доказательствами и объем обвинения должен ограничиваться ими же. Об этом еще в 1976 году высказывались профессора Л. М. Карнеева и А. А. Чувилов, указывая на критерии и условия обеспечения законности при предъявлении обвинения [5, с. 12–19]. Не соглашаясь с мнением профессора В. М. Савицкого, считавшего, что решение вопроса о достаточности оснований для предъявления обвинения не связано с прямым указанием закона и зависит исключительно от усмотрения следователя, профессор Л. М. Карнеева, отмечала неправильность такой позиции, так как оценка собранных доказательств не может быть произвольной, следователь должен оценивать доказательства в их совокупности, руководствуясь законом и правосознанием. А объективным критерием оценки собранных доказательств с точки зрения их достаточности для предъявления обвинения должно являться не только правосознание следователя, но и закон [4, с. 4].

Одной из проблем, существующих на сегодняшний день в уголовно-процессуальном праве является возможность распространения правил института привлечения в качестве обвиняемого в отношении специальных субъектов. К примеру, при осуществлении производства о применении принудительных мер медицинского характера. Возникает проблема, связанная с тем, о каком обвинении может идти речь, если лицо не способно осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий? Ведь в отношении таких лиц не должно осуществляться уголовное преследование в полном объеме, хотя оно могло начаться и тогда, когда еще не было известно о соответствующем психическом состоянии

вышеупомянутого лица. Уголовно-процессуальный закон устанавливает их особый статус, обозначая в качестве «лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера». Однако, запрета на предъявление обвинения данной категории участников уголовно-процессуальной деятельности закон не предусматривает. Не говоря уже о таком (запрете) при назначении судебно-психиатрической экспертизы. На наш взгляд, обозначенная процедура является, исходя из реалий правоприменительной практики, как правило, факультативной по отношению к данной категории лиц и следует ее исключить в их отношении. Тем более, что и обвинительное заключение в этом случае не составляется, поэтому, полагаем, нецелесообразно, в рамках обозначенного распространения на упомянутую процедуру правил института обвинения и его составляющей части процесса привлечения в качестве обвиняемого.

Круг проблем, связанных с институтом обвинения и, в частности, с процедурой привлечения в качестве обвиняемого, сложно ограничить рамками настоящей статьи, так как спектр их довольно широк. Исследования данной области продолжаются и с уверенностью можно сказать, что будут подвергаться конструктивной критике и совокупному анализу вместе с развитием науки уголовно-процессуального права. При этом, необходимо отметить, что нельзя забывать тот научный опыт, который был накоплен предыдущими поколениями видных ученых-процессуалистов, среди которых вне всяких сомнений одними из выдающихся можно отметить труды уважаемого профессора Лидии Михайловны Карнеевой.

Список источников

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014. 287 с.
2. Андреев А. В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. М., 2017. 230 с.
3. Биляев В. А., Чухраев Д. А. К вопросу о совершенствовании института привлечения в качестве обвиняемого // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 185–190.
4. Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 51–56.
5. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : методическое пособие. ВНИИ Кримина-

листи Прокуратуры СССР. Государственное издательство юридической литературы. М., 1962. 92 с.

6. Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилев А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. ВНИИ по изучению причин и разработки мер предупреждения преступности. М., 1969. 123 с.

7. Карнеева Л. М. Особенности предъявления обвинения и допроса обвиняемого в условиях деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. Московская специальная средняя школа милиции. М., 1989. 47 с.

8. Карнеева Л. М., Чувилев А. А. Обеспечение законности и обоснованности привлечения в качестве обвиняемого : учебно-практическое пособие. Академия МВД СССР. М., 1976. 65 с.

9. Омарова М. Р., Семенов Е. А. Современное состояние института предъявления обвинения в российском уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 106–110.

References

1. Actual problems of criminal procedure law: studies. Handbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / edited by O. V. Khimicheva, O. V. Michurina. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2014. 287 p.

2. Andreev A. V. Ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings when involved as an accused: dissertation of the Candidate. *jurid. sciences*. 12.00.09. M., 2017. 230 p.

3. Bilyaev V. A., Chukhraev D. A. On the issue of improving the institution of involvement as an accused // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences*. 2021. Vol. 7 (73). No. 1. P. 185–190.

4. Gavrilov B. Ya. Bringing charges in pre-trial proceedings: are there grounds for its reorganization? // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 4 (44). P. 51–56.

5. Karneeva L. M. Involvement as an accused: a methodological guide. Institute of Criminology of the Prosecutor's Office of the USSR. State Publishing House of Legal Literature. M., 1962. 92 p.

6. Karneeva L. M., Soloviev A. B., Chuvilev A. A. Interrogation of the suspect and the accused. Research Institute for the Study of the Causes and development of crime prevention measures. M., 1969. 123 p.

7. Karneeva L. M. Features of the indictment and interrogation of the accused in the conditions of the activities of the internal affairs bodies: textbook. Moscow special secondary school of militia. M., 1989. 47 p.

8. Karneeva L. M., Chuvilev A. A. Ensuring the legality and validity of involvement as an accused: an educational and practical guide. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. M., 1976. 65 p.

9. Omarova M. R., Semenov E. A. The current state of the institute of indictment in the Russian criminal process // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 3 (32). P. 106–110.

Информация об авторах

О. В. Волынская – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Семенкова – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. V. Volynskaya – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Semenkova – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-50-54>

НИОН: 2015-0066-3/22-329

MOSURED: 77/27-011-2022-03-528

Подозреваемый в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: фактическое подозрение или формальные основания?

Наталья Владимировна Григорьева¹, Екатерина Александровна Прохорова²,
Наталья Викторовна Угольников³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Международный юридический институт, Москва, Россия

¹ navlagri@mail.ru

² prokhorovae@mail.ru

³ nvugolnikova@yandex.ru

Аннотация. Анализируется понятие подозреваемого в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. На основе разработанной профессором Л. М. Карнеевой концепции рассматривается соотношение фактического подозрения и формальных оснований в дефиниции «подозреваемый».

Ключевые слова: подозреваемый, фактическое подозрение, формальные основания, заподозренный, лицо, подозреваемое в совершении преступления

Для цитирования: Григорьева Н. В., Прохорова Е. А., Угольникова Н. В. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: фактическое подозрение или формальные основания? // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 50–54. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-50-54>.

Original article

A suspect in criminal proceedings in the Russian Federation: factual suspicion or formal grounds?

Natalia V. Grigoryeva¹, Ekaterina A. Prokhorova², Natalia V. Ugolnikova³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ International Law Institute, Moscow, Russia

¹ navlagri@mail.ru

² prokhorovae@mail.ru

³ nvugolnikova@yandex.ru

Abstract. The concept of a suspect of a suspect in criminal proceedings in the Russian Federation is analyzed. Based on the developed by professor L. M. Karneeva concept the relationship between factual suspicion and formal grounds in the definition of «suspect» is examined.

Keywords: suspect, factual suspicion, formal grounds, suspect, person suspected of committing a crime

For citation: Grigoryeva N. V., Prokhorova E. A., Ugolnikova N. V. A suspect in criminal proceedings in the Russian Federation: factual suspicion or formal grounds? Bulletin of economic security. 2022;(3):50–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-50-54>.

Центральным участником уголовного судопроизводства, обеспечение прав и свобод которого провозглашено на концептуальном уровне, является подозреваемый.

Значительный вклад в развитие института подозреваемого в отечественной процессуальной науке внесла профессор Лидия Михайловна Карнеева, работавшая его теоретическую основу, не утратив-

© Григорьева Н. В., Прохорова Е. А., Угольникова Н. В., 2022

шую своей актуальности по настоящее время и послужившую ориентиром для внесения изменений в уголовно-процессуальный закон.

Подход законодателя к формулированию понятия «подозреваемый» остается неизменным в течение достаточно длительного периода времени: содержание ч. 1 ст. 46 УПК РФ, определяющей данную фигуру через ряд формальных оснований, представляет собой дополненный и адаптированный к современным реалиям вариант ч. 1 ст. 52 УПК РСФСР 1960 г. В свою очередь, советское уголовно-процессуальное законодательство по данному вопросу основывалось на положениях дореволюционного законодательства, в котором термин «подозреваемый» в первую очередь упоминался в связи с наличием оснований для ареста лица или личного задержания либо отобрания подписки о явке по первому требованию (ст. 15, 16 Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок 1860 г.).

Особенностью данного подхода является отсутствие указания на сущность рассматриваемого понятия. Подозреваемым лицо называется в виду того, что в отношении него выполнены определенные действия, связанные с осуществлением уголовного преследования, в частности, в настоящее время это возбуждение уголовного дела, задержание, применение меры пресечения до предъявления обвинения, уведомление о подозрении. Основания для производства перечисленных процессуальных действий изложены в разных статьях закона, отражают специфику каждого действия в отдельности и не носят единого характера, в связи с чем выделение общих признаков подозрения проблематично.

Усугубляет ситуацию тот факт, что термин «подозреваемый» в уголовно-процессуальном законодательстве используется неоднозначно.

Так, из смысла п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, устанавливающей, что подозреваемым является лицо, которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ, следует, что соответствующий статус появляется в результате применения в отношении лица меры процессуального принуждения – задержания. В то же время, из названия и содержания ст. 91 и 92 УПК РФ вытекает, что задержанию подвергается лицо, уже являющееся подозреваемым. Нормы об участии в уголовном деле защитника с момента фактического задержания подозреваемого (п. 3 ч. 3 ст. 49, ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ) подтверждают предположение, что подозреваемый появляется в уголовном деле до процессуального задержания.

Аналогичная ситуация и с п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, определяющей, что подозреваемым является лицо, к которому применена мера пресечения в соответствии со ст. 100 УПК РФ. Ст. 100 УПК РФ, в свою очередь,

регламентирует избрание меры пресечения в отношении подозреваемого. Не предполагает возможности избрания мер пресечения в отношении иных лиц, кроме подозреваемого и обвиняемого, и ст. 97 УПК РФ. Таким образом, получается, что с точки зрения хронологии сначала в уголовном деле появляется подозреваемый, а потом в отношении него избирается мера пресечения.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым является лицо, которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ, что означает приобретение лицом статуса подозреваемого после выполнения действия по уведомлению о подозрении, с этого же момента в уголовном деле участвует защитник (п. 3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). В то же время, в других статьях лицо называется подозреваемым еще до момента уведомления о подозрении: ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ требует в уведомлении о подозрении указывать фамилию, имя, отчество и другие данные подозреваемого, ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ предписывает копию уведомления о подозрении вручать подозреваемому.

Помимо указанных явных нарушений в логической последовательности использования анализируемого понятия, можно заметить и завуалированную неточность, приводящую к мысли, что даже при рассмотрении сообщения о преступлении есть подозреваемый, несмотря на то, что самый ранний момент, с которым законодатель связывает возникновение этого статуса, – возбуждение уголовного дела. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ допускает защитника к участию в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, а согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ, защитник осуществляет защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых.

Примечательно, что в указанном плане УПК РСФСР 1960 г. был более упорядоченным. В ст. 122 речь шла о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, в ст. 90 – о применении меры пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, то есть использовалось более широкое, не тождественное подозреваемому, понятие. Вместе с тем, и в этом законе встречалось использование термина «подозреваемый» с рассмотренным выше нарушением хронологической последовательности – в названии ст. 90, в содержании ст. 91, 93–95 и др.

Для объяснения изложенных фактов целесообразным представляется обращение к разработанной Л. М. Карнеевой более чем полвека назад концепции, согласно которой лежащее в основе дефиниции «подозреваемый» понятие «подозрение» рассматривает-

ся в трех значениях, различающихся по уровням обоснованности: «как психологическая характеристика состояния сознания следователя, определяющая его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий и, наконец, как процессуальная категория, когда с возникшим подозрением закон связывает наступление определенных процессуальных последствий» [3, с. 61].

Развивая данную мысль применительно к действующему уголовно-процессуальному закону, можно предположить, что термин «подозреваемый» используется законодателем в двух значениях.

Первое – фактическое, в котором на первое место поставлены материально-правовые основания признания лица подозреваемым. В этом смысле речь идет о наименее обоснованном подозрении, существующем в виде субъективного мнения следователя либо дознавателя о причастности определенного лица к преступлению, которое пока не подтверждено надлежащим объемом доказательств и не оформлено в виде решения о наделении лица процессуальным статусом подозреваемого в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ. При этом подозреваемый в фактическом смысле не наделяется какими-либо процессуальными правами и, по сути, не является участником уголовного процесса. Не разъясняя данного факта, законодатель, тем не менее, широко и бессистемно использует понятие подозреваемого в фактическом аспекте, внося путаницу в понимание рассматриваемого термина и создавая повод для научной дискуссии. В связи с этим для обособления данного понятия в науке уголовного процесса использовался термин «заподозренный», в том числе и в работах Л. М. Карнеевой [2, с. 20, 24–27, 35, 41]. На наш взгляд, подобное разграничение терминов необходимо, но предпочтительнее использовать словосочетание «лицо, подозреваемое в совершении преступления» по аналогии с УПК РСФСР 1960 г., разъяснив в ст. 5 УПК РФ, что под ним понимается лицо, в отношении которого имеется подозрение о причастности к совершению преступления, но не наделенное процессуальным статусом подозреваемого согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Второе используемое в УПК РФ значение термина «подозреваемый» – процессуальное, в нем подозреваемый определяется через закрепленные в ч. 1 ст. 46 УПК РФ формальные основания, их реализация превращает лицо, в отношении которого имеется фактическое подозрение, в полноправного участника уголовного процесса. Если субъективное мнение следователя или дознавателя о подозрении нашло отражение в решении о возбуждении уголовного дела в отношении лица или о применении определенных мер процессуального принуждения либо субъектив-

ное мнение дознавателя изложено в уведомлении о подозрении, то в уголовном деле появляется подозреваемый, наделенный широким кругом прав, в том числе, защищаться всеми средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Указанный порядок наделения фактически подозреваемого (заподозренного, лица, подозреваемого в совершении преступления) процессуальным статусом объясняется прежде всего тем, что для существующей уголовно-процессуальной формы не характерно автоматическое вовлечение в уголовно-процессуальные правоотношения, обязательно существует некий юридический факт, влекущий возникновение взаимных прав и обязанностей. Так, следователь приобретает свой статус в результате принятия уголовного дела к своему производству, потерпевший – вынесения постановления или определения о признании потерпевшим, обвиняемый – вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительного акта) или составления обвинительного постановления, свидетель – вызова для дачи показаний и т. д. Соответственно, одного зародившегося в сознании следователя или дознавателя подозрения, не оформленного должным образом, для появления статуса подозреваемого недостаточно.

Кроме того, необходимо определить, что является ключевым признаком для отнесения тех или иных процессуальных действий и решений к основаниям наделения лица статусом подозреваемого.

Думается, что до того момента, пока с участием лица, относительно которого возникло субъективное подозрение, не предполагается проведение процессуальных действий, т. е. подозрение в отношении него существует только в сознании следователя или дознавателя, говорить о каких-то особых способах наделения его статусом подозреваемого, например в виде постановления о признании подозреваемым, нецелесообразно.

Как верно отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 ноября 2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского», «статус подозреваемого позволяет лицу защищаться от уголовного преследования», т. е. его возникновение производно от осуществляемого в отношении лица уголовного преследования.

Возникает вопрос, достаточно ли для наделения лица этим статусом оснований, сформулированных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ? Охватывают ли они все возможные случаи, когда лицу может потребоваться защита от уголовного преследования?

В первоначальной редакции ст. 52 УПК РСФСР 1960 г. лицо признавалось подозреваемым всего в

двух случаях – при задержании и применении меры пресечения до предъявления обвинения. Затем, в 2001 году, к ним добавился третий случай – при возбуждении уголовного дела в отношении лица, причем большая заслуга в этом принадлежит Л. М. Карнеевой, которая задолго до этих изменений отмечала, что процессуальным актом, посредством которого обосновывалось бы появление подозреваемого в деле, должно являться постановление о возбуждении уголовного дела против определенного лица [4, с. 20–21]. И, наконец, в 2007 году в связи с очередной реорганизацией института дознания к основаниям появления в уголовном деле подозреваемого добавилось уведомление лица о подозрении в совершении преступления (данная процедура по своей сущности имеет большее сходство с привлечением в качестве обвиняемого на предварительном следствии, нежели с обозначенными выше случаями наделения лица статусом подозреваемого, и обусловлена спецификой дознания, поэтому рассуждения о возможности ее распространения на предварительное следствие в настоящей статье исследоваться не будут).

Имеются ли предпосылки продолжения обозначенного процесса расширения перечня указанных оснований?

Интересным и обоснованным в свете рассматриваемой проблемы представляется мнение М. Н. Клепова, что «основополагающим критерием для отнесения того или иного документа, отражающего ход, порядок и результаты процессуального действия (решения), к основаниям признания лица подозреваемым ... должна являться степень ограничения прав и свобод лица, привлекаемого к расследованию» [5, с. 23].

В тех случаях, когда возникает необходимость произвести с лицом следственное действие, в том числе, чтобы проверить возникшее подозрение, надо исходить из того, как при этом могут быть защищены законные интересы данного лица.

Так, активно критикуемая в период действия УПК РСФСР 1960 г. практика допроса такого лица в качестве свидетеля в настоящее время не должна вызывать столь негативной реакции, поскольку введенные сначала в ст. 51 Конституции РФ, а затем и в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ правила свидетельского иммунитета, закрепленные в п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ право свидетеля являться на допрос с адвокатом нивелировали проблему нарушения прав личности в ходе такого допроса.

Нет потребности и в наделении лица статусом подозреваемого при получении от него образцов для сравнительного исследования, проведении в отношении него судебной экспертизы и освидетельствования, поскольку степень подозрения этих лиц

еще не является достаточной для его обоснованной формулировки, а применяемое при производстве указанных действий принуждение минимально и объясняется самим фактом начала уголовного судопроизводства.

Чрезмерное расширение оснований для признания лица подозреваемым может быть даже опасно в связи с тем, что при наделении статусом подозреваемого субъективное подозрение следователя либо дознавателя становится официальной позицией стороны обвинения по уголовному делу. Данный факт, несмотря на презумпцию невиновности, не может не коснуться лица, прежде всего, с психологической точки зрения – нравственные переживания самого лица и его близких, отношения с работодателем, которому становится известно, что его подчиненный является подозреваемым и т. д.

Таким образом, если гражданин может отстоять свои интересы вне рамок процессуального статуса подозреваемого, значит наделение его этим статусом излишне.

Верно указал В. Н. Григорьев, что «необходимо расширять не основания для признания лица подозреваемым, а реальную возможность воспользоваться правами для защиты своих законных интересов в связи с предпринимаемыми изобличающими действиями без наделения специальным статусом подозреваемого, только в рамках процедуры предпринимаемых действий» [1, с. 44].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что совершенствование законодательства в свете рассматриваемых проблем должно предполагать обоснование и закрепление в УПК РФ понятия, обозначающего лицо, подозреваемое в совершении преступления в фактическом смысле. Это позволит устранить многозначность термина «подозреваемый» и сформулировать содержательную дефиницию подозреваемого, включающую, помимо перечисления формальных оснований наделения лица соответствующим статусом, указание на сущность фактического подозрения.

Список источников

1. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблема? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
2. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : методическое пособие. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1962.
3. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юридическая литература, 1971.

4. Карнеева Л. М. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Соц. законность. 1954. № 12.

5. Клепов М. Н. Формирование процессуального статуса подозреваемого при производстве по уголовному делу : монография. Орел : ОрЮИ МВД России, 2003.

References

1. Grigoriev V. N. A person's acquisition of the criminal procedural status of a suspect: what is the problem? // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4.

2. Karneeva L. M. Involvement as an accused: Methodological guide. M. : State Publishing House of Legal Literature, 1962.

3. Karneeva L. M. Criminal proceedings. Legality and validity. M. : Legal literature, 1971.

4. Karneeva L. M. Procedural position of the suspect in connection with the draft Code of Criminal Procedure of the USSR // Sots. legality. 1954. No. 12.

5. Klepov M. N. Formation of the procedural status of a suspect in criminal proceedings : monograph. Orel : ORUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003.

Информация об авторах

Н. В. Григорьева – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. Прохорова – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Угольникова – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. V. Grigoryeva – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Public Law Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. A. Prokhorova – Deputy Chief of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. V. Ugolnikova – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines International Law Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-55-57>

НИОН: 2015-0066-3/22-330

MOSURED: 77/27-011-2022-03-529

Брачно-семейный статус мужчин в Древней Руси через призму памятников древнерусского права

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика брачно-семейного статуса мужчин в Древней Руси через призму памятников древнерусского права. С помощью исторического метода показаны дискриминационные свойства нормативного материала Древнерусского государства, регулирующего брачно-семейные отношения. С использованием сравнительного анализа продемонстрирован результат рецепции византийского семейного права и ее корреляцию с обычным правом Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, Эклога, обычное право, правовой статус мужчин, равноправие супругов, приданое, талион, многоженство

Для цитирования: Грошев С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в Древней Руси через призму памятников древнерусского права // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 55–57. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-55-57>.

Original article

Marital and family status of men in Ancient Russia through the prism of monuments of Ancient Russian law

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the marital and family status of men in Ancient Russia through the prism of monuments of ancient Russian law. Using the historical method, the discriminatory properties of the normative material of the Ancient Russian state regulating marriage and family relations are shown in the work. Using a comparative analysis the result of reception of Byzantine family law and its correlation with the customary law of Ancient Russia is demonstrated.

Keywords: Ancient Russia, Eclogue, customary law, legal status of men, equality of spouses, dowry, talion, polygamy

For citation: Groshev S. N. Marital and family status of men in Ancient Russia through the prism of monuments of Ancient Russian law. Bulletin of economic security. 2022;(3):55–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-55-57>.

Брачно-семейный статус личности, выступая важнейшим элементом спектра прав и обязанностей человека, является актуальным предметом исследования ученых по причине того, что правоотношения в сфере семьи, брака, наследования, рождения и воспитания детей и т. п. – крайне распространенные явления как в современный период, так и в различные исторические эпохи любого государства. Сама проблематика исследования правового статуса мужчин нацеливает ученых подвергать анализу не только современное правовое положение мужской гендерной группы, но и правовые явления глубокой древности,

когда отечественная государственность еще находилась на стадии становления. В связи с этим изучение брачно-семейного статуса мужчин в Древней Руси выступает важнейшей частью комплексного исследования эволюции мужских прав и обязанностей, выступая фундаментом к пониманию причин и условий существующей в России и иных странах юридической дискриминации мужчин и фактической дискриминации женщин по гендерному признаку.

До эпохи христианизации Руси у восточных славян имел место брачный дуализм, который характеризовался экзогамией с параллельными полигамны-

© Грошев С. Н., 2022

ми свойствами. Иными словами, население Древней Руси практиковало брачные отношения в своем близком окружении, отдавая предпочтение многоженству. Тем не менее сами брачные обряды несколько различались, в зависимости от социально-культурных клише того или иного племени. Более развитые племена восточных славян, такие как поляне и новгородцы, заключали брак посредством договора, в котором указывалось приданое невесты. Менее развитые в правовом и государственном отношении славянские племена вступали в брак посредством осуществления обряда умыкания невесты. В этой связи, права мужчины в семье, где невеста была похищена, были существенно шире, чем в браке договорном, в котором существовал определенный паритет правового статуса мужчины и женщины [1, с. 43]. Кроме того, в браке по договору супруг, выступая главой домохозяйства, не имел права препятствовать своей супруге заниматься предпринимательской деятельностью, обладая при этом личной собственностью, на которую супруг не имел право распространять свою власть. В браке по договору вдова-мать имела право стать главой семьи и даже занимать некоторые общественные должности. Об этом свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты, найденные на территории Новгорода. В семьях же, в которых брак осуществлялся посредством умыкания невесты, женщина имела приниженный статус, и власть супруга распространялась на нее полностью, включая личность и имущество. При этом, всякая имущественная самостоятельность и независимость женщины как субъекта экономических отношений исключалась [6, с. 107]. В этой связи можно выстраивать гипотезу о том, что материально обеспеченные слои населения Древней Руси практиковали браки договорные, когда отцы стремились наделить своих дочерей имуществом, дабы они имели в семье определенный авторитет и не подвергались притеснениям со стороны супруга. Возможно именно такая тенденция породила ярко выраженное отличие брачно-семейного статуса мужчин низших и высших слоев в Киевской Руси, а впоследствии и в Российской империи.

В этой связи небезынтересным выступает обычай со времен договоров Руси с Византией, когда принцип талиона не распространял свое действие на имущество супруги того, которого подозревали в убийстве, но не смогли отыскать. На существование раздельного имущества супругов в Древнерусском государстве косвенно указывает и обладание княгиней Ольгой города Вышгорода, который не являлся ее приданным, но был дарован ей супругом в качестве личной собственности [4, с. 89–90]. На независимость женщин Древней Руси указывает и договор князя Игоря с греками 944 г., в котором фигурируют женские имена в качестве акторов международных сношений, то есть тех субъектов, которые занимают общественные

должности и имеют определенный политический вес в древнерусском социуме [3, с. 50].

Христианизация Руси повлекла заметную трансформацию брачно-семейных связей в Древнерусском государстве, преобразив властную вертикаль и социальную структуру в целом. В частности, второй раздел устава князя Владимира отнес к церковной юрисдикции все правонарушения и споры о праве в брачно-семейной сфере по лекалам византийского Номоканона. Кроме того, в «Законе судного людям», изданном князем Владимиром, регламентировались брачно-семейные правоотношения в русле моногамности брака, его нерасторжимости и священности. Следует отметить, что декларирование моногамии брачно-семейных связей не повлекло мгновенное преобразование еще языческой социокультурной среды. Однако право мужчины иметь несколько жен было существенно поколеблено вместе с ростом влияния христианской церкви и упадком языческих верований. На государственном уровне многоженство стало преследоваться наравне с кровосмесительной связью. Вместе с тем, было нивелировано и право мужчин свободно развестись со своей супругой. В этом положении клерикальные круги опирались на Эклогу, которая предписывала строгое наказание за супружескую измену, вплоть до публичного сожжения живьем и разнообразных калечащих процедур, таких как отрезание носа [4, с. 89–90]. Такие радикальные новации безусловно выступали следствием рецепции византийского семейного права и не совпадали с текущей ситуацией правового положения мужчин и женщин в Киевской Руси. Вследствии этого уже при князе Ярославе был принят устав, который смягчал наказания за семейные правонарушения.

В целом в Древнерусском государстве сформировалась довольно амбивалентная позиция церкви и государства в отношении разводов. С одной стороны, разводы разрешались лишь в связи со смертью или неверностью супругов, но с другой, разводы периодически разрешались. При этом изменой считалось отсутствие жены в доме ночью, кроме случаев, когда она ночевала в доме родителей, существенно поколебав имевший место принцип равноправия супругов. Мало того, умершим считался супруг безвестно отсутствующий в течении 5–10 лет, что проводит параллели с современным отечественным законодательством. Вместе с тем, семейное право Византии предписывало и определенные основания для развода которые градируются с фактом наличия или отсутствия вины супругов.

В спектр оснований для развода, связанных с виной супругов, входили: а) покушение на монарха, либо иные виновные действия против него, что фактически означало смерть одного из супругов; б) покушение одного из супругов на жизнь другого; в) прелюбодеяние; г) аборт, сделанный женщиной без разрешения супруга; д) нарушение обряда крещения

собственного ребенка через его восприятие родителем.

Поводом к разводу без вины супругов выступали следующие моменты: а) неспособность осуществить половой акт на протяжении двух лет; б) безвестное отсутствие одного из супругов в течение 5–10 лет; в) умственная отсталость супруга на протяжении пяти лет; г) сумасшествие супругов на протяжении трех лет; д) нарушение женщиной запрета супруга на посещение публичных мероприятий, пиров и бань; е) уход в монастырь или занятие церковной должности.

Стоит отметить, что рецепция указанных выше положений, регламентирующих основания для развода, осуществлялась в Киевской Руси согласно бытовавшим в обществе языческим пережиткам и национальным традициям [3, с. 50]. Тем не менее с помощью клерикального инструментария и государственного принуждения был инициирован существенный крен в сторону ограничения не только права мужчин и женщин на свободный развод, но и в русло нарушения равноправия супругов по гендерному признаку, так как права мужчины в кластере оснований для развода были шире аналогичных женских прав. Мало того, церковный устав князя Ярослава закрепил право супруга решать вопрос о юридической достаточности повода для развода, если он не обладал саном священника [2, с. 181]. В дополнение ко всему, отечественная правовая традиция упорно не считала мужской промискуитет основанием для развода. Кроме того, правовое регулирование брачно-семейных отношений Киевской Руси не относилось к поводу для развода даже покушение мужчины на жизнь своей супруги, так как христианизация спровоцировала возврат такого явления как полновластие мужчины в семье [5, с. 126].

В заключение необходимо отметить, что брачно-семейный статус мужчин в дохристианской Руси зависел от типа брака и если присутствовали договорные начала при его заключении, то спектр прав и обязанностей супруга юридически был равен правам и обязанностям супруги. Христианизация Древнерусского государства и масштабная рецепция брачно-семейного права Византии повлекли, с одной стороны, нивелирование многоженства как социального яв-

ления, с другой же спровоцировала расширение прав супруга над личностью и имуществом супруги. Подобная тенденция четко коррелируется с усилением вертикали власти и ростом влияния христианской церкви как особой политической силы.

Список источников

1. Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб. : Лань, 1999. 639 с.
2. Дементьева Т. Ю. Прекращение и расторжение брака по древнерусскому праву // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 2. С. 179–190.
3. Древнерусское государство и право : учебное пособие / Кутына Г. А., Новицкая Т. Е., Семидеркин Н. А., Четвертков А. М. ; Под ред. : Новицкая Т. Е. М. : Зерцало, 1998. 96 с.
4. Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков : Тип. М. Ф. Зильберберга, 1884. 495 с.
5. Загоровский А. И. Курс семейного права. 2-е изд., с изм. и доп. Одесса : Тип. «Экон.», 1909. 574 с.
6. Кравченко Е. В. Сравнительный анализ семейных правовых норм на основе памятников древнерусского права // ЮП. 2015. № 4 (71). С. 106–111.

References

1. Belyaev I. D. History of Russian legislation. SPb. : Lan, 1999. 639 p.
2. Dementieva T. Yu. Termination and dissolution of marriage under Old Russian law // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2013. No. 2. P. 179–190.
3. The Old Russian state and law : textbook / Kutina G. A., Novitskaya T. E., Semiderkin N. A., Chetvertkov A. M. ; Ed. : Novitskaya T. E. M. : Zertsalo, 1998. 96 p.
4. Zagorovsky A. I. On divorce under Russian law. Kharkiv : M. F. Zilberberg type, 1884. 495 p.
5. Zagorovsky A. I. Course of family law. 2nd ed., with amendments and additions. Odessa : Type. «Ekon.», 1909. 574 p.
6. Kravchenko E. V. Comparative analysis of family legal norms based on the monuments of ancient Russian law // Yu.P. 2015. № 4 (71). P. 106–111.

Информация об авторе

С. Н. Грошев – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 343.21

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-58-61>

НИОН: 2015-0066-3/22-331

MOSURED: 77/27-011-2022-03-530

Совершенствование норм Уголовного кодекса Российской Федерации как драйвер развития уголовно-правовой политики государства

Никита Сергеевич Грудинин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

nekit-07@mail.ru

Аннотация. Анализируются проблемы развития уголовно-правовой политики России сквозь призму совершенствования нормативного содержания уголовного закона. Отмечается, что современная уголовно-правовая политика России лишь отчасти имеет гуманистический характер и нацелена в большей степени на охрану государства и его экономической безопасности, нежели чем на охрану личности и ее интересов. Подчеркивается, что развитие уголовно-правовой политики России должно включать в себя реформирование нормативного содержания уголовного закона по следующим направлениям: устранение противоречивости в содержании отдельных норм УК РФ, уточнение иерархии в системе охраняемых уголовным законом ценностей, а также правовой природы и размеров отдельных видов уголовного наказания. Кроме того, сам уголовный закон должен обеспечивать исправление личности осужденного и предупреждать повторное совершение преступлений.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовно-правовая политика, охраняемые законом ценности, уголовное наказание, гуманизация

Для цитирования: Грудинин Н. С. Совершенствование норм Уголовного кодекса Российской Федерации как драйвер развития уголовно-правовой политики государства // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 58–61. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-58-61>.

Original article

Enhancement of the legislative norms of the Criminal Code of the Russian Federation as a driver of the development of the criminal law policy of the state

Nikita S. Grudinin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

nekit-07@mail.ru

Abstract. The problems of the development of the criminal law policy in Russia with the help of improvement of the regulatory content of the criminal law have been analyzed. It is pointed out that the modern criminal law policy of Russia is only partially humane and it is generally aimed at protecting the state and its economic security rather than protecting an individual and its interests. It is marked that the development of Russia's criminal law policy should include the reform of the regulatory content of the criminal law in the following areas: elimination of inconsistencies in the content of certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation, clarification of the hierarchy in the system of values protected by criminal law, as well as the legal nature and measure of certain types of criminal punishment. In addition, the criminal law itself must ensure the correction of the convicted person's identity and prevent the re-commission of crimes.

Keywords: criminal law, criminal law policy, legally protected values, criminal punishment, humanization

For citation: Grudinin N. S. Enhancement of the legislative norms of the Criminal Code of the Russian Federation as a driver of the development of the criminal law policy of the state. Bulletin of economic security. 2022;(3):58–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-58-61>.

© Грудинин Н. С., 2022

Уголовно-правовая политика государства представляет собой деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по определению нормативной базы, тактики и стратегии борьбы с преступностью, которые призваны удерживать ее на минимально приемлемом уровне, а также систему мер по профилактике преступности. С учетом данного определения мы можем сделать вывод о том, что эффективность уголовно-правовой политики, проводимой в государстве, зависит от качества нормативных положений уголовного закона. В этой связи нельзя не сказать о том, что одним из основных направлений развития уголовно-правовой политики России должно стать дальнейшее развитие и совершенствование положений Уголовного кодекса Российской Федерации [1, с. 191] (далее – УК РФ). Представляется целесообразным сделать следующее:

1. Устранить противоречивость в содержании УК РФ: ни для кого не является секретом, что некоторые статьи Особенной части не стыкуются с положениями Общей части УК РФ. В нормах Особенной части УК РФ можно видеть неверное включение квалифицирующих признаков, а в отдельных случаях – ошибки в санкциях ряда статей, что определяется политическими мотивами. На этом примере достаточно четко и ясно прослеживается взаимосвязь политики и права, причем политика в данном случае носит определяющий характер. Так, как справедливо отмечает А. И. Рарог, за пособничество в совершении террористического акта (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ) виновное лицо может быть осуждено к лишению свободы на срок от 10 до 20 лет, а за совершение террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет. В данной ситуации и заключен основной парадокс назначения уголовного наказания в виде лишения свободы за родственные составы преступлений: однако вопреки здравой логике совершение менее тяжкого наказания влечет более строгое наказание [2, с. 147–148]. Выходом из данной ситуации, как нам представляется, является увеличение верхнего предела размера уголовного наказания в виде лишения свободы по ч. 1 ст. 205 УК РФ с 15 до 20 лет.

2. Уточнить иерархию в системе охраняемых уголовных законом ценностей. На наш взгляд, основная ценность, охраняемая законом, – это жизнь и здоровье личности, но интересы государства и общества тоже должны быть надежно защищены законом. В свою очередь, общество и государство не могут эффективно функционировать в условиях, когда личность не находится под надежной охраной государства. Для нас очевидно, что в ситуации, когда в России сохраняется высокий уровень корыстно-насильственной преступности, говорить о полноценной защите интересов личности пока не приходится возможным.

Выходом из этой ситуации должно стать создание условий для устранения перекоса в уголовно-правовой охране интересов государства и общества в ущерб интересам личности. Полагаем, что в данной системе должен быть достигнут, как минимум, паритет, а в идеале охрана личности и ее прав должна быть безусловным приоритетом уголовно-правовой политики России.

3. Уточнить правовую природу и размеры отдельных видов уголовного наказания. Так, например, штраф (включая кратный штраф) как вид уголовного наказания отличается своей противоречивостью, а его карательный и превентивный потенциалы заметно разнятся в зависимости от конкретных составов преступлений, за которые он предусмотрен. Очевидно, что за совершение хищений штраф как уголовное наказание вполне оптимален, хотя бы по той причине, что он позволяет избежать изоляции осужденного от общества и служит хорошим уроком на будущее: повторное совершение кражи может повлечь за собой, в том числе и лишение свободы. Однако надо понимать, что в случае неуплаты штрафа он достаточно часто заменяется на обязательные работы, реже – на исправительные работы. Получается, что в случае, когда осужденный не имеет возможности по объективным причинам заплатить назначенный ему судом штраф (пусть даже и относительно небольшой по размеру), данный вид наказания оказывается неэффективным, и подсудимые сами порой просят не назначать им штраф, а сразу назначить обязательные работы. С другой стороны, в ситуации взяточничества штраф оказывается крайне выгодной альтернативой возможному лишению свободы, и подсудимые крайне заинтересованы в том, чтобы избежать лишения свободы, выплатив штраф [3, с. 162–164].

Очевидно, что штраф как вид уголовного наказания и практика его назначения судом требуют самого пристального внимания к себе. На наш взгляд, факторами, определяющими назначение штрафа как вида уголовного наказания, должны выступать реальная платежеспособность осужденного и потенциальная способность штрафа препятствовать в будущем повторному совершению преступлений осужденным. Только взятые в совокупности данные факторы могут оправдывать назначение штрафа судом. В случае, если не усматривается потенциальной возможности выплатить штраф, суду следует назначить обязательные или исправительные работы. Более того, при условии того, что штраф, который может быть назначен подсудимому, не повлечет серьезного ухудшения его материального положения, на наш взгляд, трудно говорить о том, что штраф послужит надежной преградой на пути совершения преступления в будущем. Видится, что УК РФ должен быть

дополнен некими более четкими критериями назначения штрафов для лиц, впервые совершивших преступления. Это крайне важно потому, что лица, которым был назначен штраф и которые в будущем вновь совершают преступление (возможно, более тяжкое, чем предыдущее), ставят под удар уголовно-правовую политику, проводимую в стране. Уголовное наказание (в том числе штраф и лишение свободы), как представляется, должно обеспечивать не только наказуемость деяния, но и максимально эффективно предотвращать повторное совершение преступлений. Следовательно, система уголовных наказаний, предусмотренных в УК РФ, а также уголовно-правовая политика Российской Федерации должны быть социально и криминологически обусловлены.

4. Реконструировать ряд уголовно-правовых институтов (например, соучастие в преступлении, необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, обоснованный риск, условное осуждение, уголовная ответственность несовершеннолетних, смертная казнь). Так, говоря об уголовной ответственности, следует напомнить, что в настоящее время возраст привлечения к уголовной ответственности установлен в 16 лет (а по ряду преступлений в 14 лет). Для нас очевидно, что наступление уголовной ответственности несовершеннолетних должно быть привязано не к конкретному возрасту (16 лет), а к социальным условиям реабилитации несовершеннолетних, осужденным к лишению свободы в воспитательных колониях. В этой связи, на наш взгляд, общий возраст уголовной ответственности должен быть снижен до 14 лет. Параллельно с этим должна быть реформирована существующая система исправления несовершеннолетних преступников: она должна быть нацелена в первую очередь на реабилитацию, обучение и профессиональную подготовку осужденных несовершеннолетних.

Также заслуживает к себе самого пристального внимания проблема смертной казни. Очевидно, что, несмотря на традиционную поддержку смертной казни обществом [4, с. 36], в обозримой перспективе данная мера наказания вряд ли будет исполняться на практике. С учетом этого, а также того, что большинство государств мира отказалось от смертной казни и Конституция Российской Федерации ориентирует нас на отмену смертной казни в будущем, было бы целесообразно изъять смертную казнь из Общей части УК РФ, а также из соответствующих статей Особенной части УК РФ. Представляется, что указанное решение будет в большей степени соответствовать заявленной линии на гуманизацию уголовно-правовой политики России [5, с. 107].

Подводя итоги сказанному, отметим, что уголовно-правовая политика в отношении защиты интере-

сов личности в России в настоящее время пока не обрела свои оптимальные черты. Уголовно-правовая политика современной России призвана охранять интересы государства и его финансовой системы. Это своего рода приоритет всей уголовно-правовой политики. Очевидно, что развитие уголовно-правовой политики России должно включать в себя реформирование нормативного содержания уголовного закона и осуществляться по следующим направлениям: устранение противоречивости в содержании отдельных норм УК РФ, уточнение иерархии в системе охраняемых уголовных законом ценностей, уточнение правовой природы и размеров отдельных видов уголовного наказания. Уголовно-правовая политика также должна быть криминологически и статистически обоснована.

Список источников

1. Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России : монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 414 с.
2. Рарог А. И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 143–156.
3. Шамина Е. А. Порядок исполнения наказания в виде штрафа по законодательству Российской Федерации : актуальные проблемы // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 162–167.
4. Васильева Т. В., Демьяненко М. А. Смертная казнь в праве России : отражение общественного мнения // Вестник Калужского университета. 2018. № 2. С. 34–37.
5. Давитадзе М. Д., Майстренко Г. А. Смертная казнь: аргументы «за» и «против» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 102–107.

References

1. Tretyakov I. L. Criminal policy of modern Russia : monograph / Under the general editorship of V. P. Salnikov. Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg : University Foundation, 2017. 414 p.
2. Rarog A. I. Mistakes of the legislator and their impact on the criminal law policy of Russia // Asia-Pacific region : economics, politics, law. 2019. № 1. P. 143–156.
3. Shamina E. A. The procedure for the execution of punishment in the form of a fine under the legislation of the Russian Federation : actual problems // Gaps in Russian legislation. 2020. № 1. P. 162–167.

4. Vasilyeva T. V., Demyanenko M. A. The death penalty in the law of Russia : reflection of public opinion // Bulletin of Kaluga University. 2018. № 2. P. 34–37.

5. Davitadze M. D., Maistrenko G. A. Capital punishment : arguments «for» and «against» // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. P. 102–107.

Информация об авторе

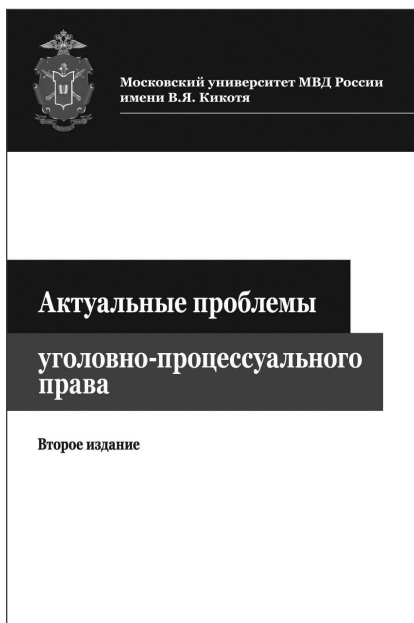
Н. С. Грудинин – доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. S. Grudinin – Associate Professor of the Department of International Law of Moscow State Linguistic University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 27.07.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 27.07.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – вычленив наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-62-68>

НИОН: 2015-0066-3/22-332

MOSURED: 77/27-011-2022-03-531

Проблемы реализации прав ребенка (детей) в условиях пандемии

Мевлуд Демуралович Давитадзе¹, Ольга Валерьевна Иваньшина²

¹ Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России, Одинцово, Россия, md2063@mail.ru

² Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия, olya-ivanshina68@yandex.ru

Аннотация. Исследование основных направлений защиты прав и интересов ребенка определено одним из направлений государственной политики в области охраны института детства. В свете пандемии COVID-2019, согласно статистике смертность от данного заболевания держится на очень высоком уровне, вследствие этого множество детей осталось без попечения родителей. Вместе с тем, в соответствии с обобщением практики Верховного Суда Российской Федерации в 2018–2020 годах судами рассмотрено значительное количество дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями. Анализ материалов судебной практики показывает на значительное нарушение прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: реализация, права, ребенок, дети, обеспечение жилыми помещениями, найм

Для цитирования: Давитадзе М. Д., Иваньшина О. В. Проблемы реализации прав ребенка (детей) в условиях пандемии // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 62–68. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-62-68>.

Original article

Problems of implementing the rights of the child (children) in the conditions of the pandemic

Mevlud D. Davitadze¹, Olga V. Ivanshina²

¹ Odintsovo branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo, Russia, md2063@mail.ru

² Witte Moscow University, Moscow, Russia, olya-ivanshina68@yandex.ru

Abstract. The study of the main directions of protecting the rights and interests of the child is determined by one of the directions of the state policy in the field of protecting the institution of childhood. In the light of COVID-2019 pandemic, statistically, this disease mortality remains at very high level thereof the great number of children remained without care of parents. At the same time, in accordance with the generalization of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation in 2018–2020, the courts considered a significant number of cases related to the provision of orphans and children left without parental care, as well as persons from among orphans and children left behind without parental care, living quarters. Analysis of the materials of judicial practice shows a significant violation of the rights of minors.

Keywords: implementation, rights, child, children, provision of living quarters, hiring

For citation: Davitadze M. D., Ivanshina O. V. Problems of implementing the rights of the child (children) in the conditions of the pandemic. Bulletin of economic security. 2022;(3):62–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-62-68>.

В период с марта 2020 г. по конец апреля 2021 г. в России каждый тысячный ребенок потерял из-за пандемии как минимум одного из родителей или опекунов в лице бабушки и дедушки. Далеко не все из этих детей становились круглыми сиротами. Но с учетом

того, что в России много неполных семей, а также с учетом отложенных последствий у переболевших, тенденция вызывает тревогу [19].

Вместе с тем, проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без

© Давитадзе М. Д., Иваньшина О. В., 2022

попечения родителей, в особенности, в условиях пандемии, сегодня весьма актуальны. В списке детей-сирот, которым положено бесплатное жилье, состоит уже почти 290 тыс. человек, это на 3 % больше, чем год назад. Из них обеспечению жильем на 1 августа 2021 г. подлежало около 200 тыс. человек – на 4,5 % больше, чем годом ранее. Проблемы с жильем усугублялись на фоне пусть небольшого, но сокращения общей численности сирот в России. Но теперь из-за пандемии тенденция сокращения может развернуться назад [19].

В целом, отношения, которые направлены на решение проблем обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на сегодняшний день урегулированы следующими нормативными правовыми актами:

– Конституцией РФ как Основным законом страны, положения которой гарантируют на наивысшем уровне каждому ребенку неизменное право на социальную защиту, которая предоставляется со стороны государства в лице уполномоченных на то органов. При этом отдельно следует выделить ст. 40 Конституции РФ, которая гарантирует каждому право на жилище;

– ЖК РФ, а также СК РФ, которые регулируют комплекс вопросов в части, касающейся обязательного сохранения права собственности за лицом несовершеннолетнего возраста на жилое помещение в его интересах;

– следующими федеральными законами: «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4] от 29.02.2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [6] (далее – ФЗ № 15-ФЗ);

– актами, изданными Правительством Российской Федерации, к примеру, от 31.03.2017 г. № 372 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [8] и прочими действующими в Российской Федерации нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в данной сфере;

– региональными законодательными актами, изданными на уровне субъектов Российской Федерации, к примеру: Закон Республики Тыва от 26.11.2004 г. № 918 ВХ-1 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [10], Закон Краснодарского края от 31.05.2005 г. № 880-КЗ «Об обеспечении дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Краснодарском крае» [11], Закон Мо-

сковской области от 29.12.2007 г. № 248/2007-ОЗ «О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» [9], Закон Кировской области от 04.12.2012 г. № 222-ЗО «О социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей, попавших в сложную жизненную ситуацию» [12].

Так, к примеру, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 8 Закона Московской области от 29.12.2007 г. № 248/2007-ОЗ «О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений в порядке, установленном Правительством Московской области [9].

Кроме этого, с 01.01.2019 г. вступил в силу новый законодательный акт – Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [7], в соответствии с которым в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» были внесены изменения, направленные на уточнение порядка, предусмотренного для включения детей-сирот, а также соответствующих лиц из числа детей-сирот в разработанный на государственном уровне список на получение жилья, а также их последующего исключения из данного списка.

Указанными изменениями предусмотрено, что законным представителям детей, относящихся к категории сирот, на сегодняшний день на законодатель-

ном уровне предоставляется право по собственному усмотрению и самостоятельно подавать заявления о последующей необходимости включения детей в данный список. Данное обстоятельство можно расценивать как гарантию последующего предоставления данной категории детей жилья.

На сегодняшний день права детей, которые в силу определенных жизненных обстоятельств остались без попечения родителей и, в связи с этим находятся в соответствующих организациях урегулированы положениями ст. 155.3 СК РФ. Так, в соответствии с указанной нормой дети, оставшиеся без попечения родителей и находящиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют право на:

- содержание, воспитание, образование, всестороннее развитие, уважение их человеческого достоинства, защиту их прав и законных интересов;
- причитающиеся им алименты, пенсии, пособия и иные социальные выплаты;
- сохранение права собственности на жилое помещение или права пользования жилым помещением либо, если отсутствует жилое помещение, получение жилого помещения в соответствии с жилищным законодательством.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» рассматриваемым категориям детей, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта Российской Федерации, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений [4].

В ст. 98.1 ЖК РФ закреплено, что жилые помещения для детей-сирот, а также для детей, которые остались без попечения родителей, имеют строгое целевое назначение: такие помещения выделяются для проживания соответствующей категории детей в соответствии с положениями, которые нашли свое закрепление в законодательстве Российской Федерации, а также законодательстве, принятом на уровне субъектов Российской Федерации.

Положения, представленные в указанной норме, законодатель развивает в ст. 109.1 ЖК РФ, в соответствии с которой предоставление жилых помещений

соответствующей категории детей возможно путем заключения договора найма специализированных жилых помещений. При этом установлено, что такой договор не может быть заключен с гражданами других иностранных государств, а также с лицами, у которых отсутствует гражданство, если иное не урегулировано положениями международного договора, ратифицированного в установленном порядке Российской Федерацией.

Вместе с тем, в такие жилые помещения в соответствии с указанной статьей ЖК РФ могут быть вселены несовершеннолетние дети, а также супруг (супруга) рассматриваемой категории лиц.

Действующее законодательство Российской Федерации обязывает органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, осуществлять контроль за использованием и сохранностью жилых помещений, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, за обеспечением надлежащего санитарного и технического состояния жилых помещений, а также осуществлять контроль за распоряжением ими.

Помимо этого, на органы опеки и попечительства возлагается осуществление мер контроля, который должен быть направлен на выявление фактов несвоевременной подачи со стороны законных представителей детей-сирот соответствующего заявления о включении последних в соответствующий список. Так, например, в том случае, если такие факты будут установлены, соответствующий орган опеки и попечительства в последующем обязан принять меры, которые направлены на включение детей в данный государственный список [17, с. 12–13].

Несмотря на указанные предписания, данные положения закона постоянно нарушаются, о чем свидетельствуют данные статистики, представленной Университетом прокуратуры РФ, в котором было проведено исследование, связанное с вопросами защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме того, нередко такие дети остаются без внимания органов опеки и попечительства. В интернатах не всегда создаются должные условия для их жизни, учебы, общения со сверстниками. Выпускники интернатных учреждений сталкиваются с многочисленными трудностями: обеспечение жильем, поиск работы, организация быта, досуга, создание своей семьи, взаимодействие с новыми людьми.

Согласно данным официальной статистики, по состоянию на 31 декабря 2019 г. на территории Российской Федерации проживает 44 429 детей-сирот и

детей, оставшихся без попечения родителей. В 2018 г. данный показатель был равен 47 370 детей, которые отнесены к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В 2017 г. – 50 210, в 2016 г. – 58 972, в 2015 г. – 70 836 г. [14]. Положительная динамика сокращения в стране количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, связана с тем, что созданные в организациях для детей-сирот службы семейного устройства достаточно эффективно выполняют функции по подбору и подготовке граждан, готовых принять их на воспитание в семью.

Вместе с тем, несмотря на отмеченную положительную тенденцию, права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по-прежнему нарушаются: только в сфере соблюдения жилищных прав указанной категории детей за последние 3 года прокурорами выявлено более 54 тыс. нарушений. Органами предварительного расследования по материалам прокурорских проверок возбуждено 63 уголовных дела [16].

При этом представленные Университетом прокуратуры РФ данные свидетельствуют об игнорировании положений закона, а также о халатном отношении должностных лиц к своим прямым обязанностям по защите детей-сирот, что в итоге приводит к преступлениям, вплоть до посягательств на их личную неприкосновенность.

На указанную проблему обращено существенное внимание и Счетной палаты Российской Федерации, которая занимается указанной проблемой в течение последних трех лет. Так, согласно представленным данным, численность состоящих на учете на получение жилья сирот выросла за последние пять лет почти на 50 тыс. человек и составляет около 280 тыс. Из них 68 % – взрослые люди старше 18 лет, своевременно не получившие квартиры. Длительность ожидания жилья в среднем составляет 7 лет, а в отдельных регионах, например в Забайкальском крае, республиках Бурятия, Тыва, Кабардино-Балкария, Мордовия, Ингушетия, – 20 и более лет [13].

Вместе с тем, сегодня достаточно сложно установить местонахождение лиц, которые относятся в соответствии с законом Российской Федерации к числу детей-сирот, которые ранее были включены в соответствующий список. Причиной может служить то, что последние не всегда обращаются с целью реализации данного права в органы местного самоуправления субъектов Российской Федерации за предоставлением им положенного жилья.

Именно по этой причине на законодательном уровне было введено уточнение, в соответствии с положениями которого, жилые помещения, которые должны быть выделены детям-сиротам, а также лицам, которые относятся к числу детей-сирот, возмож-

но посредством подачи заявления в установленной законом письменной форме в двух случаях:

– при достижении последними возраста 18 лет, то есть совершеннолетия;

– после достижения последними возраста 18-летнего возраста, а именно – по окончании обучения в соответствующих действующих в России образовательных учреждениях; либо после окончания службы в армии Российской Федерации; либо после пребывания в исправительных учреждениях.

Законодателем был внесен ряд изменений в действующие положения ЖК РФ, которые касаются вопросов, связанных с выселением соответствующей категории граждан Российской Федерации из жилого помещения. Основная причина такой меры – это приведение данного жилого помещения последними в непригодное состояние для последующего нормального проживания либо же использование такого помещения не по назначению.

Также следует отметить изменения, которые были внесены в ст. 83 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5], посредством которых становится возможным приобрести жилые помещения, предназначенные для решения жилищных вопросов детей-сирот, а также лиц, которые отнесены к данной категории. Соответствующие закупки возможны посредством проведения запроса предложений, что позволяет тем самым достаточно быстро реализовать в установленной законом форме проведение конкурсных процедур, которые, в свою очередь, направлены на своевременное обеспечение всех нуждающихся в жилых помещениях указанных лиц.

Согласно данным Счетной палаты Российской Федерации, ежегодно на исполнение обязательств государства перед детьми-сиротами в консолидированных бюджетах предусматривается более 32 млрд рублей. В 2019 г. на эти цели за счет всех источников было направлено 39,2 млрд рублей, в том числе из федерального бюджета 7,4 млрд рублей (18,8 %), за счет региональных бюджетов – 31,8 млрд рублей (81,2 %) [13]. Однако этих средств недостаточно для устранения накопившейся задолженности. По оценке Счетной палаты, для того чтобы обеспечить жильем всех детей-сирот, у которых такое право возникло и не реализовано, требуется единовременно почти 264,5 млрд рублей. Если же объем финансирования сохранится на уровне 2019 г., то для полного погашения задолженности перед детьми-сиротами потребуется не менее 6–7 лет.

Из-за длительного ожидания жилья дети-сироты по-прежнему вынуждены обращаться в суды. По итогам 2018 г. из 25 тыс. человек, обеспеченных жильем, 12,4 тыс., или 49 %, получили его на основании реше-

ний судов. В 12 регионах жилье предоставляется детям-сиротам исключительно на основании судебных решений. При этом с каждым годом количество неисполненных судебных решений нарастает: на 1 января 2018 г. их было 23 тыс., а на 1 октября 2019 г. – уже 26,1 тыс. [13].

В целом проведя анализ законодательного регулирования и практики реализации в Российской Федерации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, следует сделать следующие выводы.

Законодательное регулирование жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации на сегодняшний день регламентировано как на международном уровне (посредством подписания Российской Федерацией международных законодательных актов, ратифицированных в надлежащей форме), так и на национальном – начиная от Конституции РФ как законодательного акта, имеющего высшую юридическую силу, заканчивая положениями регионального законодательства субъектов Российской Федерации, направленного на решение соответствующих вопросов.

Несмотря на это, рассматриваемые правоотношения в области защиты жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей постоянно нарушаются со стороны специально уполномоченных органов власти, о чем свидетельствуют официальные данные, представленные в данном исследовании. Основная причина указанной негативной тенденции – это игнорирование положений закона, а также халатное отношение должностных лиц к своим прямым обязанностям по защите детей-сирот.

Вместе с тем, данное исследование свидетельствует, что принимаемые государством меры по обеспечению жильем детей-сирот пока не смогли повлиять на улучшение ситуации в этой сфере и решить проблему накопившейся задолженности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. ст. 16.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 28.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). ст. 14.
4. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О дополнительных гарантиях по

социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. ст. 5880.

5. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. ст. 1652.

6. Федеральный закон от 29.02.2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. ст. 1163.

7. Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 267-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. ст. 4856.

8. Постановление Правительства РФ от 31.03.2017 г. № 372 (ред. от 30.11.2019) «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 15 (Часть II). ст. 2207.

9. Закон Московской области от 29.12.2007 г. № 248/2007-ОЗ (ред. от 08.05.2020) «О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» (принят постановлением Мособлдумы от 26.12.2007 № 12/28-П) // Ежедневные Новости. Подмосковье. № 245. 2007.

10. Закон Республики Тыва от 26.11.2004 г. № 918 ВХ-1 (ред. от 06.04.2005) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (принят ЗП ВХ РТ 10.11.2004) // Тувинская правда. 2005.

11. Закон Краснодарского края от 31.05.2005 г. № 880-КЗ «Об обеспечении дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Краснодарском крае» (принят ЗС КК 25.05.2005) // Кубанские новости. № 81. 2005.

12. Закон Кировской области от 04.12.2012 г. № 222-ЗО (с изм. от 05.12.2012) «О социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей, попавших в сложную жизненную ситуацию» (принят постановлением Законодательного Собрания Киров-

ской области от 29.11.2012 № 19/316) // Вести. Киров. № 109(1864). 2012.

13. Бюллетень Счетной палаты РФ : дети-сироты. URL: <https://sitetestrn5dfg8m3crudmer.ach.gov.ru/upload/iblock/f2b/f2b92f40030ba150c9b36244b2558509.pdf>.

14. Генпрокуратура : количество детей-сирот в РФ сократилось вдвое за шесть лет. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4332410>.

15. Защита прав детей. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children.

16. О результатах исследований, проведенных в Университете прокуратуры Российской Федерации по вопросам защиты прокурорами прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1832538/>

17. Огурцова М. Л. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акад. Генер. прокуратуры РФ. М., 2015. 22 с.

18. Усыновление.РУ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2017/>

19. 290 тысяч сирот стали проблемой и для регионов, и для строителей. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-09-05/1_8243_economics1.html.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

2. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 № 223-FZ (as amended on July 2, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16.

3. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 № 188-FZ (as amended on June 28, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on July 1, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (part 1). Art. 14.

4. Federal Law of 21.12.1996 № 159-FZ (as amended on 25.12.2018) «On additional guarantees for social support of orphans and children left without parental care» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 52. Art. 5880.

5. Federal Law dated 05.04.2013 № 44-FZ (revised from 02.07.2021) «On the contractual system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652.

6. Federal Law of 29.02.2012 № 15-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the provision of living quarters

for orphans and children left without parental care» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 10. Art. 1163.

7. Federal Law of 29.07.2018 № 267-FZ (as amended of 25.12.2018) «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of providing living quarters for orphans and children left without parental care, persons from among children-orphans and children left without parental care» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 31. Art. 4856.

8. Decree of the Government of the Russian Federation of March 31, 2017 № 372 (as amended on November 30, 2019) «On Amendments to the State Program of the Russian Federation «Social Support for Citizens» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 15 (Part II). Art. 2207.

9. Law of the Moscow Region of December 29, 2007 № 248/2007-OZ (as amended on 08.05.2020) «On the provision of full state support and additional guarantees for social support for orphans and children left without parental care» (adopted by the resolution of the Moscow Regional Duma dated 26.12.2007 № 12/28-P) // Daily News. Moscow region. № 245. 2007.

10. Law of the Republic of Tuva dated November 26, 2004 № 918 VKh-1 (as amended on April 6, 2005) «On additional guarantees for social support of orphans and children left without parental care» (adopted by the Law of the Supreme Economic Council of the Republic of Tajikistan on November 10, 2004) // Tuvinian truth. 2005.

11. Law of the Krasnodar Territory of 31.05.2005 № 880-KZ «On the provision of additional guarantees for the social support of orphans and children left without parental care in the Krasnodar Territory» (adopted by the Legislative Committee of the KK 25.05.2005) // Kubanskie Novosti. № 81. 2005.

12. Law of the Kirov region of 04.12.2012 № 222-ZO (as amended on 05.12.2012) «On social support for orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care, children in a difficult life situation» (adopted by the decree of the Legislative Assembly of the Kirov region dated November 29, 2012 № 19/316) // Vesti. Kirov. No. 109 (1864). 2012.

13. Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation : orphans. URL: <https://sitetestrn5dfg8m3crudmer.ach.gov.ru/upload/iblock/f2b/f2b92f40030ba150c9b36244b2558509.pdf>.

14. Prosecutor General's Office : the number of orphans in the Russian Federation has halved in six years. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4332410>.

15. Protection of children's rights. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children.

16. On the results of research conducted at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation on the protection by prosecutors of the rights of orphans and children left without parental care. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1832538/>

17. Ogurtsova M. L. Prosecutor's supervision over the observance of the housing rights of minors : abstract of dis. ... candidate of legal sciences / Acad.

Gener. Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2015. 22 p.

18. 1Adoption.RU. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2017/>

19. 19. 290 thousand orphans have become a problem both for the regions and for the builders. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-09-05/1_8243_economics1.html.

Информация об авторах

М. Д. Давитадзе – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, профессор;

О. В. Иваншина – аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте.

Information about the authors

M. D. Davitadze – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Odintsovo branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor;

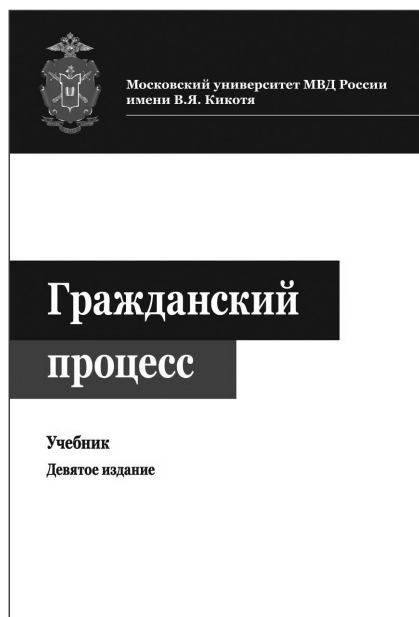
O. V. Ivanshina – Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Witte Moscow University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Гражданский процесс. Под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а так-

же пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья
УДК 343.982.35
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-69-72>
НИОН: 2015-0066-3/22-333
MOSURED: 77/27-011-2022-03-532

О необходимости повышения доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз

Константин Евгеньевич Дёмин¹, Виктория Александровна Коглина²

¹ Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия,
diomin.costia@yandex.ru

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
² viktoriakoglina@gmail.com

Аннотация. Раскрываются проблемные аспекты оценки и использования результатов трасологических экспертиз. Указываются факторы, влияющие на доказательственное значение заключения эксперта. Сформулированы направления судебно-экспертной деятельности, обеспечивающие повышение доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, трасологическая экспертиза, методическое обеспечение, доказательственное значение, экспертная ошибка

Для цитирования: Дёмин К. Е., Коглина В. А. О необходимости повышения доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 69–72. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-69-72>.

Original article

On the need to increase the evidence significance of the results of trasological examinations

Konstantin E. Demin¹, Victoria A. Koglina²

¹ Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, diomin.costia@yandex.ru

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
² viktoriakoglina@gmail.com

Abstract. The problematic aspects of assessing and using the results of trasological examinations are revealed. The factors influencing the evidentiary value of the expert's opinion are indicated. The directions of forensic activity, which ensure an increase in the evidentiary significance of the results of trasological examinations, are formulated.

Keywords: forensic examination, trasological examination, methodological support, evidentiary value, expert error

For citation: Demin K. E., Koglina V. A. On the need to increase the evidence significance of the results of trasological examinations. Bulletin of economic security. 2022;(3):69–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-69-72>.

Постановка проблемы. На сегодняшний день в судебно-экспертной деятельности остается ряд проблемных аспектов относительно оценки и объективизации заключения эксперта, определения доказательственной значимости результатов судебной экспертизы, в том числе трасологической [2]. Обратим внимание, что по данным ЭКЦ МВД России ежегодно количество проведенных трасологических экспертиз в системе МВД России составляет более трети от общего количества криминалистических экспертиз.

Однако, несмотря на такую тенденцию, наблюдается существенное снижение результативности проведенных экспертиз. Так в 2019 г. только 7 659 заключений эксперта по трасологической экспертизе из 179 649 проведенных исследований способствовали установлению причастности лица к совершению преступления, что составляет 4,3 % от общего количества трасологических экспертиз (2018 г. – 5,5 %), что свидетельствует о снижении результативности идентификационных исследований, которые способ-

ствуют раскрытию и расследованию преступлений. Таким образом, в настоящее время возникла объективная необходимость в разработке практико-ориентированных направлений повышения доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз.

Разработанность темы исследования. Вопросы оценки заключения эксперта, а также определения ее доказательственной значимости рассматривались учеными и экспертами в рамках формирования и совершенствования концептуальных основ судебно-экспертной деятельности, и отражены в работах (диссертационных исследования, монографиях, учебных пособиях) следующих авторов: Аверьянова Т. В., Аминев Ф. Г., Дьяконова О. Г., Кудинова Н. С., Кудряшов Д. А., Майлис Н. П., Моисеева Т. Ф., Орлов Ю. К., Россинская Е. Р. Кроме этого, данной проблематике посвящен ряд научных статей К. Е. Дёмина, А. В. Нестерова, А. А. Кузнецова.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы.

В результате анализа научных работ приведенных авторов следует отметить, что вопросы оценки и использования результатов судебных экспертиз рассматривались авторами на высоком теоретическом уровне. Однако, в настоящее время в судебной экспертологии и, в частности трасологии перманентно нарастают процессы цифровизации, а также интеграции и дифференциации научного знания. Следовательно, расширяется круг объектов трасологической экспертизы, повышаются требования к уровню специальных знаний эксперта, совершенствуются методы и средства исследования трасологических объектов. В связи с этим, возникают обоснованные трудности при оценке и определении доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз органами следствия, дознания и судом [3]. Полагаем, что формулирование направлений судебно-экспертной деятельности, которые будут способствовать повышению доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз, актуально и требует детального рассмотрения.

Формулирование целей научной статьи.

Целью представленной работы является разработка направлений деятельности экспертно-криминалистических подразделений, способствующих повышению доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз, с указанием факторов, влияющих на ее формирование.

Изложение основного материала.

Судебная экспертиза является одним из средств установления фактических данных, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Результативность проведенной трасологической экспертизы определяется сведениями и фактами, которые были

установлены в ходе проведенного исследования, подлежащие доказыванию по конкретному уголовному делу.

Доказательственное значение заключения эксперта – понятие, отражающее его ценность и значение полученных результатов для раскрытия и расследования преступления [1]. Большое значение для формирования доказательственного значения будет иметь значимость, категоричность и обоснованность выводов эксперта, которые и служат основанием для суждения о наличии или отсутствии доказательственного значения заключения эксперта для расследуемого преступления. При этом на доказательственное значение заключения эксперта будет влиять ряд факторов:

– компетентность эксперта, достаточность специальных знаний для исследования конкретного трасологического объекта. При этом учитывается стаж экспертной работы, образование, наличие и стаж работы по указанной специализации. На сегодняшний день в связи с активной интеграцией достижений научно-технического прогресса в промышленное производство, в правоохранительную и преступную деятельность, появляются новые объекты, внедряются новейшие методы и средства для экспертных исследований. Данные обстоятельства обуславливают необходимость постоянного повышения квалификации экспертов, совершенствования уровня специальных знаний не только в трасологии, но и в смежных науках;

– использование стандартизированной и сертифицированной методики при исследовании трасологических объектов, точное соблюдение последовательности этапов производства экспертизы, что позволит объективно оценить полученные результаты органом, назначившим исследование;

– использование сертифицированных и поверенных технических средств, имеющихся в арсенале экспертно-криминалистического подразделения;

– соответствие процессуальным нормам обнаружения, фиксации, изъятия, хранения и транспортировки объектов, что подтверждает главенство принципа законности способа их получения, а также установление подлинности исследуемых объектов, несомненность их возникновения, взаимосвязь с исследуемым событием. Хранение объектов обязано исключать возможность их замены.

По мнению А. В. Нестерова, совокупность факторов, влияющих на доказательственное значение заключения эксперта, следует определить, как объективизацию судебно-экспертной деятельности, под которой понимаются юридические, организационные, методические и обеспечивающие мероприятия, которые позволяют реализовать объективное исследование в рамках судебной экспертизы, что

несомненно будет повышать доказательственное значение результатов проведенного исследования [5, с. 168].

В связи с вышеуказанными факторами необходимо выделить направления судебно-экспертной деятельности, способствующие повышению доказательственной значимости результатов трасологических экспертиз:

1. Правовое – предусматривает соответствие процессуальным нормам этапов организации, назначения, производства трасологической экспертизы, надлежащее оформление заключения эксперта, а также совершенствование российского законодательства и его приведение в соответствии с современным уровнем науки [4, с. 164];

2. Информационное – затрагивающее проблематику учетов и систематизации трасологических объектов. Качественное ведение и использование учетов позволит увеличить количество идентификационных исследований, способствующих раскрытию и расследованию преступлений;

3. Дидактическое направление затрагивает аспекты совершенствования программ вступительных испытаний и программ обучения по направлению «Трасология и трасологическая экспертиза», которые должны включать современные тенденции изготовления и исследования трасологических объектов;

4. Организационное – обеспечивает своевременное назначение трасологической экспертизы, предоставление исчерпывающей информации, материалов уголовного дела, сравнительных образцов, необходимых для производства исследования;

5. Научно-методическое – подтверждает значимость разработки новых и дополнения существующих теоретических и методических основ с учетом цифровизации судебной экспертологии, а также унификации терминологического аппарата трасологии. Кроме этого, эксперты при исследовании соответствующих объектов должны быть обеспечены актуальной справочной и методической литературой, необходимой для производства исследования.

6. Методологическое направление, подразумевающее необходимость стандартизации и сертификации методик исследования трасологических объектов. Кроме этого, точное использование при исследовании объектов экспертной методики, последовательное применение соответствующих научно-апробированных методов, правомерность их применения в каждом конкретном случае, а также надежность исходной информации позволит вывести трасологические экспертизы на качественно новый уровень, снизит риск совершения экспертных ошибок, повысит эффективность идентификационных и диагностических исследований [6, с. 47].

Таким образом, доказательственная значимость результатов трасологических экспертиз является одним из показателей качества и эффективности производства исследований, однако, на сегодняшний день отдельные аспекты судебно-экспертной деятельности остались нерешенными в полной мере, на совершенствование которых направлено данное исследование. Указанные направления судебно-экспертной деятельности позволят повысить доказательственную значимость результатов трасологических экспертиз, а также снизить вероятность возникновения экспертных ошибок при исследовании объектов.

Список источников

1. Брянская Е. В. Заключение эксперта как обязательное доказательство в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России, 2016. № 4 (79). С. 7–15.

2. Дёмин К. Е. О результатах рецензирования трасологических экспертиз / К. Е. Дёмин // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 49–51.

3. Кузнецов А. А. Основные направления оценки заключения эксперта // Сибирское юридическое обозрение. 2015. №1 (26). С. 63–65.

4. Майлис Н. П. Настольная книга эксперта : монография / Н. П. Майлис. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. 287 с.

5. Нестеров А. В. Методология объективизации судебноэкспертной деятельности как фактор повышения доказательственного значения результатов судебной экспертизы / Нестеров А. В. // Теория и практика судебной экспертизы. № 4 (40). 2015. С. 166–170.

6. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие. М. : Проспект, 2016. 216 с.

References

1. Bryanskaya E. V. Expert's conclusion as mandatory evidence in criminal proceedings in Russia // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. No. 4 (79). P. 7–15.

2. Demin K. E. On the results of reviewing tracological examinations / K. E. Demin // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. No. 1. P. 49–51.

3. Kuznetsov A. A. The main directions of evaluation of the expert's conclusion // Siberian Legal Review. 2015. № 1 (26). С. 63–65.

4. Mailis N. P. Expert's handbook : monograph / N. P. Mailis. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2020. 287 p.

5. Nesterov A. V. Methodology of objectification of forensic activity as a factor of increasing the evidentiary value of the results of forensic examination /

A. V. Nesterov // Theory and practice of forensic examination. No. 4 (40). 2015. P. 166–170.

6. Orlov Yu. K. Modern problems of proving and using special knowledge in criminal proceedings : a scientific and educational manual. M. : Prospect, 2016. 216 p.

Информация об авторах

К. Е. Дёмин – доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Коглина – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

K. E. Demin – Associate Professor of the Department of Criminology and Forensic Examination of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Koglina – Lecturer of the Department of Document Research of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-73-77>

НИОН: 2015-0066-3/22-334

MOSURED: 77/27-011-2022-03-533

Сущность, принципы и цели правового государства: историко-правовой аспект

Максим Олегович Долгий

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. В своем развитии правовое государство отмечено целым рядом противоречий, мешающих ему быть полноценно воплощенным в жизнь. Одним из таких противоречий является стремление государства постоянно расширять свою власть наряду со стремлением общества эту власть ограничивать. Равным образом, существует и противоположное противоречие – стремление индивида к большей свободе, вступающее в конфликт со стремлением государства такую свободу ограничить. Автор рассуждает о сущности, принципах и цели правового государства в современном мире на примере Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое государство, закон, гражданское общество, свобода, правосознание, правовая культура

Для цитирования: Долгий М. О. Сущность, принципы и цели правового государства: историко-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 73–77. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-73-77>.

Original article

The essence, principles and objectives of the rule of law: historical and legal aspect

Maxim O. Dolgiy

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. In its development, the legal state is marked by a number of contradictions that prevent it from being fully implemented. One of these contradictions is the desire of the state to constantly expand its power along with the desire of society to limit this power. Equally, there is the opposite contradiction – the individual's desire for greater freedom, which comes into conflict with the state's desire to restrict such freedom. The author discusses the essence, principles and purpose of the rule of law in the modern world, using the example of the Russian Federation.

Keywords: legal state, law, civil society, freedom, legal consciousness, legal culture

For citation: Dolgiy M. O. The essence, principles and objectives of the rule of law: historical and legal aspect. Bulletin of economic security. 2022;(3):73–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-73-77>.

Актуальность концепции правового государства в Российской Федерации обусловлена целым рядом факторов. Прежде всего, это переход России от тоталитарного, позднее авторитарного политического режима к демократическому, необходимость формирования гражданского общества и иных демократических институтов. Немаловажно и то, что за последние годы серьезно упал престиж закона и права в целом, правосознание как чиновников различных уровней, так и населения в целом, повысился уровень коррупции. Важным элементом правового государства и является формирование высокой правовой культуры и

правосознания населения. Конечно, это длительный процесс, однако, без утверждения концепции правового государства во всех без исключения областях общественной жизни он невозможен [7, с. 62].

Идея правового государства возникла в России еще до Октябрьской революции 1917 г. Однако на уровне руководителей государства эта идея зазвучала лишь на XIX Конференции КПСС, где М. С. Горбачев впервые говорил о «социалистическом правовом государстве». В резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС в качестве одного из условий реализации судебной реформы ставилась цель «завершения

создания социалистического правового государства, в котором высшим принципом будет подчинение всего и всех закону». Очевидно, что «завершить» строительство того, что многие десятилетия перед тем отрицалось невозможно [5, с. 6]. Тем более, что авторы резолюции совместили в изложенной ими концепции правовое государство с отрицавшим ее социалистическим государственным строем. Поэтому, на наш взгляд, подобная партийная установка вряд ли могла быть реализована на практике, даже в условиях сохранения КПСС [2]. Однако, заслуга идеологов «перестройки» состояла в том, что они возродили в правовой науке внимание к самой идее правового государства.

Нормативное закрепление идея правового государства получили в Декларации о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. и в Преамбуле к Конституции (Основному Закону) РСФСР, где выражалась решимость создать демократическое правовое государство [4].

Статья 1 Конституции России 1993 г. провозгласила ее правовым государством. При этом Конституция не раскрывает содержание этого понятия применительно к современному состоянию нашего государства.

В какой-то мере предшественницей данной нормы Конституции РФ стала та самая резолюция XIX Конференции КПСС. Основы правового государства закреплены Конституцией РФ не только в ст. 1, но и в ряде иных положений: в разделении властей (ст. 10), провозглашении верховенства Конституции (ст. 15), запрете издавать антиправовые законы (ч. 2 ст. 55) и др.

Определенные элементы правового государства закреплены Конституцией в ст. 15, в соответствии с частью 2 которой «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». В этой связи более удачной и емкой следует признать формулировку ч. 3 ст. 20 Основного закона ФРГ, в соответствии с которой «законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие – законом и правом».

Отсюда следует значимость принципов конституционного строя – в конституцию нельзя вносить такие изменения, которые бы устранили конституционный строй. Правда, в отличие от ФРГ, в российской Конституции нет «неприкосновенных» положений, положений, которые не может изменить никто, что с учетом истории нашего государства было бы, наверное, полезно.

Недостатком конституционной формулировки является также упоминание в ней исключительно Конституции и законов, без упоминания связанности

государства правом. Понятия «закон» и «право» не являются тождественными. Закон может быть и неправовым – противоречащим общим принципам права, в таком случае все органы власти, должностные лица и граждане должны приложить все усилия к его отмене.

Верховенство Конституции и законов на всей территории РФ установлено ч. 2 ст. 4 Конституции России, однако принцип верховенства законов применяется в России с ограничениями. Это обусловлено федеративной природой России. Так, в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта РФ, изданным по предметам исключительного ведения субъекта РФ, действует нормативно-правовой акт субъекта РФ (ч. 6 ст. 76).

Провозглашение России правовым государством еще не означает, что оно уже существует. В большей мере – это декларация о намерениях. С другой стороны, с формальной точки зрения конституционные нормы в общем соответствуют общемировым требованиям, предъявляемым к правовому государству. Отсутствие реального правового государства в России обусловлено как несовершенством текущего законодательства, так и низким уровнем правовой культуры и правосознания в России. Ряд конституционных норм еще только должен найти свое воплощение в законодательстве России. Это и детальное правовое регулирование отдельных аспектов важнейших прав и свобод: права на свободу передвижения и выбора места жительства, права на альтернативную службу, свобода совести, свобода манифестаций и т. д. Законы, регулирующие эти права и свободы индивида, либо не приняты, либо не соответствуют критериям правового демократического государства.

Для успешного формирования в России правового государства необходимо соблюдение ряда условий: развитие рыночной экономики и формирование цивилизованного гражданского общества на базе плюрализма форм собственности; неуклонное движение по пути демократического развития общества и государства, обеспечение политического и идеологического плюрализма, демократии; повышение правовой культуры и правосознания населения, и в том числе, государственных служащих; развитие межгосударственного и международного сотрудничества в области защиты прав человека.

Немаловажным фактором является также создание надлежащей правовой базы правового государства. Правовое государство должно обладать целостной системой законодательства, охватывающей все важнейшие его общественные отношения. До сих пор – спустя почти 30 лет со дня принятия Конституции РФ – не приняты все предусмотренные ею феде-

ральные конституционные законы, до сих пор сохраняют свое действие акты бывшего СССР и РСФСР, в ряде случаев противоречащие действующему Основному закону.

В процессе совершенствования законодательства на современном этапе важную роль играет Конституционный Суд России, своими постановлениями и определениями устраняющий из правовой системы неконституционные акты. Так, во многом благодаря Конституционному Суду РФ был принят новый, более демократичный, чем прежний Уголовно-процессуальный кодекс.

Законотворческий процесс заметно активизировался в последние два года. Приняты кодексы и законы, в которых Россия испытывала потребность на протяжении последних десяти лет. Однако скорость законодательства не всегда способствует его качеству. Новеллы законов часто повисают в воздухе, не имея надлежащего толкования и подробного нормативного регулирования. Такова, например, новелла Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. о том, что работники вправе приостанавливать работу в случае, если им не выплачивается заработная плата. Эта норма повлекла за собой ряд вопросов: должны ли работники находиться на своем рабочем месте во время приостановки, имеют ли они право на получение заработной платы в полном объеме за время приостановки и т. д. Реформа налогообложения и бухгалтерского учета влечет за собой изменение бухгалтерской отчетности, часто уже сданной в соответствующие государственные органы. Такая нестабильность законодательства подрывает уважение населения к закону, снижает правовую культуру населения.

Отсутствие надлежащего законодательного регулирования приводит к тому, что по вопросам, которые должны быть урегулированы исключительно законом, регламентируются указами Президента РФ.

Несмотря на то, что такая практика узаконена Конституционным Судом РФ, она представляется нам не соответствующей принципам правового государства.

Все эти тенденции тем более тревожны, что правовое государство предполагает не только и не столько подчинение граждан, государственных органов и должностных лиц закону, сколько свободу человека, наиболее полное обеспечение его прав. Об этом Федеральному Собранию, Президенту и Правительству РФ нельзя забывать.

Одним из основных факторов, препятствующих созданию правового государства в России, является отсутствие в нашей стране эффективной защиты человека от произвола государства. Кроме того, в России до сих пор не сформировалось гражданское общество, которое способно осуществлять наиболее эффективный контроль за государством, с тем, что-

бы оно не узурпировало власть. Построение правового государства и формирование гражданского общества – факты взаимосвязанные и взаимозависимые. Гражданское общество можно признать одним из элементов системы сдержек и противовесов, удерживающим органы государства от узурпации власти.

Формирование правовой системы одновременно должно сопровождаться установлением механизмов ответственности за неисполнение законов, в том числе, на уровне субъектов Федерации.

Эта проблема особенно актуальна для федеративных государств, каковым является и Россия. В РФ нередки случаи, когда законодательство субъектов Федерации противоречит не только федеральным законам, но и Конституции РФ. Только в последнее время начали предприниматься активные усилия по упорядочению российской правовой системы. В 2000 г. была введена ответственность главы и законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ за издание нормативно-правовых актов, противоречащих федеральному законодательству и нарушающих права и свободы человека и гражданина.

Формирование правового государства невозможно без укрепления авторитета судебной власти. Только положительно в этой связи можно оценить обновление процессуального законодательства, однако, до сих пор не принят федеральный конституционный закон о судах общей юрисдикции. При этом, УПК РФ, АПК РФ и ГПК РФ не решили главной проблемы – воспрепятствование затягиванию сроков судебного разбирательства, хотя определенные шаги в этом направлении намечены.

Длительные сроки судебного разбирательства обусловлены среди прочего перегруженностью судов. Однако одновременно затягивается формирование административных и мировых судов, которые могли бы разгрузить суды общей юрисдикции и отчасти, арбитражные суды. Суды общей юрисдикции рассматривают в год несколько сотен тысяч дел по привлечению лиц к ответственности за административные правонарушения и дел, связанных с обжалованием нормативных и ненормативных актов органов государственной власти. Законодатель должен предусмотреть, а судьи – шире применять упрощенный порядок судебного разбирательства по мелким и сравнительно простым делам, а также способствовать примирению сторон без вынесения судебного решения. В уголовном процессе возможно заимствование американского института «соглашение о признании вины» [1]. Недопустимо, когда лицо, обвиняемое в мелкой краже, несколько лет ожидает суда в СИЗО, а потом освобождается в зале суда в связи с тем, что весь отмеренный срок уже отбыло за время следствия

и суда. Еще более страшно, когда после нескольких лет предварительного заключения лицо освобождается как невиновное.

Необходимо также увеличивать количество судей и повышать профессиональный уровень судейского корпуса, с тем, чтобы судья не изучал соответствующую область права в процессе разбирательства. Эта проблема может быть решена и углублением специализации судей. До сих пор не разрешена проблема с обеспечением права каждого человека на получение квалифицированной юридической помощи. Государство практически не финансирует оказание бесплатной юридической помощи, что совсем не способствует активности адвоката, ведущего такие дела.

Правовое государство требует наличия развитой институциональной системы. Институтами правового государства являются органы судебной власти, в том числе органы конституционного контроля, Уполномоченный по правам человека, структурные элементы гражданского общества, правозащитные организации, развитая система СМИ. Эти институты, если и существуют в России, то до сих пор не получили должного развития, не сформировали процедуры, механизмы деятельности, традиции [8, с. 140].

Не может стать правовым и государство, население которого раздираемо социальными конфликтами, население, существенная часть которого не в состоянии обеспечить себе достойный уровень жизни. Для того, чтобы индивид ощущал себя как равноправный партнер государства, а не как объект государственного управления необходимо формирование достоинства личности, в том числе, путем обеспечения ей материальных условий жизни. В этой связи следует отметить и инертность, безынициативность существенной части населения России, уверенность их в том, что забота об их трудоустройстве, благосостоянии – дело исключительно государства, а не их самих. Эти настроения во многом порождены соответствующей политикой государства в предшествующие годы и могут быть преодолены только с течением времени и соответствующей политикой государства. Для решения этой проблемы государство должно стимулировать экономическую активность населения, поощрять развитие малого предпринимательства.

Нельзя сказать, что органы государственной власти ничего не предпринимают для решения данных проблем, но их деятельность зачастую носит непоследовательный и противоречивый характер [3].

Важнейшими направлениями создания в России правового государства, помимо перечисленных выше, в ближайшее время должны стать:

1. Признание и соблюдение принципа разделения властей, обеспечение функционирования системы сдержек и противовесов.

2. Реальное воплощение на практике положения «Человек, его права и свободы – высшая ценность».

3. Повышение роли и значения представительных органов, активизация правотворчества и создание эффективной системы контроля и надзора за их реализацией.

4. Разработка механизмов взаимной ответственности человека и государства.

5. Разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Федерации.

6. Реальное обеспечение идеологического и политического плюрализма.

7. Создание гражданского общества, которое лишит государство несвойственных ему задач и функций, и обеспечить эффективный контроль за деятельностью органов государственной власти [6, с. 236].

Правовое государство может возникнуть только на соответствующей подготовленной почве – в обществе с высокой политической и правовой культурой. Такое общество не может сложиться за десятилетие реформ. Высокая общая культура, которой славилось российское общество, к сожалению, сочетается с давними традициями правового нигилизма, только укрепившимися за последнее десятилетие.

Высокая правовая культура должна сопровождаться доминированием в обществе общечеловеческих ценностей и интересов, осознанием своих прав свобод и обязанностей, от чего Россия также пока далека. Граждане должны бороться за свои права, создавать структуры гражданского общества, способные помочь им в реализации прав и свобод, несении обязанностей. Необходимо также развитие местного самоуправления как самостоятельной, инициативной деятельности населения по решению проблем местного значения.

Список источников

1. Stocker B. Die Gemeinwohltheorie Robert von Mohls als ein fruher Ansatz des sozialen Rechtsstaatsprinzips. Diss. Miinchen, 1992. P. 52–56.

2. Гольцблат А. А. Развитие идеи правового государства в России (1905–1917 гг.) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1994.

3. Жданова М. К. Особенности формирования правового государства в России // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. № 4 (49). Т. 4. С. 63–64.

4. Коммунист. 1988. № 10. С. 65.

5. Корнев А. В. Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

6. Нижник Н. С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицей-

ского государства / Н. С. Нижник, С. Ю. Дергилева, Д. С. Геворкян // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63).

7. Осавелюк А. М. Принцип правового государства : понятие и содержание // Образование и право. 2022. № 2.

8. Политико-правовые ценности : история и современность / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2000.

References

1. Stocker B. Die Gemeinwohltheorie Robert von Mohls als ein fruher Ansatz des sozialen Rechtsstaatsprinzips. Diss. Miinchen, 1992. P. 52–56.

2. Goltsblat A. A. Development of the idea of the rule of law in Russia (1905–1917) / Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. M., 1994.

3. Zhdanova M. K. Features of the formation of the rule of law in Russia // International scientific journal «Bulletin of Science». 2022. № 4 (49). Vol. 4. P. 63–64.

4. Communist. 1988. № 10. P. 65.

5. Kornev A. V. Ideas of the legal and police state in pre-revolutionary Russia : abstract. diss... cand. jurid. M., 1995.

6. Nizhnik N. S. Philosophy of eudaimonism as a conceptual basis of the theory and practice of the police state / N. S. Nizhnik, S. Yu. Dergileva, D. S. Gevorkyan // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 3 (63).

7. Osavelyuk A. M. The principle of the rule of law : the concept and content // Education and law. 2022. № 2.

8. Political and legal values : history and modernity / Edited by B. C. Nersesyants. M., 2000.

Информация об авторе

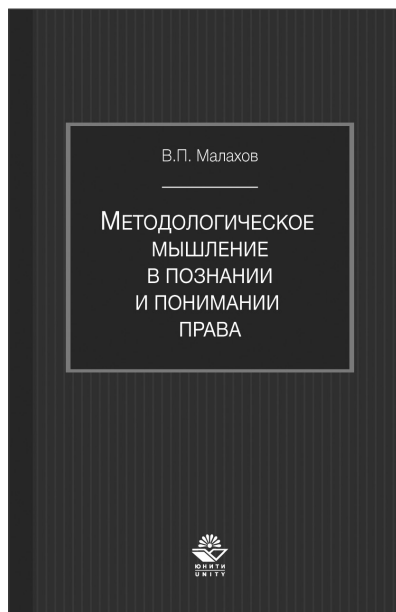
М. О. Долгий – соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. O. Dolgiy – Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was received on 30.05.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Методологическое мышление в познании и понимании права. Монография. Малахов В. П. 239 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассматриваются существо и содержание методологического мышления как мышления о самом мышлении и его форме в применении к правопониманию.

Раскрывается природа понимания как одного из способов соприкосновения ученого с реальностью, в отличие от познания. Определяются существо, структура и содержание ряда методологий, которые могут успешно применяться как в общеправовой теории, так и в отраслевых юридических науках. На уровне концептуальных идей и принципов демонстрируется построение методологии исследования права как социального, культурного и цивилизационного феномена и методологии исследования типов права.

Для научных работников, преподавателей и аспирантов юридических вузов, правоведов, а также читателей, интересующихся проблемами организации философско-правового и теоретико-правового исследования широкого круга проблем, связанных с выявлением существа и особенностей различных сторон и элементов действующего права, правовой жизни общества и личности.

Научная статья

УДК 347.651

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-78-83>

НИОН: 2015-0066-3/22-335

MOSURED: 77/27-011-2022-03-534

Основания наследования в российском наследственном праве

Ирина Геннадьевна Елесина¹, Александр Сергеевич Воронов², Екатерина Александровна Елесина³

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, irena-spb74@list.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, alex.voronov7@yandex.ru

³ Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия, katrin-1999spb@mail.ru

Аннотация. Развитие рыночных отношений и неприкосновенность частной собственности актуализируют вопросы правового регулирования наследственных правоотношений и значительно расширяют круг объектов наследственного правопреемства. Наследование – это важнейший институт гражданского права, сопутствующий человеческому обществу с незапамятных времен. Наследование играет существенную роль в самых различных сферах человеческой жизни.

Ключевые слова: наследование, закон, завещание, имущество, право, общественные отношения

Для цитирования: Елесина И. Г., Воронов А. С., Елесина Е. А. Основания наследования в российском наследственном праве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 78–83. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-78-83>.

Original article

Grounds of inheritance in Russian inheritance law

Irina G. Yelesina¹, Alexander S. Voronov², Ekaterina A. Yelesina³

¹ Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, irena-spb74@list.ru

² Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia, alex.voronov7@yandex.ru

³ Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, katrin-1999spb@mail.ru

Abstract. The development of market relations and the inviolability of private property actualize the issues of legal regulation of hereditary legal relations and significantly expand the range of objects of hereditary succession. Inheritance is the most important institution of civil law, accompanying human society since time immemorial. Inheritance plays an essential role in various spheres of human life.

Keywords: inheritance, law, will, property, law, public relations

For citation: Elesina I. G., Voronov A. S., Elesina E. A. Grounds of inheritance in Russian inheritance law. Bulletin of economic security. 2022;(3):78–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-78-83>.

Рассмотрение категории «наследственное право» следует осуществлять в объективном и субъективном смысле. Под наследственным правом в объективном смысле принято понимать совокупность правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения, связанные с переходом имущества умершего к его наследникам и иным лицам (отказополучателям, кредиторам умершего и т. д.). Под наследственным правом в субъективном смысле пони-

мается возможность конкретного субъекта гражданских правоотношений наследовать, т. е. принимать от конкретного умершего лица – наследодателя права и обязанности.

Предметом наследственного права являются общественные отношения, регулируемые нормами гражданского и иных отраслей права, по наследственному правопреемству имущества, имущественных прав и материальных благ, принадлежавших насле-

© Елесина И. Г., Воронов А. С., Елесина Е. А., 2022

додателю на день открытия наследства. Методу наследственного права свойственны следующие черты: автономия воли участников гражданских правоотношений; имущественная самостоятельность участников гражданских правоотношений; защита гражданских прав от правонарушений; имущественный характер ответственности (полное возмещение вреда и убытков).

● *Наследование по закону*

Для возникновения отношений в рамках наследования, несмотря на то, по каким основаниям осуществляется наследование, необходимо наличие нескольких юридически значимых фактов. Общими для двух оснований являются следующие: факт смерти гражданина, а также факт существования наследственного имущества. Особенностью наследования по закону является обязательное наличие определенных условий, позволяющих призвать наследника к наследованию. О. Ю. Шилохвост [1, с. 38] разделяет указанные условия на два вида: общие и иные. Возможность такого разбиения следует из смысла ст. 1111 ГК РФ, в которой законодатель, устанавливая главное условие наследования по закону – «наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием...», указывает также и на возможность иных случаев наследования по закону, установленных ГК РФ.

Таким образом, общими условиями наследования по закону являются: отсутствие завещания или наличие незавещанного имущества.

Необходимо отметить, что в последнем случае наследование потенциально возможно сразу по двум основаниям, например, когда наследник по завещанию одновременно является наследником по закону той очереди, которая призывается к наследованию. Таким образом, возможна ситуация, когда наследнику переходит в порядке наследования по завещанию определенная, указанная наследодателем часть имущества, остальное же имущество, оставшееся незавещанным, распределяется между наследниками по закону, в том числе и наследником по завещанию.

Иными «случаями» и, одновременно, условиями наследования по закону являются: отказ наследника по завещанию от наследования в пользу наследника по закону; отстранение наследника по завещанию от наследования по основаниям, установленным ст. 1117 ГК РФ; возникновение права на принятие наследства в порядке наследственной трансмиссии у наследников по закону (в том случае, если умершим наследником, от которого переходит право, не завещано имущество, либо завещана часть имущества); возникновение права наследования по закону в порядке, установленном п. 1 ст. 1161 ГК РФ (в том случае, если наследодателем не завещано имущество, либо заве-

щана часть имущества), возникновения права наследования по закону в порядке, установленном ст. 1151 ГК РФ; признание завещания недействительным в части или в полном объеме, возникновение права представления, а также права наследования обязательной доли. В последнем случае лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве независимо от того, что написано в завещании, наследуют как наследники по закону. Хотелось бы отметить, что в большинстве завещаний завещателем не указывается обязательная доля, так как право на обязательную долю прописано в законе и существует вне воли и желания завещателя.

Таким образом, наследование по закону – одно из двух предусмотренных законом оснований наследования. Оно выступает в качестве альтернативы наследования по завещанию: к наследнику имущество переходит или по закону, или по завещанию.

Практически все национальные правовые системы знают два основных порядка наследования, первый из которых основан на законе, а второй – на выраженной в установленной форме воле наследодателя. Представляется правильной точка зрения тех исследователей, которые считают, что термин «наследование по закону» является в достаточной степени условным, так как оба названных порядка перехода имущества умершего к иным лицам основаны исключительно на предписаниях наследственного права. На это обращает внимание, в частности, А. А. Рубанов [2, с. 49]. Следовательно, основным критерием дифференциации здесь следует считать наличие или отсутствие выраженной в определенном гражданском законодательством порядке воли наследодателя в отношении своего имущества.

Наследование по закону имеет место в тех случаях, когда завещание отсутствует (не составлено), признано недействительным полностью или в части, охватывает не все наследственное имущество и др. Правила, регламентирующие данную разновидность наследования, строятся на основе двух основных принципов – индивидуального и социального.

Индивидуальное начало проявляется в том, что к числу наследников относятся, прежде всего, наиболее близкие родственники и члены семьи наследодателя. Само собой разумеется, что в основе определения круга таких лиц лежат господствующие в данном обществе представления о семейных отношениях, вследствие чего перечень лиц, призываемых к наследованию по закону, далеко не одинаков в различных национальных правовых системах. Указанные лица, как правило, распределяются по нескольким группам (очередям, ветвям, разрядам, парантеллам и пр.), построенным по иерархическому принципу. Принадлежность лица к той или иной группе опре-

деляет для него не только объем прав на имущество наследодателя, но и саму возможность призваться к наследованию. Лица, принадлежащие к одной группе (очереди, разряду, классу и пр.), могут призваться к наследованию лишь при условии полного отсутствия лиц, отнесенных законом к более высокой по иерархии ступени.

Институт наследования по закону так же, как институт наследования по завещанию, регулирует порядок наследственного правопреемства и следует в тексте ГК РФ после наследования по завещанию.

Институт наследования по закону призван урегулировать отношения по переходу имущества и имущественных прав в связи со смертью лица, не оставившего завещания, либо оставившего завещание в отношении не всего имущества, либо в случае признания завещания недействительным полностью или частично. По сути, нормы наследования по закону заполняют правовой вакуум, образующийся при отсутствии или неполноте по тем или иным причинам завещательных распоряжений.

Каждое государство самостоятельно определяет конкретное содержание норм о наследовании по закону. По сути, законодатель берет на себя функцию «универсального завещателя», определяющего судьбу наследственного имущества тогда, когда она не определена его собственником. Нормы о наследовании по закону определяют круг наследников, размер причитающихся им долей наследства, защищают права особо нуждающихся в этом социальных групп наследников, предусматривают особенности реализации наследственных прав супруга наследодателя.

Таким образом, наследование по закону наступает, если, например, наследодатель не оставил завещания; или отменил составленное им завещание, либо завещание было признано судом недействительным; или завещание составлено в отношении только части наследства, ввиду чего оставшаяся незавещанная часть наследства переходит к правопреемникам в порядке наследования по закону; или завещание содержит иные распоряжения, которые не устраняют наследования по закону в целом, как, например, распоряжение о завещательном отказе, возложенном на одного из наследников по закону, при отсутствии в завещании других указаний, изменяющих порядок наследования по закону, либо распоряжение, лишаящее определенного наследника по закону права наследования, но не отменяющее других правил наследования по закону, и пр. Однако даже при наличии неотмененного и не признанного недействительным завещания наследование по закону может иметь место. Так, например, независимо от воли завещателя происходит наследование обязательной доли в наследстве (ст. 1149 ГК РФ).

● *Наследование по завещанию*

Завещание представляет собой правоотношение, складывающееся в целях упорядочения наследственного преемства и возникающее в связи с потребностью в осуществлении субъективного права завещателя, выражающегося в возможности распоряжения принадлежащим ему в настоящее время или в будущем на праве собственности имуществом и легализованное посредством осуществления управомоченным лицом государственно-властных полномочий, результатом которых выступает особый нетипичный акт применения права [3, с. 60–64]. Можно сказать, что наследование по завещанию – это гражданско-правовой институт, его можно определить как односторонне обязывающую формально-определенную сделку, совершаемую физическим лицом лично, посредством правоприменителя или иного установленного законом лица, содержанием которой выступает возможность распоряжения принадлежащим завещателю в настоящее время или в будущем на праве собственности имуществом (вещи, включая деньги и ценные бумаги; имущественные права и обязанности (долги), иное имущество) в целях упорядочения наследственного преемства.

Форма завещания установлена законом, однако предусмотрена и возможность составления завещания в простой письменной форме. Завещание должно быть нотариально удостоверено. Нотариально удостоверенное завещание должно быть написано завещателем или записано с его слов нотариусом. Законом предусмотрен особый порядок нотариального удостоверения завещаний – закрытое завещание, которое завещатель вправе совершить, не предоставляя при этом никому, включая нотариуса, возможности ознакомиться с его содержанием. Завещание может быть удостоверено в любой государственной нотариальной конторе, любым нотариусом, занимающимся частной практикой, а также должностным лицом любого органа местного самоуправления или консульского учреждения [4, с. 88–89]. Что касается наследственного имущества, то завещатель вправе по собственному усмотрению: завещать свое имущество или долю его; разделить имущество по видам между наследниками; установить равные либо разные размеры долей каждому из наследников. Наследник может быть лишен завещателем права наследования одним из двух способов: прямое лишение и косвенное лишение.

Свобода завещания ограничена правилами об обязательной доли в наследстве. Гражданским кодексом РФ предусмотрен круг лиц, которые не могут быть полностью лишены завещателем права на наследство и призываются к наследованию независимо от содержания завещания. При определении размера обязательной доли нотариус учитыва-

ет стоимость всего наследственного имущества, в том числе и стоимость предметов обычной домашней обстановки и обихода, а также число всех наследников по закону, которые могли бы наследовать, если бы порядок наследования не был изменен завещателем.

Исполнение завещания осуществляется наследниками по завещанию, за исключением случаев, когда его исполнение полностью или в определенной части осуществляется исполнителем завещания. Завещатель может поручить исполнение завещания указанному им в завещании гражданину – исполнителю завещания независимо от того, является ли этот гражданин наследником. Ст. 1137 Гражданского кодекса РФ предусмотрена возможность завещательного отказа, в соответствии с которой завещатель вправе возложить на одного или нескольких наследников по завещанию исполнение за счет наследства какой-либо обязанности имущественного характера в пользу одного или нескольких лиц, которые приобретают право требовать исполнения этой обязанности. Завещательный отказ должен быть установлен в завещании [5, с. 165]. Также завещатель может в завещании возложить на одного или нескольких наследников по завещанию обязанность совершить какое-либо действие имущественного или неимущественного характера, направленное на осуществление общепольной цели (завещательное возложение). Такая же обязанность может быть возложена на исполнителя завещания при условии выделения в завещании части наследственного имущества для исполнения завещательного возложения. Завещатель может отменить или изменить составленное им завещание в любое время после его совершения, не указывая при этом причины его отмены или изменения. Изучая юридическую литературу, юридическую научную литературу, нормативные акты и многое другое, хотелось бы отметить то разнообразие мнений, суждений и предложений буквально по каждому вопросу наследственного права.

Охрана наследственного имущества имеет большое значение, так как от сохранности наследства зависит наследование как таковое. При назначении исполнителя завещания он принимает меры к охране наследства самостоятельно или по требованию наследников [6, с. 56].

В настоящее время кредиторы и отказополучатели не могут присутствовать при совершении описи наследственного имущества, хотя не исключено нарушение их интересов при оценке наследственного имущества. В силу отсутствия каких-либо объективных обстоятельств, делающих невозможным присутствие при описи указанных лиц, положение, содержащееся в п. 1 ст. 1172 ГК РФ, следует дополнить, указав

на возможность присутствия при описи наследственного имущества кредиторов, отказополучателя и лиц, заинтересованных в исполнении завещательного возложения [7, с. 172–175].

Неудачной представляется формулировка абз. 2 п. 1 ст. 1172 ГК, предоставляющего право наследникам, а в соответствующих случаях представителям органа опеки и попечительства присутствовать при описи наследства. При осуществлении описи наследственного имущества никто не распоряжается имуществом подопечного, поэтому нет никакой необходимости привлекать для этого представителя органа опеки и попечительства. Для освобождения органа опеки и попечительства от этой обязанности необходимо в абз. 2 п. 1 ст. 1172 ГК внести изменения.

Также следует изменить абз. 3 п. 1 ст. 1172 и изложить в следующей редакции: «При производстве описи имущества должны присутствовать исполнитель завещания, наследники и в соответствующих случаях законные представители несовершеннолетних или недееспособных наследников, а при их отсутствии – представитель органа опеки и попечительства. Описываемое имущество подлежит оценке профессиональным оценщиком. В случаях отсутствия в месте открытия наследства профессиональных оценщиков оценка наследственного имущества производится по соглашению наследников. Услуги оценщика оплачиваются наследниками с последующим распределением этих расходов между наследниками пропорционально стоимости полученного каждым из них наследства».

Важно более тщательно прописать процедуру оценки некоторых объектов, входящих в состав наследства. На практике возникли вопросы с оценкой имущества, хранящегося в индивидуальных банковских сейфах. С целью создания условий для оценки имущества умершего клиента банка, хранящегося в банковском сейфе, необходимо дополнить ст. 922 ГК РФ пунктом 4, перенумеровав имеющийся п. 4 в п. 5, указав: «В случае смерти клиента банка банк создает нормальные условия для описи и оценки имущества нотариусу, наследникам и приглашенному ими оценщику».

Для устранения разногласий по поводу возможностей исполнителя завещания п. 2 ст. 1135 ГК необходимо дополнить следующим положением: «Исполнитель завещания, принимая меры к охране наследства, руководствуется правилами ст. 1172 настоящего Кодекса».

Также следует признать, что в последние годы в нашей стране в связи с принятием Гражданского кодекса и правовым регулированием рыночных отношений на практике близкие люди умершего завещателя чаще стали сомневаться в истинности его

последней воли и правомерности действий нотариусов, удостоверивших завещания их больных, пожилых родственников, в том числе инвалидов. Необходимо в законодательном порядке решить вопрос о том, чтобы медицинские учреждения в обязательном порядке предоставляли нотариальной палате субъекта Российской Федерации списки граждан, признанных судом недееспособными. А также целесообразно ускорить принятие федерального закона об организации нотариата и нотариальной деятельности, в котором следует предусмотреть нормы, которые наделяли бы нотариуса правом, а соответствующие лечебные учреждения – обязанностью предоставления сведений о состоянии психического здоровья гражданина либо проведения обследования его в принудительном порядке врачом-психиатром.

Следует дополнить наше законодательство правилом о том, что завещание может составляться и удостоверяться либо двумя нотариусами, либо одним нотариусом, но в «обязательном» присутствии двух свидетелей. Возможно, что такая норма будет способствовать защите прав завещателей и интересов наследников, уменьшению риска возможного совершения неправомерных действий нотариусом, соблюдению свободы завещания.

Таким образом, можно сделать вывод, что правила действующего гражданского законодательства не являются безупречными и нуждаются в совершенствовании.

Список источников

1. Шиловост О. Ю. К вопросу об определении основания наследования по закону // Законодательство. 2016. № 7.
2. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юрайт, 2018. 984 с.
3. Батычко В. Т. Теоретические и практические аспекты завещания как гражданско-правовой сделки / В. Т. Батычко // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 8.
4. Желонкин С. С. Наследственное право : учебное пособие / С. С. Желонкин, Д. И. Ивашин. М., 2014.
5. Зайцева Т. И. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенинников. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.
6. Казанцева А. Е. Охрана наследственного имущества / А. Е. Казанцев // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 1 (38).
7. Лысенко Е. В. Наследование в российском гражданском праве: составление, измене-

ние и отмена завещания / Е. В. Лысенко // Научные труды РАЮН. Вып. 13 : в 2 т. Т. 2. М. : Норма, 2016.

References

1. Shilohvost O. Yu. On the question of determining the basis of inheritance by law // Legislation. 2016. No. 7.
2. Commentary to Part three of the Civil Code of the Russian Federation / Edited by A. L. Makovsky, E. A. Sukhanov. M. : Yurayt, 2018. 984 p.
3. Batycho V. T. Theoretical and practical aspects of a will as a civil transaction / V. T. Batycho // News of the SFU. Technical sciences. 2012. No. 8.
4. Zhelonkin S. S. Inheritance law: studies. manual / S. S. Zhelonkin, D. I. Ivashin. M., 2014.
5. Zaitseva T. I. Inheritance law. Commentary on legislation and the practice of its application / T. I. Zaitseva, P. V. Krashennnikov. 9th ed., reprint. and add. M. : Statute, 2019.
6. Kazantseva A. E. Protection of hereditary property / A. E. Kazantsev // Bulletin of OmSU. Series. Right. 2017. № 1 (38).
7. Lysenko E. V. Inheritance in Russian civil law: drafting, modification and cancellation of a will / E. V. Lysenko // Scientific works of RAYUN. Issue 13 : in 2 vols. Vol. 2. M. : Norma, 2016.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2019) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
3. Вавилин Е. В. Осуществление наследственных прав: субъекты, объекты, механизм реализации // Наследственное право. 2017. № 1. С. 9–12.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (including the amendments made by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 01.07.2020 № 11-FKZ) // meeting of the legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, № 31, art. 4398.

2. The civil code of the Russian Federation (part three) from 01.11.2001 № 156-FZ (as amended on 18.03.2019) [Electronic resource] // Reference legal system «Consultant plus».

3. Vavilin E. V. Implementation of hereditary rights: subjects, objects, mechanism of implementation // Inheritance law. 2017. No. 1. P. 9–12.

Информация об авторах

И. Г. Елесина – доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук;

А. С. Воронов – студент 1 курса магистратуры юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения;

Е. А. Елесина – студентка 4 курса юридического факультета Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

I. G. Elesina – Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences;

A. S. Voronov – is a 1st year graduate student of the Faculty of Law of the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;

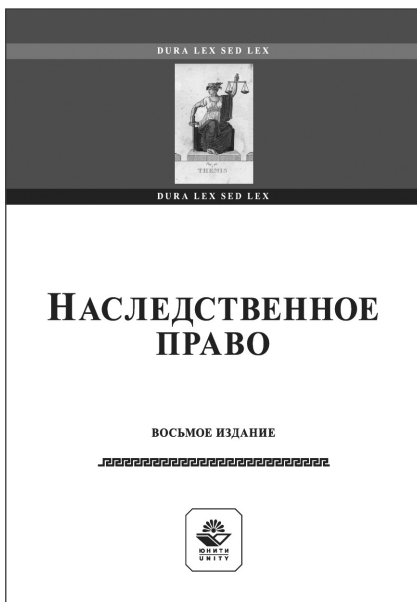
E. A. Elesina – 4th year student of the Faculty of Law of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Наследственное право. Учебное пособие. Под ред. О. Ю. Ильиной, Н. Д. Эриашвили. 8-е изд., перераб. и доп. 415 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник».

Настоящее учебное пособие призвано сформировать квалифицированное представление о круге общественных отношений, входящих в предмет современного наследственного права, приемах и способах регулирования указанных отношений, принципах и источниках данного правового образования. Неотъемлемыми элементами системы знаний сферы наследственного права должны стать теоретические и нормативные положения об основаниях наследования, об условиях и порядке перехода имущества к наследникам, особенностях правового регулирования реализации, оформления и охраны наследства.

На основе анализа научных положений, сравнения ранее действовавшего и нового законодательства, с привлечением судебной и нотариальной практики наряду с освещением традиционных вопросов наследственного права раскрыты содержание и сущность новелл наследственного законодательства, предусматривающих появление частных фондов, совместных

завещаний, наследственных договоров, соглашений супругов о распределении имущества на случай смерти и др. Кроме того, период времени, прошедший с момента вступления в силу части третьей ГК РФ, позволил выявить и ряд недостатков действующего наследственного законодательства, что также нашло отражение в издании.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, практикующих юристов и всех тех, кто интересуется вопросами наследственного права.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-84-86>

НИОН: 2015-0066-3/22-336

MOSURED: 77/27-011-2022-03-535

Карнеева Л. М. о процессуальном статусе подозреваемого: взгляд на проблему через 60 лет

Алла Сергеевна Есина¹, Ольга Евгеньевна Жамкова²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ esina-alla@list.ru

² olga_zhamkova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вкладу Л. М. Карнеевой в развитие уголовно-процессуальной науки, в частности, исследованию института подозреваемого в уголовном судопроизводстве. Анализируется актуальность предложений автора, их реализация в действующих нормах уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: заподозренный, подозреваемый, уведомление о подозрении, процессуальный статус, уголовный процесс

Для цитирования: Есина А. С., Жамкова О. Е. Карнеева Л. М. о процессуальном статусе подозреваемого: взгляд на проблему через 60 лет // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 84–86. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-84-86>.

Original article

Karneeva L. M. on the procedural status of the suspect: a look at the problem in 60 years

Alla S. Esina¹, Olga E. Zhamkova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ esina-alla@list.ru

² olga_zhamkova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the contribution of L. M. Karneeva to the development of criminal procedure science, in particular, the study of the institution of a suspect in criminal proceedings. The relevance of the author's proposals, their implementation in the current norms of the criminal procedure law have been analyzed.

Keywords: suspect, suspect, notification of suspicion, procedural status, criminal process

For citation: Esina A. S., Zhamkova O. E. Karneeva L. M. on the procedural status of the suspect: a look at the problem in 60 years. Bulletin of economic security. 2022;(3):84–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-84-86>.

Многие ученые, начиная заниматься исследованием какой-либо проблемы в научной сфере, обращаются к классикам отечественной юриспруденции. В уголовно-процессуальной науке к таким классикам следует отнести доктора юридических наук Карнееву Лидию Михайловну.

Как практик, проработав около 9 лет следователем в Московской городской прокуратуре, и в дальнейшем, всю свою жизнь занимаясь исследованием проблем предварительного следствия, Карнеева Л. М. исследовала вопросы уголовного судопроизводства прежде всего с позиции правоприменителя. Не слу-

чайно ее диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата юридических наук было посвящено самому ответственному и важному этапу в деятельности следователя, а именно: привлечению лица к уголовной ответственности.

Поражает не только способность ученого определить наиболее «узкие» и проблемные вопросы, обусловленные несовершенством законодательного регулирования деятельности следователя, но и та дальновидность, с которой ученый исследовал эти вопросы и предлагал пути их разрешения. Отдельные предложения Карнеевой Л. М. и сегодня звучат

© Есина А. С., Жамкова О. Е., 2022

актуально и целесообразно. Сказанное в полной мере относится к понятию и оформлению процессуального статуса подозреваемого. Многие свои публикации профессор посвятила вопросу именно о подозреваемом, аргументируя свою позицию необходимостью фиксировать, юридически закреплять факт появления у лица данного процессуального статуса в материалах уголовного дела, справедливо указывая на необходимость вынесения отдельного обоснованного постановления о признании лица подозреваемым [1, с. 4].

«Появление подозреваемого в деле как процессуальной фигуры, находит отражение в процессуальных документах, к которым нужно отнести постановление о возбуждении уголовного дела по преступлениям, связанным с действиями уже известных следователю лиц, протокол задержания подозреваемого, постановление об избрании подозреваемого меры пресечения до предъявления обвинения, протокол допроса, из содержания которого видно, что допрашиваемому задавались вопросы для получения у него объяснений по поводу его личной деятельности в связи с расследуемым преступлением», – писала Лидия Михайловна почти 60 лет назад [2, с. 37]. Однако в 60-х годах 20 века эти предложения Карнеевой Л. М. не были реализованы в тексте УПК РСФСР, возможно показавшись законодателю «слишком прогрессивными». Однако как сегодня узнаваемы и уместны ее предложения! Формулируя понятие подозреваемого в УПК Российской Федерации, законодатель практически полностью реализовал предложения ученого в ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Отметим, что предложения, высказанные Карнеевой Л. М. актуальны для исследователей и сегодня, и служат почвой для новых научных дискуссий. Например, ее предложение о вынесении отдельного постановления о признании лица подозреваемым. Интересно отметить, что подобное предложение практически дословно нашло отражение в уголовно-процессуальных законах стран СНГ. Так, например, в ч. 1 ст. 40 УПК Республики Беларусь закреплено, что подозреваемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании подозреваемым. Аналогичное положение содержится в ст. 68 УПК Казахстана, в ст. 63 УПК Республики Молдовы.

Федеральным законом № 90 от 06 июня 2007 года в ст. 46 УПК РФ было внесено дополнение о том, что подозреваемым признается лицо, которое уведомлено о подозрении. Процессуальный порядок и основания вынесения уведомления о подозрении определены в статье 223.1 УПК РФ, которая в том же году дополнила главу 32 УПК РФ.

Констатируем, что не все задумки Карнеевой Л. М. легли в основу законодательного положения. Дело во все не в наименовании процессуального документа. Полагаем, что не имеет существенного значения то,

как будет называться процессуальный документ: постановление или уведомление. Главное его сущность и значение в уголовно-процессуальной деятельности субъекта расследования. А она такова, что этот документ свидетельствует о наличии подозреваемого в уголовном деле.

По нашему мнению, формулировка п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ не совершенна с той точки зрения, что уведомление о подозрении может составляться только в ходе дознания. Следователи также как и дознаватели возбуждают уголовные дела по факту совершения преступления, в отношении неустановленных лиц, и только в ходе расследования порой собирают данные, указывающие на конкретное лицо, как совершившее преступление. Если у следователя нет оснований задержать подобное лицо в порядке ст. 91 УПК РФ или применить к нему меру пресечения, то на сегодняшний день у следователя нет оснований для придания этому лицу процессуального статуса подозреваемого. В подобных случаях следователь допрашивает это лицо как свидетеля, что по мнению Карнеевой Л. М. [3, с. 60] было незаконным. С этой точки зрения, предложение о необходимости вынесения уведомления о подозрении следует распространить на две формы предварительного расследования, а главу 22 УПК РФ добавить нормой по содержанию аналогичной ст. 223.1 УПК РФ.

Кроме того, следует обратить внимание на юридический момент приобретения статуса подозреваемого у лица при уведомлении. Законодатель определяет, что лицо приобретает статус подозреваемого в момент вручения уведомления о подозрении, что представляет определенные трудности для правоприменителей. Употребление глагола «вручить» в тексте закона в определенных обстоятельствах, делает реализацию данного законодательного требования невозможным. Прежде всего, имеются в виду ситуации, когда лицо скрывается от органов дознания. Более целесообразно было бы определить возникновение процессуального статуса подозреваемого у лица с момента вынесения (составления) уведомления о подозрении, а не вручения. Именно такой смысл предлагалась Карнеевой Л. М., которая писала о необходимости составления постановления о признании лица подозреваемым как основания возникновения процессуального статуса [4, с.171].

Не менее актуальным считается сегодня предложение Карнеевой Л. М. о введении в уголовное судопроизводство такого участника как «заподозренный». Лидия Михайловна одна из первых писала о том, что пока подозрение остается только субъективным мнением следователя и нет оснований для вынесения соответствующего процессуального документа, лицо должно именоваться «заподозренным» [3, с. 36]. Представляется, что данное предложение сегодня

звучит наиболее злободневно. В 2013 году Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23 было внесено дополнение в ч.1 ст. 144 УПК РФ, в котором законодатель определил, что лица, участвующие в процессуальных действиях в ходе предварительной проверки, вправе пользоваться правами, предусмотренными УПК. Вопрос о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется доследственная проверка, актуализировался. Однако у правоприменителя возникли вопросы: с какого момента у лиц, участвующих в проверке, появляется некий соответствующий статус, каково его содержание, в каком порядке следует разъяснять права, указанные в ч.1.1. ст. 144 УПК РФ и как подтвердить, что были объявлены лицу. Правоприменителю затруднительно определить, в какой момент у лица, задействованного в доследственной проверке, появляются права, предусмотренные ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ. Особенно нелегко это определить при явке с повинной, которая может поступить в правоохранительные органы, по почте, в том числе электронной. То есть фактической явки лица может и не быть.

По нашему мнению, реализация предложения Карнеевой Л. М. о «заподозренном» лице и определение его процессуального статуса в отдельной норме главы 19 УПК РФ могло бы разрешить многие проблемы, которые возникают сегодня в правоприменительной практике в части обеспечения прав лица, в отношении которого ведется доследственная проверка.

При подготовке данной статьи, читая научные публикации Карнеевой Л. М., мы еще раз убедились в дальновидности и проницательности ученого-процессуалиста. Ее идеи и предложения намного пережили самого автора и до сих пор остаются актуальными, будоражат умы ученых-процессуалистов и

законодателей. Возможно, в этом и кроется «гениальность» отдельных ученых, которых заслуженно считают классиками отечественной юриспруденции.

Список источников

1. Карнеева Л. М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник статей. М. : Госюриздат. 1959. Вып. 12.
2. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4.
3. Карнеева Л. М., Кертэс И. Проблемы свидетельского иммунитета // Советское государство и право. М. : Наука. 1989. № 6.
4. Карнеева Л. М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего предварительное расследование // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979.

References

1. Karneeva L. M. On the question of a suspect in the Soviet criminal process // Soviet criminalistics in the service of investigation. Collection of articles. M. : Gosyurizdat, 1959, Vol. 12.
2. Karneeva L. M. Suspect in the Soviet criminal trial // Socialist legality. 1959. No. 4.
3. Karneeva L. M., Kertes I. Problems of witness immunity // The Soviet State and Law. M. : Nauka, 1989, No. 6.
4. Karneeva L. M. Improvement of criminal procedural legislation regulating preliminary investigation // The Constitution of the USSR and the further strengthening of law and order. M., 1979.

Информация об авторах

А. С. Есина – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

О. Е. Жамкова – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. S. Esina – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

O. E. Zhamkova – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-87-94>

НИОН: 2015-0066-3/22-337

MOSURED: 77/27-011-2022-03-536

Еще раз о сущности преступности и ее соотношении с преступлением

Евгений Семенович Жигарев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются различные понятия преступности, представляемые криминологами советского и сегодняшнего времени неким социально-правовым явлением. Автор выявляет подоплеку, мягко говоря, странного, неестественного обозначения преступности социальным явлением и видит в этом принудительную необходимость, ибо другим способом, не оторвав ее от самих продуцентов, то есть преступников, невозможно было бы обосновать ее преходящий характер и неизбежное отмирание в коммунистическом обществе.

Обосновывается авторская позиция, что преступность всего лишь криминологический термин, обозначающий совокупность зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших. Представлено альтернативное соотношение преступности и преступления и понятие преступности с позиции практики и теории.

Ключевые слова: преступность, явление, причинность, признаки, соотношение, преступление, дефиниция

Для цитирования: Жигарев Е. С. Еще раз о сущности преступности и ее соотношении с преступлением // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 87–94. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-87-94>.

Original article

Once again about the essence of crime and its relation to crime

Evgenij S. Zhigarev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. Various concepts of criminality, represented by criminologists of the Soviet and modern times as a kind of socio-legal phenomenon, are analyzed. The author reveals the background, to put it mildly, of the strange, unnatural designation of crime as a social phenomenon and sees this as a forced necessity, because in any other way, without tearing it away from the producers themselves, that is, criminals, it would be impossible to justify its transient nature and inevitable extinction in a communist society.

The author's position is substantiated that crime is just a criminological term denoting a set of registered crimes and identified persons who committed them. An alternative correlation of crime and crime and the concept of crime from the standpoint of practice and theory are presented.

Keywords: crime, phenomenon, causality, signs, correlation, crime, definition

For citation: Zhigarev E. S. Once again about the essence of crime and its relation to crime. Bulletin of economic security. 2022;(3):87–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-87-94>.

Известно, что основным предметом познания криминологической науки советские юристы, без всякого сомнения, и, не раздумывая, объявили преступность, назвав ее явлением. Этот термин хотя и связан с криминальными деяниями – преступлениями, однако советские криминологи видели в нем иной смысл. В подтверждение этим словам, приведем несколько определений преступности, взятых

из учебников по криминологии, изданных в разное время.

1. «Преступность – социальное и исторически обусловленное явление. Она возникает на определенной стадии развития общества, с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием государственной власти» [1, с. 53] (выд. курсивом Е. Ж.).

© Жигарев Е. С., 2022

2. «Преступность – это исторически преходящее и изменчивое, социально-правовое явление классового общества, представляющее собой совокупность всех совершенных в государстве (регионе) за соответствующий период времени преступлений» [2, с. 49] (выд. курсивом Е. Ж.).

3. «Преступность есть относительно массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых в данном государстве в тот или иной период времени» [3, с. 202] (выд. курсивом Е. Ж.).

Приведенные определения преступности объединяет общее, единое представление авторов, что она – явление, но в остальном дефиниции отличаются по своему содержанию, а с ним и смыслом. Если, например, первые дефиниции не касались самих преступников, являющихся истинными продуцентами совершенных преступлений, то Г. А. Аванесов косвенно обратил на них внимание, употребив термин «действия», которые, естественно, относятся к людям, совершающим преступления.

Тем не менее, и в его умозрительном представлении преступности имеется ряд нестыковок или, другим словом, противоречий и неточных сравнений, а это указывает на отсутствие логики в рассуждениях.

Во-первых, нужно признать, что термин «преступность» чисто криминологический, теоретический, то есть отвлеченный от практики, ибо ни в уголовном праве, ни в социологии – науке об обществе он не используется. И этот факт является определяющим для дальнейшего исследования его смысла и значения.

Во-вторых, преступность не может быть социально-правовым явлением, так как этот термин объединяет не только зарегистрированные преступления, но и всех выявленных лиц, их совершивших, личность которых категория не социально-правовая, а, в первую очередь, духовно-нравственная, трансцендентальная, недоступная в полном объеме опытному познанию из-за ее нематериальности.

В-третьих, любое криминальное явление представляет собой конкретное преступление, которое реально существует, ибо отражено в действительности результатами поведения личности преступника. Преступность же Г. А. Аванесов назвал «массовым» явлением, но состоящим из множества криминальных действий (по сути, тоже явлений), запрещенных уголовным законом. Но так как любое явление действительности не состоит из множества самостоятельных, отдельных явлений, следовательно, преступность всего лишь криминологический термин, которым обозначается определенная совокупность зарегистрированных преступлений и выявленных

лиц, их совершивших, но при этом ни один термин как теоретическое выражение к реальным явлениям не относится, ибо оно на самом деле мысленное представление, называемое «ноуменом».

В-четвертых, любое явление можно наблюдать, преступность – никогда. О ней говорят в момент, когда изучают уголовную статистику – полугодовую или годовую отчетность, отражающую величины зарегистрированных преступлений (форма № 1) и выявленных лиц, их совершивших (форма № 2), математическим числом.

В-пятых, в действительности нет таких явлений, которые состояли бы из двух противоположных частей: видимой и невидимой (латентной), поэтому преступность – не явление.

В-шестых, советские криминологи преступность обозначили категорией «общее», однако в объективной действительности явлений, именуемых «общее», или «всеобщее», не существует.

В-седьмых, если бы преступность была реальным явлением, тогда ее дефиниция не подвергалась бы изменениям, а была бы постоянной, как, например, определение преступления. Ведь никому из криминологов не приходила в голову идея поупражняться в формулировке понятия «преступление», ибо нельзя исказить смысл того, что реально существует. Преступность же в виде явления – надуманность криминологов, которые и соревнуются друг с другом, кто из них позаковыристее, значит, «понаучнее» сформулирует ее определение.

В-восьмых, допустим, что советские криминологи, представив в своем воображении преступность всамделишным, то есть подлинным образованием, умышленно обозначили его социально-правовым явлением. Однако идеологи все же должны быть знать, что результаты воображения в философии называют «ноуменом», которые с материальной стороны не являются подлинными объектами, а представляют собой голую идею – «ничто». В этой связи они (ноумены) не подлежат ни анализу, ни научному обсуждению. В то же время следует отметить, что криминолог – свободная личность, и ему присуща, как и любому человеку, способность воображения. Поэтому мысленно представить преступность неким явлением, конечно же, никому не возбраняется. Однако навязывать всему научному сообществу и тем более пропагандировать свои надуманные явления в учебниках, сбивая с толку будущих юристов, мягко говоря, некорректно.

И, *в-девятых*, по ходу нашего рассуждения возникает логический вопрос: почему ни ученые-административисты, ни ученые-цивилисты не объявили деликтность социально-правовым явлением? Ведь она ничем, кроме уровня общественной опасности деяний, не отличается от преступности, даже часто

является основой криминального поведения индивида. И в этом тоже нужно нам разобраться.

Как представляется, ответ на данный вопрос нужно искать не в головах криминологов, а в политической подоплеке того времени. Поэтому есть основания вернуться к началу 60-х годов и проанализировать политическую обстановку, сложившуюся в социалистическом государстве под названием СССР.

Вспомним, на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) была принята третья Программа партии, в которой торжественно провозглашалось, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. А в таком обществе, как полагали классики научного коммунизма (была и такая наука), естественно, не должно быть места ни правонарушениям, ни преступлениям.

Но данное политическое событие сыграло и положительную роль для ученых-юристов: оно способствовало возрождению науки криминологии, которая была упразднена в начале 30-х годов после констатации некоторыми криминологами, что и социализму присущи собственные причины преступности. Теперь перед ними была поставлена непростая задача – объяснить зарубежным оппонентам, почему в развитии социалистическом обществе еще сохраняется чуждая ему преступность и при каких условиях с ней можно окончательно покончить?

Для того чтобы решить эту теоретическую задачу, криминологи должны были поступить неординарно. Этим необычным шагом и стало объявление преступности социальным явлением, вызванным внешними причинами. В этой связи в первом учебнике по криминологии (1966) И. И. Карпец был вынужден чётко провести грань между советской криминологической наукой и западной. Он заявил: «если буржуазная криминология концентрирует свое внимание на «преступной личности»... то советская криминология изучает преступность, ее причины и условия, способствующие совершению преступлений, как социальные явления». Размежевание ученых произошло, понятно, только по идеологическим причинам, которое в некоторой мере ощущается до сих пор, но происходит оно, по-видимому, уже по инерции.

На обоснование в криминологии социальной концепции преступности и ее объективных причин были задействованы интеллектуальные способности сразу трех криминологов: И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева и Н. Ф. Кузнецовой (в связи с успешно справившейся работой впоследствии все трое вошли в пятерку лауреатов Государственной премии 1985 г.).

Безусловно, непросто было разъяснить партийным идеологам, что преступность при развитом социализме также существует закономерно, как в капиталистическом обществе. Для этого в произведениях

В. И. Ленина пришлось отыскать нужную работу «Государство и революция», из которой был позаимствован текст о том, что мы живем лишь в первой фазе коммунизма, характеризующейся тем, что общество на данной стадии своего развития «вынуждено сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» [5, с. 93].

Исходя из приведенного ленинского тезиса и текста Программы КПСС, названные криминологи сформировали своеобразный реестр социальных причин преступности. «На первой стадии коммунистического общества – при социализме еще нет, – пишут они, – объективных возможностей для удовлетворения всех материальных и духовных потребностей граждан за счет общественных фондов, которые ныне удовлетворяются лишь частично» [1, с. 83].

Помимо названной материальной причины, криминологи в качестве детерминант преступности назвали еще ряд различий, которые объективно существуют между квалифицированным и неквалифицированным трудом, между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, неизбежно порождающие фактическое материальное неравенство граждан.

Однако, забегая несколько вперед, следует заметить, что материальное благополучие или, наоборот, неблагополучие не является причиной, обуславливающей преступность. Например, в самой богатой стране мира – США совершается преступлений в разы больше, чем во многих бедных странах. Да и у нас олигархи не гнушаются противоправного поведения. В связи с этим фактом уже можно констатировать, что преступность – категория не социальная, а нравственная, и ее уровень зависит от духовного состояния общества и даже от религиозности людей, а не от степени их материальной обеспеченности.

Понимая побочную, а не определяющую роль материальной составляющей в причинности преступности, эти криминологи не могли оставить без внимания истинного продуцента криминальных явлений – человека. Касаясь его роли в генезисе преступности, они отмечали и субъективные причины криминальных действий, которые, на их взгляд, связаны с живучестью пережитков прошлого в сознании и поведении людей; а причиной этой живучести они объявили частичное отставание общественного сознания от бытия. Они утверждали, что без опережающего сознания не может быть поступательного развития общества, но в то же время признавали и тот факт, что и с так называемым «опережающим» сознанием люди все равно совершают преступления.

Однако, учитывая известные идеологические обстоятельства советского времени, мы не вправе давать оценку явно легкомысленной интерпретации советскими криминологами детерминант преступности при социализме, при котором как бы и не было так называемых «коренных» причины, которые приписывались только капитализму. Потому что их деятельность проходила при господстве монистического учения марксизма, объявившего, что в мире ничего нет, кроме материи и законов ее движения и изменения. В те времена партийные идеологи безапелляционно объявили диалектический материализм в качестве методологического ориентира для всех без исключения наук, отступление от которого тоталитарным государством каралось беспощадно (ученых и судили, и выслали за границу, и придавали забвению, и мало что еще было).

И в то же время мы должны отметить значительную степень их убежденности в правоте своей надуманной теории преступности как явления, которая и сегодня, в неидеологизированное время находит поддержку среди относительно молодой поросли криминологов, считающих себя приверженцами радикального материализма. В подтверждение сказанному приведем еще одну дефиницию преступности, позиционированную В. И. Гладких: «В теории криминологии преступность определяется как социальное, исторически изменчивое, негативное, *массовое явление*, проявляющееся в совокупности преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени» [4, с. 41] (выд. курсивом Е. Ж.).

Но данная дефиниция преступности, как свидетельствовал сам автор, не принадлежит ему, а представляет собой компиляцию интерпретаций советских криминологов, а собственную точку зрения В. И. Гладких почему-то не отразил. И в то же время при проявлении должного внимания он мог заметить наличие в определении преступности нелогического выражения, то есть алогизма, в частности «преступность – массовое явление». На самом же деле вернее было бы сказать: преступность представляет собой совокупность (массу) явлений, именуемых преступлениями. Ведь слово «масса», согласно русскому языку, означает множество, большое количество чего-либо. В нашем случае – это преступления. Однако нельзя единичное явление отождествлять, то есть ставить знак «равенства», с массой самостоятельных явлений, ибо это – абсурд.

Кроме того, в приведенном В. И. Гладких определении преступности отсутствуют ее продуценты – лица, совершившие преступления, без которых не было бы ни криминальных деяний, ни криминологического понятия под названием «преступность». Ведь преступность, если можно так выразиться, представляет собой своеобразный кадастр реальных крими-

нальных явлений – зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших. По сути, это систематизированный свод сведений, периодически составляемый путем обобщения карточек формы № 1, заполняемых на зарегистрированные преступления, и формы № 2 – на выявленных лиц, их совершивших. Всё остальное, составляющее дефиницию преступности, можно отнести к квазинаучным измышлениям самих авторов.

Но чтобы окончательно разобраться в методологической ошибке в интерпретации понятия преступности как некоего явления, необходимо рассмотреть и сущность термина «явление» как с философской позиции, так и с лингвистической стороны.

Например, один из философских словарей термин «явление» интерпретирует следующим образом: это всё то, что чувственно воспринимается, особенно бросающееся в глаза (например, какое-либо явление природы) [8, с. 554]. Человек чувственно (то есть видимо и осязаемо) воспринимает окружающие его объекты и предметы, а также людей вокруг него и их поступки, в том числе криминального характера. В этой связи любое явление – субстанция действительная, реальная (но не воображаемая, мысленная), имеет очертание, конкретный облик, в связи с чем его можно не только наблюдать, но и также исследовать (а представляемая в качестве явления преступность реальной формы не имеет, ибо мысленное явление, повторим вновь, называется «ноуменом» и к объективной действительности не относится, так как это – ничто, голая идея).

Преступность же, отражающая своей сущностью более двух миллионов ежегодно регистрируемых по стране преступлений и около миллиона выявляемых лиц, их совершивших, ни чувственно воспринять, ни теоретически осмыслить просто невозможно. Чувственно воспринять человек может лишь преступление как конкретное, реальное криминальное действие, совершенное в отношении него самого или на его глазах.

Но чтобы обосновать реальность такого явления как преступность (в этой связи остается открытым вопрос: а почему не назвали деликтность тоже явлением?), советские криминологи придумали для нее признаки: социально-правовой характер и историческую изменчивость. Однако приведенный анализ этих признаков лишь подтвердил их надуманность.

Например, признак социальности криминологи связали с классовостью общества, чтобы заявить, что в бесклассовом коммунистическом обществе преступность отомрет, ибо лишится коренной причины – материальной несправедливости при распределении прибавочного продукта. Поэтому, видимо, А. И. Долгова позволила себе заявить – общество яв-

ляется единым, общим детерминантом (то есть причиной – пояснение Е. Ж.) преступности. Но в таком случае, если согласиться с данным умозрительным представлением, от преступности можно избавиться лишь при упразднении самого общества.

Преступность не является продуктом классового общества еще и потому, что первый противоправный проступок был совершен людьми, жившими в раю (прототип коммунизма); а убийство брата братом, являвшимися детьми Адама и Евы, произошло из-за зависти Каина, что Бог благосклоннее относится к Авелю.

Следовательно, не общество порождает преступность, а конкретные люди, действия которых вызывают соответствующие психические мотивы.

Следующий признак преступности как явления – это правовой ее характер. Однако в уголовном праве такого явления не существует, в нем используется только понятие «преступление», что еще раз свидетельствует, что термин «преступность» – криминологический, а не правовой.

Признак же преступности, именуемый «историческая изменчивость», криминологами был позаимствован из учения «Исторический материализм». Классики марксизма в этом произведении упоминают принцип историзма, который проявляет себя в процессе позитивного развития человеческого общества, путем революционной замены социально-экономического и политического уклада, происходящей на основе действий определенных социальных групп.

Следовательно, признак исторической изменчивости искусственно, то есть не по назначению, прилеплен к преступности, чтобы представить ее частью социального организма, состоящего из живых людей, что послужило А. И. Долговой назвать преступность саморазвивающейся, самодетерминирующейся, самоуправляемой социальной системой.

Однако для чего, спрашивается, понадобилось А. И. Долговой придать преступности мифический характер. Видимо, для того, чтобы, опираясь на учение исторического материализма, обосновать, что преступность как явление составляет реальный элемент социальной системы, именуемой обществом, но получился очередной конфуз. Потому что классики марксизма видели принцип историзма в революционном обновлении общества, но не преступности, являющейся тормозом выполнения социально-экономических программ.

С лингвистической стороны словарь русского языка С. И. Ожегова термин «явление» рассматривает в связи с такими понятиями, как «событие», «случай», то есть связывает с каким-либо действительным фактом, который реально имеет место быть. Преступность же словарь толкует коротко и ясно – «количество преступлений», можно сказать, схожее

выражение, используемое практическими работниками ОВД, – «совокупностью зарегистрированных преступлений».

Преступность также не является явлением и с точки зрения мысленного представления при абстрагировании исследователя от действительности. Объект умозрительного представления, как уже говорилось, в философии называют «ноуменом» – голой идеей и с материальной стороны он – «ничто». Следовательно, он к объективной реальности не относится; поэтому можно полагать, что если возник в воображении криминолога какой-либо ноумен, то к предмету науки его относить некорректно. В этой связи и обсуждать его не следует, тем более как научную категорию, ведь она мнимая.

Таким образом, на основе полученных результатов сформулируем логический вывод: преступность представляет собой всего лишь совокупность зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, и не более. И этот термин криминологический, а не правовой и не социальный, и обозначает он некое статистическое образование, выраженное математическим числом.

Но признав преступность самостоятельным социальным явлением, развивающимся в силу собственных причин, советские криминологи были вынуждены придумать для нее признаки, согласно которым она как бы атрибутивно отличается от преступления. В этой связи эти признаки тоже нужно рассмотреть.

Во-первых, преступность соотносится с преступлением, полагали советские криминологи, как философские категории «общее» и «единичное». Однако философия марксизма, в частности диалектический материализм, категорией «общее» обозначил признаки, присущие единичным предметам внешнего мира (например, их материальность), и категорически не признает совокупность каких-либо предметов (явлений) в качестве самостоятельно существующего и развивающегося образования под названием «общее». А применительно к единичным криминальным деяниям общим их признаком, конечно же, будет противоправность, без которого и нет преступления.

Следовательно, признание самостоятельно существующего образования «общее» противоречит учению диалектического материализма, являющемуся для криминологов-материалистов методологическим ориентиром.

Кроме того, позиционирование самостоятельно явления «общее» противоречит и объективной действительности, состоящей из отдельных предметов и явлений, которые имеют и общие признаки, и особенные черты или свойства, согласно которым их можно распределить по самостоятельным группам. Кстати, в словарях русского языка термин «общее» тоже отсутствует.

Во-вторых, советские криминологи соотносили преступность и преступление как философские категории «необходимость» и «случайность». Преступность, рассуждали они, в целом есть явление закономерное, необходимое, тогда как отдельно взятое преступление могло быть, а могло и не быть, следовательно, оно случайное. Однако и здесь можно поспорить, так как в деятельности субъекта нет случайности, каждое преступление происходит на основе осознанных побудительных причин – мотивов, не прояви которых его не было бы. Даже неосторожное преступление не может быть случайным. Законодатель допускает две формы неосторожной вины: легкомыслие и небрежность. В первом случае ст. 26 УК РФ разъясняет, что виновный *предвидел* возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но самонадеянно рассчитывал их не допустить; а при небрежном отношении виновный, если не предвидел возможности таких последствий, однако при необходимой внимательности должен и *мог предвидеть* наступление общественно опасных последствий своих действий (выд. курсивом Е. Ж.).

Кстати, в словарях русского языка термин «случайный» толкуется как «непредвиденный», или то, чего нельзя предусмотреть. В таких случаях говорить о преступлении нет смысла.

В данных ситуациях, в которых лицо может предвидеть, законодатель рассчитывает, что человека допускают к работе с источником повышенной опасности только на основании медицинского заключения, подтверждающего его способность предусмотреть наступление общественно опасных последствий своих действий и не допустить ни легкомыслия, ни небрежности. А когда он все же совершил преступление с неосторожной формой вины, следовательно, он умышленно пренебрег соблюдением, к примеру, правил охраны труда, или дорожного движения, или инструкции, регулирующей управление АЭС и т. д., приведшего к преступлению с неосторожной формой вины.

При анализе этих ситуаций получается, что преступление не может быть совершено случайно. Кстати, и диалектический материализм, являющийся для криминологов-материалистов методологическим ориентиром, утверждает, что задача науки вскрывать необходимый характер случайностей, которые всегда оказываются подчиненными внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы [7, с. 303].

Значит, в криминальных действиях индивида случайности не бывает, но и необходимости (закономерности) в них также не должно быть. В противном случае, если лицо совершило преступление необходимо, ощущая какую-либо потребность

в этом, то оно освобождается от ответственности и подвергается принудительному направлению на лечение.

В-третьих, советские криминологи утверждали, что преступность не сводима «к сумме» общественной опасности отдельных преступлений, из которых она состоит. По мнению А. Б. Сахарова, преступность как явление гораздо опаснее, чем все преступления вместе взятые и включенные в ее совокупность. Свой вывод он сделал не на основе данных, полученных от исследований, а умозрительного представления, облекая его в форму умозаключения, которое в данном случае и есть ноумен. Читаем его тезис: «Преступность, как явление, нарушает общественное спокойствие, вызывает у граждан чувство неуверенности, тревоги, опасения...» [6, с. 15] (видимо, он имел в виду всех граждан).

Если бы действительно было именно так, как полагал в свое время А. Б. Сахаров, то каждый человек ежедневно ходил по улицам с опаской быть подвергнутым криминальному нападению. Однако нарушают общественное спокойствие отдельные лица, а в своем большинстве они совершают имущественные преступления. Именно это конкретное обстоятельство, а не абстрактная преступность, вызывает у граждан и опасения, и тревогу, ибо они покушаются на их личное спокойствие, а не на общественное.

Кстати, различие целого и простой количественной суммы его частей впервые встречается у Аристотеля. В то время предлагалось два противоположных решения проблемы целостности и его частей: *материалистическое* – «целое есть сумма его частей; нет ничего в целом, чего не было бы в частях». Философы, позиционирующие эту точку зрения, рассматривали целое в виде неорганического образования. В данном случае криминологам-материалистам стоило бы с этим согласиться, что целое, представляемое как общественная опасность всей преступности все же равна сумме общественной опасности совокупности ее частей – преступлений, из числа которых она состоит.

И *идеалистическое* – «целое больше суммы частей»; «оно есть непознаваемая духовная сущность». Если эту концепцию применить к органическому целому, например, к обществу, тогда и с этим мнением можно согласиться, что целое больше его частей, ибо оно (целое) саморазвивается, проходя последовательные стадии прогрессивного усложнения, а по сути, оно (усложнение) есть непознаваемая духовная составляющая общества.

Но преступность как механическое объединение в совокупность зарегистрированных преступлений не может быть признана элементом системы «общество» – живого социального образования. Ибо эле-

менты общества – люди, его составляющие, а не криминальный продукт их деятельности.

Итак, рассмотренные признаки преступности имеют вымышленный характер, можно сказать, порождены погоней этих авторов за научностью своих выдумок, за оригинальностью своих умозрительных измышлений, чтобы обосновать ложную теорию преступности, как самостоятельно развивающегося социального явления.

Но преступность как реальный объект криминологического исследования все же имеет атрибутивные признаки, отличающие ее от преступления.

Во-первых, преступность соотносится с преступлением как статистическое множество к математической единице, как интегральное образование к отдельной самостоятельной его части.

Во-вторых, преступность категория криминологическая, а преступление – уголовно-правовая.

В-третьих, преступность характеризует нравственную физиономию общества, а преступление отражает моральное состояние конкретного индивида.

В-четвертых, преступность как духовную патологию общества искоренить невозможно, а отдельно индивиду это сделать допустимо.

В-пятых, преступность сама по себе категория объективная, а преступление категория субъективная.

В-шестых, преступность представляет собой разнокачественную массу преступлений, а отдельное преступление содержит одно качество.

В этой связи уместно представить альтернативную точку зрения на понятие преступности. Если сущностью преступности на самом деле является, грубо говоря, совокупность преступлений, следовательно, ее можно определить как с практической стороны, так и с теоретической позиции.

С *практической стороны* преступность – это определенная статистическая совокупность зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, на конкретной территории за отчетный период времени.

С *теоретической (научной) позиции* преступность есть криминологический термин, который показывает уровень духовно-нравственной патологии лиц, совершивших преступления. В этой связи можно сказать, что преступность отражает уровень аморальности общества в целом, характеризует степень нравственной деформации и умственной деградации людей. Поэтому можно отметить, что преступность – категория не социальная, хотя преступления совершаются в социальной среде. Преступность – категория и не биологическая, в противном случае люди рождались бы с криминальной направленностью в поведении. Следовательно, преступность – категория психическая, потому что противоправные действия побуждаются психическими мотивами.

Однако они только возбуждают намерение к определенному криминальному действию, но не заставляют человека совершить преступление, что очень важно для понимания психического механизма криминальных действий индивида. Уголовное право толкует преступные проявления людей как осознанные и волевые. Следовательно, совершить или не совершить преступление – принимает решение лично индивид, ибо все действия, в том числе и правонарушающие, находятся во власти его личности, обладающей не только свободой воли, но и другими важными добродетелями, как совесть, благоразумие, самопожертвование, самоограничение, благочестие и др., которые могут сдерживать проявление пагубных страстей.

И последнее. Если мы считаем преступность совокупностью криминальных действий, вызванных психическими реакциями людей на внешние и внутренние раздражители, то нужно и признать, что психические побудительные мотивы людей, к какому бы классу они ни относились, при каком бы социально-экономическом строе и политическом режиме ни жили, можно сказать, одни и те же. Это порочные страсти и низменные желания, с семенем которых рождаются все люди, относящиеся и к белой, и желтой, и черной расе.

При естественном понимании происхождения и существования преступности уже навряд ли кто-то решится официально заявить, что преступность имеет преходящий характер, и при создании соответствующих социальных условий она «отомрет», а иначе этот постулат будет звучать не только некорректно, но и неразумно, потому что покончить с преступностью невозможно, для этого нужно освободиться от людей, совершающих преступления, что звучит, согласитесь, абсурдно. Следовательно, она – вечный атрибут человечества.

Список источников

1. Криминология. М. : «Юридическая литература», 1966.
2. Криминология. М. : «Юридическая литература», 1979.
3. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г. А. Аванесов и др.]; под ред. Г. А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
4. Криминология : учебник / коллектив авторов; под общ. ред. В. И. Гладких. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮСТИЦИЯ, 2021.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33.
6. Сахаров А. Б., Саркисов Г. С. Проблема преступности в современных условиях. Ереван : Айастан, 1991.

7. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М. : Политиздат, 1963.
8. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2003.

References

1. Criminology. М. : «Legal literature», 1966.
2. Criminology. М. : «Legal literature», 1979.
3. Criminology : textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / [G. A. Avanesov et al.]; edited by G. A. Avanesov. 6th ed., reprinted and additional. М. : UNITY-DANA, 2015.

4. Criminology : textbook / collective of authors; under the general editorship of V. I. Gladkikh. 2nd ed., reprinted and add. М. : JUSTICE, 2021.
5. Lenin V. I. Full collection of works. Vol. 33.
6. Sakharov A. B., Sarkisov G. S. The problem of crime in modern conditions. Yerevan : Hayastan, 1991.
7. Philosophical Dictionary / edited by M. M. Rosenthal and P. F. Yudin. М. : Politizdat, 1963.
8. Philosophical Encyclopedic Dictionary. М. : INFRA-M, 2003.

Информация об авторе

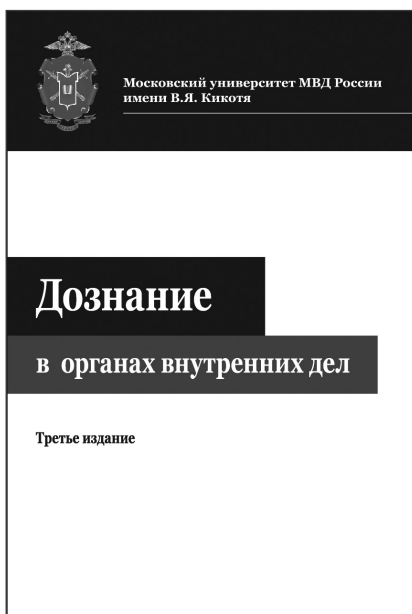
Е. С. Жигарев – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН).

Information about the author

E. S. Zhigarev – Professor of Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-95-98>

НИОН: 2015-0066-3/22-338

MOSURED: 77/27-011-2022-03-537

Дисциплинарное принуждение в административной деятельности полиции

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия, vz15111982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению организационных и нормативно-правовых аспектов применения мер дисциплинарного принуждения должностными лицами органов внутренних дел РФ. Анализируются основания и порядок реализации отдельных мер государственного принуждения сотрудниками полиции, участвующими в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечению безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: дисциплина, принуждение, трудовые отношения, государственная служба, права полиции, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Журавлев В. В. Дисциплинарное принуждение в административной деятельности полиции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 95–98. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-95-98>.

Original article

Disciplinary coercion in the administrative activities of the police

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of organizational and regulatory aspects of the application of disciplinary coercion measures by officials of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The grounds and procedure for the implementation of certain measures of state coercion by police officers involved in measures to protect public order and ensure road safety have been analyzed.

Keywords: discipline, coercion, labor relations, public service, police rights, road safety

For citation: Zhuravlev V. V. Disciplinary coercion in the administrative activities of the police. Bulletin of economic security. 2022;(3):95–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-95-98>.

Служебная дисциплина, будучи неотъемлемым элементом административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел, представляет собой весьма сложный и многоаспектный объект научного анализа, что подтверждается достаточно существенным количеством диссертационных исследований, посвященных данной тематике. Наиболее часто авторами, исследовавшими данную проблематику, под служебной дисциплиной понимается необходимость соблюдения различных нормативно-правовых предписаний, запретов и ограничений, установленных и санкционированных органами государственной вла-

сти, приказов и распоряжений начальников, а также морально-этических норм поведения, связанных с прохождением государственной службы [8, с. 8–9]. Их невыполнение делает возможным, а подчас и необходимым, принятие действенных мер воздействия в отношении нарушителей в целях реализации принципа общей и частной превенции таких проступков. Особый характер трудовых отношений в системе государственной службы повлиял на необходимость применения специфического вида юридической ответственности – дисциплинарной ответственности. Отдельные авторы понимают под ней необходимость

© Журавлев В. В., 2022

понести должностным лицом органов внутренних дел наказание, «выражающееся в государственном осуждении противоправного, виновного поведения нарушителя служебной дисциплины и вытекающее из факта совершения дисциплинарного и иного правонарушения» [9, с. 9]; совершение деяния как в служебное, так и во внеслужебное время, предполагающее необходимость претерпевать неблагоприятные последствия, которые возлагаются на нарушителя руководителем с целью оказания воспитательного и превентивного воздействия [7, с. 6]. Приведенные мнения отражают авторские позиции относительно дисциплинарной ответственности, как элемента дисциплинарного принуждения, реализуемого для решения внутриорганизационной задачи по поддержанию в органах и подразделениях системы внутренних дел должного уровня законности, соблюдению установленных для этого вида государственной службы правил поведения, запретов и ограничений. Вместе с тем, рассматривая сущность дисциплинарного принуждения в деятельности полиции возможно выделить также и иную форму его реализации. Она предполагает использование дисциплинарного принуждения, как метода оказания управляющего воздействия на физических или юридических лиц, участвующих в правоотношениях в сфере общественного порядка и общественной безопасности, и является выражением внешневластной стороны в административной деятельности полиции. Реализация мер дисциплинарного принуждения является правом, которым наделены отдельные категории должностных лиц органов внутренних дел, находящихся в системной взаимосвязи с выполнением обязанностей, возложенных на полицию пунктами 4, 5, 7 статьи 13 Федерального закона [3] и др., и предполагающим необходимость выявлять обстоятельства, которые способствовали совершению противоправных деяний, а также принимать исчерпывающие меры, направленные на их устранение; проводить индивидуальную профилактическую работу с гражданами, имеющими намерения совершить противоправные и антиобщественные действия; обеспечивать защиту прав граждан в сфере общественного порядка и безопасности дорожного движения, а также в условиях действия специальных административно-правовых режимов. Таким образом, дисциплинарное принуждение можно представить, как реализацию властных полномочий, которыми наделены сотрудники полиции, в целях предупреждения действий или бездействий граждан, хоть и не содержащих признаки объективной стороны наказуемого правонарушения, но могущего стать таковым при продолжении противоправного деяния.

Для определения границ и пределов применения мер дисциплинарного принуждения рассмотрим от-

дельные примеры его реализации должностными лицами органов внутренних дел. В соответствии с пунктом 35.3. Приказа МВД России от 29.03.2019 № 205 [5] участковый уполномоченный полиции имеет право применять такую форму профилактического воздействия, как «объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения», которая корреспондирует к статье 20 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ [2] и предполагает применение данной нормы при условии отсутствия в деянии лица признаков административного правонарушения или уголовного преступления путем вынесения и вручения документа установленной формы [6]. Как отмечает один из авторов данной нормы В. Пискарев, вынесение официального предостережения возможно в случаях «когда необходимо пресечь антиобщественное поведение лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте или квартире и тем самым не допустить совершение им более тяжкого наказуемого деяния» [10], что следует признать одной из первоначальных мер, направленных на контроль за соблюдением законодательства.

Следующим примером является совокупность полномочий сотрудников полиции, закрепленных в части 1 статьи 14 ФЗ «О полиции». Пункт 7 рассматриваемой статьи наделяет должностных лиц органов внутренних дел правом рекомендовать гражданам, находящимся в месте проведения законного публично-массового мероприятия, участником которого они не являются, покинуть это место, если их нахождение там создает угрозу охраняемым государством общественным отношениям в области жизни, здоровья, собственности, безопасности дорожного движения и нормальной работе учреждений и предприятий вне зависимости от их организационно-правовой формы. Пунктом 18 предусмотрено право использования группы административно-предупредительных мер, направленных на обеспечение безопасности в местах проведения различных публичных или массовых мероприятий, сопряженных со скоплением значительного числа граждан: визуальный осмотр лиц и находящихся при них вещей, ручной клади, в том числе с использованием технических средств, а также запрещение допуска граждан к месту проведения такого мероприятия в случае их отказа от выполнения требования сотрудника полиции.

В целях обеспечения безопасности дорожного движения сотрудникам полиции, в соответствии с пунктом 20, предоставлено право временно ограничивать или запрещать дорожное движение на отдельных участках уличной дорожной сети, принимать решение о необходимости изменения его организации,

в том числе при проведении публичных или массовых мероприятий, сопряженных со значительным скоплением людей. Помимо этого, дисциплинарное принуждение, как один из элементов профилактики ДТП и снижения тяжести их последствий, находит свое отражение в положениях приказа МВД России от 22.03.2019 № 177 [4], регламентирующий порядок организации сопровождения транспортных средств с участием автомобилей Госавтоинспекции. Так, пункт 27 предусматривает, что в случае выявления обстоятельств, препятствующих осуществлению сопровождения, и не принятия представителем перевозчика мер, направленных на их устранение, уполномоченным должностным лицом ГИБДД принимается решение об отказе в удовлетворении заявки на сопровождение, о чем заявитель письменно уведомляется в течение трех дней. Кроме того, данный приказ предусматривает право сотрудников Госавтоинспекции прекратить сопровождение в случаях, когда у сопровождаемого транспортного средства выявлены технические неисправности, при наличии которых их эксплуатация запрещена, болезненного состояния (болезни) водителя и иных обстоятельств, наличие которых создает угрозу безопасности участникам дорожного движения и повышает риск возникновения дорожно-транспортного происшествия.

Реализация дисциплинарного принуждения находит свое отражение, в том числе и в характере правоотношений, возникающих между должностными лицами органов внутренних дел и гражданами, выразившими согласие на внештатное сотрудничество в целях оказания помощи полиции в выполнении иных возложенных на нее обязанностей в соответствии с действующими нормативными правовыми актами. Так, пункт 3 части 4 статьи 10 Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ [1] предусматривает, что взаимодействие и работа с внештатным сотрудником может быть прекращена при неоднократном невыполнении требований, которые к нему предъявляются, а равно в случаях фактического самоустранения такого сотрудника от выполнения возложенных на него обязанностей.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что дисциплинарное принуждение, будучи внешневластным выражением прав отдельных категорий должностных лиц органов внутренних, предполагает активное моральное и психологическое воздействие, направленное на сознание и поведение субъектов правоотношений, обязывающее их к выполнению определенных действий либо воздержанию от их совершения.

Таким образом, обобщая изложенное, предложим авторское определение понятию дисциплинарное принуждение (в его внешневластной форме), под которым понимаются высказанные устно или пись-

менно законные требования уполномоченного сотрудника полиции, имеющие своей целью оказание воздействия на физических или юридических лиц, являющихся участниками общественных отношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности, с целью их склонения к правомерному поведению, соблюдению установленных в нормативных правовых актах предписаний, норм морали и этики при отсутствии в действиях таких лиц признаков состава административного правонарушения или преступления.

Список источников

1. Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД России от 22.03.2019 № 177 «Об утверждении Порядка осуществления сопровождения транспортных средств с применением автомобилей Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»).
6. Приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» (вместе с «Порядком объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компе-

тенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения)» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».

7. Бялт В. С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

8. Кученин Е. С. Административно-правовое обеспечение служебной дисциплины в органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8–9.

9. Никифоров А. В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 9.

10. Полицейские смогут объявить предостережение: что это и зачем необходимо. URL: <http://duma.gov.ru/news/46410/> (дата обращения: 15.12.2021). Текст : электронный.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of 02.04.2014 «On the participation of citizens in the protection of public order» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

2. Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

3. Federal Law No. 3-FZ of 07.02.2011 «On the Police» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 177 dated 22.03.2019 «On Approval of the Procedure for Escorting vehicles using Vehicles of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Recognition of Regulatory Legal Acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as Invalid» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 205 dated 29.03.2019 «On the

service of a precinct police commissioner in a serviced administrative area and the organization of this activity» (together with the «Instructions for the performance of official duties by a precinct police commissioner in a serviced administrative area», «Instructions on the organization of the service of precinct police officers»).

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 119 dated 04.03.2020 «On certain issues of the Announcement by the Internal Affairs bodies of the Russian Federation of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions creating conditions for the commission of crimes, administrative offenses, the resolution of which is attributed to the competence of the police, or the inadmissibility of continuing antisocial behavior» (together with «The procedure for the announcement by the Internal Affairs bodies of the Russian Federation of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions creating conditions for the commission of crimes, administrative offenses, the resolution of which is attributed to the competence of the police, or the inadmissibility of continuing antisocial behavior, including the procedure for its direction (delivery)») // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

7. Byalt V. S. Disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. М., 2011. P. 6.

8. Kuchenin E. S. Administrative and legal support of service discipline in the internal affairs bodies : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. М., 2013. P. 8–9.

9. Nikiforov A. V. Disciplinary responsibility of employees of the internal affairs bodies : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Омск, 2008. P. 9.

10. The police will be able to announce a warning: what is it and why is it necessary. URL: <http://duma.gov.ru/news/46410/> / (accessed: 12/15/2021). Text : electronic.

Информация об авторе

В. В. Журавлев – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. V. Zhuravlev – Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Rязan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-99-103>

НИОН: 2015-0066-3/22-339

MOSURED: 77/27-011-2022-03-538

Криминалистическая характеристика сбыта псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием Интернет-ресурсов

Сергей Геннадьевич Злобин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, expert-zlobin@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом огнестрельного оружия, в конструкцию которого внесены изменения обратимого характера, препятствующие производству выстрела (псевдо-деактивированного). Интенсивное развитие Интернет-технологий не позволяет своевременно осуществлять правовое регулирование данной сферы деятельности, в результате чего появляются возможности для реализации противозаконных схем, чем активно пользуются субъекты преступной деятельности. Формулируется понятие псевдо-деактивированного огнестрельного оружия, приводятся его классификация и характеристика. Рассматриваются элементы структуры криминалистической характеристики таких преступлений: предмет преступного посягательства; личность преступника; способ подготовки, совершения и сокрытия преступления; мотив преступления. Описываются возможные ошибки при производстве судебно-баллистических экспертиз в отношении подобных объектов и способы их предупреждения.

Ключевые слова: баллистическая экспертиза, заключение эксперта, списанное оружие, деактивированное оружие, переделка оружия

Для цитирования: Злобин С. Г. Криминалистическая характеристика сбыта псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием Интернет-ресурсов // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 99–103. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-99-103>.

Original article

Criminalistic characteristics of the sale illegal of pseudo-deactivated firearms using Internet-resources

Sergey G. Zlobin

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, expert-zlobin@yandex.ru

Abstract. The criminalistic characteristics of crimes related to the illegal sale of firearms in the design of which reversible changes that prevent the production of the shot (pseudo-deactivated) are introduced, have been considered. Intensive development of Internet technologies doesn't allow to react in time to the legal regulation and to correspond to the progress of such sphere, as a result there are opportunities for realization of illegal schemes, what subjects of criminal activity actively use. The concept of pseudo-deactivated firearms, their classification and characteristics are formulated. Such elements in structure of criminalistic characteristic of such crimes as subject of criminal encroachment; identity of criminal; method of preparation, commitment and concealment of a crime; motive of a crime are given. Described the possible errors in the production of forensic ballistic examination of such objects and ways to prevent them.

Keywords: ballistic examine, expert opinion, decommissioned weapons, deactivated firearms, improvised firearms

For citation: Zlobin S. G. Criminalistic characteristics of the sale illegal of pseudo-deactivated firearms using Internet-resources. Bulletin of economic security. 2022;(3):99–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-99-103>.

Постановка проблемы. Криминальное применение огнестрельного оружия является угрозой не только для личной защищенности гражданина, но и национальной безопасности государства в целом.

© Злобин С. Г., 2022

Большинство громких преступлений, в том числе и террористического характера, совершено с применением такого оружия. Новейшая история Российской Федерации, к сожалению, показывает нам, к каким катастрофическим последствиям могут приводить процессы незаконного вооружения бандформирований. Данная проблема характерна не только для России, но и для подавляющего большинства стран нашей планеты, и серьезность ситуации признается на уровне ООН. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан констатировал, что «число погибших от стрелкового оружия намного превосходит число погибших в результате применения других систем вооружений, причем почти каждый год число погибших от стрелкового оружия значительно превосходит число погибших в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По числу жертв стрелкового оружия его действительно можно было бы назвать «оружием массового уничтожения». Но, несмотря на это, в отличие от ситуации с химическим, биологическим и ядерным оружием, до сих пор нет никакого всемирного режима нераспространения, который ограничивал бы расползание этого оружия по всему миру» [1]. Данные слова подтверждают актуальность и высочайшую значимость контроля за оборотом оружия на сегодняшний день и в будущем.

Преступники, имея умысел на криминальное применение огнестрельного оружия, осуществляют постоянный поиск новых путей его получения в свое распоряжение. Анализ литературы, практической деятельности органов предварительного расследования и практики производства судебных экспертиз позволяют заключить, что одним из источников незаконного оборота огнестрельного оружия является восстановление боевых свойств списанного оружия.

Сбытчики огнестрельного оружия на территории Российской Федерации, реализующие свою деятельность вне установленных законом правил (что квалифицируется как преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации), нашли возможность уклоняться от ответственности за свои преступные деяния, осуществляя изготовление, так называемого «псевдо-деактивированного» огнестрельного оружия.

Такие объекты представляют из себя образцы различных моделей боевого ручного стрелкового огнестрельного оружия, в конструкцию основных частей которых внесены самодельные изменения, препятствующие производству выстрелов, которые носят обратимый характер (например, заваривание патронника и дульного среза; заваривание канала в затворе для ударника и др.) [2; 3]. Подобным способом происходит своего рода «маскировка» образа боевого ручного стрелкового огнестрельного оружия, под списанное оружие или конструктивно сходное с оружием изделие (далее по тексту – КСОИ). В дальнейшем,

этими лицами осуществляется сбыт таких изделий, в том числе по средствам сети Интернет. Приобретатель такого оружия, имеет возможность произвести демонтаж внесенных элементов (изменений) в конструкции основных частей, которые препятствовали возможности производства выстрелов из такого объекта, тем самым, фактически, получив работоспособный образец огнестрельного оружия.

В случае задержания правоохранительными органами сбытчика таких «псевдо-деактивов», собрать доказательственную базу, которая изобличила бы его истинный преступный умысел в виде сбыта огнестрельного оружия с целью его дальнейшей «реактивации» (восстановления боевых свойств) – крайне сложно. Согласно действующим криминалистическим методикам, при судебно-баллистическом исследовании таких объектов, оружие изучается в представленном на экспертизу виде и проводить какие-либо действия (аналогично вышеназванным), направленные на демонстрацию «обратимости» внесенных конструктивных изменений в рамках экспертного эксперимента, не предусмотрено. Результатами такой судебно-баллистической экспертизы могут быть выводы следующего характера: «...относится к огнестрельному оружию и в представленном виде для производства выстрелов не пригоден» (в отношении основных частей такого оружия: «...относится к основным частям огнестрельного оружия и в представленном виде для использования по целевому назначению не пригоден»). Ввиду отсутствия общественной опасности, суд, в отношении сбытчиков таких объектов, не выносит обвинительные приговоры и освобождает от ответственности по ст. 222–223 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

Вместе с тем, имеет место проблема отсутствия единого методического подхода к исследованию указанных изделий. Так, эксперты негосударственных экспертных организаций нередко формулируют выводы в отношении таких объектов, о том, что они к огнестрельному оружию не относятся, тем самым, фактически «легализуют» это оружие на территории Российской Федерации. Рассматриваемые изделия можно обнаружить в свободной продаже в магазинах, реализующих их с предъявлением подобных «заключений эксперта».

Вышеизложенное позволяет отметить, что выявленные недостатки в действующем нормативном правовом регулировании огнестрельного оружия, а также несовершенства действующих криминалистических методик, позволяют преступникам реализовывать свой преступный умысел путем «маскировки» боевых образцов ручного стрелкового оружия под списанное оружие или КСОИ (а также огнестрельного оружия не пригодного для производства выстрелов). В связи с этим актуальными являются разработка методик расследования, направленных на изобличения истинного умысла при изготовлении «псевдо-охлажденного

огнестрельного оружия», а также совершенствование судебно-баллистических методик, положения которых позволят устанавливать обратимость внесенных изменений в конструкцию огнестрельного оружия препятствующих производству выстрела. Это позволит пресекать процесс насыщения нелегального рынка таким огнестрельным оружием, в том числе посредством вынесения обвинительных приговоров в отношении его изготовителей, сбытчиков и приобретателей.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам криминалистической характеристики преступлений незаконного оборота огнестрельного оружия, а также криминалистического исследования деактивированного оружия посвящены работы многих ученых. Среди них – И. Б. Дворянов, А. В. Кокин, Д. С. Коровкин, И. В. Латышов, С. А. Невский, М. С. Становой и др. В них рассмотрены структура криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, анализ криминалистических признаков переделки гражданского оружия.

Формулирование целей статьи. Целями проведенного нами исследования заключаются в проведении анализа структуры преступлений, связанных с незаконным сбытом огнестрельного оружия, маскируемого под списанное оружие или КСОИ, рассмотрения криминалистических признаков такого оружия и определения понятия «псевдо-деактивированное огнестрельное оружие» в целях совершенствования борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом огнестрельного оружия.

Изложение основного материала. Интернет в современном мире является неотъемлемым элементом повседневной жизни граждан. Во всех развитых и большинстве развивающихся стран, на сегодняшний день, социальная организация (межличностная коммуникация, взаимодействие с органами государственной власти, товарооборот и т. п.) основана на доступе к всемирной информационной сети. Пятое поколение мобильной связи (телекоммуникационный стандарт – 5G/IMT-2020 [5]), развертывание которой происходит по всему миру, открывает еще более широкие возможности (в сравнении с сетями мобильной связи предыдущих поколений). Правительством Российской Федерации создана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [6] в рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», ставящая перед собой цель по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере [7]. Таким образом, в ближайшем будущем, на территории нашей страны каждый будет иметь воз-

можность получить доступ к возможностям глобальной сети Интернет.

Посредством Интернет-ресурсов граждане активно ведут торговлю между собой. Пользуясь веб-форумами¹ в качестве доски объявлений², собственник товара имеет возможность реализовать их сбыт. Таким способом пользуются и владельцы гражданского огнестрельного оружия, реализуя свои права, предусмотренные ст. 20 Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об оружии», а именно: «Граждане Российской Федерации имеют право продавать находящееся у них на законных основаниях на праве личной собственности оружие». Однако, к нашему сожалению, интернет-технологии используются не только в благих целях. Цифровая среда распространяет свой потенциал на всех граждан-пользователей, и не все применяют ее возможности в рамках закона.

На таких площадках можно встретить объявления о продаже списанного оружия (которое, в свою очередь, согласно ст. 3 ФЗ «Об оружии» относится к гражданскому оружию), а также конструктивно сходных с оружием изделий (макеты массогабаритные и т. п.)³. В связи с тем, что данная категория предметов, при их реализации не лицензируется и имеет свободный оборот на территории Российской Федерации для граждан, достигших возраста 18 лет, под видом таких предметов может осуществляться незаконный сбыт огнестрельного оружия.

Д. А. Влезько подчеркивает о том, что «роль личности, совершившей уголовно наказуемое деяние, является ведущей при расследовании преступления, формировании способов воспитательного воздействия, выяснения причин и обстоятельств, ставших побудительной причиной совершения преступления» [8, с. 186]. Анализ теоретического материала позволяет заключить, что в определении структуры криминалистической характеристики ученые единогласия не находят [9]. Вопрос о содержании понятия и терминологических подходах является дискуссионным. Тем не менее, можно выделить основные элементы в структуре криминалистической характеристики сбыта псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием Интернет-ресурсов, а именно: предмет преступного посягательства; личность преступника; способ подготовки, совершения и сокрытия преступления; мотив преступления.

А. И. Плотников в своей работе указывает следующее: «предметом преступления признается вещь

¹ Веб-форум – класс веб-приложений для организации общения посетителей веб-сайта.

² Например, guns.ru, gunsbroker.ru.

³ Стоит уточнить, что конструктивно сходные с огнестрельным оружием изделия не должны содержать в своей конструкции основные части огнестрельного оружия.

материального мира, на которую непосредственно воздействует лицо, совершая преступление» [10, с. 85]. На основании этого можно заключить, что в описываемом виде преступления таким будет выступать огнестрельное оружие, в конструкцию основных частей которого внесены изменения, исключающие возможность производства выстрела (например: со стороны дульной и казенных частей ствола, устанавливаются втулки, фиксируемые «каплей сварки»), заведомо носящие обратимый характер – для передачи его третьим лицам, под видом списанного оружия или деактивированного огнестрельного оружия не пригодного для производства выстрелов, также конструктивно сходных с оружием изделий в целях последующей доработки последним таких изменений и восстановления его боевых свойств. Выявление таких объектов требует специальных познаний в области материальной части огнестрельного оружия, что говорит о целесообразности привлечения в следственных действиях специалиста.

По мнению С. А. Невского: «личность преступника – совокупность социально значимых и субъективных свойств личности человека, виновно совершившего деяния, запрещенное уголовным законом» [11, с. 41]. В контексте раскрываемой темы, она может характеризоваться как совершивших организованной группой, так и единолично, с познаниями в технической (материальной части) составляющей оружия и навыками использования специального оборудования, которые используются в противоправных целях. Также нельзя исключать лиц (сбытчик), приобретших уже готовые переделки в целях дальнейшего его сбыта, роль которого может быть, как непосредственным элементом организованной группы, так и, так называемым «перекупом».

Соккрытие квалификационного признака преступления, предусмотренного ст. 222–223 Уголовного кодекса Российской Федерации, выступает процесс имитации признаков материальной части списанного оружия, под видом внесенных конструктивных изменений (носящих обратимый характер), препятствующих производству выстрела и реже, соответствующих маркировочных обозначений. Для подготовки таких обстоятельств, необходимо наличие специальных познаний и навыков, а также наличие оборудования. Совершение преступления организовывается посредством Интернет-ресурсов, путем публикации объявлений о продаже списанного оружия или конструктивно сходного с оружием изделия, которые в свою очередь, как отмечалось ранее, приобретаются без необходимости наличия лицензии у покупателя.

С. Н. Альбенцев указывает, что «мотив раскрывает соотношение между внутренним и внешним миром личности, между ее потребностями и возможностями (способами) их удовлетворения, являясь именно личностной детерминацией преступного поведения» [12, с. 27]. Классифицируя мотивы совершения преступлений в сфе-

ре незаконного оборота оружия, С. А. Невский выделяет бытовые, «нигилистические» и корыстные. Согласно такой градации, сбыт псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием Интернет-ресурсов преступным субъектом, в совокупности с вышесказанным, приобретает исключительно корыстный мотив, целями которого выступает получение материальной выгоды.

Анализ судебных экспертиз¹ такого оружия, позволяет выделить некоторые наиболее часто встречающиеся криминалистически значимые признаки, характерные именно для такого вида объектов, а именно наличие «втулки», устанавливаемой в канал ствола, который имеет наплавление металла (в виде «капли»), со стороны казенного и дульного срезов; наплавление металла на выходном отверстии канала ударника затвора; наплавление металла в местах соединения затвора и рамки либо ствольной коробки; наличие следов (признаков) удаления первичных маркировочных обозначений (как правило, в виде продольных трас), на поверхности которых выполнены уже другие обозначения с содержанием характерным для другой модели оружия (например, списанного оружия или КСОИ).

Выводы из данного исследования и перспективы. Таким образом, можно заключить, что псевдо-деактивированное оружие – огнестрельное оружие, в конструкцию (основные части) которого внесены обратимые изменения, исключающие возможность производства выстрела в целях имитации под образцы гражданского оружия или конструктивно сходные с оружием изделия при реализации, для которых не требуется лицензирование. В ходе расследования преступлений, вещественные доказательства которых выступают объекты с такими признаками, целесообразно назначать судебно-баллистические экспертизы с формулировкой вопросов направленных на изобличение преступного умысла, а именно: «является ли представленный на экспертизу объект огнестрельным оружием? Если да, то изготовлен ли он промышленным способом? Если да, то имеются ли в его конструкции самодельные изменения? Если да, то возможно ли производство выстрела из него, при демонтаже таких изменений без использования промышленного оборудования?». Установленная криминалистическая характеристика позволит субъектам предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности устанавливать истинный умысел лиц, осуществляющих незаконный оборот оружия. В тоже время, актуализируется вопрос о разработке соответствующих методических рекомендаций для проведения такого вида баллистических исследований в рамках производства судебной экспертизы в целях решения вышеуказанных задач.

¹ Нами рассматривалось 10 судебных экспертиз, проведенных экспертами ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

Список источников

1. URL: <https://www.un.org/ru/events/smallarms2006/background.htm> (дата обращения: январь 2022).
2. Кокин А. В. Криминалистическое исследование списанного оружия, его частей и оружия, восстановленного на их основе // Судебная экспертиза. 2014. № 3 (39). С. 53–54.
3. Кокин А. В. Очерки судебной баллистики. М., 2017.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». Абзац 2 пункт 12.
5. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/proekt-kontseptsii-sozdaniya-i-razvitiya-setej-5g-imt-2020-v-rossijskoj-federatsii.pdf> (дата обращения: ноябрь 2021).
6. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержден протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 г. № 7. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: январь 2022).
8. Влезко Д. А. Значение личности преступника в криминалистике // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 4 (87). С. 186–189.
9. Берестнев М. А. Криминалистическая характеристика преступления : терминологические подходы, содержание понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 176–185.
10. Уголовное право России. Общая часть : учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2016.
11. Невский С. А. Борьба с незаконным оборотом оружия. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2003. 200 с.
12. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000.

References

1. URL: <https://www.un.org/ru/events/smallarms2006/background.htm> (accessed: January 2022).
2. Kokin A. V. Forensic investigation of decommissioned weapons, their parts and weapons restored on their basis // Forensic expertise. 2014. № 3 (39). P. 53–54.
3. Kokin A. V. Essays on forensic ballistics. M., 2017.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2002 № 5 «On judicial practice in cases of theft, extortion and illegal turnover of weapons, ammunition, explosives and explosive devices». Paragraph 2 paragraph 12.
5. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/proekt-kontseptsii-sozdaniya-i-razvitiya-setej-5g-imt-2020-v-rossijskoj-federatsii.pdf> (accessed: November 2021).
6. Passport of the national project «National program «Digital economy of the Russian Federation» approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects from 04.06.2019 № 7. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».
7. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed: November 2021).
8. Vlezko D. A. The importance of the personality of the criminal in criminology // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4(87). P. 186–189.
9. Berestnev M. A. Criminological characteristic of a crime: terminological approaches, the content of the concept // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. № 3–2. P. 176–185.
10. Criminal law of Russia. General part : textbook for bachelors / отв. ed. A. I. Plotnikov. Orenburg : LLC IPK «University», 2016.
11. Nevsky S. A. Combating Illegal Trafficking in Weapons. M. : Publishing House «Yurлитinform», 2003. 200 p.
12. Abeltsev S. N. Personality of a criminal and problems of criminal violence. M., 2000.

Информация об авторе

С. Г. Злобин – преподаватель кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

S. G. Zlobin – Lecturer of the Department of Weapon Analysis and Trasology of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-104-110>

НИОН: 2015-0066-3/22-340

MOSURED: 77/27-011-2022-03-539

О новых угрозах внутренней безопасности Российской Федерации

Марина Валерьевна Зубова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются актуальные вызовы и угрозы внутренней безопасности страны. Рассматриваются преступления экстремистской направленности. Сделан вывод о том, что внутренняя политика Российской Федерации на текущий момент должна быть, в первую очередь, направлена на обеспечение безопасности страны, предложены меры, нацеленные на дальнейшее укрепление безопасности государства.

Ключевые слова: безопасность, вызовы, угрозы, внутренняя политика, экстремизм

Для цитирования: Зубова М. В. О новых угрозах внутренней безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 104–110. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-104-110>.

Original article

On new threats to the internal security of the Russian Federation

Marina V. Zubova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The current challenges and threats to the internal security of the country are analyzed. Crimes of extremist orientation are considered. The conclusion is made that the internal policy of the Russian Federation at the moment should be primarily aimed at ensuring the security of the country, measures are proposed.

Keywords: security, challenges, threats, domestic politics, extremism

For citation: Zubova M. V. On new threats to the internal security of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(3):104–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-104-110>.

В условиях усиливающихся попыток коллективного Запада дестабилизировать обстановку в стране российские правоохранительные органы и спецслужбы в целом успешно обеспечивают правопорядок и стабильность государства.

Наблюдавшийся в 2021 году рост числа выявленных и пресеченных преступлений экстремистской направленности (+26,9 %), на наш взгляд, свидетельствует об успешной работе правоохранительной системы. Снижение числа таких преступлений в Северо-Западном (-12,5 %), Северо-Кавказском (-3,1 %) и Уральском (-15,0 %) федеральных округах – результат длительных усилий правоохранительных органов по контролю за факторами, порождающими экстремистские проявления.

Использование более чем в половине таких преступлений (62,5 %, +39,7 %) сети Интернет свидетельствует о росте профессионализма правоохранительных органов в части выявления и противодействия экстремистскому контенту.

Тем не менее, ситуация в стране остается сложной. И усугубляется она тем, что сегодня иностранные спецслужбы открыто декларируют конечную цель своей подрывной деятельности – устранение главы государства и полную смену власти в Российской Федерации.

Коллективным Западом объявлен и реализуется комплекс мер военного, информационно-пропагандистского и иного плана, включая введение беспрецедентных политических и экономических санкций и массивную военную помощь Украине, которой отведена роль «расходного материала» в процессе втягивания России в новую гонку вооружений и включение как людских, так и материальных ресурсов на военные действия. По сути, под угрозу поставлено само существование страны.

Доказательность принципиальной готовности США к обострению противостояния с Россией в любых ситуациях и в различных частях мира сегодня более, чем достаточна.

© Зубова М. В., 2022

Американские империалисты рассматривают Россию как главное препятствие на пути сохранения своего мирового господства. Поэтому в качестве своей главной цели на современном этапе они поставили задачу победить Россию и затем дезинтегрировать ее.

Китай, являющийся растущей мировой державой, не скрывающей своих амбиций и приоритет собственных национальных интересов, пока отнесен США к цели второго уровня, ввиду его тесной интегрированности с мировой, прежде всего, с американской экономикой.

Давление на Россию усиливается кризисными явлениями в мировой экономике и ковидными ограничениями, что негативно сказывается на жизни людей, вызывает их обеспокоенность; деструктивные силы используют все это для дискредитации органов власти, управления и конкретных руководителей.

Под массивным внешним и внутренним воздействием у части населения, особенно у молодых людей, формируются и закрепляются устойчивые радикальные взгляды и установки. Возникла и постепенно увеличивается узкая прослойка оппозиционеров, «профессиональных революционеров», для которых подрывная деятельность становится основным источником доходов. С начала специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины часть из них выехала и постоянно проживает за рубежом, сохраняя российское гражданство и не прекращая антироссийской деятельности.

Примечательно, что к таким лицам примкнуло (или открыто позиционировало себя) значительное число высокооплачиваемых топ-менеджеров, в том числе, руководителей и топ-менеджеров компаний с участием государства, популярных авторов и исполнителей шоу-бизнеса и иных категорий лиц, извлекавших существенные доходы в результате взаимодействия с властью.

Гражданское общество уже давно и с обеспокоенностью отмечает явные пробелы в системе образования и воспитания подрастающего поколения, влекущие, в том числе, ущербные представления многих молодых людей об истории и ценностях России, деформацию нравственных и патриотических ориентиров, формирование русофобских идей и предпочтений.

Такая ситуация стала следствием долгосрочного влияния генерируемых из разнообразных источников комплекса факторов, способствующих возникновению и развитию различных форм экстремизма, в том числе его крайних агрессивных форм – терроризма, исламского радикализма, фашизма и национализма.

Этому, безусловно, способствует наличие в стране формальных и неформальных оппозиционных организаций и объединений, ставящих своей целью

смену власти в стране незаконными, в том числе насильственными способами.

В США для нейтрализации таких угроз во всех ведомствах созданы специальные подразделения по борьбе с внутренним терроризмом и специальные межведомственные органы управления. Действия любых лиц и организаций, преследующих подобные цели, немедленно и жестко пресекаются.

При этом аналогичные действия в других странах, те же США определяют как «свержение народом тоталитарных режимов», «законная оппозиционная борьба», «борьба за свободу и демократию» и т. п.

Законодательство Российской Федерации не оперирует термином «внутренний терроризм», объединяя его составляющие понятием «экстремизм», включающим в себя систему идей и взглядов, направленных на разжигание ненависти и вражды, унижение достоинства других людей, расовых и социальных групп, изменение существующего государственного и общественного устройства путем насилия, распространения клеветнических измышлений и иными незаконными способами, а также конкретных действий по их воплощению в жизнь.

В западных документах и нормативных правовых актах нередко используется термин «насильственный экстремизм». При этом утверждается, что только насильственные проявления экстремизма являются общественноопасными и требуют государственного контроля.

В нашем понимании, такое мнение некорректно, учитывая, например, возможности влияния на массовое сознание людей современных информационно-коммуникационных технологий и основанных на них методов социальной инженерии.

Западные подходы к экстремизму способствуют формированию региональных и даже мировых центров экстремистской пропаганды, рекрутирования и обучения кадров, а также управления деструктивными процессами в других странах; так, Польша, открыто способствовала попыткам свержения законной власти в Белоруси.

Констатируем наличие в стране существенных угроз ее внутренней безопасности, сформировавшихся в силу:

- распространенности у части общества, особенно в среде творческой интеллигенции, среди журналистов, профессорско-преподавательского состава и даже в государственном аппарате либеральных подходов к проявлениям экстремизма, недооценки его вредности и формализма в организации противодействия, в том числе в информационной среде;

- накопления «экстремистского потенциала» в среде трудовых и иных мигрантов, часть из которых является приверженцами радикальных вероучений, а

также в их национальных диаспорах, особенно стремящихся к формированию своих анклавов;

- излишней «деликатности» контролируемых государственных СМИ по отношению к радикальной оппозиции и ее лидерам, лицам, пропагандирующим вредные для российской государственности и российского общества идеи, в том числе, к представителям творческой интеллигенции, крупного бизнеса и бывшим государственным чиновникам;

- недостаточной технической оснащенности правоохранительных органов средствами контроля и воздействия на информационное пространство;

- явного нарастания подрывной деятельности иностранных спецслужб и их агентов влияния, что периодически создает напряжение в сфере правопорядка и общественной безопасности и требует адекватных мер реагирования.

В этой связи правоохранители сконцентрировали свое внимание на выявлении и пресечении преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (45,98 % в структуре всех таких преступлений), ст. 282² УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» (26,30 %), ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (8,14 %), ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (3,41 %) и ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» (2,18 %).

О росте активности правоохранительных органов свидетельствует увеличение числа выявленных и пресеченных преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества (+58 %), возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства (+36,5 %) и публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (+32,4 %).

Разумеется, далеко не все действия экстремистского характера получают уголовно-правовую оценку. Значительная часть из них остается в «латентной тени», особенно если они исходят из информационно-коммуникационной среды.

По-прежнему, имеют место попытки культивирования в молодежной среде криминальной субкультуры, вовлечения детей и подростков в деструктивную оппозиционную деятельность, популяризации «групп смерти» и суицидальной тематики в сети Интернет, пропаганды скулшутинга, политизации и радикализации околоспортивных фанатских движений, развития тоталитарных и оккультных религиозных объединений и организаций (сект), активизации деятельности международных террористических организаций, националистических организаций, обеления фашизма и искажений российской истории, а также осуществ-

ления иных действий, направленных на дестабилизацию обстановки в стране.

С учетом беспрецедентной поддержки населением Президента Российской Федерации В. В. Путина главным направлением идеологической борьбы стала работа с молодежью, лишенной опыта жизни в СССР и формирующейся в условиях массивного внедрения западных ориентиров и стандартов.

На эти цели правительством США выделяются значительные средства, реализуются целевые программы поиска и продвижения так называемых «молодых лидеров», «формирования в России активного гражданского общества» и им подобные, суть которых – подготовка активных и убежденных оппозиционеров.

Для воздействия на аудиторию используются методы воздействия на массовое сознание через сеть Интернет, включая НЛП; принципы сетевого маркетинга при организации материального стимулирования участников и актива за привлечение новых сторонников и участие в оппозиционных мероприятиях, особенно за противодействие силам правопорядка; приобщение активистов и сторонников к наркотическим и психотропным препаратам, как это имело и имеет место на Украине.

Характерно, что аналогичные методы используют международные террористические организации при вербовке боевиков.

В 2022 г., ввиду обострения глубинных процессов трансформации массового сознания и перекодирования соседней Украины в мировой центр русофобии и возрождения фашизма, вызовы и угрозы безопасности России существенно возросли.

И хотя многолетние попытки коллективного Запада во главе с США сместить российское руководство путем проведения «цветной революции» провалились, их противостояние с Российской Федерацией вышло на качественно новый уровень гибридного противодействия.

Вслед за Сирией они начали вооруженное противостояние с Россией на Украине, одновременно пытаются создать очаги военного напряжения в Белорусии, Молдавии и в странах Центральной Азии, последовательно переходя от акций «ненасильственного сопротивления» («мягкой силы») к тактике «городских войн», войн гражданских и военных переворотов.

Радикализация Украины – следствие целенаправленного содействия стран Запада сформированным ими же в период распада СССР экстремистским партиям и организациям укро-националистической ориентации в захвате власти и создании с их помощью органов государственной власти и управления, открыто опирающихся на русофобофашистскую идеологию и ударные отряды боевиков-националистов.

Новый массовидный характер приобрела фабрикация информационных материалов, которыми стали оперировать ведущие западные СМИ для дискредитации внутренней и внешней политики страны, ее руководства, политической и экономической элиты, ослабления политического влияния России и ее военного потенциала России.

В дальнейшем такие «фэйковые» новости и документы тиражируются ведущими СМИ и даже используются в судебных процессах, а опровергающие их публикации и обращения игнорируются.

Масштабы и беспринципность антироссийской информационной кампании беспрецедентны даже в сравнении с бывшим СССР, который США нарекли «империей зла» и долгие годы продвигали этот «бренд» всеми деструктивными средствами.

Антироссийская пропаганда опирается на самые «грязные» технологии, в которых широко применяются самые передовые методы воздействия на сознание человека. Мировые СМИ и официальные структуры накачиваются ложью, бездоказательными обвинениями и фальсифицированными фактами.

Для продвижения своих целей США и их сателлиты не скрываясь используют свое влияние в международных организациях, включая структуры ООН, ОБСЕ и международных судах.

Например, так называемые «допинговые расследования», в результате которых российские олимпийцы не были допущены к летней олимпиаде 2016 г. в Рио-де-Жанейро, причем параолимпийцы – в полном объеме; в конечном итоге, якобы нарушения так и не были подтверждены объективными данными.

Тем не менее, это не только не привело к снятию с российских спортсменов обвинений и санкций, но было успешно использовано в качестве основания для не допуска России к олимпийским играм 2018 г. в Корею.

Аналогичная ситуация сложилась с абсурдными обвинениями вмешательства России в избирательную систему США в 2016 г., якобы для оказания содействия Дональду Трампу в его избрании на пост президента США.

Сегодня также бездоказательно или на основе фальшивых информационных материалов осуществляются воздействия на массовое сознание населения Украины и западных обывателей в плане обвинений России в агрессии и военных преступлениях на Юге Украины, которые в действительности совершают украинские нацисты.

Ранее такая же тактика демонстрировалась в отношении других стран, имеющих противоречия с США, в первую очередь, с Сирией.

Открыто обозначена и конечная цель всех этих усилий – отстранение от власти Президента Российской Федерации В. В. Путина и его ближайшего окру-

жения, демонтаж системы управления, создание в стране обстановки хаоса, постановка ее территории и природных ресурсов под полный западный контроль с последующим расчленением на ряд небольших государств и вассальных образований.

Сегодня практически открыто продекларировано, что сильная и независимая Россия, лично В. В. Путин и его ближайшее окружение, являются реальной угрозой установленному США миропорядку.

Именно поэтому западные спецслужбы сосредоточили свое внимание на так называемой российской элите, особенно из числа бывших чиновников и близких к власти политиков и бизнесменов, выявляя и конфискуя их зарубежные активы. Цель – спровоцировать их на конфликт с властью, получить информацию и показания в нужном для подрывной деятельности разрезе. Эта практика, очевидно, и будет развиваться, вплоть до распространения на всех владельцев зарубежных счетов и недвижимости. Не исключены аресты и осуждения интересующих иностранных спецслужбы россиян.

Одновременно, как нам представляется, надо ожидать инспирирования преследований и попыток дезориентации опорных для сегодняшней власти фигур непосредственно в самой России, для чего будут активно использоваться, а возможно, уже используются, легальные возможности агентов влияния, пробелы современного законодательства, недостатки правоприменительной практики и коррупционные «заказы».

С высокой степенью вероятности будет создан международный антикоррупционный трибунал, в котором потом будут рассматриваться сфабрикованные дела против российских чиновников и предпринимателей.

Для этого будут отслеживаться или моделироваться и сопровождаться в нужном инициаторам направлении в правоохранительных органах и судах ситуации, позволяющие привлечь к уголовной или иной ответственности интересующих западные службы лиц или их родственников, близких знакомых, а также инициироваться и направляться критические, в том числе фэйковые, публикации в СМИ и в интернет-блогах.

Цель такой деятельности — последовательное создание условий для перехвата управления страной в процессе возрастного обновления управленческих кадров путем продвижения своих ставленников и сторонников, способных в последующем осуществить демонтаж постепутинской России.

Заказчики и организаторы подрывного давления на нашу страну, как и ранее, действуют по шаблону развала СССР и уничтожения так называемого советского блока, в основе которого было сочетание политических, экономических и иных санкций с втя-

гиванием страны в изнурительную гонку вооружений и затратное противостояние в различных регионах мира, трансформацией базовых ценностей стран-противников и формирование в них активных сил оппозиции.

Между тем, современная ситуация при наличии очевидных параллелей с обстановкой периода развала СССР, имеет и качественные отличия, прежде всего в части готовности руководства, населения и армии страны к сопротивлению, а также способности экономики к выживанию.

США всегда рассматривали и рассматривают введение санкций в качестве одного из основных инструментов воздействия на неугодные им страны. При этом предлоги для их введения никогда не имели существенного значения и при необходимости быстро видоизменялись или моделировались.

В период развала СССР предлогом для введения санкций стал ввод ограниченного контингента российских войск в Афганистан. Сегодня в качестве оснований для введения санкций избраны присоединение к России Крыма, ситуация в Донбассе и Сирии.

Если бы не было украинского или сирийского предлогов, США легко использовали бы другие аргументы, например, «российская оккупация территорий Грузии и Молдавии», «нарушение условий договоров об ограничении стратегических вооружений», «негативное влияние российских технологических выбросов на климат», «экологическое загрязнение Арктики» или любой иной предлог.

Есть основания полагать, что при участии спецслужб США и подконтрольных им транснациональных преступных организаций был спровоцирован масштабный миграционный кризис в Европе, который в перспективе может подорвать устои не только западноевропейской цивилизации, но и всего мира.

Прибытие в Европу так называемых «украинских беженцев» целесообразно рассматривать как очередную этап этой же операции, преследующей те же цели, с дополнительной опцией в виде закрепления у европейского населения антироссийских установок и создания новых предлогов для введения санкций и требований выплат компенсаций.

Применение США и их союзниками санкций, равно как требований возмещения неких мифических убытков за счет иностранного имущества российских граждан, не основывается на международном праве и, по нашему мнению, может рассматриваться как экономическое нападение и элемент гибридной войны со всеми вытекающими из этого последствиями и ответными мерами.

При развале СССР санкционное давление достигло своей цели, поскольку Западу удалось обеспечить одновременное резкое снижение мировой цены

на нефть, что подорвало сырьевой сегмент советской экономики и лишило ее поступления валютных средств.

Сегодняшние санкции не достигают своей цели; Россия сегодня располагает «подушкой безопасности» в виде реальных денежных ресурсов и поступлений от продажи энергоресурсов, без которых современная, в том числе западная экономика эффективно функционировать не может.

Более того, антироссийские санкции болезненно ударили по экономикам самих западных стран, включая США, создав предпосылки для их дестабилизации. У неофашистов и у их покровителей не получается сломать Россию и военным путем истощить ее ресурсы.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении попыток США организовать вблизи границ России пояс нестабильности.

Особенностью современного периода является фактическое принятие на себя США права вооруженного смещения законных властей суверенных государств, произвольно обвиняемых ими в неких международных преступлениях или даже намерениях их совершить, в нарушениях прав человека и иных «бесчеловечных действиях», требующих внешнего военного вмешательства.

В дальнейшем такие обвинения, как правило, не находят подтверждения. Тем не менее, меры по их разоблачению блокируются подконтрольными коллективному Западу мировыми СМИ и не получают должной международной правовой оценки.

Таким образом, США и их сателлиты выхолостили и нивелировали международно-правовые институты поддержания мира и стабильности, создав, угрожая тем самым дестабилизацией и хаосом.

Угрозу безопасности России несут также действия западных спецслужб по провоцированию конфликта элит (раскола) в российском обществе.

Ранее США успешно использовали в своих целях конфликтные отношения внутри руководства КПСС, в частности, между М. Горбачевым и Б. Ельциным. Западные спецслужбы активно приобретали на всех уровнях власти и управления СССР «агентов влияния», которые парализовывали защитные функции государства, вели целенаправленную работу по смене жизненных ориентиров населения, формировали у советских людей сомнения в эффективности партийного руководства страной и государственного курса в целом, ориентировали их на жизненные ценности, соответствующие так называемым «западным стандартам», создавали и закрепляли идеалистические представления о жизни в западных странах, желания интегрироваться с западным обществом, которое в представлении обывателей, само стремилось к этому, причем на равноправной основе.

В результате США сформировали и модифицировали в СССР классическую революционную ситуацию, при которой «низы не хотели жить по-старому», а «верхи не только не могли, но и не желали управлять по-старому».

Сегодня в попытках создания революционной ситуации в России западные спецслужбы спекулируют на стремлениях части населения сохранить в условиях западных санкций выведенные ими за рубеж капиталы и имущество, на опасениях многих чиновников и предпринимателей, участвующих или участвовавших в схемах незаконного обогащения, возможными последствиями усиления государственного контроля за доходами и расходами граждан; на неудовлетворенности определенных групп молодежи положением дел в стране и желаниях перемен, на объективных трудностях в социальных и экономических сферах, в том числе сохраняющимся высоким уровнем коррупции и на многом другом.

Как и ранее, главной составляющей целевого формирования внутренних протестов остаются темы борьбы с привилегиями, коррупцией и «беспределом» власти, которые в настоящее время выстраиваются в ориентирах:

- внедрения в массовое сознание, особенно у подрастающего поколения, убежденности в тотальной коррупционной пораженности российской власти, необходимости и неизбежности ее смены;
- преувеличения антикоррупционных успехов стран западного мира и замалчивания имеющихся у них в этой области проблем;
- провоцирования (стимулирования) или прямого принятия через «агентов влияния» решений, затрудняющих ведение легального бизнеса и провоцирующих коррупцию или недовольство властью населения;
- постоянного муссирования в СМИ и постановки на всех возможных уровнях управления проблемы излишнего административного давления на коммерческие структуры с предложением решений, в реальности способствующих сохранению криминализированности и коррупционной составляющей современного российского бизнеса;
- дискредитации органов власти и управления, в первую очередь силовых структур и их руководителей, и выдвижения различного рода проектов и инициатив по реформированию систем управления и безопасности страны, реализация которых их, как минимум, дестабилизирует или явно затруднит работу;
- разжигания межнациональной розни путем спекуляций на теме внутренней и внешней миграции; формирования националистических настроений;
- провоцирования акций массового протеста с требованиями существенного увеличения заработ-

ной платы и пенсий, введения природной ренты и т.п. через манипулирование информацией об ухудшении уровня материального благосостояния значительной части населения на фоне якобы значительного роста сверхдоходов и коррумпированности российской элиты.

Не исключено, что по аналогии с подготовкой государственного переворота на Украине, в Белорусии и Казахстане, «агенты влияния» США пытаются организовать подготовку боевиков для силового противодействия силам правопорядка в России.

Информационная среда, освещающая действия российского руководства в части обеспечения безопасности страны, наведения правопорядка и борьбы с коррупцией, тщательно анализируется с помощью искусственного интеллекта в специально созданных западным разведсообществом фондах и институтах для выявления и отработки сведений, необходимых для проведения информационных и иных операций по нейтрализации активных государственных деятелей-сторонников В. В. Путина, а также для углубления противоречий внутри элит и отдельных групп населения.

Так, аресты крупных чиновников или бизнесменов за совершение конкретных коррупционных или экономических преступлений подаются как свидетельства «коррумпированности всей власти», а также в качестве некоего сигнала для всей социальной группы: «мол, ждите, скоро придут и за вами».

С теми же целями подконтрольными НПО и НКО вносятся и сопровождаются в СМИ, в том числе в электронных, популистские законодательные инициативы о принятии жестких антикоррупционных мер, практическая реализация которых невозможна в силу конституционных ограничений либо в перспективе может привести к углублению социальных противоречий в обществе.

Успехи Российских Вооруженных Сил в Сирии препарируются в контексте провоцирования новой мировой войны, губительности военных расходов для нашей экономики и возможностей эскалации терроризма внутри страны.

Для распространения подрывных материалов и мобилизации оппозиционного актива широко применяются современные информационные технологии. На эти цели выделяются серьезные материальные ресурсы, которые, в том числе, распространяются через систему прозападных НКО.

В этой связи необходимо обратить внимание на школьные и вузовские программы антикоррупционного воспитания, разрабатываемые и распространяемые при участии фонда Сороса.

В России таких программ уже практически нет. Важно быстро избавиться от них на освобождаемых от нацистов территориях Украины.

Всем субъектам работы с молодежью следует скорректировать свои позиции, сконцентрироваться на повышении эффективности правового и патриотического воспитания, скорректировать соответствующие учебные программы и методические материалы, в том числе по тематике антикоррупционной пропаганды. Больше внимания уделять антитеррористическому и антикриминальному воспитанию. Искать новые формы привлечения молодежи к реальной профилактической работе.

Надо тонко и доходчиво доносить до российской молодежи информацию о возможных последствиях реализации сценариев «цветных революций» в России.

Необходимы системные реформы государственного аппарата в части постановки надежного заслона проникновению в обновляемые российские органы власти и управления, включая муниципальный уровень, «агентов влияния» западных спецслужб.

Одновременно следует пересмотреть принципы и механизмы отбора, сопровождения и продвижения патриотически настроенных кадров. В условиях трансферта власти эта задача приобретает первоочередное значение.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 3 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Рос-

сийской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

4. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

5. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

6. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685).

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 3 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated 1 July 2020, No. 11-FKZ) // SZ RF. 2020. No. 31. Art. 4398.

2. Federal Law «On Security» dated December 28, 2010 No. 390-FZ // SZ RF. 2011. No. 1. Art. 2.

3. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» // SZ RF. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378.

4. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020 «On the National development Goals of the Russian Federation until 2030» // SZ RF. 2020. No. 30. Art. 4884.

5. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».

6. The concept of Public security in the Russian Federation (approved by Presidential Decree No. Pr-2685 of November 14, 2013).

Информация об авторе

М. В. Зубова – старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Zubova – Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-111-114>

ИПОН: 2015-0066-3/22-341

MOSURED: 77/27-011-2022-03-540

Особенности предупреждения молодежного экстремизма

Сергей Яковлевич Казанцев¹, Нияз Минерафкатович Сафин²

^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

² lakontan@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности возрастного развития личности в молодости и связанные с ними специфические черты распространения экстремизма в молодежной среде, вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия молодежному экстремизму путем внесения изменений в ст. 282.1 и 282.2 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, профилактика, предупреждение, организация, сообщество

Для цитирования: Казанцев С. Я., Сафин Н. М. Особенности предупреждения молодежного экстремизма // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 111–114. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-111-114>.

Original article

Features of preventing youth extremism

Sergey Ya. Kazantsev¹, Niyaz M. Safin²

^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

² lakontan@mail.ru

Abstract. The features of age-related development of personality in youth and related specific features of the spread of extremism among young people have been considered, proposals to improve the criminal legislation in the field of combating youth extremism by amending articles 282.1 and 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation have been made.

Keywords: extremism, youth, prevention, organization, community

For citation: Kazantsev S. Ya., Safin N. M. Features of preventing youth extremism. Bulletin of economic security. 2022;(3):111–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-111-114>.

Распространение радикальной идеологии в современном мире вызывает серьезную озабоченность во всем мировом сообществе.

Необходимость профилактики экстремистских проявлений превратилась в начале XXI века в одну из главных проблем развития человеческой цивилизации. Это обусловлено тем, что, во-первых, в рамках конкретного государства экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность, создает реальную угрозу сохранения основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия. Во-вторых, экстремизм вышел за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества.

Распространение радикальной идеологии способствует инспирированию экстремизма среди молодежи, мобилизации значительных ресурсов молодежи для проведения масштабных акций экстремистского характера [2, с. 159–160]. В молодежной среде Российской Федерации наиболее распространены политический, националистический, религиозный формы экстремизма. На взаимовыгодной основе распространяется взаимодействие лидеров экстремистских группировок, а также их консолидация с радикальными политическими организациями для увеличения электоральной базы, ресурсного обеспечения [12, с. 33].

Одной из причин экстремистских проявлений среди молодежи являются особенности возрастного

развития личности в молодости. Особенности возрастного развития личности в молодости составляют:

– поиск идентичности, характеризующийся, с одной стороны, стремлением к самопознанию, формированием Я-концепции, открытостью к общению, с другой стороны, сосредоточением на своих интересах, чувствах, потребностях и неприятием чужих стремлений и эмоций, неспособностью (нежеланием) рассматривать иную, нежели собственную, точку зрения как заслуживающую внимания (эгоцентрическая доминанта) [3, с. 6–37];

– творческая активность, проявляющаяся, с одной стороны, в дивергентном мышлении, развитии интеллектуальных способностей, умении формулировать эвристические гипотезы, с другой стороны, в конфликтных отношениях с окружающей средой, отсутствии удовлетворенности ею и поиске нового, установке на обширные масштабы, которые субъективно более приемлемы, чем ближние (доминанта дали) [5, с. 433–456; 6, с. 21–25];

– мотивация достижения, связанная, с одной стороны, со стремлением к успеху, признанию, самоутверждению, а также избегания неудач, с другой стороны, с тягой к неизведанному, рискованному, приключениям (доминанта романтики), а также сопротивлению, преодолению, волевым напряжениям, проявляющимся в упрямстве, хулиганстве, борьбе против воспитательского авторитета, протесте (доминанта усилия) [4, с. 16–21].

Особенности возрастного развития личности в молодости позволяют сказать, что экстремистские проявления имманентно присущи поведению молодежи [7, с. 67–83]. Еще Б. Г. Ананьев отмечал, что наступление зрелости человека (физической зрелости) и личности (гражданской зрелости) не совпадают по времени (гетерохрония) [1, с. 108–109]. Характерные для молодежи эгоцентрическая доминанта, доминанты дали, романтики, усилия могут привести к (1) протестному поведению (молодежным «взрывам»), проявляющемуся в стихийных массовых движениях и сопровождающемуся немотивированной жестокостью [10, с. 79]; (2) игнорированию общепринятых социальных норм и ценностей [14, с. 181–182]; (3) формированию комплекса авторитарной личности, склонной к агрессивному поведению [8, с. 5; 9, с. 38]. Примерами могут быть ритуально-издевательские, изощренно-жесткие деяния; целенаправленное вооружение различными видами оружия и совершение экстремистских преступлений; вступление в неформальные молодежные движения, склонных к экстремистской деятельности и совершению экстремистских акций [13, с. 47].

Склонность молодежи к протестному поведению, подражанию харизматичным неформальным лидерам, высокий уровень ее внушаемости делают

эту социальную группу наиболее уязвимой для негативного воздействия со стороны экстремистских групп и сообществ. Незавершенность формирования интеллектуальных и волевых качеств несовершеннолетнего, их гибкость, позволяют не просто вовлекать в экстремистскую деятельность лиц, разделяющих экстремистскую идеологию, но и направленно создавать личность экстремиста, в которой экстремистские установки изначально задают вектор на игнорирование норм социального поведения, замещают их место и препятствуют формированию законопослушного гражданина.

Особую тревогу вызывают дети, родитель или родители которых являются активными членами экстремистских сообществ. Окружающая с детства аура ненависти и вражды в отношении противопоставленных экстремистской идеологии социальных групп деформирует их психику, наносит существенный вред нравственному и физическому развитию несовершеннолетнего. Пристальное внимание со стороны государства уделяется российским детям, которые возвращаются в нашу страну из стран, в которых их родители принимали участие в незаконных вооруженных формированиях и боевых действиях.

Признавая высокую общественную опасность вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, законодатель ввел уголовную ответственность за отдельные ее формы проявления. Так, ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако, по нашему мнению, этой нормы недостаточно, так как она не предусматривает ответственности за вовлечение несовершеннолетних в иные общественно опасные формы осуществления экстремистской деятельности и ее проявления, которые на данный момент не признаются преступлениями (воспитание несовершеннолетних в духе ненависти или вражды, внушение истинности и ценности экстремистской идеологии; вовлечение в распространение экстремистских материалов, в пропаганду экстремистской идеологии; посещение несовершеннолетними собраний экстремистских сообществ и организаций, участие в них или привлечение к обеспечению их функционирования).

Представляется, что охватить уголовно-правовым запретом иные формы вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность и ее проявления можно, внося изменения в ряд имеющихся уголовно-правовых норм.

Так, статьей 282 УК РФ предусмотрена ответственность за возбуждение ненависти либо вражды,

а равно унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой либо социальной группе. Криминообразующими признаками данных действия является их совершение публично, либо с использованием средств информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Предлагается дополнить диспозицию еще одним криминообразующим признаком – совершение данных действий в отношении несовершеннолетнего. Данное нововведение позволит криминализовать общественно-опасные деяния, направленные на формирование у несовершеннолетнего экстремистских установок, а также оградить несовершеннолетнего от унижения его достоинства в силу его принадлежности к определенной социальной группе.

Статьями 282.1 и 282.2 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию, вовлечение и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации соответственно. Представляется необходимым дополнить данные статьи частями 1.2, в которых предусмотреть повышенную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение несовершеннолетнего лица в деятельность экстремистского сообщества или организацию. Данные меры позволят дифференцировать уголовную ответственность виновных лиц в соответствии с уровнем общественной опасности деяния, определяемым наличием дополнительного объекта посягательства.

Однако формы экстремизма, экстремистской деятельности, экстремистских проявлений настолько разнообразны, что меры уголовно-правового принуждения недостаточны для устранения причин и условий, способствующих их распространению [11, с. 7]. Наиболее перспективными методами противодействия экстремизму следует признать предупреждение экстремистской деятельности и профилактику экстремистских проявлений.

Список источников

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Арбузов С. А. Деятельность органов ФСБ по противодействию радикализации российской молодежи и недопущению инспирирования экстремизма в молодежной среде с использованием сети Интернет // Актуальные проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде : материалы межведомственной научно-практической конференции (Ульяновск, 22 мая 2009 г.) / Под ред. А. А. Бакаева, С. И. Гирько. Ульяновск : ОАО «ИПК Ульяновский Дом Печати», 2009.

3. Выготский Л. С. Педология подростка // Собрание сочинений : в 6 т. / Т. 4. Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина. М. : Педагогика, 1984. 432 с. http://elib.gnpbu.ru/text/vygotsky_ss-v-6tt_t4_1984/go,6;fs,1/

4. Гамезо М. В., Герасимова В. С., Горелова Г. Г., Орлова Л. М. Возрастная психология : личность от молодости до старости. М. : Педагогическое общество России, Издательский дом «Ноосфера», 1999.

5. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / под редакцией Матюшкина А. М. М. : Прогресс, 1965. 534 с. http://www.practicalthinking.narod.ru/psy_of_thinking_matushkin.pdf.

6. Разумникова О. М. Функциональная организация коры головного мозга при дивергентном и конвергентном мышлении : роль фактора пола и личностных характеристик : дис. ... докт. биол. наук. Новосибирск, 2003.

7. Громов Д. В. Молодежь : конструирование экстремальности. М., 2007.

8. Давыдов Д. Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10.

9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм : сущность и особенности проявления. Социологические исследования. № 5. 2008.

10. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма. Социологические исследования. № 1. 2009.

11. Скудин А. С., Ларичев В. Д., Варанкина Ю. С. Правовые меры противодействия экстремизму. М. : Юрлитинформ, 2012.

12. Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации : традиции и новые информационные технологии // Актуальные проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде : материалы межведомственной научно-практической конференции (Ульяновск, 22 мая 2009 г.) / Под ред. А. А. Бакаева, С. И. Гирько. Ульяновск : ОАО «ИПК Ульяновский Дом Печати», 2009.

13. Сулонов П. Е. Противодействие молодежному экстремизму : социально-философские, криминологические и уголовно-правовые аспекты проблемы / П. Е. Сулонов, А. А. Карапетян. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2012.

14. Эрикссон Э. Идентичность : юность и кризис. М., 1996.

References

1. Ananyev B. G. Man as a subject of knowledge. L., 1968.
2. Arbuzov S. A. The activities of the FSB bodies to counteract the radicalization of Russian youth and prevent the inspiration of extremism in the youth environment using the Internet // Actual problems of preventing

extremism in the youth environment : materials of the interdepartmental scientific and practical conference (Ulyanovsk, May 22, 2009) / Edited by A. A. Bakaev, S. I. Girko. Ulyanovsk : JSC «IPK Ulyanovsk Printing House», 2009.

3. Vygotsky L. S. Pedology of a teenager // Collected works : in 6 vols. / Vol. 4. Child psychology / Edited by D. B. Elkonin. M. : Pedagogy, 1984. 432 p. http://elibrary.gnpbu.ru/text/vygotsky_ss-v-6tt_t4_1984/go,6;fs,1/

4. Gamezo M. V., Gerasimova V. S., Gorelova G. G., Orlova L. M. Age psychology: personality from youth to old age. Moscow : Pedagogical Society of Russia, Publishing House «Noosphere», 1999.

5. Gilford J. Three sides of intelligence // Psychology of thinking / edited by Matyushkin A. M. M. : Progress, 1965. 534 p. http://www.practicalthinking.narod.ru/psy_of_thinking_matushkin.pdf.

6. Razumnikova O. M. Functional organization of the cerebral cortex in divergent and convergent thinking: the role of the factor of gender and personal characteristics : dis. ... doctor of biological sciences. Novosibirsk, 2003.

7. Gromov D. V. Youth: the construction of extremity. M., 2007.

8. Davydov D. G. The causes of youth extremism and its prevention in the educational environment // Sociology of education. 2013. № 10.

9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth extremism: the essence and features of its manifestation. Sociological research. № 5. 2008.

10. Zubok Yu. A. Chuprov V. I. Self-organization in manifestations of youth extremism. Sociological research. № 1. 2009.

11. Skudin A. S., Larichev V. D., Varankina Yu. S. Legal measures to counter extremism. M. : Yurlitinform, 2012.

12. Sundiev I. Y. Youth extremist organizations : traditions and new information technologies // Actual problems of preventing extremism in the youth environment : materials of the interdepartmental scientific and practical conference (Ulyanovsk, May 22, 2009) / Edited by A. A. Bakaev, S. I. Girko. Ulyanovsk : JSC «IPK Ulyanovsk Press House», 2009.

13. Suslonov P. E. Countering youth extremism : socio-philosophical, criminological and criminal-legal aspects of the problem / P. E. Suslonov, A. A. Karapetyan. Yekaterinburg : Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.

14. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. M., 1996.

Информация об авторах

С. Я. Казанцев – профессор кафедры криминологии Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан;

Н. М. Сафин – доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

S. Ya. Kazantsev – Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Republic of Tatarstan;

N. M. Safin – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-115-119>

NIJON: 2015-0066-3/22-342

MOSURED: 77/27-011-2022-03-541

К вопросу об исследовании гильз для релоадинга патронов нарезного огнестрельного оружия

Валентин Николаевич Качан

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kachan1971@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена судебно-баллистическим аспектам исследования гильз, применяемых для релоадинга (самостоятельной сборки) патронов для нарезного огнестрельного оружия.

Ключевые слова: патрон, гильза, патронно-сборочное устройство

Для цитирования: Качан В. Н. К вопросу об исследовании гильз для релоадинга патронов нарезного огнестрельного оружия // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 115–119. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-115-119>.

Original article

On the issue of the study of cartridges for reloading cartridges of rifled firearms

Valentin N. Kachan

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kachan1971@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the forensic ballistic aspects of examination of cartridge cases used for reloading cartridges of rifled firearms.

Keywords: cartridge, cartridge case, cartridge assembly device

For citation: Kachan V. N. On the issue of the study of cartridges for reloading cartridges of rifled firearms. Bulletin of economic security. 2022;(3):115–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-115-119>.

Постановка проблемы. Следует отметить, что в системе расследования и раскрытия преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, в ряде случаев существенное значение имеет судебно-баллистическая экспертиза. Несмотря на достаточно высокую степень разработанности вопросов, касающихся определения образцов патронов, частями которых могут являться гильзы, изъятые в ходе проведения различных следственных действий, проблема определения способа изготовления этих гильз и установления их предназначения для самостоятельного снаряжения с применением патронно-сборочных устройств (далее – ПСУ) еще далека от разрешения.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам повышения эффективности судебно-баллистической экспертизы патронов посвящены труды А. И. Устинова, М. М. Блюма [1]; Г. В. Рыбникова, А. Н. Вакуловского [2]; И. А. Дворянского, И. А. Устинова [3]; А. Б. Жука [4]; В. А. Ручкина,

А. И. Железнякова, А. С. Сенцова, А. Н. Калашникова [5]; Г. А. Данилина, В. П. Огородникова, А. Б. Заволокина [6]; А. Г. Лебардина [7]; А. В. Кокина [8; 13] и работы некоторых других ученых, которые свидетельствуют о том, что методические положения исследования патронов заводского изготовления разработаны в достаточном объеме. Однако специфика исследования патронов самодельного изготовления в указанных работах не рассматривалась. В публикациях, посвященных вопросам исследования патронов самодельного изготовления, уделялось внимание в основном двум разновидностям этих патронов. В частности, патронам, снаряженным с использованием заводских элементов патронов для гладкоствольных охотничьих ружей и патронам, изготовленным с использованием переделанных элементов боевых патронов [9; 13]. Кроме того, некоторые публикации были посвящены анализу признаков переснаряжения патронов для нарезного оружия, при изготовлении ко-

© Качан В. Н., 2022

торых использовалось специальное оборудование для сборки патронов [8; 10; 13]. В большинстве случаев исследование таких патронов проблем не вызывает, так как признаки, свидетельствующие о самодельном способе изготовления (замена капсюля и следы от инструментов на поверхностях гильз и пуль) можно диагностировать без особых трудностей.

Таким образом, в имеющихся публикациях по диагностическому исследованию патронов в основном рассматриваются признаки, позволяющие дифференцировать самодельные патроны и заводские образцы.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Отметим, что в судебно-баллистической экспертизе методические аспекты определения способа изготовления составных частей патрона, частью которого является гильза, в настоящее время далеки от совершенства. Информация о новых объектах (составных частях патрона), специально предназначенных для релоадинга [11; 13] в полной мере пока еще не нашла своего отражения в научных публикациях. Примечательно также и то, что Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 227-ФЗ в ст. 1 «Основные понятия», применяемые в Федеральном законе № 150-ФЗ «Об оружии» был дополнительно включен абзац, содержащий два ключевых понятия, определяющих самостоятельную сборку патронов в домашних условиях. В частности, речь идет о следующих понятиях: «самостоятельное снаряжение патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию; самостоятельная сборка патронов для личного использования гражданами, являющимися владельцами охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия и (или) спортивного огнестрельного длинноствольного оружия» [12]. Данный факт существенным образом повлиял на увеличение количества подобных объектов, находящихся в незаконном обороте, что в свою очередь, отразилось на увеличении числа производимых в экспертно-криминалистических подразделениях Российской Федерации криминалистических экспертиз и исследований патронов данной категории (патронов самодельного снаряжения). Необходимо отметить, что именно патроны, собранные с применением составных частей, специально предназначенных для релоадинга, в некоторых случаях могут вызывать трудности при их исследовании, поскольку зачастую их можно принять за заводские образцы [8; 13]. В связи с этим рассматриваемый нами вопрос, связанный с самодельной сборкой патронов и применением составных частей, предназначенных для релоадинга, в настоящее время является весьма актуальным.

Изложение основного материала. Приступая к рассмотрению конструктивных особенностей гильз, специально предназначенных для релоадинга патронов нарезного огнестрельного оружия, отметим, что они обладают отличительным комплексом признаков.

Прежде всего, к данным отличиям необходимо отнести общую конструкцию гильз, которая позволяет использовать различные ПСУ для самостоятельной сборки патронов. Помимо этого, для их изготовления применяется материал определенной твердости, а устройство капсюльного гнезда гильзы и используемый капсюль имеют некоторые особенности конструкции. По способу изготовления гильзы, предназначенные для самостоятельного снаряжения патронов можно разделить на две группы: самодельного и заводского изготовления. При этом каждая из названных категорий имеет как свой характерный комплекс конструктивных признаков, так и общие признаки, указывающие на предназначенность их для релоадинга. В связи с этим следует выделить необходимость решения двух диагностических задач:

- определение самодельного способа изготовления гильзы, а также предназначенность ее для релоадинга;
- определение заводского способа изготовления гильзы и предназначенность ее для релоадинга.

Не все существующие гильзы могут быть пригодны для самостоятельной сборки патронов, которая предполагает применение различных ПСУ. Речь идет о двух типах гильз, а именно с капсюльными гнездами для капсюлей открытого и закрытого типов. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в первую очередь малоприспособными для самостоятельной сборки с применением ПСУ являются гильзы с капсюльными гнездами для капсюлей открытого типа. В тоже время для самостоятельного снаряжения патронов идеально подходят гильзы, с капсюльными гнездами для капсюлей закрытого типа, изготовленные из мягких металлов типа латуни либо алюминиевых сплавов. Возвращаясь к конструктивным характеристикам гильз, отметим, что кроме материала изготовления, важнейшим критерием при выборе гильз для самостоятельной сборки является устройство капсюльного гнезда.

Рассмотрим устройство капсюльного гнезда для капсюлей открытого типа. Такая конструкция, как правило, характерна для боевых патронов отечественного производства, которые в своем большинстве имеют капсюльное гнездо с наковальной (иллюстрация 1-а) и двумя запальными отверстиями типа Бердан (иллюстрация 1-б).

Гильзы подобной конструкции изготовители самодельных патронов используют крайне редко, так как извлечение капсюля и установка нового требует особых навыков и специальных приспособлений. Такие приспособления самодельного изготовления в основном под видом оснастки по уходу за составными частями патронов распространяется через сети Интернет и предназначены только для извлечения капсюля из капсюльного гнезда гильз с наковальной. Обычно по устройству оно представляет собой выколотку (иллюстрация 2-а) с двумя рабочими штоками,

предназначенными для выталкивания капсюля открытого типа (иллюстрация 2-б).

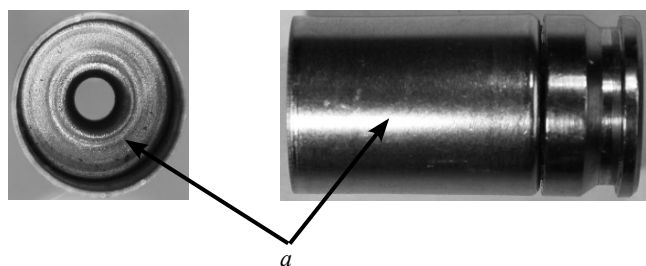
Следует обратить внимание, что в случае повторного использования таких гильз кроме сложностей с демонтажем использованного капсюля существует еще и проблема установки нового капсюля. Это обусловлено тем, что при установке (посадки капсюля в капсюльное гнездо) необходимо соблюдать определенный зазор (от внутренней части капсюльного полотна, до верхней части наковальни), что не всегда выполнимо без увеличения диаметра капсюльного гнезда. Примечательно, что выполнение данной операции в силу конструкции капсюльного гнезда, т. е. наличия в центральной части наковальни (иллюстрация 1-а), является весьма непростой задачей. Важным является то, что именно неправильная установка капсюля зачастую является причиной неисправности воспламеняющего элемента патрона. Приведенные обстоятельства частично дают объяснение тому, что гильзы отечественного производства (патронов боевых образцов) применяются для релоадинга патронов нарезного оружия крайне редко.

Таким образом, учитывая определенные сложности, связанные с использованием непредназначенных для самостоятельной сборки составных элементов патронов отечественного изготовления, сборщики патронов в большинстве случаев используют гильзы иностранного производства, специально предназначенные для релоадинга.

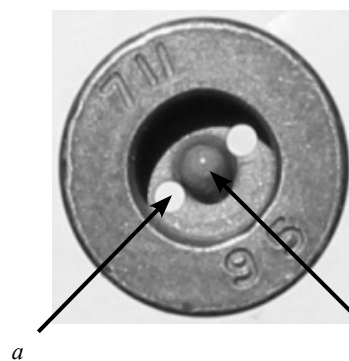
Гильзы иностранного заводского производства, специально предназначенные для таких целей, при полном совпадении размерных характеристик с размерами эталонных образцов имеют некоторые конструктивные отличия. К таким особенностям следует относить определенный тип устройства капсюльного гнезда. В частности, у подобных гильз в капсюльном гнезде отсутствует наковальня (иллюстрация 3-а), но имеется выступающий фланец (иллюстрация 3-б).

Таким образом, гильзы, конструкция которых имеет одно широкое запальное отверстие и ограничительный фланец для посадки капсюля, специально предназначаются для снаряжения капсюлями закрытого типа (Жевело, Боксер) при помощи различных ПСУ, используемых для релоадинга.

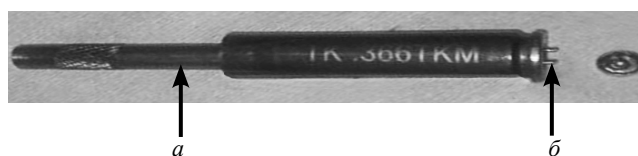
Рассмотрев конструктивные особенности гильз заводского изготовления, которые предназначены

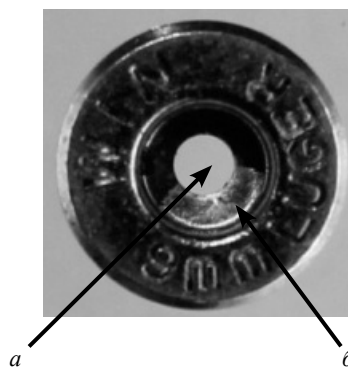
Илл. 4. Гильза pistolетного патрона 9x19 мм с устройством капсюльного гнезда под капсюль закрытого типа (Жевело) собранная из двух составных частей (корпуса и основания) с применением (ПСУ)

Илл. 1. Гильза патрона 7,62x39 мм образца 1943 г. с устройством капсюльного гнезда для капсюля открытого типа (Бердан)

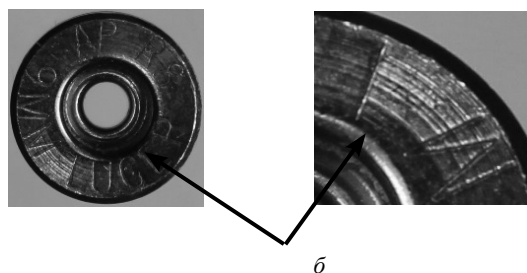

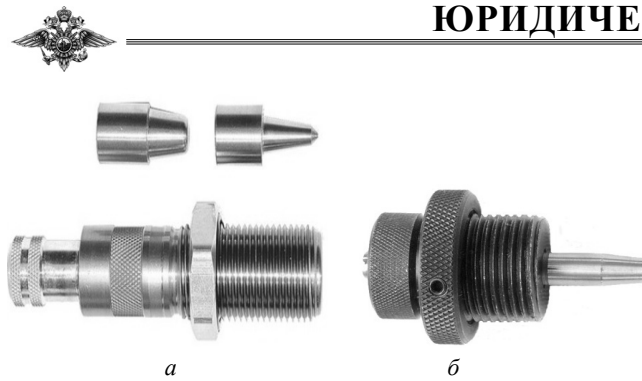
Илл. 2. Гильза с устройством капсюльного гнезда для капсюля открытого типа (Бердан) и специальное устройство (выколотка) предназначенная для демонтажа капсюля

Илл. 3. Гильза pistolетного патрона 9x19 мм «Парабеллум» с устройством капсюльного гнезда под капсюль закрытого типа (Жевело), предназначенная для самостоятельной сборки патронов с применением (ПСУ)

для многократного применения, следует отметить, что для релоадинга патронов иногда применяется и другой тип гильз. В частности, речь идет о составных гильзах самодельного снаряжения, собранных в единое целое с применением заводских элементов. Примечательно то, что подобная гильза не является единой целой деталью, а состоит из нескольких компонентов гильзы заводского изготовления: корпуса (иллюстрация 4-а) и основания (иллюстрация 4-б).

Илл. 5. Универсальная развальцовочная матрица с набором сменных рабочих частей конической формы (Lee Universal Flaring Die) – а; развальцовочная матрица с цилиндрической рабочей частью – б

Подобные (двухкомпонентные) гильзы к самодельно изготовленным можно отнести условно, поскольку они содержат составные части заводского производства. Их сборка осуществляется в не заводских условиях, но выполняется при помощи специальных матриц заводского производства, предназначенных для соединения частей гильз в единое целое. Отметим, что монтаж гильз можно осуществлять и другим оборудованием, которое также можно использовать в комплекте с ПСУ (предназначенным для сборки патронов), например, при помощи мандрела [14; 13] (иллюстрация 5).

Важно отметить, что в данном случае применяются составные части гильзы заводского производства, однако сам процесс сборки осуществляется в домашних условиях. Это является основанием для отнесения данной категории гильз к гильзам самодельного изготовления. Вместе с тем, изготовление составных частей таких гильз хотя и осуществляется заводским способом, но существенно различается от ранее нами описанных гильз, представляющих единое целое, технологические процессы изготовления которых на предприятиях (патронно-гильзового производства) предусматривают применение способов штамповки, вытяжки и ряда других специфических операций. Тогда как двухсоставные гильзы изготавливаются на основе несколько других технологических процессов. В частности, в ходе осмотра поверхностей таких гильз было обнаружено, что они по всей поверхности имеют динамические концентрические следы обработки в виде валиков и бороздок различной степени выраженности. Данный характер обработки составных частей, указывает на то, что элементы гильз изготавливаются с применением более дорогого токарного оборудования (иллюстрация 4). При этом применяемые материалы, качество изготовления и точность линейных размеров таких изделий находится на весьма высоком уровне.

Уместно подчеркнуть, что такие самодельно собираемые гильзы могут иметь различные размеры длины корпуса и основания гильзы. Фактически самодельно собранные гильзы могут иметь разный размер корпуса и основания гильз, а значит и объем для помещения пороха. Это связано, с желанием сборщика собрать для себя патрон не только определенной мощности, но и

длины, которая всегда соответствуют определенному размеру конкретного прототипа патрона. В частности, в приведенном примере характеристики патрона при сравнении со справочными данными [15] свидетельствуют о том, что самодельно собранная гильза является частью патрона 9х19 мм «Парабеллум».

Важно отметить, что основной целью самодельной сборки данных гильз является возможность применения по своему усмотрению разных составных частей гильз для сборки патронов стрелками-спортсменами для использования на тренировках и соревнованиях по пулевой стрельбе. Причиной для таких суждений является то, что конструкция составной самодельно смонтированной гильзы дает возможность уменьшить объем камеры сгорания пороха, что в свою очередь, позволяет уменьшить пороховой заряд. В результате этого патрон, собранный с применением такой гильзы, дает возможность снижения резкости выстрела и уменьшения отдачи оружия, что в свою очередь оказывает влияние на скорость прицеливания и производства выстрелов. Указанные обстоятельства для стрелков являются весьма важными, так как снижают потерю времени на стабилизацию оружия и прицеливание стрельбе.

Подводя итог проведенного исследования важно отметить, что в настоящее время среди стрелков-спортсменов и некоторых охотников широко распространены не только гильзы заводского, но и самодельного изготовления, применяющиеся для релоадинга патронов нарезного огнестрельного оружия. Изложенный в данном материале комплекс признаков, характеризующий две категории гильз, может способствовать формированию объективных и обоснованных выводов при исследовании подобных объектов, что позволит повысить качество экспертных заключений.

Список источников

1. Устинов А. И. Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. Под ред. А. И. Устинова, М. М. Блюма. М. : ВНИИ МВД СССР, 1982.
2. Рыбникова Г. В. Методика установления огнестрельного оружия по выстрелянным пулям : пособие для экспертов НТО / Г. В. Рыбникова, А. Н. Вакуловского. М. : Научно-исследовательский институт криминалистики, 1954. С. 5–9.
3. Дворянский И. А., Устинов А. И. Автоматические пистолеты и следы на пулях и гильзах. М. : ВНИИ МВД СССР, 1973. Т. 1, с. 3–425. Т. 2, с. 3–285.
4. Жук А. Б. Винтовки автоматы. М. : Воениздат, 1987. 222 с.
5. Ручкин В. А. Основы криминалистических знаний о боеприпасах и взрывчатых веществах и ответственность за преступное обращение с ними : учеб. пособие / В. А. Ручкин, А. Железняков, А. С. Сенцов, А. Н. Калашников. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1995. 96 с.

6. Данилин Г. А. Основы проектирования патронов к стрелковому оружию : учебник / Г. А. Данилин, В. П. Огородников, А. Б. Заволокин. СПб., 2005. С. 106–119.

7. Лебардин А. Г. Ручное огнестрельное оружие и патроны к нему. Ружья и карабины : справочник эксперта-криминалиста / под ред. А. Г. Лебардина. М. : Можайск-Терра, 1999. 328 с.

8. Кокин А. В. Очерки судебной баллистики : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 208 с.

9. Становая О. В. Различные способы изготовления самодельных патронов и их отличительные признаки // Судебная экспертиза. 2019. № 3 (47). С. 120–128. [https:// DOI 10.25724/VAMVD.FNOP](https://DOI.10.25724/VAMVD.FNOP).

10. Гвоздикова Л. С. Криминалистическое исследование микрорельефа гильз охотничьих патронов, подвергшихся переснаряжению // Судебная экспертиза. 2019. № 3 (59). С. 90–100. [https:// DOI 10.25724/VAMVD.ISTU](https://DOI.10.25724/VAMVD.ISTU).

11. Качан В. Н. Релоадинг как один из источников увеличения незаконного оборота боеприпасов на территории Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 2. С. 38–43.

12. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 16.12.1996. № 51. Ст. 5681.

13. Кокин А. В. Особенности судебно-баллистического исследования самостоятельно снаряженных патронов для нарезного огнестрельного оружия // Судебная экспертиза. 2016. № 3 (47). С. 50–63.

14. <http://www.reload.com.ua> (Мандрел – развальцовочное устройство).

15. Жук А. Б. Революеры и пистолеты. М. : Воениздат, 1990. С. 410–416.

References

1. Ustinov A. I. Cartridges of hand firearms and their forensic investigation. Edited by A. I. Ustinov, M. M. Blum. M. : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1982.

2. Rybnikova G. V. Methods of establishing firearms by fired bullets : a manual for experts of the NTO / G. V. Rybnikova, A. N. Vakulovsky. M. : Scientific Research Institute of Criminalistics, 1954. P. 5–9.

Информация об авторе

В. Н. Качан – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности Учебно-научный комплекс судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. N. Kachan – Senior Lecturer of the Department of Forensic Activities of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 04.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 04.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-120-124>

НИОН: 2015-0066-3/22-343

MOSURED: 77/27-011-2022-03-542

Привлечение к уголовной ответственности: генезис и развитие научной концепции профессора Л. М. Карнеевой

Николай Николаевич Ковтун

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, kovtunnov@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа в данной работе выступает диалектика взаимодействия и взаимообусловленности материального уголовно-правового и уголовно-процессуальных отношений, объективированная через процесс возникновения и развития (реализации) уголовно-правового отношения, уголовной ответственности, уголовного судопроизводства России – систем, как обосновывается в исследовании, телеологически согласованных, взаимодействующих, изначально призванных к обеспечению социально-нормативного назначения права в контексте норм ст. 2 Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: правовые отношения, объект и структура отношения, уголовная ответственность, наказание, привлечение к уголовной ответственности

Для цитирования: Ковтун Н. Н. Привлечение к уголовной ответственности: генезис и развитие научной концепции профессора Л. М. Карнеевой // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 120–124. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-120-124>.

Original article

Criminal prosecution: genesis and development of the scientific concept of Professor L. M. Karneeva

Nikolay N. Kovtun

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, kovtunnov@mail.ru

Abstract. The subject of the analysis in this work is the dialectic of interaction and interdependence of material procedural criminal relations, objectified through the process of emergence and development (implementation) of criminal-legal relations, criminal responsibility, criminal proceedings in Russia – systems, as justified in the study, teleologically coordinated, interacting, initially designed to ensure the socio-normative purpose of law in the context of the norms of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: legal relations, object and structure of the relationship, criminal responsibility, punishment, criminal prosecution

For citation: Kovtun N. N. Criminal prosecution: genesis and development of the scientific concept of Professor L. M. Karneeva. Bulletin of economic security. 2022;(3):120–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-120-124>.

Не хотелось бы манипулировать цифрами и тем более пространно «рассуждать» о странностях или исходной предначертанности нумерологии (то ли науки, то ли эзотерики), но так получилось, что в 2021 году мы имеем дело с юбилеем не только Л. М. Карнеевой, но и юбилеем одной из самых известных ее монографий: «Привлечение к уголовной ответственности: законность и обоснованность» (1971 г.) [1]. Монографии, объективировавшей своим

содержанием, как суть основных идей и итоговых выводов автора по предмету избранного исследования, так и сам, «легендарный» по сути, характер этого, по-настоящему талантливого, компетентного, глубоко знающего и понимающего не только правовую доктрину, но и реальные потребности практики, исследователя. Ученого и Учителя, который в каждой сложной коллизийной проблеме правовой доктрины и практики обладала даром единственно верно и

© Ковтун Н. Н., 2022

точно найти «то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь» [2, с. 244].

В нашем случае, «цепь», объективированную через отношения (звенья): государства и лица, совершившего преступление; следственных органов и обвиняемого; обвинения и категории уголовной ответственности, в диалектике взаимосвязи, взаимообусловленности и развития этих фундаментальных явлений права. Отношений, настолько неоднозначных в доктрине и коллизионных в практике, что споры о сути и содержании последних, «безусловном» примате материального над процессуальным (с традиционными отсылками к «определяющему» суждению К. Маркса), не только не исчерпали себя, но все еще призывают к дискуссии ведущих представителей науки российского уголовного и уголовно-процессуального права. И если исходить из сути, сформулированной еще А. А. Пионтковским, константы, о том, что «все уголовное право и уголовный процесс занимают лишь различными сторонами решения вопроса об уголовной ответственности» [3, с. 40], кому как не «процессуалисту» надлежало методологически точно расставить акценты в диалектике основных категорий материального и уголовно-процессуального права. Отсюда закономерно, что именно фундаментальные категории «правовые отношения», «уголовная ответственность», «институт привлечения в качестве обвиняемого» сформировали ядро, реализованного Л. М. Карнеевой, исследования, не утратившего исходной своей актуальности и высокой практической значимости и в настоящее время.

Конечно, можно далее спорить по частностям, в том числе, отстаивая свое, заявляемое как новое и максимально актуальное, видение перестройки внутренних «стен» храма науки материального и уголовно-процессуального права, качества его «отделочных материалов» или «высоты потолков», но мало кто решается на замену фундамента, исходной основы. Возможно, в силу того, что, реально осознаются итоги, ибо, по факту, можно остаться не только без стен, но и вовсе без храма. Учитель хорошо понимала и первое, и второе, решительно «одергивая» нас, начинающих, но «все уже знающих» и не признающих никаких авторитетов адьюнктов, стремящихся поспешно и непременно «громко» заявить о себе. Ее исходные максимы: «...не надо плясать на «гробах»», или «...они так пишут, потому что ученость свою показать «хочут»», и сейчас, спустя десятилетия, все так же удерживают и от чрезмерно резких оценок, и от поспешных суждений, и от отстаивания безапелляционности исключительно своей «правоты». По сути, в том же контексте, читая «труды» уже своих аспирантов, не устаешь повторять (ее же): «...пиши-

те так, чтобы Вас можно было понять; ...не для себя же пишете».

Кто знал и помнит Л. М. Карнееву, непременно вспомнит и то, что в принципиальных моментах научного (и не только) спора «заставить» ее изменить свои убеждения, «подстроиться» под ситуацию, сгладить «углы», было в принципе невозможно. Авторитеты и былые заслуги для этой ситуации теряли любое значение; предмет спора, достоверность суждений и итоговых выводов, средства «борьбы» единственно предопределяли исход ситуации, окончательные позиции, последующие отношения сторон. Как следствие, именно «университеты» Л. М. Карнеевой во многом позволили состояться большинству из ее учеников, определиться с векторами исследований, с исходными позициями и допустимыми средствами их обоснования.

В итоге, «возвращаясь» к юбилею Учителя, юбилею одной из самых интересных ее монографий, можно уверенно констатировать исходную точность и оптимальность объективированных ею научных «легал», позволяющих твердо стоять на константах, суть которых заключается в том:

что уголовно-правовое отношение возникает в объективной реальности (структурно и содержательно полностью сформированным) именно в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, но никак не посредством деятельности («усилий») следственных органов, прокурора, суда по «формированию» этого отношения и итогового его «оформления» посредством вынесения обвинительного приговора суда;

субъектами данного отношения выступают именно государство и преступник, а (неизменным) объектом их отношений (с начала и до конца) выступает определяющая категория уголовной ответственности (S–O–S);

содержание этой ответственности не может быть сведено лишь к одному из ее элементов, ибо, раскрываясь одновременно с динамикой материального отношения, эта категория объективно являет (реализует) тот или иной элемент своего содержания, оставаясь неизменной в диалектической сути;

уголовное судопроизводство (уголовно-процессуальные отношения): суть единственно легальное средство реализации (раскрытия нормативного содержания), как материального уголовно-правового отношения, так и уголовной ответственности – единственно значимого объекта последнего;

в момент возбуждения уголовного дела (ст. 146 УПК РФ) государство (в лице уполномоченных органов) впервые публично объявляет гражданскому обществу, что знает о факте преступного деяния; о материальном правовом отношении; о своей обязанности установить лицо, совершившее это деяние,

обязанности привлечь его к установленной законом ответственности;

реализуя предварительное расследование, комплекс следственных и процессуальных действий, государство (со временем) не только устанавливает лицо, совершившее преступление, но и формирует систему таких доказательств, которая дает основание для привлечения данного лица в качестве обвиняемого (ст. 171-174 УПК РФ). Суть этого акта объективируется в неразрывной связи с содержанием уголовной ответственности. Еще в 1973 г. Верховный суд РСФСР в определении по делу гр. Устинова констатировал: акт привлечения в качестве обвиняемого – есть акт привлечения к уголовной ответственности [4, с. 404]. Посредством данного акта, на основе системы сформированных доказательств, государство впервые официально заявляет конкретно определенному субъекту (обвиняемому), что у него есть доказательства, указывающие на то, что преступное деяние совершил именно он. Основа указанных доказательств дает основание для предъявления ему обвинения (утверждения о виновности) с указанием в постановлении конкретного пункта, части, статьи, квалифицирующих признаков каждого из инкриминируемых ему преступных деяний. Как следствие, на основе указанных доказательств и данного акта именно обвиняемый обязан ответить перед государством: в форме осуждения, наказания, судимости. Отсюда, именно этим актом реализуется первый элемент уголовной ответственности: «обязанность» (концепция: «ответственность-обязанность» [5, с. 37]);

в момент вступления в законную силу обвинительного приговора суда реализуется такой элемент отношения (и уголовной ответственности), как государственное порицание (осуждение) преступника; официальное признание содеянного преступлением, а обвиняемого – виновным (концепция: «ответственность-осуждение» [6, с. 120]);

в случае назначения и реального исполнения наказания виновное лицо (субъект в отношении) претерпевает негативные последствия, связанные с отбытием наказания (концепция: «ответственность-наказание» [7, с. 44]). При этом и государство (субъект в отношении) не пребывает «в статике», строго контролируя, как реальное исполнение приговора, так и вопросы, связанные с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания, порядком и основаниями применения амнистии (etc);

все логично и в ситуации полного отбытия наказания, ибо в случаях, предусмотренных нормами материального права, виновное лицо все еще остается обязанным перед государством и обществом; претерпевает ограничения, связанные с правовым состоянием «судимости» и «судимого». Как следствие, на этом этапе реализуется такой элемент отношений и уго-

ловой ответственности как «ответственность-судимость» [8, с. 48]. И лишь факт погашения судимости или ее снятия судом в установленном законом порядке исчерпывает (прекращает) все отношения между лицом, совершившим преступление, и государством. Ни это лицо более не пребывает в правовом состоянии «обязанного», ни государство (его органы) более не имеют правовых оснований для ограничений статуса, прав и свобод личности по факту совершения преступления. Объект отношений, и само отношение исчерпали себя (раскрыли свое содержание) и более не имеют основы в реальности.

Для диалектики материального и процессуального права в этих константах принципиально «звено», по сути которого акт привлечения в качестве обвиняемого, одновременно объективируется как акт привлечения к уголовной ответственности. В итоге, разделяя суждение Л.М. Карнеевой о том, что данное «тождество» вовсе не означает того, что обвиняемый уже реально несет бремя уголовной ответственности, большинство из исследователей считали важным всегда подчеркнуть особое значение этого акта, как для стороны обвинения и защиты, так и в целом для уголовного судопроизводства России. Повторяться в этих общеизвестных моментах, нет необходимости; тем более что критерии (свойства) законности и обоснованности вынесения исследуемого акта достаточно полно, всесторонне, объективно раскрыты непосредственно Л. М. Карнеевой. Практика уголовного судопроизводства России также нарабатала, настолько операциональную процессуальную форму реализации данного акта, что он практически без оговорок стал восприниматься в качестве одной из наиболее эффективных гарантий и непосредственно обвиняемого, и законного и обоснованного отправления правосудия.

Однако (со временем) процессуальная практика инициативно внесла «коррективы», как в понимание сути и процессуальной формы реализации данного акта, так и в реальность его объективации в качестве важнейшей процессуальной гарантии. Снижение уровня компетентности сотрудников следственных органов, нарастающая «бюрократизация» в целом процесса (иные негативные факторы) не могли не коснуться института привлечения в качестве обвиняемого. Как следствие, не только доктрина, но и непосредственно представители адвокатского сообщества, выступающие в процессе на стороне защиты, все чаще стали объективировать факты, когда:

обвинение (утверждение о виновности!), изложенное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в принципе не содержит не только анализа доказательств, его обосновывающих, но и самих доказательств, инкриминируемых деяний. При этом

ходатайства стороны защиты о необходимости приведения указанных доказательств непосредственно в постановлении (как свойств его законности и обоснованности) однозначно отклоняются следователем, как не основанные на законе;

фактическая суть обвинения и итоговые выводы следственных органов изложены в указанном постановлении настолько формально, что не дают более или менее точного понимания ни о сути самого утверждения о виновности, ни об основаниях юридической квалификации содеянного. Ходатайства стороны защиты, направленные к содержательному разъяснению сути, инкриминируемого обвинения, при этом столь же легко парируются «следственным» ответом: «...читайте постановление; там все написано»;

сам факт своевременного предъявления обвинения зависит уже не от воли закона (ч. 1 ст. 172 УПК РФ), а от субъективного усмотрения следственных органов. В итоге, жалобы стороны защиты на то, что не может считаться законным постановление, не предъявленное обвиняемому в течение ряда месяцев, в принципе не находят поддержки суда, полагающего, что «срок действия» данного постановления пресекается лишь сроком окончания предварительного расследования, никак не ранее;

факты перманентного (многократного) перепредъявления обвинения («перепривлечения» к уголовной ответственности?) в рамках производства по делу, без кардинального изменения юридической и фактической сути последнего, стали настолько рутинным и привычным занятием, что даже высший орган конституционного правосудия, формируя правовые позиции, уже обыденно рассуждает об обвинении «первоначальном», «окончательном», «государственном»¹. Соответственно, следует, видимо, различать привлечение к уголовной ответственности: первоначальное и окончательное, следственное и государственное – типа перманентное, как процесс.

Насколько доктрина материального права согласна с подобными «новациями», при этом в целом не обсуждается. Не «интересны» подобные «интерпретации» и обвиняемому. Интерес последнего в законном и обоснованном вынесении и предъявлении акта, актуализирующего, как факт официального утверждения о виновности (обвинения), так и факт

привлечения к уголовной ответственности. В итоге, акт привлечения в качестве обвиняемого (в редакции ст. 171–175 УПК РФ), фактически, нивелировал высокое свое назначение. Согласимся с Л. М. Карнеевой и в том, что акт привлечения к уголовной ответственности *a priori* не может быть перманентным; это одномоментный, определяющий акт досудебного производства по делу.

Как следствие, актуальны новации. Оптимальным и востребованным, полагаем, должен быть акт привлечения в качестве обвиняемого (привлечения к уголовной ответственности), реализуемый посредством утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта) по делу. Преимущества указанной формы, представляется, очевидны, так как:

исключительно в указанном процессуальном акте в своем окончательном виде находят отражение суть, содержание, итоговая юридическая квалификация (всех) преступных деяний, инкриминируемых обвиняемому перед направлением уголовного дела в суд;

при этом последняя приводится с исчерпывающим описанием доказанных фактических обстоятельств содеянного; приведением и детальным анализом системы доказательств по делу, подтверждающих инкриминируемые деяния;

с доводами и версиями уголовно-преследуемого лица, приводимыми в свою защиту, и результатами их проверки следователем;

с указанием установленной суммы ущерба, процессуальных издержек, суммарных сроков производства по делу и применения мер процессуального принуждения (etc).

Кроме того, именно этот одномоментный (а не постоянно и ненавязчиво перепредъявляемый и утративший исходную значимость) акт объективирует обвинение (утверждение) государственное – суть уголовный иск обвинительной власти к суду о признании обвиняемого виновным и решении вопроса о наказании (основного вопроса уголовного дела). Иск, который отражает уже не только позиции и утверждения субъективно заинтересованных следственных органов, а позицию и утверждение государства (в лице обвинительной власти) – единственно субъекта распоряжения обвинением в состязательном уголовном суде.

Оптimalен этот порядок и для стороны защиты, ибо последняя изучает и оценивает акт обвинения, с реальной возможностью верификации каждого из итоговых его утверждений, как посредством анализа тех доказательств, которые приведены в обоснование этого акта, так и тех, которые непосредственно изучены стороной при ознакомлении с материалами дела. Тактика и стратегия защиты в указанном случае – обретают исходную основу.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 857-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухарева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 171, 172 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 881-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крушинского Владислава Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 164, 172, 195 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности : Законность и обоснованность. М. : Юридическая литература, 1971. 133 с.
2. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. Соч., Т. 27. Изд. 4.
3. Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 40–48.
4. Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва ; Научн. ред. В. Т. Томин. М. : Юрайт-Издат, 2003. 821 с.
5. Шнайдер М. А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. М. : ВЮЗИ, 1957. 75 с.
6. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 1962. 156 с.
7. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М. : Юридическая литература, 1971. 240 с.
8. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. 288 с.

References

1. Karneeva L. M. Prosecutions : Legality and Reasonableness. M. : Legal literature, 1971. 133 p.
2. Lenin V.I. Immediate Tasks of the Soviet Power. Soch., T. 27. Ed. 4.
3. Piontkovsky A. A. On the concept of criminal responsibility // Soviet state and law. 1967. No. 12. P. 40–48.
4. Criminal Procedure in Russia : textbook / A. S. Alexandrov, N. N. Kovtun, M. P. Polyakov, S. P. Serebrova ; Scientific ed. V. T. Tomin. M. : Yurayt-Izdat, 2003. 821 p.
5. Schneider M. A. Educational and methodological letter on Soviet criminal law for students of the All-Union Institute of Young Art. M. : VYUZI, 1957. 75 p.
6. Noah I. S. Questions of the theory of punishment in Soviet criminal law. Saratov : Publishing house of Saratov University. 1962. 156 p.
7. Samoshchenko I. S., Farukshin M. Kh. Responsibility under Soviet law. M. : Legal literature, 1971. 240 p.
8. Struchkov N. A. Criminal liability and its implementation in the fight against crime. Saratov, 1978. 288 p.

Информация об авторе

Н. Н. Ковтун – профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

N. N. Kovtun – Professor of the Department of Criminal Procedure Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-125-127>

ИПОН: 2015-0066-3/22-344

MOSURED: 77/27-011-2022-03-543

Анализ зарубежного опыта осуществления полицией контрольно-надзорной деятельности по допуску к обращению с ограниченными в обороте предметами и веществами

Владислав Игоревич Ковшевацкий

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kovshevatsky@yandex.ru

Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Представлен анализ законодательной базы и практического опыта полиции иностранных государств в осуществлении контроля за соблюдением установленных законодательных рамок легального оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: административное право, государственное управление, контроль, надзор, наркотические средства и психотропные вещества, США, Франция, Германия, Китай

Для цитирования: Ковшевацкий В. И. Анализ зарубежного опыта осуществления полицией контрольно-надзорной деятельности по допуску к обращению с ограниченными в обороте предметами и веществами // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 125–127. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-125-127>.

Original article

Analysis of foreign experience in the implementation by the police of control and supervisory activities for admission to the handling of restricted items and substances

Vladislav I. Kovshevatsky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', kovshevatsky@yandex.ru

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University

of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences **T. A. Prudnikova**

Abstract. The analysis of the legislative framework and practical experience of the police of foreign countries in monitoring compliance with the established legislative framework for the legal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances has been presented.

Keywords: administrative law, public administration, control, supervision, narcotic drugs and psychotropic substances, USA, France, Germany, China

For citation: Kovshevatsky V. I. Analysis of foreign experience in the implementation by the police of control and supervisory activities for admission to the handling of restricted items and substances. Bulletin of economic security. 2022;(3):125–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-125-127>.

Вопросы участия полиции зарубежных государств в контроле за легальным оборотом ограниченных в обороте предметов и веществ оказались до настоящего времени за пределами правового внимания. Указанные обстоятельства позволяют рассматривать названную проблематику без акцента на деликтную часть, уделив основное внимание анализу контроля за легальным оборотом запрещенных веществ.

США проводят достаточно жесткую политику в отношении лиц, участвующих в обороте наркотических средств и психотропных веществ. Жесткий контроль распространяется за всеми видами наркотических средств и психотропных веществ на всех этапах их оборота, начиная от производства и заканчивая конечной реализацией [3, с. 94].

Анализ структуры полиции США показал, что в ней отсутствует специальный орган, уполномочен-

© Ковшевацкий В. И., 2022

ный осуществлять контроль за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Основным же субъектом, осуществляющим функции по допуску к обращению с ограниченными в обороте предметами и веществами в США, является УБН (управление по борьбе с наркотиками), которое подчиняется непосредственно главе Министерства юстиции США, который имеет право назначать директора Управления. В полномочия УБН входит реализация всех мероприятий контрольно-надзорной деятельности в сфере легального и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [4]. Помимо УБН, контрольно-надзорную деятельность по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ осуществляет Федеральное Бюро расследований (далее – ФБР). ФБР является особым полицейским ведомством, обеспечивающим внутреннюю национальную безопасность, выполняет роль оперативного штаба [1].

Таким образом, можно выделить следующие контрольно-надзорные полномочия США в рассматриваемой сфере:

- установление перечней запрещенных веществ, в строгом соответствии с которыми осуществляется легальный оборот запрещенных веществ,
- лицензирование деятельности предприятий, производящих запрещенную продукцию;
- контроль допуска лиц, участвующих в легальном обороте наркотических средств, на территорию соответствующих фармацевтических предприятий,
- документальный учет ввозимых на предприятие наркотических средств, контроль его состав в конкретном медицинском продукте, а также контроль за последующим уничтожением или переработкой наркотических средств.

Кроме того, необходимо отметить проблему легализации легких наркотиков в США. По состоянию на 2021 год в 15 штатах США легализована марихуана. Контрольно-надзорные правила в указанных штатах устанавливаются, что при себе разрешено иметь не более 1 унции (28,4 грамма) марихуаны и только лицам старше 21 года. В домашних условиях можно выращивать до 6 единиц растений. Торговля или употребление марихуаны в общественных местах строго запрещены. Контроль за соблюдением указанных правил возлагается на ФБР.

В КНР существенное внимание законодатель уделяет вопросам профилактики употребления наркотических средств и психотропных веществ путем образовательной политики и просветительской деятельности на всех уровнях государственной власти.

Кроме того, данный закон устанавливает строгую систему мониторинга и лицензирования научно-исследовательских организаций, занимающихся производством фармакологических препаратов, со-

держащих в своем составе запрещенные вещества, установлен строгий контроль на всех этапах оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Большое внимание в законе уделяется реабилитации наркоманов, под которыми понимаются лица, нуждающиеся в особом лечении, с применением медицинских и психиатрических технологий. Согласно нормам анализируемого закона, лица, страдающие наркоманией, проходят лечение в домашних условиях под надзором органов общественной безопасности. Принудительная госпитализация предусмотрена в случаях грубого нарушения режима домашнего лечения: повторное употребление наркотиков, сокрытие своего местоположения от надзорных органов и прочее.

Описывая контроль за легальным оборотом наркотиков в Германии, с правовой точки зрения, необходимо упомянуть Постановление о внутренней наркоторговле, детализирующее отдельные положения Закона о наркотиках (BtMG). Данный нормативный правовой акт регулирует продажу и покупку веществ, перечисленных в Приложении II и III части названного закона о наркотиках BtMG. Также в нем определены легальные участники торговли наркотическими средствами (например, производители лекарств, держащих наркотики, аптека и т. д.).

Также следует отметить для покрытия расходов, связанных с официальными актами Федерального института лекарственных средств и медицинских устройств (BfArM) в рамках его контрольных задач и полномочий было принято Постановление о стоимости наркотиков (BtMKostV), дополняющее положения Закона Германии о наркотиках.

Таким образом, в рамках легального оборота наркотических средств можно выделить следующие основные контрольно-надзорные функции полиции Германии:

1. Лицензирование деятельности предприятий, производящих медицинскую продукцию с содержанием наркотических средств;
2. Установление легальных участников рынка оборота наркотических средств;
3. Строгая регламентация перечней (списков) наркотических средств;
4. Учет всех наркотических средств, поступающих в фармацевтические компании и медицинские организации;
5. Тщательный отбор и контроль за допуском лиц, работающих на предприятиях, производящих продукцию с содержанием наркотических средств;
6. Уголовная ответственность за утерю наркотических средств в отношении лиц, ответственных за их сохранность.

Правовая база противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ во Франции строится на следующих направлениях:

- 1) уголовное преследование наркопреступности;

- 2) запрет на любые виды наркотиков;
- 3) реабилитация наркозависимых;
- 4) мониторинг легального оборота запрещенных веществ [5, с. 83].

Анализ опыта Франции по реализации полицией функций по допуску к обращению с ограниченными в обороте предметами и веществами показал, что в 2013 г. во Франции принят план по борьбе с наркотиками, основными элементами которого являются:

1. Пропаганда отказа от наркотиков.
2. Координация управления всеми органами государственной власти, направленная на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.
3. Совершенствование научных исследований в сфере борьбы с наркотиками.
4. Международный обмен данными о наркотрафике.

Отметим, что в 2016 г. в Париже открылся Центр контролируемого употребления наркотиков, в котором наркозависимые имеют возможность в надлежащих санитарных условиях и под присмотром медработников употреблять наркотики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская модель контроля за ограниченными в обороте предметами и веществами, достаточно урегулирована. Анализ зарубежного опыта показывает, что в КНР система правового регулирования более структурирована в сравнении с иными зарубежными странами. На наш взгляд, есть смысл использовать опыт именно этой страны в российской правовой материи, особенно в контексте профилактики употребления запрещенных веществ и особенностей реабилитации наркоманов.

Список источников

1. Быков А. В. Основы организации деятельности современной системы обеспечения внутренней безопасности США / А. В. Быков, М. И. Прохорова // Российский следователь. 2008. № 12. С. 38–40.
2. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

Информация об авторе

В. И. Ковшеватский – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. I. Kovshevatsky – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 04.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 04.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-128-141>

НИОН: 2015-0066-3/22-345

MOSURED: 77/27-011-2022-03-544

Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику

Никита Александрович Колоколов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,

nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. Проблемы, возникающие в случае злоупотреблением правом некоторыми субъектами процесса, также стары и актуальны, как и само процессуальное право. Поэтапное выделение уголовного судопроизводства из общей правовой массы в самостоятельную отрасль, безусловно, способствовало отпочкованию некоторых проблем злоупотребления уголовно-процессуальным правом в очерченный лишь в самых общих чертах самостоятельный институт. В то же время, реальный уголовный процесс буквально перенасыщен проблемами, коренящимися в злоупотреблении правом, имеющими междисциплинарный, а то и вовсе морально-нравственный, организационный характер.

Ключевые слова: процессуальные права и обязанности, добросовестное поведение, злоупотребление процессуальным правом

Для цитирования: Колоколов Н. А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 128–141. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-128-141>.

Original article

Abuse of criminal procedural law: analyzing investigative and judicial practice

Nikita A. Kolokolov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,

nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The problems that arise in the case of abuse of the right by some subjects of the process are as old and relevant as the procedural law itself. The phased separation of criminal proceedings from the general legal mass into an independent branch, of course, contributed to the branching off of some problems of the abuse of criminal procedural law into an independent institution outlined only in the most general terms. At the same time, the real criminal process is literally oversaturated with problems rooted in the abuse of law, which have an interdisciplinary, if not moral, organizational character.

Keywords: procedural rights and obligations, conscientious behavior, abuse of procedural law

For citation: Kolokolov N. A. Abuse of criminal procedural law: analyzing investigative and judicial practice. Bulletin of economic security. 2022;(3):128–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-128-141>.

1. Претендую на то, на что права заведомо не имею

Непосредственно с социально-правовым институтом беззастенчивого злоупотребления правом нам довелось столкнуться в 1991 году в ходе рассмотрения заурядного гражданского дела по иску Б. к родственникам о признании права собственности на часть жилого дома. Метод включенного наблюде-

ния в этот пилотный проект позволил нам уяснить многие скрытые пружины анализируемого в настоящей статье, скорее, негативного, чем позитивного, процессуального явления [об этом также: 26].

Позиция истицы базировалась на сравнительно свежем нотариальном акте, согласно которому за Б. в порядке наследования закреплялось право собственности на 1/2 домовладения. Ссылаясь на некоторые

конкретные известные только ей обстоятельства, Б. требовала 11/12 от спорного имущества. Иск был подготовлен адвокатом Н., в прошлом нотариусом, женой бывшего сотрудника КГБ СССР, на момент рассмотрения дела инспектора по кадрам управления юстиции Курского облисполкома. Оснований предполагать, что адвокат и ее доверитель блефуют, совершенно не было.

Однако в ходе рассмотрения дела по вине сторон затянувшегося (тоже форма злоупотребления правом) на несколько лет постепенно проявились следующие обстоятельства:

1) Б. – наследник по завещанию, сделанному еще в 60-е годы прошлого века, своевременно подавшая заявление о принятии наследства, однако окончательно оформившей результаты нотариального производства лишь накануне обращения с иском в суд;

2) нотариусы российские в отличие от их французских коллег удостоверяют не реалии жизни, а «бумаги, которые, как известно, все стерпят»;

3) предмет спора на основании соответствующего и не оспоренного постановления органов исполнительной власти от 29 июня 1973 года был снесен;

4) этим же постановлением доля Б. в домовладении была определена «бревнами, оставшимися после разборки старого дома»;

5) с разрешения компетентных органов ответчики возвели совершенно новый дом, да еще и в другом месте;

6) все перечисленные факты изначально были известны истце и ее адвокату;

7) на вопрос суда, почему иск не был подан ранее, до сноса дома, Б. честно призналась: «Не было у нее такого адвоката, как Н.».

Предсказуемый итог: результат решением Промышленного районного народного суда от 2 февраля 1995 года Б. в удовлетворении иска было полностью отказано. Скажем больше, истце настолько понравился предложенный Н. вариант толкования событий, что она, явно злоупотребляя правом, еще долго донимала различные органы государственной власти своими жалобами и заявлениями, требуя, между прочим, привлечения к уголовной ответственности всех, включая судей.

Совершенно очевидно, что Б., предъявляя иск о признании права собственности на тот объект, которого давно нет, а адвокат Н. обосновывая его, злоупотребили правом. Читателю судить, чего в действиях было больше Б.: авантюры или реального непонимания ситуации. Что касается адвоката Н., то качества ее поведения отцами Великой судебной реформы 1864 года было определено как «купленная совесть».

«Совесть! Ее за гроши покупай, чтобы стать хорошим». В этой связи считаем необходимым напомнить читателям про существование понятия «ловкий

адвокат», «умный, тертый и бывалый», который легко «обведет вокруг пальца» прокурора-мальчишку, добившись от присяжных заседателей оправдания заведомо виновного, четко сознающего в преступлении убийцу.

Представители адвокатского сообщества нам могут возразить: помимо права реального существует еще и право предполагаемое, защищать которое, как раз, и призваны адвокаты. Как видим, оценки ситуации из правового поля резко сместились в бездну нравственных категорий. Теоретически Н. была обязана: проявить принципиальность, своевременно предупредить Б., что ее задумка – заполучить долю в новом доме, построенном родственниками, «яйца выеденного» не стоит. На что адвокаты возразят: нельзя оставлять гражданина без правовой помощи – это неконституционно.

Данный хрестоматийный пример юридического обоснования абсурда, который нами активно использовался в рамках чтения курса дисциплины «Судебная риторика», приведен только для того, чтобы попытаться объяснить читателю, что проблема злоупотребления правом не столько правовая, сколько морально-нравственная. Для того, чтобы уяснить суть анализируемого явления, предлагаем попытаться сначала разобраться с такими понятиями, как «добро» и «зло».

2. «Добро» и «зло» – парная категория

Термины «зло», «злоупотребить», «злоупотребление» – не только весьма распространены в нашем повседневном языковом обороте, но и имеет несколько взаимосвязанных толкований. Для того, чтобы уяснить их буквальное содержание обратимся к фундаментальному отечественному изданию – «Словарю русского языка», подготовленному еще Институтом русского языка АН СССР. «Зло – все дурное, плохое и вредное. Употребить во зло – воспользоваться чем-то с дурной целью. Я знаю, вы не употребите во зло моей откровенности, подадите дружеский совет (Тургенев, переписка). Он понял, что зла ему мы не хотим (Арсеньев. По уссурийской тайге)» [40, с. 611–612].

«Злоупотребить – неумеренно воспользоваться чем-либо, употребить в **большем** (выделено нами – Н. Колоколов), чем допустимо количестве». «Злоупотребление – поступок, связанный с незаконным преступным действием. Открылись якобы упущения, недочеты сумм и разные упущения (А. Островский доходное место)» [40, с. 614].

Филологи, как видим, под «злоупотреблением» понимают употребление чего-либо, пусть даже и не обязательно «дурного», «плохого», «вредного», а то не исключено, что и «хорошего», но в недопустимо **большом** (выделено нами – Н. Колоколов) объеме, количестве. Именно эти измеряемые качества: объем, количество трансформирует нечто существующее само

по себе, как минимум, «нейтральное», а зачастую и вовсе «позитивное» во зло, то есть в «дурное», «плохое», в конечном итоге – «вредное». Не случайно в народе говорят: «все хорошо в меру», «от добра – добра не ищут», «лучшее – враг хорошего».

Отец медицины Гиппократ (около 460 – между 377 и 356 годами до н. э.) на заре европейской цивилизации любил повторять: «всякий излишек противен природе».

Философами категория «зло» толкуется совсем уж своеобразно. «Зло» в их трудах – это обязательно противовес «добра». Скажем больше, некоторые известные представители философской мысли (например, Аврелий Августин) и вовсе полагали, что «зла» в природе нет, реально только «добро». Более того, «зло» – необходимый составной элемент «добра». Другие авторы (Кант, Гегель, Маркс) «зло» классифицировали как необходимый стимул прогресса» [41, с.170–171].

«Метафизическое зло – в несовершенстве, физическое – в страдании, а моральное зло в грехе. Если Бог есть – откуда зло? Если же его нет – откуда добро? (Лейбниц)». Злодей – человек, ведущий себя как преступник, или, чаще, просто как негодяй» [42, с. 196–197].

Позиция автора этих строк: «добро» и «зло» – парная категория, явления эти во всей их глубине далеко не познаны. Провести между ними четкую границу невозможно даже в принципе. Фактически данная категориальная пара – феномен, ибо они, как и многое другое в жизни, даны нам в ощущение, но трудно объяснимы. «Добро» и «зло» – сложная, системная, историческая реальность, уникальные и, в то же время, закономерно возникающие общественные отношения. Своим возникновением они обязаны социальной природе человечества, которое базируясь в свой эволюции на определенных, более или менее постоянные, ценности, в числе которых государство и право, способно мобилизовать свои (опять-таки природные) ресурсы для разрешения конфликтов.

Существование в общественном сознании категорий «добро» и «зло» – институализация (пусть и наивного) ожидания обществом того, что социальным конфликтам, их разрешению (например, судом) будет уделено достойное внимание.

Проведение границы между «добром» и «злом» – принятая человеческой общностью парадигма поведения при разрешении социальных конфликтов. Граница данная весьма условна, поскольку то, что в одних исторических условиях конкретным обществом расценивается как добро, например, уничтожение класса эксплуататоров, спустя определенный промежуток времени квалифицируется как допущенное по глупости непоправимое зло, так как в революци-

онный период были уничтожены многие социально активные, безусловно, нужные в стране люди.

3. Злоупотребление правом

В отечественной юридической науке до сих пор не сформулировано общепризнанное междисциплинарное определение понятия «злоупотребление субъективным правом». Отсутствует и единообразие в понимании сущности анализируемого феномена. Палитра научных мнений о природе злоупотребления правом настолько разнообразна, что включает в себя противоречащие друг другу теории. Встречаются как концепции, полностью отрицающие наличие у управомоченного лица возможности злоупотребить своим правом, осуществить право во вред другим лицам, так и доктрины в соответствии с которыми злоупотребление правом является исключительно «обычным правонарушением».

Отдельные аспекты проблемы злоупотребления субъективным правом неоднократно являлись объектами научного изучения, что нашло свое отражение в монографических [например, 37; 32] и диссертационных исследованиях [8; 7], а также в брошюрах и научных журнальных публикациях [28]. Фундаментальных работ общетеоретического характера, посвященных анализу феномена «злоупотребление субъективным правом» нет. Ученые, как правило, концентрируют свое внимание на изучении отраслевых проблем вредоносного осуществления права [39; 10], на анализе отдельных злоупотреблений субъективными правами [6; 31; 34], а также на исследовании некоторых правовых институтов, связанных со злоупотреблением правом [9; 38].

Российским правоприменителям еще только предстоит научиться отграничивать злоупотребление субъективным правом от сходных правовых явлений; выявить специфические признаки злоупотребления субъективным правом как правового поведения; осуществить психолого-правовой анализ этого феномена, обратив особое внимание на деформацию индивидуального правосознания управомоченного субъекта, злоупотребляющего своим правом; внести предложения по совершенствованию действующего законодательства, направленные на предупреждение злоупотреблений отдельными правами и свободами [29].

4. Закрепленная в законе конкуренция прав – база злоупотребления ими

Общепризнано: субъект правоотношений (лицо физическое или юридическое) априори свободно в выборе и реализации своих прав. Общепризнанно также и то, что права и свободы одного субъекта правоотношений, как правило, заканчивается в том месте, в котором они сталкиваются с общепризнанными правами и свободами других субъектов. Вторжение такого субъекта правоотношений в зону общепризнанных прав и свобод других субъектов – при усло-

вии, если таковое повлекло умаление, ограничение прав и свобод этих других субъектов, не что иное, как злоупотребление субъектов своими персональными правами и свободами.

За многие тысячелетия своего существования человечество выработало качественные и количественные характеристики прав и свобод человека и гражданина, а равно лиц юридических, в том числе и государств. По общему правилу естественные права и свободы человека и гражданина не могут быть ограничены. В то же время, общество ревниво следит за тем, чтобы реализация личностью своих прав и свобод не вела к ущемлению прав и свобод других участников правоотношений.

Равенство прав и свобод человека и гражданина, а равно лиц юридических – категория весьма условная, чтобы не сказать гипотетическая. Проблема не только в том, что у каждого из субъектов правоотношений имеются свои персональные возможности и запросы на реализацию прав и свобод, которые могут, как превышать некую официально разрешенную границу их осуществления, так и не достигать ее. Поскольку природа не терпит пустоты, то правовое пространство «невыбранное» одними субъектами права, как правило, автоматически тут же будет захвачено другими субъектами. Иными словами – конкуренция прав субъектов неизбежна.

При таких обстоятельствах задача общества – не столько воспрепятствовать гиперреализации прав отдельными субъектами, сколько обеспечить защиту и свобод прав тех субъектов, которые не в состоянии самостоятельно защитить свои исконные права и свободы.

В целях защиты прав и свобод личности, юридических лиц общество изобрело множество различных регуляторов (этика, мораль, право, насилие), из которых мы более или менее детально попытаемся осветить только одну тему – злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

5. Уголовная политика: загадочная очевидность [15]

УК РФ – официальная реакция общества в лице государства на зло, алгоритм реализации данной реакции прописан в УПК РФ. Конструкция этой официальной реакции по своей сути проста до примитивности: ответим злом на зло, «око – за око, зуб – за зуб». Особенность уголовно-правовой реакции государства и на зло заключается в легитимации его права на насилие в тех случаях и в тех объемах, в которых аппарат государства в лице законодателя считает это необходимым. Формулирование уголовного закона К. Маркс называл «великим лицедейством» [30]. В своей работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» он подверг убийственной критике попытку одного из региональных органов государственной власти (ланд-

тага) упорядочить, в том числе и путем криминализации деяния, ответственность крестьян за совершенно безобидный сбор валежника.

С тех пор минуло два века, в наши дни уже региональный российский законодатель приступил к упорядочиванию сбора валежника. В одних субъектах Российской Федерации длина сухой хворостины определена в 1 метр, в других 1,2 метра [35; 36]. Результат. В Краснодарском крае прежде, чем пойти за валежником, следует подать уведомление, чиновники должны его осмотреть и учесть. В Пензенской области собирать валежник можно только вручную. Если на валявшемся бревне есть следы спиливания – это не валежник. В Ханты-Мансийском АО собирать валежник можно только на тех участках, где это разрешили делать лесничества. В Тверской области решили: длина палок не должна превышать метра. В Хабаровском крае собирать валежник можно только с помощью ручного инструмента, указанных лесничеством.

6. Злоупотребление правом на легитимное насилие

Что делать с преступностью вообще, с конкретными преступниками в частности, а равно лицами освободившимися «по сроку» из мест лишения? В частности, проф. Ю. Е. Пудовочкин вопрошает: «как вернуть совершившего преступление человека в «нормальное», «здоровое», «официальное» общество»? Как видим: люди совершили «нелегитимное зло», данный клин выбит другим клином – «злом легитимным», то есть добром в виде уголовного наказания. Как в тут не вспомнить народную мудрость: «не спешите делать людям добро, они вас не поймут».

К проф. Ю. Е. Пудовочкину неизбежно возникает вопрос, где он обнаружил описанное им общество в истории человечества? Вариант первый: массы, возбужденные лозунгом «Греть награбленное» («экспроприровавшие экспроприаторов»). Вариант второй: россияне, пережившие обратный переход общенародной собственности к олигархам.

В первом случае речь идет о ресоциализации падших в рамках уголовно-правового регламента, авторами которого выступили революционеры, а во втором – олигархи.

Проблемы «зла», караемого в уголовном порядке, и ожидаемого обществом «добра» в виде уголовного наказания, всегда стояли перед обществом. Истории известна масса «прожектов», авторы которых доказывают: они изобрели, нашли «философский камень» – эффективный метод борьбы с преступностью, знают, как «перековать» «случайно оступившихся граждан» в «честных тружеников».

Результаты внедрения всех этих «прожектов» в жизнь доказывает: нет у современного общества эффективных методов противостояния преступности. Апофеоз человеческой мысли – могучее госу-

дарство способно: отдельных преступников уничтожить (казнить)¹, часть из них взять в плен (лишить свободы)², третьих – ограничить в материальных благах (штраф, конфискация). На сегодняшний день: казнить – негуманно, держать в плену – дорого³, лишать материальных благ – бесперспективно, так как подавляющее большинство преступников материальных благ не имеет⁴, а сам их недостаток, а то и полное отсутствие таковых как раз то и подвигло миллионы изгоев на преступление.

В 1917 году лидеры нашего Отечества в деле борьбы с преступностью, вооружились «палочкой-выручалочкой» над названием труд. В местах лишения свободы трудились миллионы: от лесорубов, до авиаконструкторов (узники НИИ тюремного типа: С. П. Королева, А. Н. Туполев и др.).

Не злоупотребило ли советское государство правом на легитимное насилие? Эффективен ли рабский труд «зека»? Исследователи лагерной индустрии утверждают: исправительные учреждения ГУЛА-Га всегда являлись дотационными, так как приговор рабскому труду, как способу производства, вынесен историей нашей цивилизации две тысячи лет назад.

В наши дни эффективностью труда заключенных уже не бредят. Цель привлечение их к труду: способ отвлечь внимание тюремного населения от стресса, вызываемого таким особым правовым состоянием его членов, как бессмысленное «сидение под замком».

Возможностей: возместить причиненный преступлением имущественный ущерб, доказать право на УДО, а то и просто подзаработать – утопия, так как размеры заработков в местах лишения свободы символические.

Папа Римский в 2016 году так оценил современную уголовную политику: обществу пора прекратить прятаться за тюремными стенами...

¹ По данным Amnesty international в 2018 году было приведено в исполнение всего 690 смертных приговоров (в 2017 году минимум 993). См.: Смертные приговоры и казни. 2018. Amnesty international – глобальный доклад. 2019.

² На момент написания статьи число таких пленных в России составляло 657.789 человек. Для сравнения, в США – 2.121.600 (25 % от числа заключенных на планете). В этих странах имеется примерно такое же количество лиц осужденных, но оставленных на свободе.

³ В США пенитенциарная система ежегодно поглощает 80 млрд долларов, в штате Нью-Йорк день содержания одного заключенного в сутки обходился налогоплательщикам в 210 долларов.

⁴ Заместитель министра юстиции РФ – Новак Д. В., выступая на I Всероссийской научно-практической конференции «Новые вехи в развитии административного и административно-процессуального права» (11.04.2019. Москва. ВШЭ), констатировал, что реально удается взыскать менее 50 % штрафов. Дальнейшие усилия государства по взысканию штрафов нерентабельны, ибо затраты на взыскание превышают размер взысканного.

7. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом

Как правило, в основе уголовного судопроизводства лежит состязательность сторон. Легитимное противостояние сторон обвинения и защиты – основа для злоупотребления правом каждой из них.

8. Злоупотребление правом на заявление (жалобу)

Основным назначением субъективного права на подачу жалобы, например, в порядке ст. 125 УПК РФ является формальная правозглашенность и государственная гарантированность возможности человека удовлетворить свою потребность (интерес) установленным в законе способом или способом, не противоречащим закону. При этом каждой значимой витальной и социальной потребности индивида должно корреспондироваться соответствующее субъективное право. Если индивид удовлетворяет потребность (интерес) посредством осуществления ненадлежащего субъективного права, то данное право осуществляется в противоречии с его назначением.

Злоупотребление субъективным правом представляет собой такой способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству, в анализируемых ниже случаях судопроизводству. Основными (универсальными) признаками злоупотребления субъективным правом являются: осуществление субъективного права в противоречии с его назначением и вредоносность осуществления права. Другие признаки, такие как осуществление субъективного права с единственной целью причинить вред другому лицу; безнравственное, недобросовестное, неразумное осуществление права, относятся к факультативным.

Недопустимость злоупотребления субъективным правом – общеправового принципа. Он выражается в запрете вредоносного осуществления любого субъективного права в противоречии с его назначением, а также в запрете недобросовестного, неразумного или безнравственного осуществления субъективного права.

Злоупотребления субъективными правами можно классифицировать как правомерные (легальные) и противоправные. Основанием данного деления является юридический критерий оценки вреда (причиненного зла). Психологической детерминантой злоупотребления субъективным правом является деформация индивидуального правосознания управомоченного лица в форме правового эгоцентризма. Данная деформация характеризуется прагматичным знанием индивидом своих прав (интеллектуальный элемент правосознания) и наличием желания к их исключительно утилитарному осуществлению (волевой элемент правосознания). Правовой эгоцентризм

обуславливает сформированность у субъекта специфичной правовой установки, которая выражается в его готовности удовлетворить свою конкретную потребность посредством осуществления любого права любым способом [подробнее: 25].

К означенным выше злоупотреблениям правом мы относим попытки побудить суд, включая его Высшие инстанции, требовать от органов внутренних дел: в стадии возбуждения уголовного дела «установить причину появления пятна на стене, царапины на ножке кресла», в стадии предварительного расследования «найти маленькую собаку по кличке «Флейта», пропавшую несколько лет назад» [подробнее: 21, с. 226, 227].

В первом случае сотрудники органов внутренних дел позволили себя «развести», зарегистрировав в книге учета преступлений факт появления пятен и царапины, во втором – суды, удовлетворявшие жалобы потерпевшего и побуждавшие следователя «живое имущество» все же найти, забыли, что «во время пути собака могла подрасти».

9. Злоупотребление правом – категории я историческая

Злоупотребление правом для обжалования для России не новость. Борьбе с лицами злоупотреблявшими правом на принесение жалоб в нашей истории посвящена не одна страница. Александр I в 1804 г. даже был вынужден издать именной Указ «О предании суду просителей, коих жалобы на несправедливые решения Сената окажутся вовсе неосновательными». Император отмечал: «Соединя правосудие с милосердием, отверзли Мы свободный путь жалобам на обиды и притеснения, оставляемые со стороны Судебных мест без должного удовлетворения. Но из множества вступающих к Нам прошений не только на нижние места, но и на самый Сенат весьма мало оказывается таких, кои бы справедливо требовали собственного Нашего внимания, напротив того, большая часть, будучи совершенно недельны, не заслуживает никакого уважения»¹.

Исключительно подробно тема злоупотребления правом раскрыта в трудах выдающегося российского юриста А. Ф. Кони. Оценим несколько зарисовок великого метра.

10. Потерпевшего – в тюрьму, вора – оправдать

Юноша предстал перед судом за кражу куска хлеба из незапертой булочной. На вопрос судьи о мотиве содеянного, подсудимый ответил: «Я был голоден милорд». Председательствующий: «Если бы я следовал только указаниям закона, то осудил бы вас, ибо закон не знает никакого различия такими предметами как золотая цепь и кусок хлеба. Однако, руководствуясь моей судейской совестью, я оправдываю вас». При-

мечательно, что факт кражи хлеба без правовой оценки не остался: на основании старого закона королевы Елизаветы, карающего каждого, за уход из незапертой лавки, судья приговорил владельца булочной к одному дню тюрьмы» [подробнее: 27, с. 343–344].

Современный читатель скажет: судья вышел за пределы обвинения, злоупотребил правом, по современному российскому закону максимум, что служителю Фемиды вправе себе позволить, так это вынести частное определение (ч. 4 ст. 29 УПК РФ). Впрочем, еще совсем недавно советскому правосудию была известна практика, в рамках которой судьи в процессе брали под стражу свидетелей, каковых они расценивали в качестве лиц, прикосновенных к преступлению, совершенному подсудимым.

Так, в 1987 году судья Фрунзенского народного суда г. Кишинева Харитоненко, явно злоупотребляя правом, взяла под стражу двух освобожденных от уголовной ответственности свидетелей (правда по нереабилитирующим основаниям), поскольку последние злоупотребляя оказанным им доверием, в судебном заседании отказались изобличать подсудимого. Как известно, данный механизм существует и в наши дни. В частности, лицо, своевременно не уплатившее судебный штраф, рискует быть осужденным в общем порядке (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ).

11. Беззастенчиво завравшиеся противники

А. Ф. Кони: «Мне пришлось в Сенате участвовать в рассмотрении дела, в котором сторонами в речах были сделаны совершенно недопустимые на суде выпады против подсудимого и некоторых свидетелей, направленные к возбуждению и разжиганию. Племенных страстей и оставленные председательствовавшим не только без своевременной остановки беззастенчиво зарвавшихся противников, но и без всякого указания в руководящем напутствии на их более чем неуместный характер» [27, с. 355].

12. Неуместные вопросы

У дамы, остановившейся в гостинице похитили портфель. Защитник подсудимого свой допрос потерпевшей начал с вопроса: «Мы позволим себе полюбопытствовать, где вы провели ночь?». Председательствующий в процессе председатель Петербургского окружного суда А. Ф. Кони: «Свидетельница, я запрещаю вам отвечать на этот вопрос, а вас господин защитник, предупреждаю, что при повторении подобных вопросов, указывающих на непонимание вами прав и обязанностей вашего знания, я вас удалю из залы заседания!» [27, с. 348].

Не случайно П. С. Пороховщиков (П. Сергеич) в своей книге «Искусство речи на суде» писал: «во-первых, половина вопросов, задаваемых у нас в уголовном суде с участием присяжных, суть вопросы праздные; во-вторых, из другой, меньшей половины большая часть состоит из вопросов, вызывающих не-

¹ Цитируется по: Власть. 2009. № 25. С. 55.

благоприятные ответы у спрашивающих; в третьих, большинство этих последних случаев неблагоприятные ответ бывает заранее предрешен неудачным вопросом».

Автору этих строк довелось выступать в должности председательствующего в процессе в период, когда первым участников процесса (подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертов) допрашивал активный судья. В отличие от сторон (прокуроры, адвокаты) председательствующий, будучи ответственным за приговор, имея четкое представление о перспективе дела, в условиях перманентного цейтнота спрашивал у допрашиваемых им лиц только то, что всем участникам процесса нужно было знать по делу. После этого по закону возможность задать вопросы предоставлялась прокурору и адвокату. О чем им спрашивать, если председательствующий за стороны поработал и все что нужно выяснил? Мудрые участники процесса в таких случаях ограничивались фразой: «Вопросов не имею». Однако, бывали и такие, которые пытались повторить вопросы председательствующего. Подобных «дублеров» приходилось останавливать: «Разве вы не помните, что ответ на данный вопрос допрашиваемое лицо уже давало?»

В 2005 году автору довелось председательствовать в процессе по первой инстанции уже по новому УПК РФ 2001 года, согласно регламенту которого участников процесса первыми допрашивают стороны. Вопросы, в том числе и от государственного обвинителя (прокурора Генеральной прокуратуры РФ) посыпались «как из пулемета», допрашиваемое лицо не успевало ответить на один вопрос, как следовал следующий. Пришлось оставить процесс, разъяснить сторонам, что вопрос им сначала лучше всего сформулировать письменно, задать его участнику процесса, да так, чтобы речь допрашивающего успел записать секретарь судебного заседания, после чего выслушать ответ, дожидаясь момента фиксации его секретарем судебного заседания.

13. Суд над убитой

Сторона защиты таким образом организовала допрос свидетелей по делу об убийстве жены мужем, что, как заявил в прениях прокурор: «Я не знаю, чем руководствовались те свидетели, которые без краски стыда бросали здесь комья грязи в могилу покойной». Не исключено, что потерпевшая была, как говорится «не без греха», однако спросим читателя, насколько уместен вопрос защитника: «Что ему помешало вступить в связь с убитой – собственное нежелание или ее добродетель?» [27, с. 349].

14. Адвокаты «голосуют ногами»

Что делать адвокату, которого не слышит председательствующий? По закону – писать жалобы. Вот только вопрос: прочтут ли их внимательно в суде вышестоящий инстанции?

О реальном уровне эффективности рассмотрения жалоб в судах общей юрисдикции очень интересно и предельно честно высказался М. В. Кротов – полномочный представитель Президента РФ в Конституционном Суде РФ, выступая в Общественной палате РФ на конференции, посвященной 25-летию Конституции РФ: «многие дела наша судебная система разрешить не в состоянии, граждане по пустяковым вопросам вынуждены обращаться в Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека. Данные инстанции, несмотря на то, что разрешение этих «пустяковых вопросов» не их функция, терпеливо разрешают возникшие коллизии, вынесенные в результате этого судебные решения – база для пересмотра правовых позиций судов общей юрисдикции».

По данному поводу в народе говорится: «до бога – высоко, до царя – далеко». В таких условиях некоторые адвокаты, чтобы привлечь к себе внимание, «голосуют ногами», без разрешения председательствующего самовольно покидают процесс. Безусловно, подобный «исход» защитников – классический пример злоупотребления правом, о вариантах которого писал еще А.Ф. Кони, отмечавший недопустимость подобных действий сторон в процессе.

Данная разновидность злоупотребления правом со стороны адвокатов, выливающаяся в адвокатские войны нами неоднократно описывалась [11; 12; 13; 19; 16; 22].

15. Органы предварительного расследования v.s. прокуроры

Если основной причиной злоупотребления правом со стороны адвокатов является мечта о некой адвокатской вольности, то аналогичные действия со стороны представителей Следственного комитета РФ, направленные на дележ «обвинительного пирога», на наш взгляд, совершенно не допустимы. Обвиняемых в уголовном порядке преследует государство, за что согласно УПК РФ персонально отвечают назначенные им прокуроры. Следовательно, именно органы прокуратуры, а не предварительного следствия, определяют текущую уголовную политику. Эпизоды противостояния следователей прокурорам нами также были неоднократно описаны [17; 18; 20].

16. Злоупотребление правом на обвинение

Органы предварительного расследования выявив факт несвоевременной уплаты предприятием налогов на сумму 834 руб. 35 коп. (позволим читателю самостоятельно оценить степень общественной опасности содеянного), по ч. 4 ст. 159 УК РФ возбудили уголовное дело в отношении его директора Г., получившего государственную субсидию на погашение процентов по кредиту в размере 34.636.992 руб. Неужели инициаторы уголовного преследования Г. ничего не знают про ч. 2 ст. 14 УК РФ, в которой указывается, что форма (да, уплатил налоги позже, путь и до получе-

ния субсидии) не должна противоречить содержанию (поддержка бизнеса – стратегическая задача государства).

По приговору Суджанского районного суда Курской области Г. был оправдан, к сожалению, без ссылки на правила ч. 2 ст. 14 УК РФ [4].

17. Злоупотребление правом на отмену

Институт апелляции был учрежден для того, чтобы уголовное дело не ходило бесчисленное число раз из одной инстанции в другую, решение суда второй инстанции в рамках ординарного производства призвано быть окончательным. Анализ апелляционной практики региональных судов позволят сделать вывод о том, что суды субъектов Российской Федерации, «не желая» рассматривать дела в полном объеме, злоупотребляют правом на их возвращение в суд первой инстанции. По этому пути, в частности, пошла судебная коллегия Курского областного суда, отменившая оправдательный приговор по делу Г. [5], как видим, решение принято, дело возвращено в Суджу.

18. Злоупотребление правом на фактический отказ от защиты

По общему правилу, адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. По делу Г. адвокат проживает в областном центре, непрерывные командировки в Суджу его утомили, в апелляционном решении он усмотрел отсутствие положительных перспектив, по его мнению, Г. грозит реальный срок, результат, явно не работающий на имидж успешного адвоката. Итог: защитник предлагает Г. сознаться... Подсудимый вынужден искать новых адвокатов.

19. Злоупотребление правом на провокацию

В общей структуре преступности значительное место занимают латентные преступления, то есть те деяния, о совершении которых правоохранительным органам официально ничего не известно. В современном обществе обозначилась тенденция, ее суть: не дожидаясь фактического совершения преступления, заранее выявить возможность его совершения, чтобы затем сразу задержать преступников, их сообщников с поличным, выйти на тех, кто за ними стоит. От органов уголовного преследования сегодня ожидают, что они ведут интенсивное наблюдение за определенной средой с целью обнаружения преступлений еще на раннем этапе, в том числе и в тех случаях, когда еще не появилось никого подозрения, о формах которого пишется в УПК РФ. Не секрет, что борьбе с преступностью известен институт «инициативного расследования», цель существования которого: выявить факты, наличие которых может свидетельствовать, что преступление возможно.

Выявив такие факты правоохранительные органы могут:

– заблаговременно готовиться к будущему уголовному преследованию, педантично собирать ма-

териалы о группе вероятных преступников, чтобы в случае перехода некоторых из них в активную стадию противоправного действия, иметь четкие представления о параметрах преступной системы;

– внимательно следить за развитием ситуации, терпеливо дожидаясь момента, когда злоумышленников можно будет задержать с поличным (так поступают сотрудники уголовного розыска, борющиеся с «ворами-карманниками»);

– не дожидаясь завершения формирования преступного умысла естественным путем, провоцировать совершение конкретного преступления.

Данные механизмы находятся на вооружении практически всех спецслужб в мире, главное, что от них в таком случае требуется, это то, чтобы собственный вклад преступника в содеянном не отходил на второй план при оценке результатов им содеянного.

Есть государства, в которых вышеперечисленные действия правоохранительных органов, зафиксированы в УПК, прочих общеизвестных законах, как это сделано, например, в ФРГ. В России совершение данных действий правоохранительными органами для общества столь же латентно, как совокупность преступлений, с которыми они борются.

Сторона защиты о проведении таких действий (как правило, лишь о небольшой части некоторых из них) узнает уже после задержания конкретного лица с поличным, оформления комплекса соответствующих документов. Скажем больше, вопреки Конституции РФ – закону прямого действия, декларирующего право на профессиональную юридическую помощь, появление адвоката в момент задержания виновного (в силу презумпции невиновности, еще невиновного) с поличным – явление исключительное.

В частности, в Российской Федерации сложилась устойчивая практика применения ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ и ст. 151.1 УК РФ. Анализ состоявшихся судебных постановлений позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев действия Продавцов были спровоцированы поведением несовершеннолетних Покупателей, которые действовали по поручению сотрудников полиции.

Вопрос о допустимости провокации в отношении потенциального правонарушителя (преступника) нами не обсуждается, ибо это общепризнанная мировая практика. Естественно, что провокационная деятельность должна проходить в строго очерченных рамках и под надлежащим прокурорским надзором и судебным контролем, следовательно, она не может быть произвольными действиями сотрудников полиции.

Вопрос о допустимости привлечения к участию в провокациях несовершеннолетних, их возраст оставим на усмотрение читателя.

Лицо, в отношении которого совершены провокационные действия, обладает правом требовать от органов, их осуществивших соответствующего обоснования.

Лицо, задержанное в процессе провокационных действий, имеет право на адвоката с момента задержания. Данное правило в полном объеме распространяется на лиц, совершивших правонарушение, предусмотренное КоАП РФ, особенно, если его результаты будут положены в основу обвинения по уголовному делу [более подробно о комплексе проблем злоупотребления правом в рамках провокационных действий: 23; 24].

23 ноября 2016 года Смоленским областным судом по п. «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ был осужден сотрудник МВД РФ Голубцов, который согласно версии, выдвинутой органами предварительного расследования, явился организатором череды незаконных ОРМ (фактически провокаций) в отношении сотрудников администрации г. Смоленска. Поскольку материалы данного уголовного дела в основном засекречены, то мы ограничимся лишь ссылкой на официальный документ [2].

Также секретно уголовное дело в отношении Сугрובה, который со своими подчиненными согласно итоговым судебным решениям, буквально, специализировался на злоупотреблении правом в рамках многочисленных провокаций [3].

20. Злоупотребление правом на пытку

В Средние века пыткой руководил судья-инквизитор, дозируя вид и интенсивность истязания. Обвиняемого порой пытали публично. Общество глубоко верующих идеалистов зло видело во плоти человеческой, ибо в нее мог вселиться дьявол. Публичная пытка оценивалась народом. Признался подсудимый – хороший судья. Не признался – плохой. Умер испытываемый на дыбе – неумелый судья.

Современная цивилизация декларирует – пытки запрещены. Не будем кривить душой, ибо запрет этот лишь на бумаге. На самом деле современным обществом пытки не порицаются, особенно если они приносят быстрый и положительный эффект. Анализ уголовных дел о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, свидетельствует, что без признания виновного приговора, как правило, не было бы.

Безусловно, далеко не все эти признания получены под пыткой, однако наличие дел, подобных делу Михеева (один из фактов пыток в Нижегородской области, установленных Европейским Судом по правам человека), позволяет сделать неприятный вывод: от пыток не отказались, с привлечением к уголовной ответственности истязателей, не спешат.

21. Злоупотребление правом на отказ от пытки

В Курске пропали четыре девочки. Подозрения пали на мальчиков – их ближайшее окружение. Пы-

тать ребят не решишь. Спустя 10 лет трупы девочек были случайно обнаружены. Опять вышли на уже взрослых «мальчиков», один из которых признался, что девочки были убиты ими.

Суд с участием присяжных заседателей пришел к выводу, что убийство совершили именно они, после чего освободил виновных от наказания в виду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

22. Злоупотребление правом на отказ в освобождении

Как следует из процессуальных документов «группа в составе депутата Магаданской областной думы Шамиряна Г. Л., Трифоновой В. В., Шубина Ю. А. и иных неустановленных следствием лиц», в период с 27 октября по 16 декабря 2009 года, «обещала председателю правления АКБ «МФТ-Банк» Разумову П. В. за 1,5 мил. долларов «продать» должность члена Совета Федерации.

16 декабря 2009 года переговоры о «сделке» трансформировались в оперативный эксперимент, в ходе которого Шамирян был задержан при получении от Разумова через Гридасова С. А. 45 000 000 руб.

В этот же день в отношении в отношении Шамиряна, Трифоновой и Шубина были возбуждены уголовные дела № 141418 и 141419, которые тут же соединенные в одно производство. Предварительное расследование по нему данному делу осуществлялось следственно-оперативной группой, возглавляемой следователем по особо важным делам отдела по расследованию преступлений коррупционной направленности СУ СК при прокуратуре РФ по Московской области.

16 декабря 2009 года Трифонова задержана в порядке ст. 91–92 УПК РФ. С самого начала следователю, а равно его руководству достоверно известно, что задержанная тяжело больна, ее лечение в условиях СИЗО не эффективно.

Позже в ведомственном акте будет отмечено: «в нарушение требований ст. 99 УПК РФ, приказов Первого заместителя Генерального прокурора РФ, Председателя СК при прокуратуре РФ № 5 и 6 от 7 сентября 2007 года данный факт следствием не проверен» [1].

Явно вопреки здравому смыслу, 18 декабря 2009 года в отношении Трифоновой Одинцовским районным судом Московской области избирается мера пресечения заключение под стражу.

«Без дальнейшей проверки доводов Трифоновой о состоянии здоровья» [3] 25 декабря 2009 года ей предъявили обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. 15 февраля 2010 года срок содержания обвиняемой под стражей продлен до 4 месяцев, то есть до 16 апреля 2010 года.

Защитники Трифоновой неоднократно ходатайствовали об изменении в отношении последней меры пресечения, назначении комплексной судебно-медицинской экспертизы для установления состояния ее здоровья, однако все они «следователем были отклонены без исследования доводов адвокатов и состояния здоровья обвиняемой».

«Следствием также оставлены без рассмотрения и два обращения начальника ИЗ-77/1 УФСМН по г. Москве о необходимости изменения Трифоновой меры пресечения в связи с ухудшением состояния здоровья» [3].

31 марта 2010 года следователь возбудил перед Одинцовским районным судом Московской области ходатайство об изменении меры пресечения на залог.

Постановлением Одинцовского районного суда Московской области от 6 апреля 2010 года в удовлетворении данного ходатайства было отказано. Мотив – тяжесть содеянного Трифоновой, степень ее общественной опасности настолько велики, что законность и обоснованность ее содержания под стражей у суда не вызывает сомнения. Более того, из представленных в суд документов «не следует, что Трифонова не может содержаться под стражей в условиях изолятора», «органы предварительного следствия, при необходимости, могут самостоятельно изменить ей меру пресечения на подписку о невыезде».

Совершенно очевидно, что препятствий для изменения меры пресечения в отношении Трифоновой на подписку о невыезде у органов предварительного расследования не было. Ущерб ее преступными действиями потерпевшим причинен не был. Почему меру пресечения в отношении Трифоновой менять следует именно на залог, из ходатайства не ясно.

Совершенно очевидно и то, что, разрешая ходатайство следователя, суд забыл о презумпции невиновности, особенно такой ее составляющей как презумпция на лишение свободы.

Выбор меры пресечения – прерогатива следователя (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). С предложением последнего относительно ее строгости суд в праве согласится (п. 1 ч. 7 ст. 108 УПК РФ), если же суд с предложением следователя не согласен, то, максимум, что разрешает ему закон – определить менее строгую меру пресечения (ч. 7-1 ст. 108 УПК РФ). Данный закон не может быть истолкован иначе, как прямой запрет на избрание судом меры пресечения более строгой, чем об этом ходатайствовал следователь. Поскольку следователь ходатайствовал об избрании такой меры пресечения, как залог, то суд, минимум, мог позволить себе с ним согласиться, фактически же он был должен избрать менее строгую меру пресечения, например: подписку о невыезде. Решение суда: сохранить меру пресечения содержание под стражей, пол-

ностью переложить решение вопроса о ее виде – явно незаконно.

Анализ двух последних документов позволяет сделать вывод о том, что компетентные инстанции сознательно последовательно уклонялись от принятия решения о мере пресечения: следствие решило «освободить» Трифонову «руками» суда, а последний – «на данную провокацию» не поддавался.

Желая добиться освобождения Трифоновой именно «руками» суда Заместитель руководителя СУ СК при Прокуратуре РФ по Московской области старший советник юстиции Филиппов А. П. ходатайствовал перед исполняющим обязанности прокурора Московской области Игнатенко А. Н. об «опротестовании» постановления Одинцовского районного суда от 6 апреля 2010 года. При этом Филиппов указал, что «учитывая обстоятельства и тяжесть совершенного Трифоновой корыстного преступления, избрание в отношении нее иной более мягкой меры пресечения не связанной с лишением свободы, нежели, чем залог недопустимо».

Кассационная инстанция тоже не поддалась на «провокацию» органов предварительного расследования, 20 апреля 2010 года оставила постановление Одинцовского районного суда Московской области без изменения. Мотив: «документов о том, что Трифонова не может содержаться под стражей, в суд не представлено, учитывая тяжесть и обстоятельства совершенного ею преступления, оснований для изменения меры пресечения нет». Выше применительно к постановлению суда первой инстанции уже было приведено обоснование, почему такое решение является явно незаконным.

Разрешая надуманный спор, кому после уклонения суда от изменения меры пресечения следовало освободить Трифонову, А. И. Бастрькин в своем приказе однозначно констатировал: «Однако следователем мера пресечения не была изменена».

Все ли от нее зависящие сделала защита? В приказе А. И. Бастрькина есть ответ и на данный вопрос. «В центральный аппарат СК при прокуратуре РФ от участников уголовного процесса обращений по делу Трифоновой не поступало» [3].

Как известно, за решениями и действиями (бездействием) органов предварительного расследования в непрерывном, сплошном режиме осуществляются: ведомственный контроль и прокурорский надзор.

Процитированный выше абзац из приказа – адвокатами должен быть истолкован как прямая обязанность одновременного принесения жалоб во все надзорные и контрольные инстанции. Вдруг, вас хоть кто-то услышит...

Что еще по делу Трифоновой констатировал в своем приказе А. И. Бастрькин? Волокиту! План расследования по делу не выполнен. Три следовате-

ля и сотрудники ДЭБ МВД РФ за 4,5 мес. провели всего 35 следственных действий, из них сотрудники ДЭБ – 11. «Руководитель СУ не принял должных мер по своевременной реализации законных решений и обеспечению контроля», а его заместитель за «неукоснительным обеспечением конституционных прав граждан при избрании меры пресечения» [3].

Чего ждали следователи? Ответ на данный вопрос в доступных широкой публике процессуальных документах отсутствует. Предположений может быть только два. Они – заурядные волокитчики, цена их бездействия – смерть обвиняемой. Следователи рассчитывали, что сломленная болезнью Трифонова заговорит. Пытка не удалась, подследственная скончалась.

Победителей не судят, но горе побежденному. Непосредственные руководители следователя уволены, в отношении последнего 4 мая 2010 года заместителем Председателя СК при прокуратуре РФ возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ [подробнее: 14].

23. Основные научно-практические выводы:

1. Регламент понятия «злоупотребления правом» непосредственно в уголовно-процессуальном законе отсутствует. Прежде чем формировать соответствующую правовую норму, законодатель должен глубоко задуматься, нужно ли ему тратить немалые бюджетные деньги на принудительное приведение ее в действие, может быть достаточно морали? Не случайно категория «злоупотребление правом» в самостоятельный институт оформилось в России как раз в тот момент, когда обществом в очередной раз была старая процессуальная мораль, а о новой соответствующей моменту морали представления являются весьма и весьма смутными. Впрочем, она, эта новая процессуальная мораль сама по себе так никогда и не появится, неслучайно XX съезд КПСС в Моральный кодекс строителя светлого будущего записал апробированные временем старые библейские истины. В меньшей степени это касается и морали процессуальной. Очевидно и то, что в отсутствии «бесплатной» или «малозатратной» морали государству приходится тратиться на преодоление никому не нужных барьеров в судопроизводстве.

2. Что же осталось от прежних «процессуальных периодов»? А то, что было и ранее: «злоупотребление процессуальными правами», в основе которого нарушение общественного порядка судопроизводства, а формы этого нарушения могут быть самыми разными, порой экзотическим. Естественно, что предвосхитить правоигнорирующую фантазию отдельных личностей невозможно, следовательно, невозможно обойтись и без «резиновой» нормы, позволяющей органам государства наиболее одиозные злоупотребления правом пресекать. Только мудрый право-

применитель в самой сложной ситуации правильно определит степень опасности злоупотребления правом каждым субъектом процесса, успешно разрешит задачу, пользуясь не только тем инструментарием, который ему выделило государство, но и своим правосознанием.

3. Для успешного функционирования механизмов пресечения злоупотребления правом необходимы следующие условия: в каждой отдельно взятой стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы уголовного процесса, роли следователя, прокурора и суда в приведении действующих норм УПК РФ в действие. За судом должны быть закреплены полномочия на творческое применение права, в том числе и международного. У населения страны должно существовать доверие к судейскому корпусу, деятельность судов по пресечению фактов злоупотребления правом должна отличаться ясностью и прозрачностью, Процессуальное законодательство должно содержать совершенный механизм исправления следственных, прокурорский и судебных ошибок.

4. Юридическая «текучка» постепенно выявляет все новые и новые формы злоупотребления правом.

Список источников

1. Приказ Первого заместителя Генерального прокурора РФ, Председателя СК при прокуратуре РФ от 4 мая 2010 года № 47m/n «О привлечении к дисциплинарной ответственности, освобождении от должности и увольнении».
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2017 года № 36-АПУ17-10сс. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 год.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 5-АПУ17-103сс. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 5-АПУ17-103сс.
4. Приговор Суджанского районного суда Курской области от 7 марта 2019 года № 1-1/2019. Архив Суджанского районного суда Курской области за 2019 год.
5. Апелляционное определение Курского областного суда от 15 мая 2019 года № 22-602/2019. Архив Курского областного суда за 2019 год.
6. Белоножкин А. Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
7. Дурново Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ). Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

8. Зайцева С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.
9. Знамеровский Е. В. Административная ответственность за злоупотребления свободой массовой информации. Дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2005.
10. Избрехт П. А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
11. Колоколов Н. А. Последствия саботирования адвокатом процесса с участием присяжных // Уголовный процесс. 2010. № 5. С. 29–31.
12. Колоколов Н. А. Адвокатский бойкот // Адвокатская практика. 2010. № 3. С. 6–8.
13. Колоколов Н. А. Еще раз о праве на «справедливую войну» в судопроизводстве // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 43–48.
14. Колоколов Н. А. Пытка – традиционный метод доказывания // ЭЖ-Юрист. 2012. № 27(730). С. 10.
15. Колоколов Н. А. Уголовная полтика : загадочная очевидность. М., 2014. 218 с.
16. Колоколов Н. А. Адвокат – суду не враг, адвокат – суду помощник // Евразийская адвокатура. 2014. № 2 (9). С. 7–12.
17. Колоколов Н. А. «Великое противостояние» : следователь VS прокурора // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5. С. 9–29.
18. Колоколов Н. А. Как один суд, прокурора защитил // ЭЖ-Юрист. 2014. № 48. С. 8.
19. Колоколов Н. А. Злоупотребление правом на защиту // Закон. 2015. № 7. С. 28.
20. Колоколов Н. А. «Силу следствия» не суду следует демонстрировать, а преступному миру // Юридический мир. 2015. № 9. С. 66–71.
21. Колоколов Н. А. Что следует понимать под злоупотреблением права на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ? В чем суть злоупотребления правом на обжалование // Практика применения УПК РФ / Под ред. Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. 7-е изд., М., 2016.
22. Колоколов Н. А. Адвокатский саботаж и непроцессуальное поведение // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 37–43.
23. Колоколов Н. А. Принципиальность адвоката помогла доказать провокацию взятки // Уголовный процесс. 2018. № 4. С. 88–91.
24. Колоколов Н. А. Можно ли доказать провокацию противоправного деяния // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 74–79.
25. Колоколов Н. А. Злоупотребление правом на обжалование // Уголовное судопроизводство / Под ред. Н. А. Колоколова. В 3-х т., 2019. Т. 2. С. 334–353.
26. Колоколов Н. А. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве // Десятые Бабаевские чтения. Противодействие злоупотреблению правом : теория, практика, техника. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 года) / Под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 58–84.
27. Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1966. Т. 1.
28. Крусс В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Государство и право. 2002. № 7.
29. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : дис. ... док. юрид. наук. М., 2009.
30. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. 2-изд. М., 1952. Т. 1.
31. Офман Е. М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
32. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2007.
33. Смертные приговоры и казни. 2018. Amnesty international – глобальный доклад. 2019.
34. Советников И. В. Злоупотребления правом в избирательном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
35. Чернышев А. Почему извратили закон о валежнике? // Аргументы и факты. 2019. № 3.
36. Чернышев А. Когда отменят наказание за сбор валежника? // Аргументы и факты. 2019. № 5.
37. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005.
38. Ясер Сулейман Хассан Мохамед. Гражданско-правовая защита от злоупотребления в праве России и Йемена. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
39. Яценко Т. С. Категория шиканы в гражданском праве : история и современность. М., 2003.
40. Словарь русского языка. В 4-х т. Изд. 3. М. : АН СССР, Институт русского языка, 1985. Т. 1.
41. Словарь философских терминов. М., 2014.
42. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012.

References

1. Order of the First Deputy Prosecutor General of the Russian Federation, Chairman of the IC under the Prosecutor's Office of the Russian Federation dated

May 4, 2010 № 47/m/n «On bringing to disciplinary responsibility, dismissal and dismissal».

2. Appeal Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 36-APU17-10ss dated April 12, 2017. Electronic archive of the Supreme Court of the Russian Federation for 2017.

3. Appeal Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 5-APU17-103ss dated December 19, 2017. Appeal ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2017 № 5-APU17-103ss.

4. Verdict of the Sudzhansky District Court of the Kursk Region dated March 7, 2019 № 1-1/2019. Archive of the Sudzhansky District Court of the Kursk region for 2019.

5. Appeal ruling of the Kursk Regional Court dated May 15, 2019 № 22-602/2019. Archive of the Kursk Regional Court for 2019.

6. Belonozhkin A. Yu. The content and forms of abuse of subjective civil law. Dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2005.

7. Durnovo N. A. Abuse of law as a special type of legal behavior (theoretical and legal analysis). Dis. ... cand. jurid. N. Novgorod, 2006.

8. Zaitseva S. G. Abuse of law as a legal category. Dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2003.

9. Znamerovsky E. V. Administrative responsibility for abuse of freedom of mass information. Dis. ... cand. jurid. sciences. Khabarovsk, 2005.

10. Izbrekht P. A. Abuse of civil rights in the sphere of entrepreneurial activity. Dis. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2005.

11. Kolokolov N. A. Consequences of sabotage by a lawyer of a trial involving a jury // Criminal trial. 2010. № 5. P. 29–31.

12. Kolokolov N. A. Lawyer boycott // Lawyer practice. 2010. № 3. P. 6–8.

13. Kolokolov N. A. Once again about the right to a «just war» in legal proceedings // Lawyer practice. 2011. № 4. P. 43–48.

14. Kolokolov N. A. Torture – a traditional method of proof // EZH-Yurist. 2012. № 27 (730). P. 10.

15. Kolokolov N. A. Criminal tactics : mysterious evidence. M., 2014. 218 p.

16. Kolokolov N. A. Lawyer is not an enemy to the court, lawyer is an assistant to the court // Eurasian Advocacy. 2014. № 2 (9). P. 7–12.

17. Kolokolov N. A. «The Great confrontation» : investigator VS prosecutor // Library of criminalist. Scientific journal. 2014. № 5. P. 9–29.

18. Kolokolov N. A. As one court, the prosecutor defended // EZH-Jurist. 2014. № 48. P. 8.

19. Kolokolov N. A. Abuse of the right to defense // Law. 2015. № 7. P. 28.

20. Kolokolov N. A. «The power of the investigation» should not be demonstrated to the court, but to the criminal world // Legal World. 2015. № 9. P. 66–71.

21. Kolokolov N. A. What should be understood by the abuse of the right to appeal in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation? What is the essence of abuse of the right to appeal // Practice of application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / Ed. Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev. 7th ed., M., 2016.

22. Kolokolov N. A. Lawyer sabotage and non-procedural behavior // Criminal trial. 2016. № 8. P. 37–43.

23. Kolokolov N. A. The lawyer's integrity helped to prove the provocation of a bribe // Criminal process. 2018. № 4. P. 88–91.

24. Kolokolov N. A. Is it possible to prove the provocation of an illegal act // Criminal process. 2018. № 6. P. 74–79.

25. Kolokolov N. A. Abuse of the right to appeal // Criminal proceedings / Edited by N. A. Kolokolov. In 3 t., 2019. Vol. 2. P. 334–353.

26. Kolokolov N. A. Abuse of law in criminal proceedings // The tenth Babayev readings. Countering the abuse of law: theory, practice, technique. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, May 23–24, 2019) / Edited by V. A. Tolstik, V. M. Baranov, P. V. Vasilyev. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 58–84.

27. Koni A. F. Collected works. M., 1966. T. 1.

28. Kruss V. I. Actual aspects of the problem of abuse of human rights and freedoms // State and law. 2002. № 7.

29. Malinovsky A. A. Abuse of subjective law as a legal phenomenon : dis. ... Doctor of Law. M., 2009.

30. Marx K. Debates about the law on the theft of forests // Marx K., Engel F. *Sobr. Soch.* 2 ed. M., 1952. Vol. 1.

31. Ofman E. M. Abuse of the right by subjects of labor relations. Autoref. dis. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2006.

32. Porotikova O. A. The problem of abuse of subjective civil law. M., 2007.

33. Death sentences and executions. 2018. Amnesty international – Global report. 2019.

34. Advisers I. V. Abuse of the right in the electoral process. Autoref. dis. ... cand. legal sciences. M., 2006.

35. Chernyshev A. Why did they pervert the law on dead wood? // Arguments and facts. 2019. № 3.

36. Chernyshev A. When will the punishment for collecting dead wood be abolished? // Arguments and facts. 2019. № 5.

37. Yudin A. V. Abuse of procedural rights in civil proceedings. SPb., 2005.

38. Yasser Suleiman Hassan Mohamed. Civil law protection against abuse in the law of Russia and Yemen. Dis. ... cand. jurid. sciences. Kazan, 2005.

39. Yatsenko T. S. Category of chicanes in civil law: history and modernity. M., 2003.

40. Dictionary of the Russian language. In 4 volumes of the 3rd Edition. M. : USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language, 1985. Vol. 1.

41. Dictionary of Philosophical Terms. M., 2014.

42. Kont-Sponville A. Philosophical Dictionary. M., 2012.

Информация об авторе

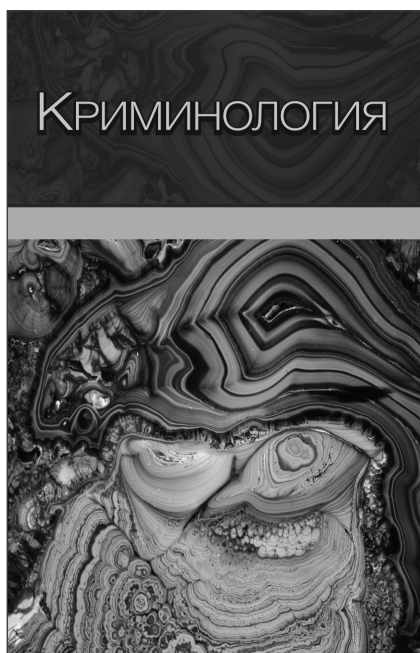
Н. А. Колоколов – заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке).

Information about the author

N. A. Kolokolov – Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Moscow State Pedagogical University, Doctor of Legal Sciences, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (honorary retired).

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 04.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 04.08.2022.

Криминология. 7-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Г. А. Аванесова. 447 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Учебник посвящен изучению криминологии как науки, преступности – как социально-правового явления. Рассматриваются история криминологической науки, методология и методы криминологического исследования; особенности личности преступника и механизм совершения конкретных преступлений, меры их предупреждения, факторный анализ преступности.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, анализируются криминологические особенности и меры предупреждения насильственной, организованной, рецидивной и профессиональной, неосторожной преступности; преступлений против собственности, преступлений в сферах экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин. Приведен словарь криминологических терминов.

Для студентов юридических вузов.

Научная статья

УДК 343.98:347.948.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-142-146>

НИОН: 2015-0066-3/22-346

MOSURED: 77/27-011-2022-03-545

Об организационных аспектах при назначении ситуалогических судебных экспертиз

Дмитрий Александрович Кудряшов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, dima.kudryashov.d@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена ситуалогической судебной экспертизе, которая проводится в рамках комплексного подхода к изучению обстановки места происшествия и всевозможных обстоятельств его совершения.

Приводится содержание понятия ситуалогической судебной экспертизы. Рассматриваются организационные аспекты ее назначения, а также особенности, связанные с ее дальнейшим проведением: определение конкретной сложности; выбор экспертного учреждения; выбор эксперта или комиссии экспертов; формулировка экспертных ситуационных вопросов и т. д. Анализируются отдельные научные экспертно-криминалистические источники и актуальная следственная и судебно-экспертная практика, связанные с назначением ситуалогических экспертных исследований.

Сформулированы наиболее типичные ошибки при назначении ситуалогических экспертиз и раскрыты некоторые особенности взаимодействия различных процессуальных субъектов.

На основании решения вышеуказанных задач, даны практические рекомендации и алгоритм действий следователя или суда при назначении ситуалогических экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, ситуалогическая экспертиза, ситуационные экспертные вопросы, комплексный подход, организационные аспекты

Для цитирования: Кудряшов Д. А. Об организационных аспектах при назначении ситуалогических судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 142–146. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-142-146>.

Original article

On organizational aspects in the appointment and production of situational forensic examinations

Dmitry A. Kudryashov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, dima.kudryashov.d@mail.ru

Abstract. This article is devoted to situational forensic examination, which is carried out as part of an integrated approach to studying the situation of the scene of the incident and all possible circumstances of its commission.

The content of the concept of situational forensic examination is presented. The organizational aspects of its appointment are considered, as well as the features associated with its further implementation: the definition of a specific complexity; the choice of an expert institution; the choice of an expert or a commission of experts; the formulation of expert situational issues, etc. Some individual scientific sources and current investigative and forensic expert practice related to the appointment of situational expert studies are analyzed.

The most typical errors in the appointment of situational examinations are formulated and some features of the interaction of various procedural subjects are disclosed.

Based on the solution of the above tasks, practical recommendations and an algorithm of actions of the investigator or the court when appointing situational examinations are given.

Keywords: forensic examination, situational expertise, situational expert issues, integrated approach, organizational aspects

© Кудряшов Д. А., 2022

For citation: Kudryashov D. A. On organizational aspects in the appointment and production of situational forensic examinations. Bulletin of economic security. 2022;(3):142–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-142-146>.

Постановка проблемы. В последние годы, в связи с возникновением достаточно широкого спектра новых экспертно-криминалистических задач, вызванных ростом отдельных преступлений, наиболее сложных и интеллектуальных по своему характеру, со стороны правоохранительных органов возникли потребности в создании новых видов и родов судебных экспертиз.

Динамично развивающаяся в настоящее время теория судебной экспертизы и судебная экспертология являются основой для выдвижения различных дискуссий и утверждений, как о формировании новых видов и родов судебных экспертиз, так и о расширении отдельных современных направлений специальных экспертных знаний. В частности, выдвижение подобных дискуссионных вопросов связано с постановкой и развитием различного рода аспектов, составляющих и формирующих прогностическую функцию судебной экспертизы. Вместе с тем, данная функция проявляется в дифференциации и интеграции специальных экспертных знаний из различных научных областей.

Следовательно, вышесказанное позволяет судить о допустимости и эффективности реализации в практической экспертно-криминалистической деятельности комплексного подхода в рамках проведения экспертного исследования. Одним из видов судебных экспертиз, позволяющих определять допустимость и эффективность комплексного экспертного исследования, является судебная ситуалогическая экспертиза.

Актуальность постановки проблемы заключается в том, что, несмотря на сформировывающиеся достаточно длительный временной период методологические основы ситуалогической экспертизы не получили своего логического завершения в организационном и методическом аспекте. Подтверждением обозначенной проблематики являются многочисленные, зачастую противоречивые мнения по данному вопросу, которые можно встретить в научной и специальной экспертно-криминалистической литературе.

На практике ситуалогические экспертные исследования часто назначаются и проводятся по автотехническим, судебно-баллистическим, медико-криминалистическим, взрывотехническим и иным экспертизам, которые составляют значительный процент от общего количества проведенных судебных экспертиз.

Анализ последних исследований и публикаций. Тематике исследования криминалистических аспектов и особенностей назначения и организации

производства ситуационных (ситуалогических) судебных экспертиз и экспертных исследований посвящен ряд научных работ. Их авторами являются такие выдающиеся ученые криминалисты и судебные эксперты, как Р. С. Белкин, Т. В. Аверьянова, Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинская, В. Ф. Черваков, Л. Г. Грановский, А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская, В. И. Свалов, А. Ю. Бутырин, В. Д. Исаков, А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев и многие другие. В научных трудах обозначенных авторов подробно рассмотрены отдельные вопросы, связанные с порядком назначения и производства таких судебных экспертиз, а также возможности оценки результатов заключений ситуационных (ситуалогических) судебных экспертиз отдельными процессуальными субъектами.

Необходимо отдать должное проделанной ими работе, однако, как показывает изучение теоретического и эмпирического материала, имеет место ряд проблем и вопросов, связанных с организацией при назначении и производстве ситуалогических экспертиз. Вследствие чего в современной экспертно-криминалистической литературе, с гносеологической точки зрения, до сих пор не сформировалось устойчивого содержания понятия ситуалогической судебной экспертизы.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ данных научных работ, а также судебной и экспертно-криминалистической практики показывает, что на сегодняшний день имеется ряд проблем, связанных с организационными аспектами при назначении и производстве ситуалогических экспертных исследований.

Формулирование целей статьи. Основная цель проведенного исследования заключается в решении актуальной проблематики совершенствования организационных основ ситуалогической экспертизы в процессе ее назначения и производства.

Реализация указанной цели достигается путем разработки комплекса практических рекомендаций по их совершенствованию и использованию результатов проведенных ситуалогических экспертиз в качестве доказательств в судопроизводстве.

Изложение основного материала. Проблематика ситуалогического подхода при производстве экспертных исследований в общей теории судебной экспертизы и судебной экспертологии на протяжении довольно значительного периода времени вызывала множество дискуссий. Не утратила она актуальности и на сегодняшний день.

Проанализировав экспертно-криминалистические научные источники [1, с. 220 и др.] можно заклю-

чить, что на современном этапе развития ситуалогическая судебная экспертиза имеется ряд дискуссионных вопросов, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. К таким вопросам можно отнести:

- отсутствие современной криминалистической классификации решаемых вопросов в рамках производства ситуалогической экспертизы;
- отсутствие универсальной методики проведения ситуалогических судебных экспертиз;
- низкий процент разрабатываемости типовых экспертных методик, которые отображали бы комплексный подход при исследовании конкретных ситуаций.

К вышесказанному можно добавить, что на сегодняшний день существуют и иные проблемы, связанные с организацией и производством ситуалогических экспертиз.

Так, нередко в судебно-экспертной практике при назначении и производстве ситуалогических экспертиз допускаются организационные ошибки, которые влияют на доказательственное значение результатов подобных исследований в судопроизводстве. Во избежание данных ошибок представляется, что следователь, судья или иное лицо (орган) ее назначившие, должны ориентироваться на комплексный характер экспертизы.

По своей сути ситуалогическая экспертиза представляет собой интеграционное экспертное исследование следственной ситуации или ее фрагмента, проводимое в определенном процессуальном порядке, в результате которого устанавливается взаимосвязь между конкретными фактами и определенными условиями механизма происшествия в целом для решения общей ситуационной экспертной задачи [2, с. 90].

Решение такой экспертной задачи представляется возможным только с позиции комплексного подхода к изучению обстановки места происшествия и всевозможных обстоятельств совершения преступления.

В результате исследования ситуации экспертам, помимо детального изучения следов преступления и иных объектов, обнаруженных и изъятых на месте происшествия, необходимо изучить вещную обстановку и на основе результатов анализа всех факторов, влияющих на обстоятельства совершения преступления, делать выводы по конкретным, поставленным на их разрешение вопросам.

В основе судебно-экспертного ситуалогического исследования лежит определение исходной, промежуточных и конечной ситуаций [3, с. 19].

Следовательно, говоря об особенностях проведения ситуалогических экспертных исследований следует отметить, что руководствуясь настоящей экспертной практикой оценки подобных экспертных

заключений в суде, такие экспертные исследования целесообразно поручать одновременно нескольким экспертам, которые обладают разными экспертными специальностями или специализациями. Данное положение заставляет нас рассматривать ситуалогическую экспертизу с позиции комплексной экспертизы.

Эффективность проведения ситуалогической экспертизы закладывается еще на предварительном этапе организационной работы по ее назначению. Для ее эффективного производства следователь или суд при вынесении постановления о ее назначении должны придерживаться определенных рекомендаций по последовательности действий.

Во-первых, необходимо определиться с потребностью назначения данного рода экспертизы. В данном случае следователь или суд должны определить класс, род и вид экспертизы, которую необходимо назначить, т. е. определить экспертные области научного знания и конкретные экспертные специальности, в пределах которых будет проведено ситуалогическое экспертное исследование (например, медико-криминалистическое, автотехническое, химико-баллистическое, химико-трасологическое и другое).

Во-вторых, необходимо сформировать варианты ситуаций с учетом всех имеющихся следственных версий произошедшего события. В данном случае следователю или суду необходимо спрогнозировать возможный результат проведения ситуалогической экспертизы. Под результатом целесообразно понимать определенную совокупность обстоятельств и юридических фактов, имеющую доказательственное значение в судопроизводстве. Ориентация на результат должна всегда предшествовать постановке ситуационных вопросов.

В-третьих, в рамках проверки имеющихся следственных версий необходимо провести работу по объективному закреплению сформированных ранее ситуаций (допросы, осмотры, следственные эксперименты, иные необходимые следственные действия, по возможности, с участием эксперта на месте происшествия).

В-четвертых, сформулировать перечень ситуационных экспертных вопросов. Вопросы, поставленные на разрешение эксперта или комиссии экспертов по средствам исследования ситуации, должны находиться во взаимосвязи друг с другом с целью решения общей интеграционной экспертной задачи. Формулировка ситуационных экспертных вопросов должна быть четкой, по возможности краткой, понятной и основываться на конкретных данных, полученных в ходе предварительного исследования места происшествия.

Допускается постановка общего экспертного ситуалогического вопроса. В данном случае, при необ-

ходимости, заранее возможно организовать проведение комплекса необходимых судебных экспертиз.

В-пятых, следует определиться с местом производства ситуалогической экспертизы. Выбор экспертного учреждения имеет на практике важное значение.

Необходимо подчеркнуть, что следователь или суд вправе назначить производство такой экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов, в рамках их компетенций. При необходимости, возможно, поручить ее производство экспертам разных экспертно-криминалистических подразделений или экспертных учреждений на межведомственном уровне.

В-шестых, вынести постановление о назначении ситуалогической судебной экспертизы.

После вынесения постановления предоставить его в экспертное учреждение – его руководителю, или в распоряжение экспертов. Также вместе с постановлением необходимо представить сопроводительные материалы и по необходимости максимально полные и полноценные следственные материалы. На практике при назначении ситуалогических судебных экспертиз нередко качество и полнота предоставляемых в распоряжение эксперта материалов заслуживают отрицательной оценки [4, с. 148].

Вышерассмотренная последовательность рекомендуемых действий следователя или суда, при назначении ситуационных судебных экспертиз, как с нашей точки зрения, так и с позиций других авторов [5, с. 8] является наиболее оптимальной и закономерной.

Таким образом, следователь или суд должен определить конкретную комплексность ситуалогической экспертизы и соответственно подготовить не только материалы к ее производству, но и решить ряд организационных вопросов, связанных с их передачей. Если имеются, какие либо затруднения, то необходимо проконсультироваться с руководителем судебно-экспертного учреждения или же экспертами, которым поручено проведение данного ситуалогического экспертного исследования.

Выводы из данного исследования и перспективы. Таким образом, все вышерассмотренные положения свидетельствуют о том, что эффективность результата производства ситуалогической судебной экспертизы зависит не только от эксперта или комиссии экспертов, которым поручено ее проведение, но и во многом от следствия или суда, которые ее назначали, а также от уровня их постоянного взаимодействия друг с другом.

Также при назначении ситуалогических экспертных исследований следователь или суд должен четко понимать и осознавать, какие задачи и вопросы способна решать конкретная ситуалогическая экспертиза.

К сожалению, в следственной и судебно-экспертной практике нередко все же имеют место случаи, когда инициатор производства таких экспертиз, подходит к этому вопросу поверхностно, не принимая во внимание отдельные практические рекомендации, а иногда игнорируя их.

Список источников

1. Майлис Н. П. Ситуационная экспертиза: закономерности и перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. № 2 (18). 2010. С. 220–224.
2. Кудряшов Д. А., Гольцев Д. С. К вопросу о соотношении понятий ситуационной и ситуалогической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. И. Шиканова, Иркутск, 10 дек. 2021 г. Иркутск : Изд. дом БГУ, 2021. С. 87–91.
3. Судебная ситуалогическая экспертиза места происшествия : учебное пособие (для ординаторов и аспирантов) / В. Ю. Владимиров, А. В. Ковалев, И. Ю. Макаров, А. Ф. Кинле ; Рекомендовано к изданию Ученым советом ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России (протокол № 3 от 26 сентября 2017 года) как учебное пособие для ординаторов и аспирантов. М. : ООО «Принт», 2017. 55 с.
4. Блиникова Е. Б. Использование возможностей судебной ситуационной экспертизы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 12 (127). С. 145–150.
5. Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений: справочно-информационные материалы / Ч. 3 Назначение медико-криминалистических ситуационных экспертиз. Курск, ОБУЗ «Бюро СМЭ», 2013. 19 с.

References

1. Mailis N. P. Situational expertise : patterns and prospects of development. // Theory and practice of forensic examination. № 2 (18). 2010. P. 220–224.
2. Kudryashov D. A., Goltsev D. S. On the question of the correlation of the concepts of situational and situational expertise // Actual problems of criminalistic provision of disclosure, investigation and prevention of crimes: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, dedicated. in memory of Dr. Yurid. V. I. Shikanova, Irkutsk, 10 Dec. 2021. Irkutsk : Publishing House of BSU, 2021. P. 87–91.
3. Forensic situological examination of the scene of the accident: a textbook (for residents and postgraduates) / V. Y. Vladimirov, A. V. Kovalev, I. Y. Makarov, A. F. Kinle; Recommended for publication by the Academic Council of the Federal State Budgetary

Institution «Russian Center for Forensic Medical Examination» of the Ministry of Health of Russia (Protocol No. 3 of September 26, 2017) as a textbook for residents and graduate students. M. : Print LLC, 2017. 55 p.

4. Blinnikova E. B. Using the possibilities of forensic situational expertise // Bulletin of Tomsk State

Pedagogical University. 2012. № 12 (127). P. 145–150.

5. The use of special medical knowledge in the investigation of crimes : reference and information materials / Part 3 Appointment of medical and forensic situational examinations. Kursk, OBUZ «Bureau of SME», 2013. 19 p.

Информация об авторе

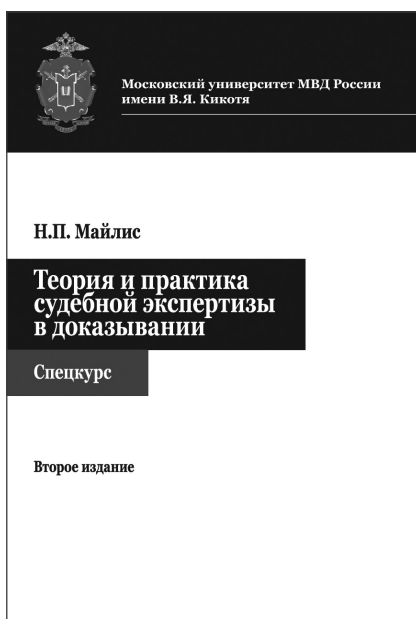
Д. А. Кудряшов – старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. A. Kudryashov – Senior Lecturer of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Майлис Н. П. 255 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

Научная статья

УДК 341.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-147-151>

НИОН: 2015-0066-3/22-347

MOSURED: 77/27-011-2022-03-546

Проблемы реализации права наследования по закону отдельными категориями граждан

Сергей Васильевич Мельник¹, Софья Романовна Коломиец²

^{1,2} Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

¹ m809sv@yandex.ru

² sofiysha02@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы реализации права наследования по закону отдельными категориями граждан. Сделан вывод о том, что государству необходимо разработать более эффективные меры по защите законных прав и интересов несовершеннолетних в области наследования.

Ключевые слова: гражданское право, наследование по закону, обязательные наследники, несовершеннолетние, правопреемство

Для цитирования: Мельник С. В., Коломиец С. Р. Проблемы реализации права наследования по закону отдельными категориями граждан // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 147–151. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-147-151>.

Original article

Problems of realization of the right of inheritance by law by certain categories of citizens

Sergey V. Melnik¹, Sofya R. Kolomiets²

^{1,2} Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russia

¹ m809sv@yandex.ru

² sofiysha02@mail.ru

Abstract. The problematic issues of the implementation of the right of inheritance by law by certain categories of citizens have been considered. It is concluded that the state needs to develop more effective measures to protect the legitimate rights and interests of minors in the field of inheritance.

Keywords: civil law, inheritance by law, mandatory heirs, minors, succession

For citation: Melnik S. V., Kolomiets S. R. Problems of realization of the right of inheritance by law by certain categories of citizens. Bulletin of economic security. 2022;(3):147–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-147-151>.

Наследование опосредует переход прав и обязанностей от умершего к тем наследникам, которые определены по закону или по желанию наследодателя.

Согласно ст. 1110 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) уникальность процесса наследования состоит в том, что имущество переходит наследникам по праву универсального правопреемства, то есть в абсолютно целостном неизменном виде.

В соответствии с действующим гражданским законодательством существует два способа наследования: по завещанию и по закону. При этом, стоит обратить внимание на расположение правовых норм,

регламентирующих два вышеуказанных основания – приоритет законодатель отдает наследованию по завещанию (полагаем, это связано с важностью права на свободу завещания). Однако, необходимо отметить, что и наследование по завещанию, и наследование по закону закреплены в самом нормативно-правовом акте. На основании этого можно сделать логический вывод о том, что «наследование по закону» – термин условный, так как наследование по обоим основаниям осуществляется в соответствии с нормами закона, а также то, что статья 1141 ГК РФ содержит только общие положения в отношении очередности наслед-

© Мельник С. В., Коломиец С. Р., 2022

ников – физических лиц, что является основой актуальности выбранной темы для написания статьи.

Закрепляя неизменные на протяжении многих веков два варианта регламентации отношений, связанных с наследственным правопреемством (наследование по закону и наследование по завещанию), российский законодатель в основу их различия положил волеизъявление умершего, которое направлено на определение посмертной юридической судьбы имущества.

В соответствии с действующими правовыми нормами: если подобное волеизъявление сделано, правопреемство осуществляется по основаниям наследования, которое именуется наследованием по завещанию, а в случае отсутствия – наследованием по закону.

Настоящее законодательство содержит всего лишь общие положения и правила в сфере порядка вступления и принятия наследства по закону. В связи с этим, у отдельных категорий граждан появляются проблемы по осуществлению своих законных интересов. Рассмотрим одну из таких проблем.

Анализируя гражданско-правовые нормы о наследовании по закону, нельзя не затронуть право на наследство обязательных наследников. Закон достаточно четко определяет право на обязательную долю, однако не дает юридической дефиниции «обязательный наследник».

Полагаем, в контексте рассматриваемой проблемы необходимо дать законодательную дефиницию данного понятия. Чтоб быть обязательным наследником необходимо обладать следующими критериями: во-первых, критерий – нетрудоспособность; и второй, критерий – иждивения. Опять же здесь мы встречаемся с терминологической проблемой: закон относит к обязательным наследникам несовершеннолетних детей, однако, несовершеннолетние достигшие 16 лет (да и 14 лет) вполне являются трудоспособными.

Считаем целесообразным на законодательном уровне закрепить дефиницию «обязательные наследники» и внести изменение в соответствующую статью ГК РФ: «Обязательные наследники:

1) несовершеннолетние лица, которые имеют право на долю в наследуемой массе вне зависимости от содержания завещания, обладающие критерием иждивения;

2) физические лица, которые имеют право на долю в наследуемой массе вне зависимости от содержания завещания, обладающие критериями нетрудоспособности и иждивения».

Еще одной проблемой правового регулирования наследования по закону можно назвать дискриминационность нормы о седьмой очереди наследования.

Так, наследование седьмой очереди впервые появилось в современном гражданском праве России

с принятием 3 части ГК РФ. Впервые законодатель учел права лиц, которые не являлись кровными родственниками наследодателю и при этом не были признаны нетрудоспособными иждивенцами. Данный шаг законодателя вызвал множество дискуссий в научной среде, начиная от целесообразности такого шага и заканчивая определенными законодательными упущениями.

Казалось бы, где дискриминационность данной нормы? Хотя сама по себе норма не представляется такой, статья 97 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) гласит нам о том, что при соблюдении определенных условий и решении суда пасынки и падчерицы должны выплачивать определенные алиментные обязательства в пользу нетрудоспособного отчима либо мачехи даже при условии прекращения их брака с их родным родителем [1, с. 223].

Но при этом наследниками даже седьмой, и вообще любой очереди данные граждане признаваться не могут, несмотря на то, что по сути дела, содержали наследодателя по решению суда вследствие своей обязанности. При этом даже права седьмой очереди они на наследования не имеют, хотя их фактические отношения с отчимом либо мачехой не прекратились, а бывшими пасынком или падчерицей их не называет даже Семейный кодекс РФ.

Получается, что в данном случае у одних лиц в пользу других есть только права, а у пасынков и падчериц в пользу отчимов и мачех в данном случае имеются одни лишь обязанности. Налицо, по мнению некоторых специалистов в области наследственного права, нарушение принципа равенства участников отношений, регулируемых гражданским законодательством Российской Федерации, которое является одним из основополагающих принципов гражданского права и указано в статье 1 ГК РФ.

Решение данной проблемы представляется лишь в двух возможных вариантах – либо в корректировке пункта 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» от 29 мая 2012 года [2], либо же, что гораздо более маловероятно, в отмене статьи 97 СК РФ, что менее логично, так как сама по себе данная норма не несет дискриминации и примечательна лишь тем, что сохраняет при разводе родного родителя пасынка либо падчерицы и ее бывшего супруга наименование «пасынок» и «падчерица», но не «бывший пасынок» и «бывшая падчерица».

Также рассмотрим еще некоторые проблемные аспекты наследования по закону, связанные непосредственно с порядком вступления в наследство несовершеннолетних и малолетних.

Многие авторы неоднократно обращали внимание на проблемы в данной сфере, однако, попытки

изменить порядок вступления в наследство несовершеннолетними так и не были предприняты.

Отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ детство находится под защитой государства. Ребенок ввиду своего возраста и из-за незнания многих практических аспектов, а также отсутствия средств и, как следствие, наличия зависимости от родителей, находится в сложном положении, требующем в определенных ситуациях принятия соответствующих мер от государства.

По мнению ряда ученых, малолетние и несовершеннолетние представляют собой отдельную группу лиц, обладающую особым статусом, ввиду чего существует необходимость установления иного законодательного регулирования по отношению к ним [3, с. 42]. Однако, анализируя законодательные положения, мы видим лишь обратное.

Все положения сводятся к тому, что нет никаких отличий между нормативным регулированием отношений наследования совершеннолетних от лиц, не достигших совершеннолетия. Для приобретения наследства наследник должен его принять (ст. 1152 ГК РФ), законом установлены общие способы принятия наследства (ст. 1153 ГК РФ): фактическое и нотариальное (в течение 6 месяцев с момента открытия наследства) (ст. 1154 ГК РФ).

Фактическое принятие наследства в виде квартиры или жилого дома, как правило, представляет собой дальнейшее проживание несовершеннолетним в наследуемом имуществе. Обратим внимание на тот факт, что процесс нотариального принятия наследства для малолетних и несовершеннолетних отличается. Так, если с 14 до 18 лет ребенок может заявить свои права на наследство с согласия законных представителей (ст. 26 ГК РФ), то дети до 14 лет такой возможности не имеют, защита их прав полностью возложена на законных представителей (ст. 28 ГК РФ). От действий законных представителей зависит, будет ли ребенок собственником наследуемого имущества или нет, поскольку право собственности на недвижимое имущество возникает лишь с момента государственной регистрации (ст. 8.1 ГК РФ).

Обращая внимание на нормы закона, отметим, что сегодня ГК РФ в ст. 1167 обязывает соблюдать правила, предусмотренные ст. 37 ГК РФ при наличии несовершеннолетних или малолетних, при составлении соглашения о разделе наследства либо при рассмотрении спора в суде должен быть уведомлен орган опеки и попечительства; ст. 1166 защищает права еще не родившегося, но зачатого наследника. В любом случае ситуация складывается так, что если законные представители не совершили действий для принятия наследства несовершеннолетними и малолетними, то наследникам необходимо обращаться в суд для подтверждения факта принятия наследства.

Анализ судебной практики показывает, что суды приходят к выводу о том, что поскольку наследник совершал действия, свойственные собственнику (отношение имущества как к своему): проживает на наследуемой жилплощади, осуществляет текущие платежи, производит за свой счет расходы на содержание, т. е. фактически принял наследство.

Однако возникает вопрос: как быть, если законные представители вообще не совершают никаких действий для принятия наследства и его последующей регистрации? На практике бывают различные ситуации, когда несовершеннолетний не может по конкретным обстоятельствам проживать на указанной жилой площади (например, после смерти отца ребенок переехал с матерью на другое место жительства) [4]. Так, безразличное отношение законного представителя к вопросу о принятии наследства, ненадлежащее исполнение обязанностей в интересах несовершеннолетних в виде бездействия относительно получения наследства являются причиной [5, с. 33], по которой многие дети не имеют возможности вступить в наследство. На данную проблему обратил внимание А. В. Кегельбан, предложив государству осуществлять надзор за добросовестностью со стороны законных представителей [6].

Проблемам, связанным с принятием наследства малолетними, уделялось внимание еще в 2013–2014 гг., когда Президиум Верховного Суда РФ указал, что бездействия законных представителей является уважительной причиной пропуска срока исковой давности. При этом относительно несовершеннолетних такого положения не существовало до 2018 года, пока Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ не было установлено, что субъективное отношение законного представителя к принятию наследства несовершеннолетним не может являться основанием для отказа в восстановлении срока для принятия наследства при последующем обращении в суд, ввиду отсутствия у такового возможности для реализации своего права [7].

В таком случае мы можем считать, что до достижения совершеннолетия наследник пропустил срок для принятия наследства по уважительным причинам. П. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» указывает, что причина пропуска должна быть уважительной; наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства; требование о восстановлении срока должно быть предъявлено в течение 6 месяцев с момента, когда обстоятельства пропуска отпали [2].

С. А. Клименко такую практику считает положительной тенденцией, способствующей большему числу удовлетворений исковых заявлений [8, с. 161]. В силу специфических субъектов считаем, что таких

мер недостаточно, поскольку, будучи уже совершеннолетними, данные субъекты не могут реализовать свое право поскольку никто не сообщал информацию о том, что он имеет/имел право на имущество наследодателя; истек шестимесячный срок после совершеннолетия; отсутствие знаний в составлении искового заявления, недостаточность денежных средств для его составления и оплаты представительства в суде.

Кроме того, такие положения порождают неоднозначность в их применении, что является недопустимым, и требует принятия соответствующих мер для устранения таковых. Так, например, районным судом г. Севастополя было отказано в восстановлении срока для принятия наследства [9]. Суд решил, что несовершеннолетний возраст не является уважительной причиной, поскольку истица, достигнув совершеннолетнего возраста, не обратилась к нотариусу или в суд (в течение 6 месяцев), не предоставила доказательств существования объективных препятствий, а также об открытии наследства знал законный представитель. По аналогичному делу суд признал уважительной причину пропуска срока принятия наследства ввиду того, что на момент открытия наследства истица была малолетней; ее мать ненадлежащим образом исполняла обязанности законного представителя; после смерти матери у нее появился новый опекун, который и обратился в суд за восстановлением данного срока; шести месяцев с момента смерти матери не прошло (как момент, когда отпало объективное препятствие). Тем не менее, многие скажут, что несовершеннолетние и малолетние находятся под охраной государства, и нет смысла вносить дополнительные гарантии. Однако, к примеру, когда законные представители, одумавшись, пытаются восстановить срок для принятия наследства несовершеннолетним и обращаются в суд, то суды приходят к выводу, что несовершеннолетний возраст не является уважительной причиной пропуска шестимесячного срока для принятия наследства, поскольку законный представитель знала об открытии наследства и не обратилась к нотариусу в виду отсутствия материальной заинтересованности. А поскольку наследница является несовершеннолетней, иск предъявлен законным представителем, который утверждает, что именно несовершеннолетняя является истцом, суд находит ошибочным и отказывает в продлении срока для принятия наследства.

В заключении стоит подытожить, что право на наследование по закону является лишь вторым способом наследования в нашем законодательстве после наследования по завещанию. Таким образом, считаем, что со стороны государства приняты недостаточно эффективные меры по защите прав малолетних и несовершеннолетних в области наследования. Суще-

ствует необходимость в анализе сложившейся ситуации и выработке мер по ее устранению. Исходя из анализа норм права и судебной практики, считаем, что остается неоднозначным вопрос о принятии наследства, а также восстановлении сроков (уважительности обстоятельств) малолетними и несовершеннолетними, что способствует нарушению единого понимания, толкования и применения норм в судебной практике. На практике часто возникают противоположные решения (об отказе или об удовлетворении в восстановлении сроков принятия наследства), поскольку каждый суд по-своему трактует то или иное положение. Однако, такая ситуация, не должна существовать в правовом, демократическом, социальном государстве.

Изменения позволят усовершенствовать уже имеющуюся законодательную базу РФ. Считаем, что статью закона о принятии наследства необходимо дополнить положениями, предусматривающими специальный порядок вступления в наследство несовершеннолетними: «Малолетнее, несовершеннолетнее лицо считаются принявшими наследство автоматически, кроме случаев, когда такое лицо в установленном законом порядке отказалось от наследства».

Список источников

1. Ершова И. В., Исаева А. Б. К вопросу наследования наследниками седьмой очереди // В сборнике : Студенческие научные достижения. Сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. 2019.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
3. Жилиева С. К., Молотков М. С. Сложности вступления и владения наследством несовершеннолетними // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1 (74).
4. Решение Куйбышевского районного суда г. Омска от 20 февраля 2020 по делу № 2-586/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/wYcMM5TxsLJv/> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Шигонина Л. А. Отказ от наследства и правоприменительная практика // Российское правосудие. 2020. № 8.
6. Кигельман А. В. О некоторых проблемах, возникающих в связи с вступлением несовершеннолетних в наследство // Вестник современных исследований. 2018. № 4.1 (19). С. 362–364.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.03.2018

№ 5-КГ17-241 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-27032018-n-5-kg17-241_540877/ (дата обращения: 30.09.2021).

8. Клименко С. А. Особенности участия несовершеннолетних в наследственных правоотношениях // Результаты современных научных исследований и разработок : сборник статей VI Международной научно-практической конференции. 2019.

9. Решение Гагаринского районного суда г. Севастополя от 25 июля 2016 г. по делу № 2-1803/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/BqfGcQsx3RJp/> (дата обращения: 30.09.2021).

References

1. Ershova I. V., Isaeva A. B. On the issue of inheritance by heirs of the seventh stage // In the collection: Student scientific achievements. Collection of articles of the II International Research Competition. 2019.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in inheritance cases» dated May 29, 2012 № 9 (ed. dated 12/24/2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 7.

3. Zhilyaeva S. K., Molotkov M. S. Difficulties of entry and possession of inheritance by minors // Scientific

Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2018. № 1 (74).

4. The decision of the Kuibyshev District Court of Omsk dated February 20, 2020 in case № 2-586/2020 [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/wYcmM5TxSLJv/> (accessed: 30.09.2021).

5. Shigonina L. A. Refusal of inheritance and law enforcement practice // Russian Justice. 2020. № 8.

6. Kigelman A. V. On some problems arising in connection with the entry of minors into inheritance // Bulletin of Modern Research. 2018. № 4.1 (19). P. 362–364.

7. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.03.2018 № 5-КГ17-241 [Electronic resource]. Access mode: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-27032018-n-5-kg17-241_540877/ (accessed: 30.09.2021).

8. Klimenko S. A. Peculiarities of participation of minors in hereditary legal relations // Results of modern scientific research and development : collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference. 2019.

9. The decision of the Gagarin District Court of Sevastopol dated July 25, 2016 in case № 2-1803/2016 [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/BqfGcQsx3RJp/> (accessed: 30.09.2021).

Информация об авторах

С. В. Мельник – профессор кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент;

С. Р. Коломиец – курсант 1907г учебной группы 3 курса ФПС ГИБДД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

Information about the authors

S. V. Melnik – Professor of the Department of Civil Law and Economic Disciplines of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. R. Kolomiets – Cadet of the 1907g study group of the 3rd course of traffic police FPS of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья
УДК 343.92/34.01
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-152-158>
НИОН: 2015-0066-3/22-348
MOSURED: 77/27-011-2022-03-547

К вопросу о совершенствовании деятельности подразделений по охране общественного порядка при осуществлении коммуникаций с маломобильными группами населения и лицами, не обладающими полной дееспособностью

Наталья Васильевна Михайленко¹, Александр Александрович Вихляев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ natamvz@gmail.com

² vih.alexander2011@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам совершенствования сферы коммуникативного взаимодействия подразделений по охране общественного порядка с отдельными категориями граждан, не располагающими возможностями прямого взаимодействия с органами власти в силу нарушений физического или ментального здоровья, а также актуальным аспектам профилактики правонарушений, совершаемых в отношении лиц, не обладающих полной дееспособностью (в частности, несовершеннолетних), в процессе решения основных задач, стоящих перед органами внутренних дел.

Ключевые слова: профилактика, коммуникативная сфера, инвалидность, форма профилактического воздействия

Для цитирования: Михайленко Н. В., Вихляев А. А. К вопросу о совершенствовании деятельности подразделений по охране общественного порядка при осуществлении коммуникаций с маломобильными группами населения и лицами, не обладающими полной дееспособностью // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 152–158. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-152-158>.

Original article

On the issue of improving the activities of units for the protection of public order in the implementation of communications with people with limited mobility and persons who do not have full legal capacity

Natalia V. Mikhaylenko¹, Alexander A. Vikhlyayev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ natamvz@gmail.com

² vih.alexander2011@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the issues of improving the sphere of communicative interaction of public order protection units with certain categories of citizens who do not have the ability to directly interact with the authorities due to violations of physical or mental health, as well as relevant aspects of the prevention of offenses committed against persons who do not have full legal capacity (in particular, minors), in the process of solving the main tasks facing the internal affairs bodies.

Keywords: prevention, communicative sphere, disability, form of preventive influence

For citation: Mikhaylenko N. V., Vikhlyayev A. A. On the issue of improving the activities of units for the protection of public order in the implementation of communications with people with limited mobility and persons who do not have full legal capacity. Bulletin of economic security. 2022;(3):152–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-152-158>.

© Михайленко Н. В., Вихляев А. А., 2022

В соответствии с Федеральным законом «О полиции» деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации.

Профилактика правонарушений недостижима без установления надлежащих коммуникаций с населением, в том числе в области превенции правонарушений в отношении маломобильных групп граждан и лиц, не обладающих полной дееспособностью, как наиболее подверженных риску стать жертвами противоправных действий.

Одним из наиболее инновационных подходов, связанных с проведением мониторинга и профилактики противоправного поведения на территории обслуживания территориального органа МВД России [1], выступает расширение полномочий сотрудников патрульно-постовой службы полиции по осуществлению не только общей профилактики преступлений и административных правонарушений на маршрутах патрулирования, но и осуществление иных мер, направленных на недопущение любых форм противоправного поведения – профилактика безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, в обеспечении профилактических мер в области безопасности дорожного движения, а также применения иных мер профилактики в соответствии с требованиями Приказа МВД России от 13.08.2002 г. № 772 [2], в частности в рамках комплексных оперативно-профилактических мероприятий.

Так, патрульно-постовой службе полиции при проведении комплексных оперативно-профилактических мероприятий стали по сути доступны такие формы профилактики, предусмотренные действующим федеральным законодательством [3], как правовое информирование, профилактическая беседа, социальная адаптация и помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

При этом, под лицами, подверженными риску стать пострадавшими от правонарушений и преступлений, относятся и маломобильные группы населения, а также лица, не обладающие полной дееспособностью (например, лица, ограниченно дееспособные, несовершеннолетние или совершеннолетние лица, которые в силу своего развития не достигли психологического совершеннолетия и др.).

Однако, основными субъектами, способными реализовать указанные формы профилактического воздействия в жилом секторе, выступают инспектора по делам несовершеннолетних и участковые уполномоченные полиции.

Остановимся подробнее на деятельности каждого из перечисленных подразделений.

В последние годы в России увеличилось количество несчастных случаев с участием детей, которых

родители (иные лица, ответственные за воспитание детей) оставляли одних на улице или дома. Нередки случаи, когда в результате такого беспечного отношения родителей дети получали физические увечья и даже погибали.

Статистика детского травматизма по вине взрослых ужасает – в 80 % случаев трагедии происходят в значительной степени по вине родителей.

При этом, во многом указанная статистика относится и к детям, имеющим проблемы с физиологической и ментальной адаптацией.

Зачастую, детей с ограниченными возможностями оставляют одних без присмотра дома, на водоемах, передают на воспитание старшим братьям и сестрам, третьим лицам, не соблюдают правила их перевозки в машине или попросту оставляют в транспортных средствах.

С одной стороны, это может быть обусловлено невнимательностью родителей в связи с усталостью или необходимостью дополнительного трудоустройства, что отражается на времени, уделяемом ребенку взрослым; с другой – уход и воспитание детей с ограниченными возможностями требует постоянного внимания со стороны родителей, дополнительных финансовых и временных затрат, в результате чего многие родители не справляются, вынужденно отстраняясь от контроля за деятельностью несовершеннолетних или поручая их воспитание близким родственникам или третьим лицам.

Не меньшее беспокойство вызывают случаи прессинга подростков с ограниченными возможностями в образовательных учреждениях, со стороны сверстников или иных лиц, с которыми они могут завязать общение.

Так, не секрет, что в силу ограничений, связанных с социальной интеракцией или адаптацией в обществе, многие дети находят способ реализовать свою потребность в общении в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, где становятся жертвами гонений, эмоциональной дискриминации или беспочвенного осуждения со стороны других пользователей.

Результатами подобных случаев могут выступать как селфхарминг (самоистязания, причинение себе физических страданий), так и суицидальное поведение.

При этом, причинами подобного поведения могут выступать как ненадлежащий контроль за поведением ребенка со стороны родителей, так и откровенно противоправные действия со стороны родителей и иных членов семьи или лиц, проживающих совместно, но не являющихся единокровными родственниками (например, сожителей одного из родителей).

Зачастую мотивация подростков, имеющих проблемы с физиологическим или ментальным здоро-

всем, на причинение себе повреждений или при суицидальных действиях может носить как показательный, так и умышленный характер.

Показательный характер выражается в попытке привлечь внимание родителей к себе и своим проблемам, умышленный – в прямом желании уйти из жизни. При этом, несвоевременно предотвращенный показательный акт может повлечь дополнительные негативные последствия (большую травматизацию, психические расстройства) и даже смерть подростка.

Все чаще свое маргинальное поведение, самоистязания или самоубийства подростки выкладывают в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, совершают противоправные действия и суициды в прямом эфире, ведя трансляции в социальных сетях и телеграм-каналах.

В большинстве случаев указанные случаи сопровождались гонениями и издевательствами над подростками.

Безусловно, семьи, где воспитываются несовершеннолетние с ограниченными возможностями должны быть под особым вниманием инспектора по делам несовершеннолетних.

Как следует из общей статистики, проблемы с травматизмом и проблемами психического характера у детей с ограниченными возможностями могут возникнуть не только в неблагополучных семьях, но и в семьях с нормальным достатком и социальной сознательностью родителей.

Основное внимание при взаимодействии с семьями, где воспитываются дети с ограниченными возможностями, инспектор по делам несовершеннолетних должен уделять следующим факторам:

- 1) общему климату в семье;
- 2) обстановке в жилище (достаточно ли соблюдены права ребенка; не ущемляются ли возможности его перемещения по жилищу, прием пищи и иные важные социальные аспекты);
- 3) личностям родителей, близких, родственников и иных лиц, проживающих совместно с несовершеннолетним;
- 4) уровню социальной адаптации подростка (свободно ли он изъясняется в беседе или замкнут при разговоре; испытывает страх перед родителями; общается ли подросток со сверстниками; имеются ли друзья и пр.);
- 5) общему состоянию ребенка (имеются ли у него признаки недоедания, внешние телесные повреждения, способен ли он к передвижению и социальной интеракции);
- 6) окружению семьи (знакомствам родителей; взаимоотношениям с соседями, жильцами дома; наличию негативных отзывов о личностях родителей или совместно проживающих с подростком лиц);

7) исследованию социальной активности подростка в сети Интернет (оценка его интересов, возможностей пользователя, родительский контроль и пр.);

8) исследованию социальной мобильности ребенка в образовательном учреждении и при общении со сверстниками;

9) иным обстоятельствам, которые могут дать информацию о семье и воспитании ребенка с ограниченными возможностями.

При выявлении факторов, которые могут послужить сигналом к притеснениям подростка со стороны членов семьи или общества – принимать незамедлительные меры по недопущению негативных последствий – от непосредственного привлечения к юридической ответственности в рамках должностных полномочий до передачи информации остальным субъектам профилактики – в прокуратуру, органы опеки и попечительства, в образовательные учреждения, службы, оказывающие помощь в социальной адаптации.

Деятельность инспектора по делам несовершеннолетних должна происходить при непосредственном взаимодействии с участковым уполномоченным полиции. Информация, к которой получил доступ инспектор по делам несовершеннолетних, должна незамедлительно поступать в подразделение участковых уполномоченных полиции для принятия комплексных профилактических и административно-юрисдикционных мер.

Так, в соответствии с Инструкцией, утвержденной Приказом МВД России от 29.03.2019 г. № 205 [4], участковый уполномоченный полиции осуществляет комплексные мероприятия, направленные на недопущение безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

Кроме того, участковый уполномоченный полиции осуществляет иные профилактические мероприятия по недопущению противоправного поведения родителей, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, в том числе реализует задачи по профилактике административных правонарушений и преступлений и общей превенции семейно-бытовых преступлений.

Комплексный подход при разрешении вопросов, связанных с профилактикой смертности, травматизма и дискриминации среди несовершеннолетних с ограниченными возможностями, позволит своевременно реагировать на данные факты и обеспечить надлежащую реализацию их прав и свобод.

В свою очередь, с принятием новой Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструк-

ция), существенно расширился функционал и самого участкового уполномоченного полиции по превенции правонарушений с участием лиц с ограниченными возможностями или совершаемых в отношении них.

Прежде всего, подобная реализация стала доступна с четким алгоритмизированием деятельности участкового уполномоченного полиции в процессе реализации им основных форм несения службы.

Внедрение современных информационных технологий в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел позволяет своевременно получать обращения граждан посредством использования каналов видеоконференцсвязи и информационно-телекоммуникационных каналов в сети Интернет (например, общественная приемная на сайте МВД России).

Ресурс «Ваш участковый» позволяет любому заинтересованному лицу получить все необходимые сведения об участковом уполномоченном полиции, осуществляющем оперативно-служебную деятельность, на участке, где проживает лицо, указав в строке поиска лишь свой домашний адрес.

Практика г. Москвы также показывает состоятельность мобильной интеракции участковых уполномоченных полиции с населением посредством служебных телефонных сетей связи. Участковым уполномоченным полиции выделяются служебные смартфоны, позволяющие находиться в постоянном взаимодействии с населением, независимо от того, осуществляет ли участковый уполномоченный полиции прием населения или может ли он в кратчайший срок посетить обратившееся к нему лицо.

Безусловно, указанные возможности существенно упрощают возможности обращения лиц с ограниченными возможностями со своими участковыми уполномоченными полиции.

Отдельно следует сделать акцент на профилактическом обходе административного участка, осуществляемый участковым уполномоченным полиции.

Профилактический обход проводится как самостоятельная форма несения службы участковым уполномоченным полиции, а также в сочетании с формами несения службы – рассмотрением обращений граждан и индивидуальной профилактической работой.

В процессе профилактического обхода участковый уполномоченный полиции посещает жилые помещения в целях общения и установления взаимного доверия с их собственниками и иными гражданами, проживающими в них, и вручает гражданам визитные карточки.

Профилактический обход административного участка позволяет участковому уполномоченному по-

лиции не просто устанавливать контакт с населением, но и наиболее полно получать сведения о проблемах, интересующих или тревожащих их.

Инновационным в данном случае является и включение интеракции участкового уполномоченного полиции с лицами с ограниченными возможностями.

Так, в соответствии с пп. 25.5 и 25.7 Инструкции участковый уполномоченный полиции должен особое внимание уделять информации, полученной в том числе путем визуального наблюдения, общения с гражданами, запроса сведений не только о случаях антиобщественного или противоправного поведения жильцов квартир и домовладений, но и лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми в силу их малолетнего либо престарелого возраста, а также имеющих психические расстройства.

Данная позиция неслучайно была введена в практический функционал участкового уполномоченного полиции.

В последнее время участились случаи мошеннических действий в жилом секторе, совершаемых с применением методики социальной инженерии. Мошенники, пользуясь доверием людей престарелого возраста, а также лиц с ограниченными возможностями, их потребностями в понимании и общении, социальную замкнутость, совершают хищения их денежных средств или получают право на их имущество (например, приобретение права на недвижимое имущество по ложному обещанию присмотра и социальной помощи маломобильным гражданам с использованием услуг «выездных нотариусов»; продажа ложных лекарственных средств, биоактивных добавок по завышенным ценам).

Для профилактики противоправного поведения, совершаемого в отношении рассматриваемой категории лиц участковый уполномоченный полиции обладает широким арсеналом форм профилактического воздействия.

Прежде всего, это правовое информирование населения, в рамках которого участковый уполномоченный полиции доводит до сведения граждан, проживающих на обслуживаемом им административном участке, информацию, направленную на обеспечение защиты их прав и законных интересов от противоправных посягательств, а также о недопустимости совершения преступлений и иных правонарушений и неотвратимости наступления ответственности за совершенное противоправное деяние.

Указанная информация доводится путем размещения ее на информационных стендах, в средствах массовой информации, продукция которых предна-

значена для распространения преимущественно на территории муниципального образования, а также на официальных сайтах информационно-телекоммуникационной сети Интернет территориального органа или органа местного самоуправления.

Также участковый уполномоченный полиции взаимодействует на постоянной основе с территориальными органами, оказывающими помощь в социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями, волонтерскими организациями и центрами социального обеспечения.

Взаимодействие может организовываться как в рамках правового информирования, так и посредством комплексного проведения оперативно-профилактических мероприятий (например, «Подросток: лето» «Безопасный дом, подъезд, квартира» и пр.), в том числе и с привлечением общественных организаций правоохранительной направленности.

Подобная форма профилактики также позволяет повысить:

1) просвещенность населения в вопросах инвалидности и укреплять уважение прав и достоинства лиц с ограниченными возможностями;

2) вести борьбу со стереотипами, предрассудками и вредными обычаями в отношении указанной категории населения, в том числе на почве половой принадлежности и возраста, во всех сферах жизни;

3) пропагандировать их потенциал и вклад в обществе (например, описывать положительные примеры деятельности лиц с ограниченными возможностями, позволившими предотвратить преступления или иные акты противоправного поведения).

Принимаемые с этой целью меры включают разветвление и ведение эффективных общественно-просветительских кампаний, призванных:

1) воспитывать восприимчивость к правам инвалидов;

2) поощрять позитивные представления об инвалидах и более глубокое понимание их обществом;

3) содействовать признанию навыков, достоинств и способностей инвалидов, а также их вкладу в жизнь общества.

Особенное внимание при проведении информационных бесед с населением по проблемам лиц с ограниченными возможностями следует уделять и профилактике заболеваний COVID-19.

С этой целью, в рамках доведения информации следует обращать не только проблематике противоправного поведения на административном участке, но и вопросам профилактики смертности среди указанных категорий граждан (особенно, в период осложения пандемической ситуации).

Подобную информацию можно доводить как лично, в процессе профилактического обхода, так и по-

средством использования мессенджеров и социальных сетей.

Так, положительным можно назвать пример подразделений участковых уполномоченных полиции ГУ МВД России по Московской области. Руководители подразделений организуют общие тематические группы в мессенджерах WhatsApp, Viber и сети Telegram с лицами, нуждающимися в повышенном внимании, где доводят до них оперативно-значимую информацию, а также рекомендации по тому, как не стать жертвами противоправных действий или иные важные сведения, в том числе и связанные с профилактикой коронавирусной инфекции.

Важными в данном аспекте будут выступать:

1) переработка материалов для общественности в легко читаемый формат, чтобы они были изложены доступно для людей с умственной отсталостью или нарушениями когнитивных функций;

2) проработка доступных письменных информационных продуктов, используя соответствующий текстовый формат (такой как «Word») со структурированными заголовками, с крупным шрифтом, с печатью для слепых, а также в соответствующих форматах для слепоглухих;

3) использование функций субтитров в социальных сетях для изображений, при этом изображения должны быть инклюзивны и не вызывать стигматизацию инвалидности.

Немаловажную роль при данной системе профилактики также несут внештатные сотрудники полиции и граждане, оказывающие индивидуальную помощь участковому уполномоченному полиции, с которыми у него установлены доверительные отношения (старшие по домам, старшие по подъездам, инициативные граждане).

Своевременность получения необходимой информации, поможет нивелировать возможность нарушения прав и свобод лиц с ограниченными возможностями из числа населения, проживающего на административном участке.

Так, в качестве положительного примера можно упомянуть практику взаимодействия между ГУ МВД России по г. Москве и общественными пунктами охраны правопорядка (далее – ОПОП). ОПОП, которые размещаются в непосредственной близости с участковыми пунктами полиции, позволяют участковому уполномоченному полиции не просто получать информацию оперативно-значимого характера, но и планировать совместные профилактические выходы с их председателями и иными представителями общественности в жилой сектор. Взаимодействие с населением и, прежде всего, малобольными гражданами и гражданами с низким уровнем социальной адаптации, будет более про-

дуктивным, если в процессе данной интеракции будут участвовать представители общественности, и институт ОПОП в данном сегменте показал свою состоятельность.

Не менее важное значение имеет и институт официального предостережения, перешедший в арсенал участковых уполномоченных полиции с введением его в систему МВД России приказом от 04.03.2020 г. № 119 [5].

В соответствии с п. 35.3 Инструкции участковый уполномоченный полиции может применять в своей оперативно-служебной деятельности форму профилактического воздействия в виде официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Следует отметить, что указанная мера позволяет осуществлять превентивные меры в отношении лиц, которые не являются правонарушителями, но в силу своего асоциального (маргинального) образа жизни, способных стать таковыми.

Данная мера позволяет участковому уполномоченному полиции устанавливать лиц, которые могут совершить противоправные действия в отношении граждан с ограниченными возможностями, и своевременно предупреждать последних о недопустимости подобного поведения.

В случае неисполнения последними изложенных им предписаний участковый уполномоченный полиции вправе применить в отношении указанных правонарушителей не только иные, более строгие меры профилактического воздействия (например, профилактический учет), но привлечь их к административной ответственности в связи с неисполнением законного требования сотрудника полиции.

Рассмотренные в настоящем исследовании меры профилактики правонарушений, совершаемых в отношении маломобильных групп населения и лиц, не обладающих полной дееспособностью, на текущем этапе являются наиболее действенными в арсенале подразделений и служб органов внутренних дел, реализующих непосредственную деятельность по их защите.

Применение комплексного подхода при разрешении указанных методик, в том числе и при проведении оперативно-профилактических мероприятий, позволит сформировать базис в осуществлении коммуникаций с указанными категориями граждан и снизить риски противоправной активности в отношении последних.

Список источников

1. Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации

служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России».

2. Приказ МВД России от 13.08.2002 № 772 «О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России».

3. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ.

4. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности».

5. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости антиобщественного поведения».

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.06.2021 № 495 «On approval of the Instruction on the organization of service activities of the combatant units of the patrol and post service of the Police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia».

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 13.08.2002 № 772 «On improving the organization of complex operational and preventive operations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia».

3. Federal Law «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation» dated 23.06.2016 № 182-FL.

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.03.2019 № 205 «On the service of the district police commissioner in the serviced administrative area and the organization of this activity».

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 119 dated 04.03.2020 «On certain issues of the Announcement by the Internal Affairs bodies of the Russian Federation of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions that create conditions for the commission of crimes of administrative offenses, the resolution of which is attributed to the competence of the police, or the inadmissibility of antisocial behavior».

Информация об авторах

Н. В. Михайленко – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. А. Вихляев – преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. V. Mikhaylenko – Associate Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

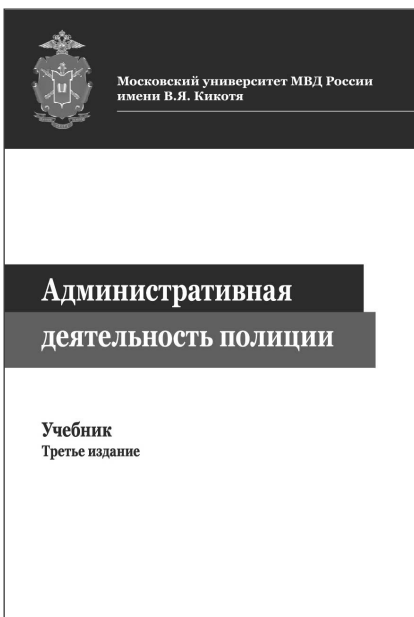
A. A. Vikhlyayev – Lecturer of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Административная деятельность полиции. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардашевского. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья
УДК 343.140.02
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-159-162>
НИОН: 2015-0066-3/22-349
MOSURED: 77/27-011-2022-03-548

Осмысление сущности и социальной обусловленности принуждения в уголовном судопроизводстве

Оксана Валерьевна Мичурина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, okmich@inbox.ru

Аннотация. Предлагается авторское понимание таких важных характеристик уголовно-процессуального принуждения, как его сущность и социальная обусловленность. Делается вывод, что принуждение в уголовном судопроизводстве осуществляется в интересах общества и государства, а равно в публичных интересах уголовного судопроизводства. Вместе с тем, можно считать допустимым только такое принуждение, которое является соразмерным необходимости его применения и не выходит за рамки действующего закона. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности напрямую зависит от соблюдения разумного баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и интересами отдельно взятого участника или другого лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: принуждение, процессуальное принуждение, меры процессуального принуждения, следственные действия, социальная обусловленность

Для цитирования: Мичурина О. В. Осмысление сущности и социальной обусловленности принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 159–162. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-159-162>.

Original article

Understanding the essence and social conditionality of coercion in criminal proceedings

Oxana V. Michurina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, okmich@inbox.ru

Abstract. The author's understanding of such important characteristics of criminal procedural compulsion as its essence and social conditionality is proposed. It is concluded that coercion in criminal proceedings is carried out public interests of criminal proceedings. At the same time, only such coercion can be considered admissible, which is proportionate to the need for its application and does not go beyond the framework of the current law. The effectiveness of criminal procedural activities directly depends on the observance of a reasonable balance between the public interests of criminal proceedings and the interests of an individual participant or other person involved in criminal proceedings.

Keywords: coercion, procedural coercion, measures of procedural coercion, investigative actions, social conditionality

For citation: Michurina O. V. Understanding the essence and social conditionality of coercion in criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2022;(3):159–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-159-162>.

Важным условием существования любого государства является урегулированность нормами права общественных отношений. Эти нормы определяют общеобязательные правила поведения, поэтому должны соблюдаться каждым участником правоотно-

шений. В случае их невыполнения могут наступать неблагоприятные последствия, предусмотренные государственным принуждением. Такое принуждение социально обусловлено интересами общества и государства. Именно они традиционно выступают глав-

© Мичурина О. В., 2022

ным критерием для реализации институтов права, в том числе института государственного принуждения.

Применительно к процессуальному принуждению эти интересы находят свое выражение в создании надлежащих условий для эффективного функционирования уголовного судопроизводства, а также обеспечении должного уровня правовой активности его участников. Без процессуального принуждения требования следователя, дознавателя и суда могут остаться пустой декларацией.

Процессуальное принуждение – достаточно жесткое средство правового воздействия в целях реализации интересов общества и государства, а равно публичных интересов самого уголовного судопроизводства. Тем не менее, практически всеми исследователями признается объективная необходимость его существования в уголовно-процессуальном механизме правового регулирования [1, с. 10; 2, с. 6; 5, с. 5; 6, с. 58–61]. В этой связи, выдающийся ученый процессуалист Л. М. Карнеева, затрагивая в своих исследованиях правовую природу принуждения в уголовном процессе, совершенно справедливо сделала акцент на том, что оно носит не уголовно-правовой, а именно уголовно-процессуальный характер, даже если применяется к лицу в связи с его привлечением к уголовной ответственности [3, с. 15].

Исходя из публично-правовой природы уголовно-процессуальной деятельности, принуждение для нее характерно в большей степени, чем все иные средства и методы правового воздействия. В широком смысле принуждение полностью пронизывает уголовное судопроизводство. Поэтому можно констатировать, что институт принуждения имеет отчетливо выраженный уголовно-процессуальный характер. При этом нами не исключается и его межотраслевая комплексная интеграция. К примеру, положения семейного и гражданского законодательства учитываются для определения круга лиц, призванных обеспечить меру пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в порядке ст. 105 УПК РФ. Наложение ареста на имущество в рамках расследуемого уголовного дела, опосредованно связано с одноименной мерой по обеспечению исполнения судебного постановления, предусмотренной нормами гражданского процессуального права. И та, и другая меры регулируют правоотношения в сфере собственности и связаны с введением ограничений имущественного характера. Несмотря на такую тесную взаимосвязь процессуального принуждения с аналогичными институтами других отраслей права, оно не является производным от них и не теряет своей самостоятельности в силу особого механизма нормативного регулирования.

Внутреннее содержание процессуального принуждения включает совокупность действий и ре-

шений, оказывающих физическое, психическое и имущественное воздействие на лиц, принимающих участие в уголовно-процессуальной деятельности. Такое воздействие имеет определенные правовые ограничения и часто затрагивает основные права, а также свободы человека (право на личную неприкосновенность, свободу передвижения, имущественные права и пр.). Отсюда внешним или объективным его отражением (формами) являются физическое, психическое и имущественное принуждение.

Вполне очевидно также и то, что процессуальное принуждение может иметь место в случаях добровольного исполнения лицом своих процессуальных обязанностей. Отчетливо иллюстрирует такую ситуацию применение принудительного воздействия в виде обязательства о явке в порядке ст. 112 УПК РФ. Эта мера процессуального принуждения носит превентивно-обеспечительный характер, ведь обязательство дается участником уголовного судопроизводства добровольно, а не по причине того, что он отказывается от выполнения законных требований или что-то уже нарушил.

Следует учитывать, что если участники уголовного судопроизводства добровольно выполняют ту или иную обязанность, над ними все равно довлеет перспектива применения более строгой меры, оказывая, пусть не физическое, но психическое воздействие. В этом вся сущность уголовно-процессуального принуждения. И даже разъяснение прав и обязанностей, участвующим в производстве следственных действий лиц, тоже обладает некоторой долей принудительности в силу того, что они должны соблюдать регламент проведения следственного действия, а не действовать свободно, как они хотят. У лица, вовлеченного в уголовно-процессуальную сферу, имеется только одна возможность – выполнять те действия, что следуют из требований закона.

Объем процессуального принуждения, как разновидности государственного принуждения, неоднороден и образует комплекс мер защиты, превентивных мер и мер уголовно-процессуальной ответственности [7, с. 58–67]. Применение этих мер не ставится в прямую зависимость от уголовно-процессуальных правонарушений. Такой подход к содержанию принуждения за многие годы принципиально не изменился, претерпев лишь некоторую терминологическую трансформацию, и считается общепризнанным в науке уголовного процесса.

Говоря об участниках процессуального принуждения, необходимо четко различать тех, на кого оно направлено и тех, кто его применяет. Объектами процессуального принуждения (те, на кого принуждение направлено) могут быть участники уголовного судопроизводства и даже неучастники, то есть любые лица, вовлеченные в уголовно-процессуальную дея-

тельность без статуса. Процессуальное принуждение не применяется к следователю, дознавателю, а также другим должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство. В отношении них реализуются иные меры процессуального воздействия. Примером может служить отмена прокурором незаконных или необоснованных постановлений органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в рамках его надзорных полномочий, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 37 УПК РФ.

Субъекты процессуального принуждения (те, кто принуждение применяет) – это исключительно компетентные государственные органы или должностные лица. Им от лица государства предоставлено право реализовывать властно-распорядительные полномочия в уголовном судопроизводстве. Поэтому не могут быть субъектом применения принуждения потерпевший, защитник или свидетель. Они не обладают соответствующими полномочиями.

Возвращаясь к объектам процессуального принуждения, следует заметить, что таковыми можно считать любое лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальную деятельность, даже такое, которое не имеет официального процессуального статуса. Не случайно правом на обжалование, согласно ст. 123 УПК РФ, обладают не только участники уголовного судопроизводства, но также иные лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Другое дело, что принудительное воздействие на участников уголовного судопроизводства и тех, кто таковыми не считается, на тех, чьи интересы противоречат или не противоречат публичным интересам уголовного судопроизводства, должно быть строго дифференцировано по виду и объему применения.

Регламентированное ст. 91 УПК РФ задержание касается только подозреваемого. И то, с определенной долей оговорки, т.к. эта мера процессуального принуждения скорее необходима для решения не юридической, а фактической проблемы. На момент фактического задержания это будет просто лицо (не подозреваемый), если дословно цитировать ст. 91 УПК РФ. Лишь после доставления такое лицо начинает именоваться в законе подозреваемым. Любая мера пресечения применяется только к обвиняемому (ст. 97 УПК РФ), а лишь в исключительных случаях – к подозреваемому (ст. 100 УПК РФ). Приводу в порядке ст. 113 УПК РФ могут быть подвергнуты подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик, понятой. Денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ) возможно наложить не только на участников уголовного судопроизводства с четко установленным процессуальным статусом (потерпев-

ший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик и понятой), но и на поручителя (ч. 4 ст. 103 УПК РФ), чей статус не имеет такого же полноценного нормативного оформления. Не стоит упускать из вида, что в силу требований ст. 258 УПК РФ денежное взыскание накладывается также и на любое иное лицо, присутствующее в зале судебного заседания и нарушающее его порядок. У этого лица нет процессуального статуса. Нет у него и какого-либо именованного в законе. Кроме того, в ст. 115 УПК РФ прямо указано, что наложение ареста на имущество может применяться не только к подозреваемому, обвиняемому, но и к лицам, которые тоже никаким процессуальным статусом не обладают.

Помимо упомянутой выше нормативной дефиниции «иные лица» в УПК РФ используется еще один неопределенный термин – «другие лица». В ст. 186 УПК РФ речь идет о возможности контроля и записи телефонных и иных переговоров не только подозреваемого или обвиняемого, но и других лиц. Каких именно? Чем должны руководствоваться государственные органы и должностные лица при выборе других лиц для применения в отношении них процессуального принуждения? Единственное, что нам пока видится в толковании используемого законом термина «другие лица» – ими могут быть только те, кто в той или иной мере связан с противоправными действиями подозреваемого, обвиняемого. Эта связь должна быть установлена наличием полученных доказательств.

Совершенно справедливо, что не всякое процессуальное действие, осуществляемое принудительно, относится к мерам процессуального принуждения. Включение в этот перечень всех процессуальных действий, обладающих принудительным характером, весьма затруднительно по вполне объективным причинам – их достаточно много и они весьма разнообразны. Между тем, нами не отвергается тот факт, что не только меры процессуального принуждения, но и другие следственные и процессуальные действия, исходя из упомянутого характера уголовного судопроизводства, могут считаться элементами института процессуального принуждения. К примеру, обыск – принудительное следственное действие, которое не названо в законе мерой процессуального принуждения в силу того, что его цель обусловлена необходимостью собирания доказательств. Подписка же о невыезде является мерой пресечения, хотя физически не получается принудительно, как обыск. Ее цель – обеспечить исполнение процессуальных обязанностей обвиняемым. Помещение в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы ограничивает неприкосновенность личности в не меньшей степени, чем заключение под стражу, но при этом не входит в нормативный перечень мер процессуального принуждения.

Несмотря на то, что следственные и многие процессуальные действия, не считаются мерами принуждения, в них присутствует любая из форм принуждения (физическое, психическое или имущественное). Только, если в процедуре допроса усмотреть их сразу непросто, то в процедуре многих других они проявляются более отчетливо.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что исходя из специфики уголовно-процессуального регулирования, компетентные государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, могут действовать принудительно в целях интересов общества и государства, а равно публичных интересов самого уголовного судопроизводства. Между тем, такая социальная обусловленность не наделяет процессуальное принуждение повсеместным и всеобъемлющим характером по отношению к тем, на кого оно направлено. Следует согласиться с Л. М. Карнеевой относительно выдвинутого ею еще в рамках советского уголовного процесса требования к соблюдению главного критерия, которому должно отвечать производство любого следственного (в том числе процессуального) действия, – этичности [4, с. 23]. В связи с чем, нам представляется совершенно очевидным, что в уголовном судопроизводстве допустимо такое принуждение, которое является соразмерным необходимости его применения и не выходит за рамки действующего закона. Независимо от достигнутого результата, принуждение каждый раз должно прекращаться с завершением процессуального действия.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. Омск : Омская академия МВД России, 2003.
2. Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения : монография / Е. Г. Васильева. Уфа : Изд-во Башкирского государственного университета, 2003.
3. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л. М. Карнеева. М., Юрид. лит., 1971.

Информация об авторе

О. В. Мичурина – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. V. Michurina – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

4. Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования / Л. М. Карнеева. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1976.

5. Кутуев Э. К. Меры принуждения в уголовном процессе. Теоретические и организационно-правовые проблемы : монография / Э. К. Кутуев. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017.

6. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография / К. В. Муравьев. Омск : Омская академия МВД России, 2017.

7. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И. Л. Петрухин. М. : Наука, 1985.

References

1. Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings : monograph / B. B. Bulatov. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003.

2. Vasilyeva E. G. Measures of criminal procedural coercion : monograph / E. G. Vasilyeva. Ufa : Publishing House of Bashkir State University, 2003.

3. Karneeva L. M. Criminal prosecution. Legality and validity / L. M. Karneeva. M., Legal lit., 1971.

4. Karneeva L. M. Tactical bases of the organization and production of interrogation at the stage of investigation / L. M. Karneeva. Volgograd : VSSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976.

5. Kutuev E. K. Coercive measures in criminal proceedings. Theoretical and organizational and legal problems : monograph / E. K. Kutuev. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2017.

6. Muravyov K. V. Measures of procedural coercion – special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization : monograph / K. V. Muravyov. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.

7. Petrukhin I. L. Personal freedom and criminal procedural coercion / I. L. Petrukhin. M. : Nauka, 1985.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-163-168>

НИОН: 2015-0066-3/22-350

MOSURED: 77/27-011-2022-03-549

Роль пресс-служб управлений на транспорте МВД России в формировании общественного мнения по отдельным проблемам авиационной безопасности

Михаил Борисович Молотков¹, Ксения Дмитриевна Маричева²

^{1,2} Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутская область, Иркутск, Россия

¹ molotkovmihail@mail.ru

² marihna2001@gmail.com

Аннотация. Предметом статьи является анализ роли пресс-служб на транспорте МВД России в формировании общественного мнения по вопросам обеспечения безопасности пассажиров в ходе выполнения полета. В центре внимания – пресечение действий «авиадебширов», освещение событий в СМИ. Цель работы состоит в выяснении связи между информацией масс-медиа по фактам правонарушений и процессом правотворчества. Использовались методы сравнительного анализа и синтеза, формально логический, общенаучный диалектический метод. Обоснована целесообразность научной организации информационного сопровождения законодательных инициатив. Результаты исследования предназначены для эффективного решения практических задач в процессе дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования вопросов авиационной безопасности.

Ключевые слова: авиадебш, авиационная безопасность, законодатель, меры принуждения, общественное мнение, пресс-службы управлений на транспорте МВД России, средства массовой информации

Для цитирования: Молотков М. Б., Маричева К. Д. Роль пресс-служб управлений на транспорте МВД России в формировании общественного мнения по отдельным проблемам авиационной безопасности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 163–168. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-163-168>.

Original article

The role of the press services of the transport departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in shaping public opinion on certain problems of aviation security

Mikhail B. Molotkov¹, Ksenia D. Maricheva²

^{1,2} East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

¹ molotkovmihail@mail.ru

² marihna2001@gmail.com

Abstract. The subject of the article is the analysis of the role of the press services on transport of the Ministry of Internal Affairs of Russia in shaping public opinion on the issues of ensuring the safety of passengers during the flight. The focus is on the suppression of the actions of «aircraft rowdy», coverage of events in the media. The purpose of the work is to clarify the connection between the information of the mass media on the facts of offenses and the law-making process. Methods of comparative analysis and synthesis, formally logical, general scientific dialectical method were used. The expediency of the scientific organization of information support of legislative initiatives is substantiated. The results of the study are intended to effectively solve practical problems in the process of further improvement of the legal regulation of aviation security issues.

Keywords: air rowdy, aviation security, legislator, coercive measures, public opinion, press services of transport departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia, mass media

For citation: Molotkov M. B., Maricheva K. D. The role of the press services of the transport departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in shaping public opinion on certain problems of aviation security. Bulletin of economic security. 2022;(3):163–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-163-168>.

© Молотков М. Б., Маричева К. Д., 2022

Вопросы авиационной безопасности, совершенствование нормативного правового регулирования обеспечения безопасности пассажирских перевозок, – объект постоянного внимания государственных органов, авиакомпаний, общественности, депутатского корпуса, исследователей [1, с. 69–73]. Актуальность тематики авиационной безопасности обусловлена рядом причин, в том числе, значением авиации для функционирования социума. Как верно отмечают Л. В. Столбина, О. В. Панфилова, Н. В. Быхтина: «гражданская авиация является одним из существующих видов транспорта, которая обеспечивает потребности граждан в транспортировке» [2, с. 66].

Среди широкого спектра проблем особое внимание ученых обращено на комплексное решение вопросов обеспечения авиационной безопасности непосредственно на борту воздушного судна во время выполнения полета [3, с. 90–95].

Правонарушения, совершаемые пассажирами авиалайнеров, привлекают внимание средств массовой информации (далее – СМИ), получают широкий общественный резонанс¹. Ежегодно регистрируются десятки происшествий различного характера, причиной которых являются противоправные действия пассажиров.

Возможно незначительные, потенциально не влекущие тяжких последствий деликты, совершенные на «земле», на борту воздушного судна, аналогичные действия могут привести к катастрофе, гибели людей. Как точно пишут Н. В. Багуцкий и Д. В. Воронкова: «особую опасность для самолетов, находящихся в воздухе, представляют случаи нарушения пассажирами правил поведения, так называемые случаи «авиадебоширства» [4, с. 56]. Изучение особенностей инцидентов на борту авиалайнеров свидетельствует о системном, интернациональном характере проблемы [5, с. 107].

Потребность в выработке норм права, конкретизирующих полномочия экипажа, позволяющих оперативно реагировать и пресекать правонарушения непосредственно на борту воздушного судна, осознана сравнительно недавно. В ходе круглого стола, состоявшегося в ноябре 2016 года, были высказаны предложения, ряд из которых, получил отражение (конечно, в несколько других формулировках, но с сохранением общего смысла) в последующих новеллах, призванных повысить безопасность пассажиров [6, с. 22–24]. Конструктивные идеи по проблемам

авиационной безопасности высказываются в ходе научных мероприятий².

Анализ предложений, выдвигаемых учеными, представителями авиакомпаний, руководителями государственных структур, другими участниками отрасли, позволяет сделать вывод, что конечным адресатом большинства инициатив, выступает законодатель. Во многом, именно от позиции законодателя, активного включения и участия в правотворческом процессе, зависит как содержание норм, так и сроки принятия закона и вступления в силу.

Законодатель является ключевым, но не единственным субъектом правотворчества. Разработка и принятие закона является сложным общественным процессом, на который оказывают влияние многочисленные факторы, в котором прямо или опосредованно принимают участие различные социальные институты, общественные группы.

Ведущим институтом, оказывающим воздействие на социальные процессы, являются СМИ. Во многом именно СМИ формулируют и устанавливают повестку дня, осуществляют конструирование медиа-реальности [7, с. 113]. Как верно отмечают В. В. Зудаева и Н. В. Бруева, «СМИ имеют огромное влияние на общество, формирование мировоззрения, представления о том или ином явлении и объекте» [8, с. 109].

Игнорировать информационный фон, не считаться с проблемами, освещаемыми СМИ, не возможно. Умение ориентироваться в информационной проблематике, а в ряде случаев, и направлять коммуникационные потоки, важное качество законодателя.

В этом ключе, СМИ являются одним из основных каналов получения законодателем информации о проблемах правового регулирования. Опираясь на сформированное СМИ общественное мнение, законодатель может более эффективно осуществлять продвижение законодательных инициатив. Внесение законопроектов, отвечающих потребностям общества, повышает авторитет конкретного депутата, увеличивает его медиа-узнаваемость, что в современных условиях, становится неотъемлемой, важнейшей характеристикой профессиональной деятельности народного избранника.

Большая роль в формировании информационной повестки, тематики публикаций, применительно к проблемам авиационной безопасности, принадлежит пресс-службам управлений на транспорте МВД России (далее – пресс-служба). Владея информацией, до момента опубликования не всегда известной СМИ, пресс-служба распространяет материалы как информационно-событийного характера, так и материалы,

¹ Авиадебошира в аэропорту Ростова-на-Дону сняли с рейса в Египет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/818291> (дата обращения: 27.01.2022); В аэропорту Платов сотрудники транспортной полиции задержали авиадебошира [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/28163298/> (дата обращения: 27.01.2022) и т. д.

² VII Международная научно-практическая конференция [Электронный ресурс]. URL: <https://белой.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/24428663> (дата обращения: 28.01.2022).

прямо или опосредованно, содержащие проблемные аспекты.

Систематически освещая факты совершения правонарушений на борту воздушного судна, их пресечение сотрудниками полиции, пресс-службы поднимают актуальные вопросы авиационной безопасности, формируют негативное общественное мнение по отношению к поступкам пассажиров-нарушителей. Характер и структура сообщений позволяют аудитории самостоятельно делать выводы о необходимости принятия мер по обеспечению безопасности, в том числе расширения возможностей пресечения противоправных действий непосредственно на борту воздушного судна.

Размещая информацию на ведомственных интернет-сайтах, сотрудники пресс-служб создают условия для оперативного цитирования сообщений об инцидентах на борту воздушного судна журналистами ведущих региональных и федеральных СМИ¹. Проведенный мониторинг СМИ позволяет сделать вывод, что публикации о происшествиях на борту воздушного судна просматривают десятки тысяч пользователей различных интернет-ресурсов.

Распространяя сообщения о происшествиях, журналисты с позитивной стороны оценивают действия экипажа и сотрудников полиции, формируют негативное общественное мнение по отношению к фактам правонарушений и правонарушителям. Регулярные инциденты на борту воздушного судна, в определенном смысле, поддерживают актуальность проблемы.

Анализ правонарушений на воздушных судах, получивших освещение в СМИ, даже за относительно небольшой временной отрезок, показателен и отражает общую тенденцию. Так, с января по май 2021 года на ведомственных интернет-сайтах, а затем и в СМИ, была размещена информация о совершении пассажирами 12 административных правонарушений, 6 из которых совершено в состоянии алкогольного опьянения, 1 в состоянии наркотического опьянения, 5 обусловлены низким правовым и культурным уровнем правонарушителей. Практически все лица привлечены к ответственности по части 1 статьи 20.1.

¹ Супруги из Новосибирска задержаны за нарушение общественного порядка в самолете [Электронный ресурс]. URL: <https://сибфот.мвд.рф/news/item/27360174/> (дата обращения: 12.11.2021); Очередные авиадебоширы задержаны в новосибирском аэропорту [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/83834/> (дата обращения: 12.11.2021); В Новосибирской области транспортные полицейские задержали авиадебошира [Электронный ресурс]. URL: <https://сибфот.мвд.рф/news/item/27360179/> (дата обращения: 12.11.2021); Правоохранители возбудили уголовное дело в отношении авиадебошира в Новосибирске [Электронный ресурс]. URL: <https://ksonline.ru/433431/pravoohraniteli-vozbudili-ugolovnoe-delo-v-otnosheniiaviadeboshira-v-novosibirske/> (дата обращения: 12.11.2021).

КоАП РФ «Мелкое хулиганство». Только по одному эпизоду «авиадебоша» было возбуждено уголовное дело.

Примером позитивного синтеза реальной проблематики, требующей внесения дополнений и изменений в правовое регулирование, сформировавшегося общественного мнения посредством систематической публикации материалов в СМИ и активной деятельности законодателей, следует признать внесение изменений в Воздушный Кодекс Российской Федерации, расширяющих полномочия командира воздушного судна по пресечению правонарушений на борту воздушного судна².

Идеи о предоставлении экипажу самолета права применять физическую силу и спецсредства к нарушителям, ранее выдвинутые учеными [9, с. 41], получили отражение в законодательной инициативе депутата Государственной Думы Российской Федерации А. С. Старовойтова, внесенной в законодательный орган еще 31 октября 2018 года. Законопроект предусматривал расширение полномочий командира воздушного судна по пресечению противоправных действий и наделение экипажа правом применять средства сдерживания.

Обосновывая законодательную инициативу, в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования средств сдерживания на борту воздушного судна», автор ссылается на информацию, предоставленную авиакомпаниями о регулярных случаях нападения и физического воздействия на бортпроводников и пассажиров во время полетов. Народный избранник прав, что «...агрессивное поведение пассажира на борту воздушного судна создает угрозу жизни или здоровью других лиц, а также безопасности полета в целом и требует принятия незамедлительных мер по его пресечению»³.

Отсутствие ссылки на освещение противоправных действий пассажиров в СМИ (в качестве дополнительного аргумента), не преуменьшает роль масс-медиа в постановке и сохранении актуальности проблемы. В СМИ, как правило, размещается информация по наиболее резонансным фактам совершения правонарушений, сопровождающихся агрессивным поведением, оказанием сопротивления сотрудникам полиции при задержании. Достоверной статистикой о фактах «авиадебошей» владеют управления на

² О внесении изменений в Воздушный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383; 2017. № 50. Ст. 7547.

³ О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации (об использовании средств сдерживания на борту воздушного судна). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/577008-7> (дата обращения: 18.12.2021).

транспорте МВД России по федеральным округам и, в большей мере, авиакомпании. Это, на наш взгляд, единственная причина обращения к перевозчикам, как источникам объективной информации.

Итогом обсуждения законодательной инициативы в трех чтениях, стало внесение в ноябре 2021 года изменений в Воздушный Кодекс Российской Федерации, расширяющих полномочия командира воздушного судна по пресечению правонарушений на борту воздушного судна¹. Созревавшие в течение последних нескольких лет в общественном сознании идеи внесения поправок, получили практическое воплощение. Сформированное общественное мнение относительно проблемы, – одна из причин единогласной поддержки законопроекта депутатами Государственной Думы Российской Федерации. Формально представляя собой инициативу депутата, законопроект в момент внесения имел абсолютную поддержку со стороны общественного мнения, подкреплявшего предложение.

На наш взгляд, есть все объективные основания признать пресс-службы в качестве субъекта, опосредовано оказывающего информационную поддержку законодательным инициативам, вырабатывающего коллективное сознание по отношению к общественным проблемам. Приобретая медиа-статус, конкретный законопроект воспринимается в качестве актуального и социально-значимого, что потенциально обеспечивает его более успешное прохождение в законодательных органах.

Всесторонний и объективный анализ процесса прохождения законопроекта, свидетельствует скорее о косвенной роли пресс-служб в его принятии. Это вполне объяснимо. Вопрос обеспечения безопасности на авиалайнере в момент нахождения в воздушном пространстве, не входит в компетенцию полиции. Как верно отмечает Т. С. Сейтмететова, «...на сегодняшний день распределение полномочий в сфере обеспечения авиационной безопасности характеризуется тем, что основные функции делегированы уполномоченным организациям, а органы внутренних дел играют лишь контролирующую и вспомогательную роль» [10, с. 46].

Вместе с тем, значение информации о задержании «авиадебоширов», распространяемой полицейскими пресс-службами, ее воздействие на общественное мнение, не стоит недооценивать.

¹ Госдума одобрила применение пластиковых наручников к авиадебоширам. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cefdc2e9a79473e8acb964b> (дата обращения: 18.12.2021); Против авиадебоширов на борту будут применять средства сдерживания. Это позволит эффективно реагировать на случаи агрессии и своевременно предотвращать возникающие угрозы безопасности на борту самолета. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/52808/> (дата обращения: 18.12.2021).

Рассматривая Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 400-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный Кодекс Российской Федерации» в качестве примера законотворческой деятельности, необходимо отметить, что процесс принятия закона проходил без дополнительного привлечения СМИ, освещения проблемы, взаимодействия депутатов и органов исполнительной власти.

Правомерно выдвинуть гипотезу, что при научной организации «продвижения» законодательных инициатив, положительный результат можно достичь в более короткие сроки. Алгоритм информационно-пропагандистского сопровождения законодательных инициатив, связь между положительным восприятием массовым сознанием положений закона и одобрением проекта депутатами, на примере проблем безопасности дорожного движения, ранее был проанализирован в научной литературе [11, с. 137–139].

Применительно к рассматриваемому законопроекту, результатом работы органа законодательной власти, параллельной деятельности пресс-служб, стало принципиальное расширение полномочий командира воздушного судна, получившего право отдавать распоряжение на применение мер принуждения не только в случае создания непосредственной угрозы безопасности полета воздушного судна, но и в случае угрозы жизни или здоровью пассажиров или членов экипажа. Ключевая новелла – наделение экипажа правом использовать специальные средства сдерживания, размещенные на борту воздушного судна для пресечения противоправных действий².

Закрепив общие положения, законодатель делегировал вопросы конкретизации нормы права, определение порядка действий экипажа, правила применения специальных средств сдерживания органам исполнительной власти. Соответствующие предложения по нормативному правовому регулированию были оперативно вынесены на общественное обсуждение³.

Принятие новой редакции Воздушного Кодекса Российской Федерации, безусловно, не решает всех

² О внесении изменений в Воздушный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383; 2017. № 50. Ст. 7547.

³ Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении порядка действий членов экипажа воздушного судна и сотрудников службы авиационной безопасности эксплуатанта (авиационного предприятия) при пресечении противоправных действий на борту воздушного судна лиц, которые своими действиями создают непосредственную угрозу безопасности полета воздушного судна либо угрозу жизни или здоровью других лиц и отказываются подчиняться распоряжениям командира воздушного судна, а также перечня средств сдерживания, которые размещены на борту воздушного судна, и правил их применения» [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123010> (дата обращения: 29.01.2022).

проблем обеспечения безопасности в ходе выполнения полета, представляя собой один из шагов в направлении ее повышения. Обновление требований к знаниям, умениям, навыкам, уровню физической подготовки сотрудников сил обеспечения транспортной безопасности, вполне логично ожидать в ближайшее время [12, с. 253]. В этом контексте роль пресс-служб в освещении вопросов обеспечения безопасности пассажиров во время полета, будет оставаться актуальной.

Анализ деятельности пресс-служб по освещению тематики авиационной безопасности свидетельствует о размещении сообщений преимущественно информационно-событийного характера, констатации фактов правонарушений, квалификации деяний авиадебоширов, составления процессуальных документов. На наш взгляд, пресс-службы могут расширить формат доведения информации до аудитории. В качестве предложения, следует рекомендовать более активно освещать репортажи «из зала суда» о назначении наказания правонарушителям, организовывать «круглые столы» с привлечением представителей общественности, авиакомпаний, депутатов, по проблемам авиационной безопасности.

Действенными мерами, направленными на предупреждение правонарушений на борту воздушного судна, в той или иной форме ранее высказанными специалистами, является контроль состояния пассажиров, в момент осуществления посадки на борт воздушного судна, запрет употребления алкоголя на борту авиалайнера, отказ обслуживать пассажиров, проявляющих признаки деструктивного поведения.

Ужесточение ответственности за противоправное поведение на борту воздушного судна должно стать дополнительной мерой предупреждения, воздействия на нарушителей, побуждающей воздерживаться от противоправных действий.

Мониторинг СМИ позволил сделать вывод, что наказание, в виде реального срока лишения свободы «авиадебоширам» назначается в единичных случаях. Так, за 2021 год только одному «авиадебоширу» суд постановил приговор, назначив наказание в виде исправительных работ сроком три месяца с отбыванием наказания в колонии-поселении. При этом «авиадебошир» обвинялся по ч. 1 ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» и по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», т. е. статьям, напрямую не связанным с правонарушениями на борту воздушного судна¹.

¹ Суд под Новосибирском приговорил к лишению свободы авиадебошира, напавшего на полицейских [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/incidents/47347522-sud-pod-novosibirskom-prigovoril-k-lisheniyu-svobody-aviadeboshirapavshhego-na-politseyskiyh/> (дата обращения: 29.01.2022).

Поддержав законопроект, законодатель на данном этапе реализовал свою функцию. Проанализировать практику применения закона и будущих подзаконных актов, выявить новые проблемы правового регулирования, требующие решения, внести предложения по совершенствованию законодательства – задача ученых, практиков, всех лиц, неравнодушных к проблеме авиационной безопасности.

Список источников

1. Махина С. Н., Сидоренко А. В. Особенности обеспечения общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на воздушном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3. С. 69–73.
2. Столбина Л. В., Панфилова О. В., Быхтина Н. В. Отдельные аспекты обеспечения авиационной безопасности: международный опыт // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 1. С. 66–72.
3. Красковский Я. Э., Русин И. В. Установление ответственности за авиадебоширство: теория и практика // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 2 (22). С. 90–95.
4. Багуцкий Н. В., Воронкова Д. В. Особенности взаимодействия органов внутренних дел с другими службами и общественными формированиями на объектах воздушного транспорта // Развитие территорий. 2020. № 3 (21). С. 56–61.
5. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Деструктивное поведение пассажира: проблемы противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 106–119.
6. Сергеевич Ю. С., Конюхова А. С. На защите интересов авиапассажиров: обзор круглого стола по общественной безопасности на воздушном транспорте // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 19–24.
7. Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119.
8. Зудаева В. В., Бруева Н. В. Роль СМИ в создании имиджа сотрудника органов внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 108–114.
9. Капитонова Е. А. Пределы ограничений прав граждан в целях обеспечения безопасности на воздушном судне : новеллы российского законодательства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 2 (46). С. 36–43.
10. Сейтмететова Т. С. Субъекты правоохранительной деятельности на воздушном транспорте: общая характеристика // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4 (24). С. 44–51.

11. Молотков М. Б. Подразделения пропаганды безопасности дорожного движения в процессе «продвижения» законотворческих инициатив Госавтоинспекции МВД России // Научный вестник Орловского юридического института имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 135–140.

12. Фролов А. А. К вопросу о правовой природе полномочий по обеспечению транспортной безопасности на объектах воздушного транспорта // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №. 6. С. 249–252.

References

1. Makhina S. N., Sidorenko A. V. Features of ensuring public order and ensuring public safety in air transport // Problems of law enforcement. 2020. No. 3. P. 69–73.

2. Stolbina L. V., Panfilova O. V., Bykhtina N. V. Some aspects of aviation security: international experience // Problems of law enforcement. 2020. No. 1. P. 66–72.

3. Kraskovsky Ya. E., Rusin I. V. Establishing responsibility for air travel: theory and practice // Electronic scientific journal «Science. Society. The state». 2018. Vol. 6. No. 2 (22). P. 90–95.

4. Bagutsky N. V., Voronkova D. V. Features of interaction of internal affairs bodies with other services and public formations at air transport facilities // Development of territories. 2020. No. 3 (21). P. 56–61.

5. Chuchayev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Destructive passenger behavior: problems of counteraction // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 106–119.

6. Sergeevich Yu. S., Konyukhova A. S. On protecting the interests of air passengers: a review of the round table on public safety in air transport // Eurasian Advocacy. 2016. No. 6 (25). P. 19–24.

7. Dyakova E. G. Mass political communication in the theory of setting the agenda: from effect to process // Polis. Political studies. 2003. No. 3. P. 109–119.

8. Zudaeva V. V., Brueva N. V. The role of the media in creating the image of an employee of the internal affairs bodies // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (5). P. 108–114.

9. Kapitonova E. A. Limits of restrictions on the rights of citizens in order to ensure safety on an aircraft : novelties of Russian legislation // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2018. No. 2 (46). P. 36–43.

10. Seitmemetova T. S. Subjects of law enforcement activity in air transport: general characteristics // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (24). P. 44–51.

11. Molotkov M. B. Units of road safety propaganda in the process of «promoting» legislative initiatives of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute named after V.V. Lukyanov. 2021. No. 2 (87). P. 135–140.

12. Frolov A. A. On the issue of the legal nature of the powers to ensure transport security at air transport facilities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 6. P. 249–252.

Информация об авторах

М. Б. Молотков – доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат философских наук;

К. Д. Маричева – курсант 3 курса факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России.

Information about the authors

M. B. Molotkov – Associate Professor of the Department of Administrative Law and administrative activities of the Department of Internal Affairs East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences;

K. D. Maricheva – third year cadet faculty of training investigators and forensic experts of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья

УДК 343.98.06

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-169-172>

NPON: 2015-0066-3/22-351

MOSURED: 77/27-011-2022-03-550

Использование современных информационных технологий в производстве трасологических экспертиз и исследований

Ирина Олеговна Несмиянова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nesmiyanova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются возможности использования современных информационных технологий при производстве трасологических экспертиз и исследований. Приводятся понятия: «информационные технологии в судебно-экспертной деятельности», «цифровая модель». Описываются особенности применения 3D-технологий при исследовании трасологических объектов, а также возможности использования полученной информации в процессе доказывания.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, информационные технологии, сканирование, следы обуви, идентификация, цифровая модель

Для цитирования: Несмиянова И. О. Использование современных информационных технологий в производстве трасологических экспертиз и исследований // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 169–172. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-169-172>.

Original article

The use of modern information technologies in the production of tracological examinations and research

Irina O. Nesmiyanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nesmiyanova@yandex.ru

Abstract. The possibilities of using modern information technologies in the production of tracological examinations and research are considered. The concepts are given: «information technologies in forensic activity», «digital model». The features of the application of 3D technologies in the study of tracological objects are described, as well as the possibility of using the obtained information in the proof process.

Keywords: tracological examination, information technology, scanning, shoe tracks, identification, digital model

For citation: Nesmiyanova I. O. The use of modern information technologies in the production of tracological examinations and research. Bulletin of economic security. 2022;(3):169–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-169-172>.

Постановка проблемы. В настоящее время информационные технологии проникают во все сферы жизнедеятельности людей. Научно-технический прогресс позволяет повсеместно использовать технические средства, программное обеспечение, которые, в свою очередь, модернизируют работу пользователя, тем самым способствуют повышению производительности труда, давая возможность добиться более качественных результатов в сжатые сроки. Деятельность современного человека во многом зависит от получения сведений с помощью информационных

технологий. Актуальность их применения очевидна и на государственном уровне, принимаются государственные программы, посвященные информационному развитию общества [1]. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, которая определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных технологий, направленных на развитие информационного общества, формирование

© Несмиянова И. О., 2022

цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Так процесс интеграции информационных технологий во все сферы жизни не обошел стороной и деятельность правоохранительных органов, совершенствуется арсенал научно-технических средств, методов и приемов. Совершенствование технических средств и методов, используемых при раскрытии и расследовании преступлений, невозможно без интеграции новых информационных технологий в криминалистику и судебную экспертизу. Так, благодаря научно-техническому прогрессу появились новые способы применения информационных технологий в качестве средства повышения эффективности информационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, что диктует необходимость добиваться их интеграции в различные направления судебно-экспертной деятельности.

В настоящее время трасологическая экспертиза считается востребованной традиционной судебной экспертизой, и, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, уверенно занимает второе место по количеству проведенных исследований за последние пять лет¹. Однако исходя из указанных данных очевидно, что количество идентификационных трасологических экспертиз, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, уменьшается. Кроме того, требуют своего совершенствования правовые, организационные и методические вопросы, связанные с применением информационных технологий при исследовании объектов судебных экспертиз, в том числе и трасологических.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение возможностей и поиск решения правовых проблем применения информационных технологий в производстве различных видов экспертных исследований активизировались во второй половине XX в. Среди них Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, В. Б. Вехов, Г. Л. Грановский, Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинская, М. Я. Сегай, А. Р. Шляхов, Л. Г. Эджубов, А. А. Эйман и др.

На монографическом уровне данная проблематика рассматривалась в трудах Т. В. Толстухиной, А. В. Ростовцева, А. А. Прозорова, Д. И. Немчина, Р. В. Бондаренко, Е. В. Ивановой, А. С. Яковлевой.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ работ, посвященных рассматриваемой проблеме показал, что на современном этапе не в полной мере изучены особенности применения

информационных технологий в судебной трасологии, такие как 3D-микроскопия, 3D-сканирование, использование программных комплексов, а также выявлены проблемы процессуального характера в отношении информации, полученной с применением современной техники.

Формулирование целей статьи. Целью исследования является анализ возможностей применения современных технологий в производстве трасологических экспертиз и исследований, обоснование предложений по использованию цифровой модели в качестве доказательств по делу.

Изложение основного материала. Становление и развитие судебной экспертизы было неразрывно связано с достижениями в области науки и техники. Достаточно давно в истории судебной экспертизы отмечается обращение правосудия к помощи науки и техники. Субъекты расследования, судьи для разрешения ряда вопросов обращались к сведущим лицам, которые приглашались для установления различных обстоятельств по делу.

В судебно-экспертной деятельности на современном этапе, в связи с применением информационных технологий, совершенствуются тактические средства, методы, приемы при исследовании различного рода объектов судебных экспертиз. С нашей точки зрения, в условиях современной жизни существует возможность и необходимость внедрения информационных технологий в общую теорию судебной экспертизы. Существует множество определений информационных технологий в различных областях научного знания. Рассмотрев различные категории данного понятия, мы хотим предложить авторское определение информационных технологий в судебно-экспертной деятельности, под которым понимается комплекс программ, специальных экспертных средств, методов и приемов, направленных на сбор, хранение, обработку и анализ поступающей информации, с целью установления фактических данных (обстоятельств) расследуемого события.

На основе данного определения можно выделить следующие задачи:

- первая группа задач связана с деятельностью эксперта и направлена на получение информации;
- вторая группа задач связана с передачей информации;
- третья группа задач связана с обеспечением технологичности информационного производства судебных экспертиз.

В данной статье рассмотрим особенности исследования следов обуви с применением 3D-сканирования [2; 3]. С помощью ручного сканера VT LASER были получены цифровые трехмерные модели.

Алгоритм работы эксперта при трасологическом исследовании следа обуви с помощью данного

¹ Сводный отчет «О работе Экспертно-криминалистического центра» за 2015–2020 гг. ФКУ «ГИАЦ МВД России». Форма «1-НТП».

3D-сканера продемонстрируем по следующим этапам: подготовительный; основной практический; технологический; заключительный.

Подготовительный этап. На данном этапе эксперту необходимо подготовить объект к сканированию, т. е. при необходимости очистить объект от каких-либо загрязнений, произвести матирование поверхностей объекта, подлежащего сканированию, а также выбрать конкретный сканера, от которого зависит технология сканирования (производитель сканирование «по геометрии» или с использованием «маркеров»).

Далее необходимо определить зоны сканирования и произвести калибровку 3D-сканера. 3D-сканер может иметь одну или несколько зон сканирования. Поэтому эксперту рекомендуется осуществить выбор зоны сканирования, которая зависит от размеров исследуемого объекта и требуемых параметров точности и детализации. Также на данном этапе эксперту необходимо провести калибровку сканера, а при выборе нескольких зон сканирования желательно проводить калибровку перед сканированием каждой зоны исследуемого объекта.

Основной практический этап. Этот этап характеризуется получением достаточного количества цифровых копий исследуемого объекта. Перед тем как приступить к сканированию, эксперту рекомендуется предварительно продумать, сколько потребуется сделать цифровых изображений и с каких ракурсов. Их качество эксперт контролирует в процессе сканирования, при необходимости действия можно повторить заново.

Технологический этап. На данном этапе в специализированном программном комплексе происходит «сшивка» полученных цифровых изображений. Эксперту рекомендуется использовать автоматическую или полуавтоматическую сшивку, в результате чего получается полигональная модель в формате stl.

Заключительный этап характеризуется обработкой результатов полученной stl-модели. Полученную цифровую трехмерную модель эксперт изучает в специальной программе и в ней же проводит различные измерения. Кроме того, для иллюстрации решения идентификационной задачи наряду со сканированием представленного на исследование следа обуви в лабораторных условиях необходимо отсканировать и экспериментальные следы. Полученная цифровая модель следа обуви, представленного на исследование, в программе назначается эталоном, и автоматизировано происходит сравнение эталона с цифровой моделью, полученной с экспериментального следа. Результатом чего является цветовая картина отклонений (зеленым цветом выделяются совпадающие поверхности, красным и синим – максимальные отклонения).

Выводы из данного исследования и перспективы.

Несмотря на то, что в уголовном процессе все чаще используются современные информационные технологии, вопросы, связанные с возможностью использования 3D-моделирования, в том числе с целью презентации доказательств, остаются. Так, в заключении эксперта должны быть отражены используемые информационные технологии, с помощью которых происходило исследование объекта (например, трехмерные технологии).

Таким образом, при исследовании трасологических объектов, актуальными остаются вопросы применения при производстве экспертиз 3D-технологий. В результате такого применения получается цифровая трехмерная модель. В связи с чем, считаем, что полученная в электронном виде 3D-модель является материалом, иллюстрирующим заключение эксперта. В связи с этим мы полагаем возможным предложить авторское определение цифровой модели. Цифровая модель – объектно-ориентированная параметрическая модель, выполненная в масштабе 1 : 1, воспроизводящая в цифровом виде физические и прочие особенности объекта (следа), созданная для решения прикладных задач.

При невозможности включения цифровой модели в качестве иллюстрационного материала к заключению эксперта, с нашей точки зрения, целесообразным было бы представить скриншот полученной цифровой модели с экрана компьютера с применением функции PrtSc. В связи с этим считаем, что полученный скриншот содержит необходимую информацию об объекте исследования и его возможно приравнять к цифровому фотоснимку и считать частью иллюстрационной таблицы.

Список источников

1. Цифровая экономика Российской Федерации; Информационное общество [Электронный ресурс]: сайт Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.
2. Беляев М. В. К вопросу о фиксации объемных следов на месте происшествия / М. В. Беляев // сб. науч. тр. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2018. С. 24–31.
3. Несмиянова И. О. Современные методы фиксации и изъятия трасологических следов как эффективное средство идентификации личности / И. О. Несмиянова // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 239–243.

References

1. Digital Economy of the Russian Federation; Information Society [Electronic resource]: website of

the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858> //.

2. Belyaev M. V. On the issue of fixing volumetric traces at the scene / M. V. Belyaev // collection of scientific tr. Moscow University of the Ministry of

Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. 2018. P. 24–31.

3. Nesmiyanova I. O. Modern methods of fixation and removal of tracological traces as an effective means of identification / I. O. Nesmiyanova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 6. P. 239–243.

Информация об авторе

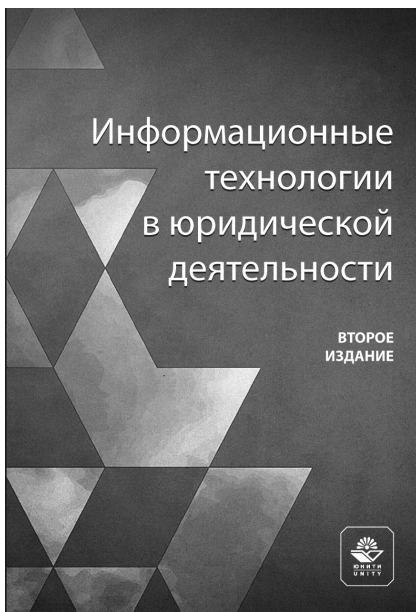
И. О. Несмиянова – преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. O. Nesmiyanova – Lecturer of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления

утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-173-176>

НИОН: 2015-0066-3/22-352

MOSURED: 77/27-011-2022-03-551

О проблемах регулирования административного судопроизводства в Российской Федерации

Анатолий Юрьевич Олимпиев

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия,

a.olimpiev@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства об административном судопроизводстве Российской Федерации обосновано несколько суждений: правовой основой для выделения административного судопроизводства является Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.; в иных нормативных правовых актах, по юридической силе приравненных к федеральным законам РФ (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г., Федеральный закон РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г.) лишь конкретизировано содержание административного судопроизводства; административное судопроизводство может рассматриваться в качестве деятельности судов общей юрисдикции при рассмотрении дел об административных правонарушениях; понятия «административное судопроизводство» и «административное правосудие» могут рассматриваться как род и вид; всякое административное правосудие является административным судопроизводством, но не всякое административное судопроизводство может рассматриваться административным правосудием.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный закон РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г., Федеральный закон РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г., административный процесс, административное судопроизводство, административное правосудие

Для цитирования: Олимпиев А. Ю. О проблемах регулирования административного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 173–176. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-173-176>.

Original article

On the problems of regulation of administrative proceedings in the Russian Federation

Anatoliy Yu. Olimpiyev

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia,

a.olimpiev@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on administrative proceedings of the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: the legal basis for the allocation of administrative proceedings is the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993; in other normative legal acts, legally equivalent to the federal laws of the Russian Federation (the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 20, 2001, the Federal Law of the Russian Federation «Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation» of February 20, 2015), the content of administrative proceedings is only specified; administrative proceedings can be considered as the activity of courts of general jurisdiction when considering cases of administrative offenses; the concepts of «administrative proceedings» and «administrative justice» can be considered as a kind and kind; any administrative justice is administrative proceedings, but not all administrative proceedings can be considered by administrative justice.

© Олимпиев А. Ю., 2022

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, Federal Law of the Russian Federation, Code of Administrative Offences of December 20, 2001, Federal Law of the Russian Federation «Code of Administrative Procedure of the Russian Federation» of February 20, 2015, administrative process, administrative proceedings, administrative justice

For citation: Olimpiev A. Yu. On the problems of regulation of administrative proceedings in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(3):173–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-173-176>.

Предметом данной статьи являются административное судопроизводство и его регулирование в Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, Е. А. Несвит фактически осуществил «поиск средств повышения аутентичности административного судопроизводства в системе российского процессуального права» (Изложенное свидетельствует о том, что административное судопроизводство в России имеет свои перспективы развития в части расширения категорий дел. Этот потенциал реализуется уже сегодня и может быть реализован более. Для этого на основании теории административного права возможно достаточно однозначно определить особенности административно-правового спора и на этом основании провести ревизию существующих категорий споров на предмет их соответствия признакам административно-правового спора с последующим отнесением к рассматриваемым по правилам административного судопроизводства. Описанные шаги ведут к повышению аутентичности административного судопроизводства в системе процессуального права»; «Раскрытое выше тяготение отдельных публично-правовых споров к административно-правовым едва ли возможно, да и следует ли скрывать либо игнорировать, оно существует объективно. Как известно, закон должен соответствовать уровню и степени развития общественных отношений. Такое объективное соответствие выступает одним из средств, обеспечивающих развитие взаимопонимания и взаимоуважения в профессиональной сфере, укрепление взаимосвязи между гражданским обществом и государством, и является залогом развития государства и общества») [1].

Ю. Н. Старилов рассмотрел «дискуссионные вопросы, связанные с выяснением процессуально-правового потенциала и юридического значения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (2015) в структуре российского процессуального законодательства, в механизме реализации судебной власти в стране, создании системы надлежащей защиты прав, свобод, законных интересов физических лиц и организаций» («При этом целесообразно установление в тексте Конституции РФ (во 2-й главе) и основных принципов административных процедур. На первый взгляд может показаться излишним включение в текст Конституции РФ норм о соблюде-

нии государственными органами и должностными лицами основных правил принятия административных правовых актов, учитывая, что в будущем будет принят Закон «Об административных процедурах». Думается, именно конституционно-правовая норма о необходимости правовой регламентации административных процедур обязывала бы законодателя разработать и принять Закон «Об административных процедурах») [2].

Л. А. Терехова отмечает следующее: «Перспективы дальнейшего развития административного судопроизводства представляются весьма неопределенными в связи с высокой долей непредсказуемости в законодательном процессе. Наиболее опасным видится возможное движение административного судопроизводства в сторону производства по делам о привлечении к административной ответственности» («В заключение хотелось бы еще раз отметить, что целью настоящей работы было привлечение внимания к существующей опасности сращения КАС и КоАП через новое понимание «административного судопроизводства», лишения общества в целом механизма контроля за действиями и решениями государственных органов, должностных лиц, осуществляемого в гражданской процессуальной форме.

Энтузиазм строителей «новой» отрасли права понятен. Действительно, не каждый день появляется возможность создания новой отрасли. Вот только отталкиваться при этом от сомнительного решения законодателя, поощрять законодателя к совершению новых ошибочных действий вряд ли продуктивно. Создание административно-процессуальной формы, к чему призывают некоторые ученые, может иметь опасные последствия, если эта форма «похоронит» цивилистическую составляющую») [3].

Многообразие суждений ученых во многом предопределяется и несовершенством законодательства об административном судопроизводстве и в особенности о доказывании в административном процессе [подробнее об этом, например: 4; 5; 6].

Исчерпывающий перечень видов судопроизводства регламентирован в части 2 ст. 118 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.¹ («2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного,

¹ См.: РГ. 2020. 4 июля.

гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»).

Положения части 2 ст. 118 Конституции РФ относительно административного судопроизводства детализированы в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г.¹ (введен в действие с 1 июля 2002 г.²), по юридической силе приравненного к федеральному закону РФ. В ст. 1.1 КоАП фактически определено содержание термина «законодательство об административных правонарушениях»: «1. Законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. 2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, то применяются правила международного договора». Раздел IV КоАП посвящен доказыванию в административном процессе («Задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений» – ст. 24.1).

20 февраля 2015 г. Государственной Думой ФС РФ был принят Федеральный закон РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»³, в котором имеется глава 6 «Доказательства и доказывание» («1. Доказательствами по административному делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела. 2. В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в том числе путем использования

систем видеоконференц-связи, а также письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов. 3. Доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда» – ст. 59).

Таким образом, научные исследования относительно административного судопроизводства и соотношения его с иными видами судопроизводства в Российской Федерации необходимо продолжить.

Список источников

1. Несвит Е. А. Административное судопроизводство : от сущности к расширению категорий дел // Российский судья. 2019. № 3. С. 17–22.
2. Стариков Ю. Н. Административное судопроизводство и административные процедуры : к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 7–23.
3. Терехова Л. А. Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 30–50.
4. Волкова В. В., Хахалева Е. В., Галузо В. Н. Административный процесс : учебное пособие для студентов вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010.
5. Эриашвили Н. Д., Галузо В. Н. Состояние и перспективы развития законодательства Российской Федерации о доказывании в административном процессе // Международный журнал «Актуальные проблемы административного права и процесса». 2019. № 1. С. 99–103.
6. Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации : монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. Н. Галузо. М. : ТЕИС, 2021.

References

1. Nesvit E. A. Administrative legal proceedings : from the essence to the expansion of categories of cases // Russian judge. 2019. № 3. P. 17–22.
2. Starilov Yu. N. Administrative proceedings and administrative procedures: towards systemic interaction and an appropriate level of legal regulation // Administrative law and process. 2018. № 3. P. 7–23.
3. Terekhova L. A. Drift of administrative proceedings // Bulletin of Civil Procedure. 2020. № 3. P. 30–50.
4. Volkova V. V., Hahaleva E. V., Galuzo V. N. Administrative process: a textbook for University students. M. : YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2010.
5. Eriashvili N. D., Galuzo V. N. The state and prospects of development of Russian legislation on

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5114.

² См.: О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : ФЗ РФ от 20.12.2001 г. // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 2.

³ См.: СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; ...; 2021. № 18. Ст. 3059.

evidence in the administrative process // international journal «Actual problems of administrative law and process». 2019. № 1. P. 99–103.

6. Proving in law enforcement through justice in the Russian Federation : monograph. 5th ed., ispr. and add. / Edited by V. N. Galuzo. M. : TEIS, 2021.

Информация об авторе

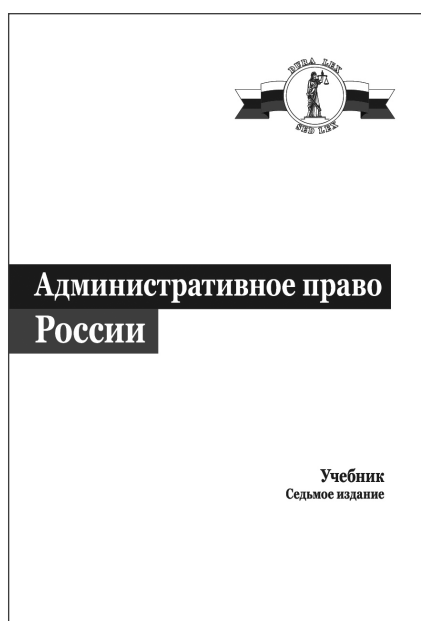
А. Ю. Олимпиев – профессор кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор исторических наук, кандидат юридических наук,

Information about the author

A. Yu. Olimpiev – Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Justice of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Административное право России. 7-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, Н. В. Румянцева. 744 с. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Серия «Dura lex, sed lex».

В учебнике предложено оригинальное видение предмета административного права, механизма административно-правового регулирования общественных отношений, во многом отличающееся от стереотипов, сложившихся в административно-правовой науке в течение многих десятилетий. Особое внимание уделено таким малоизученным вопросам административного права, как особенности административно-правового статуса организаций (в том числе государственных учреждений, должностных лиц), основы правоохранительной службы, административно-правовые действия, методы осуществления административной деятельности, основы теории административно-публичного обеспечения безопасности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-177-184>

НИОН: 2015-0066-3/22-353

MOSURED: 77/27-011-2022-03-552

Особенности противодействия налоговым преступлениям, совершаемым путем применения схем «дробление бизнеса»

Анатолий Николаевич Панкратьев¹, Анатолий Васильевич Богданов², Евгений Николаевич Хазов³

¹ Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, Москва, Россия, a.pankratev@gmail.com

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

³ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Москва, Россия, evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы противодействия налоговым преступлениям, совершаемым путем применения схем «дробление бизнеса». Приводятся примеры, и анализируется судебная практика противодействия налоговым преступлениям сфере уплаты налогообложения. Формулируются основные организационные и правовые проблемы обеспечения экономической безопасности в налоговой сфере.

Ключевые слова: налоговая преступность, налоговые мошенничества, применения схем «дробление бизнеса», судебная практика в сфере налоговой преступности, противодействие налоговым преступлениям

Для цитирования: Панкратьев А. Н., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Особенности противодействия налоговым преступлениям, совершаемым путем применения схем «дробление бизнеса» // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 177–184. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-177-184>.

Original article

Features of countering tax crimes committed by applications of «business fragmentation» schemes

Anatoly N. Pankratiev¹, Anatoliy V. Bogdanov², Evgeniy N. Khazov³

¹ Main Directorate of Economic Security and Counteraction of Corruption of the Interior Ministry of Russia, Moscow, Russia, a.pankratev@gmail.com

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

³ Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The topical issues of countering tax crimes committed through the use of «business fragmentation» schemes have been considered. Some examples have been provided and the judicial practice of countering tax crimes in the field of taxation has been analyzed. The main organizational and legal problems of ensuring economic security in the tax sphere are formulated.

Keywords: tax crime, tax fraud, application of «business fragmentation» schemes, judicial practice in the field of tax crime, countering tax crimes

For citation: Pankratiev A. N., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Features of countering tax crimes committed by applications of «business fragmentation» schemes. Bulletin of economic security. 2022;(3):177–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-177-184>.

Специальные налоговые режимы предоставляют налоговые преимущества в виде сниженных налоговых ставок для субъектов малого бизнеса, в связи, с чем их применение ограничено рядом экономических показателей, выход за рамки которых

означает утрату права применять подобный режим [1, с. 179]. Недобросовестные налогоплательщики фиктивно создают несколько организаций, на которые перераспределяют, «дробят» свой бизнес. Каждая из таких организаций формально не нарушает

© Панкратьев А. Н., Богданов А. В., Хазов Е. Н., 2022

ограничений специального налогового режима, однако в совокупности они получают финансовые результаты, явно выходящие за рамки малого бизнеса, в силу чего пользуются соответствующими льготами незаконно [2].

Схема «дробления бизнеса» характеризуется высокой латентностью, связанной с применением преступниками многочисленных схем и приемов маскировки, приданием им вида легальной деятельности. Суть схемы «дробления бизнеса» состоит в получении необоснованной налоговой выгоды за счет незаконного использования права специальных (льготных) налоговых режимов организациями, которые не имеющими на это права [3].

Схема «дробления бизнеса» широко применяется в сферах розничной торговле, гостиничного бизнеса, общественного питания, бытовых услуг, а также в других отраслях, на которые распространяются специальные налоговые режимы. Вопрос «дробления» бизнеса как способ снижения налоговой нагрузки длительное время активно обсуждается как среди научных работников [4], так и среди правоприменителей [5]. Данному вопросу посвящено значительное количество научных и научно-практических публикаций [6]. В настоящее время стоит острая тема для бизнеса по либерализации законодательства по налоговым нарушениям [7].

С развитием правоприменительной практики сформировалась полемика относительно «законного» и «незаконного» дробления и их признаков. С увеличением судебной практики по данному вопросу были сформулированы и классифицированы признаки противоправности «дробления», которые нашли свое отражение в письмах ФНС России [8; 9; 10] и документах Конституционного суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации [11; 12; 13; 14].

Между тем вопрос об уголовно-правовых последствиях подобных деяний остается весьма актуальным. В научно-практической среде длительное время доминировало мнение, при котором «дробление бизнеса» вообще не может являться способом уклонения от уплаты налогов применительно к диспозиции статей 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации [15].

Рассматривая вопросы выявления и документирования противоправных схем, основанных на «дроблении бизнеса», необходимо обратить внимание на разграничение действий по уклонению от уплаты налогов, сборов и страховых взносов от некриминальной оптимизации налогообложения [16].

Следует исходить из того, что наиболее эффективным методом разрешения этой задачи является оценка установленных обстоятельств с точки зрения

приоритета существа сделок и иных хозяйственных операций над их формой [17].

Данное правило применяется налоговыми органами и арбитражными судами. Его использование в налоговых правоотношениях позволяет выявить сделки, совершенные налогоплательщиками лишь для вида, без намерения создать соответствующие им правовые последствия. Такие хозяйственные операции не должны учитываться при определении налоговой обязанности [18].

Согласно статье 541 Налогового кодекса Российской Федерации уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы, подлежащего уплате налога, в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов) запрещено. Указанный принцип нашел отражение в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [19].

Согласно пункту 7 названного судебного акта в случаях, «если суд на основании оценки представленных налоговым органом и налогоплательщиком доказательств придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции».

В связи с этим, если будет выявлено, что главной целью, преследуемой налогоплательщиком, являлось получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность, в соответствии с пунктом 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» в признании обоснованности ее получения может быть отказано [20].

Аналогичный способ оценки содержания хозяйственной деятельности налогоплательщика должен применяться и в уголовном судопроизводстве. Иной подход означал бы невозможность признать незаконной цепочку операций, направленных не только на уклонение от уплаты налогов, но и на преднамеренное банкротство либо на легализацию добытых преступным путем денежных средств и вывод их за рубеж [21]. Схема «дробления бизнеса» как раз является одним из наиболее распространенных способов уклонения от налоговой обязанности, для установления которого необходимо использовать принцип приоритета существа сделок над их формой. В настоящее

время судами вынесено достаточное количество приговоров, связанных с признанием преступными схем, основанных на необоснованном применении специальных налоговых режимов, в том числе, связанных с искусственным разделением («дроблением») бизнеса. Так, схема незаконного использования упрощенной системы налогообложения (далее – УСН), основанная на применении агентских договоров, наиболее характерна для сферы предоставления услуг, в том числе гостиничном бизнесе [22].

Характерным примером является приговор в отношении руководителя ООО «Славянская» Колмакова А. Г. [23].

Так, ООО «Гостиница «Славянская», взаимозависимая ООО «Славянская», не перечисляла в полном объеме денежные средства, предусмотренные агентским договором, и сознательно наращивала кредиторскую задолженность с целью сохранения у ООО «Славянская» права на применение УСН (непревышение 60 млн рублей). Анализируя представленные доказательства, суд пришел к выводу о том, что агентские договоры на оказания услуг, заключенные взаимозависимыми лицами, в том числе ООО «Славянская» и ООО «Гостиница «Славянская», не имели экономического результата, поскольку ООО «Гостиница «Славянская» не обладала материальными и трудовыми ресурсами для оказания услуг и было создано в целях сохранения права ООО «Славянская» и иных взаимозависимых организаций на применение УСН.

В группе взаимозависимых организаций контролировались доходы каждого из участников в случае приближения к предельным значениям в части доходов, позволяющих утратить право применения УСН, между участниками формировалась дебиторская задолженность, основания для формирования которой отсутствовали. В сфере обрабатывающего производства часто применяются различные вариации схемы, основанной на давальческой переработке сырья, когда с целью необоснованного применения УСН доход предприятия разделяется между подконтрольными юридическими лицами якобы передающими сырье в переработку [24].

За применение подобной схемы Купинский районный суд Новосибирской области признал виновным Иоганеса Ю. в уклонении от уплаты налогов [25].

Приговором суда установлено, что Иоганес Ю., являясь директором ООО «Радуга», с целью получения необоснованной налоговой выгоды в виде уклонения от уплаты налога на прибыль и налога на добавленную стоимость, воспользовавшись преимуществом специального налогового режима в виде упрощенной системы налогообложения, перенес объемы реализации мяса и мясопродуктов на взаимоза-

висимых индивидуальных предпринимателей, на которых по документам были возложены обязанности по закупке скота и реализации готовой продукции, а в функции ООО «Радуга» входила переработка давальческого сырья, поступившего от указанных индивидуальных предпринимателей, по документам, выписанным от их имени, при этом фактически ООО «Радуга» производило и реализовывало собственную продукцию, используя производственную базу, принадлежащую ООО «Радуга», на основании договоров безвозмездного пользования. ООО «Радуга», формально являясь предприятием по переработке давальческого сырья, фактически являлось организацией, закупающей, перерабатывающей и реализующей мясо и мясопродукты и распоряжающейся выручкой от реализации, но использующей преимущества специального налогового режима [26].

Показательным примером юридического обоснования противоправных действий по искусственному разделению («дроблению») бизнеса является описательная часть приговора в отношении генерального директора ООО «НовЛайн+» Петрова С. А. [27].

Согласно приговору суда, Петров С. А. достоверно знал о том, что упрощенная система налогообложения является льготным режимом налогообложения с меньшей налоговой нагрузкой и осознавал, что получение ООО «НовЛайн+» дохода свыше 60 млн рублей в течение налогового периода (календарного года) приведет к утрате у организации права на применение упрощенной системы налогообложения. Поэтому, действуя умышленно из корыстных побуждений, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды в виде уменьшения размера налоговой обязанности и уклонения от уплаты налога на прибыль организаций, налога на добавленную стоимость и налога на имущество организации, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя общественно опасные последствия в виде не поступления в бюджет государства денежных средств в форме налогов как обязательного безвозмездного платежа от полученной им необоснованной налоговой выгоды и, желая этого, создал условия для целенаправленного формального дробления бизнеса с целью искусственного разделения доходов между двумя юридическими лицами. Так, реализуя свой преступный умысел, направленный на уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере, посредством минимизации налоговых платежей путем занижения доходов, полученных от осуществления предпринимательской деятельности, Петров С. А. распределили их (доходы) на две организации: ООО «НовЛайн+» и вновь создаваемую организацию ООО «Новлайн». Петров С. А., создавая видимость делового сотрудничества между ООО «НовЛайн+» и ООО «Новлайн»,

совершил между указанными обществами мнимые сделки, путем заключения фиктивных договоров без цели их реального исполнения и фактической оплаты, то есть действия Петрова С. А., направленные на создание ООО «Новлайн», не имели разумной деловой цели, а были направлены исключительно на создание благоприятных налоговых последствий. В итоге суд признал ООО «НовЛайн+» и ООО «Новлайн», действующими как единое юридическое лицо, сумма налогов по ним была объединена. Петров С. А., как генеральный директор ООО «НовЛайн+», и ООО «Новлайн», действующие как единое юридическое лицо, был признан виновным в уклонении от уплаты налогов в общей сумме более 48,4 млн рублей, подлежащих уплате с ООО «НовЛайн+» и ООО «Новлайн».

Актуальной для сферы торговли остается схема искусственного разделения площадей торговых залов для необоснованного применения единого налога на вмененный доход (далее – ЕНВД). Приговоры подобного типа достаточно распространены и имеют общий подход в доказывании преступления [28]. По данной категории дел имеется типовая ошибка при расчете размера ущерба, связанная с неверным определением размера реального совокупного дохода взаимозависимых лиц [29].

Примером может послужить приговор в отношении Бунеева С. П., где ошибка в расчете привела к переквалификации действий с п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ на ч. 1 ст. 199 УК РФ и прекращению уголовного преследования в связи с истечением сроков давности [30]. Судом установлено, что подконтрольные Бунееву С. П. лица осуществляли оптовую и розничную торговлю строительными материалами, при этом оформление арендных помещений между третьими лицами и собственниками помещений магазинов формально разделяло общие площади каждого магазина таким образом, чтобы площадь торгового зала не превышала 150 квадратных метров, в целях применения третьими лицами специального режима налогообложения в виде ЕНВД. Однако в ходе судебного следствия было установлено, что налоговым органом при подсчетах доходов взаимозависимых лиц производилось «задвоение» выручки при оплате товара посредством банковских карт, так как учитывалась сумма по ним, проходящая и по кассам, и по расчетным счетам [31].

Анализ приведенной судебной практики позволяет выделить юридически значимые обстоятельства, совокупность которых может достоверно указывать на применение схемы «дробление бизнеса». К ним необходимо отнести:

- 1) одинаковый (схожий) вид деятельности;
- 2) наличие единого контролирующего лица (бенефициара), единого центра управления и принятия решений;

3) предоставление одним и тем же лицам права подписи первичных и банковских документов в формально независимых организациях;

4) совпадение фактического места (адреса) осуществления деятельности, совместное (нераздельное) пользование коммунальными услугами;

5) совпадение IP-адресов и операторов электронного документооборота внутри группы компаний;

6) использование единого торгового знака, схожих названий, единой корпоративной почты, телефонов;

7) единый фактический центр распоряжения денежными средствами на расчетных счетах по всем организациям группы, взаимное использование финансовых ресурсов;

8) единый фактический центр бухгалтерский учета, при формальном разделении компаний, бухгалтерия сосредоточена в одном месте и ведется одними и теми же лицами;

9) единый фактический товарный учет, отсутствие реального распределения ресурсов или их безвозмездное предоставление, отсутствие фактического движения товарно-материальных ценностей внутри группы;

10) общее использование трудовых ресурсов, совмещение одними и теми же лицами однотипных должностей в разных организациях, формальное трудоустройство (перевод) с одной организации в другую, без изменения фактических должностных обязанностей, единая система приема на работу, премирования, согласованное предоставление отпусков в рамках группы, временное исполнение (подмена) обязанностей работниками формально, трудоустроенными в разных организациях.

Применительно к задачам выявления и документирования налоговых преступлений, совершенных рассматриваемым способом, указанные обстоятельства в отдельности могут рассматриваться как поисковые признаки преступления, усвоение которых является неотъемлемой частью его выявления [32].

С другой стороны, их совокупность представляется составной частью предмета документирования, фиксация которого оперативно-разыскными методами позволит обеспечить возбуждение уголовного дела. Реализация этих и иных мер будет способствовать повышению эффективности борьбы с налоговыми преступлениями с применением схем «дробления бизнеса» в сфере налоговых правоотношений.

Список источников

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7.

2. Богданов А. В., Бычков В. В., Данилкин В. Н. и др. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
3. Богданов А. В., Панкратьев А. Н., Хазов Е. Н. Основные направления и особенности деятельности оперативных подразделений по раскрытию и расследованию налоговых преступлений // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 132–138.
4. Борисов Н. А. К вопросу о дроблении бизнеса: грань между правомерными и противоправными схемами налогового планирования // Правовестник. 2019. № 6 (17). С. 45–48.
5. Зырянова Т. В. Налоговые последствия дробления бизнеса / Т. В. Зырянова, А. О. Загурский // Дискуссия. 2018. № 4 (89). С. 6–14.
6. Лебедева О. А. «Дробление бизнеса» в условиях 2018 года : уклонение от уплаты налогов или целесообразность? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 11 (206). С. 83–92.
7. Шкаева В. Э. Признаки взаимозависимости при выявлении налоговыми органами дробления бизнеса // Контентус. 2019. № 6 (83). С. 86–95.
8. Письмо ФНС России от 29.12.2018 г. № ЕД-4-2/25984 «О злоупотреблениях налоговыми преимуществами, установленными для малого бизнеса» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Обзоры судебной практики, направленные письмами ФНС России от 11.08.2017 г. № СА-4-7/15895@, от 11.10.2017 г. № СА-4-7/20486@ и от 30.07.2018 г. № КЧ-4-7/14643 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Письмо ФНС России от 31.10.2017 г. № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2017 г. № 303-КГ17-5378 по делу № А59-5390/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2017 г. № 304-КГ17-17972 по делу № А70-13347/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. № 1440-О [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
14. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы : Постановление Пленума Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
15. Глуховская И. А. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов лиц, осуществивших «дробление бизнеса» в целях снижения налоговой нагрузки / И. А. Глуховская, Д. В. Кириллов // Наука и образование : сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей IX Международной научно-практической конференции : в 3 ч., Пенза, 05 мая 2017 года. Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 204–206.
16. Гараев И. Г. Оценка добросовестности действий налогоплательщика при дроблении бизнеса // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). С. 118–121.
17. Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Выявление сайтов-двойников, как одна из форм противодействия мошенничеству // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2021. № 2. С. 8–14.
18. Панкратьев А. Н., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности России в сфере налоговых преступлений // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 101–104.
19. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53. «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» // «Вестник ВАС РФ», № 12, декабрь, 2006, Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.06.2014.
20. Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 г. № 8-ФКЗ. «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.06.2014, № 23, ст. 2921, <http://www.pravo.gov.ru>.
21. Хазов Е. Н., Богданов А. В., Мартынюк В. М. Основные направления, проблемы и пути решения организации работы по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда сотрудниками оперативно-розыскных подразделений ОВД МВД России на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 148–152.
22. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 276–279.

23. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 29.05.2019 г. по делу 1-27/2019 в отношении Колмакова А. Г. по признакам, преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ (наказание 2 года лишения свободы).

24. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.

25. Приговор Купинского районного суда Новосибирской области от 10.09.2019 г. в отношении Иоганеса Ю. по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст. 199 УК РФ.

26. Богданов А. В., Ильинский И. И., Завьялов И. А. Организованная преступность и ее общественная опасность // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 116–120.

27. Приговор Новгородский районного суда Новгородской области от 13.05.2019 г. по делу № 1-52/2019 в отношении Петрова С. А. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

28. Приговор Яранского районного суда Кировской области от 28.12.2016 г. по делу 1-1/17(59807) в отношении Жукова А. В. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 198 УК РФ.

29. Богданов А. В., Завьялов И. А., Хазов Е. Н. Противодействие организованной преступности в сфере экономики // Криминологический журнал. 2020. № 2. С. 91–100.

30. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области по делу № 1-15/2019 от 05.07.2019 г. в отношении Бунеева С. П. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

31. Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Роль и значение информационных систем и банков данных в деятельности правоохранительных органов // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 27–33.

32. Климов И. А., Тузов Л. Л., Дубоносов Е. С. и др. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

References

1. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Problems of detection and investigation of crimes in the field of taxation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 7.

2. Bogdanov A. V., Bychkov V. V., Danilkin V. N. et al. Operational investigative activity : textbook. 6th ed., reprint. and add. M., 2021.

3. Bogdanov A. V., Pankratiev A. N., Khazov E. N. The main directions and features of the activities of operational units for the disclosure and investigation of

tax crimes // Bulletin of Economic Security. 2020. № 4. P. 132–138.

4. Borisov N. A. On the issue of business fragmentation: the line between legitimate and illegal tax planning schemes // Pravovestnik. 2019. № 6 (17). P. 45–48.

5. Zyryanova T. V. Tax consequences of business fragmentation / T. V. Zyryanova, A. O. Zagursky // Discussion. 2018. № 4 (89). P. 6–14.

6. Lebedeva O. A. «Business fragmentation» in 2018 : tax evasion or expediency? // Property relations in the Russian Federation. 2018. № 11 (206). P. 83–92.

7. Shkaeva V. E. Signs of interdependence in the identification of business fragmentation by tax authorities // Contentus. 2019. № 6 (83). P. 86–95.

8. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 29.12.2018 № ED-4-2/25984 «On abuse of tax advantages established for small businesses» [Electronic resource]. Access from the legal reference system «Consultant Plus».

9. Reviews of judicial practice sent by letters of the Federal Tax Service of Russia dated 11.08.2017 № CA-4-7/15895@, dated 11.10.2017 № CA-4-7/20486@ and dated 30.07.2018 № КСН-4-7/14643 [Electronic resource]. Access from the legal reference system «Consultant Plus».

10. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 31.10.2017 № ED-4-9/22123@ «On recommendations on the application of the provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation» [Electronic resource]. Access from the legal reference system «Consultant Plus».

11. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.05.2017 № 303-KG17-5378 in case № А59-5390/2015 [Electronic resource]. Access from the legal reference system «Consultant Plus».

12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.12.2017 No. 304-KG17-17972 in case № А70-13347/2016 [Electronic resource]. Access from the legal reference system «Consultant Plus».

13. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Buneev Sergey Petrovich on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 146, 153, 154, 247-249 and 274 of the Tax Code of the Russian Federation : ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.07.2017 № 1440-О [Electronic resource]. Access from the legal reference system «Consultant Plus».

14. On the assessment by arbitration courts of the validity of the taxpayer's tax Benefit : Resolution of the Plenum of the Russian Federation № 53 of 12.10.2006 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. № 12.

15. Glukhovskaya I. A. Criminal liability for tax evasion of persons who carried out «business

fragmentation» in order to reduce the tax burden / I. A. Glukhovskaya, D. V. Kirillov // Science and education : preserving the past, creating the future : collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference : in 3 parts, Penza, 05 May 2017. Penza : «Science and Enlightenment» (IP Gulyaev G. Yu.), 2017. P. 204–206.

16. Garaev I. G. Assessment of the integrity of taxpayer actions in business fragmentation // Eurasian Advocacy. 2013. № 1 (2). P. 118–121.

17. Bogdanov A.V., Papazova Yu. V., Khazov E. N. Identification of duplicate sites as one of the forms of countering fraud // International Journal of Psychology and Pedagogy in Professional Activity. 2021. № 2. P. 8–14.

18. Pankratiev A. N., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Actual problems of ensuring economic security of Russia in the field of tax crimes // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. № 2. P. 101–104.

19. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 53 dated 12.10.2006 «On the assessment by arbitration courts of the validity of the taxpayer's receipt of tax benefits» // «Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation», № 12, December, 2006, Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.06.2014.

20. Federal Constitutional Law № 8-FKZ dated 04.06.2014 «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On Arbitration Courts in the Russian Federation» and Article 2 of the Federal Constitutional Law «On the Supreme Court of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 09.06.2014, № 23, Article 2921. <http://www.pravo.gov.ru>.

21. Khazov E. N., Bogdanov A. V., Martynyuk V. M. The main directions, problems and ways of solving the organization of work on the search for persons who have fled from the bodies of inquiry, investigation and trial by employees of operational search units of the MIA of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 10. P. 148–152.

22. Bogdanov A.V., Khazov E. N. The main activities of operational units of internal affairs bodies for the detection and prevention of crimes related to

fraud // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 10. P. 276–279.

23. The verdict of the Tobolsk City Court of the Tyumen region dated 29.05.2019 in the case 1-27/2019 against Kolmakov A.G. on the grounds of a crime provided for in paragraph «b» of Part 2 of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation (punishment of 2 years of imprisonment).

24. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society // Criminological Journal. 2020. № 1. P. 15–20.

25. The verdict of the Kupinsky District Court of the Novosibirsk region of 10.09.2019 against Johannes Yu. on the grounds of a crime under Part 1 of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation.

26. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Zavyalov I. A. Organized crime and its public danger // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 7. P. 116–120.

27. The verdict of the Novgorod District Court of the Novgorod region dated 13.05.2019 in case № 1-52/2019 against Petrov S. A. on the grounds of a crime provided for in paragraph «b» of Part 2 of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation.

28. The verdict of the Yaransky District Court of the Kirov region dated December 28, 2016 in the case 1-1/17(59807) against Zhukov A. V. on the grounds of a crime under Part 2 of Article 198 of the Criminal Code of the Russian Federation.

29. Bogdanov A.V., Zavyalov I. A., Khazov E. N. Countering organized crime in the sphere of economics // Criminological Journal. 2020. № 2. P. 91–100.

30. The verdict of the Volga City Court of the Volgograd region in case № 1-15/2019 of 05.07.2019 against Buneev S. P. on the grounds of a crime provided for in paragraph «b» of Part 2 of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation.

31. Bogdanov A.V., Papazova Yu. V., Khazov E. N. The role and significance of information systems and data banks in the activities of law enforcement agencies // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. № 2. P. 27–33.

32. Klimov I. A., Tuzov L. L., Dubonosov E. S. et al. Operational investigative activity : textbook. 4th ed., reprint. and add. M., 2019.

Информация об авторах

А. Н. Панкратьев – Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, кандидат юридических наук;

А. В. Богданов – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Н. Хазов – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. N. Pankratiev – Main Directorate of Economic Security and Counteraction of Corruption of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Legal Sciences;

A. V. Bogdanov – Associate Professor of the Department of Operational-investigative activities and special equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Khazov – Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Актуальные проблемы административного права и процесса. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 480 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрен комплекс вопросов административного права и административной деятельности органов власти и управления: общетеоретические аспекты административного права, проблемы управленческого права, административной ответственности и административного процесса, проблемы административно-правового регулирования предпринимательской деятельности, налогов, финансов, банковской деятельности. Раскрыты вопросы обеспечения законности в сфере административной деятельности органов государственной власти и управления, некоторые средства обеспечения законности.

Для подготовки магистров юриспруденции, аспирантов, специалистов по программам Правовое обеспечение национальной безопасности и Правоохранительная деятельность. Может быть полезен научно-педагогическим работникам, занимающимся проблемами административного права и административного процесса.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-185-188>

НИОН: 2015-0066-3/22-354

MOSURED: 77/27-011-2022-03-553

История развития правового регулирования дел о несостоятельности (банкротстве)

Александр Юрьевич Петров¹, Валерий Иванович Елинский²

^{1,2} МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

¹ apetrov1998sasha@mail.ru

² 20745@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению института банкротства в России. Особое внимание уделяется становлению института банкротства в мировой истории, а также истории развития арбитражных судов по делам о банкротстве в России. Проанализированы научные работы отечественных авторов в этой сфере.

Ключевые слова: история развития, арбитражный суд, банкротство

Для цитирования: Петров А. Ю., Елинский В. И. История развития правового регулирования дел о несостоятельности (банкротстве) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 185–188. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-185-188>.

Original article

The history of the development of legal regulation of arbitration courts in the case of insolvency (bankruptcy)

Alexander Yu. Petrov¹, Valery I. Elinsky²

^{1,2} MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

¹ apetrov1998sasha@mail.ru

² 20745@rambler.ru

Abstract. This scientific article is aimed at studying the genesis of the development of the legal regulation of arbitration courts in an insolvency (bankruptcy) case. Particular attention is paid to the formation of the institution of bankruptcy in world history, as well as the history of the development of arbitration courts in insolvency cases in Russia. The scientific works of domestic authors in this area were analyzed.

Keywords: history of development, arbitration court, bankruptcy

For citation: Petrov A. Yu., Elinsky V. I. The history of the development of legal regulation of arbitration courts in the case of insolvency (bankruptcy). Bulletin of economic security. 2022;(3):185–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-185-188>.

Согласно действующему Арбитражному процессуальному кодексу РФ и законодательству о банкротстве, рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) возложено на арбитражные суды.

А. Г. Сачек и П. А. Лобасюк, проведя анализ формирования института банкротства, пришли к следующим выводам.

Первое упоминание о банкротстве нашло свое отражение еще 1750-х годах до нашей эры, а именно в

Законах Хаммурапи, по которым должник обязан был расплачиваться с долгами путем передачи членов семьи в рабство кредиторам на три года.

Авторы пишут, что истоки правового регулирования несостоятельности проявляются и в Законах Ману, где регламентировалась передача должника в рабство, до полного погашения долгов.

В Древнем Риме появились первые законы, которые регулировать правовые отношения между

© Петров А. Ю., Елинский В. И., 2022

должником и кредитором. Отличием такого регулирования от Законов Хаммурапи и Законов Ману являлось то, что должник, находясь в статусе раба, не лишался своих прав, однако кредитор, в случае непогашения первым своих обязательств, мог лишить жизни должника, не неся какой либо ответственности.

Как указывают авторы, институт банкротства начал меняться в Средних веках. Так, в Италии появились первые своды законов, регламентирующие конкурсное право – статут Генуи, принятые в 1488 году.

Следующим основным нормативным актом, по мнению этих авторов являлось Торговое уложение, принятое Наполеоном Бонапартом в 1808 году и закрепившее первое понятие о «несостоятельности», а также регламентировавшая материальные и процессуальные права. Авторы также отметили последующее развитие французского и английского законодательства о банкротстве, где акцент строился на преобладании конкурсного права, вводя определенные суды, прерогативой, которых являлось рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) [1, с. 295–297].

Соответственно, на основе указанных результатов исследования можно определить, что институт банкротства прошел три стадии развития:

1) рабская зависимость как способ удовлетворения требования кредиторов;

2) появление института конкурсного производства, способствующего регулировать отношения между должником и кредитором в период Средневековья.

3) нормы законов о банкротстве претерпели изменения, были кодифицированы и обрели нормы материального и процессуального права в период Нового времени.

Анализ формирования банкротства и правового регулирования арбитражных судов в рамках дел о несостоятельности в России показал следующее.

Е. Л. Глушков отметил, что в России первым законодательным актом, который регламентировал процедуру банкротства, была «Русская правда» XI–XII вв.

Глушков также указал на ряд недостатков данного нормативного акта того времени. Так, к ним автор отнес:

1) отсутствие критерия неоплатности;

2) единственным основанием открытия процедуры банкротства являлось отсутствие у должника способности оплачивать свои долговые обязательства.

Дополнительно автором отмечено, что рассматриваемый нормативный акт того времени определял следующие виды банкротства:

1) несчастная (невинная) – данный вид несостоятельности, по мнению авторов того времени, наступал при независимых от должника причин;

2) преднамеренная (виновная) – то есть несостоятельность по вине должника [3, с. 23].

В своей работе В. Н. Сидорова указывает, что в период XI–XII вв. конкурсное производство являлось единственной процедурой несостоятельности. Также автор выделила факт, что все дела о банкротстве разрешались князем в связи с отсутствием специальных уполномоченных органов [4, с. 19–20].

На основе указанных фактов можно сделать вывод, что у конкурсных кредиторов не было должной защиты своих прав и интересов в то время.

Как отмечает Ю. М. Саенко, дела о несостоятельности (банкротстве) стали рассматриваться особой комиссией из служивых людей лишь после принятия Соборного уложения 1649 году Земским собором. Также Саенко говорит, что Соборное уложение 1649 года закрепило очередность удовлетворения требований кредиторов, которой не было установлено в «Русской правде» XI–XII вв. [5, с. 51].

М. В. Телюкина определила, что в дореволюционном законодательстве того времени несостоятельностью признавали наличие у должника признаков неоплатности до обращения заинтересованных лиц в суд, а банкротством считалось признание коммерческим судом должника банкротом путем принятия соответствующего определения [6, с. 42].

Саенко Ю. М., изучив Свод законов Российской империи 1832 года, отметила, что кредиторы при наличии признаков банкротства у должника обязаны были предложить последнему погасить задолженность, если эта задолженность гасилась в досудебном порядке, то стороны заключали мировое соглашение, которое утверждал коммерческий суд.

В случае, если задолженность не гасилась, сам должник или кредиторы могли подать заявление о возбуждении процедуры несостоятельности. В случае обоснованности данного заявления коммерческий суд открывал конкурсное производство без права продления. Само такое конкурсное производство длилось полтора года

В рассматриваемый период нормы о банкротстве были бессистемны, а также не было конкурсного права в России до XVIII века, на что указывала Н. В. Самохвалова в своей работе [2, с. 44].

В целях исследования генезиса арбитражных судов в деле о несостоятельности (банкротстве) Саенко Ю.М. проанализировала Советское законодательство и пришла к выводу, что законодательные акты (ГК РСФСР 1922 года, ГПК РСФСР 1923 года, ГПК РСФСР 1964 года) не закрепляли правового регулирования процедуры несостоятельности (банкротства).

По мнению автора, данное обстоятельство было связано с монополией государства на производство товаров и услуг, что делало процедуру несостоятельности (банкротства) не актуальным в Советский период.

Она же делает вывод, что развитие правового регулирования дел о несостоятельности (банкротстве) началось только в 90-е года XX века [5, с. 52–54].

Е. Е. Уксузова связывает это с тем, что в 90-е года в России на смену централизованной плановой экономике пришла рыночная, новые рыночные отношения, отношения собственности и товарно-денежного обращения повлияли на развитие гражданского права в стране, институт несостоятельности снова стал актуальным и стал воссоздаваться на основе коммерческих судов прошлых лет и зарубежного опыта [7, с. 56].

На основе данных изменений был принят 19 ноября 1992 г. Закон РФ № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

Саенко Ю. М. в своей работа изучила и сравнила три закона «О несостоятельности (банкротстве)», принятые в 1992, 1998 и 2002 годах.

Так, автор указывает, что Закон 1992 года был «прокредиторским» с массой недостатков: отсутствие такой процедуры как наблюдение (Закон 1992 года включал в себя только три вида процедур: реорганизационные, ликвидационные и мировое соглашение) и недостаточно смог реализовать реорганизационные процедуры внешнего управления и санации на практике [6, с. 55].

Автор, изучив Закон о банкротстве от 1998 года, выявил следующие его недостатки:

- 1) невозможность оспаривания долговых обязательств;
- 2) отсутствие процедуры финансового оздоровления.

В свою очередь, выделяет Саенко Ю. М., ФЗ-127 от 26 октября 2002 года сумел нивелировать изъяны Законов 1992 и 1998 годов, но не до конца [5, с. 57].

В рамках настоящей статьи рассмотрены отдельные элементы правового регулирования института банкротства, его исторические аспекты в России.

Список источников

1. Сачек А. Г., Лобасюк П. А. Формирование и развитие в Западной Европе банкротства как правового института // Экономика, право и проблемы управления. Минск, 2012. №2. С. 287–295.
2. Самохвалова Н. В. История развития института несостоятельности (банкротства) физических

лиц в России // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2009. № 10. С. 40–48.

3. Глушков Е. Л. История развития института несостоятельности (банкротства) предприятий в России // История государства и права. М., 2008. № 5. С. 23–24.

4. Сидорова В. Н. Особенности правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // История государства и права. М., 2010. № 3. С. 19–20.

5. Саенко Ю. М. Развитие функций арбитражных судов при осуществлении процедур банкротства в российском законодательстве // Саратов, 2016. № 2. С. 50–61.

6. Телюкина М. В. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в дореволюционном и современном праве // Юрист. М., 1997. № 12. С. 19–42.

7. Уксузова Е. Е. Специфика правового регулирования сферы судопроизводства по делам о несостоятельности банкротстве в России: прошлое и настоящее // Законы России: опыт, анализ, практика. М., 2013. № 6. С. 55–62.

References

1. Sachek A. G., Lobasyuk P. A. Formation and development of bankruptcy as a legal institution in Western Europe // Economics, Law and Management Problems. Minsk, 2012. No. 2. P. 287–295.
2. Samokhvalova N. V. The history of the development of the institution of insolvency (bankruptcy) of individuals in Russia // Arbitration and civil process. M., 2009. No. 10. P. 40–48.
3. Glushkov E. L. The history of the development of the institution of insolvency (bankruptcy) of enterprises in Russia // History of State and Law. M., 2008. No. 5. P. 23–24.
4. Sidorova V. N. Peculiarities of legal regulation of insolvency (bankruptcy) relations in pre-revolutionary Russia // History of State and Law. M., 2010. No. 3. P. 19–20.
5. Saenko Yu. M. Development of the functions of arbitration courts in the implementation of bankruptcy procedures in Russian legislation // Saratov, 2016. No. 2. P. 50–61.
6. Telyukina M. V. Correlation between the concepts of «insolvency» and «bankruptcy» in pre-revolutionary and modern law // Lawyer. M., 1997. No. 12. P. 19–42.
7. Uksusova E. E. The specifics of legal regulation of the sphere of legal proceedings in cases of insolvency bankruptcy in Russia: past and present // Laws of Russia: experience, analysis, practice. M., 2013. No. 6. P. 55–62.

Информация об авторах

А. Ю. Петров – студент 2 курса магистратуры Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета;

В. И. Елинский – заведующий кафедрой государственного и административного права Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. Yu. Petrov – 2nd year master's student of Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University;

V. I. Elinsky – Head of Department of State and Administrative Law of Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Конституционное право России. 12-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под науч. ред. В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева, П. А. Кучеренко ; под общ. ред. К. К. Гасанова, Л. Т. Чихладзе. 631 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представленное издание учебника – одна из первых попыток авторского коллективного осмысления и теоретического анализа внесенных в Конституцию Российской Федерации изменений, адаптированного под соответствующее восприятие его целевой аудитории.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации по состоянию на 4 июля 2020 г.

Рассмотрены традиционные вопросы науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, избирательная система, система органов публичной власти в Российской Федерации и др.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-189-191>

НИОН: 2015-0066-3/22-355

MOSURED: 77/27-011-2022-03-554

Криминальное банкротство по законодательству стран Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) на примере Республики Армения

Денис Алексеевич Попов

Адвокатский кабинет Д. А. Попова Адвокатской палаты Краснодарского края, Краснодар, Россия,
popov0702@icloud.com

Аннотация. С 2015 года модельное уголовное законодательство СНГ рекомендует дифференцировать ответственность за криминальное банкротство в зависимости от его совершения с использованием компьютерных устройств, систем или сетей. На современном этапе довольно сложно уверенно заявить о том, что цифровой способ совершения преступления в сфере процедуры банкротства действительно представляет собой актуальную проблему правоприменительной практики, равно как и обладает повышенной степенью общественной опасности. В отечественной науке уголовного права справедливо обосновывается, что решение о цифровизации Особенной части уголовного законодательства должно иметь взвешенный характер и осуществляться строго на научных основаниях дифференциации уголовной ответственности.

Ключевые слова: банкротство, финансовое оздоровление, рыночная экономика, недобросовестное поведение, уголовное наказание, кредитор, должник, убытки

Для цитирования: Попов Д. А. Криминальное банкротство по законодательству стран Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) на примере Республики Армения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 189–191. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-189-191>.

Original article

Criminal bankruptcy under the legislation of the Eurasian Economic Union (EAEU) on the example of the Republic of Armenia

Denis A. Popov

Law Office of D. A. Popov of the Law Chamber of the Krasnodar Territory, Krasnodar, Russia,
popov0702@icloud.com

Abstract. Since 2015, the CIS model criminal legislation recommends differentiating liability for criminal bankruptcy depending on its commission using computer devices, systems or networks. At the present stage, it is quite difficult to confidently declare that the digital method of committing a crime in the field of bankruptcy proceedings is indeed an urgent problem of law enforcement practice, as well as has an increased degree of public danger. In the domestic science of criminal law, it is rightly justified that the decision to digitalize the Special Part of Criminal Law should be balanced and carried out strictly on the scientific grounds of differentiation of criminal responsibility.

Keywords: bankruptcy, financial recovery, market economy, unfair behavior, criminal punishment, creditor, debtor, losses

For citation: Popov D. A. Criminal bankruptcy under the legislation of the Eurasian Economic Union (EAEU) on the example of the Republic of Armenia. Bulletin of economic security. 2022;(3):189–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-189-191>.

Перед непосредственным анализом уголовного законодательства государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) важно указать на некоторые значимые обстоятельства. Прежде всего, надо учитывать, что все страны Союза так или ина-

че находятся под непосредственным влиянием такого рекомендательного законодательного акта как Модельный уголовный кодекс Содружества Независимых Государств [4]. В соответствии с данным документом законодательное определение криминальных

© Попов Д. А., 2022

банкротств должно предполагать: 1) установление ответственности за неправомерные действия при банкротстве (ст. 261); 2) установление ответственности за злостное банкротство (ст. 262); 3) установление ответственности за фиктивное банкротство (ст. 263).

Все модельные составы сконструированы как материальные и в качестве общественно опасных последствий указаны крупный ущерб либо тяжкие последствия [5]. До настоящего времени ни одна из стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), не реализовала рекомендации по включению цифрового способа совершения криминального банкротства как квалифицирующего обстоятельства. Вместе с тем, преступные злоупотребления при банкротстве действительно могут предполагать использование современных информационно-коммуникационных технологий, и прежде всего при сокрытии и отчуждении активов должника. Так, в отечественной теории уголовного права до настоящего времени обстоятельно не исследованы проблемы совершения криминального банкротства с использованием криптовалют. Выявление, раскрытие и доказывание по таким делам сопряжено с существенными трудностями, поскольку, как известно, оборот криптовалюты выведен из сферы государственного регулирования и контроля.

Государства – члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС) до настоящего времени не в полном объеме руководствуются положениями модельного законодательства СНГ о криминальных банкротствах. Наиболее наглядно это будет показано на примере Кыргызстана. Само по себе это оставляет много вопросов относительно реализации принятых стратегических документов о формировании единого экономического пространства и, конечно же, убеждает в том, что в случае необходимости правоохранительные органы соответствующих стран будут испытывать значительные затруднения во взаимодействии. Наличие достигнутых договоренностей при отсутствии их реального исполнения создает представление о декларативности озвученных инициатив, нежелании участников международного образования устанавливать единый механизм уголовно-правового обеспечения экономической деятельности. Таким образом, к настоящему времени говорить о некой единой модели уголовно-правового противодействия криминальным банкротствам нельзя.

В Уголовном кодексе Армении реализована весьма схожая с российской модель уголовно-правового противодействия криминальным банкротствам. В ст. 192 УК Армении предусмотрена ответственность за неправомерные действия при банкротстве. Следует согласиться с мнением А. М. Зацепина, что диспозиция ч. 1 ст. 192 УК Армении описывает объективные признаки деяния в целом согласно с Модельным уголовным кодексом СНГ [2, с. 47–48]. А. А. Вакутин справедливо отмечает, что уголовное

законодательство Армении весьма удачно решает проблему противодействия криминальным банкротствам в ситуациях, когда организацию возглавляет так называемый «номинальный руководитель», а реальные решения принимает лицо, не имеющее формальной связи с управлением компании [1, с. 65].

Как и в российском уголовном законодательстве, УК Армении содержит два конструктивных признака, один из которых связан с обстановкой совершения преступного деяния – «при банкротстве», а другой обладает комплексной природой, поскольку сочетает в себе как признак обстановки, так и признак осведомленности виновного относительно юридически значимых фактов – «в предвидении возможного банкротства».

Следует отметить, что реализованная модель пенализации по УК Армении противоречит рекомендациям Модельного уголовного кодекса СНГ, который неправомерные действия при банкротстве в форме сокрытия имущества и т. д. предлагает относить к преступлениям средней тяжести. В то же время неправомерное удовлетворение требований кредитора, равно как и принятие последним соответствующего имущества заведомо в ущерб иным кредиторам рекомендовано относить к преступлениям небольшой тяжести.

Полагаем, что модельная пенализация в большей степени соответствует общественной опасности указанных деяний. Неправомерное удовлетворение требований одного из кредиторов так или иначе указывает на частичное исполнение обязательств должником, хотя и с нарушением установленного порядка. Ситуация же с сокрытием имущества, его отчуждением, а равно со всеми другими формами уклонения должника от погашения задолженности перед кредиторами указывает на его особую злонамеренность, желание оставить без удовлетворения всех пострадавших контрагентов. Так, раскрывая содержание ч. 2 ст. 195 УК РФ профессор И. А. Клепицкий напрямую указывает: «Это норма специальная по отношению к предусмотренной в ч. 1, состав преступления привилегированный. Деяние рассматривается в качестве менее опасного, поскольку лицо удовлетворяет действительное требование кредитора» [3, с. 594]. Принципиальной особенностью УК Армении в части установления ответственности за неправомерные действия при банкротстве является отнесение к числу его субъектов лиц, принимающих заведомо недолжное удовлетворение имущественных требований. Такой подход оставляет много вопросов относительно включенности самого должника, получающего незаконное удовлетворение, в группу отношений, связанных с уголовно-правовым обеспечением процедуры несостоятельности. Кредитор имеет довольно понятное стремление получить причитающееся ему имущество. Вместе с тем, нельзя не признать, что неправомерные действия при банкротстве довольно часто

сопряжены с участием лиц (представителей кредитора или кредиторов), проявляющих особо активную роль в совершении соответствующего банкротного преступления. Кроме того, именно такая позиция отражена в Модельном уголовном кодексе СНГ.

Крупный ущерб определен в примечании к ст. 192 УК Армении с распространением его действия на другие банкротные составы (ст.ст. 193 и 194 УК Армении) – ущерб в размере суммы (стоимости), превышающей двухсоткратный размер минимальной заработной платы, установленной на момент совершения преступления. Обращает на себя внимание определение в УК Армении специальной цели фиктивного банкротства, которая так или иначе сводится к уклонению от погашения образовавшейся задолженности перед кредитором (кредиторами). Данное решение представляется довольно удачным, поскольку само по себе ложное банкротство без указанной цели по большому счету не обладает необходимой для преступления общественной опасностью.

Изучение уголовного законодательства Армении об ответственности за криминальные банкротства позволяет сформулировать следующие общие выводы:

- 1) реализованная в УК Армении модель криминализации злоупотреблений в сфере банкротства (неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства) в целом основана на положениях Модельного уголовного кодекса СНГ;
- 2) значимой особенностью армянского уголовного законодательства о банкротных преступлениях является отнесение к числу его субъектов должников, принимающих удовлетворение имущественных требований заведомо в ущерб иным кредиторам;
- 3) в УК Армении фактически не реализована дифференциация ответственности за криминальные банкротства (прежде всего в зависимости от размера ущерба и формы соучастия), что является очевидным его недостатком;
- 4) отсутствуют также специальные основания освобождения от уголовной ответственности в зависимости от проявленного лицом при совершении банкротного преступления деятельного раскаяния.

Список источников

1. Вакутин А. А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.

2. Зацепин А. М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве : социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

3. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : монография. М., 2022.

4. Модельный уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (ред. от 27.11.2015) // СПС «Консультант-Плюс».

5. Постановление № 43-16 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «Об изменениях в модельный Уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств по вопросам борьбы с преступлениями в информационной сфере» (принято в г. Санкт-Петербурге 27.11.2015 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Vakutin A. A. Criminal and legal assessment of illegal actions in bankruptcy : dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk, 2013.

2. Zatsepin A. M. Illegal actions in bankruptcy in criminal law : social conditionality of criminalization, problems of legislative regulation and qualification : dis. ... cand. jurid. M., 2010.

3. Klepitsky I. A. New Economic criminal law : monograph. M., 2022.

4. Model Criminal Code for the member States of the Commonwealth of Independent States. Recommendation legislative act (adopted in St. Petersburg on 17.02.1996 by Resolution 7-5 at the 7th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) (ed. from 27.11.2015) // SPS «Consultant-Plus».

5. Resolution № 43-16 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States «On Amendments to the Model Criminal Code for the Member States of the Commonwealth of Independent States on combating crimes in the information sphere» (adopted in St. Petersburg on 27.11.2015) // SPS «Consultant-Plus».

Информация об авторе

Д. А. Попов – адвокат Адвокатского кабинета Д. А. Попова Адвокатской палаты Краснодарского края.

Information about the author

D. A. Popov – Lawyer of the Law Office of D. A. Popov of the Law Chamber of the Krasnodar Territory.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-192-195>

НИОН: 2015-0066-3/22-356

MOSURED: 77/27-011-2022-03-555

Некоторые направления по совершенствованию правового регулирования в сфере внешней трудовой миграции

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Анализируется законодательство в сфере внешней трудовой миграции, и предлагается ряд направлений по его совершенствованию.

Ключевые слова: внешняя миграция, трудящийся мигрант, законодательство, регулирование, нормативный акт, иностранный гражданин, высококвалифицированный специалист, разрешение, патент

Для цитирования: Прудников А. С. Некоторые направления по совершенствованию правового регулирования в сфере внешней трудовой миграции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 192–195. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-192-195>.

Original article

Some directions for improving legal regulation in the field of external labor migration

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The legislation in the field of external labor migration has been analyzed and a number of ways to improve it has been suggested.

Keywords: external migration, migrant worker, legislation, regulation, regulatory act, foreign citizen, highly qualified specialist, permit, patent

For citation: Prudnikov A. S. Some directions for improving legal regulation in the field of external labor migration. Bulletin of economic security. 2022;(3):192–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-192-195>.

Начиная с 90-х годов прошлого века, Российская Федерация активно включилась в процессы международной миграции. Этим процессам способствовали развитие внешнеэкономической деятельности, международных деловых связей, нацеленность экономики на привлечение иностранных инвестиций, а также снятие множества административных барьеров, связанных с въездом и пребыванием в стране иностранных граждан и лиц без гражданства и выездом за рубеж граждан Российской Федерации.

Вхождение Российской Федерации в международный рынок труда повлекло за собой усиление процессов внешней трудовой миграции, а благоприятная социально-экономическая ситуация по сравнению с большинством других стран положила начало массовому въезду иностранных граждан с целью осуществления трудовой деятельности.

Возможность каждого: и российского, и иностранного гражданина свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию закреплена частью 1 статьи 37 Конституции Российской Федерации [1].

Свое развитие данное положение получило в Федеральном законе от 22 июля 2002 г № 115-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2], статьей 13 которого предусматриваются условия осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами.

В соответствии с пунктом 1 статьи 13 Федерального закона от 22 июля 2002 г № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане пользуются правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию с уче-

© Прудников А. С., 2022

том ограничений, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Если обратиться к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации [4; 5], то он неоднократно подчеркивал, что закрепление в Конституции Российской Федерации принципа свободы труда, права каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию предполагает обеспечение каждому возможности на равных с другими гражданами условиях и без какой-либо дискриминации вступать в трудовые отношения, реализуя свои способности к труду, и предоставляет обязанность государства обеспечить баланс конституционных прав и свобод сторон трудового договора, справедливые условия найма и увольнения, в том числе надлежащую защиту прав и законных интересов работника как экономически наиболее слабой стороны в трудовом правоотношении, что согласуется с основными целями правового регулирования труда в Российской Федерации как социальном правовом государстве.

На сегодняшний день внешняя трудовая миграция представляет собой определенный миграционный поток в Российскую Федерацию. Хотя в последние два года в условиях эпидемиологической обстановки был временно ограничен въезд на территорию Российской Федерации иностранным гражданам и лицам без гражданства, однако был разрешен въезд узкого круга специалистов, участвующих в проведении накладки и технического обслуживания оборудования иностранного производства, а также иностранных граждан, привлекаемых к трудовой деятельности в качестве высококвалифицированных специалистов.

Так в 2020–2021 гг. были оформлены разрешения на привлечение свыше 100 тыс. иностранных работников на территории Российской Федерации, а также было выдано свыше 2 млн патентов иностранным гражданам, прибывшим на территорию Российской Федерации в порядке, не требующем получения визы [8].

Изучение практики по оценке миграционной привлекательности Российской Федерации показала, она обусловлена двумя направлениями – внутренними и внешними.

При этом усилия, предпринимаемые органами публичной власти в области воздействия на каждое из этих направлений, распределяются, недостаточно равномерно. В настоящее время ведется определенная работа по формированию благоприятных и взаимовыгодных международных отношений с основными «поставщиками» мигрантов – странами Содружества Независимых Государств.

Необходимо согласиться с Ш. С. Сулеймановой, что «болевыми точками», снижающими уровень «мягкой силы» российской миграционной привлекательности, являются низкий уровень социальной

и правовой защищенности трудящихся мигрантов. Особенно значимой проблемой является то, что в отличие от ряда стран Европейского Союза, в Российской Федерации, что большинство услуг, связанных с адаптацией, являются для трудящихся мигрантов платными. Решение данных проблем представляется актуальным шагом на пути наращивания потенциала российской «мягкой силы».

Для привлечения максимального числа мигрантов в мало заселенные субъекты Российской Федерации необходимо упростить «процедуру получения разрешительных документов для граждан, направляющихся на постоянное место жительства в районы нового освоения; а также экономически стимулировать трудящихся мигрантов, прибывающих в эти субъекты – (финансовые надбавки и налоговые льготы).

Изучение законодательства в сфере миграции в части создания режима привлекательности России для квалифицированных и высококвалифицированных специалистов показало, что для совершенствования данной сферы представляется целесообразным введение дополнительных требований к работодателю, направленных на закрепление права привлекать иностранных высококвалифицированных специалистов добросовестными хозяйствующими субъектами – (требования к численности работников организации, размер уставного капитала, сумма уплаченных юридическим лицом в календарном году налогов и сборов и страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации).

Кроме того, следует согласиться с позицией Н. В. Курдюмова об установлении возможности получения иностранными высококвалифицированными специалистами и членами их семей вида на жительство без ограничения срока действия при условии осуществления таким иностранным высококвалифицированным специалистом трудовой деятельности в Российской Федерации не менее трех лет.

Также необходимо на законодательном уровне закрепить процедуру оформления разрешения на работу иностранными высококвалифицированными специалистами, действующего на территории нескольких субъектов Российской Федерации (установить условия получения такого разрешения – наличие у работодателя (заказчика работ/услуг) обособленных подразделений в регионах предполагаемого действия разрешения на работу, объектов, на которых выполняются работы и пр., а также перечень представляемых документов и требования к ним).

Представляется целесообразным исключить из перечня документов, представляемых в органы публичной власти для продления срока действия разрешения на работу, документы, подтверждающие постановку высококвалифицированного специалиста на учет по месту пребывания. Необходимость представления указанных документов входит в противо-

речие с положениями части 4.1 статьи 20 Федерального закона от 18 июля 2006 г. (ред. от 24.02.2021) № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [3] в ситуации, когда процедура продления срока действия разрешения на работу совпадает по времени командировкой или отпуском работника (когда он физически находится за пределами России), либо с периодом времени (90-то дней с даты въезда в страну), на который высококвалифицированный специалист освобожден от выполнения обязанностей, связанных с осуществлением миграционного учета.

Одним из направлений совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере является устранение существующих противоречий в подходе к реализации порядка привлечения высококвалифицированных специалистов работодателями (заказчиками работ) услуг и предоставляемым таким специалистам преференций.

Так, в настоящее время законодательство в сфере миграции не содержит законодательного закрепления термина «квалифицированного специалиста» (именно в части квалификации) применительно к механизмам привлечения таких специалистов в различные сектора экономики.

Вместе с тем Перечень профессий иностранных квалифицированных специалистов утвержден Приложением к Приказу Минтруда от 05.07.2019 № 490н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан – квалифицированных специалистов [6], трудоустраивающихся по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются» и включает 80 позиций.

Также перечень профессий иностранных квалифицированных специалистов утвержден Приложением к приказу Минтруда России от 25.11.2019 № 734н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан лиц без гражданства – квалифицированных специалистов, имеющих право на прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» [7] и включает 135 позиций.

В заключение следует отметить, что необходимо выработать единые критерии определения квалифицированных иностранных работников, как в части требований, предъявляемых к квалификации работника, так и в части востребованности на рынке труда лиц, обладающих соответствующими квалификациями. В связи с чем, необходим единый подход к определению квалифицированных специалистов, порядку их привлечения для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru.

2. Федеральный закон от 22 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

3. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. (ред. от 24.02.2021) № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В. П. Малкова и Ю. А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // www.consultant.ru.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // www.consultant.ru.

6. Приказ Минтруда от 05.07.2019 г. № 490н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан-квалифицированных специалистов, трудоустраивающихся по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются» // www.consultant.ru.

7. Приказ Минтруда России от 25.11.2019 г. № 734н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан лиц без гражданства – квалифицированных специалистов, имеющих право на прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» // www.consultant.ru.

8. Сайт ГУВМ МВД России: <https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/>

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru.

2. Federal Law № 115-FZ of July 22, 2002 (as amended on 01.07.2021) «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // www.consultant.ru.

3. Federal Law № 109 of July 18, 2006 (as amended on 24.02.2021) «On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» // www.consultant.ru.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 19-П of December 27, 1999 «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Paragraph 3 of Article 20 of the Federal Law «On Higher and Postgraduate Professional Education» in connection with the complaints of citizens V. P. Malkov and Yu. A. Antropov, as well as the request of the Vakhitovsky District Court of Kazan» // www.consultant.ru.

5. Resolution of the Constitutional Court RF dated March 15, 2005 № 3-П «In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 278 and Article 279 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph 2 of paragraph 4 of Article 69 of the Federal Law «On Joint Stock Companies» in connection with the requests of the Volkhov City Court of the Leningrad region, the Oktyabrsky District Court of the city of Stavropol and complaints of a number of citizens» // www.consultant.ru.

6. Order of the Ministry of Labor dated 05.07.2019 № 490n «On approval of the list of professions (specialties, positions) of foreign citizens-qualified specialists employed in their existing profession (specialty), for which quotas for issuing work permits to foreign citizens arriving in the Russian Federation on the basis of a visa do not apply» // www.consultant.ru.

7. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation № 734n dated 25.11.2019 «On approval of the list of professions (specialties, positions) of foreign citizens of stateless persons – qualified specialists eligible for admission to citizenship of the Russian Federation in a simplified manner» // www.consultant.ru.

8. Website of the GUVM of the Ministry of Internal Affairs of Russia: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/>

Библиографический список

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденная Указом Президен-

та Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.

2. Малышев Е. А. Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции : теория и практика : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 240 с.

3. Прудников А. С. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Харламов С. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 215 с.

4. Прудников А. С. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Дутов П. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 191 с.

5. Прудников А. С. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Харламов С. О., Прудникова Т. А. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 535 с.

Bibliographic list

1. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation № 622 dated October 31, 2018.

2. Malyshev E. A. State management in the field of external labor migration : theory and practice : monograph. M. : Justicinform, 2017. 240 p.

3. Prudnikov A. S. Activity of divisions of internal affairs bodies on migration issues. Legal and organizational aspects : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Kharlamov S. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 215 p.

4. Prudnikov A. S. Legal regulation of external labor migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Dutov P. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 191 p.

5. Prudnikov A. S. State-legal foundations of population migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Kharlamov S. O., Prudnikova T. A. M. : UNITY-DANA, 2021. 535 p.

Информация об авторе

А. С. Прудников – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the author

A. S. Prudnikov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-196-200>

НИОН: 2015-0066-3/22-357

MOSURED: 77/27-011-2022-03-556

Проблемы образовательной миграции и пути ее решения

Алина Андреевна Самитова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

Alina.samitova29@yandex.ru

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и муниципального права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент **М. В. Донская**

Аннотация. Рассматриваются вопросы образовательной миграции. На сегодняшний день существуют проблемы, связанные с отсутствием законодательного закрепления в области миграционной политики «учебной визы», что вызывает сложности для иностранных студентов при въезде и выезде из Российской Федерации. Также существует проблема, связанная с трудоустройством иностранцев во время обучения в российских вузах. Все эти проблемы требуют деятельного разрешения. Для более полного изучения данных проблем был рассмотрен и опыт зарубежных стран, в частности Канады.

Ключевые слова: образовательная миграция, законодательство, нормативные акты, иностранцы, мигранты

Для цитирования: Самитова А. А. Проблемы образовательной миграции и пути ее решения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 196–200. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-196-200>.

Original article

Problems of educational migration and ways of its solution

Alina A. Samitova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Alina.samitova29@yandex.ru

Scientific supervisor: Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **M. V. Donskaya**

Abstract. The issues of educational migration have been considered. To date, there are problems associated with the lack of legislative consolidation in the field of migration policy of the «study visa», which causes difficulties for foreign students when entering and leaving the Russian Federation. There is also a problem related to the employment of foreigners while studying at Russian universities. All these problems require active resolution. For a more complete study of these problems, the experience of foreign countries, in particular Canada, was also considered.

Keywords: educational migration, legislation, regulations, foreigners, migrants

For citation: Samitova A. A. Problems of educational migration and ways of its solution. Bulletin of economic security. 2022;(3):196–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-196-200>.

Для изучения вопроса, связанного с проблемами образовательной миграции, следует выяснить, что же представляет собой само понятие «миграция» и в чем сущность данного процесса. Формирование понятия «миграция» началось с конца XIX в. Английский географ Е. Равенштейн впервые дал научное опре-

деление, в котором миграция понималась как постоянное или временное изменение места жительства человека [3].

Следовательно, миграция – это объективное, характеризующееся социально-экономическими, а также политическими и демографическими причинами

явление. На сегодняшний день можно проследить, из каких стран преимущественно приезжают в Российскую Федерацию (рис. 1).

Анализируя данные рисунка 1, можно сделать вывод, что наибольшее количество иностранцев прибыло из таких стран, как Таджикистан, Китай, Грузия, Германия и другие.

Одной из разновидностей является образовательная миграция. Ее актуальность выражается в потребности получения образования или повышения уровня квалификации. Однако образовательная миграция представляется широким понятием, которое включает в себя не только получение образования или повышения квалификации, но также прохождение курсов, получение дополнительного образования, прохождение стажировок и многое другое.

Как показывают российские и зарубежные исследования, учебные мигранты являются одной из наи-

более хорошо адаптирующихся групп мигрантов. Неслучайно миграционная политика многих стран мира рассматривает иностранных студентов как одну из самых желательных категорий иммигрантов. Но нужно заметить, что существуют определенные проблемы адаптации иностранных студентов и процесс адаптации учебных мигрантов не проходит без проблем.

По данным Министерства науки и высшего образования за период 2019–2020 гг., количество иностранных студентов составило порядка 315 тысяч человек [5]. От общего числа студентов Российской Федерации этот показатель составил 8 %. Для сравнения можно привести 2014–2015 гг., тогда количество учебных мигрантов составило лишь 183 тысячи.

Говоря о проблемах, связанных с трудовой миграцией, следует определить большую правовую проблему. Суть заключается в том, что отечественное законодательство не содержит закрепленного понятия

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Прибыло в РФ	191656	356535	417681	482241	590824	598617	575158	589033	565685
из стран СНГ	171940	310549	363955	422738	529448	536157	511773	524452	510994
Азербайджан	14500	22316	22287	23453	26367	24326	24109	25602	26690
Армения	19890	32747	36978	42361	46568	45670	43929	46898	46442
Беларусь	4894	10182	16564	15748	17931	17741	14590	21282	19045
Казахстан	27862	36474	45506	51958	59142	65750	69356	71680	72141
Киргизия	20901	41562	34597	30388	28543	26045	28202	41166	44408
Республика Молдова	11814	19578	23594	28666	32107	34026	32418	31369	30676
Таджикистан	18188	35087	41674	51011	54658	47638	52676	63467	67929
Туркмения	2283	4524	5442	5986	6038	6539	7242	8734	10509
Узбекистан	24100	64493	87902	118130	131275	74242	60977	64073	55378
Украина	27508	43586	49411	55037	126819	194180	178274	150182	137776
из стран дальнего зарубежья	19716	45986	53726	59503	62376	62460	63385	64581	54691

Рис. 1. Статистика миграционных процессов за период с 2010 по 2018 года [6]

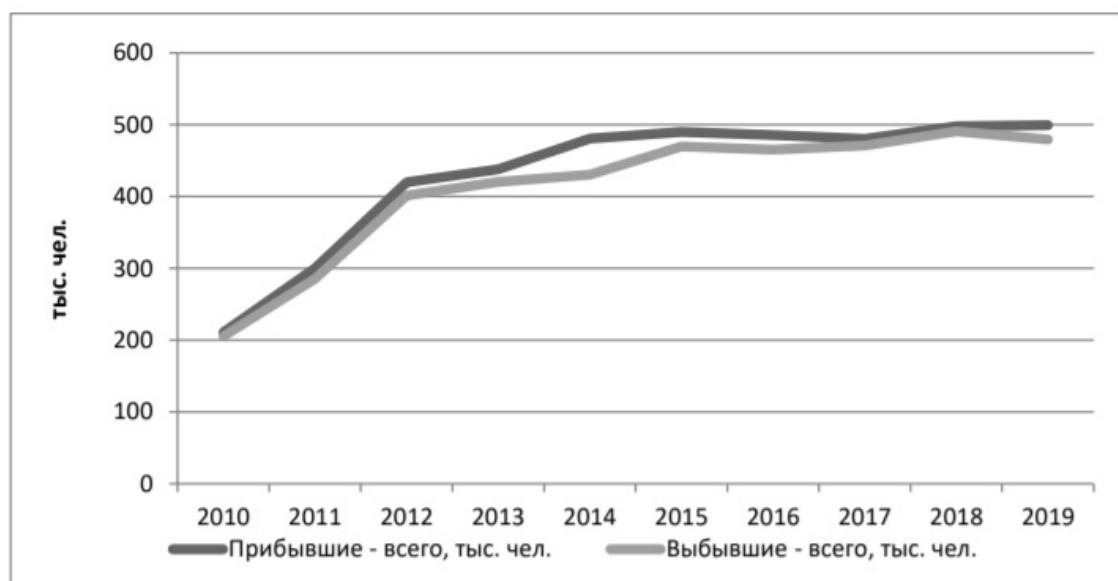

Рис. 2. Прибытие и выбытие мигрантов в период с 2010 по 2019 годы

«образовательная миграция». Данный факт порождает многие проблемы. Основными из них можно выделить отсутствие четкого понимания предмета регулирования данного процесса, а также субъектный состав образовательной миграции.

Безусловно, отсутствие четкого понятия образовательной миграции не затрудняет процесс правового регулирования статуса мигрантов, которые пребывают в Российскую Федерацию для получения образования. При этом, в случае, если данное явление будет нормативно закреплено, это будет способствовать уточнению и разъяснению, а также налаживанию механизмов по продвижению страны на мировой рынок образовательных услуг. Это также будет способствовать усилению страны на международной арене.

Еще одной положительной тенденцией является то, что в случае нормативного закрепления данного определения будет способствовать перемещению фокуса миграционной политики на удержание актуальных на трудовом рынке категорий мигрантов, которые имеют все необходимые квалификационные критерии для успешного развития страны и соответствуют социальным параметрам [1].

Конституция Российской Федерации определила нормативную базу для формирования законодательства, которое регулирует миграционные процессы. Помимо этого, в этом законодательстве также указывается статус мигрантов, их права и обязанности. Также здесь отражаются полномочия органов исполнительной власти, касающиеся вопросов по регулированию миграционных процессов. Однако для модернизации данного законодательства необходимо добавить вопросы, касающиеся непосредственного регулирования образовательной миграции. В качестве успешного примера можно обратиться к законодательству других стран.

Сегодня существует достаточная база нормативных правовых актов в области миграционной политики государства, однако по вопросам образовательной миграции эти аспекты нашли свое отражение лишь в некоторых статьях Федерального закона от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [7]. Эти положения носят лишь ограничительный характер и касаются в основном порядка их пребывания на территории РФ и их трудовой деятельности.

Теперь рассмотрим основные проблемы образовательной миграции.

Так, в первую очередь, стоит сказать, что поступающие из других государств в учебные заведения Российской Федерации пребывают в Российскую Федерацию не по образовательной визе, а по туристической. Иногда встречаются мигранты, которые пребывают на территорию страны по частной визе. Если иностранный гражданин успешно сдает

экзамены и зачисляется в российский ВУЗ, то встает вопрос о том, как беспрепятственно выехать из страны для оформления учебной визы. Как правило, это возможно лишь в случае наличия приглашения образовательной организации, в которую он был зачислен.

Непосредственная проблема выражается в том, что в российском законодательстве в качестве целей въезда на территорию Российской Федерации не предусмотрена такая причина, как поступление в образовательное учреждение. В данном случае иностранному студенту не требовалось бы выезжать за пределы России для дальнейшего получения приглашения и оформления образовательной визы с целью обратного возвращения для обучения в этом же образовательном учреждении. В качестве примера можно рассмотреть практику Канады или Америки, где данный тип визы существует. Он называется «будущий студент» или «подготовительное обучение». Наличие такой категории визы дает возможность иностранцам въехать на территорию этих стран без наличия приглашения их образовательного учреждения, а затем поступить в выбранный ВУЗ и остаться там обучаться дальше [2].

Еще одной актуальной проблемой сегодня является тот факт, что иностранцы, которые мигрируют в Российскую Федерацию и планируют обучаться в отечественных образовательных учреждениях, могут проходить лишь по одной образовательной программе. В тех случаях, когда происходит смена уровня образовательной программы, продление учебной визы без выезда из России не допускается. Связано это с тем, что цель въезда на территорию Российской Федерации становится неактуальной. Так, например, иностранный студент въезжает на территорию государства для изучения русского языка на специальных курсах. Его обучение будет реализовано на подготовительном отделении образовательного учреждения, на платной основе и при наличии образовательной визы. Отсюда можно определить, что целью данной визы является непосредственное прохождение курсов. Если иностранец в дальнейшем планирует продолжать обучение на территории Российской Федерации, то в таком случае ему следует изменить цель визы. Теперь это будет не прохождение курсов, а непосредственное обучение.

Отсюда возникает сложность – при изменении цели въезда на территорию Российской Федерации, студенту необходимо уехать обратно в свою страну и оформлять документы для учебной визы заново. В большинстве случаев студенты не имеют достаточных денежных средств для оплаты проезда и расходов на оформление документов, ввиду чего остаются у себя на родине и не возвращаются обратно в Россию.

В связи с этой проблемой российские вузы теряют большое количество потенциальных студентов, так как в полномочия ВУЗа не входит продление учебной визы, которые бы хотели остаться в России для продолжения своего обучения. При этом сами иностранные студенты не желают оплачивать двойные перелеты и расходовать свои средства. Возвращаясь к рассмотрению опыта Канады, то можно заметить тенденцию, что в случае перехода иностранного студента на другой уровень обучения, они вправе без проблем продлить уже имеющуюся учебную визу без затрат на въезд и выезд за пределы страны.

Третья проблема выражается в совмещении учебы и работы образовательными мигрантами. В отличие от российских студентов, у иностранцев такой возможности нет. Они могут лишь осуществлять трудовую деятельность без оформления разрешения на работу только во внеучебный период (как правило, это каникулы, либо иное неучебное время).

Если студент из России может оформить индивидуальный план и совмещать учебу и работу, либо ничего не оформлять, то иностранные студенты без оформления разрешения на работу – нет.

Это порождает проблему нелегальной рабочей силы. Связано это также с тем, что на рынке труда отсутствуют вакансии для иностранцев, находящихся на учебе в образовательных учреждениях, либо заработная плата, которая может быть им предоставлена, крайне мала. Сюда же следует включить низкие стипендии и нежелание самих мигрантов оформлять разрешение на работу.

В этом случае перед учебными заведениями встает много проблем: учитывая, что иностранные студенты не имеют легального статуса, при выявлении факта нелегального трудоустройства миграционная служба может наложить штрафы на учебное заведение.

Проблемный аспект выражается в том, что многие организации готовы трудоустроить иностранцев на оплачиваемую стажировку. Однако ввиду отсутствия у них разрешения на данную деятельность, работодатели не могут установить базовые трудовые отношения с такими студентами. Обратная сторона заключается в нежелании иностранцев проходить длительный и непростой этап в оформлении этого разрешения. При этом, стоит отметить, что многие фирмы и образовательные учреждения заключают двухсторонние соглашения с целью привлечения иностранных студентов, имеющих потенциал и квалификационные требования на оплачиваемую стажировку.

Однако такой опыт встречается редко и ввиду этого работодатели отдают предпочтение российским студентам. Данное явление очевидно нарушает принцип равенства, который закреплен на конституционном уровне. При этом данные ограничения не ока-

зывают положительного влияния на профессиональный уровень и качество образования иностранных студентов.

Стимулирование привлечения и интегрирования иностранцев, приезжающих в Российскую Федерацию по учебной визе должно являться одной из задач государства, так как подобные действия будут способствовать повышению экономического, социального, культурного уровня.

В целях разрешения всех вышеназванных проблем предлагается реализация следующих мер:

1. Необходимо разработать государственную программу, которая будет направлена на поддержку учебной миграции в Российской Федерации. Она будет способствовать привлечению новых студентов, а также укреплению внешнеэкономических связей с теми государствами, из которых прибывают мигранты.

2. Модернизация национального законодательства по вопросам регулирования миграционных, трудовых и пенсионных аспектов, которые касаются прав мигрантов по вопросам пребывания и адаптации в Российской Федерации.

3. Необходимо создать программы, направленные на привлечение учебных мигрантов не только в столицу, но и также в субъекты Российской Федерации, что также положительно отразится на их экономической и иной составляющей. Большинство отечественных выпускников ВУЗов уезжают после окончания обучения в Москву и иные крупные города, в связи с этим возникает острая нехватка кадров. Привлечение иностранных студентов на работу в субъектах РФ будет способствовать решению данной проблемы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для решения всех задач, которые сегодня стоят перед государством в области миграционной политики в сфере образования, необходимо приложить достаточно усилий. Следует ликвидировать негативные тенденции и факторы, которые препятствуют развитию образовательной миграции, так как этот вид миграции может оказать положительное влияние на развитие российского государства в целом, а также повышение его статуса и авторитета на международном уровне.

Список источников

1. Апанович М. Ю. Образовательная миграция в России : точки развития // Вестник науки и образования. 2015. № 9 (11). С. 79–82.
2. Кузнецова О. В. Проблемы правового регулирования образовательной миграции в Российской Федерации на примере зарубежных стран // Молодой ученый. 2016. № 27 (131). С. 575–578.
3. Марианский А. Современные миграции населения. М. : Статистика, 2010. 224 с.

4. Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция : понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2010. С. 67–74.

5. Отчет Министерства науки и высшего образования Российской Федерации 2021 год. [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=23224 (дата обращения: 29.11.2021).

6. Статистика миграции по данным Росстат – Статистика и показатели, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/> (дата обращения: 08.01.2022).

7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2002. Ст. 9066.

References

1. Aranovich M. Yu. Educational migration in Russia : points of development // Bulletin of Science and Education. 2015. № 9 (11). P. 79–82.

2. Kuznetsova O. V. Problems of legal regulation of educational migration in the Russian Federation on the example of foreign countries // Young scientist. 2016. № 27 (131). P. 575–578.

3. Mariansky A. Modern migrations of the population. M. : statistics, 2010. 224 p.

4. Mitin D. N. Educational (educational) migration : concept, problems and solutions // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series : Political Science. 2010. P. 67–74.

5. Report of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation 2021. [Electronic resource]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=23224 (accessed: 29.11.2021).

6. Migration statistics according to Rosstat – Statistics and indicators, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/> (accessed: 08.01.2022).

7. Federal Law of July 25, 2002 № 115-FZ «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (as amended on July 3, 2016) // Rossiyskaya Gazeta. 2002. Art. 9066.

Информация об авторе

А. А. Самитова – курсант 293 учебного взвода Факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Samitova – Cadet of the 293rd training platoon of the Faculty of Training Police Officers for Public Order Units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-201-206>

НИОН: 2015-0066-3/22-358

MOSURED: 77/27-011-2022-03-557

Проблемы качества и полноты собранных доказательств при расследовании хищения предметов, имеющих особую ценность

Евгения Юрьевна Самолаева¹, Татьяна Николаевна Бородкина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ samolaeva@mail.ru

² tanya_nik80@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с совершением хищений предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Дана оценка числа совершаемых уголовно наказуемых деяний; раскрыто понятие «особая ценность» предметов; перечислены доказательства, собираемые по уголовным делам о хищениях предметов, представляющих особую ценность; раскрыто понятие «предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность», обозначены проблемы, касающиеся полноты и качества собранных доказательств; обосновывается необходимость тщательной оценки доказательств по уголовным делам рассматриваемой категории, в том числе для доказывания умысла на совершение преступления.

Ключевые слова: хищение, особая историческая, научная, художественная, культурная ценность, доказывание

Для цитирования: Самолаева Е. Ю., Бородкина Т. Н. Проблемы качества и полноты собранных доказательств при расследовании хищения предметов, имеющих особую ценность // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 201–206. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-201-206>.

Original article

Problems of quality and completeness of the collected evidence in the investigation of theft of items of special value

Evgeniya U. Samolaeva¹, Tatiana N. Borodkina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ samolaeva@mail.ru

² tanya_nik80@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the commission of theft of objects of special historical, scientific, artistic or cultural value. The authors estimate the number of criminally punishable acts committed; the concept of «special value» of objects is disclosed; evidence collected in criminal cases of theft of objects of special value is listed; the concept of «objects of special historical, scientific, artistic or cultural value» is disclosed; problems concerning the completeness and quality of the collected evidence are identified; the necessity of a thorough assessment of evidence in criminal cases of the category under consideration, including for proving intent to commit a crime, is substantiated.

Keywords: embezzlement, special historical, scientific, artistic, cultural value, proof

For citation: Samolaeva E. U., Borodkina T. N. Problems of quality and completeness of the collected evidence in the investigation of theft of items of special value. Bulletin of economic security. 2022;(3):201–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-201-206>.

Проблема раскрытия и всестороннего расследования преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, на сегодняшний день стоит достаточно остро. Российская Федерация находится на третьем месте в

мире после Италии и Чехии по числу преступлений, связанных с хищением культурных ценностей [1]. В то же время число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, остается относительно невысоким.

© Самолаева Е. Ю., Бородкина Т. Н., 2022

Так, за 2019 г. на территории РФ было похищено около 78 000 предметов, имеющих особую культурную ценность, из них: иконы составили около 45 000 (60 % от общего числа похищенных предметов). Далее значатся монеты и денежные знаки – около 12 000, затем ордена и медали – около 7 000. Чуть меньшее количество составили старинные и редкие книги – 5 000 экземпляров [2]. При этом число осужденных за данный вид преступлений составило всего 20 человек [3].

Интересно, что в 2020 г., за период пандемии COVID-19, из-за того, что во многих странах действовало ограничение на перемещение через границы, преступники искали иные способы хищений, раскопок, а также контрабанды предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. За данный период, согласно статистическим данным, было осуждено 6 человек [3].

Из анализа диспозиции ст. 164 УК РФ следует, что под предметом хищения понимаются предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Данное понятие является сложным для определения в юридическом смысле слова и включает особые материальные и духовные ценности для общества по определенным признакам.

Ученые высказывают различные мнения относительно того, какие признаки составляют понятие «предметов, представляющих особую ценность». Так, Ю. П. Марданов определяет предметы с позиции старины, а в отдельных случаях – их «уникальности» [4, с. 28]. Л. Р. Клебанов к культурным ценностям относит материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком либо природой, имеющие историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для общества или государства независимо от формы собственности [5, с. 73].

Буданова Е. А., Буданов С. А. отмечают, что под предметом преступления понимают «не рядовые вещи, обладающие признаком материальной стоимости, а такие, которые имеют специфические, порой не поддающиеся стоимостной оценке признаки, ставящие их в особый, обособленный ряд среди других предметов, охраняемых законом (старина, уникальность, редкость, государственная значимость и др.)» [6, с. 121].

Таким образом, главной характеристикой предметов преступления в ст. 164 УК РФ является их особая значимость для общества или государства.

Специфические признаки предмета устанавливаются посредством назначения и производства судебной экспертизы (например, историко-культурной, искусствоведческой), в процессе производства которой устанавливается его стоимость и значимость для истории, науки, искусства или культуры [7].

Перечень предметов, входящих в понятие «культурные ценности», содержится в ст. 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [8]. Это редкие рукописи и документальные памятники; архивы, включая фото-, фоно-, кино-, видеоархивы; уникальные и редкие музыкальные инструменты; почтовые марки, иные филателистические материалы (отдельно или в коллекциях); старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы коллекционирования, редкие коллекции и образцы флоры и фауны; предметы, представляющие интерес для таких наук, как палеонтология, минералогия, археология, в том числе копии, взятые под охрану государством как памятники истории и культуры.

На практике отмечаются проблемы, связанные с раскрытием данных преступлений, а также полнотой и качеством собранных по делу доказательств. Так, сложность с раскрываемостью связана, прежде всего, с тем, что хищение ценностей обычно происходит «под заказ», а совершение преступления досконально продумано и полностью спланировано. Выявление и обнаружение похищенных культурных ценностей при пересечении границы РФ также не всегда эффективно, поскольку нередко они маскируются под предметы, такую ценность не имеющие (по Закону РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) запрещено вывозить из страны предметы, произведенные более 100 лет назад – *Прим. авторов*). Используются и иные способы сокрытия факта их перемещения, например, путем внесения в пассажирскую таможенную декларацию недостоверных сведений о перемещаемом предмете. Также для этих преступлений характерно использование коррупционных схем и совершение их организованными преступными группами.

Особенностью хищений предметов, имеющих особую ценность, можно назвать то, что в основном эти преступления совершаются в форме кражи, тайно. Преступник нередко готовится к хищению, стремится быть незамеченным в своих действиях, оставить минимум следов и информации о себе. Владельцы и хранители ценных предметов порой упрощают эту задачу похитителю, когда не принимают надлежащих мер по их охране (например, при хранении частных коллекций дома, в небольших музеях, церквях, часовнях и т. д.) Совершению указанных преступлений также способствуют активные перемещения граждан и товара за границу, что затрудняет поиск похищенного.

Несмотря на трудности, необходимо устанавливать все обстоятельства независимо от объема имеющейся на момент совершения преступления информации и проводить тщательное его расследование. Любые обстоятельства совершения преступления определяют объем его доказательственной базы. Что касается поиска похищенного, то современные методы противодействия данным преступлениям постоянно совершенствуются. Так, Интерпол в 2021 г. разработал первое мобильное приложение «ID-Art» и базу данных о похищенных произведениях искусства, в которой содержится информация о более чем 52 000 объектах из 134 стран мира, что позволяет быстро проверить, не был ли объявлен проверяемый экспонат похищенным.

По уголовным делам данной категории возможно получение различных доказательств. Обычно к ним относятся: показания представителей потерпевшей стороны, свидетелей-очевидцев преступления, протоколы осмотров места происшествия, предметов, назначение судебных экспертиз, вещественные доказательства (например, записи с камер видеонаблюдения, предоставляемые органам расследования на CD-дисках или USB-флэш-накопителях, на которых зафиксирована информация об обстоятельствах совершения хищения предметов, имеющих особую ценность) и др.

Специфика доказывания рассматриваемых преступлений состоит, прежде всего, в особенностях использования специальных знаний, а основная сложность следственной работы связана с привлечением узких специалистов при производстве следственных действий и исследований.

Помимо назначения судебных экспертиз (искусствоведческой, историко-культурной, геммологической, генетической, дактилоскопической, трасологической и др.), в ходе доказывания следователи получают показания специалистов (искусствоведов, представителей Музейного фонда РФ Департамента музеев Министерства культуры РФ, различных музеев России, художников-реставраторов, Русской православной церкви, представителей других конфессий и т. д.). По запросу следователя также представляются: различные справки из музеев (содержащие наименование объекта и его описание); акты, отражающие поступление произведений в книге поступлений или внесение объекта в Государственный каталог Музейного фонда, а также в программу «КАМИС» (Комплексная автоматизированная музейная информационная система, используется сотрудниками музеев для осуществления научно-фондовой и учетной работы), ответы на запросы из Министерства культуры РФ, контракты между выставочными Галереями и музеями на оказание Галерее услуг по предоставлению во временное пользование экспонатов на выставке.

Учитывая, что предметами преступления выступают коллекционные ценности, антикварные предметы искусства, предметы с исторической атрибутикой, редкие и уникальные объекты, для всестороннего и быстрого раскрытия преступлений данной категории требуются узкопрофильные специалисты, обладающие редкими и глубокими знаниями в области: иконографии, археологии, нумизматики, искусства, живописи, этнографии, и т. д. Такие специалисты зачастую находятся в различных субъектах Российской Федерации и решение организационных вопросов, связанных с их участием в следственных действиях, могут затянуть расследование уголовного дела.

Описание старинных монет, археологической керамики, произведений графики, оружия, рукописей, редких книг, картин и других объектов культурного наследия требуют использования специфической терминологии, которой следователи не всегда обладают. Присутствие специалиста позволяет следователю более качественно оформить протокол (например, осмотра места происшествия, осмотра предмета или документа), в частности подробно описать и правильно упаковать обнаруженные предметы искусства, экспонаты музеев, исторические документы, иконы и т. д. В зависимости от обнаруженного объекта могут привлекаться в этом качестве: иконописцы, археологи, нумизматы, искусствоведы, живописцы, этнографы и др. Рекомендуется пользоваться рекомендациями, разрабатываемыми учеными-специалистами для наиболее эффективного проведения осмотров места происшествия в культовых храмах с учетом религиозных канонов поведения в помещении той или иной религиозной конфессии (православного храма, костела, мечети, синагоги) [9, с. 59]. При проведении данного следственного действия рекомендуется привлекать священнослужителей, представителей религиозных организаций, учитывать требования, нормы и правила поведения в них, чтобы не оскорбить чувства верующих.

Важное место в доказывании преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, занимают показания обвиняемого, в которых он может согласиться с обвинением, раскаяться, или наоборот, отрицать вину, не соглашаться с обвинением, приводя аргументы в свою защиту.

В первом случае проблем с принятием решения судом о виновности и постановкой приговора обычно не возникает. Как правило, данные уголовные дела рассматриваются (с учетом категории преступления (ст. 15 УК РФ), наличия достаточных собранных доказательств по делу) в порядке, содержащемся в гл. 40 УПК РФ без проведения судебного разбирательства [например, 10]. В другой ситуации, когда обвиняемый свою вину не признает, или признает частично (например, только в части изъятия, но отсутствия умыс-

ла на хищении), особое внимание уделяется доказательствам, подтверждающим умысел на совершение данного преступления.

Для данного состава преступления проблема установления умысла представляется достаточно актуальной. Приведем пример уголовного дела, в котором лицо было задержано на месте преступления и предмет, представляющий особую историческую, научную, художественную и культурную ценность у данного лица был обнаружен и изъят [11].

Так, обвиняемая в хищении из государственной библиотеке документа, представляющего особую ценность, утверждала, что случайно его вынесла из читального зала. Сделала она это не специально, а вследствие своего нервного состояния, сложившегося из-за некомфортной работы в зале, усталости, состояния здоровья, отсутствия взаимопонимания со стороны сотрудников библиотеки. Все доказательства этого дела были построены стороной обвинения на протоколировании факта обнаружения и изъятия указанного документа у обвиняемой, его исследовании, оценке показаний свидетелей (наблюдавших действия обвиняемой в зале и оценивших их как умышленные манипуляции с целью хищения, а также присутствовавших при их изъятии) и записи с камер видеонаблюдения.

Суд посчитал представленные органами расследования доказательства достаточными, доводы подсудимой несостоятельными и вынес обвинительный приговор.

По мнению суда о корыстном умысле действий женщины свидетельствовали: факт изъятия документа в ходе личного досмотра в присутствии сотрудников библиотеки (а не его добровольная выдача); знание подсудимой требований и правил работы с архивными документами (подтвержденные ее подписью); показания свидетелей и представителя потерпевшего. Для опровержения наличия у подсудимой сложного психоэмоционального состояния в момент совершения деяния была назначена и проведена судебно-психиатрическая экспертиза, которая установила отсутствие у женщины каких-либо психических расстройств и признала ее вменяемой.

Следует отметить, что показания свидетелей (сотрудников библиотеки), обнаруживших пропажу документа и вызвавших сотрудников полиции, судьей лично не заслушивались, а оглашались в порядке ч. 1 ст. 281 УПК РФ. В своих оглашенных показаниях свидетели оценивали действия подсудимой на основании просмотра видеозаписей, делали субъективные заключения об умысле ее действий, анализируя и описывая их, например, следующим образом: «Седова Е. Д., берет лист из дела и аккуратно, полагая, что действует незаметно, складывает лист». О требовании выдать документ добровольно (без производства

досмотра) в своих показаниях сотрудники библиотеки не указывают. Но об этом дают показания представители потерпевшей стороны (руководитель архива и директор библиотеки), которые при задержании не присутствовали и знают о произошедшем со слов сотрудников, выявивших пропажу документа и просмотревших видеозапись события.

Наличие записей с камер видеонаблюдения упоминается среди доказательств, но их содержание не раскрывается, не характеризуется и не оценивается судом. То есть, действительно ли имели место какие-либо манипуляции, о которых указывают сотрудники библиотеки, из анализа приводимых в обоснование обвинительного приговора доказательств не ясно.

Представленные данные о личности подсудимой соответствуют минимальным необходимым требованиям (положительные характеристики, информация об отсутствии судимости, состоянии здоровья, наличии иждивенцев), но не достаточно полная. Помочь понять действия подсудимой могли бы показания коллег, близких и родственников подсудимой, ее образ жизни. Возможно, проведение обыска в ее квартире для выявления, могли быть ею ранее совершены иные преступные действия.

Нет ответа на вопрос, почему назначена судебно-психиатрическая, а не *психолого-психиатрическая* (выделено авторами) экспертиза с постановкой психологических вопросов о состоянии женщины, на которое она указывает, и его оценка в заключении. Оценка психологического состояния произведена судом лично и основана на отсутствии постановления на учет у психиатра и признании ее вменяемой.

Все приведенные обстоятельства говорят о том, что при всей кажущейся очевидности совершенного деяния и виновности лица, доводы стороны обвинения, обосновывающие наличие умысла на совершение общественно опасного деяния, не всегда подвергаются полноценной критике и тщательной оценке, а доводы защиты изначально рассматриваются как неосновательные. В то же время определение умысла – это одно из важнейших и, несомненно, наисложнейших проблем в доказывании.

Как следует из вышеизложенного, необходимо не только понимать содержание предмета преступления ст. 164 УК РФ, но также знать и уметь устанавливать все признаки его состава, максимально эффективно используя регламентированные уголовно-процессуальным законодательством инструменты. Важным является не только выявление виновного, но и выяснение всех обстоятельств, подлежащих установлению по делу, убедительно подтверждающих виновность лица в инкриминируемом деянии. Это необходимо для принятия в отношении этого лица справедливого судебного решения.

В заключение отметим, что проблемы доказывания напрямую связаны с реализацией принципов уголовного судопроизводства и способствуют успешной борьбе с преступностью в рассматриваемой сфере. Оперативное раскрытие и всестороннее расследование этих преступлений позволит не только выявить и привлечь к ответственности виновного, но и пресечь возможные посягательства на охраняемые объекты, сохранить невосполняемое для общества культурное, историческое, научное наследие.

Список источников

1. Официальный сайт Интерпола [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interpol.int>.
2. Официальный сайт Российской газеты // За год в России похитили более 77 тысяч культурных ценностей [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/01/07/za-god-v-rossii-pohitili-bolee-77-tysiach-kulturnyh-cennostej.html>.
3. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cdep.ru>.
4. Марданов Ю. П. Уникальные вещи : особый объект посягательства, тактика опознания // Проблемы советского государства и права. Вып. 11–12. Иркутск, 1975. С. 28–31.
5. Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А. В. Наумова. М. : Норма. 2011.
6. Буданова Е. А., Буданов С. А. Проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность // Пробелы в российском законодательстве. № 2. 2013.
7. Постановление Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 29 июня 2021 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 3–5.
8. Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 08.12.2020) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. 1993. № 92. 15 мая.
9. Пупцева А. В. Проблемные вопросы, связанные с осмотром места происшествия при хищении предметов, имеющих особую ценность // Материалы криминалистических чтений. Барнаульский ЮИ МВД России. 2021. С. 59–60.
10. Дело № 1-158/2016 по обвинению Сенько Т. Б. по ч. 1 ст. 164 УК РФ // Лефортовский районный суд г. Москвы. 2016 [Электронный ресурс]: <https://mosgorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/da0fc65f-a13c-4f2b-bdd5-0acff28eb13a?respondent=%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%BE>.
11. Дело № 1-106/21 по обвинению Седовой Е. Д. по ч. 1 ст. 164 УК РФ // Басманный районный суд

г. Москвы. 2021 [Электронный ресурс]: <https://mosgorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal/details/0364e990-646d-11eb-9d74-e3dc7c9241c6?participantArticle=164&formType=fullForm>.

References

1. Official Interpol website [Electronic resource] // URL: <https://www.interpol.int>.
2. The official website of the Russian newspaper // Over 77 thousand cultural values were stolen in Russia in a year [electronic resource] // URL: <https://rg.ru/2020/01/07/za-god-v-rossii-pohitili-bolee-77-tysiach-kulturnyh-cennostej.html>.
3. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [electronic resource] // URL: <https://www.cdep.ru>.
4. Mardanov Yu. P. Unique things : a special object of encroachment, identification tactics // Problems of the Soviet state and law. Issues 11–12. Irkutsk, 1975. P. 28–31.
5. Klebanov L. R. Criminal and legal protection of cultural values / under the scientific editorship of A. V. Naumov. M. : Norm. 2011.
6. Budanova E. A., Budanov S. A. Problems of qualification of theft of objects of special value // Gaps in Russian legislation. № 2. 2013.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 27, 2002 № 29 (as amended. dated June 29, 2021) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 2. P. 3–5.
8. The Law of the Russian Federation of 15.04.1993 № 4804-1 (ed. of 08.12.2020) «On the export and import of cultural values» // Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 92. May 15.
9. Puptseva A. V. Problematic issues related to the inspection of the scene of the theft of objects of special value // Materials of forensic readings. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. P. 59–60.
10. Case № 1-158/2016 on charges of Senko T. B. under part 1 of Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation // Lefortovsky District Court of Moscow. 2016 [Electronic resource]: <https://mosgorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/da0fc65f-a13c-4f2b-bdd5-0acff28eb13a?respondent=%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%BE>.
11. Case № 1-106/21 on charges of Sedova E. D. under part 1 of Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation // Basmanny District Court of Moscow. 2021 [Electronic resource]: <https://mosgorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal/details/0364e990-646d-11eb-9d74-e3dc7c9241c6?participantArticle=164&formType=fullForm>.

Библиографический список

1. Амвросьев Д. А. Специальные знания при криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования хищений предметов, имеющих особую ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 121–123.
2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазова В. Е., Хазов Е. Н. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную или художественную ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 169–176.
3. Домовец С. С., Синкевич В. В. Осмотр места происшествия при расследовании хищений предметов, имеющих особую ценность // Современные тенденции развития науки и техники. 2015. С. 91–95.

Bibliographic list

1. Amvrosyev D. A. Special knowledge in the forensic support of disclosure and investigation of theft of objects of special value // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4. P. 121–123.
2. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Khazova V. E., Khazov E. N. Countering the theft of objects or documents of special historical, scientific, cultural, religious or artistic value // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3. P. 169–176.
3. Domovets S. S., Senkevich V. V. Inspection of the scene during the investigation of theft of objects of special value // Modern trends in the development of science and technology. 2015. P. 91–95.

Информация об авторах

Е. Ю. Самолаева – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Т. Н. Бородкина – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. U. Samolaeva – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. N. Borodkina – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-207-210>

НИОН: 2015-0066-3/22-359

MOSURED: 77/27-011-2022-03-558

Цель процесса доказывания в уголовном судопроизводстве

Виктор Анатольевич Саморока

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, samoroka@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Рассмотрена проблема неопределенности целей процесса доказывания. Резюмируется, что на современном этапе развития уголовного судопроизводства деятельность следователя и дознавателя по своей сущности являются обвинительной. Названные субъекты являются органами уголовного преследования. Их деятельность направлена на избличение лица в совершении преступления. Предлагается исходить из данного умозаключения, определяя цели процесса доказывания в стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, доказывание, обвинение, уголовный процесс

Для цитирования: Саморока В. А. Цель процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 207–210. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-207-210>.

Original article

The purpose of the evidentiary process in criminal proceedings

Viktor A. Samoroka

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, samoroka@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of proof in criminal proceedings. The problem of uncertainty of the goals of the proof process is considered. It is summarized that at the present stage of the development of criminal proceedings, the activities of the investigator and the inquirer are essentially accusatory. These entities are the bodies of criminal prosecution. Their activities are aimed at exposing a person in the commission of a crime. It is proposed to proceed from this conclusion, defining the goals of the proof process.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, proof, prosecution, criminal process

For citation: Samoroka V. A. The purpose of the evidentiary process in criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2022;(3):207–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-207-210>.

Введение

Для полноты представления о деятельности органов предварительного расследования, для понимания сущности досудебного производства необходимо уяснить вопрос, связанный с целью этой деятельности, осуществляемой по уголовному делу следователем и дознавателем. При подготовке кадров для органов предварительного расследования имеет первостепенное значение мотивация сотрудников на быстрое и качественное раскрытие и расследование преступлений, защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. И порой трудно уя-

зать те задачи, которые ставит руководство органов внутренних дел, с теми расплывчатыми предписаниями, которые закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹. Законодатель при формулировании уголовно-процессуальных норм, связанных с целями доказывания, традиционно лавирует между общепринятыми принципами международного права, конституционными предписаниями и потребностями общества в защите от преступных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Российская газета. № 249, 22.12.2001.

© Саморока В. А., 2022

посягательств, пытаюсь найти баланс и выстроить систему сдержек и противовесов.

Принято считать, что доказывание представляет собой процесс установления истины. Данный постулат относится не только к уголовному процессу, но и к любой исследовательской деятельности. Мы помним об этом из курса алгебры и геометрии средней школы, из методов научного исследования и т. п. Однако с принятием УПК РФ, данный тезис поставлен под сомнение. Действующая редакция определяет доказывание как действия по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления предмета доказывания. Понятно, что само по себе установление элементов предмета доказывания не может являться самоцелью. Так для чего же следователь, дознаватель, суд должны выяснить и закрепить в материалах уголовного дела время, место, способ совершения преступления и иные обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ? Полагаем, что путем закрепления в законе таких предписаний, законодатель пытается обосновать некие посылы, как сейчас модно употреблять на иностранный лад – message.

Возникает вопрос, является ли в современных условиях установление истины целью доказывания? Согласно УПК РСФСР установление объективной истины являлось определяющей целью уголовного судопроизводства¹. Объективная истина – это соответствие выводов в приговоре объективной реальности, отраженной в материалах дела.

Основные положения

На сегодняшний день в противопоставление объективной истине выступает формальная истина. УПК РФ полностью отказался от термина «истина» и не ставит перед правоохранительными органами задачу раскрыть преступление. В нем говорится об охранительных началах процессуального закона.

По мнению Е. Б. Мизулиной, уголовный процесс это «технологически устроенное образование, главным для которого является не цель, а результат и способы его достижения» [1, с. 74]. Согласно данной точки зрения одного из авторов УПК РФ, уголовное судопроизводство не нацелено на установление истины, а ориентировано на охрану интересов личности, на строгое соблюдение закона.

Не очень понятно, чем может помешать соблюдение закона установлению объективной картины по уголовному делу, и почему это взаимоисключающие понятия, но оставим этот вопрос на совести законо-

дателя. Тут всецело можно согласиться с позицией Л. М. Карнеевой, еще в 1973 году отметившей неразрывную связь между законностью и обоснованностью привлечения к уголовной ответственности [2, с. 3].

В отдельных работах подход к сущности доказывания дополняется вполне разумным тезисом, предполагающим необходимость обязательного удостоверения (фиксации) результатов процессуального познания в установленном законом порядке [3, с. 5].

Нам же нужно сейчас разобраться и понять, как нормативно обосновать необходимость и обязанность следователя и дознавателя раскрыть преступление и ориентировать их на качественное производство расследование.

Полагаем, что ответ данного «ребуса» следует искать в верном толковании понятия «уголовное преследование». Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Необходимо отметить ряд правовых категорий, содержащихся в данном определении, так как они помогут нам выделить сущность и обосновать цель доказывания. Во-первых, следует отметить, что содержанием уголовного преследования является процессуальная деятельность уполномоченных субъектов стороны обвинения, направленная на изобличение виновного (особенно по делам публичного и частно-публичного обвинения). Изобличение же виновного есть ни что иное, как доказывание его виновности. Так, Т. Н. Москалькова напрямую увязывает процессуальную деятельность, с деятельностью по обнаружению, собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств, применению соответствующих уголовно-процессуальных норм. При этом отличительной чертой является ее персональный состав – участниками выступают только субъекты уголовно-процессуальных прав и обязанностей, которые реализуют свои полномочия посредством совершения определенных уголовно-процессуальных действий, влекущих возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений.

Аналогичный вывод вытекает из текста ст. 73 УПК РФ, где прямо говорится, что необходимо установить виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. С учетом же того, что содержание рассматриваемой процессуальной деятельности включает следственные и иные процессуальные действия, направленные на обеспечение объективности, полноты и всесторонности расследования уголовного дела, рассмотрение и справедливое разрешение по-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (в ред. – Указов Президиума ВС РСФСР от 15.04.63..., от 29.12.2001 № 183-ФЗ, от 29.12.2001 № 192-ФЗ. Утратил силу). Так ст. 243 УПК РСФСР, определявшая предназначение и роль председательствующего в судебном заседании, прямо говорила, что он обязан принять все меры к установлению истины.

следнего, выполняемые только представителями стороны обвинения (следователем, дознавателем) можно заключить, что целью доказывания является уголовное преследование.

На обоснованность этого вывода косвенно указывают и ряд других положений УПК РФ. В первую очередь это допустимость в качестве средств доказывания только следственных и иных процессуальных действий; наличие мер уголовно-процессуального принуждения, которые применяются только стороной обвинения или судом; система стадий уголовного судопроизводства; институт приостановления предварительного следствия; институт соединения и выделения уголовных дел; возможность возвращения прокурором дела для производства дополнительного расследования, возможность производства дознания в сокращенной форме и др.

Так особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме выражаются в том, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств.

Таким образом, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе: 1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; 2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; 3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев: а) необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; б) необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; в) наличие оснований для обязательного назначения

судебной экспертизы; 4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Продолжая данный посыл, обратимся к нормам, регламентирующим особый порядок судебного разбирательства. Они также косвенно приводят нас к мысли о том, что основная цель доказывания это не защита интересов участников процесса, а изобличение виновного. Закрепленная в главе 40 УПК РФ процедура предполагает позитивное для стороны обвинения поведение обвиняемого в пассивной форме, заключающееся в отказе от оспаривания обвинения. При характеристике данного порядка судебного разбирательства уместно использовать термин «упрощенное правосудие». Данный термин применяется в ряде международных актов и считается общепринятым¹. Анализ указанных источников позволяет заключить, что категория «упрощенное правосудие» представляется включающей в себя различные процедуры принятия судебных решений, направленных на ускорение и упрощение обычного уголовного судопроизводства. Мы видим, что цель – экономия средств. Ведь в судебном заседании исследование и оценка судьей доказательств, собранных по уголовному делу, в общем порядке не проводятся. Согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ, судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ) а также обстоятельства, относящиеся к гражданскому иску, если таковой был заявлен. Поясним, что в судебном заседании, проводимом в особом порядке, не исследуются и не оцениваются непосредственно доказательства виновности подсудимого, а также обстоятельства совершения преступления, так как ранее обвиняемый согласился с обвинением. Учитывая дифференциацию, заложенную законодателем при определении подсудности, а именно тот факт, что в упрощенном порядке могут рассматриваться уголовные дела небольшой и средней тяжести, можно прийти к выводу, что понимание опасности ошибки правосудия при таком подходе присутствует. Не доверяет законодатель рассматривать в таком порядке дела тяжкие и особо тяжкие. Считает, что там все же

¹ Рекомендация № 6R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия» от 17.09.87. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 116–122.

следует основываться не только на признании вины но и исследовать доказательства непосредственно, устно и гласно.

Выводы

Таким образом, несмотря на то, что цели доказывания в законе не закреплено и, более того, по указанным выше причинам не может быть закреплено, деятельность следователя и дознавателя по своей сущности являются обвинительной. Названные субъекты являются органами уголовного преследования. Вся их деятельность направлена на **изобличение лица в совершении преступления**. Закон содержит достаточно уголовно-процессуальных средств для достижения указанной цели, однако если результатом ее достижения станет установление обстоятельств, влекущих прекращение уголовного дела, то всякая процессуальная деятельность будет завершена. Значит данная деятельность изначально предназначалась только для раскрытия преступления и изобличения виновного – доказывания виновности в совершении преступления в предусмотренном УПК порядке и ее установленность вступившим в законную силу приговором суда. А ее «побочным эффек-

том» является защита общества от противоправных посягательств и восстановление нарушенных прав потерпевшего.

Список источников

1. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России М. : Юристъ, 2006.
2. Карнеева Л. М. Привлечение лица в качестве обвиняемого. М., 1973.
3. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький : ГВШ МВД СССР, 1977.

References

1. Mizulina E. B. On the technological theory of criminal procedure // Lessons of criminal justice reform in Russia M. : Jurist, 2006. P. 74.
2. Karneeva L. M. Attraction of a person as an accused. M., 1973. P. 3.
3. Karneeva L. M. Evidence and proof during the investigation. Gorky : GSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. P. 5.

Информация об авторе

В. А. Саморока – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Samoroka – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 05.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья

УДК 343.974

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-211-215>

НИОН: 2015-0066-3/22-360

MOSURED: 77/27-011-2022-03-559

К вопросу об источниках римского права

Григорий Михайлович Сарбаев

Московское адвокатское бюро «ЗаконоведЪ», Москва, Россия, Greg@zakonoved.com

Аннотация. Источниками римского права в качестве форм выражения права или правообразования принято считать обычное право (правовой обычай), закон, эдикты магистратов и деятельность юристов. К источникам познания римского права обычно относят юридические памятники, например, законы XII таблиц, произведения римских юристов, историков, «антикваров», ораторов, писателей, философов и др.

Ключевые слова: право, римское право, законодательство, закон, правообразование, обычное право

Для цитирования: Сарбаев Г. М. К вопросу об источниках римского права // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 211–215. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-211-215>.

Original article

On the question of the sources of the Roman law

Grigory M. Sarbayev

Moscow Lawyer Office «Zakonoved», Moscow, Russia, Greg@zakonoved.com

Abstract. The sources of the Roman law as forms of expression of law or legal education are considered to be customary law (legal custom), law, edicts of magistrates and the activities of lawyers. The sources of knowledge of the Roman law usually include legal monuments, for example, the laws of the XII tables, the works of Roman lawyers, historians, «antiquaries», orators, writers, philosophers, etc.

Keywords: law, Roman law, legislation, law, legal education, customary law

For citation: Sarbayev G. M. On the question of the sources of the Roman law. Bulletin of economic security. 2022;(3):211–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-211-215>.

Римляне называли свой собственный закон *ius civile* – правовой порядок римского гражданина (*cives Romani*). Как и другие народы древности, римляне соблюдали принцип правосубъектности, согласно которому право государства распространялось только на его граждан. Таким образом, римский *ius civile* был законом, который применялся исключительно к римским гражданам.

Однако с течением времени римское право претерпело значительное расширение. С постепенным расширением римского города-государства и усложнением правовой жизни римская юриспруденция приняла идею *ius gentium* совокупность правовых институтов и принципов, общих для всех людей, подчиняющихся римскому правлению, независимо от их гражданской принадлежности. Благодаря введению *ius gentium* в свод римского права сфера применения закона была значительно расширена. Тем не менее, технически положение оставалось таким,

что некоторые правовые институты были открыты только для римских граждан. Такие учреждения классифицировались, как принадлежащие *ius civile*, в то время как другие учреждения рассматривались, как принадлежащие *ius gentium* в том смысле, что они были применимы, как к гражданам, так и к не гражданам. После распространения римского гражданства на всех свободных жителей империи конституцией императора Каракаллы в 212 году н. э. это техническое различие фактически исчезло в принципе, каждый свободный человек в империи теперь был гражданином, подчиняющимся одному и тому же закону.

Термин «источники права» обозначает способы, с помощью которых создается или возникает право. Римские юристы, несмотря на их пристрастие к классификации, никогда не были очень тонкими в своем подходе к этому термину, и были выделены различные источники, существовавшие в разные историче-

ские эпохи, чтобы отразить их преобладание в качестве средств правового развития.

В своих Институтах юрист второго века нашей эры Гай утверждает, что римское право состоит из статутов (*leg*), плебисциты (*plebiscita*), Сенат резолюции (*сенатус консульта*), указам императоров (*constitutiones principum*), эдикты магистратов (эдиктами), и ответы тех, кто узнал в законе (*респонсы prudentium*).

Мнение о том, что обычай (также называемый *mos* или *consuetudo*) был источником права, также можно найти в работе оратора и философа первого века до н. э. Цицерона, который также включил в свой список источников справедливость (*aequitas*) и решенные дела. Однако следует отметить, что концепция обычаев Цицерона отличалась от концепции составителей институтов Юстиниана. В то время как для Цицерона термин обычай обозначал традицию предков (*mos maiorum*) в контексте римского *ius civile*, тот же термин в Институтах упоминаются региональные и местные вариации законодательства Римской империи.

Отсутствие обычая в рассказах Гая и других классических юристов, вероятно, можно объяснить тем, что эти авторы не рассматривали обычай как источник права, отличный от юриспруденции, но рассматривали его, как связанную с юриспруденцией «особую форму гражданского права, которая основана без написания исключительно на интерпретации юристов».

Самым ранним источником римского права было неписаное обычное право, включающее нормы (называемые *more maiorum* пути наших предков), которые выросли из давних обычаев общины, а также из дел, возникших в результате споров, вынесенных на рассмотрение патриархов клана или короля для разрешения.

Однако архаичное римское право не отличалось единообразием, поскольку два класса, патриции и плебеи, которые составляли основную часть населения, по-видимому, отличались не только наличием различных политических привилегий, но и наличием различных систем обычного права. Дальнейшее расхождение в практике первобытного общества, из которого постепенно развился город-государство Рим, проистекало из значительной автономии в правовых отношениях, существовавших в кланах (родах), из которых сформировалась самая ранняя римская община. Самая ранняя фаза римской истории отмечена фундаментальным дуализмом *civitas* (в смысле государства или политической общности), с одной стороны, и роды с другой. Рим развивался политически, как унитарное государство, когда родовая организация пришла в упадок, а чувство единства среди населения усилилось.

Хотя сами римляне никогда не анализировали концепцию обычного права, а классические юристы не рассматривали обычай как отдельный источник права, нет сомнений в том, что римское право было почти полностью обычным по своему происхождению. Рим обязан обычаям важной частью своей семейной организации, такой как нормы, предписывающие права и обязанности членов семьи и положение главы семьи (*paterfamilias*); правила, регулирующие заключение брака; самые ранние формы владения и передачи собственности; и множество формальностей, используемых в юридической процедуре. Многие из соответствующих норм обычного права восходили к далекому прошлому римского народа, в то время как другие появились позже, в годы становления римского города-государства.

Правила и процедуры, созданные таким образом, характеризовались крайним формализмом, фактически ритуализмом приведение всех юридических актов в неизменяемую форму, где успешное завершение зависит от строгого соблюдения определенного ритуала, включающего определенные слова или жесты. Этот вид формализма имеет социально-психологическое объяснение: общественное мнение, а впоследствии и государственная власть, отказались признавать права или разрешать их применение, если только действие, создавшее их, не было совершено с такой публичностью и формальностью, которые могут привлечь внимание общества и не оставляют возможности сомневаться в его существовании.

В этой связи представляется целесообразным, чтобы материальные знаки (слова или жесты), сопровождавшие соответствующий акт, были настолько точными, чтобы не могло возникнуть сомнений в отношении его характера и объекта. Следует также отметить, что в течение длительного времени право (*ius*) почти не отличалось от религии, будучи полностью вопросом ритуала, и что понтифики (понтификаты), священники, которые были первыми регуляторами обычного права, сохраняли в нем этот ритуальный и символический характер.

С течением времени, по мере того, как римское общество продолжало расти, как в численности, так и в сложности, роль обычая, как основного источника права постепенно уменьшалась, поскольку нормы обычного права, часто расплывчатые и ограниченные по охвату, не могли обеспечить уверенности, необходимой для более сложной системы социальных и экономических отношений.

В архаический период законодательство в современном смысле и в том смысле, в каком римляне понимали его в свои политически зрелые эпохи, было практически неизвестно. Закон в основном толковался как священный обычай и, следовательно, не подлежал изменению прямыми законодательными сред-

ствами. Классический юрист Помпоний описывает состояние права в этот период, как ряд законов, называемых «законами королей» (*leges regiae*), которые предположительно исходили от некоторых ранних королей. Согласно римской традиции, эти законы были собраны и записаны в конце царской эпохи Секстом Папирием, а понтифекс максимус.

Ius civile Papirianum, как назывался этот сборник, если он когда-либо существовал, для нас утерян, но ряд правил, провозглашенных королями, сохранился в работах более поздних греческих и римских авторов. Регионы леггов вероятно, это было немногим больше, чем лоск преобладающего обычного права, которое приняло форму заявлений, составленных королями и публично объявленных во время собрания. Сохранившиеся фрагменты этих законов, насколько они подлинны, свидетельствуют о тесной связи между законом и религией, которая характеризует характер архаического права.

По большей части законы королей носили предписывающий или осуждающий характер. Примеры предписывающих законов, то есть законов, предписывающих «правильное» поведение, включают закон Ромула, первого римского царя, запрещающий жене разводиться со своим мужем и закон царя Нумы, согласно которому отец семейства не мог продать сына в рабство после того, как он дал ему разрешение жениться. Осуждающих законов, с другой стороны, устанавливающих наказания за различные формы правонарушений. Эти наказания иногда заключались в частном возмещении ущерба правонарушителю (например, возмездие (*талио*) допускалось в некоторых обстоятельствах в качестве удовлетворения за определенные формы телесных повреждений). Однако преступления особо тяжкого характера, такие, как некоторые религиозные преступления, влекут за собой более публичные формы наказания, включая ритуальную казнь. Такие наказания носили в первую очередь искупительный характер, они были направлены на устранение состояния коллективной нечистоты, возникшего в результате совершения преступления.

Традиционный отчет о событиях, приведших к принятию Закона Двенадцати таблиц, украшенный мифами и легендами, содержит несколько несоответствий и анахронизмов. В наше время вопросы о происхождении и характере децемвирского законодательства вызвали много споров. Некоторые ученые оспаривали историчность второго децемвирата и утверждали, что работа первоначальной комиссии, вероятно, была завершена консулами следующего года. Более того, историки утверждают, что отправка комиссии в Грецию крайне маловероятна, и, даже если бы такая миссия существовала, она, возможно, посетила бы только греческие города на юге Италии.

Сохранившиеся фрагменты Закона Двенадцати таблиц содержат скудный материал, в котором можно было бы непосредственно проследить греческое влияние, хотя можно проследить определенные параллели с законами других ранних обществ. Греческое влияние на кодекс, каким бы незначительным оно ни было, было неизбежным результатом длительного влияния греческой цивилизации через ее аванпосты в Южной Италии и Сицилии на Рим со времен ее младенчества. Но, несмотря на то, что некоторые из его идей, возможно, были заимствованы из греческих источников, Закон Двенадцати таблиц в основном представлял собой сборник норм местного римского обычного права, призванный не реформировать, а сделать существующий закон более определенным и более четко известным населению. Были включены только наиболее важные из этих норм, в то время как общие рамки обычного права принимались, как должное. В то же время важной целью составителей было, насколько это возможно, устранить расхождения в правовых системах внутри государства и сделать общее право для римского общества рассматриваемым в целом. Для достижения этой цели необходимо было урегулировать некоторые спорные моменты и внести некоторые новшества.

Закон Двенадцати таблиц – это в высшей степени казуистичный, ориентированный на конкретные случаи (в отличие от обобщающего, ориентированного на принципы) законодательный акт, отражающий жизнь довольно примитивного сельскохозяйственно-го сообщества.

Последующие поколения римлян испытывали величайшее почтение к Закону Двенадцати Таблиц, который был описан, как «основа всего публичного и частного права». Действительно, в течение тысячи лет это постановление оставалось единственной попыткой римлян всесторонне зафиксировать свои законы. Эта первая попытка положила начало современной истории римского права, и в течение тысячи лет она составляла основу всей правовой системы, несмотря на изменения в социальных, экономических и политических условиях. Правовое развитие в последующие столетия осуществлялось без прямой отмены положений Закона Двенадцати таблиц, но главным образом путем их толкования подготовленными юристами, которые адаптировали их к изменившимся условиям более поздних эпох.

Центральная роль понтификов в толковании и применении обычного права показывает взаимосвязь религии и права в архаическую эпоху. В течение этого периода все юридические знания ограничивались их колледжем и передавались новым членам по традиции и наставлениям. Как хранители традиций предков, только понтифики знали все законы, формы действий и ритуальные техники, придворный кален-

дарь и авторитетные мнения, высказанные их предшественниками в прошлом. Таким образом, именно к ним частные граждане должны были обратиться за консультацией о том, применяются ли конкретные нормы права к их конкретному делу и правильная процедура в судебном разбирательстве.

В более поздний республиканский период сенат стал центром правительства и важнейшим стабилизирующим фактором в республиканской конституции. Во внутренней администрации магистраты консультировались с ним по всем важным вопросам государства во внешней политике он руководил переговорами с иностранными державами, заключал договоры и назначал уполномоченных для надзора за организацией завоеванных территорий в области финансов он определял использование государственных доходов и санкционировал общественные работы, а в военном деле это определяло сферу деятельности военачальников и их снабжение людьми и средствами.

Помимо участия в разработке законодательных предложений, сенат оказывал влияние на законотворчество, консультируя преторов и других магистратов юрисдикции по вопросам реализации определенных направлений политики. В таких случаях его рекомендации, как правило, включаются в указ (*edictum praetorium*), издаваемый каждым магистратом в начале года его полномочий. Таким образом, сенат способствовал развитию арбитражного права (*ius honoagium*), то есть закона, который получил свою формальную силу от полномочий магистратов, в отличие от *ius civile* толкуется, как закон, который получил свою формальную силу из статута (*lex*) и юридического толкования (*interpretatio*).

Римское право архаического периода было построено вокруг относительно простой системы правил для общины фермеров и крупных землевладельцев, и сфера его применения не выходила за пределы города-государства Рима. Как и другие примитивные правовые системы, она была тесно связана с религией и обычаями и отличалась формализмом, жесткостью и ограниченной областью применения. В результате трансформации Рима из небольшой аграрной общины в обширную транснациональную империю в более позднюю республиканскую эпоху римляне столкнулись с проблемой того, как скорректировать свое законодательство, чтобы оно могло отвечать вызовам, налагаемым на него в эту новую эпоху.

В ответ на эту проблему римское право преодолело барьер архаичного формализма и сформировало чрезвычайно гибкую систему, которая могла постоянно адаптироваться к меняющимся требованиям социальной и коммерческой жизни. Важными факторами в этом развитии стали зарождающиеся контакты с другими культурами и все более сложные экономи-

ческие отношения между римскими гражданами и иностранцами. Переход к более гибкой системе стал возможен благодаря практике предоставления широких полномочий судебным магистратам, которые декларировали и применяли закон, что позволило им формировать закон в процессе его применения.

После введения в действие Закона Двенадцати таблиц и введения системы законодательных актов авторитетное толкование статутного права и проведение действий по закону оставались в компетенции священников.

Юридическое образование в республиканском Риме имело в основном практическую направленность не было ни теоретической, ни академической юридической подготовки, ни учебных заведений, где официально преподавалось право. По окончании базового образования молодые мужчины вступали в семью юриста, чтобы жить с семьей. Они посещали консультации, когда клиенты обращались за юридической консультацией, и сопровождали юриста на рынок, где наблюдали, как он давал юридические консультации, составлял юридические документы и помогал сторонам в судебном разбирательстве.

В более позднюю республиканскую эпоху обычай (*consuetudo*) больше не действовал, как прямой источник права. Однако она преобладала в качестве компонента при формулировании норм позитивного права, содержащихся в нормативных актах, указах мировых судей и толкованиях юристов.

Хотелось бы отметить, что после создания принципата народные собрания продолжали функционировать. Однако их значение, как конституционных органов значительно уменьшилось, поскольку принятые ими законы были частью имперской политики и выражали волю императора. Придерживаясь традиции, которая признавала принятие законов исключительно в качестве источника законодательства, Август использовал ассамблеи для обеспечения принятия нескольких важных законов. Некоторые из этих законов были приняты непосредственно по ходатайству императора, в то время как другие были приняты по ходатайству высших магистратов, хотя, очевидно, император был их реальным покровителем.

Библиографический список

1. Краткий курс по римскому праву. Учебное пособие. М. : Окей-книга, 2018.
2. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. Учебник. М. : Проспект, 2020.
3. Останина Е. А. Практикум по римскому праву. М. : Статут, 2013.
4. Пиляева В. В. Римское право в вопросах и ответах. Учебное пособие. М. : РГ-Пресс, 2020.
5. Покровский И. А. Лекции по истории римского права. М. : Едиториал УРСС, 2019.

6. Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский и др. ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юрист, 2004.

References

1. A short course on Roman law. Textbook. М. : Okey-book, 2018.
2. Novitsky I. B. Fundamentals of Roman civil law. Textbook. М. : Prospect, 2020.

3. Ostanina E. A. Practicum on Roman law. М. : Statute, 2013.

4. Pilyaeva V. V. Roman law in questions and answers. Textbook. М. : RG-Press, 2020.

5. Pokrovsky I. A. Lectures on the history of Roman law. М. : Editorial URSS, 2019.

6. Roman private law : textbook / V. A. Krasnokutsky, I. B. Novitsky, I. S. Peretersky, etc. ; edited by I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. М. : Jurist, 2004.

Информация об авторе

Г. М. Сарбаев – адвокат, общественный деятель, член Европейской ассоциации юристов, доктор права.

Information about the author

G. M. Sarbayev — Lawyer, public figure, member of the European Association of Lawyers, Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Общая теория права и государства. Курс лекций. Учебное пособие. Малахов В. П. 271 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Центральной проблемой общей теории права и государства и ее главной целью, важной и для практики, и для юридического образования, являются правопонимание и государствовопонимание. При этом понимание природы и сущности права невозможно без понимания природы и сущности государства, и наоборот.

В предлагаемом курсе лекций правопонимание достигается через видение природы и сущности как права в целом, так и множества его элементов, моментов содержания, взятое в существенном отличии, с одной стороны, от догматического выстраивания действительного права как регулятора общественных отношений, а с другой – от философского понимания права как социально-духовного феномена.

В контексте правовой теории понимание природы и сущности государства формируется посредством выявления многообразия его связей с правом и раскрытия их взаимной противоречивости.

Курс лекций соответствует действующему образовательному стандарту для вузов системы МВД России. Предназначен для студентов (слушателей), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей юридических вузов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-216-220>

НИОН: 2015-0066-3/22-361

MOSURED: 77/27-011-2022-03-560

К вопросу о правовом регулировании изъятия вещей и документов как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Юлия Николаевна Сосновская¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ lisenok1214@yandex.ru

Аннотация. Рассматривая вопросы административно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, необходимо отметить, что в действующем законодательстве существуют некоторые недочеты, требующие дальнейшего рассмотрения и разрешения. В настоящем исследовании затрагиваются вопросы реализации изъятия вещей и документов как меры административного обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

При исследовании вопросов, связанных с применением такой меры обеспечения производства как изъятие вещей и документов, произведен анализ оснований изъятия вещей и документов при осуществлении административного судопроизводства, а также рассмотрена практика применения уполномоченными должностными лицами (сотрудниками органов внутренних дел) данной меры обеспечения по делам об административных правонарушениях. Сделан вывод о том, что изъятие вещей и документов определяется лишением определенного лица возможности реализовывать правомочия собственника (владение, пользование, распоряжение) в отношении определенных предметов, в целях придания изъятым объектам доказательственного значения и их дальнейшего использования при рассмотрении дела об административном правонарушении, если имеются основания.

Ключевые слова: административное регулирование, система административного принуждения, меры обеспечения, производство по делам об административных правонарушениях, изъятие вещей (предметов) и документов, административное правонарушение, органы внутренних дел, судебная практика, обжалование, правовые ограничения

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу о правовом регулировании изъятия вещей и документов как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 216–220. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-216-220>.

Original article

On the issue of legal regulation of the seizure of things and documents as a measure to ensure the proceedings in cases of administrative offenses

Julia N. Sosnovskaya¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ lisenok1214@yandex.ru

Abstract. Considering the issues of administrative and legal regulation of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses, it should be noted that there are some shortcomings in the current legislation that require further consideration and resolution. This study touches upon the implementation of the seizure of things and documents as a measure of administrative support for proceedings in cases of administrative offenses.

When studying issues related to the use of such a measure of ensuring production as the seizure of things and documents, the grounds for the seizure of things and documents in the course of administrative proceedings were analyzed, and also considered the practice of using this measure of security by authorized officials (employees of

© Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В., 2022

internal affairs bodies) in cases of administrative offenses. The conclusion has been made that the seizure of things and documents is determined by depriving a certain person of the opportunity to exercise the powers of the owner (possession, use, disposal) in relation to certain items, in order to give the seized objects evidentiary value and their further use in the consideration of a case on an administrative offense if there are grounds.

Keywords: administrative regulation, system of administrative coercion, enforcement measures, proceedings on cases of administrative offenses, seizure of things (objects) and documents, administrative offense, internal affairs bodies, judicial practice, appeal, legal restrictions

For citation: Sosnovskaya Ju. N., Markina E. V. On the issue of legal regulation of the seizure of things and documents as a measure to ensure the proceedings in cases of administrative offenses. *Bulletin of economic security*. 2022;(3):216–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-216-220>.

Под изъятием вещей и документов понимается мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемая органами внутренних дел и иными уполномоченными органами государственной власти, включающая в себя процедуру ограничения права собственности лица (владения, использования, распоряжения) предметами и документами путем их конфискации и передачи для дальнейшего хранения в специальные учреждения [1, с. 33].

Под мерами обеспечения по делам об административных правонарушениях (далее меры обеспечения) понимается система мер административного принуждения, закрепленных в законодательных актах Российской Федерации, которые используются органами государственной власти с целью своевременного рассмотрения дел об административном правонарушении, сборе необходимой доказательственной базы с закреплением собранных сведений в строгом процессуальном порядке при наличии состава административного правонарушения. К объектам применения мер принуждения относятся лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Меры принуждения выражаются в реализации определенных ограничений прав и свобод лица, совершившего административное правонарушение.

Меры обеспечения относятся к самостоятельному виду административного принуждения, которые необходимо отграничивать от других видов системы административного принуждения для определения их специфики и предназначения [2, с. 26].

Изъятие вещей и документов выражается в ограничении определенного лица возможности реализовывать правомочия собственника (владение, пользование, распоряжение) в отношении определенных предметов, в целях придания изъятым объектам доказательственного значения и их дальнейшего использования при рассмотрении дела об административном правонарушении, если имеются основания. Изъятие вещей и документов может использоваться в качестве основной меры, а также в качестве дополнительной с другими видами административного принуждения (административным задержанием, лич-

ным досмотром, досмотром вещей, находящихся при физическом лице, а также осмотром принадлежащих юридическому лицу территорий, помещений и находящихся у него товаров, транспортных средств и иного имущества) [3, с. 11].

Таким образом, рассматриваемая мера относится к мерам, направленным на ограничение имущественных прав [4, с. 19].

Анализируя ст. 27.10 КоАП РФ, необходимо отметить, что основной целью использования изъятия вещей и документов является сбор доказательственной базы по делу об административном правонарушении, а второстепенной целью становятся пресечение и предупреждение правонарушения. То есть данная мера может применяться либо только как мера обеспечения производства, либо наряду с этим как мера предупреждения и/или пресечения [3, с. 11–12].

Институт изъятия вещей и документов в практике органов внутренних дел (полиции) как мера обеспечения по делам об административных правонарушениях сложно охарактеризовать в полной мере положительно. Практика его реализации обусловлена определенными сложностями, в основе которых лежит конфликт частных и публичных интересов.

Необходимо отметить, что в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении, по которому проводилась конфискация вещей и документов правонарушителя, такая процедура становится незаконной. Данной позиции придерживаются Конституционный суд Российской Федерации [5] и иные вышестоящие судебные органы.

Обжаловать действия органов внутренних дел (полиции) по изъятию либо во время изъятия можно двумя способами:

1. В процессе рассмотрения дела об административном правонарушении (ст. 29.7 КоАП РФ), по которому применялась мера обеспечения в виде изъятия, либо оспаривалось постановление по этому делу. В случае, если при изъятии вещей и документов были допущены нарушения, данный факт может негативно сказаться на доказательственной базе, подготовленной полицией. Например, протокол изъятия может быть исключен из числа доказательств события правонарушения, а стало быть, результаты исследований

образцов изъятой продукции (если они проводились) тоже будут исключены [6].

В любом случае, суд обязан аргументировать и проанализировать факт о незаконности изъятия вещей и документов (абз. 3 и абз. 4 п. 3.1 Постановления Пленума Верховного арбитражного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»).

При вынесении постановления по делу об административном правонарушении обязательно должен быть решен вопрос об изъятых вещах и документах. Если по какой-то причине этот вопрос решен не был, то решение должно быть следующим. Обращаться по поводу изъятого имущества следует только по процедуре, которую регламентирует гл. 30 КоАП РФ, а именно обжаловать постановление в указанной части [7].

2. В отдельном порядке от дела об административном правонарушении, но только в определенных случаях.

В первом случае можно обжаловать изъятие вещей и документов при условии, если постановление о привлечении к административной ответственности еще не вынесено или дело не передано для рассмотрения в суд. Этот подход реализуется в арбитражной практике [8; 9]. Если постановление об административной ответственности уже вынесено, то обжаловать изъятие отдельно от дела об административном правонарушении невозможно [10; 11].

Во втором случае обжаловать изъятие вещей и документов возможно при условии, если дело об административном правонарушении прекращено либо вовсе не возбуждалось, но действия по изъятию повлекли за собой нарушение прав и свобод гражданина или организации, создание препятствий к осуществлению ими прав и свобод [7].

В указанных случаях обжалование проводится либо в порядке предусмотренном гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [12], либо в порядке административного судопроизводства согласно нормам гл. 22 Кодекса арбитражного судопроизводства Российской Федерации [13]. Споры, вытекающие из фактов административно-процессуального изъятия имущества и документов, подведомственны арбитражным судам по общим правилам судебной юрисдикции, а именно в тех случаях, когда имущество изымалось у предпринимателя или организации, и при этом действия полицейских затрагивали права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Срок для обращения в арбитражный суд с соответствующими заявлениями о признании решений и действий (бездействий) по проведению изъятия не-

законным составляет три месяца со дня изъятия. Суд рассматривает дела в течение трех месяцев. В районный суд следует подавать административное исковое заявление об оспаривании решений и действий сотрудников органов внутренних дел (полиции) по изъятию вещей и документов. Заявление подается в течение трех месяцев со дня изъятия. Дело рассматривается в течение одного месяца.

Причиненный вред лицу в виду незаконного применения в отношении него изъятия вещей и документов возмещается в соответствии со ст. 1069 Гражданского Кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 27.1. КоАП РФ, п. 27 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении КоАП РФ»).

Кроме существования проблем правовой регламентации исследуемой меры обеспечения, связанной с обжалованием действий сотрудников полиции при использовании данной меры, существует еще один важный аспект, требующий нормативного правового разрешения в сторону расширения оснований применения рассматриваемой меры в производстве по делам об административных правонарушениях. Данный вопрос относится не только к деятельности органов внутренних дел (полиции), а имеет более общий характер.

В соответствии с ч. 1 ст. 27 КоАП РФ вещи, имеющие значение доказательств по делу об административном правонарушении, исключая документы, не могут быть изъяты. Такое положение, полагаем, никак не отвечает ни логике законодательства, ни потребностям правоприменительной практики.

Несложно смоделировать практическую ситуацию, в которой возникает необходимость изъять вещественные доказательства.

В целом можно отметить, что проблематика правового регулирования изъятия вещей и документов в практике органов внутренних дел (полиции) как меры обеспечения по делам об административных правонарушениях сводится к двум ключевым аспектам.

Во-первых, это проблема обжалования действий органов внутренних дел (полиции).

Во-вторых, это проблема расширения сферы действия норм об изъятии вещей и документов в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Существующие законодательные ограничения, связанные с реализацией изъятия вещей, которые могут служить орудием или предметом совершенного правонарушения, в некоторых случаях негативно сказываются на производстве по делу об административном правонарушении, что ставит под сомнение необходимость их закрепления на законодательном уровне. Для улучшения положения и реализации задач административно-юрисдикционного процесса

необходимо внести поправку в норму действующего законодательства, закрепляющей данные ограничения, в соответствии с которым в ходе производства по делам об административных правонарушениях стало возможным изымать любимые вещи и предметы в качестве доказательств, имеющих существенное значение для дела.

Аналогичный вывод относительно невозможности изъятия документов, которые стали предметом совершения правонарушения в свою очередь, будет ошибочным, поскольку всякий документ является вещью.

Изъятие вещей и документов в практике органов внутренних дел (полиции) как меры обеспечения по делам об административных правонарушениях и пути их преодоления логически выстроенный институт, нормы которого направлены на достижение процессуальных и правоохранных целей. Его значение достаточно велико, поскольку именно он служит весомой гарантией эффективности производства по делу об административном правонарушении.

Законодательство достаточно полно регламентирует основания и порядок применения норм института изъятия вещей, но это не делает его совершенным. Правоприменительная практика указывает на ряд сложностей и проблем, преодоление которых предполагает совершенствование правового регулирования в данной сфере.

Список источников

1. Гапон Ю. П. Изъятие вещей и документов как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и порядок ее применения должностными лицами подразделений пограничного контроля // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. 2014. № 19 (348).
2. Гапон Ю. П. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые должностными лицами подразделений пограничного контроля пограничных органов : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
3. Айгистов Р. С. Изъятие предметов и документов как способ получения доказательств в административном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2013.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9 «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях,

пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // СПС «Гарант».

6. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 29 июля 2014 года по делу № А43-10734/2014 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 24.12.2021).

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2017 года № 19-КГ17-33 // СПС «Гарант».

8. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27 апреля 2015 года по делу № А56-7686/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 24.12.2021).

9. Решение Арбитражного Суда Псковской области от 18 мая 2015 года по делу № А52-1024/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 24.12.2021).

10. Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 16 апреля 2015 года по делу № А74-1424/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 24.12.2021).

11. Определение Арбитражного суда Тамбовской области от 22 апреля 2015 года по делу № А64-366/2013 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 24.12.2021).

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

13. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 март 2015 года № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

References

1. Gapon Yu. P. Seizure of things and documents as a measure to ensure the proceedings in cases of administrative offenses and the procedure for its application by officials of border control units // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series : Law. 2014. № 19 (348).
2. Gapon Yu. P. Measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses applied by officials of border control units of border authorities : dis.... Cand. of Legal Sciences. Chelyabinsk, 2014.
3. Aigistov R. S. Seizure of objects and documents as a way of obtaining evidence in the administrative process: dis.... Cand. of Legal Sciences. M., 2005.
4. Sokolov A. Yu. Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the system of administrative coercion measures :dis.... Doct. of Legal Sciences. Saratov, 2013.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 9 dated June 16, 2009 «On the Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, paragraph 1 of Article 1070 and paragraph three of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens M. Y. Karelin, V. K. Rogozhkin and M. V. Filandrov» // SPS «Garant».

6. Decision of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod region of July 29, 2014 in case № A43-10734/2014 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 24.12.2021).

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № 19- KG17-33 dated December 27, 2017 // SPS «Garant».

8. The decision of the Arbitration Court of the city of St. Petersburg and the Leningrad region of April 27,

2015 in case № A56-7686/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 24.12.2021).

9. Decision of the Arbitration Court of the Pskov region of May 18, 2015 in case № A52-1024/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 24.12.2021).

10. Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Khakassia dated April 16, 2015 in case № A74-1424/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 24.12.2021).

11. Ruling of the Arbitration Court of the Tambov Region dated April 22, 2015 in case № A64-366/2013 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (accessed: 24.12.2021).

12. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation № 95-FZ of July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

13. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation № 21-FZ dated March 08, 2015 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391.

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Ju. N. Sosnovskaya – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-221-227>

НИОН: 2015-0066-3/22-362

MOSURED: 77/27-011-2022-03-561

Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в субъектах Российской Федерации

Камиль Арифович Султанов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mpkr@mail.ru

Аннотация. Современное состояние жизни общества характеризуется стремительным развитием разного рода технологий. В то же время такой ритм общественного прогресса влияет на значительный прирост в становлении производственного сектора, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия. В частности, это приводит как к росту в развитии экономики отдельных государств, так и к усилению негативного воздействия на окружающую среду. Это и обусловило необходимость разработки как теоретических, так и прикладных мероприятий по сохранению и защите экологической безопасности общества. Поэтому, на современном этапе общественного развития международным сообществом разработано и внедряется значительное количество мероприятий организационно-правового характера в сфере экологической безопасности, которые потребуют систематического и объективного исследования. Целью этой статьи является исследование экологических прав и значения основ экологической безопасности на территории Российской Федерации. С учетом полученных результатов определены проблемы и предложены решения.

Ключевые слова: экология, безопасность, административная ответственность, субъект РФ, законодательство, региональное регулирование, правонарушение, КоАП РФ

Для цитирования: Султанов К. А. Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в субъектах Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 221–227. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-221-227>.

Original article

Administrative and legal aspects of ensuring environmental safety in the subjects of the Russian Federation

Kamil A. Sultanov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mpkr@mail.ru

Abstract. The current state of society is characterized by the rapid development of various technologies. At the same time, such a rhythm of social progress affects a significant increase in the formation of the manufacturing sector, which has both positive and negative consequences. In particular, this leads both to an increase in the development of the economy of individual states, and to an increase in the negative impact on the environment. This led to the need to develop both theoretical and applied measures to preserve and protect the environmental safety of society. Therefore, at the present stage of social development, the international community has developed and is implementing a significant number of organizational and legal measures in the field of environmental safety, which will require systematic and objective research. The purpose of this article is to study environmental rights and the importance of the fundamentals of environmental safety in the territory of the Russian Federation. Taking into account the results obtained some problems are identified and their solutions are offered.

Keywords: ecology, safety, administrative responsibility, subject of the Russian Federation, legislation, regional regulation, offense, Administrative Code of the Russian Federation

For citation: Sultanov K. A. Administrative and legal aspects of ensuring environmental safety in the subjects of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(3):221–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-221-227>.

© Султанов К. А., 2022

Эффективность решения вопроса обеспечения экологической безопасности является одной из главных задач национальной политики, важным фактором успешного развития любой страны. Такая безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов каждого человека в частности, и общества в целом, от разного рода угроз [1]. Ее объектами являются все основные элементы экологической системы обеспечения качества и уровня жизни, которые регулируются общегосударственной экологической политикой [2].

Стоит отметить, что ни одна из европейских стран не имела четкой политики в отношении окружающей среды до конца 60-х гг. прошлого века. Протесты во Франции и Германии, вызванные соискателями высшего образования, в мае 1968 г., Конференция ООН об окружающей среде человека, которая состоялась в Стокгольме в июне 1972 г., и опубликованный в тот же период доклад Римского клуба о «пределах роста» привлекли общественное мнение Европы к экологическим проблемам экономического характера и поставили под сомнение иерархию ценностей, которая сложилась на то время в обществе, ориентированном на долгосрочный рост потребления.

На сегодня во многих странах мира по решению проблем государственного регулирования обеспечения экологической безопасности накоплен значительный опыт, а именно – созданы эффективные организационные структуры и действенный механизм правового регулирования обеспечения экологической безопасности и целесообразного потребления природных ресурсов. Известные на сегодня методы управления, которые существуют в настоящее время в Японии, США и многих европейских странах, являются достижением многолетних поисков, попыток и ошибок.

Активизация промышленного производства в эпоху глобализации на фоне становления, формирования и развития системы мирового хозяйства привела к актуализации проблем по экологическому состоянию окружающей природной среды как на национальном, так и на трансграничном уровнях. Отсюда объективируются и актуализировались процессы противодействия негативным тенденциям в указанной сфере, что можно определить по соответствующим направлениям, интерпретируя угрозы, которые возникли охранном и правоохранительном контекстах, а именно – минимизация, а по возможности – нейтрализация негативного воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной деятельности, эксплуатации природных ресурсов и их изъятии для производства материальных благ; преодоление отсутствия или ограниченного использования ресурсосберегающих технологий; усиление государственного и международного контроля (над-

зора) рисков возможных случаев экологического бедствия и катастроф техногенного характера; повышение эффективности экономико-социальных механизмов предупреждения и ликвидации чрезвычайных экологических ситуаций [3]; формирование на локальном, региональном, государственном и международном уровнях системы экологической безопасности как состояния защищенности окружающей среды, населения, территорий, хозяйственных и других объектов от различных угроз, возникающих в результате негативных изменений компонентов окружающей среды в результате антропогенного воздействия, что должно обеспечиваться комплексом правовых, организационных, финансовых, материальных и информационных мероприятий, предназначенных для прогнозирования, предотвращения, ликвидации реальных и потенциальных угроз безопасности, минимизации их последствий; разработка государством и последовательное осуществление экологически ориентированной стратегии общества, что диктуется как национальными, так и международными реалиями, потому экологическая безопасность может быть обеспечена только в результате действий всего мирового сообщества [4]; активизация процессов по формированию экологического сознания, экологической индивидуальной, групповой, коллективной психологии, в основе которой лежит понимание того, что обеспечение только собственного экологического благополучия за счет переноса с собственной территории экологически вредных производств, захоронения отходов и др. невозможно, поскольку трансграничное и транстерриториальное загрязнение снижает уровень экологической безопасности, приводит к неоправданному ущербу для биосферы представляет растущую угрозу политической, экономической и социальной благосостояния, устойчивому развитию общества; активизация и контекстуализации мероприятий по преодолению низкой экологической культуры общества на разных уровнях его существования и функционирования, начиная от локального, то есть там, где существуют и функционируют в условиях местного самоуправления в состоянии повседневности территориальные общины, социума на уровне регионов и всего государства, географических субрегионов и регионов, и заканчивая мировым (глобальным) социумом, что представляется международным сообществом государств [5].

Если проанализировать приведенные положения системно и учитывая экзистенциальные константы существования и функционирования человеческой цивилизации, то можно констатировать, что успех задач сохранения и положительного усиления экологического состояния природной среды напрямую зависит от формирования, существования, легализации, легитимации, развития, совер-

шенствования феноменологии экологических прав человека. Действительно, в условиях, когда развивается четвертая промышленная революция, базирующаяся на радикальном изменении технологий, грядут не только структурно-технологические, но и глобализационные изменения в организации мировой экономики, а отсюда, и в существовании международного сообщества государств и народов, их населяющих, в существовании, функционировании и дальнейшем развитии феноменологии государственности, и объективируется, актуализируется, контекстуализируется, идентифицируется особая роль и значение экологических прав человека, поскольку приведенные изменения прежде всего, влияют на условия существования и выживания всего человечества, дальнейшую судьбу человеческой цивилизации [6].

Проблематика экологических прав человека имеет многоаспектный характер, что обуславливает обращение к различным областям научного знания, включая юриспруденцию (общая теория права, конституционное и международное право, теория прав человека, экологическое право, гражданское право, уголовное право и т. д.), а также философию и политологию. Ряд проблемных вопросов, связанных с экологическими правами и обязанностями человека и гражданина, была исследована на общетеоретическом и отраслевом уровнях в диссертациях, монографических исследованиях, научных статьях, обзорах правоприменительной практики на национальном уровне и за рубежом. Однако в связи с тем, что экологические права и обязанности человека и гражданина является сравнительно новым явлением отечественной правовой жизни, их теоретико-правовое исследование, особенно в контексте их понимания, институционализации и конституционализации, до сих пор носило фрагментарный характер.

Приведенную констатацию общеизвестного постулата об объективизации, актуализации, контекстуализации, идентификации, особой роли и значении экологических прав человека можно и нужно актуализировать, видеть, понимать и ставить гораздо шире, причем не только в методологическом, но и в онтоэкологическом их смысле.

Опираясь на доктринальную позицию, которая исповедует бинарный подход к этой проблематике, и исходя из теоретических подходов, состоявшихся в международном праве, начиная с середины XX века, человек признается творением и одновременно создателем своей окружающей среды и конечной целью ее охраны [7] (человек как субъект-объект охраны окружающей среды).

Следовательно, встает функционально статусная дихотомия, где, с одной стороны, сама объективная

необходимость в сохранении природных богатств возникает именно из этого обстоятельства и само понятие «природные богатства» по своей сути выступает оценочным с точки зрения полезности тех или иных элементов природы для удовлетворения потребностей человека.

С другой стороны, именно человек использует природу для обеспечения своих жизненных потребностей (что приводит к ее изменению) и предохраняет ее от последствий своей хозяйственной деятельности настолько, насколько ему благоприятствуют осознанные законы природы (реально-экзистенциальный аспект).

Отсюда, такое двойственное положение человека во взаимодействии со своей средой обитания, что одновременно несет в себе и положительно важное и негативно-коллизийное содержание, что не может не объективироваться и не отражаться на правовом регулировании всей совокупности общественных отношений в сфере охраны окружающей среды, причем не только на национальном, но и на международном уровнях и, как следствие, на его (человека) правовой статус в этих отношениях, в своем структурном смысле, содержательном наполнении и праксеологическом проявлении состоит из прав, свободы обязанностей профильного характера. Такая особенность, которая возникает при определении правового статуса, правового модуса, правовой роли человека, его групп и ассоциаций, находящихся во взаимодействии и коммуникации с окружающей средой, ярко отражается понятием «эколого-правовой статус человека», история развития и содержание которого указывают на формирование устойчивой правовой категории в рамках эколого-правовой науки [8]. А экологические права человека, в свою очередь, выступают важной составляющей такого ее видового статуса. Надо отметить, что экологические права человека по своей сути формируют юридическое пространство местного самоуправления, в котором существуют и функционируют жители, и в условиях повседневности осуществляют свой жизненный цикл. Относительно последнего положения, являющегося методологически обоснованным, доктринально разработанным и праксеологически подтвержденным, И надо отметить, что экологические права человека не только обладают соответствующим потенциалом нормирования, нормативизации, нормативной регламентации и регулирования, включая не только законодательно нормативный, но и конституционно нормативный уровень, и они фактически сопровождаются существенными метаюридическими и квазиюридическими явлениями, составляющими основу повседневной жизни каждого конкретного человека, строя философское состояние повседневности, иллюстрирующей ординарное состояние жизненного цикла человека, кото-

рый протекает на локальном уровне социума в пределах территориальной общины как человеческого сообщества, что существует в условиях местного самоуправления [9].

Надо отметить, что в своем онтологическом смысле появление сферы повседневной как предмета исторической науки, социологии, культурной антропологии вызвало бурные дискуссии в научной среде по поводу того, что, во-первых, соответствует ли эта тематика предметному полю соответствующих дисциплин, во-вторых, отражает ли она должным образом социальную практику и потребности общества. Вместе с тем эти дискуссии сопровождались появлением и интенсивным развитием новых направлений в гуманитарных науках, которые являются результатом междисциплинарного взаимодействия последних. К таким направлениям относятся, прежде всего, история повседневности, социальная история, культурная история, историческая антропология, социальная антропология, а также лингвокультурология и коммуникативистика [10].

В этом контексте следует отметить, что экологические права человека, как его возможности существовать и функционировать в безопасных природных условиях, изначально формируя повседневность, не только выступают его соответствующим экзистенциально-функциональным субстратом, и потому лежат в основе жизнедеятельности человека, и выступают его природными правами, но и априори, генетически, системно, комплексно, дискурсивно, статусно, модусно, нарративно, технологически, коммуникативно детерминируют основу формирования, существования и реализации других прав человека, в том числе и конституционных, ибо последние могут быть реализованными только при наличии соответствующих, оптимальных и одновременно ординарных экологических условий и существования социума, что является основополагающим экзистенциально-стабилизирующим и экзистенциально-гарантирующим фактором в существовании и функционировании демократической правового государства.

Таким образом, можно утверждать, что, с одной стороны, формирование конституционно-правового уровня экологических прав человека является свидетельством признания государством его естественных прав через дальнейшую конституционную легализацию, а с другой, и особенно в условиях глобального экологического кризиса, проявляется сегодня, проявление, рост уровня и объем в достаточной, качественной, надлежащей, оптимально-конституционно-правовой регламентации экологических прав человека является надежным залогом и демонстрацией готовности человека, социума, государства, его публичной власти, а говоря глобально, и всего

международного сообщества государств в контексте становления глобального экологического конституционализма.

Можно сделать несколько выводов методологического характера:

– во-первых, экологические права человека и природные права. Здесь можно говорить только об экологических правах человека, но не об экологических правах граждан (специальный общечеловеческий статус обозначенных прав);

– во-вторых, конституционно-правовой уровень регламентации и регулирования экологических прав человека хотя и имеет учредительный и важный институционно-нормотворческий и деятельно-технологический характер, но не является единственным (универсально-многоуровневый характер регламентации и регулирования прав);

– в-третьих, нормативная регламентация и регулирование экологических прав человека иными правовыми актами экологического права фактически конкретизирует и детализирует, а поэтому существенно дополняет их конституционно-правовую регламентацию (системный характер смысловой нагрузки указанных прав);

– в-четвертых, нормативная регламентация и регулирование экологических прав человека в государстве происходит не только на конституционном и законодательном уровне, но и на подзаконном уровне, то есть через принятие нормативно-правовых актов органов исполнительной власти и местного самоуправления (нормативно-полисемический характер определенных прав);

– в-пятых, предметно-объектной основой экологических прав человека выступают вопросы места, положения и роли человека и гражданина в обществе и государстве, касающиеся экологической сферы (статусно-ориентированный характер указанных прав);

– в-шестых, экологические права должны рассматриваться как права, присущие только человеку, без учета его принадлежности к соответствующему правовому состоянию (гражданин, иностранный гражданин, беженец и т. п.).

Надо отметить, что приведенные черты экологических прав человека характерны и для зарубежной доктрины конституционного и экологического права. Они здесь проявляются как в дефинитивно-содержательном, так и в видовом аспектах.

Итак, можно констатировать, что основной проблемой в определении понятия экологических прав граждан (не человека) в зарубежной научной юридической литературе признается невозможность дать всеобъемлющую дефиницию. В то же время некоторыми представителями экологической доктрины для решения этой проблемы предлагается вообще пол-

ный отказ от закрепления фундаментального экологического права.

Так, британский исследователь С. Дуглас Скотт считает, что для целей охраны экологических интересов граждан вполне могут служить другие экологические права: на информацию, на участие (консультирование) и на доступ к правосудию [11]. При этом право на участие рассматривается не только как правомочия граждан в области принятия экологически значимых существенных решений (как минимум, право на извещение о любом перспективном принятии экологически значимого проекта или решения и принятие участия в нем), но также принимается во внимание аспект участия населения в формировании концепции экологической политики через рычаги лоббирования, механизмы внесения законопроектов [12].

Итак, резюмируя, можно констатировать, что смысловая нагрузка конституционных экологических прав человека, в результате изложенных выше аргументов, объективно требует новелизации своего конституционного понимания и модернизации через соответствующую корреляцию и интерпретацию с соответствующим конституционно-проектным и конституционно-нормотворческим сопровождением и обеспечением.

Важным фактором, который подчеркивает актуализацию и контекстуализацию приведенного, является феноменология экологического конституционализма, активные процессы формирования и легализации которого в доктринально-теоретической и практически функциональной плоскостях национального конституционного и общего международного права наблюдаются в виде устойчивой тенденции. В основе этой феноменологии лежат три основных фактора [13]: во-первых, это конституционно-правовая регламентация и регулирование конституционных экологических прав человека (уже есть в конституционных актах более чем 120 государств); во-вторых, это наличие национального-экологического законодательства (общего и отраслевого) и международного экологического-договорно-нормативного массива (общего и отраслевого); в-третьих, это устоявшаяся тенденция защиты экологических прав человека национальными, наднациональными и международными судебными учреждениями.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы: рост значения и роли экологических прав человека детерминирован кризисным состоянием развития человеческой цивилизации в условиях глобализации и изменений в ней, которые вызваны, в частности, изменениями в сфере промышленного производства на фоне становления, формирования и развития системы мирового хозяйства; системно анализируя и обязательно учитывая экзистенциальные константы существования и функционирования

человеческой цивилизации, можно констатировать, что успех задач сохранения и положительного усиления экологического состояния природной среды напрямую зависит от формирования, существования, легализации, легитимации, развития, совершенствования феноменологии экологических прав человека; смысловая нагрузка конституционных экологических прав человека в условиях глобализации экологического кризиса объективно требует новелизации своего конституционного понимания и модернизации через корреляцию и интерпретацию с соответствующим конституционно-проектным и конституционно-нормотворческим сопровождением и обеспечением; в основу этой конституционной корреляции должны быть положены следующие позиции:

а) на конституционном уровне нужно регламентировать и регулировать не столько экологические права граждан, сколько экологические права человека;

б) под сомнение должно ставиться распределение экологических прав человека на отраслевые и межотраслевые, поскольку конституционные экологические права человека не могут быть распределены таким образом, потому что это их нивелирует и дискредитирует в контексте понимания их правовой силы;

в) с целью усиления важности и оптимизации формулировки экологических прав человека считаем некорректным использование терминологической связи «человек/гражданин», выступая в пользу применения термина «человек»; важным фактором, который подчеркивает актуализацию и контекстуализацию приведенных выводов, является феноменология экологического конституционализма, активные процессы формирования и легализации которого в доктринально-теоретической и практико-функциональной плоскостях национального конституционного и общего международного права наблюдаются в виде устойчивой тенденции.

Список источников

1. Милешко Л. П. Развитие общей теории обеспечения экологической безопасности // Экологические системы и приборы. 2021. № 7. С. 35–39.
2. Брусенцева Ю. А. Проблемы обеспечения экологической безопасности // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты : сборник научных трудов 5-й Международной научно-практической конференции, Курск, 04 апреля 2020 года. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 51–53.
3. Приходько Т. В. Право на благоприятную окружающую среду в контексте обеспечения эко-

логической безопасности: проблемы федерального и регионального правового регулирования (на примере Иркутской области) // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 2. С. 8–12.

4. Актуальные аспекты обеспечения экологической безопасности в России // Будущее науки-2020 : сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции, в 5-х томах, Курск, 21–22 апреля 2020 года / Ответственный редактор Горохов А. А. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 225–228.

5. Смолькин А. Е. Индустриальные революции и их особенности // Символ науки : международный научный журнал. 2016. № 4-3 (16). С. 124–127.

6. Яницкий О. Н. Четвертая научно-техническая революция, глобализация и институты // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 45–57.

7. Цверьянашвили И. А. Стокгольмская конференция 1972 Г. И ее роль в становлении международного экологического сотрудничества // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 89–94.

8. Воронцова Е. В. Проблема определения приоритетов эколого-правовой охраны: природа и здоровье человека как объекты правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1. С. 177–183.

9. Пчельников М. В. Особенности развития экологических прав человека на мировом, национальном и региональном (местном) уровнях // Юрист-Правоведь. № 1. 2017.

10. Силантьева М. В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. № 2. С. 4–8.

11. Douglas Scott S. Environmental rights in the European Union Participatory democracy or democratic deficit? In: Boyle A. E., Andersen M. R. (eds.). Human rights approachesto environmental protection (Oxford, Clarendonpress, 1998). P. 177–197.

12. Нурғалиева Д. И. Правовое регулирование обеспечения прав и обязанностей природопользователей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 2. 2021.

13. Харитонов А. Н., Султанов К. А. К вопросу совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 4 (52). С. 24–30.

References

1. Mileszko L. P. Development of the general theory of environmental safety // Ecological systems and devices. 2021. No. 7. P. 35–39.

2. Brusentseva Yu. A. Problems of ensuring environmental safety // Economic security: Legal, economic, environmental aspects : collection of scientific papers of the 5th International Scientific and Practical Conference, Kursk, April 04, 2020. Kursk : Southwest State University, 2020. P. 51–53.

3. Prikhodko T. V. The right to a favorable environment in the context of ensuring environmental safety: problems of federal and regional legal regulation (on the example of the Irkutsk region) // State power and local self-government. 2020. No. 2. P. 8–12.

4. Actual aspects of ensuring environmental safety in Russia // The Future of Science-2020: Collection of scientific articles of the 8th International Youth Scientific Conference, in 5 volumes, Kursk, April 21–22, 2020 / Responsible editor Gorokhov A. A. Kursk : Southwest State University, 2020. P. 225–228.

5. Smolkin A. E. Industrial revolutions and their features // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2016. № 4-3 (16). P. 124–127.

6. Yanitsky O. N. The fourth scientific and technical revolution, globalization and institutions // Scientific result. Sociology and Management. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 45–57.

7. Tsverianashvili I. A. Stockholm Conference 1972 And its role in the development of international environmental cooperation // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2016. No. 1. P. 89–94.

8. Vorontsova E. V. The problem of determining the priorities of environmental and legal protection: nature and human health as objects of legal regulation // Proceedings of the Southwestern State University. 2017. No. 1. P. 177–183.

9. Pchelnikov M. V. Features of the development of environmental human rights at the global, national and regional (local) levels // Jurist-Pravoved. No. 1. 2017.

10. Silantieva M. V. Methodology for studying the reconstruction of a communicative stereotype in the context of an indirect dialogue of cultures // Scientific research and development. Modern communication studies. 2013. Vol. 2. No. 2. P. 4–8.

11. Douglas Scott S. Environmental rights in the European Union Participatory democracy or democratic deficit? In: Boyle A. E., Andersen M. R. (eds.). Human rights approachesto environmental protection (Oxford, Clarendonpress, 1998). P. 177–197.

12. Nurgalievа D. I. Legal regulation of ensuring the rights and obligations of nature users // International

Journal of Humanities and Natural Sciences. № 2. 2021.

13. Kharitonov A. N., Sultanov K. A. On the issue of improving the legislation of the subjects of the

Russian Federation on administrative offenses // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (52). P. 24–30.

Информация об авторе

К. А. Султанов – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

K. A. Sultanov – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Ценностно ориентированный государственный финансовый менеджмент. Теория и практика. Учебное пособие. Яшина Н. И., Кашина О. И., Прончатова-Рубцова Н. Н., Чеснокова Л. А. 463 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Учебное пособие представляет собой базовый курс динамично развивающейся дисциплины «Ценностно ориентированный государственный финансовый менеджмент: теория и практика» с подробными примерами из практики российских регионов и муниципалитетов. В книге рассмотрены сущность ценностно ориентированного государственного финансового менеджмента в условиях внутренних и внешних ограничений, реформирования всей финансовой системы страны, основы управления государственными расходами, налоговыми и неналоговыми доходами, анализа бюджетов всех уровней бюджетной системы России.

Для магистрантов, обучающихся по основным образовательным программам – программам магистратуры по направлению подготовки 38.04.08 «Финансы и кредит».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-228-230>

НИОН: 2015-0066-3/22-363

MOSURED: 77/27-011-2022-03-562

К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому

Александр Александрович Сумин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
kafedra2002@gmail.com

Аннотация. Проанализированы правовые нормы российского уголовно-процессуального закона, регулирующие продление задержания подозреваемого. На основе этого анализа сделан аргументированный вывод об отсутствии теоретических и правовых предпосылок, которые объективно обуславливали бы необходимость существования указанного субинститута уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: подозреваемый, срок задержания, привлечение в качестве обвиняемого, предварительное расследование, уголовное дело

Для цитирования: Сумин А. А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 228–230. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-228-230>.

Original article

Some question of extending the detention of the suspected

Aleksandr A. Sumin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
kafedra2002@gmail.com

Abstract. The legal norms of the Russian criminal procedure law, which regulate the prolongation of the arrest of a suspect are analyzed. On the basis of this analysis, a reasoned conclusion was made that there are no theoretical and legal factors that objectively determine the need for the existence of this sub-institute of criminal procedure law.

Keywords: suspect, term of detention, involvement as an accused, preliminary investigation, criminal case

For citation: Sumin A. A. Some question of extending the detention of the suspected. Bulletin of economic security. 2022;(3):228–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-228-230>.

Согласно ч. 2 статьи 22 Конституции Российской Федерации [2] и п. 11 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – УПК России), срок досудебного задержания субъекта по подозрению в совершении преступления составляет не более 48 часов, исчисляемых с момента фактического задержания.

Статья 100 УПК России установила возможность избрания меры пресечения подозреваемому, а п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК России допускает продление срока задержания подозреваемого до 72 часов с момента вынесения судьей соответствующего постановления. Таким образом, в обоих случаях автоматически продлевается и срок нахождения субъекта в процессуальном статусе подозреваемого.

Формулировка статьи 100 УПК России предписывает лишь необходимость соблюдения общих оснований для избрания меры пресечения (статья 97 УПК России) и на обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (статья 99 УПК России). В качестве условия продления задержания правовая норма содержит по меньшей мере странную формулировку «в исключительных случаях», при этом не определяя критерии «исключительности» даже в самом общем аспекте. Помимо того, что такая формулировка закона, не содержащая никаких ограничений, за исключением требования соблюдения положений статей 97 и 99 УПК России, которые не относятся к критериям определения «исключительности» случая, объек-

© Сумин А. А., 2022

тивно дает возможность практически безграничного произвольного усмотрения правоприменителя, она к тому же, в силу последнего фактора может характеризоваться как несущая коррупциогенный фактор.

Пункт 3 ч. 7 статьи 108 УПК России оправдывает свое существование тем, что продление срока задержания производится «для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу». Взаимосвязанный анализ правовых норм, устанавливающих общие основания для избрания меры пресечения, и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, а также характерные для избрания конкретной меры пресечения основная и условия, таковы, что необходимые «доказательства» обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть достаточно легко собраны в необходимом объеме в течение 48 часов срока задержания по подозрению в совершении преступления. Данная наша позиция обусловлена тем обстоятельством, что постановление о возбуждении уголовного дела, выносимое до составления протокола задержания, уже отражает наличие *достаточных* данных, указывающих на признаки преступления, причем настолько достаточных, что на их основании дается предварительная уголовно-правовая квалификация преступления. Следовательно, если уголовное дело возбуждается в отношении конкретного субъекта, то у следователя есть необходимые данные (доказательства и иные), которые позволили *во внесудебном порядке* ограничить конституционно защищаемую личную свободу субъекта и поэтому эти «данные» вполне могут быть представлены суду как обоснование для избрания меры пресечения; таким образом, «дополнительному» собиранию подлежат в сущности лишь обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, для чего вряд ли необходимо время, превышающее 48-часовой срок задержания, тем более, что это собирание вполне может быть осуществлено органом дознания по письменному поручению следователя, т. е. без отвлечения последнего от формирования «убеждающей» совокупности данных для обоснования обоснованности обращения в суд за избранием меры пресечения.

Более того, нет никаких логических предпосылок и формальных препятствий для привлечения в качестве обвиняемого субъекта, в отношении которого необходимо обращение в суд для избрания меры пресечения. Уголовно-процессуальный закон не выработал достаточно определенных критерии, которые отличали бы подозрение в совершении преступления от «наличия достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в соверше-

нии преступления» (ч. 1 статьи 171 УПК России), к тому же, во первых, подозрение и обвинение основаны на субъективном предположении следователя, а такое предположение уже было высказано в процессуальном документе – постановлении о возбуждении уголовного дела и ничто не мешает проведению процедуры сформулировать обвинение в пределах указанного постановления, а в дальнейшем, при наличии к тому доказательств, привлечь субъекта в качестве обвиняемого по новому обвинению как в сторону увеличения или уменьшения его объема, так и в части уголовно-правовой квалификации преступления. Во-вторых, в судебной процедуре рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения обоснованность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не требует стандарта доказывания «вне всякого разумного сомнения», поэтому, в принципе, такая обоснованность может быть установлена на основе даже тех фактов, которые послужили основанием для возбуждения уголовного дела, если они будут дополнены выясненными обстоятельствами, учитываемыми при возбуждении уголовного дела. Иными словами, поскольку привлечение в качестве обвиняемого имеет своим процессуальным основанием только доказательств, непроцессуальная информация, послужившая одним из оснований для задержания по подозрению в совершении преступления, в течение 48 часов достаточно легко может быть проверена в процессуальном порядке в том объеме, который будет необходимым и достаточным как для вынесения постановления о привлечении субъекта в качестве подозреваемого, так и для обоснования ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий.

Наконец, существуют факторы, объективно обуславливающие целесообразность привлечения субъекта в качестве обвиняемого на как можно более раннем этапе стадии предварительного расследования. Во-первых, таким фактором является то, что постановлением о привлечении в качестве обвиняемого «формируются первоначальные пределы производства по уголовному делу» [1, с. 731]. Второй крайне существенный фактор состоит в том, что «привлечение в качестве обвиняемого выступает гарантией права обвиняемого на защиту, так как позволяет обвиняемому узнать, в чем он обвиняется, получить мотивированные устные и письменные (копию постановления) официальные разъяснения следователя с указанием обстоятельств дела, полноценной квалификации деяния и т. п., давать показания по предъявленному обвинению, защищаться от обвинения иными средствами и способами, не запрещенными законом» [1, с. 733]. Последний фактор приобретает особую значимость

при применении части 2 статьи 100 УПК России, поскольку в силу этой правовой нормы допускается продление задержания по уголовным делам о некоторых преступлениях не до 72 часов, а до 45 суток.

Таким образом, могут быть сформулированы следующие выводы о коррекции подхода к редакции статей 100 и 108 КПК России, обуславливающие целесообразность адекватного изменения некоторых правовых норм УПК России:

а) по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, и субъект задержан по подозрению в совершении преступления, срок нахождения этого субъекта в процессуальном статусе подозреваемого не может превышать 48 часов с момента фактического задержания;

б) по указанной категории уголовных дел ходатайство об избрании меры пресечения вносится в суд только в отношении обвиняемого и продление срока задержания не должно иметь места;

в) избрание следователем меры пресечения во внесудебном порядке также следует считать допустимым только в отношении обвиняемого.

Список источников

1. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., профессора Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.

2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

References

1. Course of criminal procedure / ed. Doctor of Law, Professor L. V. Golovko. M. : Statut, 2016. 1278 p.

2. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

Информация об авторе

А. А. Сумин – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Sumin – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 349.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-231-235>

НИОН: 2015-0066-3/22-364

MOSURED: 77/27-011-2022-03-563

«Простой» или «вынужденный прогул»: анализ причин приостановки производств в связи с экономическими санкциями

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Как известно, целый ряд стран объявили экономические санкции в отношении России в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины, Донецкой народной республики и Луганской народной республики. Введенные санкции включают в себя ограничения финансовой системы России, деятельности ряда российских компаний и отдельных отраслей экономики, прекращение деятельности иностранных компаний на территории России и др. Экономические санкции неизбежно влияют на рынок труда, на развитие и стабильность трудовых отношений. В результате санкций многие иностранные компании, такие как «Макдональдс», «ИКЕА», H&M, Coca-Cola, Volvo, Adidas, BMW и другие, приостанавливают свою деятельность на территории России, что неизбежно влечет за собой высвобождение работников от труда и, как следствие, потерю заработка. В статье исследуется правовая природа освобождения работников от работы в период экономических санкций и способы возмещения им материальных убытков в результате потери заработной платы.

Ключевые слова: экономические санкции, простой, вынужденный прогул, формы вины, материальная ответственность работодателя, возмещение ущерба

Для цитирования: Титор С. Е. «Простой» или «вынужденный прогул»: анализ причин приостановки производств в связи с экономическими санкциями // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 231–235. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-231-235>.

Original article

«Simple» or «forced absenteeism»: analysis of the reasons for the suspension of production in connection with economic sanctions

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. As you know, a number of countries have announced economic sanctions against Russia in connection with a special military operation on the territory of Ukraine, the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic. The sanctions imposed include restrictions on the Russian financial system, the activities of a number of Russian companies and certain sectors of the economy, the termination of the activities of foreign companies in Russia, etc. Economic sanctions inevitably affect the labor market, the development and stability of labor relations. As a result of the sanctions, many foreign companies, such as McDonald's, IKEA, H&M, Coca-Cola, Volvo, Adidas, BMW and others, suspend their activities in Russia, which inevitably entails the release of workers from work and, as a result, the loss of earnings. The article examines the legal nature of the release of workers from work during the period of economic sanctions and ways to compensate them for material losses as a result of loss of wages.

Keywords: economic sanctions, simple, forced absenteeism, forms of guilt, material liability of the employer, compensation for damages

For citation: Titor S. E. «Simple» or «forced absenteeism»: analysis of the reasons for the suspension of production in connection with economic sanctions. Bulletin of economic security. 2022;(3):231–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-231-235>.

© Титор С. Е., 2022

В иностранных компаниях в России работает около 200,0 тысяч работников [1], многие из которых присоединились к экономическим санкциям и приостановили свою деятельность на территории России. Следует отметить, что такие компании как Макдоналдс, ИКЕА, приостановив деятельность в связи с санкциями, тем не менее не оставили своих работников без заработка, их заработок сохранен на уровне среднемесячного. А вот иные компании, такие как Volkswagen, Audi, SEAT, Bentley, Lamborghini, Bugatti, Skoda, производство приостановили, но выплачивают своим работникам краткосрочные пособия, размер которых не разглашается.

В связи с этим, возникает вопрос: а как должен быть возмещен ущерб работнику, оставшемуся без работы в связи с введением подобных санкций.

Прежде чем ответить на это вопрос, обратимся к понятию «экономических санкций». Под экономическими санкциями понимают ограничительные меры экономического и политического характера, применяемые страной или рядом стран к другой стране с целью понуждения правительства этой страны к изменению своей политики [2, с. 78; 3, с. 141; 4, 218].

Основная цель экономических санкций – это политическое давление на страну, в отношении которой они объявлены [5, с. 1116; 6, с. 80, 7, с. 142]. Сами по себе санкции – это активные умышленные действия, направленные на достижение определенных политических целей. Последствия санкций неизбежно влекут за собой наступление экономического и финансового кризиса. При экономическом и финансовом кризисе в целом, отдельные производства вполне могут работать. Сам по себе экономический или финансовый кризис нельзя считать основанием для признания простоя по независящим от воли сторон причинам [8, с. 26]. Полагаем, что следует определить и классифицировать обстоятельства, которые повлекли за собой остановку производства.

Причины такой приостановки следует различать, поскольку они могут служить основой для понимания того, как же возместить материальный ущерб работнику в связи с простоем.

Так, видится две причины приостановки деятельности предприятий:

– недопоставка комплектующих, оборудования, сокращение сбыта продукции российским и зарубежным компаниям, подпавшим под санкции (даже, если эти санкции не были объявлены непосредственно в отношении данных предприятий);

– добровольная приостановка деятельности зарубежными компаниями на территории России, поддержавшими введение экономических санкций.

Простой в трудовом праве рассматривается как временная приостановка работы по причинам экономического, технологического, технического или орга-

низационного характера (ст. 72.2 ТК РФ). Российское законодательство делит простой на три вида:

- по вине работодателя;
- по вине работника;
- по независящим от сторон трудового договора причинам.

Каждый вид простоя влечет за собой разный порядок компенсации работнику. Размер возмещения ущерба или его наличие ставится в зависимости от вины.

Теоретики трудового права полагают, что простой возникающий из-за отсутствия организационных или технологических условий является простым по вине работодателя, поскольку сознание этих условий является его обязанностью [9, с. 276]. Законодательно не определено понятие «экономических», «организационных», «технических» или «технологических» изменений, которые могут привести к простоему. Этот вопрос остается на рассмотрение правоприменительной практики.

Трудовое законодательство не раскрывает понятия «вины». На практике вину юридических лиц в трудовоправовых делах определяют аналогично с гражданским законодательством. В статье 401 Гражданского кодекса РФ понятие вины дается через призму определения невинности: лицо признается невинным, если оно в необходимой степени заботливо и осмотрительно приняло все надлежащие меры для точного исполнения обязательств. В гражданском законодательстве предпринимательские риски лежат на хозяйствующем субъекте. Предпринимательские риски делятся на внутренние и внешние. К внешним факторам относят экономические и политические обстоятельства. К внутренним: неэффективная организация производства, халатность, правовая безграмотность. Работодатели, беря на себя ответственность найма работником, соответственно, возлагают на себя ответственность за обеспечение их работой. Такая ответственность предусмотрена самим определением трудовых отношений, из которого следует, что работодатель обеспечивает работника работой.

При определении вины работодателя как юридического лица можно использовать аналогию с административным законодательством. Так, в соответствии со статьей 2.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях юридическое лицо признается виновным в совершении правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм в полном объеме, предусмотренном законодательством, но данное лицо не приняло все зависящие от него меры по их соблюдению.

Таким образом, наличие или отсутствие вины работодателя в простое определяется оценкой тех его

действий, которые он предпринял для устранения негативных последствий в виде простоя, или оценке обстоятельств – имел ли он возможность совершить такие действия, чтобы избежать остановки деятельности.

При приостановки деятельности (или простое), когда такая она обусловлена такими причинами, как односторонний отказ зарубежных поставщиков от поставки комплектующих, от закупки готовой продукции и т. д., очевидно, что работодатель должен предпринять необходимые меры для замены поставщиков и покупателей. С точки зрения предпринимательских рисков это относится к эффективной организации производства. Но, очевидно, что оперативно устранить эту проблему хозяйствующему субъекту не под силу. В этом случае, несмотря на то, что поиск и взаимоотношения с поставщиками и покупателями – это один из предпринимательских рисков, за которые работодатели должны нести ответственность, вины работодателя в простое не усматривается. Полагаем, что в данном случае можно классифицировать вынужденную остановку производства, как простой по независящим от воли сторон причинам. Такие решения поддерживаются и решениями судов [10].

Совсем по-другому следует квалифицировать причину простоя, если иностранный работодатель самостоятельно приостановил свою деятельность, поддерживая санкции против России. Приостановка деятельности зарубежных предприятий не носит экономической основы, она основывается на политической цели. Политическую цель нельзя сопоставить с возможными, установленными законом причинами, экономического организационного, технического или технологического характера. По своей сути такие работодатели умышленно производят активные действия по остановке производства. Такой простой следует расценивать как простой по вине работодателя. В данном случае, работодатель, не только не предпринял каких-либо действий на предотвращение отрицательных последствий, но и своими активными действиями привел к ним. Наличие в его действиях вины очевидно.

Однако, рассуждая по поводу размеров компенсации ущерба работникам при простое по вине работодателя, следует обратить внимание, что имеет место не простой предпринимательский риск, с которым хозяйствующий субъект в силу ненадлежащего руководства не смог справиться. На лицо – активные действия предпринимателя, желающего и понимающего отрицательные последствия своих действий, т.е. умысел.

Рассматривая виновность хозяйствующего субъекта в простое, устанавливая его вину по аналогии с гражданским и административным правом, мы гово-

рили о такой форме вины, как неосторожность. Любая причина простоя: экономическая, организационная, техническая или технологическая, в теории права не увязывается с наличием умысла, все это некие сторонние причины, которые наступили не по воле хозяйствующего субъекта. А его вина состоит в том, что он не смог предпринять надлежащих мер по предотвращению таких предпринимательских рисков. В связи с этим, возникает вопрос, а можно ли признавать добровольную приостановку деятельности предприятия в связи с поддержкой экономических санкций, простоем по вине работодателя в том смысле, в котором понимается законодательно «простой»? Полагаем, что здесь не усматривается объективных причин для признания такой приостановки производства простоем.

В уголовном и административном законодательстве форма вины учитывается при квалификации правонарушения и меры ответственности виновного. В гражданском законодательстве, как правило, для ответственности хозяйствующего субъекта форма вины значения не имеет: неважно умышленно или по неосторожности не исполнены обязательства.

В трудовом праве такая форма вины работодателя, как умысел, при объявлении простоя вообще не рассматривается. Последствия умышленной приостановки работы работодателем не определены законодательно. У работника есть право на труд, у работодателя – обязанность обеспечить его работой. Умышленное лишение работника работы рассматривается в трудовом праве только при незаконном отстранении работника от работы, его увольнении или переводе на другую работу.

Однако, в этой ситуации на работодателя возлагается материальная ответственности в виде оплаты вынужденного прогула в размере среднего заработка, т. е. возмещается материальный ущерб в полном объеме.

Говоря про иностранные компании, умышленно лишившие работника права трудиться, полагаем, что следует говорить о незаконном «отстранении», т. е. временном недопущении работника до работы. А с учетом, что экономические санкции в отношении России встречаются все чаще и чаще, полагаем возможным и необходимым вводить особую ответственность для работодателей, умышленно прекративших работу, поддерживая экономические санкции.

За пример можно взять виды ответственности Исполнителей, нарушивших сроки сделки в рамках законодательства о защите прав потребителей [11]. Вступая в трудовые отношения, «продавая» свою способность трудиться работник уже предоставил свою рабочую силу работодателю, т. е. выполнил свою часть сделки, а использовать эту рабочую силу или нет, – это дело работодателя. И если он ее не исполь-

завал надлежащим образом умышленно, то предпринимательские риски несет работодатель [12, с. 78]. Работник, являясь добросовестной стороной по сделке, говоря гражданско-правовым языком, должен полностью получить все выплаты, причитающиеся ему по сделке. Работодатель, лишивший умышленно работника работы – является недобросовестным участником сделки, поскольку он знал о неправомерности своих действий и желал их наступления.

В силу статьи 28 Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» Исполнитель, нарушивший сроки оказания услуги, кроме того, что возвращает полную стоимость оплаченной сделки (при желании заказчика прекратить сделку), но еще и оплачивает ему пени в размере 3 % трех процентов цены выполнения работы (оказания услуги). Кроме этого, потребитель имеет право на возмещение морального вреда.

Как известно, труд человека рассматривается не только как способ своего содержания, но и как естественная человеческая потребность [13, с. 99]. Нарушая естественный процесс труда, человеку наносится определенный моральный вред. Потеряв работу (даже в форме временной приостановки), человек получает стресс, тревожность, расстройства, появляются психологические переживания, неуверенность в завтрашнем дне. Гарантии занятости, ощущение возможности свободно управлять своим трудом, социальная поддержка в работе способствуют психологическому здоровью человека, их отсутствие, наоборот, его подрывают [14, с. 3]. Полагаем, что такие моральные переживания должны быть компенсированы дополнительно, причем в законодательном порядке, а не только посредством обращения в суд за взысканием морального вреда. Не каждый работник сможет обратиться в суд за возмещением ущерба, поэтому следует определить такое возмещение законодательно.

Изучая судебную практику по вопросам оплаты времени простоя, следует отметить, что «умышленное» или «надуманное» объявление простоя, не такая уж редкость. Судам при разрешении споров по размеру оплаты времени простоя, приходится выяснять его причину. Так, например, Ленинградский областной суд от 28 августа 2013 г. (дело № 33-3973/13), поддержал требования истца, просившего признать простой по вине работодателя и оплатить время простоя в размере двух третей среднего заработка. В судебном заседании было установлено, что работодатель умышленно вывез оборудование со своей фабрики с целью его продажи. Работникам же был объявлен простой по независящим от воли сторон причинам, и, соответственно, оплата времени простоя проведена в размере менее, чем было положено.

Результаты исследования наводят на мысли о необходимости внесения изменений в законодательство. Таких изменений может быть два.

Изменения в статью 157 ТК РФ: определить такой вид простоя, как простой по прямому умыслу работодателя. Ответственность по таким видам простоев должна быть предусмотрена в размере не менее среднего заработка.

Повышенная материальная ответственность (ст. 234 ТК РФ) – для работодателей, приостановивших свою деятельность по политическим мотивам (экономические санкции против государства России) и нарушающих условия трудового договора в части обеспечения работника работой. Такая ответственность должна быть предусмотрена в повышенном размере: выплата среднего заработка за весь период отстранения от работы и оплата ущерба работнику, связанного с психологическими переживаниями (размер такого ущерба может быть определен законодательно или в правовых актах социального партнерства).

Список источников

1. Электронный ресурс: <https://news.rambler.ru/community/48342258-что-будет-s-sotrudnikami-ushedshih-iz-rossii-kompaniy> (дата обращения: 30.03.2022).
2. Еремина А. Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности. *Постсоветский материк*. 2019. № 4 (24). С. 78–93.
3. Ножкина Е. Б., Вершовская А. С. Экономические санкции в международном праве. В сборнике : Направления модернизации современного инновационного общества: экономика, социология, философия, политика, право. Материалы Международной научно-практической конференции: в 3 частях. Ответственный редактор Н. Н. Понарина. 2015. С. 141–145.
4. Жаркимбаев Р. А. Экономические санкции. В сборнике : Образование и наука в современных реалиях. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х т. 2017. С. 217–219.
5. Belozyorov S. A., Sokolovska O. Economic sanctions against russia: assessing the policies to overcome their impact. *Economy of Region*. 2020. Т. 16. № 4. С. 1115–1131.
6. Еремина А. Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности / *Постсоветский материк*. 2019. № 4 (24). С. 78–93.
7. Hoffmann F. (1967). The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis. *Journal of Peace Research*, 4 (2), 140–159. DOI: 10.1177/002234336700400204.

8. Сенников Н. М. Влияние финансового кризиса на трудовые отношения // Трудовое право. 2009. № 1. С. 26.

9. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М. : Юридическое изд-во Минюста СССР, 1948. С. 27.

10. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 11 июня 2009 года по иску М., Д., Б. к ОАО.

11. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022).

12. Варшавский К. М. Трудовое право СССР. Л., 1924. С. 180.

13. Кравченко А. И. Труд как первая жизненная потребность: вымысел и правда. Социология. 2020, № 3. С. 98–126.

14. Экономический кризис и психологическое здоровье. Всемирная организация здравоохранения. 2011 г. С. 3. Электронный ресурс: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/151392/e94837R.pdf (дата обращения: 30.03.2022).

References

1. Electronic resource: <https://news.rambler.ru/community/48342258-chto-budet-s-sotrudnikami-ushedshih-iz-rossii-kompaniy> (accessed: 30.03.2022).

2. Eremina A. E. Economic sanctions: concept, typology, features. The post-Soviet continent. 2019. No. 4 (24). P. 78–93.

3. Nozhkina E. B., Vershovskaya A. S. Economic sanctions in international law. In the collection : Directions of modernization of modern innovative society: economics, sociology, philosophy, politics, law. Materials of the International Scientific and Practical

Conference: in 3 parts. Responsible editor N. N. Ponarina. 2015. P. 141–145.

4. Zharkimbayev R. A. Economic sanctions. In the collection : Education and Science in modern realities. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes 2017. P. 217–219.

5. Belozyorov S. A., Sokolovska O. Economic sanctions against russia: assessing the policies to overcome their impact. Economy of Region. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 1115–1131.

6. Eremina A. E. Economic sanctions: concept, typology, features / Post-Soviet continent. 2019. No. 4 (24). P. 78–93.

7. Hoffmann F. (1967). The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis. Journal of Peace Research, 4 (2), 140–159. DOI: 10.1177/002234336700400204.

8. Sennikov N. M. The impact of the financial crisis on labor relations // Labor law. 2009. No. 1. p. 26.

9. Alexandrov N. G. Labor relations. М. : Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. P. 27.

10. Determination of the Judicial Board for civil cases of the Sverdlovsk Regional Court of June 11, 2009 on the claim of M., D., B. to JSC.

11. The Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 «On Consumer Rights protection». <http://www.consultant.ru> (date of address: 30.03.2022).

12. Varshavsky K. M. Labor law of the USSR. L., 1924. P. 180.

13. Kravchenko A. I. Labor as the first vital need: fiction and truth. Sociology. 2020, No. 3. P. 98–126.

14. Economic crisis and psychological health. World Health Organization. 2011. P. 3. Electronic resource: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/151392/e94837R.pdf (accessed: 30.03.2022).

Информация об авторе

С. Е. Титор – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-236-239>

НИОН: 2015-0066-3/22-365

MOSURED: 77/27-011-2022-03-564

Некоторые проблемы уголовно-процессуального доказывания и мер пресечения в работах Л. М. Карнеевой

Игорь Борисович Тутынин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tutig@rambler.ru

Аннотация. В статье приводятся обращения к высказанным Л. М. Карнеевой умозаключениям о сущности и содержании доказывания в уголовном судопроизводстве, предопределившим постановку и решение некоторых проблем применения мер пресечения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, меры пресечения

Для цитирования: Тутынин И. Б. Некоторые проблемы уголовно-процессуального доказывания и мер пресечения в работах Л. М. Карнеевой // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 236–239. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-236-239>.

Original article

Some problems of criminal procedural evidence and precautionary measures in the works of L. M. Karneeva

Igor B. Tutynin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tutig@rambler.ru

Abstract. The article refers to the conclusions expressed by L. M. Karneeva about the essence and content of evidence in criminal proceedings, which predetermined the formulation and solution of some problems of the application of preventive measures.

Keywords: criminal proceedings, evidence, preventive measures

For citation: Tutynin I. B. Some problems of criminal procedural evidence and precautionary measures in the works of L. M. Karneeva. Bulletin of economic security. 2022;(3):236–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-236-239>.

Обращение к одной из работ Лидии Михайловны Карнеевой показало не только научно-обоснованный подход к постановке имеющихся на тот момент проблем, но и предвиденье данным автором новых затруднений отечественного уголовного судопроизводства, предопределенных сущностью и содержанием процесса доказывания.

Так в своей работе, специально посвященной доказательствам в советском уголовном процессе [5, с. 65], Л. М. Карнеева, рассматривая дискуссионные в теории доказательств вопросы, приходит к актуальным на сегодняшний момент выводам. Так в споре о том, необходимо ли выделять главный факт доказывания (вина конкретного лица в совершении вменяемого ему преступления), а также о том, входят ли в предмет доказывания «промежуточные» или до-

казательственные факты, позволяющие установить обстоятельства, значимые для дела [10, с. 192–195; 11, с. 185], она справедливо утверждала, что по уголовному делу обязательно должны быть выяснены все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, что все они «главные». При этом автор обосновано полагала, что доказывание, по сути, равно значимых обстоятельств, предусмотренных законом, может замещаться одним [5, с. 15–16; 6, с. 19–20].

В противовес этому ряд авторов настаивали на том, что «основным вопросом уголовного дела» есть именно выяснение только того, что входит в содержание доказанности необходимости применения уголовной ответственности. Это «безапелляционно» диктует направление и содержание всего, что является процессуальной доказательственной деятельно-

стью. Все остальное, входящее в предмет доказывания – производное к нему, второстепенное [8, с. 7]. При этом настаивается, что вопрос о восстановлении нарушенных преступлением имущественных прав «не должен ограничивать и осложнять чрезмерно деятельность по разрешению основного вопроса уголовного дела» [13, с. 148–149].

По нашему глубокому убеждению, такой подход неизбежно, если не предопределяет, то в значительной степени способствует игнорированию и формализму деятельности по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Доказательством чему – результаты опроса правоприменителей. Они считают, установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, относится к числу факультативных обстоятельств, подлежащих доказыванию (67,3 %), доказывать размер имущественного вреда обязан потерпевший (72,4 %) [4, с. 5].

Продуктивно ли такое положение?

Вряд ли можно оспорить то, что процессуальная деятельность дознавателей и следователей нацелена на выдвижение и отстаивании уголовно-правовых претензий, что будет способствовать разрешению как уголовно-правового конфликта, так и созданию возможностей разрешения гражданско-правового спора, в т. ч. о характере и размере причиненного преступлением вреда.

Но если считать, что восстановление нарушенных преступлением имущественных прав и интересов участников процесса является необязательной деятельностью – значит способствовать устремлениям правоприменителей к порочной практике презрения обязанности обеспечивать права личности, общества и государства.

Конституция России (ст. 52) обязывает государство сделать все, чтобы потерпевший получил возможность компенсации причиненного преступлением ущерба. Данная публично-правовая государственная обязанность реализуется посредством ориентира уголовного судопроизводства на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ)).

Представляется, что при всей важности каждой из перечисленных в ч. 1 ст. 6 УПК РФ сторон, отсутствии преобладания прав кого-либо из участников уголовного судопроизводства важно оптимально определить соотношение между возможным применением должностными лицами правоограничивающих средств и обеспечением прав и интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения.

Подобным образом обстоит дело с противодействием ненадлежащему поведению участников процесса, влекущему причинение неблагоприятных

последствий для правосудия, за которое возможно наложить денежное взыскание как иную меру процессуального принуждения. По своей сути применение такой меры преследует цель предупредить, а также восстановить (компенсировать) причиненный вред интересам правосудия. Следовательно, нет оснований считать устремление восстановить нарушенные преступным деянием права и интересы, а также рассмотренные выше уголовно-процессуальные нарушения чем-либо малозначимым для всего уголовного судопроизводства.

В деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, обязанных обеспечить возможность восстановления имущественных прав тех, кто пострадал от преступления, наложение ареста на имущество и то, что ему предшествует, должны занимать ведущее место.

Потерпевший и гражданский истец вынуждены обратиться за помощью к государству, так как у них не всегда имеются на надлежащем уровне правовые, физические, психологические, имущественные возможности отстаивать свои права и интересы. Это, безусловно, необходимо принимать во внимание при программировании соответствующей процессуальной деятельности соответствующих должностных лиц.

Каким-то особым образом защита имущественных прав лиц и государства в УПК РФ не определены. Но это же не может быть основанием не защищать конституционное право собственности, в т. ч. обеспечивая исполнение приговора в части имущественных взысканий.

Справедливо мнение Л. М. Карнеевой о важности перехода от вероятностных суждений к достоверным выводам как по отдельным обстоятельствам дела, так и по всей совокупности обстоятельств, подлежащих установлению посредством уголовно-процессуального доказывания. При этом степень обоснованности вероятного вывода может быть разной. Следовательно, вероятность нельзя принимать изолированно от нее, не учитывать суть и особенности принимаемых процессуальных решений [5, с. 19].

Например, достаточность как свойство оснований применения меры пресечения требует обращения к вероятностному выводу о будущем поведении подозреваемого, обвиняемого, соответствующий совокупности доказательств о возможности достижения его надлежащего поведения.

Обоснованность применения мер пресечения предопределяется возможностью выбора (усмотрением) правоприменителя наиболее целесообразного и оправданного варианта решения по делу в конкретной уголовно-процессуальной ситуации.

Поскольку нормы с оценочными признаками дают максимальные возможности для усмотрения

правоприменителя, то появляется опасность субъективизма в решениях. Поэтому важно, чтобы с одной стороны, усмотрение не формировалось безгранично, с другой стороны, должны действовать реальные гарантии прав и интересов участников.

Субъективные и объективные факторы тесно переплетены, а в отдельных случаях сочетаются без возможности разграничения. Вследствие этого необходимо учитывать влияние внутреннего убеждения и мотивацию правоприменителя, его нравственные установки, умение прогнозирования и учитывать сложившуюся практику.

В итоге, возникает следующее соотношение. Обоснованность связана с необходимостью выполнения конкретных (формальных) положений закона, носящих объективный характер. Усмотрение обязывает учитывать субъективные факторы, которые реализуются через выбор средств для достижения особой (специфичной, конкретной) цели. Такая схема предусматривает значительное действие нравственных основ, сочетание господствующих интересов (личности, общества, государства).

Обоснование применения мер пресечения авторами связывается с различной степенью установления данных, указывающих на возможное существование обстоятельств, требующих выяснения: от точного установления фактических данных при помощи доказательств [12, с. 65] до неопределенной вероятности, предположений, в т. ч. в виде информации, полученной при осуществлении ОРД, иной непроцессуальной информации [1, с. 115; 7, с. 7].

Например, утверждается, что в подавляющем количестве случаев при возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следователи обосновывали такое решение исключительно оперативно-разыскной информацией [2, с. 39; 3, с. 101; 9, с. 7]. Данное представление противоречит ч. 1 ст. 108 УПК РФ (о доказательствах, доказанности и доказывании). Поэтому мы поддерживаем утверждение Л. М. Карнеевой о том, что оперативно-разыскную деятельность следует рассматривать в качестве вспомогательной по отношению к доказыванию [5, с. 40–41].

Как представляется, меры пресечения и основания их избрания должны быть сгруппированы в зависимости от того, на что направлено принуждение. Максимально воздействуя на свободу передвижения человека путем заключения под стражу предполагается наличие доказательств невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения, в такой степени не ограничивающей свободу передвижения. Именно на это должно быть направлена доказательственная деятельность.

Отметим так же еще и то, что воспринимаем как настоящее авторское предвиденье Л. М. Кар-

неевой важности использования научно-технических достижений в уголовно-процессуальном доказывании [5, с. 42–44]. В современных условиях противодействие преступности обречено на поражение, если правоохранительные органы не будут использовать в надлежащей степени арсенал технических средств и методов, предлагаемых передовыми возможностями отечественной и зарубежной наукой.

В заключении отметим, что многие суждения Л. М. Карнеевой являются актуальными и сегодня. Вряд ли кто-то оспорит, что данный автор, совершая собственное представление о рассматриваемых в работах представителях уголовно-процессуального права, принимая во внимание новые идеи того времени, все же оставался верным стремлению усовершенствовать отечественное уголовное судопроизводство, порой вопреки конъюнктуре.

Список источников

1. Волынская О. В. Современные взгляды на правовую регламентацию использования электронных носителей информации в доказывании // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2.
2. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент : Изд-во Ташк. ВШ МВД СССР, 1989.
3. Ендольцева А. В. Назначение уголовного судопроизводства: достаточно ли изложенного в действующей редакции ст. 6 УПК РФ? // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. 2020.
4. Зверева Ю. Н. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015.
5. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : Учеб. пособие / Л. М. Карнеева; М-во внутр. дел СССР, Высш. следств. шк. Волгоград : ВСШ, 1988.
6. Карнеева Л. М., Статкус В. Ф. Предъявление обвинения. М., 1973.
7. Мельников В. Ю. Задержание подозреваемого : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
8. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты : вопросы факта и права. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 152 с.
9. Победин А. В. Совесть в уголовно-процессуальной форме // Юристы-Правоведь. 2016. № 4 (77).
10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.
11. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М., 1973.

12. Химичева О. В. Наложение ареста на имущество : баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 62–65.

13. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М. : Юрлитинформ, 2000.

References

1. Volynskaya O. V. Modern views on the legal regulation of the use of electronic media in proving // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2.

2. Grigoriev V. N. Detention of a suspect by the internal affairs bodies. Tashkent : Publishing House of Tashk. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989.

3. Endoltseva A. V. The purpose of criminal proceedings: is it enough set out in the current version of Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation? // Actual problems of improving the production of preliminary investigation in modern conditions of development of criminal procedure legislation. 2020.

4. Zvereva Yu. N. Proving the nature and extent of the harm caused by the crime : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2015.

5. Karneeva L. M. Proofs in the Soviet criminal process : textbook / L. M. Karneeva; Min-ry of internal affairs of the USSR, Higher Investigation School. Volgograd : VSSH, 1988.

6. Karneeva L. M., Statkus V. F. Bringing charges. M., 1973.

7. Melnikov V. Yu. Detention of a suspect : dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2004.

8. Motovilovker Ya. O. The main issue of the criminal case and its components : questions of fact and law. Voronezh : Publishing House of the Voronezh University, 1984.

9. Pobedkin A. V. Conscience in a criminal procedural form // Jurist-Pravoved. 2016. № 4 (77).

10. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. M., 1958.

11. The theory of evidence in the Soviet criminal process. 2nd ed. M., 1973.

12. Khimicheva O. V. Seizure of property : balance of private and public interests // Academic thought. 2019. № 4 (9).

13. Shadrin V. S. Ensuring the rights of the individual in the investigation of crimes. M. : Yurлитинформ, 2000.

Информация об авторе

И. Б. Тутынин – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. B. Tutynin – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-240-245>

НИОН: 2015-0066-3/22-366

MOSURED: 77/27-011-2022-03-565

Конституционно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в законодательстве Швеции

Дмитрий Олегович Усанов¹, Шамиль Магомедович Нурадинов², Сергей Леонидович Нечай³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ mitya.usanov@gmail.com

³ s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Анализируются особенности конституционного регулирования правового статуса личности в законодательстве Швеции. Осуществлена классификация основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с конституционным законодательством. Оценивается роль имплементации норм международного и европейского права в шведское законодательство в рамках рассматриваемой темы.

Ключевые слова: Конституция Швеции, права и свободы человека и гражданина в скандинавской правовой системе, конституционно-правовой статус личности, имплементация норм международного и европейского права в шведское законодательство

Для цитирования: Усанов Д. О., Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л. Конституционно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в законодательстве Швеции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 240–245. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-240-245>.

Original article

Constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of man and citizen in the legislation of Sweden

Dmitry O. Usanov¹, Shamil M. Nuradinov², Sergey L. Nechay³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ mitya.usanov@gmail.com

³ s.l.nechay@gmail.com

Abstract. The features of the constitutional regulation of the legal status of a person in Swedish legislation are analyzed. The classification of the fundamental rights and freedoms of man and citizen in accordance with the constitutional legislation has been carried out. The role of the implementation of the norms of international and European law in Swedish legislation is assessed within the framework of the topic under consideration.

Keywords: Constitution of Sweden, rights and freedoms of man and citizen in the Scandinavian legal system, constitutional and legal status of the individual, implementation of international and European law in Swedish legislation

For citation: Usanov D. O., Nuradinov Sh. M., Nechay S. L. Constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of man and citizen in the legislation of Sweden. Bulletin of economic security. 2022;(3):240–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-240-245>.

В настоящее время Швеция относится к высоко-развитым демократическим государствам и отличается высоким уровнем экономической и политической жизни, а также правовой культуры. Парламентская демократия обеспечивает стабильность государ-

ственно-политического режима. При этом актуальной проблемой для Швеции является проблема безопасности населения, связанная как с ростом терроризма и насильственного экстремизма, так и с развитием организованной преступности. Сложившаяся си-

© Усанов Д. О., Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., 2022

туация определяет как необходимость расширения полномочий полиции, так и потребность в совершенствовании всей правовой системы государства, ядро которой составляет уникальное конституционное законодательство.

Скандинавский конституционализм детерминируется через комплекс национальных конституционно-правовых моделей, среди которых особое место отводится шведскому конституционализму.

Особенностью конституционно-правового развития Швеции во второй половине XX в. стало проведение конституционной реформы 1963–1974 гг., завершившейся принятием серии конституционных законов (1969 и 1974 гг.) и заложивших основу конституции Шведского королевства 1974 г. Это были новые редакции «Акта о форме правления» и «Акта о риксдаге» [1]. В настоящее время Конституция Швеции – это четыре фундаментальных нормативных правовых акта: Акт о форме правления 1974 г.; Акт о престолонаследии 1810 г.; Акт о свободе печати 1949 г.; Акт о свободе слова 1991 г.

В настоящее время «Акт о риксдаге» (*Riksdagslagen*) (1974 г.) утратил статус конституционного (фундаментального) закона, но по юридической силе занимает промежуточное положение между фундаментальным и обычным законом.

Обращение к тексту конституционных законов Шведского королевства позволяет предметно рассмотреть комплекс прав и свобод человека и гражданина, фундаментом которой являются несколько конституционных принципов.

Развитие Швеции как демократического правового государства способствовало закреплению в конституционных законах положения о государственной и общественной защите интересов, прав и свобод отдельного человека, означающего, что «государственная власть должна осуществляться с уважением к достоинству всех людей вообще и к свободе и достоинству каждого человека. Личное, экономическое и культурное благосостояние личности должно быть основной целью деятельности государства» (Акт о форме правления, глава 1, § 1). Данное положение раскрывалось через утверждение, что государственные институты должны развивать идеалы демократии в качестве руководящих принципов во всех секторах общества и защищать приватную жизнь индивида, а также бороться с дискриминацией лиц по расовому, национальному, религиозному признакам, а также не ограничивать в правах слабо защищенные группы (детей, лиц с ограниченными возможностями, представителей меньшинств).

В шведской модели прав человека найден разумный баланс между интересами государства, общества и индивида, что выглядит наиболее обоснованным в условиях распространения терроризма

и возрастания угрозы национальной безопасности Швеции.

Определение в конституционных актах Швеции значительного перечня прав является показателем стремления законодателя максимально полно их гарантировать. Термин «гарантирует» применяется только в некоторых случаях. Так, в соответствии § 1 гл. 2 Акта о форме правления, государство гарантирует каждому члену соблюдение свободы мнений, что означает неизбежность таких прав, как свобода информации, вероисповедания, собраний, демонстраций и свободу выражения мнений.

Одновременно конституция Швеции устанавливает запрет на произвольное ограничение прав и свобод. Конституция Швеции отдельно оговаривает возможность ограничения ряда прав и свобод, когда государство может урезать свободу выражения мнений, информации, а также право на открытое судебное разбирательство (гл. 2 Акта о форме правления). Однако любые ограничения соответствуют духу демократического режима, существующего в скандинавских странах. В частности, подобные меры не препятствуют свободному формированию общественного мнения. В шведских правовых исследованиях подчеркивается, что «цель ограничений прав и свобод должна быть четко определена в статуте, ограничивающем конституционное право».

Фундаментальной гарантией является судебная защита прав и свобод, предусматривающей осуществление судом обязательной проверки случаев задержания или ареста лица, подозреваемого в осуществлении преступного деяния. Принудительное заключение лица под стражу также является основанием для незамедлительного рассмотрения дела в суде. Конституция также предписывает обязательность открытости судебных процессов (§ 11 гл. 2 Акта о форме правления).

Шведское государство гарантирует населению защиту от какого-либо принуждения, конкретизированного в конституционном положении о запрете на принуждение жителя государства раскрывать свои политические, религиозные и иные взгляды, принимать участие в публичных мероприятиях помимо собственной воли «в целях формирования мнения или в целях выражения иных мнений, либо защищен от принуждения принадлежать к политическому объединению, религиозному обществу или иному объединению» (§ 1 гл. 1 Акта о форме правления).

Конституционный принцип гарантированности прав и свобод означает также существование целой системы органов государственной власти, обеспечивающих неизбежность прав личности в Швеции. Так, Актом о форме правления (§ 6 гл. 13) и Актом о риксдаге (§ 2–3 гл. 13), предусмотрено избрание риксда-

гом четырех парламентских омбудсменов, контролирующих применение законов и других нормативных актов в общественной деятельности.

Особой гарантией прав и свобод является существование правоохранительной системы, важным элементом которой является шведская полиция. Действия полиции и иных правоохранительных органов исходят из конституционного принципа законности или верховенства права, предусматривающего обязательную проверку в суде примененного принуждения в отношении задержанного лица. Верховенство права – одно из ключевых положений Акта о форме правления (§ 9–11 гл. 2). Конституция предусматривает, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за несовершенно деяние (§ 10 гл. 2 Акта о правлении).

Таким образом, к конституционным принципам, на которых базируется правовой статус человека и гражданина Швеции, следует отнести: во-первых, принцип защиты государством и обществом интересов, прав и свобод каждой личности; во-вторых, ответственность личности перед государством и обществом; в-третьих, принцип гарантированности прав и свобод; в-четвертых, принцип верховенства права. Данные принципы следует дополнить принципами равноправия и равенства, признающимися в качестве основополагающих большинством конституций демократических государств. Проведенный анализ конституционных положений, представляющих базис правового статуса личности в Швеции, дает возможность рассмотреть содержание конституционных прав и свобод.

Основная классификация, принятая за основу в шведском конституционном праве, означает выделение в системе конституционных прав этого государства *абсолютных прав и свобод*, ограничение которых невозможно ни в каком случае; *относительных прав и свобод*, в отношении которых допускаются некоторые ограничения со стороны законодателя; *прав и свобод со слабой конституционной защитой*, ограничение которых не требует отдельной правовой процедуры.

К первой группе относятся двенадцать прав и свобод, которые можно характеризовать с позиций российского конституционного права как гражданские и политические права. В частности, приоритет национальный законодатель отдает свободе в сфере исповедания религии, правам на защиту от внешних вмешательств, нарушающих свободу мысли (в шведском варианте – раскрывать взгляды на религию, политику, культуру), свободу собраний, свободу объединений (запрещается принудительное вхождение в состав любого общественного объединения). В категорию фундаментальных прав входит гарантии защиты от нарушения личных и политических прав, но не регла-

ментирует сами эти права, помещенные в категорию относительных прав.

К относительным правам оказались отнесены также несколько политических свобод – на информацию, собраний и демонстраций, союзов. Государство обеспечивает также свободу информации; свободу собраний; свободу демонстраций; свободу союзов. В эту же группу прав оказалось включено и право на открытое судебное разбирательство.

Конституция Швеции закрепляет права и свободы личности, отдельно выделяя круг вопросов, по которым иностранцы уравниваются в правах с гражданами, что позволяет условно выделить еще одну классификацию, предусматривающую разделение прав и свобод по отношению к шведскому государству. В соответствии с § 25 гл. 2 Акта о форме правления не допускается ограничение иностранцев «в свободе выражения мнений, свобода информации, свобода собраний; свободе демонстрации, свободе ассоциации; защите от принуждения выражения мнения; защите от физических нарушений; защите от лишения свободы; в праве на лишение свободы, кроме лишения свободы из-за преступного деяния или по подозрению в совершении преступления». На мигрантов распространяется действие права на публичное судебное разбирательство; права авторов, художников и фотографов на их работы; права торговли или практики профессии; права на свободу исследований. Эта категория населения подлежит защите от нарушений на основании положения, что никакие ограничения не могут быть наложены по политическим, религиозным, культурным соображениям. Однако, обоснование данной классификации требует основательной аргументации, что не позволяет рассматривать ее в качестве приоритетной в условиях интернационализации конституционно-правового статуса личности в Швеции, предполагающей разработку и принятие антидискриминационного законодательства [2].

Таким образом, в основу подходов к классификации прав и свобод, принятых в шведском конституционном праве, положены два основных критерия: во-первых, право государства ограничивать конституционные права и свободы; во-вторых, форма выражения правовой нормы. Представленные классификации отражают плюралистичность зарубежного конституционного права, стремящегося примирить международные стандарты и национальные интересы в сфере прав человека.

В тексте шведской конституции нормы, закрепляющие эти политические права объединены в свободу мнений, представляющую особый институт в шведском конституционализме, фундаментом которого выступает свобода высказываний, закрепленная в Законе о свободе печати и Основном законе выражения мнений.

В свою очередь, свобода высказываний представляет собой конструкцию, состоящую из свободы средств массовой информации и самой свободы высказываний. Право без дискриминации выражать мнения в периодической печати дополняется возможностью оглашать официальные документы, мысли и мнения, но с учетом ограничений, содержащихся в Законе о защите прав личности и общественной безопасности. Кроме того, граждане могут публиковать печатные произведения, а также передавать в средства массовой информации сведения, если это не запрещено законом. Надзор за соблюдением данного права осуществляют канцлер юстиции и прокурор, которые могут принять решение о предварительном аресте, запрещающем распространение печатного издания и его конфискацию. Судебный контроль за соблюдением свободы печати возложен на специальный суд по делам о свободе печати, включающем жюри присяжных из девяти членов (§ 2 гл. 12 Акта о свободе печати).

Свобода высказываний является близкой по содержанию к традиционной свободе слова. В соответствии с § 1 гл. 1 «Основного закона о свободе высказываний» означает право каждого члена шведского общества публично высказывать по разным вопросам в средствах массовой информации.

Особенностью конституционного законодательства Швеции является дополнение политических прав запретами возможного нарушения таковых со стороны государства. В частности, § 3 гл. 1 Акта о форме правления, «без согласия гражданина не допускается внесение во всеобщий реестр сведений о его политических взглядах». Данное положение направлено на предупреждение угроз со стороны государства демократическим правам и свободам.

Таким образом, политические права и свободы нашли закрепление во многих параграфах конституции Швеции. Их соблюдение всеми субъектами конституционно-правовых отношений представляется необходимым условием существования шведского демократического правового государства. В свою очередь государство оказывает широкую поддержку гражданскому обществу, заботясь о всех общественных объединениях, отвечающих потребности существующей шведской демократии [3]. Подобная политика способствует укреплению доверия населения к государственным органам и одновременно формированию высокого уровня ответственности самого государства.

В значительной степени созданию благоприятного имиджа шведского государства благоприятствует активная социальная политика, в основе которой лежит идеология государства всеобщего благоденствия, направленная на полное раскрытие потенциала нации [4] через достижение гражданского согласия и соци-

ального консенсуса на основе взаимных экономических интересов, участия граждан не только в выработке государственной политики, но и в ее практической реализации. В литературе обосновывается мнение, что достижением шведской государственности стало созданное по инициативе правящей социал-демократической партии социальное страхование. Реализация идеологии государства всеобщего благоденствия привела к установлению в Швеции самобытного политического режима, отразившегося как в конституции, так и в политике государства.

Итак, в конституционном законодательстве Швеции не регламентируются отдельно право на труд, право на социальное обеспечение, право на отдых и многие иные социально-экономические права. Это объясняется тем, что правоотношения в социально-экономической сфере, в основном, регулируются обыкновенными законами. Так, в 1994 г. принят Закон о государственной занятости (Public Employment Act) [5], в 1992 г. опубликован и получил законную силу Акт о высшем образовании (Higher Education Act), получивший новую редакцию в 2013 г. [6]. Сложившаяся ситуация, характеризующаяся слабой конституционной регламентацией социальных прав, критично оценивается в шведской правовой науке, отмечающей слабую сторону национального конституционализма, уступающего по влиянию на социальную сферу муниципальной власти [7].

Нам представляется логичным и другое объяснение: сравнительно небольшой объем данных прав, закрепленных в главе 1 Акта о форме правления, компенсируется за счет стандартов, содержащихся в конвенциональных нормах, признанных Швецией. В частности, Швеция была одним из первых государств, ратифицировавших Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (это произошло в 1971 г.). Ратификация Европейской социальной хартии (1996 г.) была проведена парламентом в мае 1998 г. Следует подчеркнуть, что Швеция, начиная с 1966 г., ратифицировала большинство международно-правовых актов и в целом оказалась тесно включена в европейский конституционный проект [8].

Конвенция (ЕКПЧ) получила законную силу внутри Швеции в 1953 г., а с 1 января 1995 года включена в законодательство Швеции. Этому процессу предшествовало активное обсуждение вопроса: должна ли Конвенция стать частью Конституции или обыкновенного закона? Выбор был остановлен на обыкновенном законе, но при этом Конвенция получила особый статус. В соответствии с § 19 гл. 1 Акта о форме правления, «никакой закон или иное положение не могут быть приняты, если противоречат обязательствам Швеции в рамках Европейской конвенции о защите прав и основных свобод».

Отметим, что имплементация норм международного и европейского права в шведское законодательство является сложным процессом. Вступление Швеции ЕС в 1995 г. потребовало некоторых изменений в ее внутренней правовой культуре. В зарубежных исследованиях отмечается, что закрепление в качестве императива прав человека предъявляет особые требования к судам и представителям юридического сообщества [9].

Сделаем вывод, что конституционные права и свободы составляют фундамент правовой доктрины Швеции. На их закрепление влияют как национальная (скандинавская) правовая традиция, так и активная имплементация международно-правовых норм во внутригосударственное право. Демократическое государственно-правовое развитие Швеции со второй половины XX века привело к созданию уникальной системы конституционных прав и свобод, отличающейся рядом особенностей.

Список источников

1. The Constitution of Sweden the Fundamental Laws and the Riksdag Act With an introduction by Magnus Isberg. Sveriges Riksdag, Stockholm. 2016. P. 16–17.
2. Закон о дискриминации (Discrimination Act) [электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Швеции / URL: <http://www.government.se/information-material/2015/09/discrimination-act-2008567/> (дата обращения: 15.12.2021).
3. Трэгорд Л., Вамстад Ю. Структурирующая сила государства // Родина. 2010. № 10. С. 66.
4. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Западной Европы / Г. Н. Андреева, О. В. Белоусова, И. С. Власов и др. ; под ред. В. И. Лафитского. М. : ИЗСП, КОНТРАКТ, 2012. Т. 2. С. 657.
5. Lag (1994:260) om offentlig anställning // URL: <http://www.notisum.se/rnp/sls/lag/19940260.htm> (дата обращения: 12.12.2021).
6. The Swedish Higher Education Act // URL: <https://www.uhr.se/en/start/laws-and-regulations/Laws-and-regulations/The-Swedish-Higher-Education-Act/> (дата обращения: 12.12.2021).
7. Nyström B., Erlandsson L. Constitutional law as an instrument for social protection in Sweden? //

The Right to Social Security in the Constitutions of the World : Broadening the moral and legal space for social protection. ed. / Alexandre Egorov ; Marcin Wujczyk. Geneva : ILO, 2016. P. 286.

8. Bernitz U. The European Constitutional Project and the Swedish Constitution // Scandinavian Studies In Law. 2007. Vol. 52. P. 50–63.

9. Ortwein II B. M. The Swedish Legal System: An Introduction. Indiana International & Comparative Law Review. Vol 13, No 2 (2003). P. 445.

References

1. The Constitution of Sweden the Fundamental Laws and the Riksdag Act. With an introduction by Magnus Isberg. Sveriges Riksdag, Stockholm. 2016. P. 16–17.
2. Discrimination Act (2008:567) [electronic resource] // Official website of the Government of Sweden / URL: <http://www.government.se/information-material/2015/09/discrimination-act-2008567/> (accessed: 15.06.2016).
3. Tragord L., Vamstad Y. Structuring power of the state // Homeland. 2010. No. 10. P. 66.
4. Comparative Law: National Legal Systems. Legal systems of Western Europe / G. N. Andreeva, O. V. Belousova, I. S. Vlasov and others ; ed. V. I. Lafitsky. M. : IZiSP, KONTRAKT, 2012. T. 2. P. 657.
5. Lag (1994:260) om offentlig anställning // URL: <http://www.notisum.se/rnp/sls/lag/19940260.htm> (accessed: 23.06.2016).
6. The Swedish Higher Education Act // URL: <https://www.uhr.se/en/start/laws-and-regulations/Laws-and-regulations/The-Swedish-Higher-Education-Act/> (accessed: 23.06.2016).
7. Nyström B., Erlandsson L. Constitutional law as an instrument for social protection in Sweden? // The Right to Social Security in the Constitutions of the World : Broadening the moral and legal space for social protection. ed. / Alexandre Egorov ; Marcin Wujczyk. Geneva : ILO, 2016. P. 286.
8. Bernitz U. The European Constitutional Project and the Swedish Constitution // Scandinavian Studies In Law. 2007. Vol. 52. P. 50–63.
9. Ortwein II B. M. The Swedish Legal System: An Introduction. Indiana International & Comparative Law Review. Vol 13, No 2 (2003). P. 445.

Информация об авторах

Д. О. Усанов – соискатель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Ш. М. Нурадинов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

С. Л. Нечай – старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук.

Information about the authors

D. O. Usanov – Applicant of the Department of the Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

Sh. M. Nuradinov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

S. L. Nechay – Senior Lecturer of the Department of the Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’, Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Национальная безопасность. Под ред. Н. Д. Эриашвили, О. А. Мироновой, К. К. Гасанова. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 271 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

В учебнике учитываются все направления политики государства, национальные приоритеты и интересы, отражаемые в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, законодательстве и иных нормативных актах. Исследуются вопросы теории и организации безопасности государства, общества, личности.

Раскрываются особенности государственного регулирования в экономической, военной, информационной, общественной, экологической сферах безопасности. Рассматривается зарубежный опыт конституционного обеспечения национальной безопасности в ряде зарубежных стран.

Для студентов юридических и экономических вузов, осуществляющих подготовку студентов (курсантов) по специальности «Экономическая безопасность», а также аспирантов (адъюнктов) и преподавателей.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-246-248>

НИОН: 2015-0066-3/22-367

MOSURED: 77/27-011-2022-03-566

Проблема изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств в российском гражданском праве

Олег Олегович Фалилеев

falileev-oleg@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновываются основные проблемы реализации гражданско-правового института существенных обстоятельств, способных изменять условия договорных правоотношений; аргументируются выводы авторского исследования существенных изменений обстоятельств в гражданском праве; предлагаются научно обоснованные пути решения некоторых проблем возникновения существенных обстоятельств для реализации интересов участников договорных правоотношений.

Ключевые слова: договорные правоотношения, существенные изменения обстоятельств в гражданском праве, условия расторжения договора и его правовые последствия

Для цитирования: Фалилеев О. О. Проблема изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств в российском гражданском праве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 246–248. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-246-248>.

Original article

The problem of changing and terminating the contract due to a significant change of circumstances in the Russian civil law

Oleg O. Falileev

falileev-oleg@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the main problems of the implementation of the civil law institute of significant circumstances that can change the terms of contractual legal relations; the conclusions of the author's study of significant changes in circumstances in civil law are argued; scientifically sound ways of solving some problems of the occurrence of significant circumstances for the realization of the interests of the parties to contractual legal relations are proposed.

Keywords: contractual legal relations, significant changes in circumstances in civil law, conditions for termination of the contract and its legal consequences

For citation: Falileev O. O. The problem of changing and terminating the contract due to a significant change of circumstances in the Russian civil law. Bulletin of economic security. 2022;(3):246–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-246-248>.

Проблема изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств и многие нерешенные в связи с ней правовые вопросы в российском гражданском праве и, главное, в соответствующем правоприменении вызывают у ученых-цивилистов и юристов-практиков вполне обоснованный профессиональный интерес. Он связан, прежде всего, с методологическими нюансами частного права и, безусловно, практическим значением этого института для современного гражданско-правового оборота. В научной литературе подчеркивается, что «...специфика оснований, порядка и последствий расторжения (изменения) до-

говора в связи с существенным изменением обстоятельств настолько велика, что эти вопросы заслуживают самостоятельного рассмотрения» [1, с. 122].

Хорошо известно, что в момент заключения договора стороны, в принципе, не могут предвидеть наступления всех событий и обстоятельств, затрагивающих исполнение по договору, особенно с учетом волатильности российской экономики, стремительно меняющегося законодательства и непоследовательности в проведении правовой политики в России [2, с. 3]. Ясно, что динамично изменяющиеся условия окружающего мира, включающие в себя политиче-

ские, правовые, экономические и многие связанные с ними иные факторы социальной действительности объективно влияют на гражданско-правовые отношения современного общества. При этом, реализация полного объема прав всех участников гражданского оборота оказывает на систему гражданско-правовых отношений огромное воздействие, заставляя их постоянно совершенствовать свою структуру и развиваться с учетом новых обстоятельств.

В ходе произошедших фундаментальных социально-правовых изменений был затронут базовый принцип частного права – *pacta sunt servanda*, фактически выступающий гарантом договорной практики, а равно стабильности общественных отношений в экономической сфере. Разумеется, принципы *pacta sunt servanda* и «святости» договора являются одними из основополагающих системных принципов практически во всех современных правовых порядках. Тем не менее, не секрет, что участие в гражданском обороте сопряжено с разного рода рисками, в том числе с рисками существенного изменения обстоятельств, способных проявить себя в будущем в неизвестный период времени. Участники гражданского оборота постоянно сталкиваются с различными рисками, возникновение которых обусловлено множеством внешних, не зависящих от них обстоятельств, которые объективно невозможно учесть в момент составления договора. Потому реализация и развитие гражданско-правового института изменения и расторжения гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств направлены на установление оптимальной динамики гражданско-правовых отношений, пошатнувшихся вследствие таких непредвиденных изменений, способной обеспечить удовлетворение предметных договорных интересов их участников.

Такие обстоятельства создали благоприятную основу для формирования новой доктрины в гражданском праве, фундаментальной основой которой можно считать принцип *clausula rebus sic stantibus*. Совместно с принципом *pacta sunt servanda* они составляют платформу, обеспечивающую равенство участников в части обеспечения баланса их имущественных интересов. Однако при этом продолжает оставаться малоизученной проблематика, связанная с расторжением или изменением условий договора участниками правоотношений, регулируемых нормами гражданского права. В данном случае важно учитывать, что потенциальная возможность внесения изменений в условия заключенного договора или возможность расторгнуть договор участниками данных правоотношений, при наличии значимых обстоятельств, по своей сути не делает значение *pacta sunt servanda* менее важным, поскольку указанный принцип трансформируется с учетом объективных условий совершенствования гражданско-правового оборота.

Следует отметить, что несмотря на довольно объемный научный багаж, накопленный немалым

отрядом цивилистов в сфере решения проблемы изменения и расторжения гражданско-правовых договоров в связи с существенным изменением обстоятельств, предметом этих исследований, как правило, являлись либо общая проблематика, либо какой-либо отдельный аспект, связанный с расторжением конкретного типа договора гражданско-правового характера в связи с существенным изменением обстоятельств. Объективного и системного исследования затрагиваемых вопросов, с учетом действующего российского гражданского законодательства, до настоящего времени не проводилось.

Мы, отчасти, попытались восполнить этот пробел проведением своего гражданско-правового исследования, нацеленного на выявление основных системных закономерностей гражданско-правового оборота, в рамках которых сегодня развивается институт существенного изменения обстоятельств в Российской Федерации.

Главный авторский вывод состоит в том, что с учетом отсутствия унифицированной судебной правоприменительной практики оптимальным способом расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств является процедура медиации (как удобная и понятная альтернатива судебному разбирательству). В этой связи предлагается в качестве правового механизма оптимизации рисков существенного изменения обстоятельств в договорных конструкциях сторонам прописывать необходимость рассмотрения способных возникнуть в будущем существенных изменений, влияющих на права и обязанности, а также на результаты (последствия) исполнения договоров, в медиативном (досудебном) порядке.

Наряду с этим, были определены два концептуальных различия в целеполагании между институтом обстоятельств, имеющих существенное значение, и институтом обстоятельств, обуславливающих невозможность исполнения договора. Установлено, что исследуемые унификационные акты договорного права – «Principles of European Contract Law (PECL)», «Unidroit Principles of International Commercial Contracts», «Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR)» и «European Contract Code» – исходят из совпадающих способов определения существенных изменений обстоятельств, оснований и условий расторжения договоров, включая правовые последствия.

Исследование различий между порядком расторжения и изменения договоров при возникновении существенно изменившихся обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) и в случае существенного нарушения условий договора (ст. 450 ГК РФ), позволили сделать вывод о том, что если лицом, право которого нарушается при существенном нарушении условий договора, является кредитор, то при существенно изменившихся обстоятельствах нарушенное право принадлежит должнику, поскольку в таком случае должник становится

более уязвимым участником договора, и при таких обстоятельствах он может лишиться потенциальной правовой возможности получить результат, на который рассчитывал при заключении договора.

Процесс развития системы общественных отношений, раскрывающийся, в том числе, в основных закономерностях гражданско-правового оборота, неразрывно связан с совершенствованием института существенно изменившихся обстоятельств. Здесь важно учитывать, что основным фактором, оказывающим влияние на развитие института существенного изменения обстоятельств, является интернационализация гражданско-правового оборота, обусловленная существующими в обществе глобализационными процессами, которые приводят к стиранию границ в подходах к конструированию *clausula rebus sic stantibus* в национальных системах права. Такие внутрисударственные правовые процессы, как издание новых нормативных правовых актов, внесение изменений и дополнений в них, реформирование правовых институтов оказывают дестабилизирующее влияние на развитие института существенно изменившихся обстоятельств. Отсюда возникает насущная потребность в интернационализации, сближении правовых договорных конструкций, требующих:

а) установления причинно-следственной связи, которая бы определила, что обстоятельство представляет собой причину, которая повлекла в свою очередь возникновение неосуществимости исполнения обязательства;

б) установления отсутствия вины сторон в неосуществимости исполнения обязательства (если говорить более точно, то суд скорее будет интересоваться тот факт, что обстоятельства наступили в независимости от воли сторон);

в) установления отсутствия обязательств, которые объективно более обременительны, нежели те, которые вытекают из нормативного правового акта.

Основной целью института существенного изменения обстоятельств является потребность в создании условий, при которых заключенный гражданско-правовой договор не теряет в процессе его юридического исполнения социально-экономического эффекта, а участники гражданско-правовой сделки при изменениях обстоятельств остаются во взаимовыгодном положении. Восстанавливающей (компенсаторной) целью рассматриваемого института также является сохранение баланса интересов сторон гражданско-правового договора, которые могут быть нарушены при существенных изменениях обстоятельств. В этой связи предлагается в качестве правового механизма оптимизации рисков существенного изменения обстоятельств в договорных конструкциях сторонам прописывать

необходимость рассмотрения факта возникновения в будущем существенных изменений, влияющих на права и обязанности, а также на результаты (последствия) исполнения договоров, в досудебном порядке.

Важно подчеркнуть главную гражданско-правовую перспективу решения проблем, возникающих в договорных отношениях в связи с существенным изменением обстоятельств и предопределяющих таким образом прекращение прав и обязанностей, часть из которых может продолжать действовать и после расторжения договора, поскольку:

а) действует право стороны, которая исполнила надлежащим образом свои обязательства, требовать встречного предоставления по договору;

б) действуют гарантийные обязательства в отношении поставленных до прекращения прав и обязанностей при расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств товаров, оказанных услуг или выполненных работ;

в) сторона, исполнившая свои обязательства, может воспользоваться правом о применении мер ответственности, в частности: о возмещении убытков, взыскании неустойки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств неисправным контрагентом, если такое нарушение возникло до момента расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств;

г) действуют права и обязанности, вытекающие из третейских (арбитражных) оговорок, содержащихся в договоре, о рассмотрении и разрешении спора в постоянно действующем третейском суде (арбитраже) и пр.

Все эти обстоятельства могут иметь практическое значение для обеспечения интересов участников гражданско-правовых отношений в случаях возникновения существенных обстоятельств, способных изменить условия договорных правоотношений.

Список источников

1. Витрянский В. В. Некоторые итоги кодификации правовых норм о гражданско-правовом договоре // Кодификация российского частного права / Под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008.

2. Очкаев Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств / дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

References

1. Vitryansky V. V. Some results of the codification of legal norms on a civil contract // Codification of Russian private law / Ed. by D. A. Medvedev. M. : Statute, 2008.

2. Ochkhaev T. G. Modification and termination of the contract due to a significant change in circumstances / diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2015.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 341:342:314.7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-249-253>

НИОН: 2015-0066-3/22-368

MOSURED: 77/27-011-2022-03-567

Некоторые аспекты международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран в сфере миграции

Сергей Олегович Харламов¹, Владимир Сергеевич Дурнев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ hardd66@mail.ru

² vladur@bk.ru

Аннотация. На основе результатов проведенной научно-исследовательской работы представлена характеристика международного сотрудничества с правоохранительными органами приграничных стран и некоторые рекомендации при осуществлении такого сотрудничества с учетом данных Главного управления по вопросам миграции МВД России по российско-белорусскому и российско-казахстанскому сотрудничеству.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правоохранительные органы, приграничные страны, вопросы миграции, стратегическое планирование, Республика Беларусь, Республика Казахстан

Для цитирования: Харламов С. О., Дурнев В. С. Некоторые аспекты международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран в сфере миграции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 249–253. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-249-253>.

Original article

Some aspects of international cooperation of the internal affairs bodies of the Russian Federation with law enforcement agencies of border countries in the field of migration

Sergey O. Kharlamov¹, Vladimir S. Durnev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ hardd66@mail.ru

² vladur@bk.ru

Abstract. Based on the results of the research work, a description of international cooperation with law enforcement agencies of border countries and some recommendations for the implementation of such cooperation, taking into account the data of the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia on Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstan cooperation, is presented.

Keywords: international cooperation, law enforcement agencies, border countries, migration issues, strategic planning, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan

For citation: Kharlamov S. O., Durnev V. S. Some aspects of international cooperation of the internal affairs bodies of the Russian Federation with law enforcement agencies of border countries in the field of migration. Bulletin of economic security. 2022;(3):249–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-249-253>.

Опираясь на результаты проведенной научно-исследовательской работы (в соответствии с п. 215 Плана научной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя на 2021 год, далее по

тексту «НИР»), международное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран в сфере миграции можно определить как деятельность

© Харламов С. О., Дурнев В. С., 2022

рассматриваемых органов, обслуживающих территории, имеющие общие границы, основанную на источниках международного и национального права, выражающуюся в согласованных действиях данных субъектов, нацеленную на решение задач в сфере миграции. В узком смысле, со стороны Российской Федерации – это деятельность подразделений по вопросам миграции во главе с Главным управлением по вопросам миграции МВД России, связанная с реализацией государственных функций и оказанием государственных услуг в сфере миграции. В широком – любая другая деятельность всевозможных структур, относимых к органам внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с их компетенцией и полномочиями, затрагивающая отношения в сфере миграции, например в оперативно-разыском и административном аспектах.

Наибольшее развитие в вопросах рассматриваемых аспектов международного сотрудничества у Российской Федерации с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан. В некотором смысле, российско-белорусское и российско-казахстанское сотрудничество можно рассматривать как ориентир для развития отношений с другими приграничными странами. В частности, с приграничными странами из перечня государств-участников таких международных организаций как Содружество независимых государств и Евразийский экономический союз.

Так, сотрудничество с белорусской стороной в исследуемом периоде осуществлялось в рамках реализации Плана мероприятий по формированию единого миграционного пространства [1]. В основе российско-белорусского сотрудничества также ряд других документов, среди которых можно выделить Решение «О концепции сотрудничества государств-участников Содружества независимых государств в противодействии незаконной миграции» [2].

Несомненным достижением в российско-белорусского сотрудничества стала разработка и принятие Концепции миграционной политики Союзного государства [3].

Во исполнение подпункта 2.1 Плана [1] территориальными органами МВД России, расположенными в приграничных с Республикой Беларусь субъектах Российской Федерации, совместно с органами Пограничной службы ФСБ России и компетентными органами Республики Беларусь на постоянной основе проводятся оперативно-профилактические мероприятия по предупреждению, выявлению и пресечению каналов незаконной миграции.

За 2020 год территориальными органами МВД России, расположенными в приграничных с Республикой Беларусь регионах, проведено свыше 9,6 тыс. проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства Рос-

сийской Федерации, в том числе проверено 8,3 тыс. объектов жилого сектора и мест компактного проживания иностранных граждан. Выявлено 4,9 тыс. административных правонарушений в сфере миграции. В отношении иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство Российской Федерации, принято 842 решения о неразрешении въезда, 149 – о сокращении срока временного пребывания, 4,9 тыс. – решений об административном выдворении за пределы Российской Федерации, 254 – о депортации.

В рамках проводимых проверочных мероприятий осуществляется проверка иностранных граждан и лиц без гражданства, состоящих на миграционном учете на подведомственных территориях, имеющих разрешения на временное проживание и виды на жительство, а также лиц, проживающих в населенных пунктах, расположенных вблизи Государственной границы Российской Федерации.

С целью отработки оперативной информации, а также обсуждения актуальных вопросов взаимодействия территориальных органов МВД России и МВД Республики Беларусь приграничных регионов проводятся рабочие встречи, в рамках которых обсуждаются механизмы работы по выявлению и пресечению каналов незаконной миграции, по профилактике правонарушений и преступлений, а также вопросы по выявлению иностранных граждан, находящихся в приграничных районах с поддельными документами.

В связи с закрытием границ и принимаемыми государствами мерами по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции в 2020 году российско-белорусские рабочие встречи по вопросам приграничного сотрудничества МВД России и МВД Республики Беларусь проводятся на регулярной основе в дистанционном формате.

Далее рассмотрим сотрудничество с Республикой Казахстан.

Среди документов в основе российско-казахстанского сотрудничества можно выделить Соглашение о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий [4]. В 2020 году Главным управлением по вопросам миграции МВД России совместно с заинтересованными подразделениями МВД России рассмотрен проект Протокола о внесении изменений в Соглашение [4], а также соответствующий проект распоряжения Правительства Российской Федерации, подготовленные Минтранс России в целях упразднения ряда пунктов пропуска через российско-казахстанскую государственную границу в связи с отсутствием целесообразности их функционирования (согласовано Главным управлением по вопросам миграции МВД России – письмо МВД России от 1 сентября 2020 г. № 1/9681).

Работа по борьбе с незаконной миграцией правоохранительных органов приграничных субъектов Российской Федерации и Республики Казахстан осуществляется путем разработки совместных планов, проведения скоординированных специальных операций, оперативно-профилактических, розыскных мероприятий, исполнения международных поручений и запросов в рамках правовой помощи по уголовным делам, обмена соответствующей информацией.

По итогам 2020 года территориальными органами МВД России, расположенными в приграничных с Республикой Казахстан субъектах Российской Федерации, проведено свыше 63,4 тыс. проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации. Проверке подверглись объекты строительства, торговли, сельского хозяйства, бытового обслуживания и иные. Проверено 49,6 тыс. объектов жилого сектора и мест компактного проживания иностранных граждан.

В результате проведенных проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства в 2020 г. (по статьям 18.8–18.10, 18.15–18.17, 19.27 КоАП РФ [5] Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) задокументировано 60,2 тыс. административных правонарушений.

В отношении иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство Российской Федерации, принято 15,9 тыс. решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, 2,3 тыс. – о сокращении срока временного пребывания, 2,3 тыс. – об административном выдворении за пределы Российской Федерации, 1,2 тыс. – о депортации.

В целях повышения эффективности проводимых мероприятий и расширения профессионального взаимодействия правоохранительными органами приграничных субъектов Российской Федерации и Республики Казахстан проводятся рабочие встречи по приграничному сотрудничеству, в рамках которых осуществляется обмен статистической информацией, информационно-аналитическими материалами, сведениями об изменениях в законодательстве сторон.

Далее изложим ряд выводов по результатам НИР, в том числе с учетом вышеизложенных данных о российско-белорусском и российско-казахстанском сотрудничестве.

Международное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран по вопросам миграции, может осуществляться в договорной, институциональной, представительской и иных формах.

Исходя из положений Концепции приграничного сотрудничества [6], при реализации приграничного сотрудничества необходимо:

- проводить оценку миграционной ситуации;
 - выработать комплекс совместных действий по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, с учетом подведомственности дел МВД России;
 - прорабатывать механизмы возможного упрощения режима временного пребывания для жителей приграничных территорий Российской Федерации;
 - разрабатывать совместные меры по регулированию миграционных потоков;
 - обмениваться информацией об иммиграционном законодательстве и порядке пересечения государственной границы сопредельных государств местными жителями;
 - разрабатывать меры, направленные на создание условий по приему и временному размещению беженцев и переселенцев в случаях их экстренного массового прибытия на территорию Российской Федерации;
 - осуществлять взаимодействие с правоохранительными органами зарубежных стран при решении вопросов, связанных с депортацией нелегально находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан с приграничных территорий;
 - производить обмен информацией по вопросам оперативной обстановки и выработки необходимых мер борьбы с незаконной миграцией на приграничных территориях;
 - осуществлять сотрудничество в сфере социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации;
 - осуществлять научное и гуманитарное сотрудничество.
- Реализация приграничного сотрудничества в сфере миграции может быть осуществлена посредством:
- участия сотрудников Главного управления по вопросам миграции МВД России, а также подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России в приграничных регионах в разработке международных договоров, в том числе соглашений о приграничном сотрудничестве с иностранными государствами;
 - проведения, в рамках сотрудничества, совместного анализа миграционной ситуации, в том числе на приграничных территориях;
 - участия в разработке документов планов, программ и иных документов в части проведения мероприятий международного характера;
 - участия сотрудников Главного управления по вопросам миграции МВД России, а также подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России в приграничных регионах при про-

ведении специальных мероприятий на территории иностранных государств, а также участие представителей правоохранительных органов иностранных государств в проведении специальных мероприятий на территории Российской Федерации;

– проведение встреч, консультаций и иных мероприятий организационного характера.

Международное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами приграничных стран по вопросам миграции может осуществляться с учетом следующих принципов:

– направленность на профилактику и борьбу с административными правонарушениями и уголовными преступлениями в соответствии с подведомственностью дел МВД России;

– взаимосвязь с основными направлениями деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России по реализации государственных функций и оказанию государственных услуг в сфере миграции;

– учет положений источников международного права;

– учет национального законодательства Российской Федерации, а также системы документов стратегического планирования Российской Федерации;

– учет особенностей миграционной ситуации, на которую в настоящее время оказывает сильное влияние пандемия COVID-19.

Список источников

1. Постановление № 21 Совета Министров Союзного государства «О Плане мероприятий по формированию единого миграционного пространства на территориях государств-участников Договора о создании Союзного государства на 2017–2020 годы» (Принято в г. Санкт-Петербурге 16.06.2017) // www.consultant.ru: Правовой сайт КонсультантПлюс. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60971#u4KOVxSaYmGwKYam> (дата обращения: 01.02.2022).

2. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции» (Принято в г. Астане 16.09.2004) // www.consultant.ru: Правовой сайт КонсультантПлюс. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=28319#zBgNVxSwb2oCJ5HG> (дата обращения: 01.02.2022).

3. Постановление № 6 Высшего Государственного Совета Союзного государств «О Концепции миграционной политики Союзного государства» (Принято в г. Минске, Москве 04.11.2021) // www.consultant.ru: Правовой сайт КонсультантПлюс. 2022.

URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=68228#YA4NVxSUC9eVP9Q61> (дата обращения: 01.02.2022).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 нояб. 2005 г. № 2026-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан» // www.consultant.ru: Правовой сайт КонсультантПлюс. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=355205&dst=100007#E4AMVxSSCG7ma6BG2> (дата обращения: 01.02.2022).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // www.consultant.ru: Правовой сайт КонсультантПлюс. 2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.02.2022).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 окт. 2020 г. № 2577-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» // www.consultant.ru: Правовой сайт КонсультантПлюс. 2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364572/c305c69348b9f3b7d45a934c41f7f464972848ed/ (дата обращения: 01.02.2022).

References

1. Decree No. 21 of the Council of Ministers of the Union State «On the Action Plan for the Formation of a Common Migration Space in the Territories of the States Parties to the Treaty on the Establishment of the Union State for 2017-2020» (Adopted in St. Petersburg on June 16, 2017) // www.consultant.ru: Legal site ConsultantPlus. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60971#u4KOVxSaYmGwKYam> (accessed: 01.02.2022).

2. Decision of the Council of CIS Heads of State «On the Concept of Cooperation between the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Illegal Migration» (Adopted in Astana on September 16, 2004) // www.consultant.ru: Legal site ConsultantPlus. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=28319#zBgNVxSwb2oCJ5HG> (accessed: 01.02.2022).

3. Resolution No. 6 of the Supreme State Council of the Union States «On the Concept of the Migration Policy of the Union State» (Adopted in Minsk, Moscow on 04.11.2021) // www.consultant.ru: Legal site ConsultantPlus. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=68228#YA4NVxSUC9eVP9Q61> (accessed: 01.02.2022).

4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 24 November. 2005 No. 2026-r «On the signing of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan on the procedure for crossing the Russian-Kazakh state border by residents of the border areas of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan» // [www.consultant.ru: ConsultantPlus legal website](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=355205&dst=100007#E4AMVxSSCG7ma6BG2). 2022. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=355205&dst=100007#E4AMVxSSCG7ma6BG2> (accessed: 01.02.2022).

5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December. 2001 No. 195-FZ (as amended and supplemented) // [www.consultant.ru: Legal site ConsultantPlus](http://www.consultant.ru/). 2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: 01.02.2022).

6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 7 October. 2020 No. 2577-r «On approval of the Concept of cross-border cooperation in the Russian Federation» // [www.consultant.ru: ConsultantPlus legal website](http://www.consultant.ru/). 2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364572/c305c69348b9f3b7d45a934c41f7f464972848ed/ (accessed: 01.02.2022).

Информация об авторах

С. О. Харламов – начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. С. Дурнев – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. O. Kharlamov – Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. S. Durnev – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья
УДК 343.43:34.05
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-254-258>
НИОН: 2015-0066-3/22-369
MOSURED: 77/27-011-2022-03-568

Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве

Вадим Андреевич Чукреев

Прокуратура Свердловской области, Екатеринбург, Россия, chukreevva@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с криминализацией незаконной торговли органами в международном уголовном праве, особенности регламентации этого вопроса на международном уровне, а также систематизированы основные правовые подходы к данной проблеме.

Ключевые слова: незаконная трансплантация, органы человека, торговля органами и тканями, международное уголовное право, имплементация

Для цитирования: Чукреев В. А. Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 254–258. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-254-258>.

Original article

Illegal organ transplantation in international criminal law

Vadim A. Chukreev

Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, chukreevva@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the criminalization of the illicit trade in organs in international criminal law, the features of the regulation of this issue at the international level, and systematizes the main legal approaches to this problem.

Keywords: illegal transplantation, human organs, trade in organs and tissues, international criminal law, implementation

For citation: Chukreev V. A. Illegal organ transplantation in international criminal law. Bulletin of economic security. 2022;(3):254–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-254-258>.

В международном уголовном праве, также, как и в праве многих зарубежных стран, под незаконной трансплантацией органов понимают непосредственно незаконную торговлю органами. Торговля органами (также известная как Красный рынок) – это торговля человеческими органами, тканями или другими продуктами тела, обычно напрямую предназначена для трансплантации. Незаконное принуждение с целью изъятия органов признана серьезной международной проблемой. Тем не менее, в отличие от торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации или торговли детьми, она в значительной степени исключена из режимов международного уголовного права, хотя в 2017 году во всем мире было проведено почти 140 000 трансплантаций паренхиматозных органов. Несмотря на впечатляющие масштабы, эта деятельность обеспечила лишь 10 % мировой

потребности в пересаженных органах. Несоответствие между спросом и предложением органов привело к возникновению преступлений, связанных с трансплантацией, включая торговлю людьми с целью извлечения органов и торговлю человеческими органами.

Эти преступления нарушают основные права человека и представляют серьезную опасность как для индивидуального, так и для общественного здоровья. Истинные масштабы преступлений, связанных с трансплантацией, остаются неизвестными, но, по оценкам, от 5 % до 10 % трансплантаций во всем мире происходят в контексте международной торговли органами, часто с участием трансплантационного туризма в места, где действуют законы, запрещающие куплю-продажу человеческих органов. Торговля людьми с целью изъятия органов и торговля челове-

ческими органами также могут иметь место в пределах одной страны и быть не связанными с поездками в целях трансплантации за границу. Во всех случаях наиболее уязвимые слои населения часто становятся жертвами эксплуатации и принуждения.

Торговля органами может рассматриваться как часть более широкого рынка, включающего ткани, клетки или другие части, или продукты человеческого тела, называемого некоторыми «красным рынком». Известные международные правовые системы и многие национальные системы, в том числе в Соединенных Штатах, запрещают любую продажу человеческих органов (за исключением компенсации расходов, понесенных донорами органов). Широкомасштабный запрет на продажу органов делает торговлю органами уникальной среди других транснациональных преступлений, поскольку, за редким исключением, не существует параллельной законной торговли. Спрос на трансплантацию органов, который не удовлетворяется за счет законного донорства органов, способствует образованию преступных организации и незаконной деятельности.

Как и во многих случаях преступной деятельности, оценка финансовых масштабов международной торговли органами осложняется отсутствием информации. По оценкам неправительственной организации Global Financial Integrity (GFI), годовая стоимость торговли органами во всем мире колеблется от 840 миллионов долларов до более чем 1,7 миллиарда долларов. Трансплантация может стоить покупателю от десятков до сотен тысяч долларов, в зависимости от задействованного органа и связанного с этим медицинского обслуживания, не включая самой перевозки. Оценки количества проведенных незаконных трансплантаций и предлагаемых цен на органы разнятся. По оценкам GFI, каждый год происходит около 12 000 нелегальных трансплантаций, около 8 000 из которых пересаживают почки, затем следуют печень, сердце, легкие и поджелудочная железа. По оценкам GFI, цены, выплачиваемые отдельным лицам за их органы, значительно различаются: по сообщениям, платежи за почки колеблются от сотен долларов для лиц из менее развитых стран, и от 20 000–30 000 долларов США в более развитых странах. Некоторые люди могут не получить никакой оплаты за орган или могут получить меньше, чем было первоначально согласовано. В отчетах также описываются люди, которые предоставляют органы и впоследствии несут значительные медицинские расходы или теряют средства к существованию из-за неудачных операций или непредвиденных побочных явлений. Согласно анализу GFI, наценки для реципиентов часто составляют 500–1 900 %, при этом стоимость органов реципиенту составляет от 100 000 до 237 000 долларов.

Лица, которые продают или иным образом предоставляют органы для незаконной торговли, могут быть:

- умершие лица, не давшие согласия на использование их органов, или лица, убитые ради получения их органов;
- живые лица, которые не соглашаются на использование или извлечение их органов или подвергаются принуждению, в том числе угрозе применения силы или предложениям оплаты с использованием экономического положения потерпевшего;
- живые лица, дающие согласие на продажу органа (в некоторых случаях такие лица могут быть введены в заблуждение относительно характера медицинской процедуры и восстановления).

Международные усилия по борьбе с незаконным оборотом органов достаточно обширны, и ВОЗ возглавляет их. В 1991 г. Всемирная ассамблея здравоохранения одобрила руководящие принципы ВОЗ по трансплантации органов. Эти принципы, призванные «обеспечить упорядоченную, этическую и приемлемую основу для регулирования приобретения и трансплантации человеческих органов в терапевтических целях», подчеркивали важность защиты доноров посредством информированного согласия, запрета на конфликты интересов со стороны врачей-трансплантологов и предпочтения умерших или родственников. Руководящие принципы прямо запрещали продажу органов и незаконный оборот органов, но оставляли методы правоприменения на усмотрение отдельных стран. (ВОЗ, 1991 г.) В 2004 г. Всемирная ассамблея здравоохранения приняла измененную версию принципов в свете глобального роста трансплантации органов и нехватки органов. Эта резолюция призвала государств-членов внедрить эффективные режимы надзора и сотрудничать в гармонизации мировой практики. Она также призвала расширить использование живых доноров почки, где это возможно. Резолюция призвала Генерального директора ВОЗ с просьбой оказать поддержку государствам-членам в предотвращении торговли органами и разработать руководящие принципы для защиты уязвимых групп от этих посягательств и призвала принять меры против трансплантационного туризма и международной торговли органами (Всемирная ассамблея здравоохранения (ВАЗ), 2004 г.).

ВОЗ продолжает отслеживать и поддерживать усилия по борьбе с торговлей людьми. Иллюстрацией этих усилий стала консультационная встреча, проведенная с национальными органами здравоохранения западно-тихоокеанского региона в 2005 г. в Маниле, известном центре торговли людьми. (ВОЗ, 2006 г.) В отчете о встрече содержится призыв к прозрачности практики трансплантации, включая данные о стране происхождения доноров и реципиентов, что необхо-

димо для «подотчетности и прослеживаемости». Несмотря на резкое осуждение коммерческой продажи органов, отчет разрешал оплату расходов донорам, включая расходы на здравоохранение и упущенный доход, а также «умеренную не денежную помощь». Однако любая поддержка должна была быть прозрачной и соответствовать правилам принимающей страны. Получатели органов должны были нести ответственность за знание того, получены ли их органы из законных источников, а их страны происхождения должны были принять меры для предотвращения эксплуатации доноров из других стран или нарушений правил донорства органов других стран.

В 2000 году Организация Объединенных Наций выпустила протокол о предотвращении и пресечении торговли людьми и наказании за нее в качестве дополнения к Конвенции против транснациональной организованной преступности. (United Nations 2000). Определение торговли людьми в Протоколе прямо включает изъятие органов и прямо отвергает согласие жертвы на эксплуатацию как несущественное. Государствам-участникам настоятельно рекомендуется защищать жертв торговли людьми в той мере, в какой это допускается внутренним законодательством, и они должны разработать комплексную политику по предотвращению торговли людьми и борьбе с ней. По состоянию на февраль 2010 года протокол подписали 117 человек, включая Египет, Индию, Израиль, Филиппины и США, но не Иран и не Пакистан. Примечательно, что Соединенные Штаты прямо оставили за собой право брать на себя обязательства по Протоколу в порядке, соответствующем федералистским принципам.

Международные медицинские ассоциации также активно осуждают торговлю органами. Саммит 2008 г., созванный Обществом трансплантологов и Международным обществом нефрологов в Турции (особенно в другом месте, известном как торговля людьми), привел к принятию Стамбульской декларации. Декларация осуждает торговлю органами и трансплантационный туризм как нарушение принципов справедливости и уважения человеческого достоинства и рекомендует запретить их. По мнению Декларации, практика, побуждающая уязвимых лиц или группы (например, неграмотных и бедных, иммигрантов без документов, заключенных, политических или экономических беженцев) становиться живыми донорами, несовместима с целью борьбы с торговлей органами, трансплантационным туризмом, и трансплантационным коммерциализмом. Странам было настоятельно рекомендовано внедрить программы по снижению частоты отказов органов и расширению законных методов донорства (Стамбульская декларация 2008 г.).

Несколько международных структур содержат определения и описания торговли органами или свя-

занной с ней деятельности, руководящие принципы этической и законной трансплантации органов, а также приоритеты правоохранительных органов в борьбе с незаконной торговлей:

1. Протокол ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Протокол ООН о торговле людьми, также известный как Палермский протокол), вступил в силу 29 сентября 2003 года.

Протокол включает «изъятие органов» как вид эксплуатации в определении торговли людьми: «Вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей посредством угрозы силой или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимым положением, или предоставления или получения платежей, или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо, с целью эксплуатации. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или изъятие органов» [9].

2. Впервые одобрены органом ВОЗ, принимающим решения, Всемирной ассамблеей здравоохранения (ВАЗ) в 1991 г. и обновленные в 2010 г. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации клеток, тканей и органов человека (Руководящие принципы ВОЗ) «предназначены для обеспечения упорядоченной, этичной и приемлемой основы для приобретения и трансплантации человеческих клеток, тканей и органов для лечебных целей». В преамбуле говорится о росте «коммерческой торговли человеческими органами» и «сопутствующей торговли людьми». Несколько руководящих принципов касаются торговли органами, в том числе положения о том, что:

- живое донорство должно происходить с информированного и добровольного согласия донора, и донорам должна быть предоставлена профессиональная медицинская помощь (Руководящий принцип 3),
- клетки, ткани и органы должны передаваться в дар, а не продаваться, и что продажа должна быть запрещена, хотя компенсация за донорство разрешена (Руководящий принцип 5), и
- Медицинские работники не должны проводить или обеспечивать страховое покрытие трансплантаций, связанных с «эксплуатацией, принуждением или оплатой донору, или ближайшему родственнику умершего донора» (Руководящий принцип 7).

Кроме того, резолюция ВАЗ 2004 года призывает государства-члены «принять меры для защиты самых

бедных и уязвимых групп от «трансплантационного туризма» и продажи тканей и органов» [10].

3. Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме (Стамбульская декларация) возникла в результате Международного саммита по трансплантационному туризму и торговле органами, созванного Обществом трансплантологии и Международным обществом нефрологов с 30 апреля по 2 мая 2008 года. Саммит стремился решить «неотложные и растущие проблемы продажи органов, трансплантационного туризма и торговли донорами органов», а итоговая Стамбульская декларация включала принципы и предложения, касающиеся укрепления законности и этичности трансплантации органов и предотвращения торговли органами, коммерциализации трансплантации и трансплантационного туризма [7]. Положения включали призывы к странам максимально увеличить количество органов, доступных для трансплантации, и запретить рекламу торговли органами. Декларация была обновлена в 2018 году [8].

4. Некоторые региональные организации установили рамки, касающиеся торговли органами. Например, Конвенция Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами, вступившая в силу в марте 2018 года, направлена на «предотвращение торговли человеческими органами и борьбу с ней», защиту жертв и содействие национальному и международному сотрудничеству [2]. Конвенция открыта для государств-членов, не входящих в Европейский союз (ЕС). Стратегия и план действий Панамериканской организации здравоохранения (ПАОЗ) и Регионального бюро ВОЗ для стран Америки по донорству и равному доступу к трансплантации органов, тканей и клеток на 2019–2030 гг. включают показатели, касающиеся национальных стандартов по борьбе с незаконным оборотом органов и трансплантационным туризмом. В стратегии утверждается, что «высокий индекс бедности и низкий уровень образования predisполагают регион к риску торговли органами» [6].

Таким образом, торговля органами иллюстрирует несостоятельность как международного, так и национального уголовного права, эту сферу, можно рассматривать как область несовершенного или «частично соблюдаемого» правосудия. Как утверждал Бьюкенен (2004) [1], в таких условиях может не быть ясного идеального решения, но можно улучшить положение созданием институтов, прежде чем будет достигнуто правосудие.

Рассмотрим, во-первых, значимость судебных решений. Транснациональная несправедливость, такая как торговля органами, ежегодно причиняет вред людям во многих странах. Тем не менее, эти постоянные несправедливости остаются в полутени как международного, так и внутреннего права в том виде, в каком

они формируются сегодня. Если бы международный суд будь, то сам МУС [4] или международный суд, созданный специально для борьбы с торговлей людьми, сосредоточил свое внимание на судебные системы в отношении черного рынка, привлекая эффективное правовое внимание к проблеме и которая могла бы решаться только с помощью международных действий, тогда бы суд смог усилить борьбу с сложившейся ситуацией в мировом сообществе. Или рассмотреть вопрос об эффективности режимов правоприменения. Благонамеренные заявления, такие как усилия ВОЗ или Стамбульская декларация, в значительной степени являются увещаниями, а не санкционированием международного судебного органа. Государства с уязвимым населением приняли меры для защиты своих граждан от групп, которые наживаются на бедняках, чтобы получить органы. Но в более благополучных странах наблюдается хронический и серьезный дисбаланс между серьезным недостатком местных запасов и растущим спросом со стороны стареющего населения. Их неспособность отслеживать, разрабатывать или обеспечивать соблюдение ограничений на торговлю людьми угрожает подорвать зарождающиеся усилия стран-доноров по ограничению торговли как людьми, так и органами. Создание эффективного международного правоприменительного режима могло бы помочь противостоять этому давлению.

Подумайте, наконец, о том, как на легитимность режима международного уголовного права может повлиять разработка системы для борьбы с трансграничными преступлениями, такими как незаконный оборот органов. Разработка международного правоприменительного режима, который мог бы повысить эффективность борьбы с данным преступлением, помог бы решить эту проблему. Иначе говоря, значимость и эффективность могут помочь укрепить необходимую легитимность.

Безусловно, прогресс в направлении справедливости можно было бы достичь и другими путями. На национальном уровне или даже на международном уровне можно было бы решить проблемы снабжения органами, хотя в настоящее время их нехватка кажется неизбежной. Могут быть установлены соответствующие режимы регулирования, чтобы эффективно воспрепятствовать или ограничить гражданам выезд из своей страны в поисках органа для трансплантации в другом месте. Но, как мы видели выше, в государствах, которые «экспортируют» людей в поисках органов, существует нежелание осуждать людей или криминализировать то, что они сделали, даже если это способствует практике, наносящей большой вред.

Конечно, остается неясным, целесообразно ли ожидать разработки такого глобального правоприменительного режима. Давление на внутренние право-

вые режимы может быть просто слишком велико. Ясно, однако, то, что существует общее мнение о том, что незаконный оборот органов является серьезной международной проблемой, которая по-прежнему недостаточно решается как призывами международных организаций, таких как ВОЗ, так и внутренними законами отдельных государств. Это действительно трансграничное преступление, и поэтому в настоящее время он представляет собой упущенную возможность для развития поддержки международного уголовного права.

Библиографический список / Bibliographic list

1. Buchanan, A. (2004) Justice, legitimacy, and self-determination : moral foundations for international law. Oxford : Oxford University Press.
2. Council of Europe, Convention Against Trafficking in Human Organs, Treaty Series no. 216, March 25, 2015.
3. Francis, L. P., Francis, J. G., Stateless Crimes, Legitimacy, and International Criminal Law : the Case of Organ Trafficking Criminal Law and Philosophy 4(3): 283–296 (2010). <https://dc.law.utah.edu/scholarship>.
4. International Criminal Court (ICC) (2009). Letter from Christian Wenawaser, President of the Assembly of States Parties to the Rome Statute of the International Criminal Court. <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/7D67278B-C8C2-4777->

BBEE28D0D7007341/0/ICCASPReviewConference2010InvitationENG.pdf (accessed: 27.02.2010).

5. Katarina C. O'Regan, analyst in Foreign Policy // International Organ Trafficking: In Brie, December 22, 2021// Congressional Research Service <https://crsreports.congress.gov>.
6. PAHO and WHO Regional Office for the Americas, Strategy and Plan of Action on Donation and Equitable Access to Organ, Tissue, and Cell Transplants 2019-2030, CD57/11, August 19, 2019.
7. Participants in the International Summit on Transplant Tourism and Organ Trafficking, «The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism», Clinical Journal of the American Society of Nephrology, vol. 3, № 5 (2008). P. 1227–1231.
8. The updated version added a definition of trafficking in persons for the purpose of organ removal, in addition to other changes. The Transplantation Society and the International Society of Nephrology, The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism 2018 Edition, 2018.
9. U.N. Office of the High Commissioner for Human Rights, Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime, Article 3 Use of Terms.
10. WHA, Human Organ and Tissue Transplantation, WHA57.18, May, 22, 2004.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-259-263>

NPON: 2015-0066-3/22-370

MOSURED: 77/27-011-2022-03-569

Сущность уголовного преследования в свете идей профессора Л. М. Карнеевой

Денис Васильевич Шаров

Адвокатская палата города Москвы, Москва, Россия, SharovDen@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается одна из фундаментальных работ профессора Л. М. Карнеевой, посвященная законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности, в частности, разрабатываемое ей понятие привлечения к уголовной ответственности. Проводятся определенные параллели между данным понятием и сущностью уголовного преследования в его современном понимании.

Ключевые слова: Л. М. Карнеева, уголовная ответственность, привлечение к уголовной ответственности, сущность уголовного преследования, уголовное преследование по подозрению, уголовное преследование по обвинению

Для цитирования: Шаров Д. В. Сущность уголовного преследования в свете идей профессора Л. М. Карнеевой // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 259–263. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-259-263>.

Original article

The essence of criminal prosecution in the light of the ideas of Professor L. M. Karneeva

Denis V. Sharov

Moscow Chamber of Lawyers, Moscow, Russia, SharovDen@gmail.com

Abstract. The article discusses one of the fundamental works of Professor L. M. Karneeva, dedicated to the legality and validity of criminal prosecution, in particular, the concept of criminal prosecution developed by her. Certain parallels are drawn between this concept and the essence of criminal prosecution in its modern sense.

Keywords: L. M. Karneeva, criminal liability, bringing to criminal responsibility, essence of criminal prosecution, criminal prosecution on suspicion, criminal prosecution on charges

For citation: Sharov D. V. The essence of criminal prosecution in the light of the ideas of Professor L. M. Karneeva. Bulletin of economic security. 2022;(3):259–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-259-263>.

Одна из фундаментальных работ профессора Л. М. Карнеевой посвящена законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности [2]. Автор проводит глубокий анализ понятия и сущности уголовной ответственности, рассматривает вопросы основания привлечения к уголовной ответственности, выделяет ее уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты.

Профессор Л. М. Карнеева приходит к обоснованному выводу, что «уголовные правоотношения возникают в связи с определенным событием (фактом), с которым закон связывает наступление правовых последствий. Юридическим фактом, порождающим

уголовно-правовое отношение, является совершение преступления. Отсюда следует, что они возникают с момента совершения преступления» [2, с. 4–5].

Далее Лидия Михайловна указывает, что у лица именно «с момента совершения деяния, содержащего состав преступления, возникает обязанность понести ответственность за свои действия, а у государства (в лице специально уполномоченных органов) появляется право на применение к нему наказания...» [2, с. 7].

В связи с этим возникновение уголовно-правовых отношений не зависит ни от привлечения лица к уголовной ответственности, ни от вынесения обвини-

© Шаров Д. В., 2022

тельного приговора, который «не порождает уголовно-правовое отношение, а устанавливает, удостоверяет, констатирует его» [4, с. 89].

В свою очередь, уголовная ответственность – это реализация возникшего уголовно-правового отношения, которая осуществляется по приговору суда, признавшего, что преступление действительно имело место [2, с. 7]. Подобный взгляд логично приводит к выводу о том, что уголовная ответственность представляет собой уголовно-правовое понятие.

При этом возникшее уголовно-правовое отношение может остаться нереализованным, а уголовная ответственность не наступить, в случае если преступление останется нераскрытым.

Реализация уголовно-правового отношения и, как следствие, привлечение лица к уголовной ответственности всегда происходит в ходе уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Вследствие чего профессор Л. М. Карнеева приходит к выводу, что в отличие от уголовной ответственности, являющейся уголовно-правовым понятием, привлечение к уголовной ответственности является понятием уголовно-процессуальным [2, с. 13, 15, 18]. Иными словами, *уголовная ответственность* как уголовно-правовая категория не равнозначна *привлечению к уголовной ответственности* как категории уголовно-процессуальной.

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине привлечение к уголовной ответственности традиционно связывается с привлечением в качестве обвиняемого.

При этом «сам факт привлечения к уголовной ответственности в стадии расследования еще не означает, что с этого момента обвиняемый несет уголовную ответственность» [2, с. 14], поскольку «привлечение к уголовной ответственности – процессуальный акт, порождающий уголовно-процессуальные, а не уголовно-правовые отношения» [2, с. 15].

Следует отметить, что в целом уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, несмотря на их тесную неразрывную связь, не находятся в жесткой зависимости друг от друга. Их нельзя смешивать, так как между ними имеются существенные различия, которые, в частности, выражаются в основаниях для их возникновения. Так, возникая одновременно с фактом совершения преступления уголовно-правовое отношение автоматически не приводит к возникновению уголовно-процессуальных отношений. В связи с этим профессор Л. М. Карнеева совершенно верно отмечает, что совершение преступления не всегда «порождает» уголовно-процессуальное отношение, поскольку о преступлении органы расследования могут и не знать, и оно останется нераскры-

тым [2, с. 10]. Также, очевидно, что возникшие уголовно-процессуальные отношения автоматически не приводят к привлечению лица к уголовной ответственности.

Указанные положения внесли существенный вклад в разработку понятия привлечения к уголовной ответственности в науке уголовного процесса, а также сказались на осмыслении такой чисто процессуальной категории, как уголовное преследование.

На наш взгляд, можно провести определенные параллели между понятием привлечения к уголовной ответственности, с точки зрения Л. М. Карнеевой, и сущностью уголовного преследования в его современном понимании.

Уяснить сущность уголовного преследования поможет существующее в теории уголовного процесса понятие обвинительной деятельности [5, с. 109–111].

Понятие обвинительная деятельность не закреплено в уголовно-процессуальном законе, однако оно активно используется как в доктрине уголовного процесса, так и при формулировании правовых позиций в решениях Конституционного Суда РФ [6].

Обвинительная деятельность представляет собой более объемное понятие, нежели уголовное преследование, и соотносится с последним как целое и часть. Помимо собственно уголовного преследования, она включает в себя ряд процессуальных и непроцессуальных действий, направленных на раскрытие и расследование преступлений. Следовательно, обвинительная деятельность может осуществляться как в процессуальной форме, так и непроцессуальном порядке.

Обычно обвинительная деятельность начинается с момента получения сообщения о преступлении и после этого протекает в своей процессуальной форме.

Вместе с тем, в ряде случаев обвинительная деятельность может начаться задолго до возникновения уголовно-процессуальных отношений, то есть до появления повода для возбуждения уголовного дела. Это случаи, когда осуществляется оперативно-разыскная деятельность, которая направлена на негласное выявление различных преступных действий, документирование действий лиц, их совершивших и др. Такая деятельность соответствующих подразделений правоохранительных органов представляет собой непроцессуальную форму обвинительной деятельности.

Процессуальная обвинительная деятельность весьма неоднородно и ассоциируется прежде всего с уголовным преследованием, которое является ее частью. Обвинительная деятельность приобретает новое качество и становится уголовным преследованием после появления в деле подозреваемого или обвиняемого.

Анализ данного легального уголовно-процессуального понятия «уголовное преследование» (п. 55 ст. 5 УПК РФ) показывает, что уголовное преследование – это, во-первых, процессуальная деятельность, то есть деятельность, осуществляемая на основании и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом; во-вторых, оно всегда осуществляется представителями стороны обвинения (следователем, дознавателем и др.) и, в-третьих, нацелено на избличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В уголовно-процессуальной доктрине в содержание уголовного преследования включают следующие элементы:

действия следственных органов и прокуратуры, заключающиеся в собирании доказательств, уличающих обвиняемого (подозреваемого) или устанавливающие отягчающие его вину обстоятельства;

действия следственных органов и прокуратуры, заключающиеся в применении принудительных мер, обеспечивающих избличение обвиняемого (подозреваемого) и применение к нему наказания;

действия прокуратуры, направленные на передачу уголовного дела в суд и поддержание государственного обвинения [3, с. 115].

Таким образом, уголовное преследование всегда осуществляется в отношении конкретного подозреваемого или обвиняемого, вследствие чего, момент начала данной деятельности всегда связан с приобретением в уголовном деле процессуальных статусов подозреваемого или обвиняемого.

Момент начала уголовного преследования интересен не только с теоретической, но и с практической точки зрения, прежде всего, в связи с проблемой определения начального момента, с которого лицо получает право на защиту.

В практической плоскости данный вопрос нашел свое разрешение в одном из знаковых постановлений Конституционного Суда РФ, согласно которому право на защиту зависит не от формального, а от фактического положения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, при этом фактами, подтверждающими обвинительную деятельность, могут служить различные меры, принимаемые с целью избличения лица [7]. Иными словами, своим решением Конституционный Суд РФ возникновение права лица на защиту фактически перенес на момент начала процессуальной обвинительной деятельности.

Таким образом, в настоящее время право лица на защиту в ряде случаев фактически может возникнуть до начала официального уголовного преследования с момента осуществления обвинительной процессуальной деятельности.

Совершенно обоснованная позиция Конституционного Суда Российской Федерации по разделению лица правом на защиту с момента начала осуществления обвинительной процессуальной деятельности, тем не менее, на наш взгляд, не размывает само понятие уголовного преследования, которое, по-прежнему, остается формально определенным.

Учитывая, что момент появления в деле подозреваемого и обвиняемого различен, можно говорить об разновидностях уголовного преследования, а именно: об уголовном преследовании подозреваемого и уголовном преследовании обвиняемого или, иначе, «уголовном преследовании по подозрению и уголовном преследовании по обвинению лица в совершении преступления» [1].

Уголовное преследование по подозрению начинается с момента появления в уголовном деле процессуальной фигуры подозреваемого в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Иными словами, как только конкретное лицо получает процессуальный статус подозреваемого, в отношении него начинается деятельность по его избличению в совершении преступления, т. е. уголовное преследование. Уголовное преследование по подозрению имеет срочный характер и протекает до тех пор, пока подозреваемый не приобретет статус обвиняемого либо пока преследование этого лица не будет прекращено (например, вследствие неподтверждения подозрения). Надо сказать, что первая ситуация является более распространенной в практической деятельности и представляет собой логическое продолжение обоснованно начатого уголовного преследования по подозрению.

В соответствии со ст. 47 УПК РФ с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, составления обвинительного постановления в уголовном деле появляется процессуальная фигура обвиняемого, а уголовное преследование по подозрению перерастает в уголовное преследование по обвинению.

В этом моменте уголовное преследование по обвинению, по сути, сливается с разрабатываемым Л. М. Карнеевой понятием привлечения лица к уголовной ответственности, при этом оставаясь чисто процессуальной категорией.

По мнению Лидии Михайловны привлечение к уголовной ответственности в советском уголовном процессе именуется также «привлечением в качестве обвиняемого», а постановление, в котором формулируется обвинение, – «постановлением о привлечении в качестве обвиняемого» [2, с. 11–12].

Начало уголовного преследования по обвинению, также как привлечение к уголовной ответственности, связано с вынесением соответствующих, но, вместе с

тем, аналогичных по своей сути, процессуальных документов.

Единственное, вряд ли можно согласиться с профессором Л. М. Карнеевой, считающей, что привлечение к уголовной ответственности представляет собой не процесс, а единовременный процессуальный акт [2, с. 16], а именно, предъявление обвинения конкретному лицу, в связи с чем оно привлекается в качестве обвиняемого [2, с. 13].

Как уже было процитировано выше, уголовная ответственность наступает по приговору суда, признавшего, что преступление действительно имело место. Однако основание для постановления такого приговора не появляется в одночасье, приговор суда должен быть подготовлен предыдущим доказыванием, осуществляемым представителями стороны обвинения как в досудебном, так и судебном производстве (в части деятельности прокурора как государственного обвинителя).

Иными словами, постановление о привлечении в качестве обвиняемого выступает скорее как начальный момент деятельности по привлечению лица к уголовной ответственности, нежели чем единовременный процессуальный акт. В свою очередь, завершением данного процесса или моментом собственно наступления уголовной ответственности, и в этом, безусловно, следует согласиться с профессором Л. М. Карнеевой, является вступление приговора в законную силу.

Данный вывод гораздо более очевиден на примере категории уголовного преследования.

Уголовное преследование по подозрению и уголовное преследование по обвинению – есть этапы единой обвинительной деятельности. Как отмечалось, уголовное преследование по обвинению в большинстве случаев логически продолжает уголовное преследование по подозрению. Вместе с тем данные этапы уголовного преследования качественно отличаются друг от друга. Если подозрение осуществляется в ситуации «дефицита» доказательств о том, кто, где, когда и при каких обстоятельствах совершил преступление, то при обвинении эта неопределенность устранена. Следователем, дознавателем в отношении конкретного лица сформулировано обвинение, являющееся, как следует из п. 22 ст. 5 УПК РФ, утверждением о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутом в порядке, установленном законом. К этому моменту в уголовном деле уже есть доказательства о событии преступления, виновности конкретного лица в его совершении, характер и размер вреда, причиненного преступлением, а также документы, характеризующие личность обвиняемого.

Однако на привлечении лица в качестве обвиняемого расследование не заканчивается, напротив, со-

бирание доказательств, изобличающих обвиняемого, как правило, продолжается и иногда занимает еще достаточно длительное время, но уже в рамках уголовного преследования по обвинению.

Данное обстоятельство еще раз подтверждает определенную продолжительность во времени такого понятия, как привлечение к уголовной ответственности.

Уголовное преследование в досудебном производстве заканчивается составлением обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и направлением уголовного дела в суд.

В судебном производстве уголовное преследование продолжается в форме поддержания прокурором от имени государства обвинения в заседаниях судов различных инстанций. Однако наиболее полно функция уголовного преследования реализуется государственным обвинителем в стадии судебного разбирательства.

Таким образом, уголовное преследование по обвинению в досудебном производстве и дальнейшее поддержание государственного обвинения прокурором в суде, по сути, является протяженной во времени процессуальной деятельностью представителей стороны обвинения по привлечению лица к уголовной ответственности, о которой в своих трудах пишет профессор Л. М. Карнеева.

Список источников

1. Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3.
2. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юридическая литература». 1971.
3. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головкин. М. : Статут. 2016.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. 1968.
5. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.И. Ченского» // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 2

статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС КонсультантПлюс.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2016.

References

1. Kalnitskiy V. V. Involvement as an accused: modern characteristics and prerequisites for reformation // Criminal proceedings. 2007. № 3.
2. Karneeva L. M. Criminal prosecution. Legality and validity. M., «Legal literature». 1971.
3. Course of criminal procedure / Edited by d.l.s., prof. L. V. Golovko. M. : Statute. 2016.
4. Strogovich M. S. Course of the Soviet angular process. Vol. 1. 1968.
5. Criminal procedural law (Criminal procedure) : textbook for universities / edited by A. V. Endoltseva, O. V. Khimicheva, E. N. Kleschina. M. :

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated November 21, 2017 «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.I. Chensky» // SPS ConsultantPlus.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of June 27, 2000 «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 47 and Part 2 of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov» // SPS ConsultantPlus.

Информация об авторе

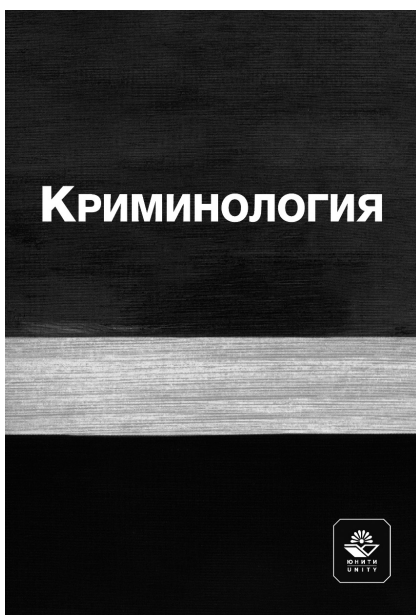
Д. В. Шаров – адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. V. Sharov – Lawyer of the Moscow Chamber of Lawyers, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Криминология. Учебное пособие. Под ред. С. В. Иванцова, Е. А. Антонян [Я. Л. Алиев и др.] 5-е изд. 319 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильственной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-264-266>

НИОН: 2015-0066-3/22-371

MOSURED: 77/27-011-2022-03-570

Закрепление конституционно-правовой ответственности в нормативно-правовых актах

Шелегов Юрий Владимирович¹, Волженин Вячеслав Владимирович², Усов Евгений Геннадьевич³

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, shelegoff@list.ru

² Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, Wuolfund@mail.ru

³ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, usov.evgeniy@list.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты конституционно-правовой ответственности. Приведены нормы отечественного законодательства, регламентирующие вопросы привлечения соответствующих субъектов к данному виду ответственности и обозначена проблематика данной сферы.

Ключевые слова: конституционная ответственность, отрешение от должности, роспуск государственной думы, совершение преступления

Для цитирования: Шелегов Ю. В., Волженин В. В., Усов Е. Г. Закрепление конституционно-правовой ответственности в нормативно-правовых актах // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 264–266. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-264-266>.

Original article

Consolidation of constitutional and legal responsibility in normative legal acts

Yury V. Shelegov¹, Vyacheslav V. Volzhenin², Evgeny G. Usov³

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, shelegoff@list.ru

² Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, Wuolfund@mail.ru

³ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, usov.evgeniy@list.ru

Abstract. Some certain aspects of constitutional and legal responsibility are considered. The norms of domestic legislation regulating the issues of bringing relevant subjects to this type of responsibility are given and the problems of this area are indicated.

Keywords: constitutional responsibility, removal from office, dissolution of the State Duma, committing a crime

For citation: Shelegov Yu. V., Volzhenin V. V., Usov E. G. Consolidation of constitutional and legal responsibility in normative legal acts. Bulletin of economic security. 2022;(3):264–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-264-266>.

На сегодняшний день в науке российского конституционного права одной из спорных является тема конституционной или конституционно-правовой ответственности. Конституционная ответственность заключается в юридической защите, охране и поддержании стабильности конституционного строя, побуждении субъектов конституционно-правовых отношений к надлежащему исполнению возложенных на них обязанностей.

Что касается споров в данной сфере, то имеются разногласия и относительно самого наименова-

ния данного вида ответственности. А. Н. Станкин упоминает, что в большинстве случаев термины «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность» понимаются как тождественные, но также отдельные исследователи понимают под конституционной ответственностью только ту, которая предусмотрена лишь нормами самой Конституции [1]. Если же ответственность предусмотрена иными нормами конституционного права, ее следует относить к конституционно-правовой.

© Шелегов Ю. В., Волженин В. В., Усов Е. Г., 2022

Любые правовые нормы должны обеспечиваться определенными санкциями.

Проблемным вопросом нашей работы является необходимость определить, в каких нормах предусмотрены санкции конституционной ответственности и есть ли необходимость создания отдельного Федерального закона, Кодекса или другого нормативного акта, предусматривающего данные санкции, а также условия их наступления.

Конституция, главным образом, регулирует фундаментальные политические отношения. Так, отдельные ее меры направлены на регулирование отношений между Президентом, исполнительной и законодательной властями.

В качестве примера приведем несколько норм из Конституции. В соответствии с ч. 3 ст. 115 Конституции РФ Президент имеет право отменять акты Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента. В соответствии с ч. 4 ст. 111 Конституции РФ Президент вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы в случае трехкратного отклонения кандидатуры Председателя Правительства РФ. Ч. 3 ст. 117 Конституции говорит нам о том, что Государственная Дума большинством голосов может выразить Правительству РФ недоверие, на основании чего Президент РФ может объявить об отставке Правительства РФ, либо не согласиться с решением Государственной Думы.

С. А. Осетров в своей научной статье говорит о том, что Президент в Российской Федерации обладает большими полномочиями, нежели остальные субъекты власти. Представитель одной из политических партий и вовсе говорит о малой ограниченности и стремлению к полной самостоятельности президентской власти. С данными высказываниями мы полностью не согласны. В ст. 93 Конституции РФ говорится о возможности отрешения от должности Президента РФ Советом Федерации и решения о выдвижении обвинения Государственной Думой двумя третями голосов сенаторов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Инициативу об обвинении в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления должно выразить не менее одной трети депутатов Государственной Думы [2].

Однако Президент также имеет исключительные полномочия в плане роспуска Государственной думы. Это может быть осуществлено в двух случаях: несогласие Президента с решением Государственной Думы о недоверии Правительству Российской Федерации; несогласие Государственной Думы по поводу представляемой Президентом кандидатуры на пост Председателя Правительства Российской Федерации.

Приведенные примеры взаимодействия органов государственной власти показывают эффективность работы высших органов государственной власти путем осуществления полномочий, направленных на контроль одних субъектов государственной власти за другими.

Особенностью конституционной ответственности является то, что за нарушение Конституции ответственность может налагаться и другими нормативно-правовыми актами. В Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за нарушения конституционных норм предусматривается главой 19 – преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина и главой 29 – преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Предусмотрена административная ответственность за нарушение избирательных прав в Кодексе об административных правонарушениях, за нарушение трудовых прав в Трудовом кодексе, нарушение прав собственности в Гражданском кодексе и т. д.

Взаимосвязь Конституции и других нормативно-правовых актов обеспечивается нормами ст. 15 Конституции и заключается в том, что Конституция имеет высшую юридическую силу, законы и другие нормативно-правовые акты не должны противоречить ей [3].

На основании вышесказанного можно заключить, что Конституция дает лишь первичные нормы конституционной ответственности, которые толкуются Конституционным Судом и дополняются Федеральным Собранием при издании федеральных законов, в том числе и кодексов (Уголовного, Гражданского, Трудового и т. д.). Несмотря на то, что конституционная ответственность не толкуется Конституцией, она гарантирует ее соблюдение. Конституционная ответственность прямо выражается в применении санкций за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих обязанностей органами государственной власти, и также она накладывается вместе с уголовным, административным, гражданско-правовым, избирательным и другими законодательствами.

Список источников

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (принята всенародным голосованием, с послед. изм. и доп. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 29.03.2022).
2. Колотыркина С. И. Превентивная и регулятивная роль конституционной ответственности в общественных отношениях // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 4.
3. Станкин А. Н. Конституционно-правовая ответственность: некоторые вопросы теории // StudiaHumanitatis. 2016. № 3.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (adopted by popular vote, subject to amendments made by the laws of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // SPS «Consultant Plus» (accessed: 29.10.2021).

2. Kolotyrykina S. I. Preventive and Regulatory Role of Constitutional Responsibility in Public Relations // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4.

3. Stankin A.N. Constitutional and Legal Responsibility: Some Issues of Theory // StudiaHumanitatis. 2016. No. 3.

Информация об авторах

Ю. В. Шелегов – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;

В. В. Волженин – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России;

Е. Г. Усов – доцент центра компетенций по кибербезопасности института информационных технологий и анализа данных Иркутского национального исследовательского технического университета.

Information about the authors

Yu. V. Shelegov – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

V. V. Volzhenin – Senior lecturer at the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. G. Usov – Associate Professor of the Competence Center for Cybersecurity of the Institute of Information Technology and Data Analysis of the Irkutsk National Research Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-267-269>

НИОН: 2015-0066-3/22-372

MOSURED: 77/27-011-2022-03-571

Использование современных информационных систем в рамках проведения судебных экономических экспертиз

Дмитрий Сергеевич Гольцев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

dragon8705@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с современным состоянием судебно-экономических экспертиз в России, их цифровизацией и использованием электронных баз данных при проведении экспертиз, перечисляются проблемы в методическом, информационном и организационно-правовом обеспечении их проведения. Предлагаются пути повышения эффективности работы экспертно-криминалистических подразделений.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, электронные базы данных, методическое обеспечение, финансовый анализ, бухгалтерская отчетность

Для цитирования: Гольцев Д. С. Использование современных информационных систем в рамках проведения судебных экономических экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 267–269. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-267-269>.

Original article

The use of modern information systems in the framework of forensic economic examinations

Dmitriy S. Goltsev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

dragon8705@mail.ru

Abstract. The issues related to the current state of forensic economic examinations in Russia, their digitalization and the use of electronic databases during examinations are considered, problems in the methodological, informational and organizational and legal support of their conduct are listed. The ways of improving the efficiency of the work of forensic units are proposed.

Keywords: forensic economic examination, electronic databases, methodical support, financial analysis, accounting reporting

For citation: Goltsev D. S. The use of modern information systems in the framework of forensic economic examinations. Bulletin of economic security. 2022;(3):267–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-267-269>.

В условиях продолжающегося кризиса мировой экономической системы, а также под воздействием наложенных на Российскую Федерацию экономических санкций особо важное значение приобретает правильное и бесперебойное функционирование экономических механизмов, в связи с этим особое внимание стоит уделять возможности проведения, надлежащего расследование преступлений в сфере экономики.

В настоящее время в судебной экономической экспертизе существует ряд проблемных вопросов и спорных моментов, разрешение которых позволит существенно повысить эффективность судебно-экспертной деятельности.

В первую очередь, необходимо отметить, что в рамках судебных экономических экспертиз отсутствует четкая регламентация основных теоретических понятий. В нормативных правовых актах по-

нятие предмета, объекта, целей и задач судебной экономической экспертизы четко не регламентированы. Данные понятия в настоящее время нашли свое отражение только в научно-методических литературе.

Также, могут служить поводом для дискуссий в экспертном сообществе различия в подходах к классификации судебно-экономических экспертиз. Судебно-экономическая экспертиза – это отдельный класс экспертных исследований, объединенных спецификой предмета, задач, объектов и методов исследования, а также применяемых специальных знаний. При производстве судебно-экономических экспертиз используются знания ряда прикладных экономических наук, бухгалтерского учета, финансового анализа, знания о налогах и налогообложении, кредитовании, банковской деятельности и т. д.

В тоже время существует несколько подходов к классификации родов судебно-экономической экспертизы. Согласно подходу МВД России, в судебно-экономическую экспертизу входят бухгалтерская, налоговая, финансово-аналитическая и финансово-кредитная экспертизы

При этом требует пристального рассмотрения проблема отсутствия паспортизированных методик по целому ряду судебно-экономических экспертиз, так за последние 25 лет в государственных экспертных учреждениях так и не было создано паспортизированных экспертных методик, утвержденных нормативными правовыми актами [1].

В виду несовершенства или отсутствия типовых методик проведения судебно-экономических экспертиз в настоящее время часто встречаются следующие экспертные ошибки:

- 1) недостаточность и не репрезентативность выборки коэффициентов, которые используются для определения составляющих финансового состояния;
- 2) применение экспертами части нормативов, заданных федеральным органом исполнительной власти в сфере банкротства в 90-х гг. прошлого века;
- 3) формулирование выводов исключительно на основе технического расчета коэффициентов, без раскрытия факторов, приведших к формированию полученных значений;
- 4) механическое наложение установленного экономического содержания отдельных осуществленных финансово-хозяйственных операций на общий тренд динамики, исследуемой составляющей финансового состояния;
- 5) ошибки в построении правовой модели обязательств, возникающих на основе установленных фактов хозяйственной деятельности.

Особенно актуальным условиям стремительно-го развития цифровой экономики и увеличение объ-

емов преступлений совершенных с использованием цифровых технологий, становится применение соответствующих специальных знаний и аппаратно-программного комплекса специальных информационных средств.

Исходя из всего вышесказанного, на наш взгляд, представляется целесообразным создание и последующее внедрение специальных информационных экспертных систем, которые могут быть использованы для автоматизации проведения судебно-экономических экспертиз.

Информационная система есть совокупность технического, программного и организационного обеспечения, а также персонала, предназначенная для того, чтобы своевременно обеспечивать надлежащих людей надлежащей информацией.

Исходя из Федерального закона РФ от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информационной системой понимается совокупность содержащейся в базах, данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств» [2].

Согласно международному стандарту ISO/IEC 2382-1 информационная система – это система обработки информации, работающая совместно с организационными ресурсами, такими как люди, технические средства и финансовые ресурсы, которые обеспечивают и распределяют информацию [3].

Российский ГОСТ РВ 51987 дает определение информационной системе как «автоматизированную систему, результатом функционирования которой является представление выходной информации для последующего использования» [4].

Исходя из определений, данных в вышеназванных нормативно-правовых актах, можно сделать вывод, что основной задачей информационной системы является удовлетворение конкретных информационных потребностей в рамках конкретной предметной области, также необходимо отметить, что современные информационные системы не могут функционировать без интеграции с базами данных и системами управления, поэтому термин «информационная система» на практике сливается по смыслу с термином «система баз данных».

Информационная экспертная система помощи судебно-экономическому эксперту должна иметь следующие функциональные возможности и аналитические инструменты, и справочную информацию:

- Установочные данные по юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, арбитражным делам, государственным закупкам, телефонным номерам, доменным именам, адресам электронной почты, объектам интеллектуальной собственности,

связанным и аффилированным лицам, возможным конкурентам компаний, на основе данных о совместных торгах, предполагаемых контрагентов компании и др.

● Аналитические инструменты, позволяющие автоматически выявлять типовые признаки рисков, определять структуру собственников с учетом наличия связей аффилированными компаниями. В качестве дополнительного требования, необходимо выделить, что анализ должен производиться на основе только открытых источников информации, без учета погрешности, появляющейся из-за временной разницы в данных источников.

● Инструменты, позволяющие проводить анализ финансово-экономической деятельности компании. Анализ должен включать агрегированную финансовую отчетность, графики, отражающие структуру и динамику ключевых показателей деятельности компании, рассчитанные на основе отчетности коэффициенты, таблицы с расчетом налоговой нагрузки и с возможностью сопоставления с аналогами по отрасли, финансовые показатели из 1, 2, 4 форм бухгалтерской отчетности и рассчитанные на их основании финансовые коэффициенты

После окончания работы с информационной системой данные о юридических или физических лицах, а также проведенном финансово-экономическом анализе можно выгружать в виде стандартных и настраиваемых отчетов.

Разработка и внедрение подобных экспертных информационных систем позволят оптимизировать и алгоритмизировать деятельность эксперта-эконо-

миста, что приведет к повышению эффективности и скорости производства судебных экономических экспертиз и исследований.

Список источников

1. Прорвич В. А. Роль экономико-математических моделей и современных информационных технологий в методическом обеспечении судебно-экономических экспертиз. 2018 (4):90-4.
2. Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.).
3. Стандарт ISO/IEC 2382-1.
4. ГОСТ РВ 51987-2002. Информационная технология. Комплекс стандартов на АС. Типовые требования и показатели качества функционирования информационных систем. Госстандарт России. М.

References

1. Prorvich V. A. The role of economic and mathematical models and modern information technologies in the methodological support of forensic economic examinations. 2018 (4):90-4.
2. Federal Law of the Russian Federation No. 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» (with amendments and additions).
3. ISO/IEC 2382-1 standard.
4. GOST RV 51987-2002. Information technology. A set of standards for AS. Standard requirements and indicators of the quality of information systems functioning. Gosstandart of Russia. M.

Информация об авторе

Д. С. Гольцев – доцент кафедры оружиеведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

D. S. Goltsev – Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 331.556

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-270-276>

НИОН: 2015-0066-3/22-373

MOSURED: 77/27-011-2022-03-572

Статистическое моделирование миграционных процессов в Российской Федерации

Дмитрий Владимирович Дианов¹, Алексей Владимирович Долбилов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ skad71@mail.ru

² aleksej-dolbilov@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты научно-исследовательской работы, цель которой установить характер и параметры влияния миграционных процессов на уровень экономической преступности в регионах страны, сгруппированных в однородные группы – кластеры. Статистический анализ взаимосвязей ключевых показателей экономики регионов, миграционного прироста и материального ущерба от экономических преступлений осуществлен на основе методов корреляции и регрессии.

Ключевые слова: моделирование миграции, факторы экономической преступности, региональная безопасность

Для цитирования: Дианов Д. В., Долбилов А. В. Статистическое моделирование миграционных процессов в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 270–276. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-270-276>.

Original article

Statistical modeling of migration processes in the Russian Federation

Dmitry V. Dianov¹, Alexey V. Dolbilov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ skad71@mail.ru

² aleksej-dolbilov@yandex.ru

Abstract. The results of a research work have been presented, which was aimed at establishing the nature and parameters of the impact of migration processes on the level of economic crime in the regions of the country grouped into homogeneous groups – clusters. Statistical analysis of the interrelationships of key indicators of the regional economy, migration growth and material damage from economic crimes was carried out on the basis of correlation and regression methods.

Keywords: migration modeling, economic crime factors, regional security

For citation: Dianov D. V., Dolbilov A. V. Statistical modeling of migration processes in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(3):270–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-270-276>.

Влияние миграционных и демографических процессов на уровень преступности постоянный, актуальный и перспективный предмет исследования, анализа и моделирования экономической безопасности.

Количественное определение степени и направления тесноты связи между результативным и объясняющими показателями можно узнать, проведя

корреляционный анализ, определив, как сильно взаимодействуют показатели между собой. Рассматриваются показатели, характеризующие миграционный прирост в регионах страны за 2020 год. В качестве результативного показателя «Y» возьмем сумму ущерба от экономических преступлений.

X1 – Численность постоянного населения на конец года, чел.;

© Дианов Д. В., Долбилов А. В., 2022

Матрица парных коэффициентов корреляции 1 кластера

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6
Столбец 6	0,19	-0,078	0,036	0,36	0,39	1

X2 – Количество безработных на конец года, тыс. чел.;

X3 – Количество прибывших мигрантов за отчетный год;

X4 – Годовой объем розничного товарооборота, млн руб.;

X5 – Объем платных услуг населению, млн руб.

Для начала рассмотрим тесноту связи показателей первого кластера регионов.

Исходя из проведенных расчетов, можно сделать выводы о том, что объясняющие показатели имеют прямую связь с результативным, то есть увеличение одного ведет к увеличению другого, за исключением показателя, характеризующего численности безработных, что говорит о наличии обратной зависимости. Так же мы можем наблюдать, что корреляционная связь показателей (X1–X3) выражается слабо, следовательно, в данном кластере они не сильно влияют на изменение количества причиненного ущерба от экономических преступлений. Регрессионный анализ предполагает интерпретацию результатов отдельно по каждому объясняющему показателю.

Рассмотрим первый кластер и проанализируем влияние, оказываемое на значение результативного показателя, и построим регрессионную модель зависимости от факторов размера, выявленного органами внутренних дел материального ущерба по экономическим преступлениям.

Множественный коэффициент детерминации R^2 (R-квадрат) показывает какой удельный вес вариации результативного показателя, объясняется показателями, включенными в таблицу исходных сведений. В таблице 2 приведен расчет коэффициента детерминации, который равен 0,346. Значение коэффициента менее 50 %, что является недопустимым значением для проведения анализа.

Рассчитаем по данной модели коэффициенты эластичности для получения относительных оценок взаимосвязи

На основе полученных коэффициентов эластичности можно констатировать:

1) Рост численности постоянного населения на 1 человека одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 1,044 тыс. руб. При росте численности постоянного населения на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 3,17 %.

2) Рост количества безработных в Российской Федерации на 1 тыс. чел. одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 3665,37 тыс. руб. При росте количества безработных в Российской Федерации на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации увеличивается на 0,256 %. Связь прямая, так как безработные лица нуждаются в деньгах, как и все остальные граждане. Однако у них нет постоянного и легального источника дохода, и они вынуждены совершать преступления.

3) Рост количества прибывших мигрантов на 1 чел. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в

Таблица 2

Регрессия со всеми объясняющими показателями

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,588502869
R-квадрат	0,346335626
Нормированный R-квадрат	0,197775541
Стандартная ошибка	387740,5313
Наблюдения	28

	Коэффициенты	t-статистика
Y-пересечение	82063,73396	0,246093545
Переменная X1	-1,044118891	-2,258255808
Переменная X2	3665,376634	0,399446424
Переменная X3	-54,73169151	-0,728531858
Переменная X4	7,710196568	2,98799601
Переменная X5	-1,370645274	-0,280419107

Таблица 3

Расчет коэффициентов эластичности по модели 1-го кластера

Коэффициенты b	Средний x	Средний y	Коэффициенты эластичности
-1,044118891	967 282	317695,7143	-3,179008604
3665,376634	22,17857143	317695,7143	0,255882638
-54,73169151	1 661	317695,7143	0,286152238
7,710196568	169616,5	317695,7143	4,116443809
-1,370645274	38364,98214	317695,7143	-0,165519329

Таблица 4

Матрица парных коэффициентов корреляции 2 кластера

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6
Столбец 6	-0,11	-0,186	-0,093	-0,054	0,116	1

Российской Федерации на 54,7 тыс. руб. При росте количества прибывших мигрантов на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,286 %. Связь обратная, так как прибывшие мигранты скорее совершают преступления не экономической, а иной направленности.

4) Рост объема розничного товарооборота на 1 млн руб. одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 7,7 тыс. руб. При росте объема розничного товарооборота на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации увеличивается на 4,11 %. Связь прямая, чем больше объем розничного товарооборота, тем больше участников товарооборота в нем задействованы, а значит, вероятность совершения ими преступлений экономической направленности также увеличивается.

5) Рост объема платежных услуг населения 1 млн руб. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 1,37 тыс. руб. При росте

объема платежных услуг населения на 1 процент сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,16 %, наблюдается обратная связь.

Перейдем к рассмотрению второго кластера.

Исходя из расчетов, можно увидеть, что корреляционная связь результативных и объясняющего показателя во всех случаях проявляет себя слабо и имеет обратную зависимость. Рассматривая второй кластер, проанализируем характер влияния, оказываемое признаками-факторами на формирование размера материального ущерба, т. е. уровня результативного показателя.

Построим регрессионную модель зависимости результативного показателя. В таблице 5 приведен расчет коэффициента детерминации, который равен 0,45. Это свидетельствует о том, что данную модель нельзя принять, как объясняющую более 50 % вариации результативного показателя.

Рассчитаем по данной модели коэффициенты эластичности и оценим процентное соотношение.

В свою очередь третий кластер, будучи не столь многочисленным, как первые два, характеризуется большими экономическими масштабами регионов, входящими в него.

Произведенные расчеты свидетельствуют о прямой зависимости объясняющих показателей x_1 , x_3 , x_4 к результативному, при этом проявляя высокую корреляционную связь, следовательно, данные показатели в кластере напрямую влияют на уровень причиненного ущерба от экономических преступлений. Проанализируем влияние, оказываемое на значение результативного показателя. Построим регрессионную модель зависимости результативного показателя.

В таблице 8 приведен расчет коэффициента детерминации, который равен 0,99. Значение коэффициента более 50 %, что является допустимым значением для проведения анализа.

Рассчитаем по данной модели относительные оценки через коэффициенты эластичности.

Таблица 5

Регрессия со всеми объясняющими показателями

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,6751313
R-квадрат	0,4558023
Нормированный R-квадрат	-0,224445
Стандартная ошибка	1120816,8
Наблюдения	10

	Коэффициенты	t-статистика
У-пересечение	6792938,244	1,35738242
Переменная X1	-0,533366749	-0,3637242
Переменная X2	-144288,2121	-1,7159263
Переменная X3	-380,7881482	-1,1852098
Переменная X4	-3,336656914	-0,3341713
Переменная X5	24,45212571	0,84382253

Таблица 6

Расчет коэффициентов эластичности по модели 2-го кластера

Коэффициенты b	Средний x	Средний y	Коэффициенты эластичности
-0,533366749	1577039,1	606965,1	-1,385813151
-144288,2121	34,18	606965,1	-8,125295987
-380,7881482	2 492	606965,1	-1,563454215
-3,336656914	298651,9	606965,1	-1,641772748
24,45212571	62669,36	606965,1	2,524690578

Матрица парных коэффициентов корреляции 3 кластера

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6
Столбец 6	0,74	-0,737	0,88	0,89	-0,65	1

На основе полученных коэффициентов эластичности можно констатировать:

1) Рост численности постоянного населения на 1 человека одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 0,12 тыс. руб. При росте численности постоянного населения на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 1,20 %.

2) Рост количества безработных в Российской Федерации на 1 тыс. чел. одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 8210 тыс. руб. При росте количества безработных в Российской Федерации на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации увеличивается на 1,69 %. Связь прямая, так как безработные лица нуждаются в деньгах, как и все остальные граждане. Однако у них нет постоянного и легального источника дохода, и они вынуждены совершать преступления.

3) Рост количества прибывших мигрантов на 1 чел. одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 54,7 тыс. руб. При росте количества прибывших мигрантов на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,73 %, связь прямая.

4) Рост объема розничного товарооборота на 1 млн руб. одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 0,19 тыс. руб. При росте объема розничного товарооборота на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации увеличивается на 0,39 %. Связь прямая, чем больше объем розничного товарооборота, тем больше участников товарооборота в нем задействованы, а значит, вероятность совершения ими преступлений экономической направленности также увеличивается.

5) Рост объема платежных услуг населения 1 млн руб. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 1,38 тыс. руб. При росте объема платежных услуг населения на 1 процент сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,49 %, связь обратная.

Рассмотрим четвертый кластер и проанализируем влияние, оказываемое на значение результативного показателя.

По рассчитанной таблице можно наблюдать обратную зависимость показателей x_2 и x_5 к результативному, а также о высокой корреляционной связи показателей x_1 , x_2 , x_4 . Построим регрессионную модель зависимости результативного показателя.

Рассчитаем по данной модели коэффициенты эластичности.

На основе полученных коэффициентов эластичности можно констатировать:

1) Рост численности постоянного населения на 1 человека одновременно сопровождается увеличением суммы ущерба от экономических преступлений в

Таблица 8

Регрессия со всеми объясняющими показателями

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,9989743
R-квадрат	0,9979495
Нормированный R-квадрат	0,9876973
Стандартная ошибка	24962,414
Наблюдения	7

	Коэффициенты	t-статистика
Y-пересечение	-547114,26	-2,3052508
Переменная X1	0,12095331	2,15747777
Переменная X2	8210,72385	2,71255329
Переменная X3	31,0926115	5,30122838
Переменная X4	0,1991502	1,03165794
Переменная X5	-1,3186378	-7,2929707

Таблица 9

Расчет коэффициентов эластичности по модели 3-го кластера

Коэффициенты b	Средний x	Средний y	Коэффициенты эластичности
0,120953307	2 158 665	217017,143	1,203119947
8210,723846	44,6857143	217017,143	1,690659342
31,0926115	5 123	217017,143	0,734046961
0,199150204	425378,9	217017,143	0,390357617
-1,318637848	818114,2571	217017,143	0,497119142

Таблица 10

Матрица парных коэффициентов корреляции 4 кластера

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6
Столбец 6	0,75	-0,72	0,036	0,747	-0,54	1

Российской Федерации на 0,006 тыс. руб. При росте численности постоянного населения на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,05 %.

2) Рост количества безработных в Российской Федерации на 1 тыс. чел. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 11522 тыс. руб. При росте количества безработных в Российской Федерации на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,256 %, связь обратная.

3) Рост количества прибывших мигрантов на 1 чел. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 20,8 тыс. руб. При росте количества прибывших мигрантов на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,375 %. Связь обратная, так как прибывшие мигранты скорее совершают преступления не экономической, а иной направленности.

4) Рост объема розничного товарооборота на 1 млн руб. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 0,419 тыс. руб. При росте объема розничного товарооборота на 1 процент, сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации увеличивается на 0,686 %, связь обратная.

5) Рост объема платежных услуг населения 1 млн руб. одновременно сопровождается уменьшением суммы ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации на 1,84 тыс. руб. При росте объема платежных услуг населения на 1 процент сумма ущерба от экономических преступлений в Российской Федерации уменьшается на 0,68 %, связь обратная.

В данном кластере наблюдается слабая корреляционная связь, что свидетельствует о низкой зависимости объясняющего показателя от результативных. Рассмотрим пятый кластер и проанализируем влияние, оказываемое на значение результативного показателя.

Построим регрессионную модель зависимости результативного показателя. В таблице 14 приведен расчет коэффициента детерминации, который равен 0,41. Это свидетельствует о том, что данную модель нельзя принять, как объясняющую более 50 % вариации результативного показателя.

Рассчитаем по данной модели коэффициенты эластичности и дадим относительную оценку воздействия факторов на размер выявленного материального ущерба.

Систематизируем полученные данные в таблицу 15.

Также, на основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа можно сделать вывод о том, что показатель X2 – «Количество безработных на» оказывает наибольшее влияние на результативный показатель Y. Всем людям необходимы денежные средства для нормального существования, безработные ищут различные источники дохода и многие из них склоняются к совершению преступлений. Эко-

Таблица 12

Расчет коэффициентов эластичности по модели 4-го кластера

Коэффициенты b	Средний x	Средний y	Коэффициенты эластичности
0,006855905	2 289 770	312967,3	0,050160024
-11522,87534	59,15	312967,3	-2,17779326
-20,80103288	5 645	312967,3	-0,375195462
-0,419764748	511558,2	312967,3	-0,686123062
-1,843418341	116993,85	312967,3	-0,689109082

Матрица парных коэффициентов корреляции 5 кластера

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6
Столбец 6	0,247	-0,06	-0,18	0,21	-0,084	1

номическая преступность является привлекательным видом деятельности для лиц, как имеющих возможность реализовать их сложные схемы, так и не имеющих постоянного места работы.

Представленное в работе исследование было направлено на комплексный статистический анализ миграционных процессов в России как метод оценки экономической безопасности. Для наиболее полного и всестороннего рассмотрения миграционных процессов использовались методы корреляции и регрессии, на основе которых осуществлено математико-статистическое моделирование взаимосвязей. Отдельно стоит выделить показатель строительство жилых домов, который в отличие от других объясняющих показателей у которых имеется тенденция к развитию, в прогнозе будет падать. Таким образом, ожидается незначительное снижение потока внешней миграции в Российскую Федерацию.

Таблица 14

Регрессия со всеми объясняющими показателями

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,64556
R-квадрат	0,41675
Нормированный R-квадрат	-1,0414
Стандартная ошибка	1465455
Наблюдения	8

	Коэффициенты	t-статистика
Y-пересечение	-8909538,1	-0,7701285
Переменная X1	2,25475429	0,60365426
Переменная X2	42444,5071	0,54791998
Переменная X3	32,4658997	0,26459829
Переменная X4	-3,5207924	0,3403917
Переменная X5	7,58681659	0,62046628

Таблица 15

Расчет коэффициентов эластичности по регионам 5-го кластера

Коэффициенты b	Средний x	Средний y	Коэффициенты эластичности
2,254754288	3 588 250	721266,125	11,21724949
42444,50714	70,7	721266,125	4,160498532
32,46589974	9 537	721266,125	0,429294253
-3,520792442	840735,3	721266,125	-4,103969688
7,586816585	156821,3	721266,125	1,64956373

Таблица 16

Влияние объясняющих показателей на результативный в разрезе кластеров

Кластер	Параметры	X1	X2	X3	X4	X5
1	v _j	-1,04	3665	-54,73	7,71	-1,37
	Э _j	-3,18	0,256	-0,28	4,11	-0,166
2	v _j	-0,53	-144288	-380,79	-3,336	24,45
	Э _j	-1,39	-8,13	-1,56	-1,64	2,52
3	v _j	0,12	8210,72	31,09	0,199	-1,318
	Э _j	1,2	1,69	0,73	0,39	0,497
4	v _j	0,007	-11523	-20	-0,419	-1,84
	Э _j	0,05	-2,178	-0,375	-0,686	-0,689
5	v _j	2,25	42444,5	32	-3,521	7,587
	Э _j	11,21	4,16	0,429	-4,1	1,649

Библиографический список

1. Васильев М. К., Дианов Д. В. Статистическое исследование преступлений против интересов службы и злоупотребление полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 301–310.

2. Ищенко А. Н. Трансформация системы бухгалтерского учета в условиях применения информационных и коммуникационных технологий // Финансовый бизнес. 2021. № 5 (215). С. 137–140.

3. Кузнецова Е. И., Осипова А. Н. Оценка влияния качества социальной среды на развитие челове-

ского потенциала // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 252–255.

4. Лошаков А. С., Братко М. В. Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел по противодействию легализации (отмыванию) денежных средств // Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 127–131.

5. Ляпин А. Е. Обоснование зависимости влияния рынка алкогольной продукции и криминогенной обстановки // Вопросы региональной экономики. 2018. Т. 34. № 1. С. 30–39.

6. Накова М. Р. Анализ влияния налоговых преступлений на экономическую безопасность регионов Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 278–282.

7. Пузырев С. А. Модели экономического взаимодействия субъектов преступной деятельности. В сборнике : Обеспечение финансовой безопасности России. М., 2016. С. 307–312.

of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. P. 301–310.

2. Ishchenko A. N. Transformation of the accounting system in the conditions of application of information and communication technologies // Financial business. 2021. № 5 (215). P. 137–140.

3. Kuznetsova E. I., Osipova A. N. Assessment of the impact of the quality of the social environment on the development of human potential // Bulletin of Economic Security. 2021. № 1. P. 252–255.

4. Loshakov A. S., Bratko M. V. Topical issues of the activities of the internal affairs bodies on countering the legalization (laundering) of funds // Criminological Journal. 2021. № 1. P. 127–131.

5. Lyapin A. E. Substantiation of the dependence of the influence of the alcohol market and the criminogenic situation // Issues of regional economy. 2018. Vol. 34. № 1. P. 30–39.

6. Nakova M. R. Analysis of the impact of tax crimes on the economic security of the regions of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 5. P. 278–282.

7. Puzyrev S. A. Models of economic interaction of subjects of criminal activity. In the collection : Ensuring the financial security of Russia. M., 2016. P. 307–312.

Bibliographic list

1. Vasiliev M. K., Dianov D. V. Statistical investigation of crimes against the interests of the service and abuse of authority // Bulletin of the Moscow University

Информация об авторах

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

А. В. Долбилов – начальник кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

A. V. Dolbilov – Head of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 657.631.2:33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-277-279>

НИОН: 2015-0066-3/22-374

MOSURED: 77/27-011-2022-03-573

Внутренний контроль и экономическая безопасность

Елена Васильевна Егорова¹, Леонид Олегович Евраев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ e_e_v@list.ru

² leon62010@rambler.ru

Аннотация. Современные условия развития экономики требуют от организаций формирования системы внутреннего контроля. В свою очередь, недостаточное внимание экономического субъекта к вопросам контроля может обернуться ослаблением их конкурентных позиций. Не всегда внутренний контроль обеспечивает эффективное функционирование организации, а также ее устойчивость и максимальное развитие в условиях многоплановой конкуренции. Эффективность применения внутреннего контроля зависит от интереса к нему собственников и руководителей организации. В статье исследован вопрос экономической безопасности хозяйствующего субъекта через такой элемент управленческой деятельности, как внутренний контроль. Показана связь внутреннего контроля с экономической безопасностью.

Ключевые слова: экономическая безопасность хозяйствующего субъекта, внутренний контроль, задачи контроля, функции контроля, роль контроля

Для цитирования: Егорова Е. В., Евраев Л. О. Внутренний контроль и экономическая безопасность // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 277–279. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-277-279>.

Original article

Internal control and economic security

Elena V. Egorova¹, Leonid O. Evraev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ e_e_v@list.ru

² leon62010@rambler.ru

Abstract. Modern conditions of economic development require organizations to form an internal control system. In turn, insufficient attention of an economic entity to control issues may result in a weakening of their competitive positions. Internal control does not always ensure the effective functioning of the organization, as well as its stability and maximum development in conditions of multifaceted competition. The effectiveness of the application of internal control depends on the interest of the owners and managers of the organization in it. The article examines the issue of economic security of an economic entity through such an element of management activity as internal control. The connection of internal control with economic security is shown.

Keywords: economic security of an economic entity, internal control, control tasks, control functions, role of control

For citation: Egorova E. V., Evraev L. O. Internal control and economic security. Bulletin of economic security. 2022;(3):277–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-277-279>.

Под экономической безопасностью хозяйствующего субъекта принято понимать такое его состояние, когда предприятие может как можно более действенно применять свои ресурсы, чтобы сохранять постоянный контроль над ними и предотвращать потенциальные угрозы, мешающие ему стабильно функционировать.

Следует сразу отметить, что экономическая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой некую структуру, которая состоит из нескольких уровней. Это не должно вызывать сомнений, поскольку обеспечение безопасности является довольно сложным делом.

Система экономической безопасности хозяйствующего субъекта должна отслеживать соблюдение фи-

нансовых, правовых, юридических, производственных, имущественных и иные интересы, которые преследуют их субъекты.

Итак, суть экономической безопасности хозяйствующего субъекта состоит в том, что она защищает, главным образом, экономические интересы, которые преследует субъект. Экономические интересы субъекта выражены различными потребностями, которые необходимо удовлетворить, чтобы предприятие существовало и активно развивалось. Выполнение таких интересов помогает: обеспечивать активное развитие; выживать в сложившихся условиях; обеспечивать непосредственное лидерство на рынке.

Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта является прямым отражением того, что принимаемые руководством организации различные управленческие решения обеспечивают повышение конкурентоспособности предприятия, защиту интересов предприятия, достижению поставленных целей с учетом минимальных потерь и издержек.

Управление напрямую взаимосвязано с понятием «контроль». Без контроля теряется сущность и содержание управления, так как он входит в этапы процесса управления.

В сложившихся условиях контроль имеет особое значение в управленческой деятельности, так как выполняет важные функции. Он обеспечивает процесс управления за деятельность как всего общества, так и отдельно взятых подразделений в социально-экономической и иных сферах. Другими словами, контроль не существует как отдельно взятый элемент, а является неотъемлемой частью в управленческой сфере.

В современной рыночной экономике необходимость контроля признается всеми государствами. Управление финансовыми средствами страны, отдельных общественных организаций и предприятий влечет за собой ответственность, а, следовательно, организация контроля за их деятельностью будет являться обязательным элементом всей системы управления. С целью постоянного надзора и создания препонов для незаконной, экономически нецелесообразной деятельности, которая может негативно влиять и на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта, в организации осуществляется контроль, который является обязательным элементом управленческой деятельности.

Понятие «контроль» можно трактовать в широком и узком смысле. Так, профессор В. И. Бобошко считает, что в широком смысле контроль «это проверка соблюдения и выполнения нормативно установленных задач, планов, решений» [1, с. 16]. В этом случае особое место имеет функциональное назначение понятия «контроль», необходимость его участия в управленческом процессе. В узком же смысле контроль является элементом одной из функций управленческого процесса.

В зависимости от поставленных целей контроля в обеспечении управления выделяют задачи и функции, которые в свою очередь не являются исчерпывающими и меняются в соответствии с изменениями, происходящими в финансово-экономической сфере, изменениями в ведении государственной политики и ряда других причин. Тем не менее, основными задачами контроля в управлении экономики являются:

- обеспечение ведения деятельности экономическими субъектами в соответствии с действующим законодательством;
- обеспечение целесообразности и эффективности планирования финансово-хозяйственной деятельности;
- правильность и достоверность ведения учета и составления отчетности субъектом экономики;
- недопущение нарушения прав и сохранности имущества субъекта;
- определение целесообразности операций финансово-хозяйственной деятельности;
- выявление внутренних резервов роста для обеспечения эффективного функционирования субъекта финансовой деятельности;
- анализ ведения финансово-экономической деятельности субъекта, оценка его состояния и своевременное выявление отклонений и их предупреждение;
- установление мер ответственности к лицам, нарушающим законодательство.

Путем определения цели и постановки соответствующих задач вытекают функции контроля в обеспечении экономической безопасности экономического субъекта. Сущность функций состоит в сравнении фактического состояния деятельности экономического субъекта и поставленных целей; оценка полноты и эффективности деятельности с целью выявления отклонений и их последующих недопущений; принятие необходимых мер по улучшению и оптимизации ведения экономической деятельности. Контроль является самостоятельным видом деятельности, так как осуществляет специфическое назначение в сфере управления путем выделения отдельных специальных контрольных органов, выполняющих соответствующие функции и задачи.

Взаимодействие контроля, например, с функциями планирования и мотивации выражается в предоставлении возможности экономическому субъекту управления своевременно осуществлять реагирование на происходящие изменения и при необходимости принимать соответствующие меры, а также корректировать уже принятые решения с целью дальнейшего предупреждения.

Итоговая роль контроля заключается в том, что в процессе его осуществления выявляются допущенные отклонения от поставленных целей и задач объекта, анализируются причины таких отклонений. Также определяются наиболее эффективные пути ве-

дения экономической деятельности для нормального функционирования всей системы, защита финансовых интересов экономического субъекта и выявление наиболее целесообразного распределения общественного продукта.

В системе управления экономическим субъектом способы ведения контрольных мероприятий будут изменяться в зависимости от объекта и субъекта управления, вида хозяйственной деятельности.

Таким образом, эффективность функционирования экономических субъектов во многом зависит от грамотно организованного контроля, так как он не только призван выявить недостатки и нарушения, но и предупреждать их, а также способствовать их своевременному устранению. Грамотно построенный внутренний контроль значительно повышает экономическую безопасность экономического субъекта, а это в свою очередь затрагивает экономическую безопасности страны. Надо понимать, что экономически стабильная экономика – это в первую очередь экономика с качественно сформированной системой внутреннего и внешнего контроля.

Список источников

1. Бобошко В. И. Контроль и ревизия [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В. И. Бобошко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

References

1. Boboshko V. I. Control and revision [Electronic resource] : textbook. manual / V. I. Boboshko. M. : UNITY-DANA, 2015.

Библиографический список

1. Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 16.06.2017 г. № ММВ 7–15/509 «Об утверждении требований к организации системы

внутреннего контроля» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.10.2017 // СПС «Консультант Плюс».

2. Приказ Министерства Финансов Российской Федерации от 16.07.2017 г. № ММВ-7-15/509@ «Об утверждении требований у организации системы внутреннего контроля».

3. Рекомендации З-44/2013-КпР «Методические рекомендации по организации и осуществлению внутреннего контроля» // СПС «Консультант Плюс».

4. Информация Минфина России от 26.12.2013 г. № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» // СПС «Консультант плюс».

Bibliographic list

1. Order of the Federal tax service of the Russian Federation dated 16.06.2017, № MMV 7-15/509 «On approval of requirements to the organization of the internal control system» // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 05.10.2017// ATP «Consultant Plus».

2. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation from 16.07.2017, № MMV-7-15/509@ «On approval of requirements to the organization of the internal control system».

3. Recommendation S-44/2013-CRC «Guidelines for the organization and implementation of internal control» // ATP «Consultant Plus».

4. Information of the Ministry of Finance of Russia dated 26.12.2013 № PZ-11/2013 «Organization and implementation of the economic entity's internal control facts of economic life, bookkeeping and preparation of accounting (financial) reporting» // ATP «Consultant plus».

Информация об авторах

Е. В. Егорова – доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Л. О. Евраев – доцент кафедры огневой подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

E. V. Egorova – Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

L. O. Evraev – Associate Professor of the Department of Fire Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 33:37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-280-285>

НИОН: 2015-0066-3/22-375

MOSURED: 77/27-011-2022-03-574

Инструменты оборонительной контрпропаганды как элемент учебно-воспитательного процесса с обучающимися по специальности «Экономическая безопасность»

Александр Николаевич Литвиненко¹, Юлия Александровна Лозина²,
Александр Владимирович Грачев³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ lanfk@mail.ru

² 1612ulia.l@mail.ru

³ grachevalexunder@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается содержание учебно-воспитательного процесса с обучающимися по специальности «Экономическая безопасность». Основной акцент сделан на внедрении в учебно-воспитательный процесс инструмента контрпропаганды, позволяющего нивелировать отрицательное воздействие от манипулирования сознанием молодого поколения в рамках информационной войны. Контрпропаганда должна позволить сформировать личность обучающегося, владеющего экономическими приемами отпора идеологическим нападкам на характер и содержание отечественного экономического уклада.

Ключевые слова: обучение, воспитание, патриотизм, пропаганда, контрпропаганда, экономическое мышление

Для цитирования: Литвиненко А. Н., Лозина Ю. А., Грачев А. В. Инструменты оборонительной контрпропаганды как элемент учебно-воспитательного процесса с обучающимися по специальности «экономическая безопасность» // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 280–285. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-280-285>.

Original article

Tools of defensive counter-propaganda as an element of the educational process with students in the specialty «economic security»

Alexander N. Litvinenko¹, Yulia A. Lozina², Alexander V. Grachev³

^{1,2,3} Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Россия

¹ lanfk@mail.ru

² 1612ulia.l@mail.ru

³ grachevalexunder@rambler.ru

Abstract. The content of the educational process with students in the specialty «Economic security» is considered. The main emphasis is placed on the introduction of a counter-propaganda tool into this, which allows to neutralize the negative impact of manipulating the consciousness of the younger generation within the framework of information warfare. Counter-propaganda should allow to form the personality of a student who knows the economic techniques of resisting ideological attacks on the nature and content of the domestic economic system.

Keywords: training, education, patriotism, propaganda, counter-propoganda, economic thinking

For citation: Litvinenko A. N., Lozina Yu. A., Grachev A. V. Tools of defensive counter-propaganda as an element of the educational process with students in the specialty «economic security». Bulletin of economic security. 2022;(3):280–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-280-285>.

© Литвиненко А. Н., Лозина Ю. А., Грачев А. В., 2022

Введение

Сложившаяся в системе российского образования ситуация во многом характеризуется тем, что наполнение принятой элементной структуры видов воспитания не полно отражает воспитательную «реакцию» на современные информационные вызовы идеологического характера, с которыми сталкиваются обучающиеся. И значительная часть этих вызовов связана с двумя смежными областями: искажением реально-го состояния прав и свобод граждан, правового российского поля, а также уничтожением экономической мощи и экономического потенциала нашей страны, что в целом называется пропагандой.

В образовательных организациях системы высшего образования при формировании учебных и воспитательных программ – выделяются и детализируются «классические» задачи воспитательной работы в рамках отдельных видов воспитания и при этом упускается специфика формирования «экономического мышления», позволяющего выискивать и объяснять огрехи конкурентов, что предопределяет, на наш взгляд, потребность вкрапления в учебный (образовательный) процесс элементов оборонительной контрпропаганды в виде распространения идей, которые пропагандируются идеологическими противниками.

Пропаганда и информационная война

Пропагандируемые иностранными средствами массовой информации сведения о слабой правовой и экономической системе России затрагивают все возрастные группы населения и все уровни обучающихся в системе образования, поскольку подрастающее поколение с каждым годом все больше времени проводит в «социальных сетях» и глобальной сети Интернет. Например, в докладе Госдепартамента США представлены примеры нарушения прав человека в нашей стране: «...убийства, подавление свободы слова и права на мирные собрания, насилие над журналистами, коррупция во власти, отсутствие независимой и справедливой судебной системы и свободных выборов...» [4]. Россию обвиняют в фальсификации исторических фактов периода Второй мировой войны, использовании в своих целях «элементов российской истории и культуры» [8], «экспорте вооружения и отмывании денег через коррумпированные сети» [11], ужесточении контроля над образованием [14].

Пропаганда – термин, который трактуется как распространение политических, экономических, культурных взглядов и другой информации в целях влияния на общественное сознание и мнение. Она может осуществляться с помощью различных форм коммуникации, субъектами которой являются любые физические и юридические лица. Пропаганду нередко ассоциируют с манипулированием общественным

сознанием, а в негативном смысле с деятельностью государства по «промыванию мозгов» населению. Достаточно часто с пропагандой употребляют понятие «информационная война».

Особенностью информационной войны является то, что действия предпринимаются соперниками на всех уровнях жизни общества, и ставится под сомнение достоверность официальной информации [2].

В данной статье под пропагандой подразумевается ее «позитивная сторона», целью которой является формирование аргументов, отстаивающих общенациональный статус целей и ценностей внутри отдельного государства.

Основной целью контрпропаганды является нейтрализация информационного воздействия на общественное мнение людей в целях нейтрализации мнения соперника. Контрпропаганда – термин, не являющийся новым [7, с. 11], имеющий функции вскрытия политической, экономической, идеологической направленности в сообщаемом материале, выявлении преследуемых целей соперника, показе механизма, который используется в данном сообщении и объяснении эффекта, которого ожидает противник от публикуемой или сообщаемой информации. На основе анализа актуальных экономических, социальных и культурных проблем контрпропаганда призвана упреждать действия противоположной стороны и формировать у разных возрастных групп правильное восприятие событий.

Эффективная контрпропаганда гораздо менее затратная, чем пропаганда, на подрыв которой она направлена [9]. Контрпропаганда делится на оборонительную и наступательную. В данной статье речь пойдет о пропаганде оборонительной, основной целью которой является формирование у обучающихся «экономического мышления», направленного на использование объективных инструментов сбора данных для формирования собственного мнения по поводу конкретных явлений в области экономики.

Пропаганда является одной из форм патриотического воспитания. Она проходит через духовную, законодательную, педагогическую, экономическую и другие сферы жизни общества, и в конечном итоге оказывает серьезное влияние на нацию, ее образование и культуру в целом.

Анализ содержания социальных представлений населения о понятии «патриотическое воспитание», проведенный группой исследователей (Д. Омельченко и др.), показал, что население с этим понятием ассоциирует такие элементы как: любовь и уважительное отношение к Родине (71 %), воспитание детей и молодежи (31,6 %), борьбу с распространением и профилактику наркотиков и алкоголизма в молодежной среде (31,1 %), труд и службу на благо Родины,

заботу о благосостоянии людей (28,7 %), службу в вооруженных силах и защиту Отечества (20 %) и чуть меньше пятой части связали воспитание с организацией досуга молодежи и детей [9].

Элементом экономической культуры обучающихся выступает экономическое сознание, в рамках которого формируются экономические знания. При этом в качестве компонента экономического выделим экономическое мышление как способность обучающегося к осмыслению явлений экономической жизни. Именно такой тип мышления способствует решению конкретных экономических проблем, позволяет объективно оценивать элементы реальной действительности, выискивать и объяснять огрехи конкурентов.

Инструменты контрпропаганды

С учебной точки зрения представляется возможным предложить использовать на занятиях следующие инструменты оборонительной контрпропаганды:

правила разделения фактов и мнений (отграничение непроверенных источников, сообщающих экономическую и иную информацию, а также социальных сетей). Например, во Франции в соответствии с законом «Об образовании» введены навыки «критического анализа доступной информации и оценки ее достоверности» [3, с. 77–81]. Финская национальная образовательная программа развивает концепцию мультиграмотности, которая понимается как навыки, необходимые для «интерпретации и создания ценностных суждений о различных текстах [1, с. 73]. В Швеции Källkritikbyrån использует в своей деятельности онлайн-гидов и лекции, целью которых является обучение будущих специалистов проверке фактов [12, с. 283–297];

игры и викторины для проверки экономических знаний, полученных в ходе обучения и взятых из фейковых новостей (подобная практика имеется в Венгрии, Польше, Греции. Исследователи делают вывод о повышении осведомленности о дезинформации и обучении участников способам проверки контента [6, с. 155]);

применение принципа нейтральности при сообщении тех или иных фактов в ходе обучения для того, чтобы обучающийся смог сам делать логические выводы из текста. Данный инструмент обосновывается и на научных исследованиях зарубежных ученых, доказавших, что в учебниках по экономике (были взяты два классических учебника П. А. Самуэльсона, У. Д. Нордхауса и Н. Г. Мэнкью) в текстах используются стилистические приемы или риторические фигуры, способные воздействовать и изменять восприятие обучающихся на основные экономические процессы, тем самым лишая их возможности объективно мыслить и развивать критическое мышление.

Далее в таблице 1 представлены примеры форм влияния на сознание при обучении [5, с. 3];

формирование собственного объективного мнения путем отсеивания в текстах учебников по экономике субъективных эмоциональных суждений по тому или иному вопросу. Приведем цитату из статьи почетного президента Фонда экономического образования (FEE) в Атланте, штат Джорджия Лоуренса В. Рида: «Если бы нынешним авторам учебников можно было предъявить иск за злоупотребление своим положением, многим понадобились бы опытные адвокаты, чтобы не попасть в тюрьму» [12];

научный обмен информацией в системе высшего образования в целях получения достоверных данных. Затрагиваемые научные темы должны быть многоплановыми, предоставлять научные доказательства в таких актуальных вопросах как экономическая информация, издержки коррупции и офшоров, климатический кризис и т. д. Навык поиска научных доказательств – это часть общей медиаграмотности в обучении.

Безусловно, внедрение подобных инструментов невозможно без государственного участия, которое должно выразиться не только в финансовой поддержке, но и в подготовке медиаграмотных педагогов всех уровней образования, поддержке талантливой молодежи, которая в рамках университетов сможет выполнить государственные гранты по разработке игр и программ обучения навыкам критического мышления и т. д.

Выводы. По результатам проведенного анализа предлагается рассмотреть вопрос об использовании инструментов контрпропаганды как средства нейтрализации информационно-пропагандистского воздействия. В этой связи считаем, что в образовательный процесс должны быть вкраплены инструменты не наступательной, а оборонительной контрпропаганды. Важно прямое опровержение различных экономических пунктов пропаганды соперника.

Выпускник с экономическим образованием должен не только получить компетенции на стыке профессионального и патриотического видов воспитания, но и владеть экономическими приемами отпора идеологическим нападкам на характер и содержание как российских демократических свобод, так и отечественного экономического уклада.

Приведенные в статье инструменты оборонительной контрпропаганды могут быть использованы для обучающихся любых специальностей в системе высшего образования с учетом особенностей их будущего образования, поскольку в их основе лежат навык поиска научных доказательств, медиаграмотность и формирование компетенции критического мышления.

Примеры форм убеждения

Формы убеждения	Описание	Примеры (от Самуэльсона / Нордхауса и Мэнкью)
Селективная	Акцент на определенных фактах и опыте без подтверждения	Априорная ориентация на рыночную экономику
Идеологическая и политическая	Подсознательная взаимосвязь экономических концепций с политическими, идеологическими или моральными ценностями	• Черно-белое заблуждение: установление дуализма «или-или» («рынок, свобода, демократия» против «централизованного правительства государства и коммунизма») • Блестящие общие черты: полное отождествление «рынка» с добровольной торговлей, демократией и процветанием • Демонизация: использование уничижительных терминов («принуждение», «на грани голодной смерти», «моральный террор»)
Призывы к авторитетам	Поощрение нерелексированного соглашения посредством (неоправданной) ссылки на стандарты, общие принципы, авторитеты и т. д.	• Апеллирование к невидимым механизмам или процессам на основе принципа веры (например, «невидимая рука») • Апеллирование к «научной объективности» экономики без предоставления четкой подготовки в этой области • Апеллирование к известным экономистам, не вдаваясь в подробности их идей, используя утверждения: «первый», «самый известный» или «блестящий»
Сокрытие	Создающее гипокгницию (квази-когнитивный вакуум), т. е. «несуществование или потерю идей из-за отсутствия лингвистической репрезентации»	• Никаких объяснений предпосылок математически-объективного мышления, никаких объяснений культурно-исторических контекстов • Игнорирование социально-экономических условий • Отсутствует эмпирическое доказательство утверждений (установление правдоподобия на повседневных примерах)
Метафорическое отображение	Незаметное структурирование мыслей за счет использования неотраженных метафор: использование метафор для «когнитивного соединения» конкретного мирового опыта с «абстрактными идеями»	«Рынок» как «машина», «механизм» • «Рынок» или «рынки» как машиноподобные субъекты • Связь экономических «законов» с базовым опытом, таким как закон всемирного тяготения или пространственная ориентация (в частности с помощью диаграмм рынка)

Список источников

1. Байер, Джудит, Хольцнагель, Бернд, ets. Деинформация и пропаганда: влияние на функционирование верховенства закона и демократических процессов в ЕС и его государствах-членах/апрель/2021 [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/653633/EXPO_STU\(2021\)653633_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/653633/EXPO_STU(2021)653633_EN.pdf) с.172 (дата обращения: 10.01.2022).
2. Бобкова А. И Информационно-экономическая безопасность России : общие проблемы // Искусственные общества. 2014. Т. 9. Вып. 1-4 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207751800000029-0-1> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Боринг, Николя, Инициативы по противодействию фальшивым новостям: Франция, Библиотека Конгресса, с. 77–81.
4. Всемирный доклад за 2018 год [Электронный ресурс]. [https://www.hrw.org/sites/default/files/world_](https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/201801world_report_web.pdf)

[report_download/201801world_report_web.pdf](https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/201801world_report_web.pdf) (дата обращения: 10.01.2022).

5. Граупе Силья. Убеждение и пропаганда в экономическом образовании // FGW Изучает новое экономическое мышление № 5, С. 3 URL: https://www.fgw-nrw.de/fileadmin/user_upload/FGW_Impuls-NOED-05-Graupe-EN-A2-Web.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
6. Кацауниду А., Лазарос В., Р. Коцакис «Математика игры: серьезная игра для образования и обучения проверке новостей», Науки об образовании, Т. 9, № 2, июнь 2019 г., С. 155.
7. Кейзеров Н. М., Ножкин Е. А. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики. М. : Мысль, 1984. С. 11.
8. Кириллова, Ксения. Мягкая сила и «Позитивная пропаганда»: как Россия использует культурные и исторические стереотипы для усиления политиче-

ского влияния. [Электронный ресурс]. URL: https://icds-ee.translate.google.com/soft-power-and-positive-propaganda-how-russia-uses-cultural-and-historical-stereotypes-to-increase-political-influence/?_xtr_sl=en&_xtr_tl=ru&_xtr_hl=ru&_xtr_pto=op, sc Lfnf j,hfotybz (дата обращения: 21.01.2022).

9. Патриотическое воспитание и гражданская культура молодежи в России: социологическая перспектива Д. Омельченко, С. Максимова, Г. Авдеева // Материалы 2-й Глобальной конференции по исследованиям в области психологии (GCPR-2014), Университет Барселоны, Барселона, Испания 28-29 ноября 2014 г., Университет Барселоны, Барселона, Испания.

10. Петра, Пиитулайнен-Рамсей и Микко Сало, «Избирательная кампания Фактабаари 2019 года – цифровая медиаграмотность, краудсорсинг и европейское сотрудничество», панель фактов, 5 июня 2019 года. [Электронный ресурс]. <https://faktaabaari.fi/baaripuhetta/faktaabaarin-vaalikevt-2019> (дата обращения: 10.01.2022).

11. Пritchett, Джоанна. Меньше, чем полная колода: экономическое влияние России в Средиземноморье. [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/Pritchett%20RussiaMed_Econ_final.pdf?_xtr_sl=en&_xtr_tl=ru&_xtr_hl=ru&_xtr_pto=sc; (дата обращения: 10.01.2022).

12. Рид, В. Лоуренс Опасности пропаганды в учебниках по экономике URL: [Электронный ресурс] <https://elamerican.com/the-hazards-of-propaganda-economics-textbooks/> (дата обращения: 10.01.2022).

13. Роб ван Рой и Бике Заман, «Геймификация, поддерживающая потребности в образовании: оценка мотивационных эффектов с течением времени», Компьютеры и образование, Т. 127, 1 декабря 2018 г., С. 283–297.

14. Россия ужесточает государственный контроль за образованием // Общество. [Электронный ресурс]. URL: https://thebell-io.translate.google.com/en/russia-tightens-state-control-over-education/?_xtr_sl=en&_xtr_tl=ru&_xtr_hl=ru&_xtr_pto=op, sc (дата обращения: 10.01.2022).

References

1. Bayer, Judith, Holznapel, Bernd, ets. Disinformation and propaganda: the impact on the functioning of the rule of law and democratic processes in the EU and its Member States/April/2021 [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/653633/EXPO_STU\(2021\)653633_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/653633/EXPO_STU(2021)653633_EN.pdf) p.172 (accessed: 10.01.2022).

2. Bobkova A. And Information and Economic security of Russia: general problems // Artificial societies. 2014. Vol. 9. Issue 1-4 [Electronic resource]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207751800000029-0-1> (accessed: 10.01.2022).

3. Boring, Nicolas, Initiatives to counter fake news: France, Library of Congress, P. 77–81.

4. World Report for 2018 [Electronic resource]. https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/201801world_report_web.pdf (accessed: 10.01.2022).

5. Graupe Silja. Persuasion and Propaganda in Economic Education // FGW Studies New Economic Thinking No. 5, P. 3 URL: https://www.fgw-nrw.de/fileadmin/user_upload/FGW_Impuls-NOED-05-Graupe-EN-A2-Web.pdf (accessed: 10.01.2022).

6. Kazounde A., Lazaros V., R. Kozakis «Math games: serious games for education and training checking the news», Science education, Vol. 9, No. 2, June 2019, P. 155.

7. The Kayseri N. M., Nozhkin, A. E. Counter-propaganda: problems of methodology and methods. M.: Mysl', 1984. P. 11.

8. Kirillova, Ksenia. Soft Power and "Positive Propaganda": How Russia uses cultural and historical stereotypes to strengthen political influence. [electronic resource]. URL: https://icds-ee.translate.google.com/soft-power-and-positive-propaganda-how-russia-uses-cultural-and-historical-stereotypes-to-increase-political-influence/?_xtr_sl=en&_xtr_tl=ru&_xtr_hl=ru&_xtr_pto=op, sc Lfnf j,hfotybz (accessed: 01/21/2022).

9. Patriotic education and civic culture of youth in Russia: a sociological perspective by D. Omelchenko, S. Maksimova, G. Avdeeva // Proceedings of the 2nd Global Conference on Research in Psychology (GCPR-2014), University of Barcelona, Barcelona, Spain November 28-29, 2014, University of Barcelona, Barcelona, Spain.

10. Petra, Piitulainen-Ramsay and Mikko Salo, "Factabaari 2019 Election Campaign – Digital Media Literacy, Crowdsourcing and European Cooperation", Fact Panel, June 5, 2019. [electronic resource]. <https://faktaabaari.fi/baaripuhetta/faktaabaarin-vaalikevt-2019> (accessed: 10.01.2022).

11. Pritchett, Joanna. Less than a full deck: Russia's Economic Influence in the Mediterranean. [electronic resource]. URL: https://carnegieendowment.org/files/Pritchett%20RussiaMed_Econ_final.pdf?_xtr_sl=en&_xtr_tl=ru&_xtr_hl=ru&_xtr_pto=sc; (accessed: 10.01.2022).

12. Reid, V. Lawrence Danger of propaganda in Economics textbooks URL: [Electronic resource] <https://elamerican.com/the-hazards-of-propaganda-economics-textbooks/> (accessed: 10.01.2022).

13. Rob van Roy and bieke Zaman, «Gamification that support needs in education: assessing the motivational effects over time», Computers and education, Volume 127, December 1, 2018, P. 283–297.

14. Russia is tightening state control over education // Society. [electronic resource]. URL: https://thebell-io.translate.google.com/en/russia-tightens-state-control-over-education/?_xtr_sl=en&_xtr_tl=ru&_xtr_hl=ru&_xtr_pto=op, sc (accessed: 10.01.2022).

Информация об авторах

А. Н. Литвиненко – профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ;

Ю. А. Лозина – заместитель начальника кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Грачев – начальник кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. N. Litvinenko – Professor of the Department of Economic Security and Socio-Economic Processes of the Saint-Petersburg University of MIA of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation;

Yu. A. Lozina – Deputy Head of the Department of Civil Law and Civil Process of the Saint-Petersburg University of MIA of Russia, candidate of legal Sciences, associate Professor;

A. V. Grachev – Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit of the Saint-Petersburg University of MIA of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Экономическая безопасность. Учебник. Под ред. С. С. Маиляна, Н. Д. Эриашвили. 3-е изд., перераб. и доп. 503 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник дает комплексное представление о сущности экономической безопасности современного государства, в том числе о ее основных показателях, критериях и пороговых значениях, разработанных ведущими экономистами.

Особое внимание уделяется теоретическим и методологическим основам экономической безопасности Российской Федерации по таким основным разделам, как государственное регулирование экономики, состояние дел в реальном секторе экономики, инвестиции и инновации, социальная политика и уровень жизни, финансы и государственный долг, внешняя экономика, экономическое регулирование в области экологической безопасности и др.

Для студентов, обучающихся по специальностям экономики и управления, преподавателей экономических вузов, а также работников органов государственного и муниципального управления.

Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-286-293>

НИОН: 2015-0066-3/22-376

MOSURED: 77/27-011-2022-03-575

Анализ финансовой устойчивости домашних хозяйств в регионах России

Андрей Владимирович Минаков¹, Людмила Николаевна Иванова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² nxt200@yandex.ru

Аннотация. На современном этапе, при усилении процессов глобализации и интеграционных процессов, все чаще наблюдается возникновение кризисных явлений, которые негативным образом сказываются не только на экономике страны, но и охватывают другие сферы и всех участников отношений внутри них. В данной ситуации достаточно слабым звеном выступают небольшие предприятия, в то же время домашние хозяйства и люди несут наибольший урон от кризисных явлений. *Цель* настоящего исследования заключается в изучении финансовой устойчивости домашних хозяйств в России, такая постановка цели диктует необходимость проработки не только теоретических подходов относительно понимания категорий домохозяйства и финансовая устойчивость, но также и практических, для понимания сложившейся ситуации на современном этапе. Домашние хозяйства выступают в качестве *объекта* исследования поскольку: играют важную роль в развитии страны и выступают хрупким элементом в обеспечении этой устойчивости; в то же время, в рамках экономической устойчивости страны, а также социальной – именно домашние хозяйства представляют ее основу. В качестве *субъекта* исследования выступает финансовая устойчивость домохозяйств на современном этапе. Основные методы, используемые в статье – сравнительный метод (закрывающийся в сравнении некоторых макроэкономических показателей разных регионов), аналитический метод, метод экономико-статистического анализа (использование статистических данных) и некоторые другие. *Результаты исследования:* проведен анализ текущего состояния устойчивости домашних хозяйств в нескольких регионах, что дает понимание сложившейся ситуации и возможность проработки направлений ее обеспечения в условиях нестабильности.

Ключевые слова: домашние хозяйства, финансовая устойчивость, доходы населения, уровень жизни, потребительские расходы

Для цитирования: Минаков А. В., Иванова Л. Н. Анализ финансовой устойчивости домашних хозяйств в регионах России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 286–293. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-286-293>.

Original article

Analysis of financial stability of households in the regions of Russia

Andrey V. Minakov¹, Lyudmila N. Ivanova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² nxt200@yandex.ru

Abstract. At the present stage, with the intensification of globalization and integration processes, the emergence of crisis phenomena is increasingly observed, which negatively affect not only the country's economy, but also cover other areas and all participants in relations within them. In this situation, small enterprises are rather weak links, while households and people bear the greatest damage from crisis phenomena. The purpose of this study is to study the financial stability of households in Russia, such a goal setting dictates the need to develop not only theoretical approaches regarding understanding household categories and financial stability, but also practical ones, to understand

© Минаков А. В., Иванова Л. Н., 2022

the current situation at the present stage. Households are the object of study because: they play an important role in the development of the country and are a fragile element in ensuring this sustainability; at the same time, within the framework of the economic stability of the country, as well as social stability, it is the households that represent its basis. The subject of the study is the financial stability of households at the present stage. The main methods used in the article are the comparative method (used in comparing some macroeconomic indicators of different regions), the analytical method, the method of economic and statistical analysis (using statistical data) and some others. Results of the study: an analysis of the current state of household sustainability in several regions was carried out, which gives an understanding of the current situation and the possibility of working out ways to ensure it in conditions of instability.

Keywords: households, financial stability, household income, standard of living, consumer spending

For citation: Minakov A. V., Ivanova L. N. Analysis of financial stability of households in the regions of Russia. *Bulletin of economic security*. 2022;(3):286–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-286-293>.

Роль домашних хозяйств в развитии экономики страны значима, поскольку ими обеспечивается качественное воспроизводство рабочей силы, столь необходимое для функционирования экономики, относительно эффективности такого функционирования. Стабильность сложившейся модели социально-экономического развития, а также возможность дальнейшего роста экономики имеют зависимость от воспроизводственной функции домашних хозяйств, полноты ее осуществления. Такое понимание домашних хозяйств показывает роль данной категории в экономике намного шире (в узком смысле рассматриваются как потребители услуг и благ). Поскольку своим стремлением качественного воспроизводства, стремлением к улучшению качества жизни в целом, а также росту благосостояния, они, являясь социальной макрогруппой, учитывая ее массовость, способствуют эффективному развитию страны, росту ее экономики. Соответственно экономическая и финансовая устойчивость домашних хозяйств, которые также выступают основными источниками доходов бюджетов, является фактором прямого влияния на экономическое развитие страны. Это становится достаточно актуальным вопросом проработки в условиях проводимой внешней и внутренней политики государства, постоянной трансформации, как социальной, так и общественной, сопровождающейся кризисными явлениями.

Кратко рассмотрим понимание основных категорий исследования.

Некоторыми авторами под домашним хозяйством понимается, осуществляемое несколькими лицами или же одним лицом, хозяйство. Несколько лиц осуществляющих хозяйство имеют общий бюджет, также осуществляют совместное проживание [1, с. 66].

Другие авторы под домашним хозяйством понимают совместно принимающую решение экономического и иного характера группу людей [2, с. 38]. В своей совокупности домашние хозяйства в экономике имеют решающее значение:

– выступая потребителями услуг и благ в целом (покупая производимые предприятиями товары и услуги);

– участвуя в производственном процессе (предоставляя для предприятий производственные факторы);

– участвуя в обороте финансов (покупая финансовые и реальные активы, тем самым сохраняя часть дохода, который был создан в экономике).

Кратко рассмотрим понимание авторами категории «финансовая устойчивость». Толкование понятия «финансовая устойчивость» имеет своим направлением функциональное расширение данного понятия, либо определенную его конкретизацию. Если рассматривать направление функционального расширения толкования данного понятия, то в данной ситуации ссылаются на соблюдение удовлетворительных параметров состояния деятельности предприятия, что предполагает включение обязательных задач по эффективному формированию, размещению, и использованию финансовых ресурсов и оптимальной структуры активов [3, с. 49].

С. Я. Елецких определяет финансовую устойчивость в качестве состояния компании обеспечивающего ее стабильную финансовую деятельность, а также такие процессы как: расширение и обновление производства, непрерывный процесс производства продукции и ее реализации; постоянное превышение доходов над расходами; эффективное управление финансовыми ресурсами; свободный оборот денежных средств [4].

Если рассматривать финансовую устойчивость относительно домашних хозяйств, то некоторые авторы рассматривают ее в качестве финансовой обеспеченности, а именно уровня такой обеспеченности при котором: возможно поддержание на уровне международных стандартов домашним хозяйством уровня и качества жизни; чувствуется независимость от рисков, как социальных, так и других; есть возможность, по мере необходимости удовлетворения текущих потребностей [5, с. 64; 6, с. 24].

В то же время, существует и такая точка зрения, при которой финансовая устойчивость свойственна для тех домашних хозяйств, которые в долгосрочный (и соответственно краткосрочный) период могут обеспечить достаточную устойчивость и финансовое

равновесие, которые устойчивы к воздействию угроз внутренних и внешних, носящих негативный характер, и которые в целом достигли финансовой безопасности, при этом далее формируя пассивный доход и имея накопления [7, с. 241].

Можно отметить, что некоторыми зарубежными организациями [8; 9; 10; 11; 12] были разработаны основные модели устойчивости, с точки зрения их концептуальности, представленные несколькими этапами управления такой устойчивостью и основанных на теории изменений. К основным этапам процесса можно отнести:

- анализ наличия уязвимости, первоначального благополучия, потенциала устойчивости (и возможности и исходное состояние);
- стратегии по преодолению изменений (шоков, кризисов), учитывая изучение самих изменений;
- изучение и анализ последствий изменений и их влияния на устойчивость, потенциал устойчивости состояние – результаты изменений;
- изучение конечного результата (благополучие людей, качество жизни).

Существуют методики исследования устойчивости домашних хозяйств (анализа такой устойчивости), предложенные различными авторами. Кратко рассмотрим некоторые из них.

Некоторые авторы рассматривают три направления в рамках методики исследования финансовой устойчивости [13, с. 250]:

- чистые активы и их анализ;
- показатели финансовой устойчивости (абсолютные), определение степени устойчивости (характера финансовой ситуации);
- определение показателей финансовой устойчивости относительных.

Анализ финансовой устойчивости в целом предполагает наличие финансового учета и соответственно отчетности, если рассматривать осуществление аналитического подхода полноценного. Однако с домашними хозяйствами данный подход не работает, поскольку в них не ведется бухгалтерский учет в данной ситуации есть возможность применения косвенных методов, рассматриваемых другими авторами [14, с. 3].

Так можно говорить о доходно-расходном методе исследования финансовой устойчивости домашних хозяйств. В рамках данного метода источником доходов выступает конкретная организация или домохозяйство, учитывая условия получения, размер, а также характеризующийся основными типами расходов, которые осуществляются. Возможно деление позиций в рамках данного метода, которое будет чисто субъективным, где доходный компонент представляет собой активы (операции активные), а расходный пассивы (операции пассивные). В целом совокупность

активных и пассивных операций можно представить в качестве баланса, который будет выражать степень финансовой устойчивости домохозяйства, однако это опять же субъективно.

Другой метод имеет в своей основе финансовое управление, применяемое в домашних хозяйствах. Если рассматривать домохозяйство как субъект хозяйствования, то можно отметить, что ему также свойственно наличие финансовой структуры: инвестиции, обязательства, защита (страховка), расходы, резервы, доходы и конечно управление.

При анализе устойчивости домохозяйств авторами Г. Л. Ворониным, В. Я. Захаровым, П. М. Козыревой рассматривались следующие показатели:

- активные операции, представляющие собой активы, формирующие устойчивость домашних хозяйств (в том числе потенциал такой устойчивости), которые создаются посредством доходов и позволяют потреблять различные блага (товары и услуги);
- общий доход домашних хозяйств, который определен как критически важный;
- адаптационные возможности домашних хозяйств, которые находятся под влиянием демографической их структуры;
- потенциал устойчивости, который зависит от грамотности, образования членов домохозяйств, их навыков и знаний [15, с. 55].

Соответственно можно отметить использование финансовых показателей оценки финансовой устойчивости домашних хозяйств, в тоже время существуют и нефинансовые показатели такой оценки.

В качестве примера нефинансовой оценки предлагается два подхода. Первый – гипотеза, выдвинутая Х. М. Мински. Эта концепция может быть применена и в отношении домашнего хозяйства, так как стабильным домашнее хозяйство является, пока стабильны его доходы. Большой объем обязательств повышает уровень хрупкости (или нестабильности) домашнего хозяйства. Развитие этого тезиса требует отдельных исследований [16, с. 208]. Второй это исследование относительно «финансовой хрупкости» – концепция Нортон-Каплана, в которой учитываются сбалансированные показатели, с учетом трех проекций:

- состав членов домохозяйства и тип субъекта;
- местоположение домохозяйства и его активы;
- движение денежных средств домохозяйства [17, с. 25].

Относительно второго подхода судить о финансовой устойчивости домашнего хозяйства необходимо на основе анализа статей его расходов.

Исследование подходов к анализу финансовой устойчивости домашних хозяйств отличается глубиной проведения таких исследований и сложностью.

Исходя из проведенного исследования понимания финансовой устойчивости домохозяйств, исследова-

ния подходов к анализу их финансовой устойчивости можно предложить использование более простого способа оценки на основании следующих индикаторов финансовой устойчивости домашних хозяйств, в основу которых положены официальные статистические данные:

- структура денежных доходов населения;
- структура расходов (использования денежных средств) населения;
- располагаемые ресурсы домашних хозяйств в зависимости от места проживания (на одного члена в среднем, рублей в месяц);
- структура потребительских расходов домашних хозяйств;
- состав потребительских расходов домашних хозяйств;
- доходы и расходы домохозяйств в зависимости от размера среднечеловеческих располагаемых ресурсов в среднем на 100 лиц в месяц, рублей.

Рассмотрим предложенные показатели в сравнении по регионам. Для анализа взяты три региона на основании рейтинга регионов РФ по качеству жизни [18]:

- регион, входящий в 10 лидеров – Москва;
- регион, имеющий средний показатель в данном рейтинге – Челябинская область;
- регион, который находится в десятке аутсайдеров по данному рейтингу – Архангельская область.

Рассмотрим структуру формирования доходов домашних (см. табл. 1).

Основная доля доходов домашних хозяйств приходится на оплату труда и социальные выплаты в 2020 году наблюдается снижение по основной группе доходов по всем выбранным регионам и увеличивается доля доходов, которые формируются за счет социальных выплат, что является характерным признаком снижения устойчивости домашних хозяйств учитывая снижение прочих источников денежных поступлений.

Рассмотрим располагаемые ресурсы домашних хозяйств в зависимости от места проживания (на одного члена в среднем, рублей в месяц) (см. табл. 2). Из представленных данных можно сделать выводы, что существует значительная дифференциация ресурсов в зависимости от региона (значительный рост ресурсов наблюдается в Архангельской области, в которой проводится активная социальная политика, направленная на улучшения благосостояния населения, с целью сокращения оттока населения.

В тоже время Москва показывает более негативную тенденцию. Но в целом можно отметить одинаковую тенденцию относительно места проживания. Домохозяйства, расположенные в городской местности, имеют большее количество ресурсов и соответственно обладают большей устойчивостью относительно домохозяйств сельской местности.

Структура расходования средств в рамках домашних хозяйств представлено в таблице 3.

Если рассматривать структуру расходования средств, то картина неоднозначна. Основная доля

Таблица 1

Структура денежных доходов домашних хозяйств по регионам, % [19]

Регионы	Доходы от собственности	Прочие денежные поступления	Доходы от предпринимательской деятельности	Оплата труда	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Прочие денежные поступления
2018 год							
Москва	4,5	-	-	67,9	12,7	9,5	5,4
Челябинская область	4	-	-	62,0	24,8	3,8	5,4
Архангельская область	6,6	-	-	62,6	26,0	3,0	1,8
2019 год							
Москва	9,5	5,4	4,2	67,9	11,1	10,2	6,6
Челябинская область	3,8	5,4	4,0	62,8	25,3	4,2	3,7
Архангельская область	3,0	1,8	6,4	63,2	26,3	3,1	1,0
2020 год							
Москва	3,9	-	-	67,7	12,4	12,3	3,7
Челябинская область	3,4	-	-	59,7	28,7	6,0	2,2
Архангельская область	5,1	-	-	62,6	28,7	2,9	0,7

Таблица 2

**Располагаемые ресурсы домашних хозяйств в зависимости от места проживания
(на одного члена в среднем, рублей в месяц)**

Регионы	Все домохозяйства	домохозяйства, проживающие	
		в городской местности	в сельской местности
2018 год			
Москва	45740,4	45740,4	-
Челябинская область	24207,0	24902,8	20881,3
Архангельская область	27994,9	28438,6	26421,3
2019 год			
Москва	57075,8	57075,8	-
Челябинская область	25532,9	26856,4	19199,3
Архангельская область	33584,0	35188,0	27789,9
2020 год			
Москва	45124,0	45124,0	-
Челябинская область	27180,5	27796,7	24238,1
Архангельская область	43382,3	46473,7	32028,6

Таблица 3

Структура расходов (использования денежных средств) домашних хозяйств, % [19]

Регионы	Покупка товаров и оплата услуг	Обязательные платежи и разнообразные взносы	Приобретение недвижимости	Прирост финансовых активов	Из него прирост (уменьшение) денег у населения
2018 год					
Москва	79,5	21,7	4,7	-5,9	-9,5
Челябинская область	74,8	16,1	2,4	6,7	8,7
Архангельская область	81,8	13,7	0,5	4,0	5,7
2019 год					
Москва	77,4	21,1	4,5	-3,0	-11,4
Челябинская область	76,7	16,4	2,3	4,6	5,1
Архангельская область	81,8	14,5	0,5	3,2	4,4
2020 год					
Москва	66,9	21,1	5,1	6,9	-3,4
Челябинская область	76,8	16,1	2,6	4,5	5,1
Архангельская область	78,7	14,0	0,7	6,6	7,5

расходования приходится на покупку товаров и оплату услуг, однако в 2020 году происходит ее снижение за счет прироста финансовых активов населения (в основном это сбережения). Однако, рост нормы сбережений скорее является не более, чем следствие отложенных расходов в связи с приостановкой экономической активности. И тенденция по регионам практически идентичная. Что также характеризует некоторую финансовую неустойчивость домашних хозяйств и некоторое перераспределение ресурсов.

На рисунке 1 представлен состав потребительских расходов домашних хозяйств.

У половины российских домашних хозяйств на покупку продовольствия уходит более 40% по-

требительских расходов, а у 90 % домашних хозяйств – более 25 % расходов. Такая ситуация – индикатор общего низкого уровня доходов в российской экономике.

На рисунке 2 представлены доходы и расходы домохозяйств в зависимости от размера среднедушевых располагаемых ресурсов в среднем на 100 лиц в месяц, рублей

Если рассматривать ситуацию в целом по стране, то можно отметить снижение финансовой устойчивости домашних хозяйств, что обусловлено ростом расходов и менее интенсивным ростом доходов, что обуславливает снижение в целом финансовых активов, то есть возможности накоплений.

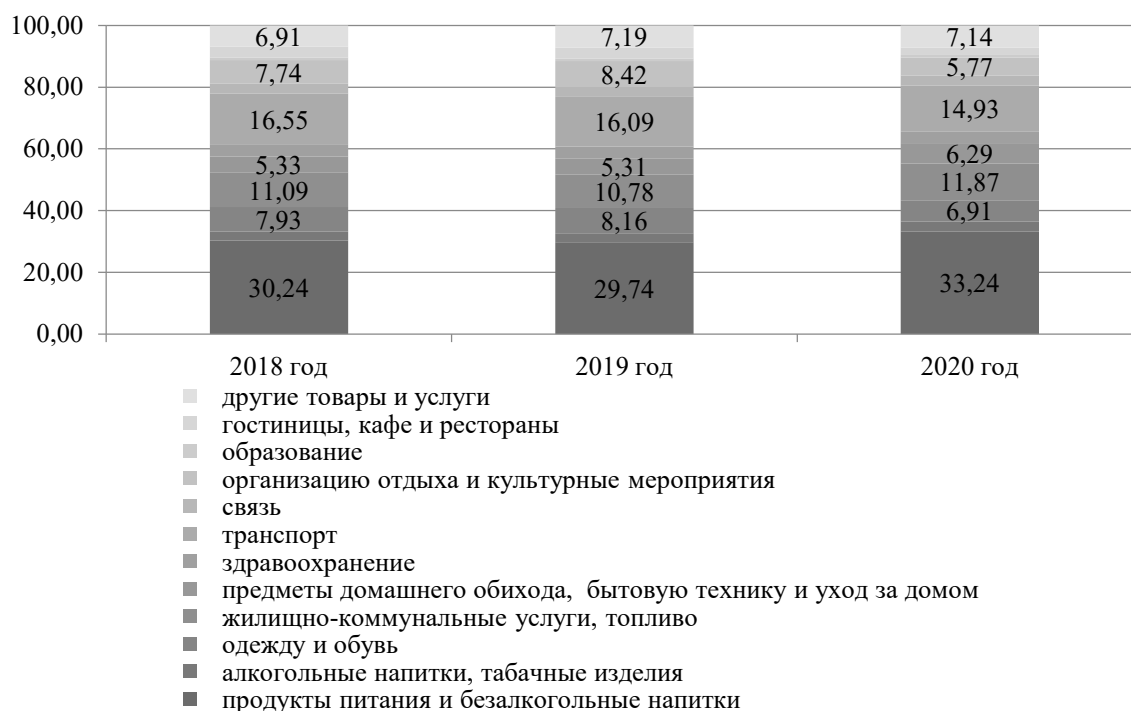

Рис. 1. Состав потребительских расходов домашних хозяйств в среднем по России, % [19]

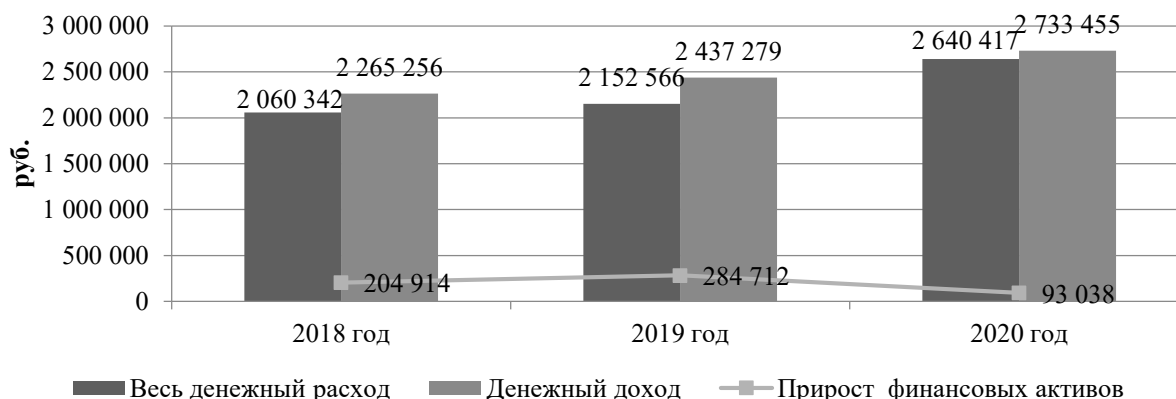

Рис. 2. Доходы и расходы домохозяйств в зависимости от размера среднедушевых располагаемых ресурсов в среднем на 100 лиц в месяц, руб. [19]

Выводы

Обобщая полученные результаты, можно сделать определенные выводы. Рассматривая вопрос финансовой устойчивости домашних хозяйств в рамках регионов, можно обозначить высокий уровень дифференциации доходов домохозяйств, что обусловлено проводимой социальной политикой каждого региона. На примере Архангельской области, которая находится в аутсайдерах по рейтингу качества жизни среди регионов России, имеет высокие показатели доходов домашних хозяйств, что является последствием активной социальной политики региона, можно сказать, направленной на повышение финансовой устойчивости населения. Обратные показатели имеет Москва, где устойчивость домохозяйств снижается. Если рассматривать ситуацию по России в целом, то можно отметить ухудшение финансовой

устойчивости домашних хозяйств, что обусловлено незначительным ростом доходов относительно расходов. Такая ситуация подтверждается ростом числа малоимущих домашних хозяйств исходя из данных статистики.

Список источников

1. Болотнова Е. А. Анализ финансов домашних хозяйств / Е. А. Болотнова, К. И. Авдеева, Л. Х. Кецбая // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 32 (6). С. 66–69.
2. Григорьев Д. Н. Современное состояние и тенденции развития бюджетного устройства РФ / Д. Н. Григорьев, А. А. Храмченко, Е. А. Болотнова // В сборнике : Актуальные проблемы бюджетного устройства Российской Федерации. Сборник статей международной научно-практической конференции

студентов, аспирантов и преподавателей факультета финансов и кредита Кубанского государственного аграрного университета / Составители А. А. Храмченко, Е. А. Болотнова. 2019. С. 38–46.

3. Голеско И. О. Экономическая сущность финансовой устойчивости предприятия // Экономика транспортного комплекса. 2017. № 30. С. 49–57.

4. Елицких С. Я. Анализ теоретических подходов к трактовке сущности понятия «финансовая устойчивость предприятия» // Донбасская государственная строительная академия. 2018. URL: http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/2852/st_44_25.pdf.

5. Лученок А. И., Говака В. Исследование сущности и функций экономической устойчивости домашних хозяйств // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2018. Т. 8. № 3. С. 64–71.

6. Земцрв А. А., Осипова Т. Ю. Финансовая устойчивость домашних хозяйств: основные подходы // Проблемы учета и финансов. 2015. № 4 (20). С. 24–29

7. Томина Н. М. О категориях финансовой безопасности и финансовой состоятельности домашних хозяйств // Глобализация науки и техники в условиях кризиса. Материалы XXIX Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х ч. Ростов н/Д : Южный университет (ИУБиП), Издательство ВВМ, 2021. С. 241–246.

8. Frankenberger T., Mueller M., Spangler T., Alexander S. Community Resilience: Conceptual Framework and Measurement Feed the Future Learning Agenda. Rockville, MD : Westat, 2013. 49 p.

9. Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. New York : United Nations Development Programme, 2014. 239 p.

10. Constanas M., Frankenberger T., Hoddinott J., Mock N., Romano D., Béné C., Maxwell D. A Common Analytical Model for Resilience Measurement: Causal Framework and Methodological Options, Food Security Information Network (FSIN). Technical Series No. 2. Rome : World Food Programme, 2014. 46 p.

11. Sturgess P. Measuring Resilience. Evidence on Demand, UK: DFID. 2016. 51 p.

12. RIMA – II. Resilience Index Measurement and Analysis – II. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Rome, 2016. 80 p.

13. Черепанова Е. О. Анализ финансовой устойчивости домашних хозяйств / Е. О. Черепанова, А. Ю. Синякина, В. В. Шипунова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития:

материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 дек. 2016 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол. : О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 250–253.

14. Земцов А. А. Особенности доходно-расходных позиций в домохозяйстве на макроуровне реальной экономики // Проблемы учета и финансов. 2014. № 2. С. 3–11.

15. Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994–2017 гг. // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 55–86.

16. Федорова А. А. Гипотеза Финансовой хрупкости Х. Мински и механизм российского экономического кризиса // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». 2017. № 1. С. 208–216.

17. Тимонина А. Е., Клеванец В. С. Финансовая устойчивость домохозяйств как фактор экономического развития // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 5. С. 25–32.

18. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2020 [Электронный ресурс] // ООО «Рейтинговое агентство РИА Рейтинг». 2020. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2020.pdf.

19. Федеральная служба государственной статистики. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

References

1. Bolotnova E. A., Avdeeva K. I., Ketsbaya L. Kh. Analysis of household finance // Natural-humanitarian research. 2020. No. 32(6). P. 66–69.

2. Grigoriev D. N., Khrumchenko A. A., Grigoriev D. N., Bolotnova E. A. The current state and development trends of the budget structure of the Russian Federation // In the collection: Actual problems of the budgetary structure of the Russian Federation. Collection of articles of the international scientific-practical conference of students, graduate students and teachers of the Faculty of Finance and Credit of the Kuban State Agrarian University / Compiled by A. A. Khrumchenko, E. A. Bolotnova. 2019. P. 38–46.

3. Golesko I. O. Economic essence of the financial stability of the enterprise // Economics of the transport complex. 2017. No. 30. P. 49–57.

4. Yelitskikh, S.Ya. Analysis of theoretical approaches to the interpretation of the essence of the concept of «financial stability of the enterprise» // Donbass State Construction Academy. 2018. URL: http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/2852/st_44_25.pdf.

5. Luchenok A. I., Govaka V. Study of the essence and functions of the economic sustainability of households // Bulletin of the Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 5. Economy. Sociology. Biology. 2018. Volume 8, No. 3, P. 64–71.

6. Zemtsrv A. A., Osipova T. Yu. Financial sustainability of households: basic approaches // Problems of accounting and finance. 2015. No. 4 (20). P. 24–29
7. Tomina N. M. On the categories of financial security and financial viability of households // Globalization of science and technology in a crisis. Proceedings of the XXIX All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), VVM Publishing House, 2021. P. 241–246.
8. Frankenberger T., Mueller M., Spangler T., Alexander S. Community Resilience: Conceptual Framework and Measurement Feed the Future Learning Agenda. Rockville, MD : Westat, 2013. 49 p.
9. Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. New York : United Nations Development Program, 2014. 239 p.
10. Constas M., Frankenberger T., Hoddinott J., Mock N., Romano D., Béné C., Maxwell D. A Common Analytical Model for Resilience Measurement : Causal Framework and Methodological Options, Food Security Information Network (FSIN). Technical Series No. 2. Rome : World Food Program, 2014. 46 p.
11. Sturges P. Measuring Resilience. Evidence on Demand, UK : DFID. 2016. 51 p.
12. RIMA-II. Resilience Index Measurement and Analysis – II. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Rome, 2016. 80 p. // FAO 2016. URL: <http://www.fao.org/3/a-i5665e.pdf> DOI: 10.1787/9789264244047-23-en.
13. Cherepanova E. O. Analysis of the financial sustainability of households / E. O. Cherepanova, A. Yu. Sinyakina, V. V. Shipunova // Science, education, society: trends and development prospects: materials of the III Intern. scientific-practical. conf. (Cheboksary, December 11, 2016). In 2 vols. T. 2 / editorial board: O. N. Shirokov [and others] Cheboksary : CNS Interactive Plus, 2016. P. 250–253.
14. Zemtsov A. A. Features of income-expenditure positions in the household at the macro level of the real economy // Problems of Accounting and Finance. 2014. No. 2. P. 3–11.
15. Voronin G. L., Zakharov V. Ya., Kozyreva P. M. Measuring Household Resilience : 1994–2017 // Sociological journal. 2020. Volume 26. No 1. P. 55–86.
16. Fedorova A. A. Hypothesis of H. Minsky's Financial Fragility and the Mechanism of the Russian Economic Crisis // Bulletin of TVGU. Series «Economics and Management». 2017. No. 1. P. 208–216.
17. Timonina A. E., Klevanets V. S. Financial sustainability of households as a factor in economic development // Scientific notes of young researchers. 2017. No. 5. P. 25–32.
18. Rating of regions of the Russian Federation in terms of quality of life - 2020 [Electronic resource] // RIA Rating Agency LLC. 2020. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2020.pdf.
19. Federal State Statistics Service. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

Информация об авторах

А. В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Л. Н. Иванова – начальник кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

L. N. Ivanova – Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 336.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-294-297>

НИОН: 2015-0066-3/22-377

MOSURED: 77/27-011-2022-03-576

Подходы к классификации межбюджетных трансфертов в мировой практике

Юлия Габдрашитовна Тюрина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

u_turina@mail.ru

Аннотация. В настоящее время межбюджетные трансферты, выполняющие роль инструментов межбюджетного регулирования, являются одним из основных механизмов поддержки региональных и местных бюджетов, в частности, в условиях нестабильной экономической ситуации. В мировой практике активно развивается такая форма оказания финансовой поддержки, как предоставление межрегиональных и межмуниципальных трансфертов, способствующих экономической кооперации между различными публично-правовыми образованиями. В статье поставлена задача оценить зарубежный опыт межбюджетных трансфертов, выявить общий тренд, отличительные черты, а также в качестве примеров изучить опыт США и Канады, сделать выводы.

Ключевые слова: межбюджетные трансферты, гранты, целевые трансферты, блочные трансферты, бюджетная обеспеченность

Для цитирования: Тюрина Ю. Г. Подходы к классификации межбюджетных трансфертов в мировой практике // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 294–297. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-294-297>.

Original article

Approaches to the classification of inter-budget transfers in world practice

Yuliya G. Tyurina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

u_turina@mail.ru

Abstract. Currently, inter-budget transfers, acting as instruments of inter-budget regulation, are one of the main mechanisms for supporting regional and local budgets, in particular, in an unstable economic situation. In the world practice, such a form of financial support as the provision of interregional and intermunicipal transfers that promote economic cooperation between various public legal entities is actively developing. The article aims to assess the foreign experience of inter-budget transfers, identify the general trend, distinctive features, as well as consider the experience of the USA and Canada as examples, and draw conclusions.

Keywords: inter-budget transfers, grants, targeted transfers, block transfers, budget security

For citation: Tyurina Yu. G. Approaches to the classification of inter-budget transfers in world practice. Bulletin of economic security. 2022;(3):294–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-294-297>.

Основная цель предоставления межбюджетных трансфертов заключается в обеспечении соответствия доходной и расходной частей субнациональных и местных органов власти, стимулировании деятельности по достижению общегосударственных, региональных и местных целей развития территорий, а также в реализации справедливого финансового рас-

пределения и предоставления общественных благ. В общем представлении под межбюджетными трансфертами понимают совокупность финансовых ресурсов, передаваемых из бюджета одного публично-правового образования в бюджет другого [1].

По мнению ряда авторов, основой для разделения межбюджетных трансфертов на группы является уро-

© Тюрина Ю. Г., 2022

вень независимости субнациональных органов власти, что определяет свободу пользования предоставленными средствами [2]. В зависимости от степени автономии органов власти межбюджетные трансферты могут быть разделены на целевые и нецелевые. Целевые трансферты предназначены для выполнения определенной, заранее установленной задачи, и объединяют две группы передаваемых финансовых ресурсов, в то время как применение нецелевых трансфертов направлено на выравнивание бюджетной сбалансированности.

В зарубежных исследованиях межбюджетные трансферты подразделяются на гранты, предполагающие предоставление финансовых ресурсов получателю трансферта заранее на осуществление его публичных полномочий, и платежи, выделяемые для покрытия уже совершенных расходов получателя трансферта, осуществляющего переданные ему полномочия на основании определенного соглашения [3; 4]. В рамках данного подхода в классификации межбюджетных трансфертов допускается проведение частичной аналогии с российскими субсидиями и субвенциями.

Классификация в рамках ОЭСР тождественна типологии, подготовленной Советом Европы, и базируется на наиболее важных критериях, участвующих при формировании трансферта. Целевые трансферты предоставляются при условии расходования полученных средств на реализацию заранее сформулированной цели, нецелевые же могут быть использованы аналогично собственным налоговым поступлениям субнационального органа власти [5].

В типологии Всемирного банка межправительственные трансферты разделены на две категории: безусловные трансферты, имеющие общее назначение, и условные или целевые трансферты, характеризующиеся специальной направленностью [6]. Первая категория трансфертов является инструментом общей бюджетной поддержки, оказываемой без конкретных условий, но чаще всего на законодательной основе, но иногда допускается также дискреционный характер данных трансфертов. Вторая группа трансфертов (условные трансферты) нацелена на стимулирование органов власти в сфере осуществления программных или проектных мероприятий. Условные гранты могут обладать обязательным или дискреционным характером, но при всем этом они предполагают финансирование на основе затратного подхода.

Таким образом, на основе рассмотренных подходов к типологизации форм межбюджетных трансфертов можно сделать вывод о существовании специфики каждого подхода, проявляющейся, например, в неоднозначном положении блочных грантов в различных классификациях: в типологии Всемирного банка

они занимают промежуточное положение между условными (целевыми) и безусловными (нецелевыми) трансфертами, Searle B. и Martinez-Vazquez J. относят их к целевым трансфертам, а приверженцы подхода ОЭСР рассматривают их в качестве нецелевых трансфертов.

Тем не менее в целом наблюдается общая тенденция среди российских и зарубежных ученых к выделению преимущественно целевых и нецелевых трансфертов. Также большое внимание авторами рассмотренных подходов уделено разграничению форм межбюджетных трансфертов на основе доли и характера софинансирования производимых нижестоящим органом власти расходов.

Опыт США в организации межбюджетных отношений является интересным в рамках рассмотрения практики предоставления межбюджетных трансфертов в федеративном государстве. Системе межбюджетных отношений в США свойственен высокий уровень фискальной независимости субнациональных органов власти вследствие реализации политики «один бюджет – один налог» и отсутствия закрепления регулирующих доходов.

Законодательством США не установлено общих схем вертикальных трансфертов, в связи с чем различные федеральные ведомства, например, Счетная Палата и Административно-бюджетное управление, по-разному трактуют федеральные программы безвозмездной помощи нижестоящим бюджетам. Система финансовой поддержки штатов и местных бюджетов [7] состоит из следующих категорий межбюджетных трансфертов: категориальные гранты (для финансирования конкретной программы по реализации определенных проектов); блочные гранты (для финансирования определенных отраслей); общее распределение доходов в рамках разрешенных федеральным законодательством. Целевая направленность процесса консолидации трансфертов в блочные гранты заключается в увеличении вариативности использования средств штатами и муниципалитетами. Исходя из этого, среди преимуществ данного вида трансферта выделяют увеличение ответственности и прозрачности деятельности получателей бюджетных средств.

Согласно мнению экспертов ACIR консолидация межбюджетных трансфертов должна происходить в сферах, в рамках которых реализуется большое число государственных программ (основные – здравоохранение, образование, социальное обеспечение), с чем соотносится и реальная практика применения блочных грантов в США. Большая часть трансфертов рассчитывается по формулам, основанным на социально-экономических показателях государства, например, учитываются такие факторы, как население штата, уровень доходов и уровень бедности.

США преимущественно используют целевое финансирование программ и проектов для развития и поддержки штатов и муниципалитетов, а не применяют трансферты в качестве инструментов бюджетного выравнивания. Также штаты получают финансовую поддержку в виде бюджетных инвестиций, что несколько снижает роль межбюджетного финансирования в процессе установления бюджетной обеспеченности, стимулируется экономическое развитие регионов, что повышает их финансовую устойчивость и фискальную автономию.

Система межбюджетных отношений Канады имеет определенную специфику, несмотря на общий тип государственного устройства с США. Конституцией Канады закреплена программа выравнивания бюджетной обеспеченности, основанная на предоставлении трансфертов провинциям в целях ликвидации диспропорций. Выравнивающие трансферты формируются Правительством за счет налоговых поступлений в федеральный бюджет, при этом со стороны региональных бюджетов не требуется соблюдение условий софинансирования программы выравнивания в отличие от США. Трансферты по своей сути являются безусловными – это означает, что получатели финансовых ресурсов могут свободно распоряжаться этими средствами. Решение о предоставлении выравнивающих трансфертов принимается на основе значений бюджетной обеспеченности.

Так, по программе выравнивания средства получают не все регионы, однако все провинции получают финансовую поддержку, реализующуюся за счет передачи следующих блочных трансфертов [8]: (Канадский трансферт здравоохранения (Canada Health Transfer или СНТ); Канадский социальный трансферт (Canada Social Transfer или CST). Опыт применения блочных трансфертов в Канаде является ведущим в мировой практике: существенным достижением, как отмечают эксперты, стал процесс консолидации капитальных трансфертов. Примером этого вида трансферта в Канаде является Gas Tax Fund, выделяемый для финансирования муниципальных инфраструктурных программ и реализуемый преимущественно с применением отраслевого принципа (для некоторых провинций на основе территориального).

Таким образом, канадская бюджетная система обладает специфическими чертами предоставления межбюджетных трансфертов, отличными от практики США. В последние годы структура межбюджетных трансфертов Канады была значительно модернизирована, совершен переход от практики софинансирования в сторону предоставления трансфертов на основе подушевого принципа.

В ходе изучения зарубежной практики использования различных форм межбюджетных трансфер-

тов, были выявлены некоторые преимущества опыта США и Канады, которые возможно использовать в целях оптимизации межбюджетных отношений в России.

Так, использование категориальных и блочных трансфертов в США стимулирует региональное и местное экономическое развитие. Основными достоинствами данной системы предоставления межбюджетных трансфертов являются обеспечение сотрудничества между различными уровнями власти, повышение прозрачности деятельности субъектов бюджетных отношений и финансовой независимости субнациональных правительств. В свою очередь изучение опыта Канады показало, что использование блочных трансфертов должно осуществляться с ориентированием на результат, а старые формы трансфертов должны быть трансформированы в новые, отвечающие новым вызовам и нацеленные на совершенствование системы межбюджетных отношений.

Таким образом, для улучшения практики применения межбюджетных трансфертов в российской системе межбюджетных отношений можно предложить использование преимуществ блочных трансфертов Канады и США, предполагающих более гибкое и эффективное использование бюджетных средств нижестоящими уровнями власти. Консолидация целевых трансфертов главным образом должна способствовать усовершенствованию процесса предоставления государственных и муниципальных услуг и повышению прозрачности системы предоставления межбюджетных трансфертов.

Список источников / References

1. Голованова Н. В. Межбюджетные трансферты : многообразие терминов и российская практика // Финансовый журнал. 2018. № 2. (1. Golovanova N. V. Inter-budgetary transfers: a variety of terms and Russian practice // Financial Journal. 2018. № 2.)
2. Назаров В. С. Международный опыт эволюции методик распределения выравнивающих трансфертов. РАНХиГС. 2013. (2. Nazarov V. S. International experience in the evolution of methods for the distribution of equalizing transfers. RANEPА. 2013.)
3. Searle B., Martinez-Vazquez J. The Nature and Functions of Tied Grants Chapter 13 / In Fiscal Equalization: Challenges in the Design of Intergovernmental Transfers. Ed. by J. Martinez-Vazquez, B. Searle. Boston, MA: Springer, 2007.
4. Martinez-Vazquez J. and Cristian Sepulveda, Intergovernmental transfers: a policy perspective, in G. Brosio and J.P. Jimenez (eds.) Decentralization and Reform in Latin America : Improving Intergovernmental relations. Chetelham : Edward Elgar, 2012.

5. Bergvall D., Charbit C., Kraan Dirk-Jan, Merk O. Intergovernmental Transfers and Decentralised Public Spending. OECD Working Papers on Fiscal Federalism, 2006.

6. Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice, Public Sector Governance and Accountability Series, The World Bank, Washington D.C., 2007, P. 75–106.

7. Congressional Research Service. Federal Grants to State and Local Governments :

A Historical Perspective on Contemporary Issues. 2019.

8. Официальный сайт Министерства финансов Канады. Government of Canada. Equalization Program. Режим доступа <https://www.canada.ca/en/department-finance/programs/federal-transfers/equalization.html>.

(8. Официальный сайт Министерства финансов Канады. Правительство Канады. Программа выравнивания. Режим доступа <https://www.canada.ca/en/department-finance/programs/federal-transfers/equalization.html>.)

Информация об авторе

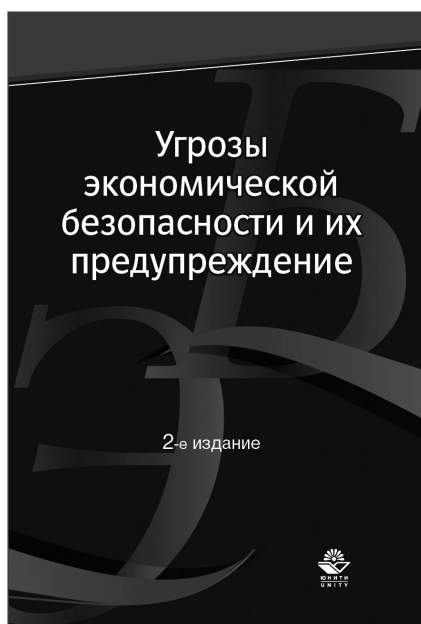
Ю. Г. Тюрина – профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

Yu. G. Tyurina – Professor of the Department of Public Finance of the Finance Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 336.748

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-298-301>

НИОН: 2015-0066-3/22-378

MOSURED: 77/27-011-2022-03-577

Инфляция доллара США и взгляд на нее с монетаристской точки зрения

Ян Маратович Царахов

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова,
Владикавказ, Россия, yantsarakhov@gmail.com

Аннотация. Инфляция уже многие годы является ключевой проблемой экономики разных стран. В последнее время в популярных СМИ все чаще появляется информация о надвигающейся на Соединенные Штаты Америки инфляции. Данное исследование посвящено нынешней инфляции доллара США. В статье представлена оценка инфляционных прогнозов с точки зрения монетаристской теории.

Ключевые слова: инфляция, доллар, Америка, кризис, экономика, монетаризм

Для цитирования: Царахов Я. М. Инфляция доллара США и взгляд на нее с монетаристской точки зрения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 298–301. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-298-301>.

Original article

Inflation of the US dollar and looking at it from a monetarist point of view

Yan M. Tsarakhov

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia, yantsarakhov@gmail.com

Abstract. Inflation has been a key problem in the economies of different countries for many years. Recently, information about the impending inflation in the United States of America has been increasingly appearing in the popular media. This study focuses on current US dollar inflation. The article presents an assessment of inflation forecasts from the point of view of monetarist theory.

Keywords: inflation, dollar, America, crisis, economy, monetarism

For citation: Tsarakhov Ya. M. Inflation of the US dollar and looking at it from a monetarist point of view. Bulletin of economic security. 2022;(3):298–301. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-298-301>.

Многие экономисты верят, что кризис, вызванный коронавирусной инфекцией, настолько сильно пошатнул экономику США, что непременно вызовет инфляцию высоких масштабов, а кто-то утверждает, что США грозит гиперинфляция.

Целью данной работы было оценить нынешние прогнозы по инфляции доллара с точки зрения монетаризма.

Инфляция – это устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги в экономике [1]. Несмотря на плохую репутацию этого термина, инфляция вполне может являться положительным явлением в экономике. Многие экономисты рассматривают умеренную инфляцию (повышение цен до 10 % в год)

как элемент нормального функционирования экономики, стимулирующий развитие и модернизацию производства.

Однако всегда существует опасность выхода умеренной инфляции из-под контроля государства, вследствие чего она может обрести куда более губительные последствия для экономики. Так, гиперинфляция (повышение цен от 50 до нескольких тысяч процентов в год) может полностью парализовать хозяйственный механизм, вызвать возврат к бартерному обмену и полный развал финансового механизма.

Соединенные Штаты Америки – крупнейшая экономика мира по номинальному ВВП (\$22,785 триллионов прогноз на конец 2021) и националь-

ному богатству (\$22,675 триллионов прогноз на конец 2021) [12]. Экономика США самая технологичная и инновационная в мире, ее частные фирмы одни из наиболее технологически продвинутых в мире [8].

Милтон Фридман утверждал, что «Инфляция всегда и везде является денежным феноменом» [5]. Для определения причин инфляции монетаристы пользуются так называемым «уравнением обмена» [7]:

$$MV = PQ$$

где: M – количество денег, V – скорость оборота денежной массы, P – уровень цен, Q – объем выпуска в экономике или уровень реального ВВП. Переписав его в виде:

$$P = MV / Q$$

можно увидеть, что повышение уровня цен может быть вызвано несколькими факторами, такими как: увеличение денежной массы, увеличение скорости оборота денежной массы, снижение реального ВВП или их комбинациями.

Для оценки возможности инфляции в США необходимо провести анализ отталкиваясь от уравнения обмена. В 2020 году ВВП США упал на 2,4 % по сравнению с 2019 годом и составил 20,936 триллионов долларов по сравнению с 21,433 триллионами годом ранее [9]. Если посмотреть статистику по произведенной готовой продукции, то увидим похожую картину: производство в феврале 2020 года было на уровне 101,4 и упало на 23,1 % (до уровня 77,98) в апреле [2].

Падение производства часто приводит к инфляции. Один из наиболее известных примеров такого – это Веймарская Республика после Первой Мировой Войны. Главное различие США с подобными случаями в том, что если производственный сектор страны

оккупирован или уничтожен во время войны, то производство не сможет быстро вернуться на прежние уровни. С другой стороны, во время пандемии производство тоже несет потери, но производственные мощности не затронуты. Обратившись к статистике по производству увидим, что хоть оно и упало на 23,1 % в начале пандемии, но уже в августе 2020 года вернулось на уровень 98,9 (на 2,5 % ниже уровня до пандемии), а в январе 2001 уже превысило докризисные значения и с тех пор не падало значительно ниже (рис. 1) [2].

Вторая составляющая формулы – скорость оборота денег. Дело в том, что во время карантина людям было просто некуда тратить деньги кроме как на продукты первой необходимости и уровень личных сбережений значительно вырос (с 7,8% в январе 2020 года до 33,8% в апреле 2020 года) и до сих пор остается на уровне выше чем до пандемии (9,4% в июле 2021 года) [6].

Когда в экономике люди склонны сберегать деньги скорость денежного оборота падает, что подтверждают данные ФРС. Согласно статистике, скорость оборота денежной массы (отношение квартального ВВП к квартальному среднему значению денежного агрегата M2) упала с 1.374 до 1.1 или же на 20% с первого по второй квартал 2020 года, и с тех пор не имела значительного роста (рис. 2) [10].

Последнее составляющее уравнения обмена – объем денежной массы. Объем денежной массы M1 вырос значительно по сравнению с уровнями до пандемии с 3,9 триллионов долларов в январе 2020 до более 16 триллионов (рост на 310,3 %) уже в мае 2020, и по сей день остается на высоком уровне в 19,4 триллионов в июле 2021 года [3].

Но чтобы понять столь резкое увеличение M1 пришлось обратиться к архивам ФРС. Оказывается,

Рис. 1. Уровень производства в США за период с 01.01.2020 по 01.07.2021

Скорость оборота денежной массы

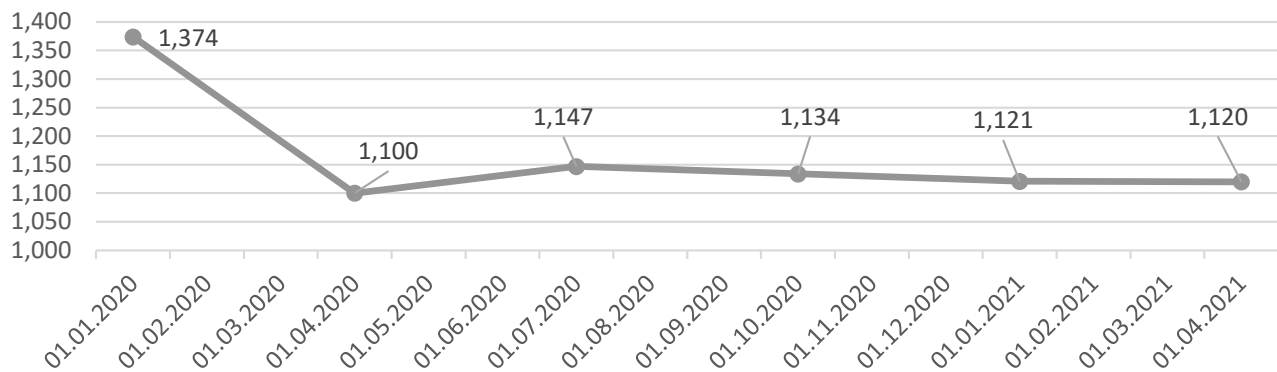

Рис. 2. Скорость оборота денежной массы за период с 1 квартала 2020 по 2 квартал 2021 года

такой резкий скачок вызван в основном из-за изменений в «Положении D» (Regulation D), которое до 24 апреля 2020 года устанавливало лимит на транзакции или списания, разрешенные на сберегательных депозитных счетах, входящих в M1. После отмены этого ограничения ФРС зафиксировал резкий отток денежной массы из компонентов агрегата M2 (не входящих в M1) в агрегат M1 [11].

И правда, проанализировав график M2 можно также заметить рост, но далеко не такой сильный. Так, за период с января по май 2020 года агрегат M2 увеличился лишь на 16,1 % (напомню, что агрегат M1 увеличился на 310,3 %) (рис. 3) [4]. Получается, что хоть объем денежной массы и вырос, но далеко не так критично, как могло показаться.

Подводя итог по составляющим уравнения обмена можно сказать что:

1) объем производства хоть и упал в начале пандемии, но практически сразу вернулся на уровни близкие к таковым до нее;

2) скорость денежного оборота уменьшилась и до сих пор держится на уровнях ниже чем до пандемии;

3) объем денежной массы хоть и вырос, но далеко не так значительно, как могло показаться на первый взгляд.

Проанализировав все вышесказанное можно сделать вывод, что, хоть США, как и большинство других стран после кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, вероятно испытает инфляцию выше желаемых уровней, они вряд ли столкнутся с инфляцией невиданных и неподконтрольных для столь мощной экономики масштабов

Список источников / References

1. Что такое инфляция: [Электронный ресурс] // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/dkp/about_inflation/ (дата обращения: 19.09.2021). (1. What is inflation: [Electronic resource] // Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/dkp/about_inflation/ (accessed: 19.09.2022).)

2. Industrial Production: Final Products: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/IPB50002N> (дата обращения: 26.09.2021).

Объем денежной массы M2

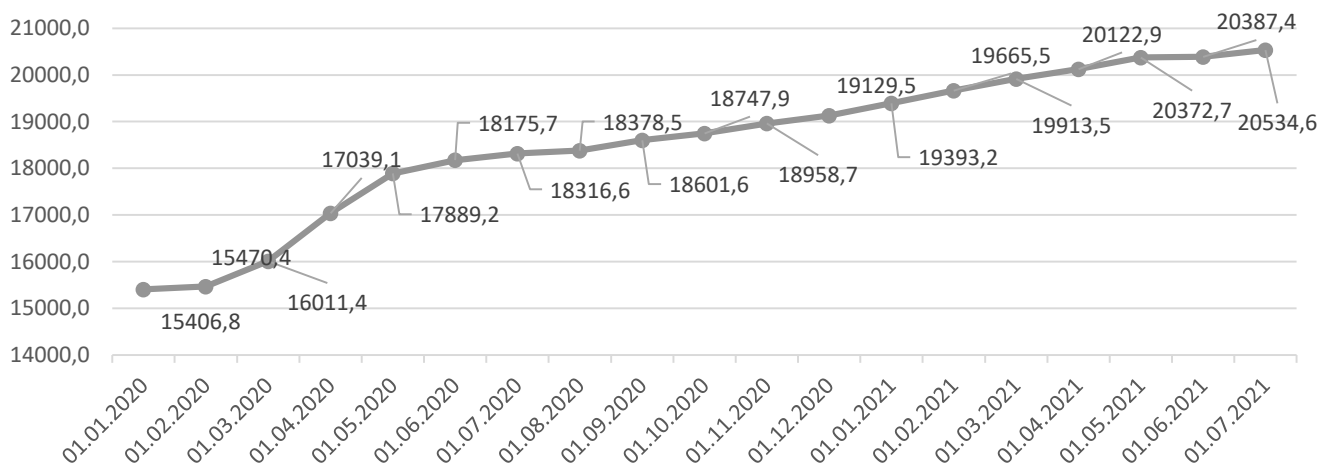

Рис. 3. Объем денежной массы M2 за период с января 2020 по февраль 2021

3. M1: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/M1SL> (дата обращения: 19.09.2021).
4. M2: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/M2SL> (дата обращения: 16.09.2021).
5. Monetary Policy, Money and Inflation: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of San Francisco. URL: <https://www.frbsf.org/our-district/press/presidents-speeches/williams-speeches/2012/july/williams-monetary-policy-money-inflation/> (дата обращения: 05.10.2021).
6. Personal Saving Rate: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/PSAVERT#> (дата обращения: 26.09.2021).
7. The quantity theory of money: [Электронный ресурс] // Richmond Federal Reserve. URL: https://www.richmondfed.org/-/media/richmondfedorg/publications/research/economic_review/1974/pdf/er600301.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
8. The World Factbook: United States: [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/united-states/> (дата обращения: 17.09.2021).
9. US GDP: [Электронный ресурс] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp> (дата обращения: 19.09.2021).
10. Velocity of M2 Money Stock: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/M2V> (дата обращения: 24.09.2021).
11. What's Behind the Recent Surge in The M1 Money Supply: [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fredblog.stlouisfed.org/2021/01/whats-behind-the-recent-surge-in-the-m1-money-supply/> (дата обращения: 15.09.2021).
12. World Economic Outlook Database: [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: 20.09.2021).

Информация об авторе

Я. М. Царахов – студент 4 курса факультета международных отношений, профиль «Мировая Экономика» Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова.

Information about the author

Ya. M. Tsarakhov – is a 4th-year student of the Faculty of International Relations, profile «World Economy» of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 339(075.8)

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-302-306>

НИОН: 2015-0066-3/22-379

MOSURED: 77/27-011-2022-03-578

Ключевые закономерности формирования и последующей динамики цен при анализе рыночной конъюнктуры

Андрей Алексеевич Яковлев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
andrew0880@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные самостоятельные концепции относительно формирования цен на свободном рынке товаров и услуг с точки зрения оценки существующего положения и тенденций рыночной конъюнктуры как таковой. При этом обосновывается, что изменения в ценах свидетельствуют об определенных сдвигах в соотношении элементов воспроизводственного процесса. Также описывается, что в рамках жизненного цикла товаров на стадиях внедрения (выведения) и роста прослеживается наиболее тесная связь между удельными затратами и ценами. В то же время указывается, что одной из причин неединичного отклонения цен от среднего показателя является нарушение равновесия между предложением и спросом.

Ключевые слова: экономическая (рыночная) конъюнктура, воспроизводственный процесс, закономерности ценообразования, жизненный цикл конкретного товара, динамика цен, затраты на единицу продукции, емкость рынка, высокоэффективное производство, номенклатура продукции

Для цитирования: Яковлев А. А. Ключевые закономерности формирования и последующей динамики цен при анализе рыночной конъюнктуры // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 302–306. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-302-306>.

Original article

Key patterns of formation and subsequent price dynamics in the analysis of market conditions

Andrey A. Yakovlev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, andrew0880@rambler.ru

Abstract. Some independent concepts regarding the formation of prices on the free market of goods and services (from the point of view of assessing the current situation and trends of the market situation as such) have been discussed. At the same time, it is proved that changes in prices indicate certain shifts in the ratio of elements of the reproduction process. It is also described that within the life cycle of goods at the stages of introduction (withdrawal) and growth, the closest relationship between unit costs and prices is traced. Also it is mentioned that one of the reasons for the non-singular deviation of prices from the average indicator is a violation of the balance between supply and demand.

Keywords: economic (market) conjuncture, reproduction process, pricing patterns, life cycle of a particular product, price dynamics, costs per unit of production, market capacity, highly efficient production, product range

For citation: Yakovlev A. A. Key patterns of formation and subsequent price dynamics in the analysis of market conditions. Bulletin of economic security. 2022;(3):302–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-302-306>.

В настоящее время, когда довольно четко проявляются условия реальной (а не гипотетической) глобализации, участие в наднациональных экономиче-

ских отношениях представляет собой весьма важный фактор развития национальной экономики конкретного государства. В связи с этим четкое и объемное

© Яковлев А. А., 2022

понимание конкретной (частной) ситуации на внешнем рынке и тенденций его развития можно считать как одну из важнейших предпосылок для получения явных преимуществ от процессов международного разделения труда, а также от видимого увеличения эффективности внешнеэкономических связей, в том числе и от отдельных элементов оптимизации развития народного хозяйства в целом.

Итак, понятие конъюнктуры как бы намекает на стечение неких обстоятельств, от которых реально зависит (и в которых может проявиться) положительный результат совершенно любой предпринимательской активности. Чем существеннее (весомее) конкретный хозяйствующий субъект, чем скорее видоизменяются условия сбыта продукции (товаров и услуг) и чем большее становится проблема реализации (равно как и доступа к сырьевым ресурсам), тем большую роль для предпринимательства играет квалифицированная оценка гипотез и трендов по отношению к развитию экономической конъюнктуры как таковой. Базой для некоего оптимума при осуществлении предпринимательских операций (следуя логике теории маркетинга) можно рассматривать достижение определенного соответствия ряда результатов коммерции требованиям конкретного рынка. При этом следует сказать, что практически любой анализ экономической конъюнктуры применяется субъектами предпринимательской деятельности не только в целях приспособления к сложившейся (создавшейся) ситуации на рынке, но и в целях того, чтобы реально изменить ее в своих интересах.

Необходимо отметить, что довольно важная роль в формировании и эволюции рыночной конъюнктуры (равно как и в ее объективном проявлении) принадлежит системе (комплексу) цен. Они *de facto* выполняют в рамках единого воспроизводственного процесса такую функцию, как регулирование, более того – цены не только оказывают влияние на формирование рыночной конъюнктуры, но и являют собой некий результат ее развития. Любые изменения (девиации) в системе цен абсолютно всегда говорят о наличии существенных сдвигов в соотношении ряда составных частей воспроизводственного процесса в целом.

Следует сказать, что научно-технический прогресс *a priori* повышает эффективность производства. Однако имеют место определенные несоответствия между производством и потреблением (а также запасами продукции) на макроуровне. Но циклы производства и потребления не синхронизированы и при экстенсивном пути развития производства. Так, при ощутимых диспропорциях между производством и потреблением запасы постоянно выходят за границы очерченных нормативов. Подобная ситуация в балансе потребления и производства напрямую отражается

и на ценах. Таким образом, новые ценовые реалии оказывают давление на действия субъектов предпринимательской деятельности, равно как и на политику органов государственного регулирования, что в итоге и приводит к обязательной перестройке всех процессов воспроизводства. Отсюда видно, что принципы и условия образования цен очень во многом формируют тенденции в развитии конъюнктуры (причем изучение данных условий – необходимая предпосылка для анализа и прогноза рыночной конъюнктуры).

Далее, необходимо обратить внимание на то, что сдвиги в уровнях и темпах в развитии экономических процессов на макроуровне, определяющих рыночную конъюнктуру, оказывают влияние на процедуры ценообразования, в которых задействовано огромное количество факторов. Будучи одним из аспектов конъюнктуры, цена на рынке образуется под давлением различных разрозненных (т. н. конъюнктурообразующих) факторов, причем любой из них прямо или косвенно формирует рыночную цену, а она, в свою очередь, определяет предложение и спрос на конкретные товары, на динамику как производства, так и потребления. Таким образом, абсолютно все конъюктурообразующие факторы можно одновременно позиционировать и как факторы формирования товарных цен (ценообразующие факторы), под которыми в общем случае определяют различные обстоятельства и процессы, обуславливающие, во-первых, уровень, а во-вторых, и динамику рыночных цен. При этом разные факторы оказывают далеко не одинаковое влияние на процессы ценообразования.

Продолжая высказанное ранее, целесообразно отметить, что производство товаров (работ и услуг), как правило, сопряжено с тратой весьма ограниченных ресурсов (в виде услуг рабочей силы, капитала и земельного аспекта). Физические нормы расходования ресурсов на единицу готовой продукции напрямую зависят от используемой технологии и организационной составляющей производства (включая различные виды специализации, в том числе, и на глобальном уровне), в то же время эксплуатация подобных ресурсов всегда предполагает оплату цены их услуг, в связи с чем в обозримой перспективе ценовой тренд соответствует тенденциям в затратах на единицу продукции. Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, динамика затрат зависит от уменьшения норм расходования ресурсов благодаря как научно-техническому, так и организационному прогрессу, а, с другой стороны, от реального повышения цен на ресурсы.

Если обратить внимание на конкретные товары и услуги, то получается, что в рамках жизненного цикла отдельного товара наиболее явная связь между удельными затратами и конечной (итоговой) ценой имеет место на стадии внедрения (выведения) и в фазе ро-

ста. Однако в фазах зрелости и спада цена в значительной мере находится в зависимости, главным образом, от соотношения таких показателей, как предложение и спрос. Концепция стадий жизненного цикла сегодня весьма актуальна для так называемых наукоемких товаров, т. е., в первую очередь, для машинно-технических изделий и продукции практически любых производств, где заметным образом обновляются как номенклатура, так и ассортиментные ряды выпускаемой продукции. В рамках фазы выведения на рынок затраты на единицу продукции и цены всегда находятся на стабильно высоком уровне, ведь для нее характерны довольно малые объемы производства. В данный период товары в основном ориентированы на покупателей уровня «премиум», для которых качественные показатели в продукции намного важнее, чем цена, либо на конечных потребителей, кому соотношение качества и высокой цены импонирует, исходя из соображений престижа. В любом случае следует помнить, что емкость рынка весьма ограничена.

Далее, в рамках фазы роста (когда объемы производства существенно увеличиваются) цена на продукцию может «сбиваться» несколько раз. В данном случае снижение цены обеспечивает массовость спроса, при этом имеет место довольно интенсивный рост емкости рынка. Понижение цен здесь реально – в случае уменьшения затрат на единицу продукции. Подобный результат может быть достигнут не за счет экономии на производственных масштабах, а за счет применения высокоэффективных технологий на предприятиях нового поколения.

На стадиях зрелости и спада возможности по совершенствованию технологии сужаются, заметную роль играют иные ценовые факторы. Так, для товаров с высокой эластичностью спроса и предложения по ценам ключевой причиной изменения цен на стадии зрелости могут стать нарушения баланса предложения и спроса. Здесь жизненно важен анализ циклических колебаний емкости рынка, равно как и циклических колебаний цен как таковых. Относительно стадии спада можно лишь однозначно сказать, что цены в этой фазе имеют тенденцию к существенному снижению.

В то же время уникальные машинно-технические системы мелкосерийного и, тем более, штучного исполнения с точки зрения концепции жизненного цикла навсегда остаются в фазе внедрения. В принципе основная часть номенклатуры машинно-технических изделий выпускается малыми сериями или даже в штучном исполнении. Затраты на их изготовление и цены на них могут только расти (если не меняется их элементная база и не развивается специализация и кооперация производства, как в электронной промышленности). Это связано с высокой стоимостью

разработки и высокой трудоемкостью производства штучных изделий. Заработная плата высококвалифицированных специалистов и рабочих, участвующих в разработке и производстве подобных устройств, растет наиболее быстро, а возможности повышения производительности труда без выхода на крупносерийный выпуск ограничены. Например, цены на турбогенераторы мощностью несколько миллионов киловатт исчисляются десятками миллионов долларов. Таков же порядок цен на широкофюзеляжные авиалайнеры. Лайнеры, рассчитанные на 500 и более пассажиров, стоят сотни миллионов долларов. Сотни миллионов долларов составляют и цены на платформы для глубоководного бурения нефтяных скважин. Спрос на уникальные дорогостоящие изделия производственного назначения стимулируется возможностью достижения высокого эффекта от их эксплуатации. Для товаров длительного пользования существует понятие цены потребления. Величина последней складывается из цены приобретения и расходов на эксплуатацию за весь расчетный срок службы [1, с. 113–114].

Итак, специфика конкурентоспособности практически любого товара связана с тем, что экономия эксплуатационных расходов существенно превышает величину надбавки к цене продукта, отличающегося улучшенными характеристиками (качественный аспект, сложность изготовления, ремонтпригодность, экономичность, удобство в эксплуатации и проч.). При этом надбавка к цене более технологичного товара сопряжена с ощутимыми затратами на его разработку, равно как и с необходимостью использования в процессе изготовления более качественных материалов, с особенностями конструкции, а также с реальными затратами высококвалифицированного труда.

В целях анализа и последующего прогнозирования тенденций в ценообразовании на товары конкретного ассортиментного ряда следует иметь в виду особенности экономики их производства и эксплуатации, структуру затрат капитала, труда, материалов и проч. на единицу продукции. Для товаров массового потребления (массового спроса) имеет место некая закономерность в динамике соотношения затрат на единицу продукции добавленной стоимости и стоимости так называемых «переходных» товаров и услуг, приобретаемых конкретным предприятием у поставщиков сырья, комплектующих, электроэнергии и т. д.

Самая высокая доля добавленной стоимости – в цене продукции предприятия, стоящего в начале технологической цепочки от сырья до конечной продукции. Так, добавленная стоимость может составлять три четверти затрат на добычу угля. Остальная часть расходов на добычу составляет стоимость приобретенных шахтами материалов и энергии. В добавленной стоимости более половины приходится на оплату

труда. Это значит, что рост цен, в первую очередь, зависит от динамики зарплаты шахтеров и производительности их труда. По мере продвижения по технологической цепочке доля сырья, материалов и комплектующих изделий в цене выпускаемой продукции повышается, а добавленной стоимости, соответственно, снижается. В затратах на выпуск бытовых электроприборов, например, добавленная стоимость может составлять менее 30 %. Это связано с совершенством технологического процесса, разрабатываемого для массового выпуска продукции. Высокая степень механизации и автоматизации процесса и максимальное упрощение трудовых операций позволяют снизить трудоемкость процесса и использовать на потоке рабочую силу с минимальным сроком профессионального обучения. Иная ситуация складывается при производстве уникальных наукоемких изделий. Конструирование их требует значительных затрат на разработку, а исполнение в производственных условиях сопряжено с затратами многих часов высококвалифицированного труда. В расходах на единицу конечной продукции в таком случае преобладает добавленная стоимость. Цены на такую продукцию растут опережающими темпами, поскольку ставки заработной платы инженеров и квалифицированных рабочих растут быстрее, а производительность труда – медленнее, чем у малоквалифицированных рабочих [1, с. 114–115].

Далее, необходимо обратить внимание на то, что причиной циклической девиации цен от средних значений, которые соответствуют линии их динамики за сравнительно большой отрезок времени, является дисбаланс в предложении и спросе. Так, превышение предложения над спросом всегда ведет к чрезмерному накоплению запасов, что говорит о том, что при подобном уровне цены не представляется возможным реализовать всю продукцию, поставленную на открытый рынок. Указанное, как правило, способствует обострению конкурентной борьбы между продавцами. В плюсе в данном случае будут, скорее всего, те «игроки», кто обеспечит более низкие затраты на единицу продукции, равно как и те субъекты, кто может применить политику «бросовых» цен не в ущерб качеству продукции, либо поставить более качественный товар, не увеличивая цен, или обеспечить определенные льготы по отношению к конечному потребителю при поставках и окончательной оплате готовой продукции.

Таким образом, имеет место практически полная смена состава поставщиков – фактически вынуждены уйти производители с более высокими затратами на единицу. При этом средние (усредненные) затраты понижаются за счет ограничения круга производителей (остаются лишь более эффективные субъекты предпринимательской деятельности). Цена в данном

случае ориентирована на скорректированный уровень средних затрат. Снижение цены, как правило, приводит к структурным изменениям в составе покупателей, однако ситуация противоположна описанной выше – здесь круг «игроков» заметно увеличивается, т. е. экономическую конъюнктуру можно охарактеризовать как рынок конечного потребителя. Спрос существенно расширяется, так как имеет место рост количества покупателей и повышается их реальная покупательская способность. Это, в свою очередь, не только ставит точку в процессе снижения цен (в момент достижения паритета в предложении и спросе), но и создает определенный задел для ряда предпосылок по отношению к повышению цен. Указанное можно объяснить тем, что как бы по инерции спрос продолжает свой рост (быстрее предложения) даже после остановки снижения цен.

Также целесообразно заметить, что цены повышаются в случае, когда запасы товаров находятся на уровне ниже минимального норматива – недостаток товаров, ощущаемый на рынке, обостряет конкуренцию между значительным числом покупателей; товар могут получить только те, кто готов заплатить за него неоправданно более высокую цену (достаточно вспомнить ситуацию со спросом на гречневую крупу в период первой волны пандемии COVID-19). В итоге круг конечных потребителей заметно сужается ввиду того, что продукция недоступна для покупателей с довольно низкими доходами (а количество поставщиков при этом расширяется). Таким образом, имеет место рынок продавца; на первый план позиционированы производители с более высокими затратами на единицу продукции. Однако цены в качестве ориентира придерживаются затрат наименее «удачливых» производителей, без деятельности которых не может быть удовлетворен сформировавшийся спрос, в то же время культивируются весьма оптимальные условия для увеличения мощностей наиболее перспективными производителями. Абсолютно по такой схеме создаются предпосылки для превышения предложения над спросом после введения в эксплуатацию новых высокоэффективных производств.

Таким образом, подводя некий итог вышесказанному, можно констатировать, что конъюнктурообразующие факторы одновременно следует рассматривать и как ценообразующие, так как в большей или меньшей степени они влияют на окончательную цену. Более того, в долгосрочной перспективе амплитуда цен ориентирована на динамику затрат на единицу продукции, при этом самая тесная связь между указанными составляющими в рамках концепции жизненного цикла отдельного товара имеет место на стадиях выведения на рынок и последующего роста. Изменения в структуре предложения и спроса могут являться причиной периодического отклонения цен

от долгосрочного тренда в краткосрочном и среднесрочном временных интервалах. Также колебания цен на товары находятся в зависимости от целого ряда отраслевых особенностей ценообразования.

Список источников

1. Экономическая конъюнктура : учебник // В. Г. Клинов, А. А. Сидоров. М. : Экономика, 2019.

References

1. Economic conjuncture : textbook // V. G. Klinov, A. A. Sidorov. M. : Economics, 2019.

Библиографический список

1. Клинов В. Г. Мировой рынок высокотехнологической продукции. Тенденции развития и особенности формирования конъюнктуры и цен. М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2006.

2. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев ; Международный фонд Н. Д. Кондратьева и др. ; Ред. колл. : Абалкин Л. И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю. В. М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

3. Мануковский А. Б., Хартуков Е. М. Экономическая конъюнктура. Как изучать современный рынок. М. : Школа международного бизнеса МГИМО, 1991.

4. Ямпольская Д. О. Ценообразование в условиях рынка : учебное пособие. М. : Международные отношения, 2015.

5. International business. Environments and operations. Fifteenth edition. Global edition / John D. Daniels, Lee H. Radebaugh, Daniel P. Sullivan. Essex, Pearson Education Limited, 2015.

Bibliographic list

1. Klinov V.G. The world market of high-tech products. Trends in the development and features of the formation of the conjuncture and prices. M. : Publishing house «Economics», 2006.

2. Kondratiev N. D. Large cycles of the conjuncture and the theory of foresight. Selected works / N. D. Kondratiev; N. D. Kondratiev International Foundation, etc. ; Ed. : Abalkin L. I. (prev.), etc. ; comp. Yakovets Yu. V. M.: Publishing house «Economics», 2002.

3. Manukovsky A. B., Khartukov E. M. Economic conjuncture. How to study the modern market. M. : MGIMO School of International Business, 1991.

4. Yampolskaya D. O. Pricing in market conditions : textbook. M. : International relations, 2015.

5. International business. Environments and operations. Fifteenth edition. Global edition / John D. Daniels, Lee H. Radebaugh, Daniel P. Sullivan. Essex, Pearson Education Limited, 2015.

Информация об авторе

А. А. Яковлев – доцент кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev – Associate Professor of the Department «Management of the hi-tech enterprises» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 796

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-307-311>

ИПОН: 2015-0066-3/22-380

MOSURED: 77/27-011-2022-03-579

К вопросу о подготовке сотрудников полиции приемам и правилам оперативного приведения табельного оружия в боевую готовность

Ахмед Шайхиевич Бибиев

Брянский филиал ВИПК МВД России, Брянск, Россия, bibiev68@mail.ru

Аннотация. Современное российское общество предъявляет новые повышенные требования к деятельности органов внутренних дел, связанной с защитой законных прав и интересов граждан, выявлению и пресечению преступных проявлений, задержанию правонарушителей и привлечению их к установленной законом ответственности.

Ключевые слова: техника выполнения приемов, правил оперативного приведения оружия в боевую готовность, огневая подготовка, сотрудник ОВД, оперативно-служебная деятельность, служебно-боевые задачи

Для цитирования: Бибиев А. Ш. К вопросу о подготовке сотрудников полиции приемам и правилам оперативного приведения табельного оружия в боевую готовность // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 307–311. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-307-311>.

Original article

On the issue of training police officers in techniques and rules for the operational bringing of service weapons into combat readiness

Akhmed Sh. Bibiev

Bryansk Branch of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia, bibiev68@mail.ru

Abstract. Modern Russian society imposes new and increased requirements on the activities of internal affairs bodies related to the protection of the legal rights and interests of citizens, detection and suppression of criminal manifestations, detention of offenders and bringing them to legal responsibility.

Keywords: technique for execution of techniques and rules for operational readiness of weapons, fire training, internal affairs officer, operational and service activity, office and fighting tasks

For citation: Bibiev A. Sh. On the issue of training police officers in techniques and rules for the operational bringing of service weapons into combat readiness. Bulletin of economic security. 2022;(3):307–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-307-311>.

Достаточно часто профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов осуществляется в экстремальных условиях, в наибольшей степени связанная с задержанием преступников и правонарушителей, применением огнестрельного оружия и спецсредств, обеспечением правопорядка в период стихийных бедствий, массовых мероприятий, в условиях чрезвычайных обстоятельств экстремистской и террористической направленности, а также при проведении специальных и контртеррористических операций на территории СКР РФ.

Сотрудник, обеспечивающий правопорядок, при применении оружия обязан защитить не только жизнь окружающих, но и уметь сохранить свою, а это обеспечивается только при грамотном, уверенном и тактически правильном обращении с оружием в сложных, иногда непредсказуемых и неожиданных ситуациях [4; 5; 6].

При анализе применения правоохранительными органами табельного оружия выявлены следующие результаты: преобладающим фактором является применение его в темное время суток, в условиях ограниченной освещенности и видимости. Кроме того,

© Бибиев А. Ш., 2022

как правило, стрельба ведется в ограниченное время, когда у сотрудников ОВД нет возможности спокойно и тщательно прицелиться. Опережая нападающих правонарушителей, очень часто стрельба ведется «навскидку», и с небольших расстояний – до десяти метров.

На практике, выполняя служебную задачу, сотрудник полиции должен быстро извлекать оружие, метко стрелять из различных тактических положений, в которых его может застигнуть необходимость применения оружия, и тем способом, к которому вынудили обстоятельства [1; 2; 3].

При применении огнестрельного оружия и спецсредств важной задачей остается стремление к требованию о минимизации причиняемого вреда. В настоящее время у сотрудников уровень тактической и огневой подготовки часто является недостаточным для эффективных действий приведения оружия в боевую готовность в различных ситуациях. В связи с этим, неумелое обращение и применение огнестрельного оружия и спецсредств, приводит не только к невыполнению поставленной задачи, но и достаточно часто приводит к ранениям и гибели, как посторонних граждан, так и самих сотрудников полиции.

Применение и использование огнестрельного оружия и приведение оружия в боевую готовность сотрудниками полиции при исследовании выявило определенные тенденции и условия ведения тактической стрельбы. Наибольший процент от общего количества случаев составляет применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия на дистанциях от 3 до 5 метров [6; 7].

Обобщенные данные за исследуемый период представлены в процентном соотношении о случаях применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками полиции УМВД по Брянской области. Количественные показатели по фактам применения и использования огнестрельного оружия легли в основу этих данных.

Сотрудники полиции 14 раз использовали огнестрельное оружие, из них 5 раз – для производства предупредительного выстрела, что составляло 33,3 %, для остановки транспортных средств путем их повреждения – 4 случая (26,6 %), для обезвреживания животных (собак), непосредственно угрожающих жизни и здоровью населения – 5 случаев (33,3 %).

Если говорить о количественном соотношении применения оружия сотрудниками полиции, то стоит отметить, что в случаях отражения группового вооруженного нападения на жилища граждан и защиты граждан от нападения, опасного для их жизни необходимо было применение по 1 разу (12,5 %), по 3 раза (37,5 %) – для отражения нападения на сотрудника полиции и завладения его оружием, для задержания

лица, застигнутого при совершении тяжкого преступления, в целом к применению оружия прибегали 8 раз.

Немаловажное значение при поражении цели имеет приведение оружия в боевую готовность, а также изготовление стреляющего при стрельбе. По результатам анкетного опроса можно констатировать, что сотрудники в 13,7 % случаях вели стрельбу «навскидку», не имея возможности тщательно прицелиться, 21,2 % респондентов – в условиях ограниченной видимости (темнота, туман), 25,5 % опрошенным приходилось вести стрельбу после физической нагрузки, 7,4 % сотрудникам – приходилось стрелять с колена, и самый ощутимый процент ведения огня 32,2 % осуществлялся в период нервного стресса, вызванного экстремальной ситуацией [9].

Если говорить о местах проведения стрельбы, то стоит отметить, что это преимущественно улицы населенных пунктов, лесопарковая зона, дорога вне города.

При этом, по результатам анкетирования, можно сделать заключение, что при применении оружия сотрудниками ОВД, стрельба велась, как правило, в трех направлениях – вверх, вперед и по цели и непосредственно по самой цели.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в процессе огневой и тактической подготовки, в рамках специального профессионального обучения, на наш взгляд, необходимо учитывать региональные особенности использования и применения табельного оружия сотрудниками с соблюдением необходимых навыков личной безопасности и безопасности окружающих людей, находящихся в зоне ведения боевой стрельбы во время огневого контакта при выполнении служебно-боевых задач.

Следует отметить, что для владения постоянным контролем над ситуацией, сотрудник во время огневого контакта не должен отвлекаться даже на несколько секунд, поскольку оперативная ситуация может меняться очень быстро.

Очень часто быстрое извлечение, зарядание оружия и производство первого выстрела, который может быть упреждающим, отвлекающим, имеющим психологическое воздействие, и в некоторых случаях на поражение это то, с чем сотрудникам полиции в профессиональной деятельности приходится ежедневно сталкиваться. Стоит помнить об особенностях извлечения оружия и изготовления для стрельбы в различной форме и экипировке (форменная зимняя куртка, бронежилет и т. п.).

О высокой огневой подготовке сотрудников ОВД можно судить из умения проведения всех действий с оружием, не отводя взгляд от наблюдения за окружающей обстановкой, т. е. не переводя взгляд на оружие.

Для того, чтобы опередить и пресечь противоправные намерения преступника к открытию огня из оружия, сотруднику полиции необходимо научиться правильно и быстро извлекать и приводить оружие в боевую готовность, отработав это до автоматизма, без перевода взгляда на оружие.

На фото представлены способы извлечения оружия (фото 1–8).

При возникновении ситуаций, в которых сотрудник полиции не сможет действовать двумя руками (ранение или травма одной из рук, транспортировка раненого или груза, защита блоком от нападения

и т. п.) техника выполнения приемов и правил оперативного приведения оружия в боевую готовность может в значительной степени вызвать затруднения.

Ниже на фото представлены и приведены способы досылания патрона в патронник без помощи свободной руки (фото 9–11).

Досылание патрона в патронник зацепом целика за детали обмундирования и различные предметы (фото 15–19).

Таким образом, комплексные квалификационные задания по тактическому силовому задержанию и ог-

из кобуры с помощью вытяжного ремешка (фото 1, 2)

Фото 1

Фото 2

из кобуры с помощью большого и указательного пальцев руки (фото 3)

Фото 3

из кармана форменной зимней куртки (фото 4–5)

Фото 4

Фото 5

в положении стоя на колене

Фото 6

в положении сидя

Фото 7

в положении лежа

Фото 8

досылание патрона в патронник кистью (фото 9–11)

Фото 9

Фото 10

Фото 11

зацепом целика (фото 15–19)		
за ремень Фото 15	за каблук обуви Фото 16	за бронезилет Фото 17
за выступающую деталь мебели Фото 18		при помощи фиксации затвора коленями Фото 19

невому поражению опасного противника, в процессе преподавания дисциплин огневой, физической и тактико-специальной подготовки должны составлять основу предлагаемой методики. Структура задания включает в себя ряд задач, последовательное решение которых, позволяет проявиться как врожденным, так и приобретенным качествам слушателей [8; 10].

Проанализировав все вышеизложенное, можно сказать, что для укрепления правопорядка и эффективного выполнения возложенных задач на ОВД в совершенствовании подготовки сотрудников полиции, необходимо принимать меры по повышению защищенности граждан и общества. Также основываясь на личном опыте обучения и подготовки сотрудников ОВД, хочется отметить, что только высокая служебная дисциплина, твердые знания и неукоснительное соблюдение требований безопасности при проведении занятий приводят к высоким результатам ОФиТСП.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп.) // Электронный ресурс – КонсультантПлюс.
2. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Электронный ресурс – КонсультантПлюс.
3. Приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Электронный ресурс – КонсультантПлюс.
4. Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах вну-

тренних дел Российской Федерации» // Электронный ресурс – КонсультантПлюс.

5. Воронков Л. Ю. Тактико-специальная подготовка: учебное пособие. 2-е изд. стер. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016.
6. Огневая подготовка : учебник / под общ. ред. канд. пед. наук В. Л. Кубышко. М. : ДГСК МВД России, 2016.
7. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских) : учебник в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. Часть 2. М. : ДГСК МВД России, 2015. 320 с.
8. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебник / С. В. Кузнецов, А. Н. Волков, А. И. Воронков; под ред. С. В. Кузнецова. М. : ДГСК МВД России, 2016.
9. Особенности изготовок для стрельбы с использованием нестандартных положений при применении короткоствольного огнестрельного оружия : наглядное пособие / В. В. Карпушкин, А. Ш. Бибиев, Ю. Г. Яценко. Домодедово 2021 : ВИПК МВД России, 2021. 26 с.
10. Расширенное заседание коллегии МВД России //www.kremlin.ru/.

References

1. Federal Law of February 7, 2011. No. 3-FZ «On the Police» (with amendments and additions) // Electronic resource – ConsultantPlus.
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 450 dated July 1, 2017 «On approval of the Manual on the organization of physical training in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // Electronic resource – ConsultantPlus.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated November 23, 2017. No. 880 «On approval of the Manual on the organization of fire training in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // Electronic resource – ConsultantPlus.

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 275 dated May 5, 2018 «On approval of the Procedure for organizing personnel training for positions in the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // Electronic resource – ConsultantPlus.

5. Voronkov L. Yu. Tactical and special training: a textbook. 2nd ed. ster. M. : JUSTICE, 2016.

6. Fire training : textbook / under the general ed. of Candidate of Pedagogical Sciences V. L. Kubyshko. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016.

7. Professional training of employees of internal affairs bodies (professional training of police

officers) : textbook in 2 hours / under the general ed. V. L. Kubyshko. Part 2. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 320 p.

8. Theoretical and methodological foundations of the organization of physical training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation : textbook / S. V. Kuznetsov, A. N. Volkov, A. I. Voronkov; edited by S. V. Kuznetsov. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016.

9. Features of manufacturing for shooting using non-standard positions when using short-barreled firearms : a visual aid / V. V. Karpushkin, A. Sh. Bibiev, Yu. G. Yashchenko. Domodedovo 2021 : VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 26 p.

10. Expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia //www.kremlin.ru/.

Информация об авторе

А. Ш. Бибиев – доцент кафедры огневой, физической и тактико-специальной подготовки Брянского филиала ВИПК МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. Sh. Bibiev – Associate Professor of the Department of Fire, Physical and Tactical-Special Training of the Bryansk Branch of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Научная статья

УДК 37:808.5

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-312-317>

НИОН: 2015-0066-3/22-381

MOSURED: 77/27-011-2022-03-580

Язык, речь, языковая способность

Анна Евгеньевна Варнаева

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, anna6772@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трех составляющих языка, понимаемого в широком смысле слова: языка (в узком смысле), речи и языковой способности. Приводятся основные концептуальные положения по проблеме взаимоотношения языка и речи, обосновывается врожденный характер языковой способности, позволяющей ребенку неосознанно, без особых усилий, самостоятельно и в сжатые сроки овладеть сложнейшей системой родного языка. Обращается внимание на то, что сама по себе предрасположенность к языку не обеспечивает его усвоение. Необходимым условием успешности данного процесса является включенность ребенка в постоянное общение с окружающими его взрослыми. Осмысление предлагаемых теоретических сведений позволит лучше понять феномен языка и особенности овладения им в ходе речевого онтогенеза.

Ключевые слова: язык, речь, взаимоотношения языка и речи, речевая деятельность, языковая способность, врожденный характер языковой способности, общение, критический период

Для цитирования: Варнаева А. Е. Язык, речь, языковая способность // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 312–317. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-312-317>.

Original article

Language, speech, language ability

Anna E. Varnayeva

Bryansk Branch of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia, bibiev68@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of three components of a language understood in the broad sense of the word: language (in the narrow sense), speech and language ability. It provides the main conceptual views on the problem of the relationship between language and speech. The article justifies the inherent nature of the language ability that allows a child to master the most complex system of the native language unconsciously, effortlessly, independently and in a short time. Attention is drawn to the fact that a predisposition to the language does not ensure its assimilation by itself. A necessary condition for the success of this process is the involvement of the child in constant communication with the adults around him. Comprehension of the proposed theoretical information will make a better understanding of the phenomenon of the language and the peculiarities of mastering it during speech ontogenesis.

Keywords: language, speech, relationship between language and speech, speech activity, language ability, inherent nature of language ability, communication, critical period

For citation: Varnayeva A. E. Language, speech, language ability. Bulletin of economic security. 2022;(3):312–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-312-317>.

В процессе общения мы нередко используем слова «язык» и «речь», например, *язык – средство общения, русский язык превосходит многие языки по запасу синонимов, изучение родного языка в школе, культурная речь, ораторская речь, развитие речи ребенка*. В связи с этим необходимо знать и уметь различать значения этих лингвистических терминов.

Термин «язык» имеет широкое и узкое понимание. В широком, объединяющем, смысле слова он

включает в себя две составляющие: язык в узком смысле и речь. Именно эти два термина сопоставляются учеными.

Проблеме взаимоотношения языка и речи уделяется большое внимание в лингвистике, психологии речи и психолингвистике. Приведем концептуальные положения по данной проблеме.

Язык (в узком смысле слова) – это то, что мы получаем готовым, то есть сами не создаем. Он включа-

ет в себя различные единицы: морфемы (приставки, корни, суффиксы, окончания, постфиксы, например *без-*, *облак-*, *-н-*, *-ый*, *-ся*) и слова (*солнце*, *яркий*, *семь*, *ты*, *работать*, *красиво*), а также правила (*модели*, *схемы*) построения более сложных единиц из более простых: слов их морфем (*безоблачный*), словосочетаний и предложений из слов (*На небе светит яркое солнце*).

Эта система готовых единиц и правил объединяет всех носителей данного языка и хранится в сознании каждого из них.

А. А. Леонтьев назвал язык в узком смысле слова «языковой стандарт». Он представляет собой сложнейший механизм, предназначенный для формирования, оформления и передачи мыслей.

Чтобы этот механизм привести в действие, чтобы языковое общение состоялось, нужны волевые усилия говорящего: в соответствии с содержанием мысли, которую он хочет сообщить собеседнику, ему необходимо выбрать из языка соответствующие слова, модель предложения, заполнить ее выбранными словами и, наконец, произнести или записать созданное высказывание для его возможного восприятия слушающим (читающим).

Это использование языка для производства и восприятия высказываний называется речью.

Таким образом, язык противопоставляется речи как то, что мы получаем готовым, тому, что сами создаем в процессе общения.

Карл Людвиг Бюлер, немецкий психолог и лингвист, сравнивал язык и речь с молотком, гвоздями и процессом их забивания: молоток и гвозди – это язык

(его единицы и правила), а процесс забивания гвоздей молотком – это речь.

Впервые в мировой лингвистике ясно выделил и определил эти понятия основоположник общего языкознания Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835 гг.). Он рассматривал язык и как процесс, деятельность, и как готовую данность. Деятельность он назвал «энергия», а ее результаты, продукт – «эргон». В противопоставлении эргон – энергия можно увидеть противопоставление языка и речи.

Языкознание XIX века разграничивало «язык» и «речь» крайне непоследовательно. Изменения в этом вопросе, как отмечают многие ученые, связаны с выходом «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра (1857–1913 гг.).

Но ради справедливости следует заметить, что еще до этого известного швейцарского ученого русские лингвисты, с работами которых он был знаком, четко определили данные понятия. Здесь прежде всего необходимо назвать главу Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929 гг.). В своей программной лекции 1870 г. (то есть за сорок лет до Ф. де Соссюра), которую он читал в Петербургском университете, «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» он выделил язык как потенциальную (нереализованную возможность) систему и ее реализацию. И именно этот ученый впервые в мире открыл две наименьшие абстрактные единицы языка – фонему и морфему, которые в речи реализуются конкретными единицами – звуками и морфемами.

Язык и речь составляют диалектическое единство. Его суть заключается в противоречии: с одной

Таблица 1

Соотносительные признаки языка и речи

Язык	Речь
воспроизводится (то есть используется готовым)	производится
социальное явление	индивидуальное явление
абстрактен	конкретен
идеален	материален
потенциален	актуален
объективен	субъективен
фиксирует опыт коллектива	отражает опыт индивидуума
конечен	бесконечен
имеет уровневую организацию	линейна
отвлечен от временной и пространственной реализации	реализуется во времени и пространстве
относительно статичен	динамичен
средство мышления и общения	процесс, обеспечивающий мышление и общение
пассивен	активен
инвариантен	вариативен
регулярен	допускает элементы случайного и неупорядоченного
не зависит от ситуации общения	ситуативно обусловлена
не целенаправлен	преднамеренна и устремлена к определенной цели
нельзя оценить с точки зрения истинности или ложности	может быть оценена с точки зрения истинности или ложности

стороны, они друг без друга существовать не могут (язык становится средством мышления и общения только в процессе речи, а речь построена из элементов языка, подчинена его правилам), но, с другой стороны, они относительно самостоятельны, что проявляется прежде всего в том, что мы не можем сказать, что возникло раньше.

Язык и речь противопоставляются друг другу по ряду признаков. При этом нужно добавить, что ввиду многоаспектности самих сопоставляемых явлений «анализ наиболее заметных интерпретаций дихотомии язык – речь потребовал бы написания отдельного учебника» [6, с. 22].

Приводим здесь результат теоретического осмысления наиболее важных из этих признаков, предлагаемых различными учеными.

Если конкретизировать речь как языкопользование, то у этого термина следует отметить два значения: 1) процесс производства и восприятия высказывания или текста (в этом значении речь называют речевой деятельностью); 2) результат данного процесса – созданное высказывание или текст.

Осваивает человек систему языка, использует ее для мышления и общения благодаря имеющейся у него языковой способности. Таким образом, помимо языка и речи, в языке, понимаемом в широком смысле слова, выделяют еще одну составляющую – языковую способность.

Языковая способность – это способность человека к языку, а именно: это способность к овладению языком, к созданию и восприятию высказываний. Такого понимания данного термина, представленного в более или менее развернутом виде, придерживаются ведущие лингвисты, психолингвисты и психологи.

Так, А. А. Леонтьев толкует его следующим образом: «Языковые способности – это способности к освоению языка, понимаемые как совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство, воспроизводство и адекватное восприятие и понимание языковых знаков членами языкового коллектива» [4, с. 63].

В. В. Красных приводит такую дефиницию рассматриваемого термина: «Языковой способностью ... называется способность человека к порождению и восприятию речевых произведений» [3, с. 80].

Языковая способность предстает «в форме познавательных ресурсов конкретного члена языкового коллектива» [6, с. 23] и позволяет ему «усваивать в некотором объеме информацию о языке-системе» [6, с. 23]. При этом овладеть всей системой языка невозможно, то есть ее знание никогда не бывает исчерпывающим. «Поэтому усвоение языка приводит не к воспроизведению его системы, существующей до человека, а к формированию индивидуального по-

тенциала на основе частичного приобщения к ней» [6, с. 23–24].

«Обязательным компонентом языковой способности является знание человеком единиц и элементов языка и правил их функционирования в процессе речевой коммуникации (действия со знаками)» [1, с. 106]. Эти знания хранятся в языковой памяти и существуют «у индивида на разных уровнях осознания: на уровне сознания (например, у лингвиста или индивида, владеющего письменной речью ...), на уровне так называемого предсознания и, наконец, на бессознательном уровне» [1, с. 107]. В повседневных ситуациях общения использование единиц и правил языка осуществляется на предсознательном и бессознательном уровнях, так как субъекты речевой деятельности соответствующими языковыми знаниями пользуются, но далеко не всегда могут их выразить, сформулировать.

Языковую способность отдельные ученые называют памятью языка.

Некоторые определения интересны тем, что содержат указания на условия, в которых данная способность человека может быть реализована: «Общая языковая способность – способность осваивать речевые умения на основе взаимодействия с другими людьми в процессе социализации» [6, с. 222].

Первым в мире термин «языковая способность» употребил и определил его содержание В. фон Гумбольдт.

На природу языковой способности существуют две противоположные точки зрения: «согласно одной из них, языковая способность заложена биологически и развивается по мере развития ребенка, ... и напротив, согласно другой, – языковая способность есть социальное по сути образование, формирующееся в процессе развития деятельности общения» [5, с. 617]. Если биологическая точка зрения характерна для американской психолингвистики, то отечественная наука придерживается в основном социальной точки зрения [5, с. 617].

Решение данного вопроса, а именно, определение того, в какой мере способность к языку и речи обусловлена наследственно, а в какой она является результатом социальных воздействий, является важным и для понимания рассматриваемого явления, и для организации речевой работы, прежде всего с детьми, имеющими речевые нарушения.

Нам представляется, что в данном случае лучше говорить не о биологической или социальной природе языковой способности, а о ее врожденном или приобретенном характере. И здесь мы придерживаемся позиции, впервые предложенной В. фон Гумбольдтом, в соответствии с которой языковая способность имеет врожденный характер, она «изначально присуща человеку» [2, с. 156], но реализовать ее

он может, находясь в обществе, общаясь с другими людьми.

Только врожденной предрасположенностью к усвоению языка, его единиц и правил, можно объяснить, как малыш, не умеющий выполнять элементарные практические действия, не имеющий опыта интеллектуальной деятельности, неосознанно, без особых усилий, практически самостоятельно, за очень короткий промежуток времени (3–4 года) овладевает сложнейшей системой языка. «Распознавание фонологических и морфологических оппозиций, построение фразы – все это происходит в период, предшествующий осознанным действиям, о чем свидетельствует невозможность вспомнить, как происходит процесс обучения в первые 2–3 года» [6, с. 218]. Поэтому овладение ребенком своим родным языком – это безусловное чудо.

Исследования детской речи, многочисленные экспериментальные данные последних десятилетий подтверждают врожденный характер языковой способности. Приведем некоторые из ярких свидетельств этого.

Одним из них являются особенности голосового развития ребенка в период раннего речевого онтогенеза (до 9–10 месяцев). Данный дословесный этап единообразен у детей всего мира, что говорит о независимости его протекания от социума. Он включает в себя три основные стадии: крик, гуление и лепет. Эти предречевые реакции представляют собой некодифицированную звуковую экспрессивную речь.

Стадия крика длится первые два месяца жизни. «Первые голосовые экспрессии новорожденного – реакции крика – имеют две стороны: внешнюю (голосовые проявления) и внутреннюю (детские аффекты, эмоции). И это характерная черта любого речевого проявления. Речь человека на протяжении всей его жизни по своей сути представляет собой выражение психического (эмоции, желания, мысли) с помощью голоса или другого движения. Поэтому первый детский крик следует считать психофизиологическим зародышем будущей речи, содержащим в себе ее главное качество – внешнее звуковое выражение внутреннего психического состояния» [7, с. 5]. Определяя эту способность ребенка выразить внешне свое внутреннее состояние (в форме крика, а позднее – гуления и лепета), один из ведущих психолингвистов Т. Н. Ушакова вводит понятие интенционально-экспрессивного механизма, который имеет врожденный характер.

Стадия гуления (2–3 месяца – 4–5 месяцев) есть у всех детей, как слышащих, так и глухих от рождения. Гуление по своим фонетическим характеристикам одинаково у всех детей народов мира, то есть на данном этапе речевого развития дети, принадлежащие к разным языкам, начинают произносить одинаковые звуки вне зависимости от языка окружающих их лю-

дей. Преобладают гласные звуки, а также смычные согласные [г], [к], [н].

Гуление постепенно переходит в лепет (4–5 месяцев – 9–10 месяцев), представляющий собой цепочки одинаковых слогов: *ба-ба-ба*, *ма-ма-ма*-, *бо-бо*, *дя-дя*, *де-да* и др. Лепет так же универсален, как и гуление, в каком бы языковом окружении ни находился ребенок: двенадцать наиболее распространенных в языках мира согласных составляют 95 % согласных в лепетной речи будущего носителя любого языка.

Замечено, что во время гуления и на ранней стадии лепета малыш произносит звуки, которые есть во всех мировых языках. Однако к 6–7 месяцам в лепете уже хорошо представлены фонетические особенности языка, на котором говорят окружающие ребенка взрослые. К концу первого года жизни он утрачивает способность различать и произносить любые звуки и его лепет включает только звуки, существенные для языка окружения.

Итак, изучение особенностей раннего речевого онтогенеза позволило ученым сделать вывод о том, что в этот период «решающую роль играет саморазвитие комплекса заложенных при рождении реакций младенца» [7, с. 5].

Еще одним проявлением врожденной языковой способности является готовность ребенка к общению, к обучению во взаимодействии с окружающим миром.

Это обучение включает, в том числе, и копирование речи взрослых. Сама способность к подражанию человеческой речи также является генетически заложенной. Приблизительно с одного месяца у малыша на бессознательном уровне начинает работать имитативный комплекс, побуждающий его подражать сначала мимическим, а немного позже – голосовым проявлениям поведения окружающих людей. «Особый вид имитации, играющей важную роль в усвоении ребенком языка, – это ... имитация языковых фактов самим ребенком» [8, с. 27]. Она проявляется в повторении им сразу или через какое-то время слова, части фразы или целой фразы взрослого. Подражательная деятельность детей происходит в естественной обстановке и никак целенаправленно не координируется взрослыми. Она особенно усиливается в период от усвоения первых слов (9–10 месяцев) до перехода к многословным высказываниям (на втором году жизни). При этом дети крайне избирательны в выборе языкового материала для имитации: они «повторяют из воспринимаемой ими речи взрослых именно то, что находится в данный момент в процессе усвоения» [8, с. 27].

В возрасте 9–10 месяцев лепетные слоговые сочетания получают предметную отнесенность. Например, ребенок говорит: *Мама*, и это относится именно к маме. Способность к обозначению предметов, при-

знаков, действий окружающего мира словами, то есть к знаковой деятельности, является еще одним проявлением врожденной предрасположенности ребенка к усвоению языка.

В период с 1 года до 3–5 лет для речевого развития детей характерна яркая врожденная закономерность, называемая генерализацией. Она заключается в распространении новой языковой формы на выражение содержания, которое требует иных языковых форм. Например, усвоив выражение прямого объекта в винительном падеже у имен существительных женского рода окончанием *-у* (*читай книгу*), ребенок распространяет это окончание и на существительные мужского и среднего рода: *дай хлеба, хочу колесу*.

Необходимо отметить еще одну яркую врожденную способность ребенка на основе слышимых образцов речи взрослых выводить правила образования языковых единиц – правила грамматики, которые лингвисты называют глубинными структурами. Эта способность малыша является уникальным даром, так как позволяет ему, воспринимая линейно развивающуюся речь, получая на основе нее фрагментарные, неполные данные о языке, самостоятельно, неосознанно выводить и усваивать правила построения (модели, схемы) слов, их форм, словосочетаний и предложений. При этом данные правила, естественно, в явном виде для ребенка никто не формулировал, да и сами родители имеют о них довольно смутное представление. Так малыш на основе восприятия речи окружающих его людей и врожденной способности к ее освоению формирует системное, пока еще неосознанное знание языка.

К еще одним интересным закономерностям речевого онтогенеза, имеющим врожденный характер, относятся аналитизм и синтезирование как процессы преобразования ребенком воспринимаемого речевого материала. Их позволяет обнаружить исследование детского словотворчества (возрастной период от двух до семи лет) – удивительного явления, характерного для всех детей мира.

Оригинальные детские слова обнаруживают «тотальное проявление аналитических, дробящих процессов» [7, с. 18]. Так, многие неологизмы детей представляют собой новое соединение элементов (по словообразовательным моделям, существующим в языке), которые до этого должны были быть выделены, то есть этому предшествовал аналитический этап. Например, прикрышиться («сесть на крышу») – слово образовано по модели, по которой построены слова *приземлиться, прилуниться*, на основе выделенного корневого элемента *крыш-(а)*. Слово *забыватель* («тот, кто все забывает») образовано от *забыва-(ть)* при помощи частотного в языке и выделенного ребенком суффикса *-тель* – по аналогии с *учитель, читатель*.

Наряду с аналитическими процессами, детское словотворчество представляет другой вид преобразований словесного материала взрослых – синтезирование, объединение выделенных языковых элементов.

«Описанные аналитические и синтезирующие процессы протекают в когнитивной сфере ребенка автоматически, неосознанно и, по-видимому, являются результатом действия врожденной программы» [7, с. 19].

Есть и другие свидетельства врожденной предрасположенности человека к овладению и владению родным языком, но представляется, что рассмотренных фактов достаточно для безусловного подтверждения наличия «врожденной программы речевого развития» [7, с. 19].

При этом следует обратить внимание на то, что для освоения речевых умений языковой способности, полученной при рождении, недостаточно. Она дает возможность человеку овладеть языком, но реализовать ее он может только в условиях постоянного общения с окружающими его людьми. Поэтому огромная роль в речевом развитии ребенка принадлежит его взаимодействию со взрослыми, его языковой практике, прижизненному опыту.

Подтверждением этому являются наблюдения за людьми, которые по разным причинам лишались человеческого общения в детском возрасте. Эти случаи показывают, что чем позже человек начинает усваивать язык, тем больше он испытывает при этом сложностей и тем меньше у него возможностей им овладеть. Примером здесь являются истории детей-маугли. Так, в 1930-е годы получила известность история Изабеллы, дочери глухонемой женщины. Эта девочка была найдена в возрасте шести с половиной лет. С этого времени началось освоение ею языка, на что ушло около двух лет. И в дальнейшем ее речь ничем не отличалась от речи сверстников. А вот история с девочкой по имени Джини, которая произошла в 1970-е годы, завершилась не так благополучно. Этот ребенок первые двенадцать лет своей жизни провел в запертой комнате. Отец запрещал ей издавать любые звуки и не пускал к ней мать. Попав в человеческие условия жизни и получив возможность общаться с людьми, Джини частично овладела словарем, но не смогла усвоить правила (грамматику) языка.

Таким образом, после определенного возраста (приблизительно 10 лет) люди сталкиваются с трудностями в освоении языка и этот процесс может оказаться безрезультатным. В связи с этим учеными была выдвинута гипотеза о существовании критического периода, в течение которого овладение языком является наиболее успешным. Но если в этот временной промежуток врожденная языковая способность не будет реализована, то по его завершению обучиться языку будет сложно или практически невозможно.

Итак, язык в широком понимании этого термина включает в себя три составляющие: язык (в узком смысле), речь и языковую способность. Все они находятся в тесном единстве и взаимосвязи. Язык, представляя собой готовую систему единиц и правил, реализуется в речи, посредством которой осуществляются процессы мышления и общения людей. А осваивать язык и развивать свою речь человек имеет возможность благодаря получаемой при рождении языковой способности. Эта способность дана только человеку, при этом она еще не гарантирует становление его речевой деятельности. Для реализации этой предрасположенности к языку, то есть для овладения им, ребенок с рождения должен общаться с окружающими его взрослыми.

Знание всего вышесказанного необходимо для понимания феномена языка и правильной организации процесса речевого развития ребенка.

Список источников

1. Глухов В. П. Психолингвистика : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022. 419 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. проф. Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1984. 397 с.
3. Красных В. В. Основы психолингвистики. Лекционный курс. 2-е изд., доп. М. : Гнозис, 2012. 333 с.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М. : Смысл ; Изд. центр «Академия», 2008. 288 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Информация об авторе

А. Е. Варнаева – заведующая кафедрой теории и методики начального образования Смоленского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

A. E. Varnayeva – Head of the Department of Theory and Methodology of Primary Education of Smolensk State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

6. Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание. Часть 1 : учебник для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М. : Р. Валент, 2019. 480 с.

7. Ушакова Т. Н. Принципы развития ранней детской речи // Дефектология. 2004. № 5. С. 4–16.

8. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 172 с.

References

1. Glukhov V. P. Psycholinguistics : textbook with practice for universities. 2nd edition, M. : Yurait, 2022. 419 p.
2. Gumboldt V. Selected Works of Linguistics / translated from German edited by Professor G.B.Ramishvili. M. : Progress, 1984. 397 p.
3. Krasnyh V. V. Foundations of Psycho-linguistics. The Lecture method of instructions. Edition No. 2, add. M. : Gnozis, 2012. 333 p.
4. Leontyev A. A. Foundations of Psycholinguistics : the book for university students. Edition No.5, ster. M. : Sense ; Editional Centre «Academy», 2008. 288 p.
5. Linguistic Encyclopaedia / editor-in-chief V. N. Yartceva. M. : Sov. Encyclopaedia, 1990. 685 p.
6. Pishchalnikova V. A., Sonin A. G. Common Linguistics. Part 1 : the book for university students. Edition No. 2, corr. and add. M. : R. Valent, 2019. 480 p.
7. Ushakova T. N. Principles of development of early child's speech // Defectology. 2004, No. 5, P. 4–16.
8. Tseytlin S. N. Tongue and Child. Linguistics of child's speech. The book for university students. M. : Humanitarian editional centre VLADOS, 2000. 172 p.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-318-325>

НИОН: 2015-0066-3/22-382

MOSURED: 77/27-011-2022-03-581

К вопросу о новых аккредитационных показателях по образовательным программам высшего образования

Сергей Степанович Жевлакович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

zhevlakovich.ss@gmail.com

Аннотация. Анализируются новые аккредитационные показатели по образовательным программам высшего образования, установленные Приказом Минобрнауки России от 25 ноября 2021 года № 1094.

Ключевые слова: аккредитационные показатели, государственная аккредитация образовательной деятельности, аккредитационный мониторинг, федеральный государственный контроль (надзор) в сфере образования

Для цитирования: Жевлакович С. С. К вопросу о новых аккредитационных показателях по образовательным программам высшего образования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 318–325. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-318-325>.

Original article

On the issue of new accreditation indicators for educational programs of higher education

Sergey S. Zhevlakovich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

zhevlakovich.ss@gmail.com

Abstract. The new accreditation indicators for higher education educational programs established by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 1094 dated November 25, 2021 are analyzed.

Keywords: accreditation indicators, state accreditation of educational activities, accreditation monitoring, federal state control (supervision) in the field of education

For citation: Zhevlakovich S. S. On the issue of new accreditation indicators for educational programs of higher education. Bulletin of economic security. 2022;(3):318–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-318-325>.

Приказом Минобрнауки России от 25 ноября 2021 года № 1094 были утверждены новые аккредитационные показатели по образовательным программам высшего образования [1], которые будут действовать с 01 марта 2022 года по 01 сентября 2024 года. Ограниченный срок действия приказа свидетельствует об экспериментальном варианте показателей. В связи с этим важно всесторонне проанализировать последствия для российской системы высшего образования применения данного варианта основного инструмента государственной аккредитации образовательной деятельности и государственного контроля в сфере образования.

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» целью и пред-

метом государственной аккредитации является подтверждение соответствия *качества образования* в организации, осуществляющей образовательную деятельность, установленным аккредитационным показателям [2, чч. 2 и 18 ст. 92]. Аккредитационные показатели в свою очередь должны представлять собой совокупность обязательных требований к *качеству образования* [2, ч. 3 ст. 92].

Проанализируем насколько новый вариант аккредитационных показателей соответствует этому критерию, установленному Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации».

Приказом Минобрнауки России от 25 ноября 2021 года № 1094 (далее – Приказ) установлены три категории аккредитационных показателей:

© Жевлакович С. С., 2022

1. Аккредитационные показатели для осуществления государственной аккредитации образовательной деятельности.

2. Аккредитационные показатели для осуществления аккредитационного мониторинга.

3. Аккредитационные показатели для осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования.

В соответствии с Приказом образовательная организация успешно проходит *государственную аккредитацию* образовательной деятельности при условии получения по результатам оценки аккредитационных показателей в сумме не менее **90** баллов. Для достижения подобного результата образовательной организации достаточно получить по каждому аккредитационному показателю количество баллов на минимальном допустимом уровне, в том числе:

1. Средний балл ЕГЭ обучающихся или средний балл вступительных испытаний (ЕГЭ + дополнительные вступительные испытания) обучающихся, принятых на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета (минимальное значение показателя – 60 баллов) – **5** баллов;

2. Наличие электронной информационно-образовательной среды – **10** баллов;

3. Доля научно-педагогических работников, имеющих ученую степень и (или) ученое звание, а также награды, почетные звания и т. п. (минимальное значение показателя – 50 %) – **5** баллов;

4. Доля работников, имеющих стаж работы в профессиональной области в соответствии с направленностью (профилем) образовательной программы (в соответствии с требованиями соответствующего ФГОС ВО) – **20** баллов;

5. Наличие внутренней системы оценки качества образования – **10** баллов;

6. Доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств образовательной организации (минимальное значение показателя – 55 %) – **40** баллов.

В сумме – **90** баллов.

Насколько данные показатели позволяют объективно оценивать качество образования, получаемого обучающимися по образовательным программам высшего образования?

а) Уровень общеобразовательной подготовки обучающихся, принятых на обучение в образовательную организацию, безусловно, предпосылка, важное *условие* для последующего качественного освоения ими образовательной программы высшего образования. В то же время:

– данное условие не гарантирует автоматически качество освоения обучающимися в вузе образовательной программы, оно зависит, по преимуществу,

от уровня мотивации обучающихся и качества, эффективности образовательного процесса, осуществляемого образовательной организацией;

– результаты ЕГЭ в качестве показателя уровня готовности обучающихся к успешному освоению образовательной программы высшего образования вызывают обоснованные сомнения. Проводимые вузами проверки уровня реальной образованности, интеллектуального развития и когнитивных способностей у обучающихся, принятых на обучение после их зачисления в образовательную организацию, свидетельствуют об этом убедительно;

– привлекательность вуза для выпускников общеобразовательных школ далеко не всегда базируется на высоком качестве образования, которое реально получают выпускники, обучавшиеся в этой образовательной организации, во многом эта привлекательность связана с известностью вуза, его распиаренностью. Объективность многочисленных рейтингов вузов в роли показателей качества их образовательной деятельности также вызывает обоснованные сомнения.

б) Наличие электронной информационно-образовательной среды – необходимое *условие* успешной реализации образовательной программы, наряду с другими, установленными соответствующими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования (далее – ФГОС ВО). В то же время:

– это также только предпосылка, сама по себе не обеспечивающая автоматически, не гарантирующая высокого качества освоения обучающимися образовательной программы высшего образования и не являющаяся реальным уровнем качества освоения обучающимися образовательной программы;

– в качестве аккредитационного показателя Приказом устанавливается формальное *наличие* электронной информационно-образовательной среды, а не ее *эффективность* в части обеспечения качества образования.

в) Доля научно-педагогических работников, имеющих ученую степень и (или) ученое звание, а также награды, почетные звания и т. п. (далее – уровень «остепенности» научно-педагогических работников) – наряду с другими условиями, установленными соответствующими ФГОС ВО, это важное *условие*, необходимое для успешной реализации вузом образовательной программы, в первую очередь ее теоретической, академической составляющей. В то же время:

– значения данного аккредитационного показателя, установленные Приказом, не соответствуют значениям данной нормы, установленным в большинстве действующих ФГОС ВО. В качестве аккредитационного показателя императивно установлен более низкий допустимый минимальный порог уровня «остепенности» научно-педагогических работни-

ков, чем он установлен в большинстве действующих ФГОС ВО – не менее 50 %. Позиция экспертного сообщества по данному условию, зафиксированная в ФГОС ВО, проигнорирована по умолчанию;

– это также только предпосылка, сама по себе не обеспечивающая автоматически, не гарантирующая высокого качества освоения обучающимися образовательной программы высшего образования и не выявляющая реальный уровень качества освоения обучающимися образовательной программы.

г) Доля работников, имеющих стаж работы в профессиональной области в соответствии с направленностью (профилем) образовательной программы – наряду с другими условиями, установленными соответствующими ФГОС ВО, это еще одно важное *условие*, необходимое для успешной реализации образовательной программы, в первую очередь ее профильной и практической составляющих. В то же время:

– это также только предпосылка, сама по себе не обеспечивающая автоматически, не гарантирующая высокого качества освоения обучающимися образовательной программы высшего образования и не выявляющая реальный уровень качества освоения обучающимися образовательной программы.

д) Наличие внутренней системы оценки качества образования – это еще одно важное *условие* успешной реализации образовательной программы, наряду с другими, установленными соответствующими ФГОС ВО. В то же время:

– в качестве аккредитационного показателя Приказом устанавливается формальное *наличие* внутренней системы оценки качества образования, а не ее *эффективность* в части обеспечения качества образования.

е) Доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы – это единственный показатель из всех установленных Приказом, предназначенный для выявления реального уровня качества освоения обучающимися образовательной программы. В то же время:

– установленное Приказом в баллах минимально удовлетворительное значение данного единственного показателя, предназначенного для выявления реального уровня качества освоения обучающимися образовательной программы, составляет только 44 % от минимально удовлетворительного общего результата оценки всех 6-ти показателей

– приемлемым признается уровень освоения обучающимися образовательной программы, при котором почти половина обучающихся (45 %) не могут успешно справиться с диагностической работой, задания которой заранее известны обучающимся, поскольку разработаны и используются вузом в процессе текущего учебного процесса;

– проверка уровня освоения обучающимися образовательной программы осуществляется с использованием оценочных средств, разработанных образовательной организацией по собственному усмотрению, требования к этим оценочным средствам не установлены. Весьма сомнительно, что подобный показатель позволит объективно оценивать качество освоения обучающимися образовательной программы. О действенности данного аккредитационного показателя в качестве инструмента оценки качества освоения обучающимися образовательной программы говорит достаточно откровенная оценка его, данная руководителем Рособнадзора А. Музаевым 13 января 2022 года в докладе, сделанном в рамках Гайдаровского форума – 2022: «Будет парадоксальным, если есть внутренняя система оценки качества у вуза, есть оценочные материалы, а по этим оценочным материалам студенты не проходят нашу независимую оценку».

Таким образом, 5 из 6 аккредитационных показателей, установленных Приказом, предназначены для **формальной оценки наличия условий** реализации образовательной программы. Вряд ли это соответствует установленному Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» статусу аккредитационных показателей в качестве обязательных требований к **качеству образования**. А возможность объективной и всеобъемлющей оценки **качества и уровня** освоения обучающимися образовательной программы с использованием единственного аккредитационного показателя, установленного Приказом, вызывает серьезные сомнения. Кроме того, приказом не определяется, как предполагается оценивать выполнение вузом требований к **результатам** освоения образовательной программы – к уровню освоения обучающимися комплекса **компетенций**, установленных ФГОС ВО и основной образовательной программой образовательной организации.

Приведенный анализ аккредитационных показателей, установленных Приказом для осуществления государственной аккредитации образовательной деятельности, позволяет сделать следующий вывод: *данные аккредитационные показатели нельзя признать эффективным инструментом, способным обеспечить реализацию цели государственной аккредитации – диагностика соответствия государственным требованиям, установленным ФГОС ВО, качества образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность.*

Кроме того, необходимо учитывать два важных обстоятельства:

1. Аккредитация вуза может проводиться по его заявлению после завершения *первого курса* обучающимися первого набора по аккредитуемой образовательной программе [2, ч. 11 ст. 92].

2. Свидетельство о государственной аккредитации действует *бессрочно* [2, ч. 12 ст. 92].

Напрашивается несколько риторических вопросов:

– Можно ли по результатам первого года обучения делать вывод о соблюдении образовательной организацией требований ФГОС ВО к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы – к уровню сформированности комплекса компетенций, установленных ФГОС ВО и основной образовательной программой вуза?

– Можно ли по результатам первого года обучения делать вывод об образовательной деятельности образовательной организации и качестве освоения обучающимися образовательной программы в целом?

– Можно ли на этой основе бессрочно аккредитовать организации, осуществляющие образовательную деятельность?

Очевидно, что с учетом этих обстоятельств принципиальное значение приобретает эффективный аккредитационный мониторинг последующей (после прохождения процедуры аккредитации) образовательной деятельности образовательных организаций, успешно прошедших процедуру аккредитации.

В соответствии с Приказом образовательная организация успешно проходит *аккредитационный мониторинг* образовательной деятельности при условии получения по результатам оценки соответствующих аккредитационных показателей в сумме не менее **70** баллов. Для достижения подобного результата образовательной организации достаточно получить по каждому аккредитационному показателю количество баллов на минимально допустимом уровне, в том числе:

1. Средний балл ЕГЭ обучающихся или средний балл вступительных испытаний (ЕГЭ + дополнительные вступительные испытания), принятых на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета (минимальное значение показателя – 60 баллов) – **5** баллов;

2. Наличие электронной информационно-образовательной среды – **10** баллов;

3. Доля научно-педагогических работников, имеющих ученую степень и (или) ученое звание, а также награды, почетные звания и т. п. (минимальное значение показателя – 50 %) – **5** баллов;

4. Доля работников, имеющих стаж работы в профессиональной области в соответствии с направленностью (профилем) образовательной программы (в соответствии с требованиями соответствующего ФГОС ВО) – **20** баллов;

5. Наличие внутренней системы оценки качества образования – **10** баллов.

6. Доля обучающихся, успешно завершивших обучение по образовательным программам, от общей

численности поступивших (минимальное значение показателя – 50 %) – **5** баллов;

7. Доля выпускников, выполнивших обязательства по договорам о целевом обучении, от общего числа выпускников, обучавшихся по договорам о целевом обучении (минимальное значение показателя – 30 %) – **5** баллов;

8. Доля выпускников, трудоустроившихся в течение года, следующего за годом выпуска, в общей численности выпускников, обучавшихся по основным образовательным программам высшего образования (минимальное значение показателя – 50 %) – **10** баллов.

В сумме – **70** баллов.

В данный перечень включены 5 из 6-ти аккредитационных показателей для осуществления государственной аккредитации образовательной деятельности. Они, как уже отмечалось, не вполне соответствуют установленному на законодательном уровне статусу аккредитационных показателей, поскольку представляют собой требования к *условиям* осуществления образовательной деятельности, а не требования к *качеству* образования.

В данную категорию аккредитационных показателей не включен показатель – результаты выполнения обучающимися заданий диагностической работы, которая проводится только в рамках процедуры осуществления государственной аккредитации образовательной деятельности.

Кроме того, в перечень включены 3 дополнительных показателя:

а) Доля обучающихся, успешно завершивших обучение по образовательным программам, от общей численности поступивших. В качестве удовлетворительного уровня допускается отсев до 50 % обучающихся, поступивших на обучение. Может ли это свидетельствовать о качественной организации образовательного процесса, об удовлетворительных результатах обучения? Можно ли по данному показателю судить о качестве образования, полученного обучающимися, успешно завершившими обучение? Очевидно, что образовательная организация, при желании, вполне может «регулировать» данный показатель в ту или иную сторону. Данный показатель стимулирует образовательные организации в целях получения более высоких баллов (при доле обучающихся, успешно завершивших обучение по образовательным программам, от общей численности поступивших, в размере 70 % и более – 10 баллов) выпускать больше, а не более высокого качества.

б) Доля выпускников, выполнивших обязательства по договорам о целевом обучении, от общего числа выпускников, обучавшихся по договорам о целевом обучении. Допускается невыполнение выпускниками обязательств по договорам о целевом обуче-

нии – до 70 % от общего числа выпускников. Можно ли признать такой результат удовлетворительным, а подобное обучение вполне целевым? Можно ли по данному показателю судить о качестве образования, полученного выпускниками?

в) Доля выпускников, трудоустроившихся в течение года, следующего за годом выпуска, в общей численности выпускников, обучавшихся по основным образовательным программам высшего образования. Удовлетворительным признается трудоустройство только 50 % выпускников в течение 1,5 года после выпуска. Можно ли по данному показателю, при подобной востребованности выпускников на рынке труда, судить об удовлетворительном качестве образования, полученного выпускниками?

Таким образом, представляется, что аккредитационные показатели для осуществления аккредитационного мониторинга, установленные Приказом, не позволяют эффективно оценивать качество образования, которое обучающиеся получают в период, следующий после успешного прохождения организацией, осуществляющей образовательную деятельность, процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности. Из 8-ми аккредитационных показателей данной категории ни один нельзя отнести к обязательным требованиям, которые непосредственно характеризуют *качество образования*.

Приказом установлены также аккредитационные показатели для осуществления *федерального государственного контроля (надзора)* в сфере образования – не менее **60** баллов.

В соответствии с Приказом образовательная организация успешно проходит мероприятия федерального государственного контроля (надзора) при условии получения по результатам оценки соответствующих аккредитационных показателей в сумме не менее **60** баллов. Для достижения подобного результата образовательной организации достаточно получить по каждому соответствующему аккредитационному показателю количество баллов на минимально допустимом уровне, в том числе:

1. Доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств образовательной организации (минимальное значение показателя – 55 %) – **40** баллов;

2. Наличие внутренней системы оценки качества образования – **20** баллов.

В сумме – **60** баллов.

В данный перечень включены 2 из 6-ти аккредитационных показателей для осуществления государственной аккредитации образовательной деятельности.

Насколько данные показатели позволяют объективно оценивать качество образования, получаемого

обучающимися по образовательным программам высшего образования?

а) Как уже отмечалось, вызывает сомнение, что проверка уровня освоения обучающимися образовательной программы с использованием оценочных средств, *разработанных образовательной организацией по собственному усмотрению*, позволяет объективно оценить качество образования, получаемого обучающимися. Кроме того, вряд ли можно признать приемлемым уровень освоения обучающимися образовательной программы, при котором почти половина обучающихся (45 %) не могут успешно справиться с диагностической работой, задания которой используются вузом в процессе обучения и заранее известны обучающимся.

б) Значимость формального *факта* наличия внутренней системы оценки качества образования, без анализа, оценки эффективности ее влияния на обеспечение качества образования, получаемого обучающимися, при установлении аккредитационных показателей явно преувеличена. В то же время весомость данного показателя для определения результатов осуществления *федерального государственного контроля (надзора)* увеличена в 2 раза по сравнению с значимостью его при определении результатов осуществления государственной аккредитации образовательной деятельности и аккредитационного мониторинга. Данный показатель определяет 1/3 итогового результата при оценке аккредитационных показателей, установленных Приказом для осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Таким образом, данные аккредитационные показатели, как и две предыдущие категории показателей, также нельзя признать эффективным инструментом, предназначенным для реализации цели государственного контроля (надзора) в сфере образования. Они не обеспечивают полноценную диагностику соответствия *качества образования* в организации, осуществляющей образовательную деятельность, установленным в ФГОС ВО государственным требованиям к результатам реализации образовательных программ. Представляется, что реально продиагностировать уровень сформированности у обучающихся комплекса компетенций, установленных ФГОС ВО и основной образовательной программой вуза, с помощью аккредитационных показателей, установленных Приказом, невозможно.

Установленные Приказом аккредитационные показатели удобны для проведения процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности, позволяют осуществлять ее в минимальные сроки, расчет этих показателей не требует высококвалифицированных экспертов. В то же время эти показатели не позволяют полноценно реализовывать

цель государственной аккредитации образовательной деятельности – объективно оценивать:

- результаты реализации образовательной организацией образовательной программы;
- реальное качество и уровень освоения обучающимися образовательной программы, качество получаемого ими образования;
- качество образовательной деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Отказ от огромного объема документации, необходимой для прохождения процедуры государственной аккредитации, безусловно, заслуживает самой положительной оценки. В то же время в новых аккредитационных показателях полностью отсутствуют важнейшие критерии, имеющие самое непосредственное отношение к качеству образования, в том числе:

- оценка соответствия основной образовательной программы вуза требованиям ФГОС ВО,
- качество разработки важнейших компонентов основной образовательной программы, отнесенных в настоящее время к компетенции вуза, в том числе: комплекса профессиональных компетенций, индикаторов достижения универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций,
- оценка уровня организации образовательного процесса.

В результате все эти базовые элементы образовательной деятельности вуза в полном объеме отдаются на откуп образовательной организации?

Главный объект, на который ориентированы новые аккредитационные показатели – реализация образовательной организацией условий, необходимых для полноценного осуществления образовательного процесса. Но и их оценка предполагается по формальному признаку их наличия, а не по эффективности реализации этих условий в целях обеспечения качества образования.

В связи с этим есть основания прогнозировать, что применение нового поколения аккредитационных показателей создает угрозу существенного снижения эффективности и результативности государственного контроля качества высшего образования.

Опыт недалекого прошлого показывает, что *снижение роли государства в управлении системой высшего образования, превращение государственного контроля в формализм и фикцию ведет к деградации системы образования, создает благодатную почву для подмены качественного образования его профанацией.*

Выхолащивание государственного контроля в сфере образования устраивает только «бизнесменов» от образования, превращающих образовательную деятельность государственных образовательных де-

ятельность в источник обогащения. Главная и единственная цель подобного бизнеса – прибыль. В девяностые и нулевые годы государственный контроль в сфере образования был минимизирован, а реализация в государственных вузах образования на платной основе последовательно вытесняла бюджетную форму обучения. В этих условиях в целях получения сверхприбыли в жертву приносилось, прежде всего, качество образования и оно превращалось в профанацию, фикцию. Тогда появились олигархи от образования, и сформировалось соответствующее лобби [3]. Такой бизнес – прямая угроза национальной безопасности, поскольку разрушает ключевую основу государственного могущества – системы образования, систему подготовки кадров.

Остановить эту вакханалию удалось только путем восстановления полноценной деятельности Рособнадзора. А лобби, заинтересованное в возрождении подобного бизнеса, нигде не исчезло. Предотвратить его ренессанс может только действенный государственный контроль.

Полное же устранение основы для процветания подобного «предпринимательства», по нашему глубокому убеждению, возможно только при полном отказе от осуществления в государственных образовательных организациях обучения на платной основе. Тем более, очевидно, что на платное обучение поступают, как правило, абитуриенты, существенно уступающие по уровню подготовки тем, кто принят на обучение на бюджетной основе, и далеко не всегда способные осваивать образовательные программы высшего образования даже на удовлетворительном уровне. Вузы МВД России, как и другие казенные образовательные организации, в настоящее время при полноценном бюджетном финансировании вполне обходятся без обучения на платной основе

В этом случае и негосударственные образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность на платной основе, конкурируя с государственными образовательными организациями, в целях привлечения в свои стены обучающихся должны будут обеспечивать качество образования выше, чем в государственных образовательных организациях. Странники предпринимательства на основе профанации обучения вынуждены будут покинуть сферу образования.

Если же государство на данном этапе не имеет достаточных ресурсов для подготовки кадров в своих образовательных организациях только на бюджетной основе, то в порядке превентивной меры предлагается изменить систему оплаты за обучение: деньги вносить не в бюджет вуза, а в государственный бюджет. В этом случае места для обучения на платной основе должны финансироваться также из государственного бюджета. При этом варианте образова-

тельная организация, ее педагогический состав будут выведена из сферы рыночных товаро-денежных отношений и сосредоточатся на своей главной задаче – на повышении качества образования. А образование, наконец, реально не будет рассматриваться как услуга.

Опыт организации нами образовательного процесса в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя позволил апробировать эффективную организационную форму диагностики, контроля и оценки уровня сформированности у выпускников компетенций, установленных ФГОС ВО и основной образовательной программой вуза. Это комплексный междисциплинарный государственный экзамен, проводимый в рамках государственной итоговой аттестации в форме учения, имитирующей профессиональную деятельность в соответствии с профилем подготовки обучающихся. В качестве экспертов, оценивающих уровень и качество профессиональной подготовки выпускников при проведении такого государственного экзамена, должны выступать, наряду с профессорско-преподавательским составом вуза, в обязательном порядке руководители и специалисты практических подразделений соответствующего профиля, то есть заказчики кадров.

Такая форма государственной итоговой аттестации выпускников исполняет роль объективной и эффективной государственной приемки, лишенной формализма и не требующей специального контрольного аппарата и дополнительных громоздких процедур. Только такая форма диагностики позволяет объективно оценивать реальный уровень освоения выпускниками комплекса компетенций, установленных ФГОС ВО и основной образовательной программой вуза – способность реально, на деятельностном уровне осуществлять профессиональную деятельность по профилю подготовки.

Реализация такой формы государственного экзамена, безусловно, требует существенной перестройки всего образовательного процесса с учетом особенностей компетентностной практикоориентированной модели реализации профессионального образования [4; 5; 6; 7], в том числе:

– разработка и реализация комплекса дисциплин-практикумов, основанных на имитации практической деятельности по комплексному решению профессиональных задач на основе интегрированного применения знаний и умений, сформированных на предшествующем этапе обучения;

– интеграция на системной основе в учебный процесс специалистов территориальных органов внутренних дел – заказчиков кадров в качестве экспертов и наставников практического обучения.

Таким образом, очевидно, что назрела необходимость не ослаблять государственный контроль в

сфере образования, а осваивать его новые формы, свободные от формализма и позволяющие эффективно обеспечивать качество образования, качество подготовки кадров – стратегического ресурса успешного развития нашего государства.

Список источников

1. Приказ Минобрнауки России от 25 ноября 2021 года № 1094 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования».

2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

3. Жевлакович С. С. Образование – это услуга? // Педагогика и психология служебной деятельности. 2022. № 1.

4. Жевлакович С. С. Проектирование структуры и содержания профессиональных образовательных программ подготовки кадров для органов внутренних дел и соответствующей системы организационно-методического обеспечения образовательного процесса : монография / С. С. Жевлакович. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

5. Жевлакович С. С. Проектирование образовательного процесса в условиях реализации компетентностного подхода к осуществлению профессионального образования : учебное пособие / С. С. Жевлакович. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

6. Жевлакович С. С. Особенности организации и методики осуществления образовательного процесса при реализации федеральных образовательных стандартов высшего образования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3.

7. Жевлакович С. С. К вопросу об оценке результатов освоения основных образовательных программ высшего образования при реализации компетентностного подхода к организации образовательного процесса // Психология и педагогика служебной деятельности. 2018. № 4.

References

1. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 1094 dated November 25, 2021 «On approval of accreditation indicators for educational programs of higher education».

2. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation».

3. Zhevlakovich S. S. Is education a service? // Pedagogy and psychology of official activity. 2022. № 1.

4. Zhevlakovich S. S. Designing the structure and content of professional educational training programs

for internal affairs bodies and the corresponding system of organizational and methodological support of the educational process : monograph / S. S. Zhevlakovich. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2022.

5. Zhevlakovich S. S. Designing the educational process in the context of the implementation of competence approaches to the implementation of vocational education : a textbook / S. S. Zhevlakovich. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2021.

6. Zhevlakovich S. S. Features of the organization and methodology of the educational process in the implementation of federal educational standards of higher education // Bulletin of Economic Security. 2019. № 3.

7. Zhevlakovich S. S. On the issue of evaluating the results of mastering the basic educational programs of higher education in the implementation of a competence-based approach to the organization of the educational process // Psychology and pedagogy of official activity. 2018. № 4.

Информация об авторе

С. С. Жевлакович – профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы.

Information about the author

S. S. Zhevlakovich – Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored worker of higher education.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Педагогическая системология. Теория, методика, исследования, практика. Учеб.-метод. пособие. Столяренко А. М. 319 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены науковедческие, методологические, а также ряд теоретических и прикладных проблем педагогики с позиций общей теории систем.

В части первой анализируются зарождение, развитие и современное состояние системных исследований в педагогике. На основе анализа системных исследований в разных науках делается вывод об обязательности адаптации положений общей теории систем к специфике природы и закономерностей педагогических явлений и проблем. Излагается и обосновывается педагогическая системология – специальная методология, организация и методика системных исследований, реализующая положения общей теории систем применительно к специфике реальностей педагогической природы.

В части второй описан опыт исследований автора и других ученых, в ходе которых создавалась и совершенствовалась педагогическая системология. Применение положений педагогической системологии позволило по-новому осветить некоторые фундаментальные положения педагогики и предложить практическое применение их для совершенствования педагогической практики в современных условиях создания нового демократического, социального, правового общества в России. Они нашли отражение в главах по общей педагогике, социальной педагогике, педагогике личности, педагогике высшего образования, педагогике управления, юридической педагогике, экстремальной психопедагогике и физиологической педагогике.

Для исследователей педагогических проблем, преподавателей, аспирантов, а также студентов педагогических вузов и педагогов-практиков.

Научная статья

УДК 37.013

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-326-329>

НИОН: 2015-0066-3/22-383

MOSURED: 77/27-011-2022-03-582

Критерии оценки эффективности системы материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии

Абдель-Насир Магомедович Каибов

Центр государственной экспертизы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия, Abdel13@mail.ru

Аннотация. Основной целью данной статьи является рассмотрение вопросов морального и материального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии как системы. Определено, что выступает критерием, какие требования разработаны к критериям, и предложены критерии оценки эффективности такой системы.

Ключевые слова: критерии оценки материального и морального стимулирования, критериальный подход, оценка эффективности системы, стимулы, качество и результат служебно-экспертной деятельности, влияние стимулирования на офицеров-экспертов

Для цитирования: Каибов А.-Н. М. Критерии оценки эффективности системы материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 326–329. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-326-329>.

Original article

Criteria for evaluating the effectiveness of the system of material and moral incentives for expert officers of the Rosgvardiya construction complex

Abdel-Nasir M. Kaibov

Center for State Expertise of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russia, Abdel13@mail.ru

Abstract. The main purpose of this article is to consider the issues of moral and material incentives for expert officers of the Rosgvardiya construction complex as a system. It is determined what is the criterion, what requirements have been developed for the criteria and proposed criteria for evaluating the effectiveness of such a system.

Keywords: criteria for assessing material and moral incentives, criterion approach, evaluation of the effectiveness of the system, incentives, quality and result of service and expert activities, impact of incentives on expert officers

For citation: Kaibov A.-N. M. Criteria for evaluating the effectiveness of the system of material and moral incentives for expert officers of the Rosgvardiya construction complex. Bulletin of economic security. 2022;(3):326–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-326-329>.

Актуальность оценивания эффективности системы материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии высока и вызвана необходимостью повышения эффективности деятельности офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии. Критериальный подход к оцениванию материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии представляет

собой процесс определения эффективности использования стимулирующих деятельность офицеров-экспертов способов на основе специально разработанных критериев.

В методологическом плане было определено, что в качестве критериев в исследовании могут выступить: образцы (система научно обоснованных требований) использования материальных и моральных стимулов, которые накоплены в опыте организацион-

но-педагогической деятельности педагогических работников и офицеров-управленцев воинских частей, отвечающих за эффективность учебно-воспитательного процесса;

образцы тех процессов, которые происходят в результате применения материальных и моральных стимулов в деятельности субъектов, по отношению к которым применены стимулирующие воздействия (особенно важно, чтобы эти образцы были как можно более сравнимы с профессиональной деятельностью офицеров-экспертов;

критерии логического плана, которые могут выступить основой для оценочных суждений экспертов из числа руководителей Центра, строительного комплекса Росгвардии и ученых-педагогов, занимающихся проблемой стимулирования.

Критериальный подход в нашем исследовании выполняет несколько функций:

функцию установления научного факта, подтверждающего наличие изучаемого феномена (применения стимулирующих воздействий к офицерам-экспертам и в целях определения наличия проблемы);

функцию определения уровня научности в применении стимулирующих воздействий по отношению к офицерам-экспертам посредством осуществления количественных замеров качественных характеристик изучаемого феномена и их сравнения с требуемыми;

функцию измерения изменений в применении стимулирующих воздействий по отношению к офицерам-экспертам как результата разработки и использования комплекса мероприятий, направленных на совершенствование системы стимулирования офицеров-экспертов;

функцию определения оптимальности (по Ю. К. Бабанскому) [1] действий по применению стимулирующих воздействий по отношению к офицерам-экспертам, выраженную в качественном и количественном изменении служебно-экспертной деятельности офицеров на уровне максимальной реализации их индивидуально-профессиональных возможностей, без увеличения отводимого на осуществление экспертных действий времени, финансовых и материальных затрат.

Изучение практики материального и морального стимулирования офицеров-экспертов показывает, что в деятельности руководителей экспертных подразделений отсутствует единый подход к оценке эффективности применяемых способов влияния на изменение качества служебно-экспертной деятельности. В этой связи возникла научная задача, связанная с разработкой единых критериев оценки материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса.

Под критериями оценки материального и морального стимулирования офицеров-экспертов строительного комплекса мы понимаем основание (признак,

требования, образец), который позволяет сделать вывод о правильности предпринятых действий по использованию того или иного стимула (комплекса стимулов) посредством сравнения этих действий с обоснованными требованиями, образцом. Так как стимулирование офицеров-экспертов направлено на изменение качества и результатов их служебно-экспертной деятельности, то критерии оценки должны содержать в себе качественные и количественные характеристики. К качественным характеристикам относится соблюдение общих правил применения стимулов и конкретно-прикладных правил применения того или иного стимула. К количественным характеристикам относятся результаты применения стимулов, выраженные в количественном измерении изменений, произошедших в служебно-экспертной деятельности офицеров-экспертов.

В исследовании к системе критериев были разработаны требования, соблюдение которых должно было обеспечить необходимый уровень их научной обоснованности применительно к служебно-экспертной деятельности офицеров-экспертов. К таким требованиям эксперты, в лице руководителей Центра, строительного комплекса Росгвардии и ученых – специалистов в области разработки проблемы материального и морального стимулирования, отнесли:

адекватность – четкое определение объекта оценивания (характеристики личности офицеров-экспертов или качество и результаты их служебно-экспертной деятельности, или соответствие применяемых стимулов решаемой педагогической задаче и т. д.);

семантическую определенность и однозначность – речь идет об едином восприятии и понимании смысло-содержащей информации в каждом критерии оценки;

проективность критериев – точное инструктивное описание каждого критерия и интерпретации результатов его применения, чтобы не было двойного толкования полученных результатов ни по качеству, ни по уровню достижений;

достаточность – свидетельствует о том, что именно такого количества критериев, которое определено в исследовании и раскрыто в нем, достаточно для точного описания результатов.

В исследовании осуществлялся поиск ответов на вопросы о том: что необходимо оценивать и как следует оценивать? Ответы на эти вопросы в современных исследованиях, посвященных проблеме стимулирования, оказались неоднозначными. Разночтения присутствуют как в ответе на вопрос: что необходимо оценивать, так и на вопрос как следует оценивать? Практически все современные исследователи согласны с тем, что:

стимулы представляют собой комплекс мер, применяемых с целью побуждения людей эффективно трудиться;

оценивать следует, в первую очередь результаты деятельности субъектов, по отношению к которым применялось стимулирование, а также изменения в их мотивации, так как стимулирование направлено на создание условий для удовлетворения потребностей.

Наибольшим «белым пятном» выступает отсутствие суждений о необходимости оценки применяемых технологий стимулирования, их качестве, как необходимом условии изменений в качестве результата (т. е. деятельности субъекта, по отношению к которому применялось стимулирование).

Следовательно, при разработке критериев оценки материального и морального стимулирования офицеров-экспертов необходимо учитывать, что оцениваться должны не только изменения в результатах их служебно-экспертной деятельности, но и изменения в подходах к осуществлению стимулирования офицеров-экспертов.

В проведенном исследовании одним из основных признаков, свидетельствующих о влиянии стимулирования на офицеров-экспертов, выступает результат их служебно-экспертной деятельности, к достижению которого стремится субъект стимулирующих влияний. Результат служебно-экспертной деятельности офицеров выражается в качестве экспертных действий и затраченном времени (срок рассмотрения документов) на проведение экспертизы. Отношение полученных результатов экспертной деятельности после реализации педагогически целесообразной системы стимулирования к результатам, которые были до экспериментальной работы (применения педагогически целесообразной системы стимулирования) выступает как результативность.

Результативность применения педагогически целесообразной системы стимулирования офицеров проявляется в итогах служебно-экспертной деятельности: повышении качества экспертных действий; сокращении сроков рассмотрения документов, что приводит к более рациональному расходованию финансовых средств.

Происходящие изменения объясняются по С. Л. Рубинштейну [2, с. 444] тем, что внешние воздействия

преломляются через внутреннюю среду личности, которая, меняясь, проявляется в измененном виде.

В таком случае важно понимать, какими являются внешние воздействия по своим качественным характеристикам. Следовательно, в исследовании для достижения объективности возникает потребность в использовании еще одного критерия. Если исходить из формулы, используемой при разработке современных стандартов качества, что качество процесса при прочих равных условиях, определяет качество результата, то вторым критерием должно выступить качество стимулирования офицеров-экспертов.

Для выявления содержания критерия «качество педагогически целесообразных стимулирующих действий» по отношению к офицерам-экспертам строительного комплекса Росгвардии были изучены научные исследования отечественных ученых. Итогом анализа научных публикаций стало определение содержания критерия «качество педагогически целесообразных стимулирующих действий», которое в последующем оценивалось по:

педагогической целесообразности (справедливость; учет индивидуальных особенностей; направленность на профессиональный рост, на развитие добросовестности и инициативы);

полноте использования видов и способов стимулирования;

технологичности применения стимулирующих способов (целенаправленность, этапность, эффективность) [3].

Другим критерием оценки применения экспериментальной модели материального и морального стимулирования офицеров-экспертов выступила результативность стимулирования, выраженная в таких характеристиках, как:

стремление более ответственно подходить к выполнению своих служебно-экспертных обязанностей;

стремление к профессиональному росту (самообразование, обучение);

профессиональные достижения (сроки рассмотрения проектов; качество рассмотрения проектов) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Критерии оценки системы педагогически целесообразного стимулирования офицеров-экспертов

Критерии		
Название	Содержание (характеристики)	
Качество стимулирования	Педагогическая целесообразность	
	Полнота использования способов стимулирования	
	Технологичность	
Результативность стимулирования	Развитие мотивационной сферы	Ответственное отношение к выполнению служебно-экспертных функций
	Профессиональный рост	Самообразование
		Обучение
	Профессиональные достижения	Сроки рассмотрения проектов
Качество рассмотрения проектов		

Оценка качества и результативности педагогически целесообразного материального и морального стимулирования осуществлялась экспертами, в роли которых выступали – начальник Центра государственной экспертизы войск национальной гвардии, заместитель начальника Центра – главный инженер, заместитель начальника Центра – диссертант (исследователь).

Оценка осуществлялась по баллам (2, 3, 4, 5), которые присваивались каждому компоненту названных критериев. В частности, за:

1) педагогическую целесообразность балл «2» выставлялся, если в процессе стимулирования не учитывалась хотя бы одна из ее составляющих (справедливость; учет индивидуальных особенностей; направленность на профессиональный рост, на развитие добросовестности и инициативы), а балл «5» – за полноценное проявление каждой из составляющих;

2) полноту использования видов и способов стимулирования балл «2» выставлялся, если не использовалось 2 и более стимулов, а балл «5» – за полное использование стимулов;

3) технологичность балл «2» выставлялся, если отсутствовало соответствие по всем признакам (целенаправленность, этапность, эффективность), а балл «5» – за полное соответствие всем признакам;

4) развитие мотивационной сферы балл «2» выставлялся, если мотивационная сфера не способствует успешному выполнению служебно-экспертных функций, а балл «5», если мотивационная сфера способствует успешному выполнению служебно-экспертных функций;

5) профессиональный рост балл «2» выставлялся, если офицер профессионально не развивается, а балл «5», если осуществляется активный профессиональный рост;

6) профессиональные достижения балл «2» выставлялся, если офицер-эксперт не имел никакого профессионального достижения, а балл «5», если офицер-эксперт достигал профессиональных успехов.

Выставлению оценок предшествовала подготовка экспертов оценивающих качество и результативность стимулирования руководителями экспертных подразделений своих подчиненных, которым было предложено: сначала самостоятельно определить технологию выставления оценок, затем проведено обсуждение технологии, разработанной диссертантом и прошедшей экспертизу у 4-х докторов педагогических наук, имеющих значительный опыт управленческой деятельности в больших коллективах.

Расчет итоговых баллов проводился при помощи методов математической статистики.

Педагогическое сопровождение применения разработанной в нашем исследовании технологии оценки качества стимулирующих действий и полученных результатов свидетельствует о правильности выбранного пути, о чем единогласно подтвердили эксперты, применявшие технологию оценки, а также эксперты ученые-педагоги.

Список источников

1. Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды / Ю. К. Бабанский ; сост. М. Ю. Бабанский ; авт. вступ. ст. Г. Н. Филонов [и др.] ; АПН СССР. М. : Педагогика, 1989. 558 с.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. М. : Питер, 2012. 705 с.
3. Шарухин А. П. Психология менеджмента : учебное пособие. СПб. : Речь, 2005. 347 с.

References

1. Babansky Yu. K. Selected pedagogical works / Yu. K. Babanskiy ; comp. M. Yu. Babanskiy ; ed. intro. Art. G. N. Filonov [and others] ; APN USSR. M. : Pedagogy, 1989. 558 p.
2. Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology / S. L. Rubinstein. M. : Piter, 2012. 705 p.
3. Sharukhin A. P. Psychology of management: textbook. SPb.: Speech, 2005. 347 p.

Информация об авторе

А.-Н. М. Каибов – заместитель начальника Центра государственной экспертизы объектов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Information about the author

A.-N. M. Kaibov – Deputy Head of the Center for State Expertise of Objects of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-330-333>

НИОН: 2015-0066-3/22-384

MOSURED: 77/27-011-2022-03-583

О системе физической подготовки сотрудников полиции в системе МВД России

Юрий Валентинович Чехранов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

yvch@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы выявления содержания системы МВД России; педагогической системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД России; а также компонента этой системы – физической подготовки сотрудников полиции.

Ключевые слова: система, МВД России, ОВД, полиция, профессиональная подготовка, сотрудники полиции, физическая подготовка, боевые приемы борьбы

Для цитирования: Чехранов Ю. В. О системе физической подготовки сотрудников полиции в системе МВД России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 330–333. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-330-333>.

Original article

About the system of physical training of police officers in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Yuri V. Chehranov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

yvch@mail.ru

Abstract. The issues of identifying the content of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia; the pedagogical system of professional training of police officers of Russia; as well as the component of this system – physical training of police officers, have been considered.

Keywords: system, Ministry of Internal Affairs of Russia, ATS, police, professional training, police officers, physical training, fighting techniques of wrestling

For citation: Chehranov Yu. V. About the system of physical training of police officers in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of economic security. 2022;(3):330–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-330-333>.

При рассмотрении вопросов методологии физической подготовки сотрудников правоохранительных органов ученым непременно приходится исследовать такие термины, как «система МВД», «система профессиональной подготовки», «система физической подготовки» и т. п. Поэтому необходимо изначально обратиться к истокам термина «система».

Термин «система» происходит от греческого «systema», означающего совокупность ряда элементов, взаимосвязанных друг с другом и составляющих единое целое. При этом каждый элемент сам может представлять собой отдельную систему. В то же время простая сумма этих элементов не позволяет

говорить о системе и не дает такого эффекта как их взаимосвязь. Данное понятие зародилось еще в эпоху философов древнего мира и с середины XX века стало основой философско-методологических исследований в различных областях науки [5; 9].

В настоящем исследовании в первую очередь следует рассмотреть систему МВД России, которая состоит из органов внутренних дел (ОВД), представляющих основную подсистему, а также организаций и подразделений, представляющих вспомогательную подсистему (паспортно-визовая и другие специализированные службы). В составе ОВД специалисты выделяют основной компонент – полицию, другой ком-

понент представлен внутренней службой и юстицией [1; 7]. В состав ОВД входят центральный аппарат МВД России и территориальные органы, а также образовательные организации (ОО), в которых проходят профессиональную подготовку и получают профессиональное образование сотрудники полиции.

Наибольшие разногласия у специалистов вызывает система профессиональной подготовки сотрудников ОВД [8], важнейший раздел которой до недавнего времени носил название «служебно-боевая подготовка». Автор В. Г. Лупырь подчеркивает, что в настоящее время «...служебно-боевая подготовка, к которой относились служебная, боевая и физическая, переименована в профессиональную служебную и физическую подготовку. Она включает в себя: правовую, служебную, огневую и физическую подготовку» [6, с. 162]. И далее он формулирует такой вывод, что «служебно-боевая подготовка курсантов вузов МВД России превратилась сегодня в разветвленный, выделенный в отдельные учебные дисциплины (правовая, тактико-специальная, огневая и физическая подготовка), несистематизированный учебный процесс» [6, с. 162]. Далее В. Г. Лупырь предлагает собственную модель «педагогической системы междисциплинарной интеграции служебно-боевой подготовки курсантов вузов МВД России», позволяющей, по его мнению, «рассматривать действия сотрудника ОВД в процессе оперативно-служебной деятельности в полном цикле, т. е. с применением ранее полученных знаний, умений и навыков» [6, с. 167]. Центральное место в представленной модели системы отведено моделированию «ситуационных задач на основе междисциплинарной интеграции» [6, с. 167]. С этим следует согласиться, при условии действительной предварительной сформированности у обучаемых навыков применения необходимых действий, в особенности – применения физической силы.

Какими средствами существующая система профессиональной подготовки предлагает формировать указанные навыки, следует рассмотреть на важном компоненте этой системы – дисциплине «Физическая подготовка». Данная учебная дисциплина, в свою очередь, понимается также как «педагогическая система», поскольку представляет собой совокупность «взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного, целенаправленного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами» [4]. Действующее «Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [2] (в дальнейшем НОФП-17) также представляет физическую подготовку самостоятельной системой, цель которой обозначена в п. 2 данного документа: «формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-

служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, а также обеспечение высокой работоспособности в процессе служебной деятельности». Содержанием данной системы являются, в соответствии с задачей, указанной в п. 4: «...упражнения общей физической подготовки (на силу, быстроту и ловкость, выносливость) и служебно-прикладные упражнения (боевые приемы борьбы)», представляющие два ее взаимосвязанных компонента. Из задачи, указанной в п. «6. Доведение физических качеств до требуемого уровня, формирование необходимых двигательных навыков и умений осуществляются в рамках обучения по основным и дополнительным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении МВД России», следует, что «Физическая подготовка» как отдельная учебная дисциплина преподается в рамках образовательных программ различного уровня. А из задачи, указанной в п. «7. Поддержание и совершенствование физических качеств, а также двигательных навыков и умений сотрудников осуществляются на занятиях по профессиональной служебной и физической подготовке, следует, что в данном случае физическая подготовка выступает как постоянный компонент профессиональной служебной деятельности преподается в рамках учебной программы, без изменения образовательного уровня обучающихся.

Наиболее полное представление о содержании системы физической подготовки сотрудников ОВД РФ представлено в приказе МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [3], в котором в п. 160 представлен перечень служебно-прикладных упражнений (СПУ) специального уровня физической подготовки. Данный перечень является наиболее полным, поскольку содержания усиленного и базового уровней физической подготовки являются лишь его сокращенными вариантами. Раздел ОФП в данном ракурсе исследовать нецелесообразно, поскольку его упражнения общеизвестны и разногласий не вызывают.

Исходя из указанного выше содержания, система физической подготовки сотрудников ОВД РФ, помимо подсистемы ОФП, включает также подсистему СПУ, состоящую из трех взаимосвязанных блоков: «160.1. Боевые приемы борьбы; 160.2. Задачи, решаемые при обучении тактике применения боевых приемов борьбы; 160.3. Учебно-боевую практику» [3]. Однако, упражнения пп. 160.2, 160.3. включают в себя боевые приемы борьбы (БПБ), поэтому их следует рассматривать как компоненты первого блока – 160.1. БПБ. Такое слияние блоков позволяет представить систему физической подготовки сотрудников ОВД РФ,

состоящей лишь из двух подсистем: ОФП и БПБ, что полностью согласуется с перечнем основных средств ФП, представленных в НОФП-17.

Таким образом, выявлено, что при исследовании вопросов совершенствования физической подготовки сотрудников ОВД России, следует различать самую обширную систему, которой является система МВД России, одними из ее структурных компонентов являются ОВД, включая полицию, внутренняя служба, юстиция, образовательные и ряд других организаций ведомства, а также паспортно-визовая и другие специализированные службы.

Важнейшей педагогической системой отрасли является система профессиональной подготовки сотрудников полиции, специализированная подсистема которой представлена профессиональной служебной и физической подготовкой, содержащей правовую, служебную, огневую и физическую виды подготовки. Проблема интегрального обучения учебных дисциплин данной системы до настоящего времени не решена и остается актуальной.

В свою очередь учебная дисциплина «Физическая подготовка» также представляет собой отдельную педагогическую систему, состоящую из двух подсистем: ОФП и БПБ. Противоречивость учебных тем, составляющих содержание подсистемы БПБ, является на сегодня также нерешенной проблемой и требует всестороннего научного исследования, которое позволит усовершенствовать систему физической подготовки сотрудников ОВД России, в первую очередь – сотрудников полиции.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 г. № 699 (ред. от 22.12.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 03.01.2022).

2. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями на 27 июля 2020 года) [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 03.01.2022).

3. Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями на 25 января 2021 года) [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 03.01.2022).

4. Вишнякова С. М. Профессиональное образование : словарь. Ключевые понятия, термины, акту-

альная лексика / С. М. Вишнякова. М. : НМЦ СПО, 1999. 538 с.

5. Жилина А. И. Системно-деятельностный подход к управлению знаниями на уроке в соответствии с требованиями ФГОС / А. И. Жилина // ЧиО. 2017. № 4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-deyatelnostnyy-podhod-k-upravleniyu-znaniyami-na-uroke-v-sootvetstviy-s-trebovaniyami-fgos> (дата обращения: 03.01.2022).

6. Лупырь В. Г. Междисциплинарная интеграция в служебно-боевой подготовке курсантов вузов МВД России : монография / В. Г. Лупырь. Омск : Омская академия МВД России, 2013. 188 с.

7. Ольшевский А. В. К вопросу о соотношении понятий «органы внутренних дел» и «полиция» / А. В. Ольшевский, Ю. В. Малышева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3 (93). С. 77–83.

8. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских) : учебник в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. Часть 2. М. : ДГСК МВД России, 2014. 459 с.

9. Пургина Е. И. Методологические подходы в современном образовании и педагогической науке : учеб. пособие / Е. И. Пургина ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. 275 с.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.12.2016 № 699 (ed. dated 22.12.2021) «On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation» [Electronic resource] // Garant system (accessed: 03.01.2022).

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 450 dated July 1, 2017 «On approval of the Manual on the Organization of Physical Training in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» (as amended on July 27, 2020) [Electronic resource] // The Garant system (accessed: 03.01.2022).

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 5, 2018 № 275 «On approval of the Procedure for organizing training for positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» (as amended on January 25, 2021) [Electronic resource] // Garant System (accessed: 03.01.2022).

4. Vishnyakova S. M. Professional education : dictionary. Key concepts, terms, actual vocabulary / S. M. Vishnyakova. M. : NMC SPO, 1999. 538 p.

5. Zhilina A. I. System-activity approach to knowledge management in the classroom in accordance with the requirements of the Federal State

Educational Standard / A. I. Zhilina // CHIO. 2017. № 4 (53). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-deyatelnostnyy-podhod-k-upravleniyu-znaniyami-na-uroke-v-sootvetstvii-s-trebovaniyami-fgos> (accessed: 03.01.2022).

6. Lupyr V. G. Interdisciplinary integration in the service and combat training of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia : monograph / V. G. Lupyr. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 188 p.

7. Olshevsky, A. V. On the question of the relationship between the concepts of «internal affairs

bodies» and «police» / A. V. Olshevsky, Yu. V. Malysheva // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3(93). P. 77–83.

8. Professional training of employees of internal affairs bodies (professional training of police officers) : textbook in 2 hours / under the general ed. V. L. Kubysenko. Part 2. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 459 p.

9. Purgina, E. I. Methodological approaches in modern education and pedagogical science : textbook. manual / E. I. Purgina ; Ural. gos. ped. un-T. Yekaterinburg, 2015. 275 p.

Информация об авторе

Ю. В. Чехранов – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Chehranov – Associate Professor of the Department of Physical Training of the educational and scientific complex of special training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Социальная психология. Учебник. Под ред. А. М. Столяренко. 3-е изд., перераб. и доп. 431 с. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник содержит полную и четко структурированную систему современных социально-психологических знаний – важного раздела психологической науки. Это знания о психологии групп и поведения человека в группах, – знания нужные для жизни и деятельности каждому образованному человеку. Развитие человека, его права и свободы учеба, труд, семья, торговля, менеджмент, преступность, культура, досуг, жизненные кризисы, пьянство, наркомания – все так или иначе влетено в систему социально-психологических связей и зависимостей. Понимание их и умение разбираться в них – важнейшее условие жизненных успехов.

Учебник ориентирован на широкий круг читателей, использование в вузах самого различного профиля, готовящих кадры, чья деятельность требует достаточной социально-психологической компетентности.

Содержание учебника включает весь минимум социально-психологических знаний, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами. Оно открывает и возможность его профилирования при подготовке будущих профессионалов разных направлений деятельности.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-334-344>

НИОН: 2015-0066-3/22-385

MOSURED: 77/27-011-2022-03-584

Организационно-управленческие мероприятия, направленные на реализацию педагогической технологии физической подготовки в развитии компонентов физического состояния обучающихся в образовательных организациях МВД России

Андрей Вячеславович Щукин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

shykin1972@yandex.ru

Аннотация. Изложена последовательность проведения организационно-управленческих мероприятий, посредством которых осуществлялась реализация педагогической технологии физической подготовки в развитии компонентов физического состояния курсантов и слушателей мужского и женского пола образовательных организаций МВД России. Определены этапы, их продолжительность с кратким описанием мероприятий – констатирующий и преобразующий педагогический эксперимент, физиологическая направленность педагогических воздействий, применяемых в ходе различных частей опытно-экспериментальной работы, педагогическая технология в виде блок-схемы, включающей цель, задачи, педагогические условия, последовательность реализации, стадии (базовая, оздоровительно-поддерживающая, подводяще-коррекционная, контрольно-развивающая, информационная), педагогический контроль (этапный, текущий, оперативный), формы организации (аудиторные, факультативные, в режиме учебного дня, секционные, самостоятельные, индивидуальные домашние задания) учебных занятий, методы (равномерный, повторный, переменный, круговой, игровой) и средства (аэробные, смешанные (аэробно-анаэробные), анаэробно-гликолитические, анаэробно-креатинфосфатные, рекреационные).

Ключевые слова: курсанты, слушатели, мужчины, женщины, образовательные организации МВД России, педагогическая технология, компоненты физического состояния, физическое развитие, двигательная подготовленность, функциональное состояние, организационно-управленческие мероприятия, этапы, стадии, педагогический эксперимент, констатирующий эксперимент, преобразующий эксперимент, средства аэробной направленности, упражнения смешанной направленности, педагогические воздействия анаэробной гликолитической направленности, упражнения, воздействующие на креатинфосфатный механизм энергообеспечения, достоверность различий

Для цитирования: Щукин А. В. Организационно-управленческие мероприятия, направленные на реализацию педагогической технологии физической подготовки в развитии компонентов физического состояния обучающихся в образовательных организациях МВД России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 334–344. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-334-344>.

Original article

Organizational and managerial measures aimed at the implementation of pedagogical technology of physical training in the development of components of physical condition of students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Andrey V. Shchukin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

shykin1972@yandex.ru

Abstract. The sequence of organizational and managerial measures is presented through which the implementation of pedagogical technology of physical training in the development of components of physical condition cadets and male

© Щукин А. В., 2022

and female students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia was carried out. The stages and their duration are defined with a brief description of the activities – ascertaining and transforming pedagogical experiment, physiological orientation of pedagogical influences applied during various parts of experimental work, pedagogical technology in the form of a flowchart, including the goal, objectives, pedagogical conditions, sequence of implementation, stages (basic, health-supporting, summing-correctional, control-developing, informational), pedagogical control (stage-by-stage, current, operational), forms of organization (classroom, optional, in the mode of the school day, sectional, independent, individual homework) of training sessions, methods (uniform, repeated, variable, circular, game) and means (aerobic, mixed (aerobic-anaerobic), anaerobic-glycolytic, anaerobic-creatine phosphate, recreational).

Keywords: cadets, trainees, men, women, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pedagogical technology, components of physical condition, physical development, motor readiness, functional state, organizational and managerial measures, stages, stages, pedagogical experiment, ascertaining experiment, transforming experiment, aerobic means, exercises of mixed orientation, pedagogical effects of anaerobic glycolytic orientation, exercises affecting the creatine phosphate mechanism of energy supply, reliability of differences

For citation: Shchukin A. V. Organizational and managerial measures aimed at the implementation of pedagogical technology of physical training in the development of components of physical condition of students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of economic security*. 2022;(3):334–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-3-334-344>.

Введение. Стремительный ритм современной жизни «... выдвигает соответствующие требования к активному образу жизни вообще, двигательной подготовленности, в частности, применительно к подрастающему поколению молодых людей, некоторые из которых имеют прямое отношение к студенческой молодежи» [9]. Курсанты образовательных организаций МВД России являются ее (студенческой молодежи) составной частью, хотя и в статусе сотрудников. Качественное выполнение полицейскими своих служебных обязанностей, реально только при наличии должного уровня их физического состояния, оценка которого осуществляется по степени физического развития, двигательной подготовленности, функционального состояния. И, если физическое развитие и функциональное состояние определяется при выполнении диспансеризационных процедур, то двигательная подготовленность устанавливается в ходе контрольных проверок, проводимых по месту несения службы сотрудников, которые далеко не всегда могут выполнить контрольные упражнения, определяющие их уровень общей физической подготовленности, набрав минимально-достаточное количество баллов. С подобной проблемой часто сталкиваются молодые полицейские, вчерашние выпускники высших образовательных организаций системы МВД России. Отсутствие систематических занятий физическими упражнениями в течение относительно продолжительного времени, пагубно сказывается на результатах выполнения тестовых заданий, предшествующих боевым приемам борьбы при плановых проверках и, как следствие, отрицательный результат в ходе их проведения. Представленная ниже педагогическая технология физической подготовки позволяет восполнить подобный пробел. Эффективность ее (технологии) применения имела место на основе ре-

зультатов, систематически проходивших математико-статистическую обработку [11], полученных в ходе 8-летнего исследования, с привлечением курсантов четвертых годов обучения, и слушателей (младших офицеров полиции) пятых курсов мужского и женского пола образовательных организаций МВД России.

Педагогическая технология рассматривается некоторыми специалистами как «... системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний, с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования» [3]. Выполнено достаточно большое количество научно-исследовательских изысканий с применением различных технологий, применительно к физическому воспитанию и тренировке лиц, регулярно занимающихся и не занимающихся спортом [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 16]. Так как реализация педагогической технологии позволяла изменить физическое состояние обучающихся, следует определиться именно с этим термином (физическое состояние), который названные выше специалисты трактуют, как «... совокупность показателей, характеризующих физическое развитие, функциональное состояние организма и физическую подготовленность личности» [3]. Многие специалисты сферы физической культуры и спорта исследовали физическое развитие [22], двигательную подготовленность [10; 14; 15; 18; 19], функциональное состояние [12; 13] занимающихся. Заслуживали внимания исследования физического состояния курсантов женского пола различного уровня соматического развития, обучающиеся в образовательных организациях МВД России [17; 20; 21]. Однако информации, связанной с повышением физического состояния курсантов и слушателей мужского и женского образовательных организациях МВД России

через реализацию педагогической технологии физической подготовки, в доступной литературе получить не удалось. Именно это обстоятельство и определило направление настоящего исследования.

Основная часть. Научные изыскания, выполненные в ходе проведения исследования, были организованы поэтапно (пять этапов различной продолжительности).

На первом этапе (в течение семи месяцев):

– изучалась и анализировалась научно-методическая литература по теме исследования, документы планирования учебного процесса по дисциплине «Физическая подготовка»;

– проводилось педагогическое наблюдение за учебным процессом курсантов и слушателей мужского и женского пола образовательных организаций МВД России;

– выдвигалась научная гипотеза, определялись объект, предмет, цель исследования, ставились задачи, подбирались методы, адекватные поставленным задачам;

– осуществлялись «фоновые» (исходные) измерения, позволяющие получить представление о компонентах физического состояния курсантов и слушателей образовательной организации, оценка которых осуществлялась по определению уровня физического развития, двигательной подготовленности, функционального состояния сердечно-сосудистой системы обучающихся.

Полученные результаты анализировались на втором этапе (девять месяцев), который предусматривал проведение математико-статистической обработки количественных данных «фоновых» измерений и планирование констатирующей части педагогического эксперимента. По степени физического состояния различий на достоверно значимом уровне среди обучающихся (не зависимо от пола) не выявлено. По-

сле проведения статистических расчетных процедур, установлена однородность групп по вариативности показателей физического развития, двигательной подготовленности, функционального состояния курсантов и слушателей мужского (рис. 1) и женского (рис. 2) пола, что позволило распределять педагогические воздействия исключительно с учетом половой принадлежности обучающихся.

В ходе третьего этапа (девятнадцать месяцев) проводился констатирующий педагогический эксперимент, целью которого явилась оценка эффективности учебной программы, применяемой в образовательном процессе по физической подготовке. Данная часть опытно-экспериментальной работы включала в себя пять стадий: первая – начальная (пять месяцев), вторая – первая предварительная (три месяца), третья – вторая предварительная (четыре месяца), четвертая – заключительная (пять месяцев), пятая – контрольная (два месяца).

Задача первой (начальной) и четвертой (заключительной) стадий – определить влияние учебных занятий по физической подготовке на изменение компонентов физического состояния обучающихся; второй (первой предварительной) и третьей (второй предварительной) стадий – выявить динамику показателей физического развития, двигательной подготовленности, функционального состояния у курсантов и слушателей мужского и женского пола, при отсутствии систематических педагогических воздействий; пятой (контрольной) стадии – оценить наличие «следовых» процессов при сдаче контрольных нормативов по общей физической подготовке на первой проверке в статусе сотрудника территориального подразделения органа внутренних дел.

Констатирующий эксперимент предусматривал соблюдение определенной последовательности в выполнении исследовательских процедур. Проведено:

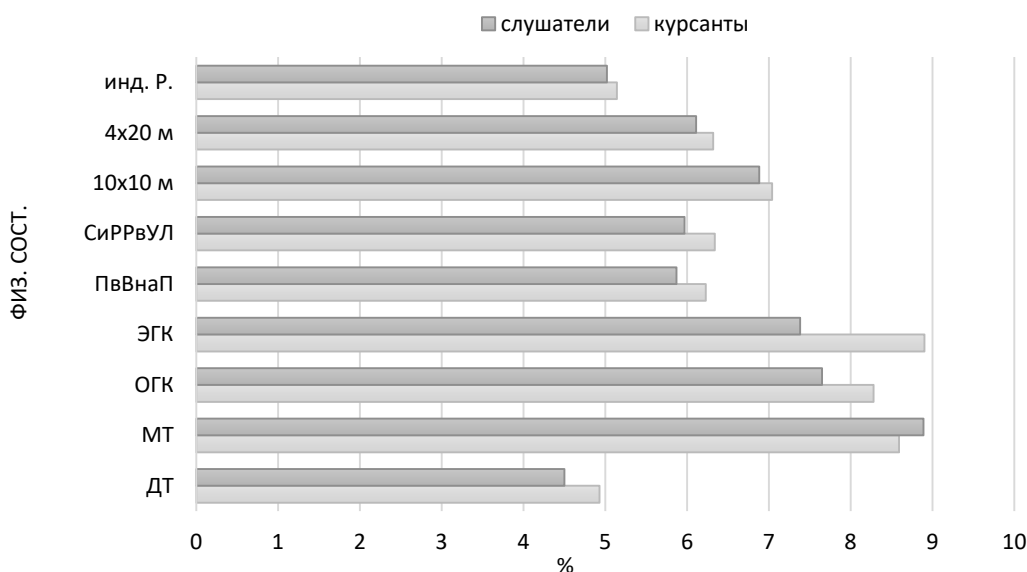

Рис. 1. Вариативность показателей физического состояния курсантов и слушателей мужского пола

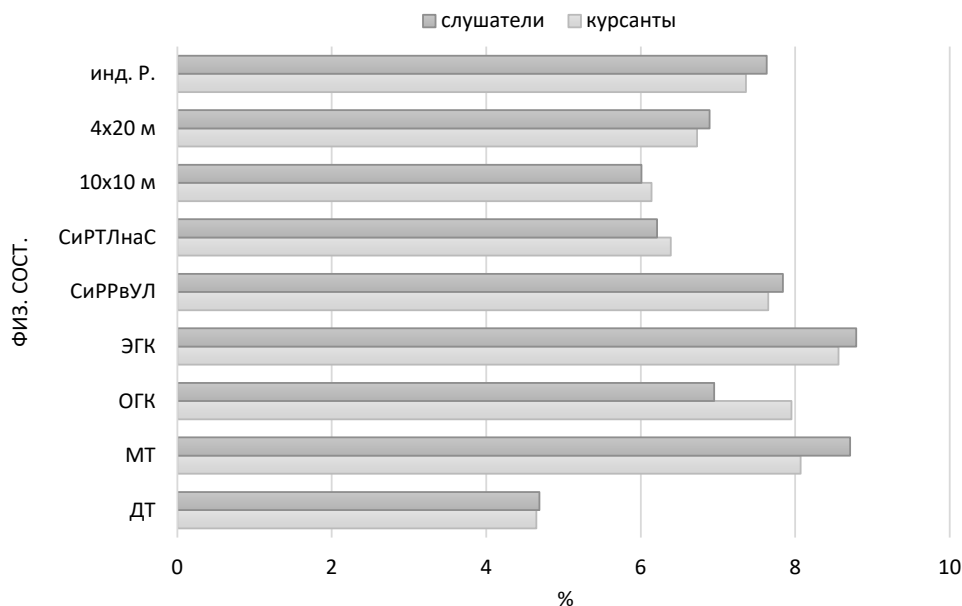

Рис. 2. Вариативность показателей физического состояния курсантов и слушателей женского пола

– распределение обучающихся по экспериментальным и контрольным группам;

– определение физиологической направленности средств и их соотношения в учебном процессе по физической подготовке;

– выявление уровня физического развития, двигательной подготовленности, функционального состояния курсантов и слушателей мужского и женского пола по результатам контрольных измерений.

Распределение обучающихся мужского и женского пола, формирующих учебные взводы, осуществлялось по экспериментальным и контрольным группам и носило формальный характер, так как не отражалось на направленности учебных занятий. Все обучающиеся, не зависимо от принадлежности к конкретным группам, выполняли одни и те же задания преподавателя, предусмотренные учебной программой.

В ходе проведения первой (начальной) и четвертой (заключительной) стадий, была определена физиологическая направленность средств и их соотношение в учебном процессе по физической подготовке.

В начале и по окончании каждой стадии проводился педагогический контроль, осуществляемый в форме контрольных измерений уровня физического развития, двигательной подготовленности, функционального состояния курсантов и слушателей мужского и женского пола.

На четвертом этапе (семь месяцев) выполнялась математико-статистическая обработка результатов констатирующего педагогического эксперимента, позволившая установить, что среди применяемых на учебных занятиях по физической подготовке упражнений (как обще развивающих, так и специально-подготовительных) соотношение их распределения по физиологическим зонам мощности было следующим: курсанты – 89.6 % – средства аэробной на-

правленности, 10.1 % – смешанной направленности, 0.3 % – анаэробной гликолитической направленности, упражнений, воздействующих на креатин фосфатный механизм энергообеспечения, не выявлено; слушатели – 91.2 %, 8.6 %, 0.2 % соответственно. Также, как и у курсантов (не зависимо от половых различий), средств, креатин фосфатного механизма энергообеспечения, не установлено.

В ходе констатирующего эксперимента выявлена различная (как положительная, так и отрицательная) динамика показателей, определяющих уровень компонентов физического состояния обучающихся. По окончании первой (начальной) стадии выявлены положительные изменения в физическом развитии, двигательной подготовленности и функциональном состоянии курсантов мужского и женского пола. Аналогичные изменения установлены и после четвертой (заключительной) стадии эксперимента, что нельзя сказать, анализируя показатели физического состояния обучающихся по окончании второй и третьей стадий. И, если количественные величины, определяющие физическое развитие как лиц мужского, так и женского пола изменялись в сторону увеличения, можно рассматривать как вполне закономерную особенность, связанную с ростом и развитием организма обучающихся, то динамика двигательной подготовленности и функционального состояния имела отрицательные значения, что, вероятно, являлось следствием отсутствия регулярных физических нагрузок (в связи с отпуском в летний период и практикой в территориальных отделах органов внутренних дел) в данный период. На пятой стадии была получена информация от представителей контрольных и экспериментальных групп по окончании их первой проверки в статусе сотрудника полиции территориального отдела ОВД. По тем сведениям, которые были представ-

лены, выявлено, что, в среднем, 9 % сотрудников не смогли набрать минимально-достаточное количество баллов при сдаче контрольных нормативов по общей физической подготовке.

На этом же этапе осуществлялось теоретико-методическое обоснование технологии физической подготовки, с последующим планированием преобразующей части педагогического эксперимента.

В течение семнадцати месяцев (пятый этап) проводился формирующий педагогический эксперимент, в ходе которого осуществлялась реализация разработанной (по анализу результатов констатирующего эксперимента) технологии физической подготовки, позволившей повысить уровень физического развития, двигательной подготовленности и функционального состояния курсантов и слушателей мужского и женского пола образовательных организаций МВД России. Внедрение технологии в учебный процесс проводилось с учетом всех методологических требований и с соблюдением последовательности выполнения необходимых процедур. На рисунке 3 представлена блок-схема технологии физической подготовки с иллюстрацией цели, задач, педагогических условий, последовательности реализации, стадий, педагогического контроля, форм организации, методов и средств в ней используемых. В основе разработки технологии лежала концепция целесообразного соотношения применяемых средств различной физиологической направленности, с преимущественным использованием упражнений, выполняемых в анаэробно-гликолитической и анаэробно-креатинфосфатной зонах энергетической мощности. Концепция имеет широкое распространение в видах спортивной деятельности и применяется, если необходимо в короткий временной промежуток достичь существенного повышения двигательной активности. В настоящем исследовании, выполнялось увеличение средств анаэробно-гликолитической и креатинфосфатной направленности, за счет снижения аэробных упражнений. На первой стадии преобразующего эксперимента соотношение средств составило у мужчин: аэробных – 87.3 %, смешанных – 7.4 %, анаэробно-гликолитических – 3.2 %, анаэробно-креатинфосфатных – 2.1 %; у женщин: 89.4 %, 7.2 %, 2.1 %, 1.3 % соответственно. На четвертой стадии соотношение предлагаемых заданий у мужчин было следующим: аэробные – 83.4 %, аэробно-анаэробные – 7.1 %, анаэробно-гликолитических – 5.2 %, анаэробно-креатинфосфатных – 4.3 %; у женщин: 87.1 %, 7.3 %, 3.4 %, 2.2 % соответственно. Был применен циклический принцип планирования учебных занятий, с распределением физической нагрузки по мезоциклам и микроциклам. Каждый мезоцикл состоял из четырех микроциклов и имел определенную направленность, дифференцируя педагогические воздействия по половой при-

надлежности представителей экспериментальных групп.

На первой, базовой стадии применялись средства общего и специализированного воздействия аэробной, смешанной, анаэробной гликолитической и рекреационной направленности для повышения уровня развития сердечно-сосудистой и дыхательной систем, опорно-двигательного аппарата обучающихся, а также упражнения скоростного и скоростно-силового характера в ходе аудиторных, факультативных, секционных, самостоятельных занятий, занятий в режиме учебного дня и индивидуальных домашних заданий через использование равномерного, повторного, кругового, игрового методов, с обязательным осуществлением видов педагогического контроля – этапного, текущего. Установлена положительная динамика по уровню физического состояния (рис. 4), как у курсантов мужского, так и женского пола не зависимо от принадлежности к конкретным группам. Статистически достоверные различия выявлены по двигательной подготовленности и функциональному состоянию у курсантов обоих полов экспериментальных групп, по сравнению с группами контрольными.

Вторая стадия – оздоровительно-поддерживающая – была направлена на использование различных форм организации занятий физкультурно-оздоровительного характера для поддержания должного уровня физической подготовленности и функционального состояния обучающихся в их отпускной период. Полученные курсантами задания носили рекомендательный характер, хотя и с обязательным проявлением систематической (не менее одного раза в неделю) двигательной активности самостоятельно, применяя оздоровительный бег, спортивные игры, силовые тренировки с весом собственного тела, то есть средства аэробной и смешанной направленности через равномерный и игровой методы. На рисунке 5 представлены результаты, полученные в контрольных и экспериментальных группах, сформированных из курсантов мужского и женского пола по окончании второй стадии. По физическому развитию отмечены положительные изменения в контрольных и экспериментальных группах. Такие же изменения установлены в экспериментальных группах по двигательной подготовленности и функциональному состоянию, тогда как в контрольных группах установлена отрицательная динамика. Различия статистически достоверны на 5-процентном уровне значимости.

Подводяще-коррекционная или третья стадия предполагала участие слушателей мужского и женского пола, проходящих практику в территориальных органах внутренних дел, в самостоятельных и факультативных занятиях (один раз в неделю) физкультурно-оздоровительного характера под руководством преподавателя, при посещении образовательной ор-

Цель – развитие компонентов физического состояния обучающихся в образовательных организациях системы МВД России

Задачи:

- укрепление опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой и дыхательной систем курсантов и слушателей мужского и женского пола образовательных организаций МВД России средствами общей физической подготовки;
- повышение устойчивости организма занимающихся к действиям неблагоприятных факторов окружающей среды и уровня их (обучающихся) разносторонней физической подготовленности, с помощью общеподготовительных и специально-подготовительных упражнений;
- расширение арсенала подводящих средств, направленных на освоение рациональной техники выполнения контрольных заданий;
- повышение уровня функционального состояния обучающихся, средствами различной физиологической направленности;
- создание условий и, как результат, реализация требований, позволяющих достичь положительной динамики показателей, определяющих уровень физической подготовленности курсантов и младших офицеров полиции, через применение средств общего и специализированного воздействия на организм занимающихся;
- поддержание достигнутого уровня физического состояния с помощью использования различных форм организации занятий физическими упражнениями;
- повышение результатов контрольных заданий через применение средств различной энергетической направленности;
- определение рационального соотношения физической нагрузки различной физиологической мощности в учебном процессе по физической подготовке.

Педагогические условия:

- четкая, краткая и конкретная формулировка целей и путей их достижения в ходе практического занятия с обучающимися;
- соответствие учебного материала программным требованиям: теме, целям, задачам занятия, возрасту курсантов и слушателей мужского и женского пола, их возможностям, с учетом физического состояния;
- учет самостоятельной работы обучающихся;
- организация многократного повторения учебного материала, с целью его прочного закрепления;
- соответствие объема и интенсивности предлагаемых двигательных нагрузок физическому состоянию занимающихся;
- разумная дозировка поощрений и требований к обучающимся;
- смена видов деятельности на учебных занятиях по физической подготовке.

Последовательность реализации:

- выявление арсенала средств, применяемых в физической подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России (сделано в процессе проведения констатирующего этапа опытно-экспериментальной работы);
- установление физиологической направленности упражнений, имеющих место в учебном процессе по физической подготовке обучающихся и, на этой основе, объединение их (упражнений) в группы (сделано в ходе констатирующего педагогического эксперимента);
- определение содержания учебных занятий по физической подготовке курсантов и слушателей мужского и женского пола по их (занятий) физиологической направленности;
- применение оздоровительно-развивающих педагогических воздействий, позволяющих повысить компоненты физического состояния обучающихся.

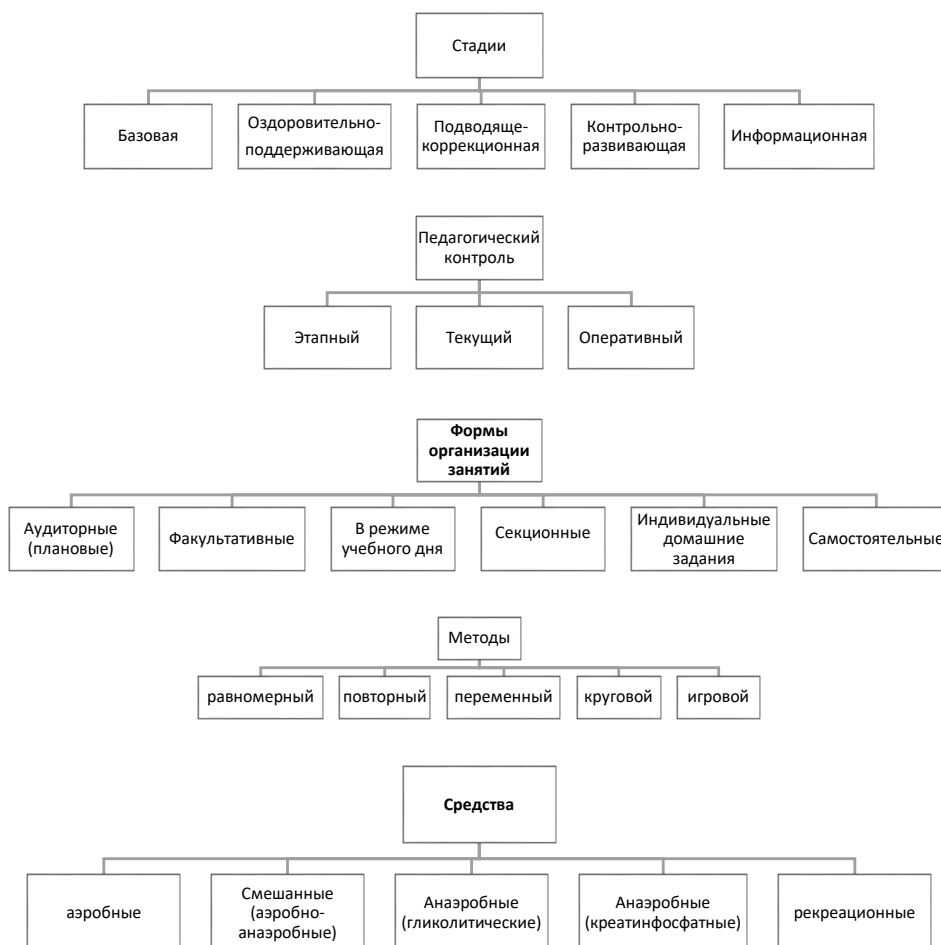

Рис. 3. Блок-схема педагогической технологии физической подготовки в развитии компонентов физического состояния обучающихся

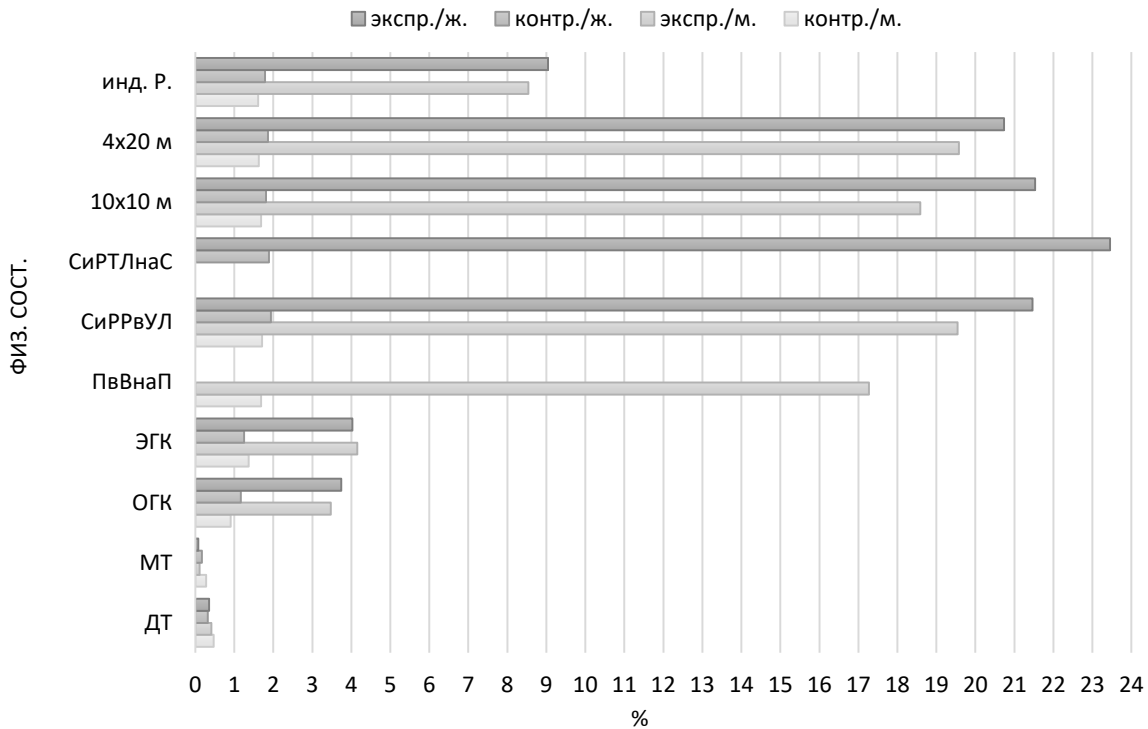

Рис. 4. Интенсивность прироста показателей физического состояния курсантов мужского и женского пола по окончании базовой стадии преобразующего педагогического эксперимента

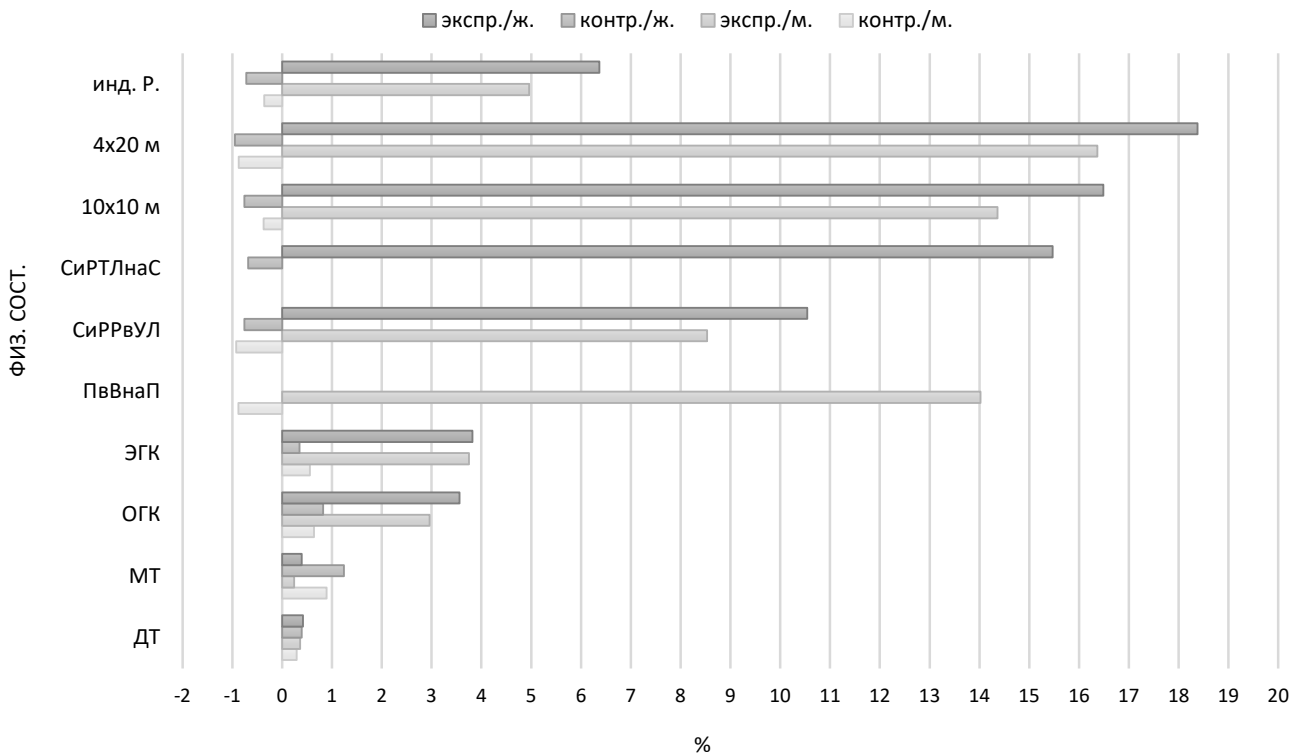

Рис. 5. Интенсивность прироста показателей физического состояния курсантов мужского и женского пола по окончании оздоровительно-поддерживающей стадии преобразующего педагогического эксперимента

ганизации для предоставления отчета по практике, с оперативным внесением (если необходимо) коррекции величины воздействия предлагаемых средств аэробной, смешанной, гликолитической, рекреационной направленности через применение равномерного, игрового, кругового методов подготовки. Результаты, полученные по окончании третьей стадии (рис. 6),

были аналогичны результатам второй стадии: в физическом развитии отмечены положительные изменения в обеих группах, а двигательная подготовленность и функциональное состояние было выше в экспериментальных группах, по сравнению с группами контрольными, при статистически достоверных различиях.

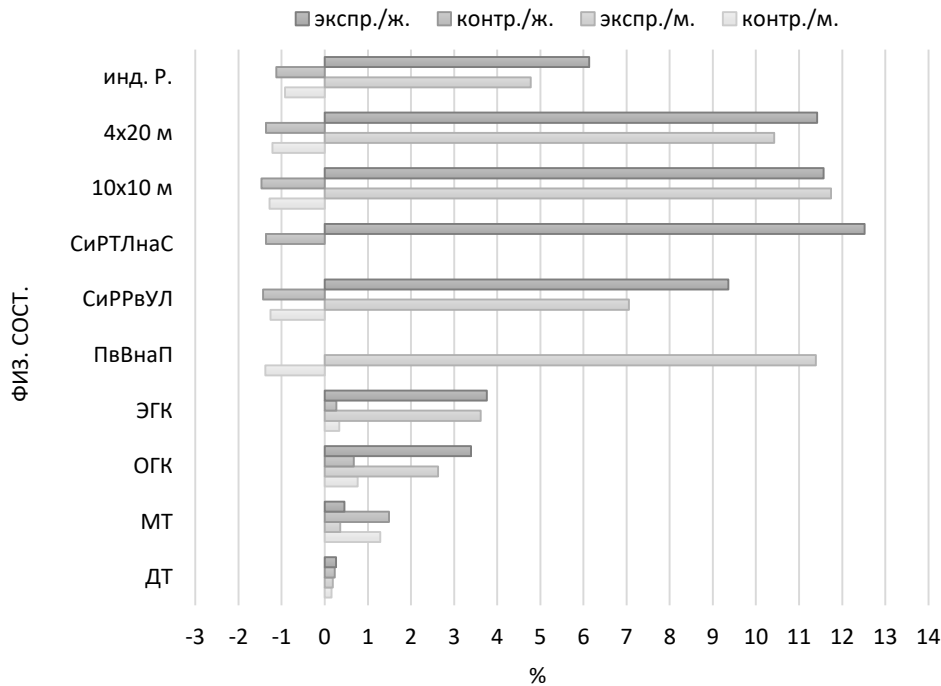

Рис. 6. Интенсивность прироста показателей физического состояния курсантов мужского и женского пола по окончании подводяще-коррекционной стадии преобразующего педагогического эксперимента

Контрольно-развивающая или четвертая стадия предполагала целенаправленное введение в учебный процесс по физической подготовке упражнений различной физиологической мощности для повышения результатов контрольных измерений физической подготовленности и функционального состояния младших офицеров полиции мужского и женского пола образовательных организаций МВД России. Этапный педагогический контроль осуществлялся в начале и по окончании стадии. Применялись следующие формы занятий: аудиторные, факультативные, секционные, самостоятельные, занятия в режиме учебного дня и индивидуальные домашние задания. Через реализацию повторного, переменного, кругового, игрового методов, в занятия включались средства аэробной, смешанной, анаэробной гликолитической, анаэробной креатинфосфатной и рекреационной направленности. Определены положительные изменения (рис. 7), как в контрольных, так и в экспериментальных группах, однако у последних динамика двигательной подготовленности и функционального состояния была статистически достоверно выше.

Пятая (информационная) стадия позволяла на основе представленной от выпускников информации, оценить наличие «следовых» процессов при сдаче контрольных нормативов по общей физической подготовке после первой проверки в статусе сотрудника территориального подразделения внутренних дел. Из сообщений, полученных от выпускников, входящих в состав экспериментальных групп, выявлено, что все сдали контрольные нормативы, достигнув минимально-достаточного уровня общей физической

подготовленности и были допущены к следующему этапу – выполнению заданий боевого раздела физической подготовки.

Заключение. Реализация педагогической технологии физической подготовки в развитии компонентов физического состояния курсантов и слушателей мужского и женского пола образовательных организаций МВД России, позволила выявить ее высокую эффективность, получившую отражение в повышении уровня двигательной подготовленности и функционального состояния обучающихся, что позволяет рекомендовать ее внедрение в учебный процесс по физической подготовке.

Список источников

1. Бабкин А. Е. Технология планирования физической и технико-тактической подготовки команды по мини-футболу при туровой организации соревнований : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Е. Бабкин. М., 2004. 24 с.
2. Белый К. В. Технология обучения маневрированию в соревновательных поединках спортсменов киокусинкай : автореф. дис. ... кан. пед. наук / К. В. Белый. М., 2019. 25 с.
3. Бисеров В. В. Основные термины физической культуры и спорта: учебное электронное текстовое издание (учебное пособие) / В. В. Бисеров, Т. Л. Бойцова. Екатеринбург, 2009. 78 с.
4. Будко М. А. Педагогическая технология регулирования двигательной активности детей младшего школьного возраста в образовательной среде : автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. А. Будко. Калининград, 2015. 24 с.

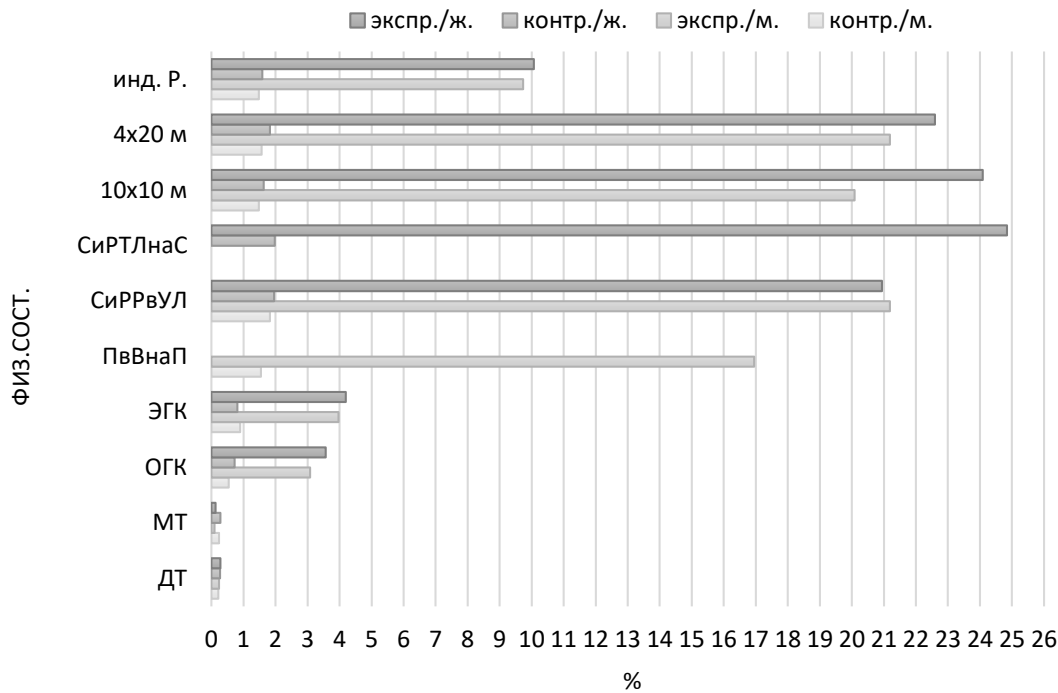

Рис. 7. Интенсивность прироста показателей физического состояния курсантов мужского и женского пола по окончании контрольно-развивающей стадии преобразующего педагогического эксперимента

5. Бухтеева Е. В. Личностно-ориентированная технология самостоятельных занятий физическими упражнениями в домашних условиях на поликлиническом этапе кардиореабилитации : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. В. Бухтеева. Смоленск, 2015. 21 с.

6. Вешнякова Ю. Ю. Технология разработки норм и требований раздела единой Всероссийской спортивной классификации по легкой атлетике для лиц с интеллектуальными нарушениями : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ю. Ю. Вешнякова. СПб., 2016. 25 с.

7. Горшков Ю. В. Технология решения конфликтных ситуаций в процессе обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ю. В. Горшков. Малаховка, 2013. 26 с.

8. Дмитриев И. В. Организация самостоятельной работы студентов, с использованием информационных технологий в преподавании спортивно-педагогических дисциплин : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. В. Дмитриев. СПб., 2011. 24 с.

9. Дорохов Р. Н. Нетрадиционный подход к совершенствованию физических возможностей подрастающего поколения / Р. Н. Дорохов, А. А. Зайцев, Г. Н. Ким, А. Р. Дорохов, С. А. Сергиенков, А. Я. Адрахманов // Спорт. Олимпизм. Гуманизм : межвузовский сборник научных трудов. Смоленск, 1994. С. 21–25.

10. Зайцев А. А. Использование методов кластерного анализа при определении уровня физической подготовленности курсантов и слушателей ВУЗов МВД России / А. А. Зайцев // Совершенствование системы профессиональной подготовки кадров в ОВД:

материалы межвузовской научно-практической конференции. М., 2003. С. 55–57.

11. Зайцев А. А. Диагностические и статистические методы как компонент учебного процесса по физической подготовке курсантов образовательных организаций системы МВД России / А. А. Зайцев // Вестник экономической безопасности. М., 2018. № 4. С. 279–282.

12. Зайцев А. А. Функциональное состояние курсантов образовательных организаций МВД России / А. А. Зайцев // Вестник экономической безопасности. М., 2020. № 2. С. 321–327.

13. Зайцев А. А. Изменение общей физической работоспособности курсантов образовательных организаций МВД России / А. А. Зайцев // Интеграция науки и практики в единоборствах : материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с участием иностранных представителей, посвященной памяти заслуженного мастера спорта, заслуженного тренера СССР, профессора Е. М. Чумакова (Россия, Москва, 14 февраля 2020 года). М. : Лица, 2020. С. 84–91.

14. Зайцев А. А. Динамика показателей, определяющих уровень развития силовой выносливости у обучающихся в образовательной организации МВД России / А. А. Зайцев, А. В. Щукин // Вестник экономической безопасности. М., 2021. № 6. С. 306–310.

15. Зайцев А. А. Динамика показателей, определяющих уровень развития силовой выносливости у обучающихся в образовательной организации МВД России / А. А. Зайцев, А. В. Щукин // Вестник экономической безопасности. М., 2022. № 1. С. 116–121.

16. Зенкевич В. В. Управление спортивными командами центрального спортивного клуба внутренних войск МВД России на основе современных информационных технологий : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. В. Зенкевич. СПб., 2012. 24 с.

17. Разницын В. А. Влияние особенностей телосложения на изменение двигательной выносливости у курсантов женского пола образовательных организаций МВД России / В. А. Разницын, А. В. Щукин // Интеграция науки и спортивной практики в единоборствах: материалы XVI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного мастера спорта СССР, профессора Е. М. Чумакова (Россия, Москва, 15 февраля 2019 года). М. : Лика, 2019. С. 199–206.

18. Разницын В. А. Динамика быстроты у курсантов-женщин образовательных организаций министерства внутренних дел России / В. А. Разницын, А. Н. Таланцев // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». 2019. № 10 (176). С. 291–295.

19. Разницын В. А. Изменение скоростных способностей у курсантов женского пола различных годов обучения образовательных организаций МВД России в течение учебного года / В. А. Разницын, Д. А. Платонов, А. А. Сысоев // Психология обучения. М., 2020. № 3. С. 26–31.

20. Разницын В. А. Изменение силовых способностей слушателей женского пола образовательных организаций МВД России различных типов телосложения / В. А. Разницын, С. В. Юдин, А. В. Портнов // межрегиональный сборник научных трудов по проблемам интегративной и спортивной антропологии «Дети, спорт, здоровье» (Выпуск 16), посвященный памяти доктора медицинских наук, профессора Р. Н. Дорохова. Смоленск : СГАФКСТ, 2020. С. 113–118.

21. Разницын В. А. Индивидуальное развитие и силовые способности курсантов и слушателей женского пола образовательных организаций МВД России / В. А. Разницын, П. Ф. Ежов // Современные тенденции развития теории и методики физической культуры, спорта и туризма: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Малаховка : МГАФК, 2020. С. 250–256.

22. Хромов В. А. Сравнительная характеристика показателей окружности грудной клетки и жизненной емкости легких курсантов мужского и женского пола первого года обучения образовательных организаций МВД России / В. А. Хромов, А. А. Зайцев, В. А. Раз-

ницын // Вестник экономической безопасности. М., 2016. № 2. С. 377–381.

References

1. Babkin A. E. Technology of planning physical and technical-tactical training of the mini-football team in the tour organization of competitions : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / A. E. Babkin. M., 2004. 24 p.

2. Bely K. V. Technology of maneuvering training in competitive duels of kyokushin athletes : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / K. V. Bely. M., 2019. 25 p.

3. Biserov V. V. Basic terms of physical culture and sports: educational electronic text edition (textbook) / V. V. Biserov, T. L. Boitsova. Yekaterinburg, 2009. 78 p.

4. Budko M. A. Pedagogical technology of regulation of motor activity of children of primary school age in the educational environment : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / M. A. Budko. Kaliningrad, 2015. 24 p.

5. Bukhteeva E. V. Personality-oriented technology of independent physical exercises at home at the polyclinic stage of cardiorehabilitation : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / E. V. Bukhteeva. Smolensk, 2015. 21 p.

6. Veshnyakova Yu. Yu. Technology of development of norms and requirements of the section of the unified All-Russian sports classification in athletics for persons with intellectual disabilities : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / Yu. Yu. Veshnyakova. SPb., 2016. 25 p.

7. Gorshkov Yu. V. Technology of solving conflict situations in the process of training cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / Yu. V. Gorshkov. Malakhovka, 2013. 26 p.

8. Dmitriev I. V. Organization of independent work of students using information technologies in teaching sports and pedagogical disciplines : abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / I. V. Dmitriev. SPb., 2011. 24 p.

9. Dorokhov R. N. An unconventional approach to improving the physical capabilities of the younger generation / R. N. Dorokhov, A. A. Zaitsev, G. N. Kim, A. R. Dorokhov, S. A. Sergienkov, A. Ya. Adrakhmanov // Sport. Olympism. Humanism : interuniversity collection of scientific papers. Smolensk, 1994. P. 21–25.

10. Zaitsev A. A. The use of cluster analysis methods in determining the level of physical fitness of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Zaitsev // Improving the system of professional training of personnel in the Department of Internal Affairs: materials of the interuniversity

scientific and practical conference. M., 2003. P. 55–57.

11. Zaitsev A. A. Diagnostic and statistical methods as a component of the educational process for the physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Zaitsev // *Bulletin of Economic Security*. M., 2018. No. 4. P. 279–282.

12. Zaitsev A. A. Functional state of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Zaitsev // *Bulletin of Economic Security*. M., 2020. No. 2. P. 321–327.

13. Zaitsev A. A. Change in the general physical performance of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Zaitsev // *Integration of science and practice in martial arts: materials XIX All-Russian Scientific and Practical Conference with the participation of foreign representatives dedicated to the memory of the Honored Master of Sports, Honored Coach of the USSR, Professor E. M. Chumakov (Russia, Moscow, February 14, 2020)*. M. : Lika, 2020. P. 84–91.

14. Zaitsev A. A. Dynamics of indicators determining the level of development of strength endurance among students in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Zaitsev, A. V. Shchukin // *Bulletin of Economic Security*. M., 2021. No. 6. P. 306–310.

15. Zaitsev A. A. Dynamics of indicators determining the level of development of strength endurance among students in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Zaitsev, A. V. Shchukin // *Bulletin of Economic Security*. M., 2022. No. 1. P. 116–121.

16. Zenkevich V. V. Management of sports teams of the central sports club of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the basis of modern information technologies : autoref. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / V. V. Zenkevich. SPb., 2012. 24 p.

17. Raznitsyn V. A. The influence of physique features on the change of motor and coordination endurance in female cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. A. Raznitsyn, A. V. Shchukin // *Integration of Science*

and sports practice in martial Arts: materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical conference with international participation dedicated to the memory of the Honored Master of Sports of the USSR, Professor E. M. Chumakov (Russia, Moscow, February 15 2019). M. : Lika, 2019. P. 199–206.

18. Raznitsyn V. A. Dynamics of speed among female cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. A. Raznitsyn, A. N. Talantsev // *Scientific and theoretical journal «Scientific notes of the P.F. Lesgaft University»*. 2019. No. 10 (176). P. 291–295.

19. Raznitsyn V. A. Change in speed abilities of female cadets of various years of study of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia during the academic year / V. A. Raznitsyn, D. A. Platonov, A. A. Sysoev // *Psychology of Learning*. M., 2020. No. 3. P. 26–31.

20. Raznitsyn V. A. Changing the power abilities of female students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia of various body types / V. A. Raznitsyn, S. V. Yudin, A. V. Portnov // *Interregional collection of scientific papers on the problems of integrative and sports anthropology «Children, sports, health» (Issue 16), dedicated to the memory of Doctor of Medical Sciences, Professor R. N. Dorokhova*. Smolensk : SGAFKST, 2020. P. 113–118.

21. Raznitsyn V. A. Individual development and strength abilities of cadets and female students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. A. Raznitsyn, P. F. Yezhov // *Modern trends in the development of theory and methodology of physical culture, sports and tourism: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Malakhovka : MGAFK, 2020. P. 250–256.

22. Khromov V. A. Comparative characteristics of indicators of chest circumference and lung capacity of male and female cadets of the first year of study of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. A. Khromov, A. A. Zaitsev, V. A. Raznitsyn // *Bulletin of Economic Security*. M., 2016. No. 2. P. 377–381.

Информация об авторе

А. В. Щукин – старший преподаватель кафедры физической подготовки УНК СП Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. V. Shchukin – Senior Lecturer of the Department of Physical Training of UNK SP of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication 15.08.2022.